

---

# ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

---

К. К. СУЛТАНОВ

## САМОДОСТАТОЧНОСТЬ МНОГООБРАЗИЯ ИЛИ ДИАЛОГ РАЗЛИЧИЙ?

(В ПОИСКАХ НОВОЙ МОДЕЛИ МЕЖЛИТЕРАТУРНОГО И  
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)

---

Кризис национально-культурной идентичности в советскую эпоху трансформировался в кризис межкультурной коммуникации в эпоху постсоветскую. Концепт «единство многообразия», издавна присутствовавший в мировом гуманитарном дискурсе, оказался на периферии научных интересов как заложник былых идеологических коннотаций. В литературоведческой практике семантический разрыв между этнокультурным и коммуникативным подходами обернулся сужением анализа смысловой многомерности художественного произведения. Смена общественно-политических контекстов и нарастающий методологический спрос на полноту описания культурной и литературной динамики требуют переоткрытия принципа диалогического взаимодействия в условиях постсоветской культурной диверсификации. Методологически значимым может считаться вывод о необходимости проблематизировать межкультурный диалог как ресурс самоидентификации и генератор обновляющихся смыслов. Автор исходит из того, что идея диалогизма нуждается не столько в том, чтобы постулировать в очередной раз ее аксиоматичность, сколько в инновационном импульсе на конкретном литературном и историко-культурном материале.

**Ключевые слова:** диалогический принцип, самоидентификация, культурная уникальность, интеграция различий, коммуникативность, интегрирующие ценности.

---

В отечественном дискурсе популярна метафора «цивилизационного бульона» применительно к постсоветскому пространству. Одна из возможных расшифровок все еще кипящего «бульона» видится такой: мы пребываем в транзите между девальвированной «дружбой народов» или советским мультикультурным проектом, обанкротившимся по причине идеологической передозировки, и возможным переоткрытием в новых условиях, в ситуации нарастающей культурной диверсификации онтологического принципа межкультурного взаимодействия.

Стоит напомнить, что развенчание «дружбы народов», однозначно воспринятой как идеологический конструкт, обернулось выпадением из дискурсивной практики самого концепта «единство многообразия», издавна присутствовавшего в мировом гуманитарном знании от Платона («единое множественно» и «многое едино» – из диалога «Парменид»<sup>1</sup>)

---

<sup>1</sup> Платон. 1970. С. 407.

до Вильгельма фон Гумбольдта с его «многообразием и единством»<sup>2</sup> и Иммануила Канта, размышлявшего «о том способе, каким разум должен сочетать величайшее многообразие в порождениях с величайшим единством происхождения»<sup>3</sup>.

Если вспомнить классические определения «concordia discors» (единство несходного), «e pluribus unum» (единое из многого), то они не предполагали недооценку или отказ от фактора самобытности и различия, но отсылали к тому, что несходное, оставаясь несходным, тяготеет в силу внутренне мотивированного развития к единству – назовите его надэтническим уровнем, сферой культурных универсалий или пространством «мировой литературы».

Сегодня ссылки на диалог стали неизменным атрибутом культурной рефлексии, но чаще всего он предстает в аксиоматической роли культурного трюизма, риторической фигуры или, как выразился философ А.М. Пятигорский, «коммуникационной затычки». Особенно популярна артикуляция диалога как эвфемизма, прикрывающего доминирование того или иного экономического или политического интереса.

В литературоведческой практике, ориентированной на статичную, не сопряженную с коммуникативностью модель поиска и обнаружения преимущественно этнокультурных детерминаций, диалог фактически превратился в «спящую» категорию, воспринятый как псевдоним «дружбы народов» или остаточная идеологема, восходящая к былому интернационализму. Столь характерная для постсоветского сознания проблема ментальной и культурной самоидентификации приобрела ярко выраженное диахроническое измерение, существенно изменившее тональность разговора о национальной культуре и литературе. Артикуляция воспроизводимого «местного колорита» привлекала адептов «этнолитературоведения» как самоцель, абстрагированная от восприятия текста в его целостности и художественной результативности. Дихотомия «свой-чужой» не декларировалась, но непременно присутствовала как фоновое знание в размышлениях об этнической идентичности, воспринимаемой как «бытие-в-себе и для себя». За скобками оставался вопрос о литературоведческом модусе описания воплощенных в произведении этнокультурных реалий, превалирующего над осмыслением их функциональной роли и места в многомерной художественной структуре. Эти реалии, как правило, опознавались, но не осмыслились в их жанрово-стилевой функциональности, в системе внутритекстовых связей и

---

<sup>2</sup> Гумбольдт. 1985. С. 373.

<sup>3</sup> Кант. 1966. С. 73.

сцеплений, в которой ни один компонент внутренней организации текста не может быть понят иначе, чем в соотношении с другими компонентами.

Избыточность этнокультурных коннотаций, определяя направленность и характер реконструкции текста, фактически дезавуировала собственно эстетические критерии и восприятие его потенциальных смысловых интенций. Тем самым нивелировалась эпистемологическая ценность дискурса, освобожденного от соотношенности этнокультурного проекта в его литературоведческой версии с тем, что В.Н. Топоров называл резонантным полем культуры, с проблематикой аккультурации, межкультурной коммуникации. Кризис национально-культурной идентичности в советскую эпоху трансформировался в кризис межкультурной коммуникации в эпоху постсоветскую, одним из проявлений которого стало угасание интереса друг к другу.

Если литературное сознание, по Г.Г. Шпету, «определяется как сознание национальное, т.е. не неопределенно-этническое сознание, а именно национально-историческое...»<sup>4</sup>, то логичным представляется отказ от узко и статично понятой идентичности, детерминированной исключительно этнической спецификой.

Когда мы говорим об идентичности, то предполагается целенаправленное внимание к сфере ценностных, поведенческих, психологических ориентаций, семантических и символических форм, к системе этических норм, предопределяющих самоощущение, самопознание человека как члена определенного этнического сообщества. Искомую формулу дал толстовский Хаджи-Мурат, который на вопрос о бале у кавказского наместника ответил: «у каждого народа свои обычаи. У нас женщины так не одеваются». И сослался на пословицу как безошибочный индикатор продекларированной специфики («угостила собака ишакка мясом, а ишак собаку сеном, – оба голодные остались»), после которой вновь повторил: «всякому народу свой обычай хорош».

Современная трактовка идентичности не может, однако, ограничиваться представлением об автаркической самобытности, устойчиво и преимущественно соотношенной с культурными архетипами, оставляя за скобками ее динамичность, процессуальность, культурную взаимопроницаемость, когда самоутверждение в «своем» входит в сплав с открытостью навстречу «чужому». Динамическая модель самоидентификации концептуально связана и с тем, что называют культурным пограничьем, формируясь не только в координатах ментальной и этнической детерминированности, но и в точках соприкосновения различных культур, в

---

<sup>4</sup> Шпет. 2002. С. 1136.

пространстве «пересекающихся культурных кодов» (М.Л. Гаспаров) и обновляющихся смыслов. Речь идет об интегральной идентичности, сопрягающей верность базовым оснований национальной характерности и восприимчивость к «иному» не как абсолютно чужому.

Самобытность национальной культуры, чтобы остаться таковой, требует коммуникативного пространства. Иначе говоря – нет идентичности вне контекста коммуникативности, нет диалога вне контекста самоидентификации. Постперестроечная методологическая ситуация отличалась двойственностью: это был, с одной стороны, период плодотворной филологической, культурологической самоактуализации и, если брать шире, национально-культурного оппонирования любым формам унификации и четко артикулированной «национальной сопричастности», которая «остается “нерастворимой” реальностью даже в историческую эпоху глобализации»<sup>5</sup>. Но, с другой, семантический разрыв между этнокультурным и коммуникативным подходами оставлял неотрелесксивованным тот факт, что национальная культура в своем эволюционном развитии идентифицирует себя и как место встречи культур.

Национально-литературная диахрония заметно потеснила синхронную типологических, не сводимых только к фактору генетического родства, сопоставлений, о важности которых в свое время говорил В.М. Жирмунский: «...те, кто думает возвысить свою родную литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на “блестящую изоляцию”, а на провинциальную узость и “самообслуживание”»<sup>6</sup>. Характерна ссылка на «блестящую изоляцию», которая гипотетически представлялась возможной, но в реальной культурной практике неизбежно оборачивалась «провинциальной узостью» и «самообслуживанием».

Показательно совпадение методологических установок русского ученого и его современника, немецкого филолога Э. Ауэрбаха, который в работе «Филология мировой литературы» отмечал: «...В высшей сте-

---

<sup>5</sup> См.: Гумбрехт. 2009.

<sup>6</sup> Жирмунский. 1979. С. 71. Другая работа ученого – «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения» – содержит поучительный пример историко-типологического сближения литератур, несопоставимых по генетической родословной и национально-культурным основаниям. Сопоставляя поэмы Низами, созданные на фарси в XII веке, с произведениями его французского современника Кретьена де Труа, исследователь поставил вопрос о типологии «стихотворных романов куртуазного типа как произведений одного жанра и одной исторической эпохи» при отсутствии «прямых заимствований с той или с другой стороны». Независимо друг от друга на Востоке и на Западе произошло «поэтическое оформление новой идеологии рыцарского общества». (Там же. С. 40).



пени ценным и необходимым достоянием филолога еще являются язык и культура его народа; однако они становятся действенными только тогда, когда удастся изъять их из обособленности и преодолеть их самодовление». Акцентируется мысль о «взаимном обогащении за счет разнообразия», о насущной необходимости «...удержать и укрепить сознание судьбоносной взаимосвязи между отдельными народами»<sup>7</sup>. При таком понимании коммуникативная функция выступает как имманентное свойство литературной динамики и не может быть всецело отнесена к сфере периодически возникающих тем или иных внешних «влияний».

Когда мы обращаемся к «диалогу» как одной из ключевых категорий гуманитарного знания, то имеем в виду нарастающий методологический спрос на полноту описания исторической динамики национальной литературы, на преодоление односторонности ради сбалансированности синхронного и диахронного аспектов изучения, ради насущно необходимой контаминации парадигматики и синтагматики.

Мысль о целостности национальной литературы как «литературно-историческом уровне, на котором задается и оправдывается смысл литературного развития», последовательно проведена в теоретико-методологических трудах А.В. Михайлова. Он соотносил принцип целостности с представлением о «круге, в котором соопределяются пласты литературной истории» или «горизонте, в котором все ...понятия получают определенность», а в работе «Методы и стили литературы» писал о действующей в теле литературы «интерференции, создающей густую сеть отношений – взаимозависимостей, взаимоотражений»<sup>8</sup>.

Понятно, что такая трактовка целостности несколько не дезавуирует антиномичность живого литературного развития, внутрилитературные смысловые коллизии. Целостная характеристика базируется на признании того, что каждая литература – сложно организованная система, создаваемая полифоничностью конкурирующих художественных идей, постоянством диалогического взаимодействия креативных и репродуктивных тенденций как органической предпосылки творческого спора с традицией внутри этой традиции.

Если раньше «единство многообразия» трактовалось исключительно как идеологически монолитный союз национально-литературных своеобразий, то сегодня уместно говорить о «единстве многообразия» каждой, отдельно взятой литературы как пространства напряженного взаимодействия различных культурных кодов.

---

<sup>7</sup> Ауэрбах. 2004. С. 128.

<sup>8</sup> Михайлов. 2008. С. 55.

Нынешняя многофакторность литературоведческого анализа, переполненного идентификационными отсылками к вопросам этно- и культурогенеза, инспирирована усложнением представлений о базисных основаниях национального художественного развития, о формировании литературы как опыта переживания и отстаивания культурной и исторической субъектности в его непрерывности и преемственности. В то же время эта характеристика ориентирована на диалогический принцип, воспринимаемый как содержательный фактор внутрилитературной эволюции, ресурс идентичности и катализатор творческих смыслов.

В статье «Вавилонская башня и смешение языков» Н.С. Трубецкой квалифицировал «духовное обезличение» как обязательное условие «гносного подлога», который может выдаваться за «братство народов». Как лес возможен при наличии составляющих его деревьев, так и межлитературное взаимодействие возможно, если оно позиционирует себя как встреча особенного с особенным. Трубецкой не оперировал понятиями «идентичность» и «самоидентификация», предпочитая говорить о «культурной самобытности» как «корреляте национального самопознания» и последовательно выступая против «отрицания равноценности народов и культур» и претензий «нивелирующего культуртрегерства»<sup>9</sup>.

Современный литературоведческий дискурс должен быть ориентирован в равной мере на приоритетность национально-литературной конкретики и на востребованность широко понятой контекстуальности. Переоткрытие принципа диалогического взаимодействия, изъятая из идеологической предзаданности, предполагает сущностную взаимодополняемость этнокультурной тождественности и фактора притяжения-отталкивания разнонациональных литературных традиций. Интегрирующий подход означает не взгляд с колокольни или с высоты птичьего полета на многоликий литературный ландшафт, не сведение этой многоликости к общему знаменателю по аналогии с советским «единством многообразия», а такое осмысление конкретно-национального своеобразия литературных явлений, самого феномена культурной инаковости, которое тяготеет не столько к абсолютизации различия как такового, сколько к открытию *всеобщности особенного* в диалоге идентичностей.

Призыв В.С. Библера понять диалог «как определение гуманитарного мышления, взятого в его всеобщности»<sup>10</sup> означает, что это мышление по определению насквозь диалогично, формируясь на пересечении смыслов, на чуткости к встречным движениям, на преодолении чуждо-

---

<sup>9</sup> Трубецкой. 2007. С. 456, 168.

<sup>10</sup> Библер. 1991. С. 300.

сти и открытия (как это случилось с толстовским Хаджи-Муратом) «особенной красоты чуждой ему народности».

Гуманитарно мыслить значит отказываться чуждости или отчужденности в онтологическом статусе, связывая их только с качеством и направленностью интерпретации. Вот один из литературных примеров подтверждающих неожиданные последствия категоричной и потому ложной трактовки. Лермонтовские черкесы пережили потрясение, когда на теле убитого Измаил-Бея, когда-то награжденного за героизм Георгиевским крестом 4-й степени, увидели «белый крест на ленте полосатой». Легко представить их ужас: крест на шее правоверного мусульманина мгновенно превращал его в глазах соплеменников в вероотступника и «джяура проклятого». Слишком высокой оказалась цена вспыхнувшей эмоциональной реакции на боевую награду: поспешная и неверная интерпретация обернулась непреодолеваемой отчужденностью.

Гуманитарное мышление исходит из того, что отличимость – условие коммуникативной связи, а ее непроявленность лишает диалог содержательного смысла. Взятая в своей всеобщности современная гуманитарная мысль призвана справляться с культурными различиями, неизбежными в полиэтничной стране. Но беда или вина наша сегодня в том, что мы перестаем их адекватно воспринимать, в том числе и как предпосылку межкультурного собеседования. Из стимула взаимного интереса и интегрирующих ценностей они становятся камнем преткновения, фактором раздражения, заведомо исключаящим какой-либо взаимопреобразующий диалог. Однако различие или отличимость, приверженность иной системе ценностей не может быть поводом для восприятия той или иной национальной культуры как заведомо чуждой, для посягательства на культурную инаковость, Как тут не вспомнить чеховского героя, который редко видел немцев, не читал немецкие книги, но твердо знал, что всё зло от немцев...

История русско-кавказских культурных связей подтверждает, что в российском цивилизационном контексте переживание встречи с другой культурой воспринималось как не менее значимый ресурс самобытности, чем этнокультурная характерность. Идею межнационального согласия и взаимного притяжения разнонациональных культур как государственную сформулировал в 1933 г. Г.П. Федотов в парижском докладе о национализме: «Если Россия будет подлинно “своим домом” для всех народов, входящих в состав ее, она снова может быть великой и цельной, – в противном случае ей грозит окончательное распадение»<sup>11</sup>.

---

<sup>11</sup> Федотов. 2011. С. 125.

Кавказские советские поэты любили прибегать к метафоре двух крыльев птицы или двух струн одного пандура, имея в виду родные пенаты и большую Россию. Они писали об этом как о навсегда данном «союзе нерушимом». Жизнь распорядилась иначе: оказалось, что и крыло может ослабеть, и струна порваться. Без обновляющихся усилий, без ежедневно подтверждаемой готовности и решимости жить вместе в одном доме птица не взлетит, а пандур останется безмолвным...

Проблема культурного многообразия, столь важная для судеб многонационального государства, неоднократно остро дискутировалась и в дореволюционной печати (назову хотя бы работу Н.Д. Красильникова «Роковая ошибка в политике русского правительства и русского общества»), и в XX веке. Сторонники ускоренной унификации фактически предлагали катком нивелировки пройти по культурам малочисленных народов, но, если брать по большому счету, историческая Россия избрала иной и куда более перспективный путь сохранения национально-культурных миров, той «многозвучности», которая «не умаляла, но повышала ее славу», о чем писал тот же Г. П. Федотов в статье под выразительным названием «Будет ли существовать Россия?» (1929).

Недавно в Институте мировой литературы РАН состоялась защита диссертации о несказочной прозе теленгитов – небольшой алтайской народности численностью в 2300 человек, не утратившей свое богатое фольклорное наследие. Она сохранилась, продолжает жить вопреки неутешительным прогнозам: согласно атласу Юнеско 2500 языков из 6500 существующих обречены на исчезновение.

Однако очевидная, казалось бы, и органичная для России концепция «дома для всех народов» оспаривается – вот, например, предложенный «Московским комсомольцем» рецепт выхода из кавказского тупика: «Самый простой: уйти с Кавказа совсем. Сбросить его, как усталая лошадь сбрасывает тяжелый тюк. Выстроить стену, аналогичную берлинской». В статье Н.Г. Козина в журнале «Вопросы философии», проблематика идентификации современного человека развернута преимущественно в мононациональном измерении. Но коль скоро речь идет о полиэтнической стране, какой была, есть и будет Россия, то резонно хотя бы сослаться на конституционный принцип межнационального согласия и межкультурного диалога. Только однажды, да и то в негативном контексте, упомянут мультикультурализм, но зато много сказано об оккупированном сознании, о битве за свою историческую идентичность, о возвращении России в ее исторические границы. Смысловая quintэссенция авторских размышлений нашла свое выражение в призыве «пе-

рестать размазывать свое Я в многообразии культур»<sup>12</sup>. Подобная трактовка концепта «многообразия», представленного в роли фактора, ослабляющего и даже искажающего процесс самоидентификации, упрощает, на наш взгляд, представление не только о природе идентичности, но и о реальной многомерности российской действительности, настоятельно требующей куда более адекватного истолкования.

Проблема сосуществования разных культур приобрела в современном мире тревожную остроту, в связи с интенсивностью транскультурных и миграционных процессов, негативным эффектом несоответствия классическому идеалу терпимости, возникающего, как правило, в результате несостоявшегося взаимопонимания носителей разных этнокультурных традиций. Даже благополучные страны, сохранявшие традиционную верность принципу толерантности, не скрывают растерянности при столкновении с вызовами культурного разнообразия.

Всем памятно официальное европейское прощание с идеологией мультикультурализма. Английский премьер-министр заявил о назревшей необходимости «проснуться и осознать, что же происходит внутри наших границ». Авторы представленного Совету Европы в Стамбуле доклада «Жить вместе в Европе XXI века в условиях свободы и многообразия» проснулись и осознали взаимозависимость двух тенденций. Безусловно, процесс умножения разнообразия несет Европе массу проблем, в ряду которых назовем феномен «новой локальности», освободившей себя от необходимости адаптироваться к условиям страны проживания. Но, с другой стороны, видение угроз и рисков европейским ценностям лишено апокалиптических обертонов: авторы предпочитают видеть обновленную Европу «более уверенной в себе, принимающей и приветствующей многообразие идентичностей, а не избегающей его»<sup>13</sup>.

В интервью, опубликованном под заголовком «Диалог всегда находится в опасности», С. Аверинцев подчеркнул, что диалог – «это то, что ... всегда под угрозой, но без чего на самом деле обойтись невозможно». Характеризуя отсутствие диалога как «катастрофичное», он напомнил, что это слово «само по себе выражает золотую середину между изоляционизмом и всеобщей унификацией. Диалог предполагает, что собеседники различны, но, уважая свою личность, они одновременно уважают собеседника, выслушивают его и искренне пытаются понять»<sup>14</sup>. Именно эта философия диалога, символизирующая спаситель-

---

<sup>12</sup> Козин. 2011.

<sup>13</sup> Жить вместе в Европе XXI века... 2011.

<sup>14</sup> Аверинцев. 2001.

ную «золотую середину» и поиск взаимоуважительного компромисса, сегодня находятся «в опасности».

В ряде недавних публикаций приоритет различия утверждается через опровержение диалогического принципа как такового. Манифестация культурных различий или апология непроницаемости каждой национальной культуры/литературы, по-своему талантливо артикулируемая в статье А.М. Мелихова «Конфликт иллюзий», призвана обесценить самую идею диалогического взаимодействия и, следовательно, устранить фигуру собеседника – будь это конкретный читатель или иная культура/литература. Если во главу угла ставить «страх одной культуры перед другой», то можно назвать «соприкосновение культур» гибельным «как минимум для одной из них», а самим национальным культурам приписать свойство «остро разобщать нации». В том же ряду парадоксальных умозаключений находит свое место следующий вывод: чем лучше народы узнают друг друга, «тем сильнее раздражают друг друга»<sup>15</sup>. Авторское понимание «принципа взаимодействия культур» иначе, как обеднением их потенциальных возможностей не назовешь. Стоит ли гипертрофировать естественную дистанцированность культур друг от друга до такой степени, что условием их самосохранения становятся разрыв культурных связей и упразднение диалога, посягающего, якобы, на самобытность? Напомним и об исторических уроках – риторика самоизоляции неизбежно вовлекается в логику воспроизводства межнациональных и межкультурных конфликтов.

Беспорное достоинство статьи Мелихова – ее интеллектуальная провокативность, воспринимаемая как закономерная реакция на нынешнюю смысловую инфляцию понятия «диалог». Такие тексты побуждают от противного острее думать о необходимости *переоткрытия* диалога, возвращая ему сущностное значение и тем самым преодолевая тривиальность и инерционность словосочетания «межкультурный диалог» ради того, чтобы «удержать и укрепить сознание судьбоносной взаимосвязи между отдельными народами». На разных этапах возникала задача преодоления репродуктивной и инерционной эксплуатации как бы заведомой и застывшей безусловности диалогического принципа – достаточно вспомнить, как Г. Гадамер в докладе о речевом жанре утопии в «Государстве» Платона назвал Ф. Шлегеля и Ф. Шлейермахера переоткрывателями (не перво-, а именно переоткрывателями) диалогического принципа как «метафизической основной схемы познания истины»<sup>16</sup>.

---

<sup>15</sup> Мелихов. 2010.

<sup>16</sup> Цит. по: Густав Шпет и современная философия... С. 219-220.

Принципиально иным, если сравнивать с упомянутыми выше статьями, был ход размышлений Андрея Белого, посетившего Кавказ 84 года тому назад. Книгу путевых впечатлений «Ветер с Кавказа» он открыл словами: «Кавказу предстоит громадная социально-экономическая будущность». И продолжил: «Каждая местность имеет свой фокус; лишь став в нем, увидишь что-нибудь». Глаз художника безошибочно улавливал «местный колорит», не игнорируя различий и отдавая должное той же бараньей папахе, украшавшей горца (в тексте «бараньи, клокастые шапчищи»). Но мысль, инициированная встречей с Кавказом, обнаружила масштабность солидарного мышления, о дефиците которого приходится говорить сегодня. Переполненный новыми эмоциями и наблюдениями, А. Белый акцентирует прагматически ориентированный глагол «доработаться». Доработаться до восприятия – это не только разглядеть в вознесенном ввысь Казбеке «гигантский ритмический жест, данный в паузе неба и воздуха», но и приложить усилия, чтобы «увидеть единое в многом». Писательская оптика, изымая экзотику из обособленности, обнаруживает тоску по устранению преград между людьми и культурами. Тот же пафос преодолеваемой разобщенности нетрудно распознать в одном из ключевых авторских признаний: «...проживши три месяца, перед отъездом в Россию, – вздыхаешь: и здесь бы остаться, и там»<sup>17</sup>. Разрыв между «здесь» (Кавказ) и «там» преодолевается постоянно возобновляемой потребностью разглядеть «единое в многом».

Через четыре года после ярких южных впечатлений русского поэта и мыслителя увидела свет книга с не менее выразительным названием «Страна Прометей». Видный представитель евразийского движения, уроженец Моздока и послереволюционный эмигрант К.А. Чхеидзе наглядно сопоставил европейский и кавказский способы восприятия, обусловленные различными ментальными установками: «Если бы меня спросили, в чем состоит главная разница между психологией кавказца и психологией европейца, я бы сказал, что разница состоит в том, что у горца есть нечто, что он признает абсолютным и неизбылемым. А у европейца все подвержено сомнению и относительности. Но это отличие слишком глубокое и, так сказать, философическое. Есть еще много других отличий, из которых одно особенно бросается в глаза».

Далее описана сцена посещения европейского дома, из окна которого открывается вид «на тысячу дымящихся кровель». Увиденное желательнее откомментировать «шумным восторгом» и восклицаниями типа «замечательно, восхитительно» вопреки тому, что вы вдыхаете

---

<sup>17</sup> *Белый*. 1928. С. 5, 178.

«сложный состав бензина, копоти и пыли, называемый городским воздухом». Ваше молчание или недостаточная искренность могут быть восприняты как досадная и вызывающая невежливость. Совсем иначе, продолжает К.А. Чхеидзе, на Кавказе. Хозяин приглашает гостей выйти на балкон его дома, чтобы увидеть, «как садится солнце за Эльбрус». Следует описание «нестерпимого восторга», охватывающего наблюдателя: «миллион окровавленных ангелов с грозно поднятыми огненными мечами несется по вечернему небу». Но если вы не сдержали «вырывающийся крик», то вас могут принять «за особу, которая по роковой случайности носит на голове не платок, а папаху». Еще более неприемлемой была бы ваша попытка порассуждать «с ужимками» о красоте Эльбруса, однозначно превращающая вас в глазах гостеприимного горца в «слабонервного полудиота». Финальная авторская сентенция призвана прояснить фундаментальный смысл неординарной психологической реакции: «...предполагается, что каждый имеющий глаза – видит. И каждый, живущий под небом, понимает, что есть красота».

Перед нами развернутое и по-своему утрированное описание специфических типов рецепции, восходящих к определенным культурным традициям, к устоявшимся комплексам эмоциональных и ценностных предпочтений. Но эффектно продемонстрированная несовместимость поведенческих матриц, этнокультурных трафаретов не приобретает статус окончательного «приговора». Образ мира базируется на преодоленной маргинализации, опознавательным признаком которой могла бы стать самодостаточная констатация различий как таковых. Миропонимание и мирочувствование автора «Страны Прометея» явно взыскуют более объемного взгляда на вещи и иного мысленного горизонта. Книгу открывает череда вопросов: «Что такое культура? Что такое поле? Что такое «культурное поле»? Чем отличается культурное поле от дикого?». Отсутствие сдерживающих начал в борьбе за выживание, когда каждому кустарнику или дереву «кажется, что мир существует лишь для него...» – таковы дикое поле и девственный лес. Культурным или возделанным лес становится «после того, как между деревьями были установлены отношения взаимного признания права на жизнь...» и «счастье одного из них не строилось непременно на несчастье другого». Разница между дубом и березкой огромна, но «перед Небом они равнодостоинны в своем стремлении шириться, расти и цвести»<sup>18</sup>.

Не стоит при этом недооценивать другую сторону медали, если иметь в виду конфликтогенный потенциал глубинных культурных раз-

---

<sup>18</sup> Чхеидзе. 2004. С. 96, 97, 35, 36.



личий, которые могут оказаться не только фактором позитивной самоидентификации, но и источником соперничества культур или так называемой «войны идентичностей». Дуальная природа «различия» как конституирующего принципа национально-культурного самоопределения и гипотетического катализатора отчуждения досконально рассмотрена в книге проф. Йельского университета С. Бенхабиб «Притязания культуры». Исходя из того, что «пределы всеобщего уважения всегда испытываются различиями между нами...», автор в то же время отдает должное значению «прагматического императива, побуждающего нас понять один другого и вступить в межкультурный диалог». Развернутый тезис о современном «сообществе взаимозависимости» дихотомически связан со сквозной мыслью о том, что «мы становимся сами собой только потому, что отличаем себя от реального, а чаще – воображаемого «другого». Если формирование культур происходит «через противопоставления», то вопреки декларациям о взаимном уважении «нам не дано знать, чего потребует или что повлечет за собой такое уважение при столкновении с глубокими культурными противоречиями»<sup>19</sup>.

Фактически речь идет о неизбежности конфликта ценностей, предопределенного реальной глубиной культурных различий. Рассуждения Бенхабиб далеки самоцельной манифестации различий, но, воссоздавая расширяющийся контекст их взаимозависимости, она все-таки недооценивает возможную переводимость различия на язык диалогической, т.е. взаимопреобразующей общительности, отдавая излишне щедрую дань претензиям охранительного культурного традиционализма. Фактор обособленной самобытности или культивирования «особости» почти не соотнесен с вопросом о пределах автономизации различия. Из спектра смысловых интенций выпала процессуальность культурного различия, предрасположенного к трансформации в пространстве «коммуникативного действия» (Ю. Хабермас). Упускается базовая, онтологически значимая соотнесенность культурной множественности, основанной на приоритете различий, с общими основаниями человеческой культуры с уровнем всеобщего, с явленностью «сходства несходного».

Представление о диалоге как генераторе творческих смыслов стимулирует другой уровень понимания самобытности, которая перестает быть только объектом мемориального созерцания. Именно в межкультурном собеседовании историко-культурная уникальность отвоевывается у забвения, сохраняя открытость будущему. Этот процесс можно охарактеризовать как *самоактуализацию через диалог*, как открытие

---

<sup>19</sup> Бенхабиб. 2003. С. 44, 43, 9, 8, 14.

качества неизолированной локальности в приобщении к духу целого, закономерно возникающему в характеристике диалога: «форма речи, разговор, в котором *дух целого* (курсив наш – К.С.) возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия реплик» (из словаря «Культурология»). Субстанциональный аспект этой темы предельно лаконично обозначен в известном письме Л.Н. Толстого Н.Н. Страхову от 3 сентября 1892 г.: «чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее»<sup>20</sup>.

Признание «общего всем» как фундаментальной характеристики человеческого существования становится – при всем понимании роли фактора различия – тем основанием, которое позволяет постулировать совпадение культур как культур. «Различение, – пишет А.В. Смирнов, – это первый шаг к осмысленности, и он должен быть понят из себя самого... Нет двух похожих культур, как нет двух похожих людей. Но само это утверждение означает, что культуры принципиально схожи, иначе не было бы смысла их различать: мы же не говорим, к примеру, что люди и камни различны (такое утверждение истинно, но имеет мало смысла)»<sup>21</sup>.

Трактовка культуры как «способа сделать мир осмысленным» позволяет прояснить «общее всем» как метауровень или метаконтекст, в котором национальные культуры различаются как «разные варианты реализации универсального механизма смыслополагания».

Методологическая сложность издавна заключалась в сопряжении «неслиянности» или «отдельности» национальных культур и их же глубокой «нераздельности» применительно к конкретным историческим условиям, иначе говоря – в той диалектике веками формировавшегося межкультурного *взаимосодействия*, которая складывалась во взаимотяготении полюсов – «меж нами нет родства» и «меж нами есть родство», если вспомнить строки поэта А. Тарковского.

В советскую эпоху концепт «единство многообразия» отличался нескрываемым креном в сторону «единства» – за лесом часто не различали деревья. «Единство в различии», к которому апеллируют сегодня, нередко трансформируется в апологию различия – за деревьями не проглядывается лес. Дрейфующая диалектика «леса» и «деревьев» или «локального–регионального–общероссийского–мирового» колебалась под давлением очередной мировоззренческой «смены вех», но все-таки фундаментальное ядро сохранялось – сбережение этнокультурной множественности в непротиворечивой соотнесенности с культурными универсалиями, отсылающими к «общему» для всех.

---

<sup>20</sup> Толстой. Т. 66. С. 254.

<sup>21</sup> Смирнов // [www.intelros.ru/readroom/fg/fg\\_2/5489](http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_2/5489).

С позиции каждой национальной культуры, озабоченной самосохранением в усложняющемся мире, резонно отстаивать свои специфику и индивидуальность, не забывая о том, что именно они и являются подлинной предпосылкой межкультурного собеседования, взаимосближающего диалога. Перед нами феномен «концептуальной амбивалентности современного общества», описанный Хоми Баба в работах по постколониальной проблематике. Он подчеркивал, что «национальный нарратив есть место амбивалентной идентификации», усматривая в этой амбивалентности определенный тип «нарративной стратегии»<sup>22</sup>.

Концептуально амбивалентной предстает не только сфера национального, но и сама глобализация, будучи и вызовом национально-культурным мирам, и контекстом их функционирования. Недаром в ходу гибридный термин «глокализация», сопрягающий локальное и глобальное и отсылающий к амбивалентности актуализированных дихотомий «монологизм–диалогизм», «традиционалистское–инновационное», «мы–они», «свой–чужой», «локальное–глобальное». Современный диалог концептуально амбивалентен в том смысле, что выступает и как признание ценности разнообразия, права быть другим, и как форма снятия абсолютизации различия как такового – не различия, а его абсолютизации.

К числу наиболее интересных философских последствий глобализации видный социальный теоретик, автор книг «Культурная логика позднего капитализма», «Культурный сдвиг: избранные работы о постмодерне» Ф. Джеймисон отнес «потребность пересмотра пределов национальных культур и, следовательно, пересмотра самого феномена их взаимодействия»<sup>23</sup>. Настоятельной становится потребность в обновленном подходе и к понятию «национальная литература», суть которого не только в естественном отказе от ограничительных идеологических коннотаций, но и в выработке инновационного представления о «феномене взаимодействия» и новом диалогизме.

Национальная литературная классика, выдержавшая суд времени, символизирует воплощенность того, что в эпоху Просвещения называли «духом народа», соотнесенным с национально-возрожденческим процессом. Творческие открытия балкарца К. Мечиева, кабардинца А. Шогенцукова, лакца Э. Капиева, абхазца Б. Шинкуба воспринимаются, помимо собственно литературного значения, как сохраняющий свою актуальность опыт переживания и отстаивания культурной самоценности «духа народа». В то же время каждая крупная фигура национальной

---

<sup>22</sup> Хоми Баба. 2005. С. 79, 113, 70.

<sup>23</sup> Джеймисон. 2006.

литературы объективно оппонирует возможному культурному изоляционизму, преодолевая границы узко понятой идентичности, отсылая к общим основаниям человеческой культуры, к универсальному механизму смыслополагания.

Поиск «объективных закономерностей мирового литературного процесса», отмечал Ю.Б. Виппер, должен включать в себя опыт «так называемых “малых” литератур», которые «могут иногда выдвигать художественные ценности мирового значения и служить почвой для таких обобщений, без которых в наших представлениях об этом процессе существовали бы серьезные изъяны». И далее: «...такой подход помогает преодолеть одинаково односторонние и в научном отношении пагубные крайности как европоцентризма, так и востокоцентризма»<sup>24</sup>.

Классический литературный текст процессуален в том смысле, что на каждом новом витке исторического и культурного развития обнаруживает смысловую неизолированность от любого вновь возникающего контекста, без которой мы не могли бы говорить о «художественных ценностях мирового значения». Происходит развертывание заложенных в нем смыслов вне породившей их эпохи, в том числе через диалог различных трактовок и подчас взаимоисключающих точек зрения, ни одна из которых не может претендовать на охват всего спектра смысловых интенций текста: на этом пути не может быть окончательного диагноза. Речь идет о таком перечитывании–переосмыслении в русле современных социокультурных практик, которое исключает отношение к классическому тексту как к «остановленному» эталону или только хранилищу этнокультурной уникальности.

Мы унаследовали богатейший цивилизационный опыт сосуществования наших народов и культур, в рамках которого «особенное» могло приобретать статус общезначимой ценности.

В 1836 г., когда Кавказская война набирала обороты, А.С. Пушкин не только представил в первом номере своего «Современника» рассказ черкеса С. Казы-Гирея в одном ряду со своим «Путешествием в Арзрум» и гоголевской повестью «Коляска», но и дополнил его феноменальным по культурной щедрости примечанием. Этнографически маркированный текст, казалось бы, должен быть воспринят именно с этой точки зрения как явление действительно «неожиданное». Но ход пушкинской мысли лежит в другой плоскости: «...неожиданное в нашей литературе» (курсив наш – К.С.). Поэт педалирует притяжательное местоимение «наше»: «в нашей литературе», «становится в ряды наших

---

<sup>24</sup> Виппер. 1983. Т. 1. С. 7.

писателей»<sup>25</sup>. Но как это понимать: первое произведение и сразу – «в ряды наших писателей»? И кто становится – «сын полудикого Кавказа»? Так и понимать: представление этнически нерусского автора переведено в регистр мудрого в своем преувеличении отношения, которое снимает ощущение периферийности при встрече с неожиданной для русского читателя фамилией. Вовлекая «сына полудикого Кавказа» в состав «нашей литературы», А.С. Пушкин как будто предвидел грядущую культурную нераздельность, задавая камертон, услышанный Л.Н. Толстым – тоже «угадчиком» (из пушкинской речи Ф.М. Достоевского) иной исторической перспективы, иного «идеала человеческого без насилия». «Хаджи-Мурат» вышел из этой пушкинской шинели, из пушкинского угадывания возможной общей исторической дороги.

Когда почти через сто лет А.М. Горький на I-ом Съезде советских писателей назвал С. Стальского Гомером XX века, а Н.С. Тихонов, посетив Дагестан, нашел «кавказского Блока» в лице аварского лирика Махмуда, то в таком отношении к инациональным культурным явлениям нетрудно уловить пульс завещанной А.С. Пушкиным отзывчивости, которой только и дано сокращать исторически сложившееся расстояние между культурами и литературами.

Когда Р. Гамзатов назвал Пушкина аварским поэтом, то никому, даже бдительному идеологическому отделу Обкома КПСС, не пришлось в голову указать и поправить, напоминая об истинной этнической и культурной принадлежности Александра Сергеевича.

Когда А. Авторханов назвал поэзию Лермонтова «Кораном каждого интеллигентного горца», он прекрасно понимал, что Кораном может быть только Коран – единственный, Богом ниспосланный, но осознанно взял предельную или даже запредельную высоту, чтобы с наибольшей адекватностью обозначить совершенно особое место Лермонтова в сознании горца и кавказской интеллигенции. Мартынова, добавляет Авторханов, ненавидели как личного врага, проклиная «тот день, когда появился на свет негодяй, так безжалостно потушивший кавказское солнце».

Пушкин как аварский поэт, Лермонтов как кавказское солнце... Подобные неюбилейные, предельно искренние в своей исповедальности признания выдают важный для наших национальных культур вектор: духовное притяжение – единственный род притяжения в ряду иных способов его обеспечения (военных, административных и т.п.), подразумевающий абсолютную добровольность и непринудительность ответного культурного и душевного движения.

---

<sup>25</sup> Современник. Т. 1. 1836. С. 169.

В этом контексте не могу также не вспомнить общеизвестные, но отодвинутые на периферию нынешних умонастроений фигуры, олицетворявшие идею межкультурного взаимоузнавания и, следовательно, конструктивного развития русско-кавказских контактов. Шора Ногмов, прикомандированный к императорскому Кавказско-горскому полуженскому полку для доработки сочинений и умерший в Петербурге в 1844 г. Леонтий Люлье, француз по происхождению, составивший «Словарь русско-черкесский или адигский с краткою грамматикою». Андрей Михайлович Шёгрэн... Подготовленные и изданные в ИМЛИ РАН фундаментальные труды А. Шёгрэна в двух книгах предваряет вступительная статья А.И. Алиевой, точнее – монографическое исследование объемом в двести страниц. Автор воссоздает контекст или питательную почву научной деятельности Шёгрэна на Кавказе. Четко очерчены параметры действовавшей в те далекие годы системы добывания знаний о Кавказе: властные структуры – академическая наука – местные просвещенцы, информаторы, добровольные помощники, без которых Шёгрэн не продвинулся бы в изучении осетинского, кабардинского, ногайского, грузинского, удинского языков. Даже в годы Кавказской войны – его экспедиция длилась с сентября 1835 г. по январь 1838 г. и несомненно была сопряжена с опасностями – эффективно работала модель взаимного и бескорыстного познания. Это один из самых впечатляющих культурных парадоксов XIX века, до сих пор неописанный и неосознанный в полной мере. Именно Шёгрэн стал родоначальником научно и государственно значимой традиции – многообещающего, как подтвердила история, союза академической российской науки и местных просвещенцев-подвижников. Целенаправленная поддержка научных и культурных инициатив образованных горцев занимала важное место в деятельности Шёгрэна. Вот один из многочисленных примеров доверительного сотрудничества: он трижды отзывался на перевод «Псалтыря» на осетинско-тагаурское наречие, осуществленный Г. Мжедловым. Последний в письме к Шёгрэну заверял российского академика в своей готовности «непрерывно заниматься переводами и держаться тех правил, которые передали мне Ваши священные уста в бытности во Владикавказе»<sup>26</sup>.

Люди, подобные Ногмову, Люлье, Шёгрэну, не могли напрямую влиять или изменять ход войны, но их бесспорной заслугой была плодотворная и многообещающая попытка выработать язык взаимопостижения вопреки разобещающим обстоятельствам.

---

<sup>26</sup> Основоположник российского академического кавказоведения... С. 361.

В этом процессе открытия друг друга совершенно особое место занимала русская литература – достаточно сослаться на эпизод из лермонтовского «Измаил-Бей», когда герой встретил в горах «русского воина». Тот вдруг, как бы разоружая противника, переходит на язык горского закона гостеприимства, который надлежит неукоснительно соблюдать: «Твоей я чести предаюсь!». Последовал незамедлительный ответ Измаил-Бей: «Ты прав; на честь мою надейся!.. / Вот мой огонь: садись и грейся». Момент истины, мгновенно превративший противников в собеседников – метаморфоза, несовместимая с неумолимой логикой военного противостояния, но возвращающая в жизнь на войне вечную истину человеческого общения...

И в художественном универсуме Л.Н. Толстого фактор отчуждения и межкультурной границы не стал той последней инстанцией, которая традиционно доминировала в профанной модели кавказского мира, основанной на недооценке или стремлении изжить культурную инаковость как досадную помеху в реализации имперского проекта.

Логике перманентного воспроизводства конфликта и доктринальной дихотомии «цивилизация–варварство» автор «Хаджи-Мурата» противопоставил идею трудного, но неотвратимого сближения людей и национально-культурных миров поверх конфессиональных и этнокультурных барьеров.

Л.Н. Толстой любил и часто вспоминал слова Зосимы из «Братьев Карамазовых». При всей их вневременной философской насыщенности они могут быть восприняты сегодня как вполне злободневные: «всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь – в другом конце мира отдается».

Идеал межнационального согласия, по-разному сформулированный А.С. Пушкиным («когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся») и Л.Н. Толстым («искать то, что объединяет людей, а не разъединяет их»), история проверяла и будет проверять на прочность, но как высшая, пусть и идеальная, цель он останется, пока мы, распри позабыв, будем находить то, что нас как людей объединяет.

Вместо набивших оскомину и утративших дискурсивную силу рассуждений о фатальности конфликта ценностей и столкновения цивилизаций необходим прорыв к более глубокому пониманию диалектики «своего» и «чужого», «родного» и «вселенского», взятых в их органической взаимообусловленности.

Вместо утратившего эпистемологическую ценность поиска формального общего знаменателя культурной множественности важно ар-

тикулировать такой тип осмысления полноты национальной литературы, когда целью литературоведческого анализа становится открытие *всеобщности особенного* в диалоге неравноценных, но равнодостоинных национальных культур...

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С.С.* Диалог всегда находится в опасности // Известия. 11 января 2001 г.
- Ауэрбах Э.* Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. № 5.
- Белый А.* Ветер с Кавказа. Впечатления. М.: Федерация, 1928.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру // Логос. 2003.
- Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М. 1991.
- Виппер Ю.Б.* Вступительные замечания // История всемирной литературы в 8 тт. Т.1. М.: Наука. 1983.
- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс. 1985.
- Гумбрехт Х.У.* Есть и должно ли быть сегодня что-то устойчивое в «национальной принадлежности»? // Неприкосновенный запас. 2009. № 4.
- Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006.
- Джеймисон Ф.* История как цепь катастроф // НГ-Екслибрис. 27 июля 2006 г.
- Жирмунский В.М.* Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // *Он же.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука. 1979.
- Жить вместе в Европе XXI века // Новая газета. № 50. 13 мая 2011 г.
- Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 5. М.: Мысль. 1966.
- Козин Н.Г.* Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1.
- Мелихов А. М.* Конфликт иллюзий // Дружба народов. 2010. № 2.
- Михайлов А.В.* Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН. 2008.
- Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн. Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН. 2010.
- Платон.* Сочинения в трех томах. Т. 2. М.: Мысль. 1970.
- Смирнов А.В.* Как различаются культуры? // [www.intelros.ru/readroom/fg/fg\\_2/5489](http://www.intelros.ru/readroom/fg/fg_2/5489).
- Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. 1. СПб., 1836.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. (Юбилейное). М; Л.: Гос. изд. 1928-1964. Т. 66.
- Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Эксмо. 2007.
- Федотов Г.П.* Национализм (конспективная запись доклада) // Вопросы философии. 2011. № 10.
- Хаби Баба.* Диссеминация: время, повествование и края современной нации // Синий диван. 2005. № 6.
- Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. 2004.
- Шпет Г.Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. М.: Наука, Памятники исторической мысли. 2002.
- Султанов Казбек Камирович**, доктор филологических наук, профессор, зав. Отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы РАН, лауреат Государственной премии Республики Дагестан; [sulkaz@inbox.ru](mailto:sulkaz@inbox.ru)



А. А. ПАВЛОВ

## РИМСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПЛЕБЕЙСКОГО ТРИБУНАТА МАРК ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН

---

Римский институт плебейских трибунов, превратившийся в политической философии Просвещения и Нового времени в концепт трибуната, стал предметом дискуссии уже в римской историографии I в. до н.э., в которой был выработан ряд его концепций. Одну из них мы находим в трудах римского антиквара и грамматика Марка Теренция Варрона, который рассматривает трибунат как структурную часть магистратуры, низшую с точки зрения *honores*, наделенную функцией защиты плебса.

**Ключевые слова:** плебейский трибунат, римская антикварно-грамматическая историография, М. Теренций Варрон.

---

Первым из антикваров, сохранившим для нас важную информацию о плебейском трибунате, является основоположник римского антикварианизма Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н.э.)<sup>1</sup>. Современник М. Туллия Цицерона (106–43 гг. до н.э.)<sup>2</sup>, он жил и писал свои сочинения в эпоху кризиса Республики. Плохая сохранность работ Варрона не позволяет на их основе произвести всестороннюю реконструкцию института, однако имеющиеся фрагменты дают ценнейшую информацию о специфике трибуната и, что не менее важно, позволяют говорить о наличии у Варрона собственной концепции, в которой отразились как эпоха автора, так и его воззрения на нее.

Хотя исследователи зачастую пишут о политической индифферентности Варрона<sup>3</sup>, его отношение к трибунату позволяет в этом усомниться. Самостоятельный исследователь, каковым был Варрон, пред

---

<sup>1</sup> М. Теренций Варрон принадлежал к древнему плебейскому роду и происходил из г. Реате. Как это часто бывало с *homo novus*, он был апологетом римской республиканской старины и *mores maiorum*. Проведя долгую жизнь в Риме и написав огромное число сочинений (более 74-х, полностью сохранилась единственная работа «О сельском хозяйстве»), Варрон имел не только большой жизненный и исследовательский опыт, но и опыт практической политической жизни, пройдя *cursus honorum* от квестора до претора (он занимал и должность плебейского трибуна, о чем сам писал: ар. *Gell.* XIII. 12. 5-6), он участвовал в противостоянии Помпея и Цезаря на стороне Помпея, а после его гибели руководил созданной по инициативе Цезаря в 47 г. до н.э. библиотекой (*Suet. Jul.* 44. 2). Подробно см.: *Сидорович.* 2005. С. 165-265.

<sup>2</sup> О воззрениях Цицерона на трибунат см.: *Perelli.* 1979. P. 285-299; *Grosso.* 1977. P. 157-161; *Павлов.* 2004. С. 19-39; *Павлов.* 2011. С. 159-178.

<sup>3</sup> См.: *Сидорович.* 2005. С. 184.

чьим взором прошла эпоха «последних великих трибунов», реформ Суллы, лишивших трибунат «всякого значения»<sup>4</sup>, и законов, вновь восстановивших всю полноту их власти<sup>5</sup>, едва ли мог абстрагироваться от настоящего<sup>6</sup>. На его воззрения должны были оказать влияние социальное и интеллектуальное окружение. Как известно, Варрон был вхож в круг Цицерона, находился с ним в переписке и в курсе его научных занятий<sup>7</sup>; оба были сторонниками Помпея, восстановившего права трибунов в 70 г. до н.э., оба удостоились милости со стороны Цезаря после поражения помпеянцев и гибели Помпея в 48 г. до н.э.; оба входили в римский сенат и были весьма состоятельными гражданами, при том, что оба были *homines novi*. Можно было бы полагать, что и мировоззренческие установки того и другого могли быть близки.

<sup>4</sup> Реформы Суллы были направлены на восстановление роли сената, с одной стороны, и уменьшение роли народных собраний, а вместе с тем и трибунов, с другой. Уже в соответствии с нормой, принятой в 88 г. до н.э., было запрещено вносить в собрание предложения, не одобренные сенатом. Тогда же были запрещены голосования в собраниях по трибам (*App. V.C. I. 59; Liv. Per. 77; Cic. Leg. III. 22. 2*). В соответствии с реформой 82 г. до н.э. трибуны утратили право вносить законопроекты на голосование (*Liv. Per. 89*); очевидно также они утратили право обращения к сенату (*App. V.C. II. 29*); все это должно было лишить их и уголовной юрисдикции (*Niccolini. 1932. P. 149*); занимавшие трибуна лица утратили право занимать другие должности (*App. V.C. I. 100*); власть трибунов перестает быть *sacrosancta*, дела обидчиков трибунов должны были рассматриваться в специальных судах (*quaestio maiestatis*), учрежденных Суллой (*Cic. 1 Verr. 39; Cluent. 97; Pis. 50; Fam. III. 11. 2; Tac. Ann. I. 72*); право *intercessio* трибунов было сокращено до помощи (*ius auxilium*) частным лицам (*Cic. Leg. III. 22*). По мнению Аппиана, Сулла почти совершенно уничтожил должность трибунов, лишив ее всякого значения (*App. V.C. I. 100*). О реформах Суллы в отношении трибуна см.: *Niccolini. 1932; Fabbrini. 1973. P. 806-807; Margadant. 1977. P. 186-187; Thommen. 1989*.

<sup>5</sup> После смерти Суллы в 78 г. до н.э. практически сразу начинается борьба за восстановление трибунской власти: закон Г. Аврелия Котты (75 г. до н.э.) отменил запрет Суллы занимать экс-трибунам другие магистратуры (*Cic. Corn. Fr. I. 18; 51; Ascon. P. 66; 78; Ps. Ascon. P. 200 Or.; Sall. Hist. III. Fr. 48. 8M*), а в 70 г. до н.э. законом Гн. Помпея были отменены последние оставшиеся сулланские ограничения трибунской власти (*Cic. Leg. III. 9. 22; 11. 26; Caes. V.C. I. 7; Sall. Cat. 38; Tac. Ann. III. 27; App. V.C. I. 121; II. 29; Plut. Pomp. 22. 2; Suet. Caes. 5; Vell. II. 30. 4; Dio, XXXVI. 38. 2; XXXVIII. 30. 3; etc.*).

<sup>6</sup> Не исследуя политические взгляды Варрона специально, О.В. Сидорович все же подчеркивает, что его антикварные сочинения «были столь же ориентированы на современность и политически заострены, как и римская анналистика». *Сидорович. 2005. С. 266*.

<sup>7</sup> Сохранилось лишь 8 писем Цицерона к Варрону 46–45 гг. до н.э. (*Cic. Fam. IX. 1-8*), хотя в письмах к Аттику он не раз вспоминает о нем. Варрон посвятил Цицерону 24-ю книгу «О латинском языке» (*Gell. XVI. 8. 6; Cic. Att. XIII. 12. 3*).

Цицерон, как мы подчеркивали, достаточно критично относился к трибунату, хотя признавал его важное значение не только для защиты свободы народа, но и сдерживания произвола последнего; он видел в нем важный институт, способствовавший укреплению смешанной конституции, в связи с чем поддерживал его восстановление Помпеем, хотя и рассматривал действия последнего не столько как «наилучшие», сколько как «необходимые» (Leg. III. 26), и выступал оппонентом тех оптиматов, которые видели в трибунате абсолютное зло и поддерживали ограничения, наложенные на трибунал Суллой (Leg. 19-22)<sup>8</sup>.

Информация о трибунате у Варрона весьма фрагментарна. Благодаря грамматiku II в. н.э. Авлу Геллию известно, что он касался трибуната в своей антикварной работе *Antiquitates rerum humanarum* («Древности человеческие»), в написанном для Помпея пособии *Eisagogikos* («Введение», 71 г. до н.э.) о порядке созыва сената, а также в *Quaestiones epistolicae* («Исследования в письмах»), где он восстановил текст утраченного предыдущего труда. Более концептуальный материал мы можем получить из его основной грамматической работы *De lingua Latina* («О латинском языке»), от которой сохранилась значительная часть.

«Древности» были написаны во второй половине 50-х гг. I в. до н.э.<sup>9</sup> Работа, от которой сохранились лишь отдельные фрагменты, состояла из 25 книг. О ее содержании можно судить по кратким замечаниям Авла Геллия, Секста Помпея Феста и Макробия<sup>10</sup>, а структура ее известна благодаря Августину, который сообщает, что труд был разделен на четыре части по шесть книг в каждой: в них Варрон «обратил внимание на то, кто действует, где действует, когда действует и что делает» (*De civ. Dei. VI. 3*)<sup>11</sup>. Благодаря Авлу Геллию (*Gell. XIII. 12. 13*) мы знаем, что 21-я книга, входившая в последнее шестикнижие<sup>12</sup>, была посвящена магистратам. Судя по общей структуре, речь в ней шла о деятельности магистратов, тогда как об их видах, местах, связанных с их дея-

---

<sup>8</sup> В то же время, Цицерон обвинял Гракхов в разрушении государства (*Resp. I. 31*), неоднократно высказывая мысль об отсутствии *res publica* в его время (e.g.: *Fam. IX. 17. 1*).

<sup>9</sup> Т.е. примерно тогда же, когда Цицерон писал свои диалоги «О государстве» и «О законах».

<sup>10</sup> *Gell. I. 16. 3; 18L; 25L, 1, 10; III. 2L, 2, 4, 7; V. 4. 5; X. 7L, 2; XI. 1. 1, 4, 5; XIII. 12. 5 (bis), 7; 13 (passim); 17. 2, 3; XVII. 3L, 4*. Фест дает нам частные замечания о содержании VI, VII, VIII книг. См.: *Fest. s.v. «Pro censu classis iuniorum»*. P. 290L., *Praerogativae centuriae*. P. 290L; *Suffragato*. P. 472L; *Septimontio*. P. 476L. Макробий оставил информацию о I, XI, XIX книгах. См.: *Macr. Sat. I. 3. 2-6; II. 12. 3; 16. 12*.

<sup>11</sup> Первая книга имела характер введения ко всей работе.

<sup>12</sup> О его структуре см.: *Кофанов. 2006. С. 50*.

деятельностью, и должностном календаре говорилось в предыдущих частях. Как располагался материал в книге, точно сказать нельзя. Можно лишь предполагать, что изложение велось по отдельным магистратам и в определенной системе, возможно от низших магистратов к высшим<sup>13</sup>. Здесь же Варрон рассматривал и плебейских трибунов, о чем известно из пассажа Авла Геллия о праве вызова (*ius vocationis*), где он ссылается на мнение Варрона<sup>14</sup> о том, что трибуны не имели права вызова, но имели право ареста (*ius prensionis*). Как отмечает Авл Геллий, ту же систематику, но в более кратком виде, он нашел в *Epistulae* известного юриста августовской эпохи Атея Капитона, известного своими недемократическими взглядами, что позволяет думать (с учетом проблематики всего шестикнижия), что она восходит к консервативной юридической традиции конца II в. до н.э., откуда и позаимствовал ее Варрон<sup>15</sup>. Большой, в сравнении с юристом, объем пассажа у Варрона

<sup>13</sup> На эту мысль наводит Авл Геллий (XIII. 13. 5): «Об этом Варрон говорит в той части книги, [где речь идет] об эдилах, а выше в той же книге он сообщает, что квесторы не имеют права вызова в суд и ареста». Именно такой порядок мы находим в «О законах» Цицерона (III. 6-9), где он сначала говорит о младших магистратах (*magistratus minores*): *tribuni militum, quaestores, tres viri capitales* (*nocturni*), *tres viri aere argento auro flando feriundo, decemviri stlitibus diiudicandis*, а затем об эдилах, цензорах, преторах, консулах и, наконец, о диктаторе и начальнике конницы.

<sup>14</sup> *Gell.* XIII. 12. 5-6: «После того как мы прочитали это в указанном письме Капитона, то же самое, но изложенное более подробно, мы обнаружили у Марка Варрона в двадцать первой книге «Дел человеческих». Непосредственные слова Марка Варрона по этому вопросу мы приводим ниже: “Среди магистратов, – говорит он, – одни обладают правом вызова в суд (*vocatio*), другие – правом ареста (*prensio*), третьи – ни тем, ни другим. Так, правом вызова в суд обладают консулы и прочие, обладающие империем; правом ареста – плебейские трибуны и остальные, у кого есть посылный (*viator*), а не имеют права вызова в суд и ареста квесторы и прочие, не имеющие ни ликтора, ни посылного. Те, кто имеют право вызова в суд, имеют также право ареста, задержания, помещения [под стражу] (*prendere, tenere, abducere*), и все это как в случае присутствия тех, кого следует вызывать, так и тогда, когда их приказано привести. Плебейские трибуны не имеют права никого вызывать в суд, однако многие из них, будучи несведущими, пользовались этим правом так, словно обладали им; ведь некоторые приказывали вызывать на форум не только частных лиц, но и консула. Я, будучи триумвиром, был вызван в суд плебейским трибуном Публием Порцием, однако я не пошел, придерживаясь лучших авторитетов и [норм] права. И точно также, когда я был трибуном, я никого не приказывал вызывать в суд и не требовал подчинения от вызванного коллегой в суд против его воли».

<sup>15</sup> В конце II в. до н.э. были созданы две известные работы, посвященные магистратам: «*De potestatibus*» М. Юния Гракхана и «*Magistratum libri*» Г. Семпрония Тудитана. Юний Гракхан был другом Гая Гракха, тогда как Семпроний Тудитан – сторонником П. Сципиона Эмилиана. Различия в названиях их трактатов могут указывать на концептуальные различия авторов: трибуна́т у Тудитана рассматривался с

был, очевидно, связан с включением в его состав рассуждения, опирающегося на личный опыт антиквара, через который мы имеем возможность выявить отношение автора к институту.

Из приведенной цитаты следует, что Варрон помещает трибунов в число магистратов, где они оказываются интегративной их частью. При этом за основу систематизации берется чисто инструментальный критерий: наличие/отсутствие отдельного права – права вызова и ареста. Этот критерий, однако, в рассуждении Варрона оказывается тесно увязанным с другим: делением магистратов по наличию/отсутствию того или иного рода аппараторов. Варрон делит магистратов на три группы: магистраты с *imperium* (и, соответственно, имеющие ликторов) и магистраты без него: обладающие, либо не обладающие, посольными (*viatores*). Варрон (консервативная юридическая традиция) выводит различия магистратур не из социальных и связанных с ним функциональных особенностей трибуната, не из специфики его происхождения, а связывает их с наличием у магистратов ликторов (*lictors*) или посольных (*viatores*), либо отсутствием и тех и других, подменяя сущностные отличия внешними<sup>16</sup>. Имея четкое логическое построение, предложенная систематика

---

точки зрения сенатской олигархии (*Bretone*. 1982. P. 14), тогда как Гракхан отстаивал идеи популяров (*Bauman*. 1983. P. 292). Авл Геллий сообщает нам (XIV. 8. 2; см. ниже), что Варрон был непосредственно знаком с обоими течениями, но при этом предпочитал Тудитана, что подчеркивает его следование консервативной юридической традиции. На заимствованность схемы указывает и ее противоречие фактическому положению вещей, сложившемуся ко времени написания трактата: закон Суллы 81 г. до н.э. об увеличении числа квесторов до 20 предполагал наличие у них *viatores* (*Dio*, XLII. 51; *Vell.* II. 89. 3; *D.* I. 2. 2. 32). См. прим. 19.

<sup>16</sup> Варрон, неоднократно используя термин *magistratus*, редко касается систематики магистратур: ему известно деление магистратов по критерию *par maioris potestas* (ар. *Gell.* XIV. 7. 6), он знает о магистратах *cum imperio* (*Ibid.* XIII. 12. 6); так же у него есть начатки представлений об экстраординарной магистратуре (*Ibid.* XIV. 7. 5). Ему были известны *magistratus populi Romani* (*Ibid.* XI. 1. 4), тогда как такие категории как *magistratus patricii/plebeius* он полностью игнорирует, моделируя тем самым магистратуру как единый внесловный сугубо правовой институт. В то же время допустить, что эти термины были неизвестны Варрону, мы не можем. Все они представлены в латинском языке I в. до н.э. У Цицерона мы встречаем *magistratus patricii* (*Leg. Agr.* 2. 26; *dom.* 38; *ad Brut.* I. 5. 4), а также, очевидно, и *magistratus plebei* (*Schol.* *Cic.* *Ambros.* P. 370). О магистратах-патрициях говорит и известный авгур Мессала, современник Варрона, в книге «Об ауспигиях» (ар. *Gell.* XIII. 4). Грамматик эпохи Августа Веррий Флакк, опиравшийся на антикварную и юридическую традицию II–I вв. до н.э., в своем лексиконе «О значении слов» знает *magistratus plebeius*, называя их видом (*genus*) магистратуры (*Fest.* s.v. *Plebeium magistratum*. P. 259L; *Plebeias tabernas*. P. 258L; *Scita plebei*. P. 372L), так и *magistratus patricii* (s.v. *Scitum populi*. P. 442L).

магистратов, как любая римская правовая систематика не является ни абстрактной<sup>17</sup>, ни всеобъемлющей, и при любой попытке рассматривать ее как таковую мы наткнемся на противоречия в ней<sup>18</sup>.

Пассаж важен для понимания специфики трибуната, прежде всего его судебной власти, ибо право вызова (*ius vocationis*) и право ареста (*ius prensionis*) тесно связаны с судебными и коэргитивными полномочиями магистратов, их юрисдикцией. Согласно Варрону, полнотой прав в судебной сфере обладали лишь магистраты с *imperium*<sup>19</sup>, которые имели право вызова, наказания и ареста. Трибуны, имея *viatores*, но не обладая *imperium*, не могли вызывать обвиняемого, но лишь приказать посыльному арестовать его, если он находился тут же<sup>20</sup>. Квесторы же, будучи помощниками консулов, собственной властью не могли ни того, ни другого<sup>21</sup>. Варрон отмечает также, что магистраты, относящиеся к последней категории, (а сюда он относит и курульных эдилов) могли быть вызваны в суд претора частным лицом (*ap. Gell. XIII. 4*), из чего мы можем заключить, что такой возможности не предполагалось для трибунов.

Притом что приведенная систематика должностей рассматривает трибунат неотъемлемой частью магистратуры с определенным набором прав, завершающие пассаж рассуждения Варрона ставят под сомнение эту конструкцию: он не обсуждает в них права и полномочия консулов и квесторов, но делает это только в отношении трибунов, тем самым косвенно показывая их иную природу. Для него, живущего в эпоху тотального нарушения республиканской конституции, оказывается важным подчеркнуть, что сам он исполнял должность трибуна в соответ-

---

<sup>17</sup> См., напр.: *Гарсия Гарридо*. 2005. С. 101-119.

<sup>18</sup> Так, консулы и другие магистраты с империем имели не только ликторов, но и *viatores*; квесторы, по крайней мере в I в. до н.э., имели *viatores* в соответствии с *Lex Cornelia de XX quaestoribus*: Варрон, заимствуя пассаж у юристов II в. до н.э., видимо не посчитал нужным вносить в него коррективы в соответствии с законом Суллы (CIL I<sup>2</sup> 587). Под «квесторами» здесь очевидно имеются в виду т.н. уголовные квесторы (*Fest. s.v. Parrici<di> quaestores*. P. 247L; D. I. 2. 2. 23; *Lyd. De mag. I. 26*; etc.). В другой своей работе Варрон подтверждает то, что квесторы не имели право вызова (LL. VI. 90-91). О полномочиях квесторов см., напр.: *Дементьева*. 2009. С. 187-202.

<sup>19</sup> Подробней об *imperium* как о всеобъемлющей власти приказа, включающей право вызова и наказания, см.: *Дементьева*. 2005. С. 61-73.

<sup>20</sup> См.: *Liv. II. 56. 13; Dionys. IX. 48. 1sq; X. 31. 3sq.*

<sup>21</sup> Эта троичная схема Варрона входит в противоречие с конструкцией Т. Моммзена, который рассматривая специфический характер плебейской организации («государство в государстве») противопоставлял ее должностных лиц – трибунов и эдилов плебса, консулам и квесторам – должностным лицам римского государства (*Моммзен*. 1994. С. 227). Что касается компетенции квесторов, то он решал эту проблему на основе своей «теории мандата» (*Mommsen*. 1952. Bd. 2. Abt. 1. S. 537).

вии с правом и авторитетом предшественников: он заявляет, что ни сам, будучи трибуном, никого не вызывал, ни, напротив, будучи триумвиром, не явился по вызову трибуна П. Порция<sup>22</sup>. Его отказ очевидно остался безнаказанным, что подтверждает и приведенный Геллием аналогичный случай с юристом эпохи Августа Лабеоном (*Gell.* XIII. 12. 1-3) – трибуны не имели формально-юридических средств воздействия на неявившихся. Однако из контекста пассажа Геллия становится ясно, что действия Варрона представляют скорее исключение, чем правило.

Варрон отмечает, что трибуны вызывали не только частных лиц, но и консулов, и что его коллеги по трибунату пользовались этим правом (*Ibid.* XIII. 12. 6); он не характеризует их действия как нелегитимные, лишь не считает возможным пользоваться этим правом самому, видя в них *mores novi*. Геллий, комментируя текст Варрона, выражает недоумение, почему трибун, обладающий правом ареста («*iure prendi potest*») и заключения в тюрьму («*in vincula duci potest*»), чью власть он определяет как «*summa coercendi potestas*» (*Ibid.* XIII. 12. 9), не имеет права вызова. Он склонен объяснять это тем, что трибуны были созданы первоначально не с целью судопроизводства, а для предотвращения насилия в их присутствии. А. Джованнини использовал этот пассаж как одно из доказательств своей гипотезы, согласно которой плебейские трибуны и плебс были только обвинителями в народном процессе<sup>23</sup>: трибуны собирали лишь *concilia plebis*, где вырабатывалось обвинение, однако суд происходил перед *populus* под руководством претора.

Отправным для рассуждения Джованнини стал постулат, концептуально покоящийся на воззрениях Т. Моммзена<sup>24</sup>: «Римский народ с римским сенатом и римскими магистратами есть государство, они обладают государственной властью в ее всеобщности. К совокупности государственной жизни принадлежит вынесение приговора. <...> Плебс и его предводители существуют только для того, чтоб препятствовать решениям и мероприятиям государственной власти или, напротив, побуждать государственную власть к таким мероприятиям и решениям»<sup>25</sup>. Таким образом, трибунам автор отводит лишь негативные полномочия<sup>26</sup> и счи-

<sup>22</sup> Варрон мог быть (уголовным) триумвиром (т.н. *tresviri capitales*) в 95–90 гг. до н.э. Точная дата его трибуната также не известна. Дж. Никколини относит его трибунат к промежутку 87–81 гг. до н.э. (*Niccolini.* 1934. P. 432).

<sup>23</sup> *Giovannini.* 1983. S. 545-566. В другой своей работе он рассматривает право вызова как основное свойство магистратского *imperium* (*Giovannini.* 1990. S. 433).

<sup>24</sup> См. анализ концепции последнего: *Lobrano.* 1972. P. 235-262.

<sup>25</sup> *Giovannini.* 1983. S. 565-566.

<sup>26</sup> Подход к полномочиям трибунов как чисто негативным сегодня правомерно оспаривается. См. напр.: *Mastrocinque.* 1996. № 1. P. 62-68.

тает их, в отличие от Варрона, не «магистратами», но «представителями» плебса. Он верно замечает, что отсутствие права вызова у трибунов препятствовало бы исполнению ими судебных полномочий, в связи с чем отрицает, ссылаясь на Авла Геллия, и наличие у них *iurisdictio*. Однако Геллий вовсе не отвергает *iurisdictio* трибунов, он лишь отмечает, что его, возможно, не было первоначально<sup>27</sup>. Не учитывает он и того, что трибуны, несмотря на отсутствие у них *ius vocationis*, на практике действуют так, как имеющие его, а также не вспоминает о том, что под руководством плебейских трибунов в собраниях по трибам (по крайней мере, после закона Гортензия 287 г. до н.э.) принимались решения (*plebiscita*), обязательные для всей общины<sup>28</sup> и, значит, выражаясь языком автора, трибуны и плебс действовали как «государство», а следовательно, нельзя отвергать трибального судопроизводства под руководством трибунов, не отвергая и трибунского законодательства. Как можно заключить из пассажа Авла Геллия, отсутствие права вызова у трибунов связано не с отсутствием у них судебных полномочий как таковых, а с иной их природой, нежели у патрицианских магистратов с империем<sup>29</sup>.

Варрон касается трибуната также в пособии *Eisagogikos* и в «Исследованиях в письмах», где, повествуя о порядке созыва сената, сообщает о том, что трибуны имели право созывать сенат (*ius senatus habendi*) до плебисцита Атиния, хотя и не были сенаторами<sup>30</sup>. К какому

<sup>27</sup> *Gell.* XIII. 12. «...quod tribuni plebis antiquitus creati videntur non iuri dicundo...». Не отвергают ее и Дигесты Юстиниана, также включающие трибунов в число магистратов. Трибуны, наряду с консулами, преторами и эдилами, признаются Помпонием обладающими юрисдикцией (D.1.2.2.34): «Ergo ex his omnibus decem tribuni plebis, consules duo, decem et octo praetores, sex aediles in civitate iura reddebant». Говорят о *iurisdictio* трибунов и современные исследователи: *Азаревич*. 1875; *Моммзен*. 1994. Т. 1. С. 227; *Mitchell*. 1990. P. 179-184; etc.

<sup>28</sup> См. напр.: *Gai.* I. 3.

<sup>29</sup> Трибунат восходит к иному сакрально-правовому порядку, чем патрицианская магистратура. Патрицианский публично-правовой порядок связан с такими понятиями как *patres, magistratus patricii, auctoritas, auspicia, imperium, libertas populi*; плебейский – с такими как *plebs, magistratus plebei, sacrosanctitas, potestas tribunicia, libertas plebis*. О дуализме порядков см.: *Lobrano*. 1983; *Павлов*. 2009. С. 219-229.

<sup>30</sup> *Gell.* XIV. 8. 2: «Но Марк Варрон в четвертой книге “Исследований в письмах” и Атей Капитон в 9-й книге “Заметок”, говорят, что префект имел право созывать сенат; и в этой связи Капитон заявляет, что Варрон соглашался в этом с Тубероном, против позиции Юния: “Ибо право созывать сенат”, – говорит он, – “было и у плебейских трибунов, хотя они не были сенаторами до плебисцита Атиния”». Когда трибуны получили это право однозначно сказать нельзя. Э. Бэдиан относит возможность этого к III в. до н.э. (Op. cit.), П. Виллемс связывал его с законами Публия Филона 339 г. до н.э. (*Виллемс*. 1888. Ч. 1. С. 218. Прим. 1). Дионисий Галикарнасский впервые говорит о созыве сената трибуном в 445 г. до н.э. в связи с деятельно-



времени относится плебисцит точно сказать нельзя<sup>31</sup>. Эрнст Бэдиан приводит убедительные аргументы, относя его к промежутку между 168 и 149 гг. до н.э., связывая с Г. Атиниєм, упомянутым в качестве одного из свидетелей во внесенном Октавиєм (очевидно консулом 165 г. до н.э.) сенатусконсульте<sup>32</sup>. По его мнению, плебисцит установил право трибунов быть членами сената, что, как он полагает, предопределило окончательную трансформацию трибуната – трибунов он называет «главами дружественной иностранной власти» («heads of a friendly foreign power») – в магистратуру римского государства, вследствие чего *ius auxilii* трибунов было «национализировано»<sup>33</sup>. По размышлению автора, именно во второй половине II в. до н.э. трибунат превращается в *magistratus populi*, утрачивает свою политическую и институциональную суверенность, а трибуны сливаются со слоем сенатской аристократии<sup>34</sup>. Включение трибунов в число сенаторов, действительно, важный символический акт, однако считать его однозначно моментом, ознаменовавшим трансформацию трибунов в *magistratus populi*, нельзя<sup>35</sup>. Для нас сейчас важнее, однако, сам факт отсутствия юридического основания для вхождения трибунов в сенат до середины II в. до н.э. При том, что плебеи, занимавшие курульную магистратуру, получили доступ в сенат по крайней мере в IV в. до н.э., да и сами трибуны, занимавшие ранее квестуру (отправная ступень римской *cursus honorum*), могли

---

стью Канулея (X. 31. 1-2; 32. 1); Тит Ливий упоминает об этом, повествуя о событиях 216 г. до н.э. (XXII. 61. 7).

<sup>31</sup> Разброс датировок – около 100 лет. А. Астин связывал его с трибуном 197 г. до н.э. (*Astin*. 1969. Vol. II. P. 38ff.); Дж. Никколини (*Niccolini*. 1934. P. 129) относил к 149 г. до н.э., Дж. Ротонди – к периоду до 102 г. до н.э. (*Rotondi*, 1962. P. 330).

<sup>32</sup> *Badian*. 1996. P. 204. n. 26.

<sup>33</sup> *Ibid*. P. 205, 212-213.

<sup>34</sup> В связи с этим он склонен не соглашаться с периодизацией, выдвинутой Й. Бляйкеном (*Bleicken*. 1981. Bd. II. S. 87 ff.), который рассматривал трибунат эпохи средней Республики как институт, стоящий на страже римской конституции и интересов сенатской аристократии.

<sup>35</sup> С одной стороны, плебисцит закрепил практику, которая возникла впервые в эпоху Второй Пунической войны (*Liv*. XXIII. 23. 6). С другой, в противовес рассуждениям Э. Бэдиана можно вспомнить то, что трибунат и позднее не имел ряда черт, присущих магистратуре (см. напр.: *Дементьева*. 2004. С. 151) и, напротив, ранее в ряде случаев выступал как орган защиты не только плебса, но и патрициев. Кроме того, само воззрение, согласно которому трибунат эволюционировал от немагистратуры к магистратуре народа, господствовавшее в историографии XIX в., сегодня аргументированно оспаривается. Римские авторы противопоставляют плебейских магистратов (*magistratus plebei*) магистратам патрициев (*magistratus patricii*), но никогда магистратам народа (*magistratus populi*), что ставит вопрос о необходимости рассматривать их как «магистратуру части» (*Lobrano*. 1975. P. 245-277; *Idem*. 1983).

быть сенаторами во II в. до н.э., занятие трибуната не было основанием для включения в сенат. Этот запрет исходил не столько из функционального противопоставления трибуната патрицианской магистратуре в силу возможного «конфликта интересов» различных властей, ибо занимавшие ранее квестуру или другие должности трибуны могли быть сенаторами, сколько из иной его сакрально-правовой природы, с которой это функциональное противопоставление непосредственным образом было связано. Объективно плебисцит Атиния закрепил произошедшее размывание границ двух различных сакрально-правовых порядков и дал возможность юристам и антикварам II в. до н.э. унифицировать магистратуру, рассматривать трибунат по аналогии с патрицианской магистратурой, использовать общие инструментальные критерии систематизации, что особенно отчетливо видно у Варрона.

Варрон в *Quaestiones epistolicae* сообщает нам не только о праве трибунов созывать сенат, но поясняет и сам порядок его созыва<sup>36</sup>. Из пассажа Геллия видно, что трибуны – фактически единственная магистратура *sine imperio*<sup>37</sup>, которая имела право созывать сенат и ставить вопросы на его рассмотрение. Можно усомниться в истинности его последнего утверждения, что трибун имеет приоритет в созыве сената над интеррексом или префектом города, как и в реальности самой ситуации, о которой он говорит, но сомневаться в приоритете созыва сената консулом или претором мы не можем<sup>38</sup>. Это право, не будучи изначальным, возникло у трибунов благодаря их функциям и полномочиям в сфере представительства плебса, законодательства, судопроизводства и контроля за деятельностью (патрицианских) магистратов.

Здесь же Варрон говорит и о праве *intercessio* в отношении постановлений сената<sup>39</sup>. Из пассажа видно, что ему известно членение магистратуры на основе критерия *par maiore potestas*. Хотя в приведенном

---

<sup>36</sup> *Gell. XIV. 7. 4*: «Сначала он говорит о том, кто были те, кто, по обычаю предков, имели обыкновение созывать сенат, и называет их: “диктаторы, консулы, преторы, плебейские трибуны, интеррекс и префект города”. По его словам, никто кроме них не имел права вносить сенатусконсульты, и если так случалось, что все эти магистраты были в Риме в одно и то же время, то у того, кто был первым по порядку в приведенном выше перечне, было преимущественное право вынесения вопроса на обсуждение сената».

<sup>37</sup> Сомнение может вызывать только фигура *praefectus urbi*, хотя некоторые авторы склонны наделять империем и эту должность. См.: Лукьянец. 2003. С. 76-84.

<sup>38</sup> Еще под 138 г. до н.э. Валерий Максим (III. 7. 3) сообщает о требовании трибуна Г. Куриация, обращенном к консулу, созвать сенат.

<sup>39</sup> *Gell. XIV. 7. 6*: «Затем он написал об интерцессиях и оговорил, что право препятствовать принятию сенатусконсульта принадлежало только тем, кто имел такую же власть, как тот, который желал принять сенатусконсульт, или большую».

пассаже трибунат не назван, исходя из того, что Варрон рассматривает его как часть магистратуры, следует полагать, что он подчиняет и трибунат данному принципу<sup>40</sup>. Он также отмечает, что тот, кто созывал сенат, должен был предварительно произвести жертвоприношение и ауспиции. Однако *auspicia* в античной традиции тесно связаны с *imperium* и *patres*<sup>41</sup>, напротив, господствующая античная традиция уверена в том, что трибуны не имели *auspicia publica*<sup>42</sup>. Варрон же не говорит о каком-то особом порядке созыва сената трибунами – у него он общий для всех магистратов. Поскольку Варрон первоначально излагает этот текст для Помпея в качестве практического руководства, а опирается в его написании на юристов второй половины II в. до н.э. Кв. Элия Туберона и М. Юния Гракхана, то следует думать, что трибуны II–I вв. до н.э. могли поступать именно так, хотя очевидно, что изложенный порядок относится к «патрицианским» магистратам, и распространен ими на трибунов в силу принципа аналогии<sup>43</sup>.

От большой грамматической работы «О латинском языке», состоявшей также из 25 книг, как и «Древности человеческие», сохранились только шесть книг (V–X), однако они содержат немало важных сведений о римских публичных институтах. Труд был написан в 47–44 гг. до н.э.,

---

<sup>40</sup> Характер его фразы о *par* и *maior potestas* очень напоминает норму, приведенную Цицероном в его диалоге «О законах» (Leg. III. 11). Тот и другой говорят о магистратуре вообще, не приводя конкретных примеров, возможно заимствуя текст из общего источника. Однако Цицерон выводит трибунат за пределы магистратуры и соответственно не связывает *intercessio* трибунов с магистратской. Т. Моммзен следует здесь Варрону, рассматривая трибунскую *intercessio* как часть общемагистратского права (Mommсен. 1874. Bd. II. Abt. 1. S. 272ss.).

<sup>41</sup> В латинском языке фраза *auspicium imperiumque* имеет характер устойчивого выражения, впервые появляясь уже у Плавта (Plaut. Amph. 192, 196; Liv. XL. 52). См. также: Liv. VI. 41. 5; VII. 6. 11; Cic. Dom. 37sq.

<sup>42</sup> Liv. VI. 41. 5; VII. 6. 11; Dionys. IX. 49. 5. См. также: Gell. XIII. 15. 4; Cic. Leg. Agr. II. 26; ad Brut. I. 5. 4. Contra: Plut. Tib. Gr. 17; Liv. X. 47; XXX. 39; Zon. VII. 19. Ляпунов. 1917. С. 256–287; Linderski, 1990. P. 41. В историографии по-разному решается вопрос об ауспициях трибунов при созыве сената: Т. Моммзен, считая, что трибуны не обладали импетративными ауспициями, говоря о созыве ими сената, колебался между возможностью получать их «взаимы», и отсутствием необходимости для них вообще производить таковые (Mommсен 1887. Bd. II. S. 260). Л. Ланге, исходя из своей особой конструкции власти трибунов как *dispar potestas* (Lange. 1876. Bd. I. S. 830), считал, что трибуны получили ауспиции вместе с правом созыва сената в 339 г. до н.э. по закону Публия Филона, а сами их ауспиции определял как разновидность *auspicia maxima*. С этой же датой связывает появление ауспиций у трибунов О. Карлова (Karlowa. 1885. Bd. I. S. 228).

<sup>43</sup> Принцип, который широко использовался в римской юридической теории и практике. См., напр.: Петровский. 2007. С. 83–89.

т.е. после «Древностей»<sup>44</sup>. В сохранившихся книгах речь идет об этимологии (V-VII) и склонении (VIII-X). Теоретическим основанием в разработке этимологии и теории языка служили для Варрона воззрения греческих философов и риториков, а также его учителя – грамматика Элия Стилона, однако в изложении своей концепции он пользовался примерами, заимствованными из латинских источников III-I вв. до н.э., в том числе из исторических<sup>45</sup> и юридических сочинений<sup>46</sup>, а также из различных документальных источников<sup>47</sup>.

В сохранившейся части трактата Варрон упоминает плебейских трибунов в двух местах: трибуны, наряду с другими магистратами, появляются в пассаже об этимологии термина *magistratus* (V. 80-82) и в толковании слова *inlicium*, где он говорит о порядке созыва центуриатных комиций (VI. 9. 86-94). В пятой книге Варрон повествует об этимологии названий римских магистратов, вводя пассаж следующими словами: «[Итак] я приступаю к [разговору] о публичном почете». Пассаж Варрона имеет четко выстроенный порядок представления магистратур<sup>48</sup>: консул и претор (V. 80)<sup>49</sup>, цензор, эдил, квесторы, военные трибуны, трибуны плебса (V. 81)<sup>50</sup>, диктатор и начальник конницы (V. 82)<sup>51</sup>. В

<sup>44</sup> Ее структура подобна структуре «Древностей»: I книга – введение, II-VII посвящены происхождению языка и этимологии, VIII-XIII – склонению (морфологии), XIV-XIX – синтаксису, XX-XXV – стилистике. См., напр.: Дуров. 2000. С. 139.

<sup>45</sup> *Анналы* (V. 22, 42, 55, 59, 60, 65, 111, 182; VI. 82; VII. 6, 7, 12, 20, 21, 26, 28, 32, 33, 36, 37, 41-46, 48, 100, 103, 104; IX. 54), сочинения Кальпурния Пизона (V. 148, 149, 165), Катона (VII. 58; IX. 107), Сизенны (VIII. 73).

<sup>46</sup> Он упоминает Муция Сцевола (V. 5, 83; VI. 30; VII. 105), М. Юния [Гракхана] (V. 5; VI. 95), Сульпиция (V. 40).

<sup>47</sup> Законы XII таблиц (V. 22, 140; VI. 5; VII. 15, 51) и другие законы (V. 42, 163; VI. 5, 27, 60, 74; IX. 104), таблицы цензоров (VI. 86-87), комментарии магистратов (VI. 88-92), песни салиев (V. 110; VI. 14, 49; VII. 2, 3 bis, 26, 27; IX. 61), фасты (V. 84) и др. В связи с трибунатом непосредственно упоминаются цензорские таблицы (VI. 86-87), косвенно – «Комментарии» юриста II в. до н.э. М. Юния Гракхана, консульские и квесторские комментарии, юридическое сочинение Коскония «Иски» (II в. до н.э.) и приписываемая то ли Плавту, то ли Асконию «Беотия» (VI. 9. 88-94).

<sup>48</sup> Очевидно иной, нежели в «Древностях», что может быть связано с наложением друг на друга этимологических и правовых принципов систематизации.

<sup>49</sup> *Varro. LL. V. 80*: «Консул назван так оттого, что он совещается (*consulere*) с народом и сенатом, но скорей оттого, о чем говорит Акий в «Бруте»: «Пусть зовется консулом тот, кто решает (*consulere*) справедливо». Претор назван так оттого, что возглавляет (*praefere*) судопроизводство (*ius*) и войско; о нем Луцилий [говорит] так: «Ведь претору подобает быть впереди и возглавлять».

<sup>50</sup> *Varro. LL. V. 81*: «Цензор (*ensor*) [назван так] оттого, что согласно его оценке (*ensio*) и суждению производится перепись народа. Эдил [назван так] оттого, что заботится о священных и частных зданиях (*aedes*). Термин «квесторы» про-

объяснении отдельных названий должностей Варрон подчеркивает лишь этимологию слова, его происхождение, с которой оказывается связанной и сфера полномочий соответствующего магистрата. В основу общей структурной композиции раздела им положена этимологическая оппозиция *magistratus* – *magistri*. В этой связи сначала Варрон представляет магистратов (V. 80-81), а затем *magistri* – диктатора и начальника конницы (V. 82). Несмотря на этимологический характер пятой книги, этимологическое структурирование здесь неразрывно связано с правовым. Магистраты (не *magistri*) помещены автором в соответствии с *honores publici* (т.е., по сути, в соответствии с *cursus honorum*). Также членение текста на параграфы говорит о подспудном присутствии и иных системообразующих критериев: §§ 80-81 включают консула, претора, цензора, эдила, квестора, военных трибунов, плебейских трибунов, тогда как диктатор и начальник конницы (те, кого сегодня принято относить к экстраординарным) помещены в § 82; магистраты с империем (консул, претор) поставлены на первое место (V. 80) и структурно отделены от остальных (цензор, эдил, квестор, военные трибуны, плебейские трибуны – V. 81).

Как видно из представленной систематики римских должностей, Варрон, как и в рассмотренных выше работах, включает трибунов в число магистратов. Но здесь, как нам представляется, он не просто констатирует этот факт, но намеренно выводя плебейских трибунов из *tribuni militum*, пытается подчеркнуть генетическую связь между трибунатом и (патрицианской) магистратурой, т.е. средствами этимологии пытается обосновать существование единой системы магистратуры. Выводя трибунов из *tribuni militum* Варрон не просто обосновывает включение трибунов в магистратуру, но и определяет в ней их место: они объективно оказываются ординарными должностными лицами без

---

исходит от *quaerere* (расследовать), так как они наблюдали за общественной собственностью и расследовали публичные преступления, чем занимаются сегодня уголовные триумвиры; от них позднее квесторами были названы те, кто занимались расследованием судебных тяжб. Военные трибуны [получили свое наименование] оттого, что по трое от каждой из триб Рамнов, Луцеров и Тициев направлялись некогда в войско. Плебейские трибуны [называются так] потому, что созданы впервые из военных трибунов во время сессии на Крустумерий с целью защиты плебса».

<sup>51</sup> Varro. LL. V. 82: «Диктатор (*dictator*) [назывался так] оттого, что назначался (*dicitur*) консулом, и все должны были внимать его приказу (*dictum*). Начальник конницы [назван так] оттого, что его власть над всадниками и легковооруженными является наивысшей, подобно высшей власти диктатора, который в силу этого также назывался начальником народа (*magister populi*). Остальные, поскольку были ниже, чем эти начальники (*magistri*), назывались магистратами (*magistratus*), подобным образом от *albus* (белый) происходит *albatus* (одетый в белое)».

империя, стоящими по уровню *honores* ниже военных трибунов, которых Цицерон (Leg. III. 6) называет *magistratus minores*. Важным моментом в конструкции Варрона является то, что он не связывает создание трибуната с плебсом (Varro. LL. V. 81), лишь говоря о функции трибуната (защита плебса). Тем самым он исходит из существования магистратуры, критерии систематики которой не социальные, но чисто правовые и функциональные, хотя помещение трибунов в самый низ списка могло быть связано именно с плебейским характером магистратуры трибуната, о чем Варрон ничего не говорит.

В этимологическом построении автора именно этимология выдает его нелогичность. Варрон для всех магистратов указывает, дериватом какого слова является название той или иной магистратуры (e.g.: *consul* < *consulere* и т.д.). Однако эта логика нарушена в случае с плебейскими трибунами. Хотя Варрон производит их от военных трибунов, мы не можем рассматривать *tribunus plebis* дериватом *tribunus militum*, ибо он говорит не об этимологии слова, а о происхождении самой должности. Об этимологии же *tribunus plebis* можно говорить здесь лишь опосредованно, поскольку Варрон связывает *tribunus militum* с *tribus*. Отсутствие у него специальной этимологии для плебейских трибунов может свидетельствовать о том, что таковой не было и у его предшественников. Объяснение трибунату давалось не через этимологию слова, а через объяснение происхождения самой должности (впрочем, античные грамматики не всегда отделяли одно от другого).

Как явствует из построения фразы, определяющим в характеристике *tribunus plebis* является не *tribunus*, а *plebs*, и именно через него дает толкование Варрон – трибун создан для защиты плебса (LL. V. 81). Из этого исходят все предшествующие и последующие толкователи<sup>52</sup>. Это дает нам основание считать, что связь *tribunus* – *tribus* не является определяющей для происхождения трибуната и нет необходимости, как делали некоторые исследователи, возводить плебейских трибунов к главам римских триб<sup>53</sup>. Античные авторы, этим своим толкованием трибуната, задавали, хотя и иными, так сказать «квазиэтимологическими» средствами, сущностные характеристики трибуната – сферу (плебс) и характер (защита) его деятельности. Название *tribunus plebis* указыва-

<sup>52</sup> Cic. Leg. III. 9: «Те, кого плебс изберет, числом десять, в свою защиту – ради оказания ему помощи против самоуправства, да будут трибунами плебса»; Isid. Etym. IX. 4. 18: «Трибуны названы так оттого, что предоставляют плебсу права и защиту».

<sup>53</sup> Многие современные исследователи различными средствами пытались установить такую связь (см. напр.: Павлов. 1997. С. 12-22).

ет, таким образом, не столько на *tribus*, сколько на то, что в его лице мы имеем руководителя плебса, как части римской *civitas*<sup>54</sup>.

Сомнения в построении Варрона возникают и по иным причинам. В частности, он – единственный из античных авторов, кто прямо выводит происхождение плебейских трибунов из трибунов военных<sup>55</sup>. В истинности этой связи можно усомниться. Сомнения вызывает и место сецессии – Крустумерий, где, по мнению Варрона, был создан трибунат. Ливий, не связывая плебейских трибунов с военными, говорит о Крустумерии (*Liv.* III. 42–45) в связи со второй сецессией (449 г. до н.э.). Если эти две традиции имеют пересечение, то можно предполагать, что Варрон относил создание трибуната, в противоречии с основной традицией, не к 494, а к 449 г. до н.э.<sup>56</sup> Примечательно, что современные авторы, следовавшие традиции Варрона, предпочитали не останавливаться на объяснении появления в его фразе Крустумерия<sup>57</sup>. Неясно, является ли пассаж Варрона следованием некоей традиции, либо плодом его собственной реконструкции. Но даже если он следовал за некоей традицией, сам выбор ее примечателен, поскольку позволил «встроить» трибунат в общую систему магистратур; кроме того, обращение к традиции с Крустумерием давало ему возможность избежать употребления названия другого места сецессии – *Sacer mons*, к которому склоняется основная традиция<sup>58</sup> и, в том числе, Цицерон, считавший, что плебс сначала ушел на Священную гору, а затем на Авентин (*Cic. Leg.* II. 58). Обращение к этому понятию потребовало бы обсуждения специфики трибуната, что противоречило бы его концепции.

---

<sup>54</sup> Трибу Дионисий Галикарнасский сравнивал с филой и тритгией, а ее руководителей с филархами и триттиархами (*Dionys.* II. 7).

<sup>55</sup> Традиция Варрона была признана Т. Моммзенем (*Mommsen.* 1874. Bd. II. S. 247–303), а вслед за ним рядом других исследователей (напр.: Токмаков. 1998. С. 67–77), однако это вызывает немало сомнений. Мы считаем некорректным говорить, как это делает В.Н. Токмаков, о «военном аспекте» *tribunicia potestas*, по своей природе сугубо гражданской; нет оснований связывать трибунов и с защитой исключительно плебеев-воинов, тем более с защитой плебеев-воинов определенных классов.

<sup>56</sup> На такой трактовке настаивает С. Мадзарино (*Mazzarino.* 1972. P. 175–191).

<sup>57</sup> Так Т. Моммзен, последовавший в объяснении происхождения трибуната за Варроном, хронологически относил его, в соответствии с основной античной традицией, к 494 г. до н.э., но, отдавая дань традиции Варрона, писал: «Установление такого порядка традиция относит к 260 году [от основания Города] и связывает с уходом народа на некую гору, в районе прежнего города Крустумерия, известную как *Sacer mons*» (*Mommsen Th.* 1874. Bd. II. S. 247).

<sup>58</sup> *Liv.* II. 29. 8; 31; 31; 32; IX. 34. 3; *Dionys.* VI. 45. 2; *Cic. Brut.* 54; *Corn.* 1, frg. 48M; *Fest.* P. 422 L.; *Flor.* I. 17(23); *Val. Max.* VIII. 9. 1; *Plut. Coriol.* 6; *Oros.* II. 5. 5; *Eutr.* I. 13.

Вторым пассажем его сочинения «О латинском языке», который дает важную информацию о трибунате и магистратуре, является рассуждение Варрона о практике созыва центуриатных комиций (LL. VI. 86-95), где он, в отличие от представленного выше пассажа, сообщает и, более того, цитирует свои источники, причем документальные: цензорские таблицы, консульские и квесторские комментарии<sup>59</sup>, а также юридические сочинения М. Юния Гракхана и Кв. Коскония (II в. до н.э.). В противоположность первому пассажи трибуны появляются здесь в рамках непосредственной практической деятельности, а не некоей общей системы, что позволяет сопоставить «систему» и «практику». Цитируя цензорские таблицы (VI. 86-87), Варрон говорит, о производстве ценза и *lustrum* на Марсовом поле цензорами. Он замечает, что при этом обязательно присутствовали претор и плебейские трибуны, хотя и не говорит об их роли<sup>60</sup>. Совместное присутствие этих должностных лиц весьма примечательно. Информация Варрона дополняет данные других авторов об их тесном взаимодействии, прежде всего, в сфере судопроизводства<sup>61</sup>. Как ценз, так и *lustrum* производятся самими цензорами, которые созывают собрание, опрашивают присутствующих, составляя списки, и отводят граждан в город. Примечательно, что трибун оппонирует здесь не цензору, а именно претору. Варрон ничего не сообщает о целях присутствия претора и трибуна. Очевидно, что при нормальном ходе производства ценза, осуществляемого цензором, никакое вмешательство с их стороны не требуется, их присутствие скорее символично: оно выражает присутствие двух типов власти, двух типов магистратур (патрицианской *cum imperio* и плебейской *cum potestate*), а вместе с тем, двух типов общностей (*patres* и *plebs*), которые, в совокупности, являют собой единство государства и полноту власти. Та и другая, в случае необходимости, могли, несомненно, воспользоваться своими полномочиями. Необходимость присутствия трибуна при производстве ценза исходила

<sup>59</sup> Точно датировать невозможно. Скорей всего, они относятся к III-II в. до н.э.

<sup>60</sup> Varro. LL. VI. 86-87: «Теперь, первым делом, приведу [выдержки] из цензорских таблиц: Когда ночью цензор совершит ауспиции в освященном месте (*templum*) и будет небом дан [добрый] знак, он так прикажет глашатаю (*praeco*) созывать мужей <...>. Глашатай (*praeco*) созывает сначала с освященного места, после также с городских стен. С рассветом цензоры, писцы, магистраты, умащаются миррой и благовониями. Когда преторы, плебейские трибуны, и те, что приглашены (*inlicium vocati sunt*), пришли, цензоры бросают меж собой жребий, кто из них будет производить люструм. После того как место освящено, председательствует в собрании тот, кто будет производить люструм». О *lustrum* см.: Мельничук. 2002. С. 73-87; 2003. С. 54-65.

<sup>61</sup> Gell. VI. 9. 9 (204 г. до н.э.); Liv. XXVI. 3. 9 (213 г. до н.э.); XLIII. 16. 11 (169 г. до н.э.).



из его полномочий, связанных с защитой граждан. Когда сложилась подобная практика однозначно сказать нельзя<sup>62</sup>.

В аналогичном контексте, хотя и в другой связи, трибуны появляются в пассаже о созыве собрания уголовным квестором<sup>63</sup>. Опираясь на текст эдикта в «Комментарии к расследованию», Варрон сообщает, что (уголовный) квестор имеет право созывать собрания *populus* только в связи с исполнением им основной функции – расследованием и судопроизводством по уголовным делам, производя вызов обвиняемого через претора<sup>64</sup>. До созыва собрания он должен обсудить дело в сенате с членами сената (т.е. фактически получить первоначально одобрение сената), а также с консулами, преторами, трибунами, и коллегами, и пригласить их участвовать в собрании (*contio*). Трибуны, таким образом, участвуют, очевидно, как при обсуждении дела в сенате, так и в судебных собраниях, организованных квестором<sup>65</sup>, где выполняют ту же функцию контроля, защиты и представительства плебса, что и при цензе (LL. V. 87). В обоих случаях Варрон включает трибунов в состав магистратов, но в отличие от порядка, представленного выше (V. 80-82), трибуны здесь перечисляются непосредственно вслед за консулом и претором, и лишь

<sup>62</sup> Возможно, сразу после введения должности претора в 366 г. до н.э.

<sup>63</sup> Varro. LL. VI. 90: «Древний «Комментарий к расследованию» квестора Мания Сергия, сына Мания, который обвинил в уголовном преступлении <Т>рога, свидетельствует о том, что [глашатай] отправлялся вокруг стен, чтобы завлечь народ в то <место>, где он мог бы созвать на сходку (*contio*) не только [под руководством] консулов и цензоров, но также и квесторов; в нем говорится так: (91) «Ты (квестор) займешься ауспциями и произведешь их в освященном месте, затем ты пошлешь претору или консулу сообщение о них; претор вызовет ответчика к тебе в народное собрание (*comitiatum*), и глашатай (*praeco*) объявит ему о том с [городских] стен; следует [ему] это приказать. Ты пошлешь трубача (*cornicen*) к воротам дома частного лица и на акрополь, откуда он протрубит [сигнал]. Ты потребуешь от коллеги, чтобы он с ростр объявил о собрании (*comitia*), и чтобы аргентарии закрыли [свои меняльные] лавки. Пусть выскажут свое мнение отцы-сенаторы, а ты [их] испроси и предложи присутствовать; пусть выскажут свое мнение магистраты, консулы, преторы и плебейские трибуны, и твои коллеги, а ты [их] испроси и предложи всем присутствовать в освященном месте; а когда будешь готов, созови сходку (*contio*)»».

<sup>64</sup> Автор ничего не говорит о необходимости трибуны, подобно квестору, вызывать через посредство претора, указывая при этом на отсутствие у трибуна права вызова, что подчеркивает кардинальное различие положения трибуна и квестора в структуре магистратуры.

<sup>65</sup> Сравнение §§ 91 и 93 побуждает думать, что речь идет о сходке (*contio*), а не *comitia centuriata*. Созыв последних он связывает с цензорами, консулами, диктаторами, интеррексами. В то же время о сходке он говорит как о производимой после ауспий в освященном месте (*templum*); собрание он именует *comitiatum*, а его состав называет *populus* и городским войском.

затем фигурируют квесторы, что подчеркивает реальное назначение и место трибуната – противопоставление их власти (*potestas tribunicia*) власти консула и претора (*imperium*) с целью защиты (*auxilium*) от последней (e.g.: *Cic. Resp.* II. 58; *Leg.* III. 16; *Val. Max.* IV. 1. Ext. 8).

Варрон здесь делает еще одно важное замечание относительно права магистратов созывать центуриатные комиции<sup>66</sup>. Таковым, по его мнению, обладают консулы и диктаторы (делающие это ежегодно), а также цензоры (которые могут это делать только в связи с производством ценза раз в пять лет). Он подчеркивает тесную связь между этими магистратами и собраниями по центуриям, замечая, что именно через них они и осуществляют управление. Из рассуждения Варрона мы можем заключить *a contrario*, что трибуны не могли созывать центуриатные комиции, хотя присутствовали на них, что предполагает распространение трибунской *intercessio* за пределы городского померия<sup>67</sup>.

О воззрениях Варрона на трибунат и шире, на римскую конституцию в целом, мы можем получить важную информацию и из умолчаний, которые присутствуют в рассматриваемом труде. Варрон, например, при том, что он много внимания уделяет созыву центуриатных комиций (LL. VI. 86-95), а также посвящает собраниям курий достаточно объемный пассаж<sup>68</sup>, нигде не говорит о собраниях триб или о каких-то иных собраниях под руководством трибунов<sup>69</sup>. Не случайность такого умолчания косвенно подтверждается тем, что нигде в своем труде Варрон не только не дает этимологии принимаемых такими собраниями *plebiscita*, но и не

<sup>66</sup> *Varro.* LL. VI. 93: «<...> но на собрание (*comitiatum*) созывается народ (*populus*) потому, что по иной причине этот магистрат (квестор) не может созывать городское войско; цензор, консул, диктатор, интеррекс могут, так как цензор каждые пять лет формирует войско по центуриям, когда должен производить очищение и вести его в город под знаменем; диктатор и консул ежегодно, так как последний может приказывать войску, куда необходимо идти, это оттого, что они имеют обыкновение управлять посредством центуриатных комиций (*comitia centuriata*)».

<sup>67</sup> Ливий также говорит о распространении власти трибунов на 1000 шагов от городской черты (III. 20. 7), хотя чаще авторы связывают границу их власти с померием (*Dio.* XXXIX. 39; *LI.* 19) или стенами города (*Dionys.* VIII. 87; *App.* В.С. II. 31).

<sup>68</sup> *Varro.* LL. V. 155: «Комиций (*comitium*) происходит от того, что собирались на нем куриатные комиции для разбора [публичных] тяжб. Есть два рода курий: те, [что известны] как древние курии, где жрецы отправляли дела божественные, и то [место], где сенат [отправлял дела] человеческие, [известное] как Гостилиева курия, которую впервые воздвиг царь Гостилий...».

<sup>69</sup> Сами трибы упоминаются им не раз. Он дает их этимологию (LL. V. 35, 55, 56, 81, 91), упоминает ряд римских триб, как архаических – гентильных, так и пореформенных – городских и сельских. В VI. 43 он рассматривает этимологию *contio*, *concilium*, *conciliari*, но вне какого-либо социального или политического контекста.

использует данного термина вообще. Напротив, этимологию слова *lex*, тесно связанного с куриатными и центуриатными комициями, мы у него находим (LL. VI. 66); он использует его неоднократно (LL. VI. 66; 71; VII. 15; IX. 20; X. 47). Непосредственным образом с этим связано и отсутствие в его работе анализа этимологии слова *plebs*; он полностью избегает и его употребления<sup>70</sup>. Напротив, термин *populus* встречается в труде не раз (LL. V. 1; 35; VIII. 6; IX. 5; 6; 18; 114; X. 16; 74; etc.). Все это позволяет думать, что эти умолчания не являются случайными, а отражают общий концептуальный подход автора, не столько отображающего, сколько моделирующего римские публично-правовые реалии.

Таким образом, картина, которую рисует Варрон, позволяет говорить о наличии у него определенной концепции трибуната и его места в римской публично-правовой системе в целом и в магистратуре, в частности. Варрон, подобно Цицерону, стремится принизить значение трибуната, однако иными, нежели оратор, средствами – «ликвидируя» его как специфический (плебейский по происхождению и природе) институт и унифицируя его с недифференцированной социально магистратурой, объективно являющейся институтом патрицианским по происхождению и природе. Для этой унификации Варрон выводит генетическую связь между плебейским и военным трибунатом, а говоря о его создании, не упоминает о плебсе, лишь подчеркивает его цель – защиту плебса. Тем самым трибуна́т оказывается неотъемлемой частью системы магистратур лишь функционально (не социально) отличающейся от других магистратских должностей. Демонстрацию этой функции мы можем видеть у него в участии трибунов в производстве ценза и судебных собраниях, организуемых квесторами; в появлении трибунов при перечислении магистратов сразу после магистратов с империем. Вместе с тем, Варрон отмечает низкий уровень *honores* этой магистратуры, ставя трибунов в общем списке магистратов на последнее место. Эта унификация потребовала от автора и унификации социального порядка римской *civitas*, для чего Варрон использует категорию *populus*, отказавшись от категорий *plebs* и *patricii*. Чтобы устранить возникающие при этом внутри публично-правовой системы противоречия, ему пришлось вычеркнуть из нее *plebiscita*, а вместе с ними и собрания в трибах под руководством трибунов, оставив *leges* вместе с собраниями курий и центурий. С последними, как и с магистратами их созывающими, автор связывает функцию управления. Тем самым он отделяет от нее трибунов и трибы, оставляет

---

<sup>70</sup> Слово встречается только в названии трибуната – *tribunus plebis* (LL. VI. 91); *tribunus plebei* (LL. V. 81; VI. 87).

трибунам только «негативные» полномочия, лишает их своей социальной опоры (*plebs*) и института (*tribus*), через посредство которого, прежде всего, они реализуют свои позитивные полномочия. Можно полагать, что Варрон, подобно Цицерону, считавшему справедливыми только центуриатные собрания, столь же негативно относился к трибунской агитации и законодательной деятельности. Однако раздражение Варрона вызывает не только их законодательная деятельность, но и всякая деятельность, связанная с *ius cum plebe agendi*, ибо, отрицая наличие права вызова у трибунов, он отвергает и наличие их судебных полномочий. Примечательно и то, что он, подобно Цицерону, негативные новации (отход от *mores maiorum* в вопросе *vocatio*) его времени связывает с трибунами. Несмотря на ряд общих с Цицероном подходов к трибунату, позиция Варрона гораздо более консервативна, ибо объективно гораздо теснее смыкается с идеями, заложенными в основание реформ Суллы. Варрону не удалось безболезненно свести трибунат к унифицированной социально магистратуре: созданная им система не смогла обойтись без противоречий и умолчаний, а использование Варроном в отношении трибуната противоречащих его природе понятий *auspicia (publica)*, *potestas par/maior*, *honores publici* имеет вид конструирования «по аналогии», носит производный характер и стало возможным благодаря отношению им трибунов к числу магистратов.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Азаревич Д. Патриции и плебеи в Риме. СПб., 1875. Т. 1-2.
- Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1888. Ч. 1.
- Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005.
- Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004.
- Дементьева В.В. Магистратская власть римской республики: содержание понятия *imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 61-73.
- Дементьева В.В. Функции квесторов архаического Рима в сфере уголовного судопроизводства // Из истории античного общества: сб. науч. тр. Вып. 12. Нижний Новгород, 2009. С. 187-202.
- Дуров В.С. История римской литературы. СПб., 2000.
- Кофанов Л.Л. *Antiquitates rerum humanarum et divinarum* Варрона и система римского публичного права // Древнее право. 2006. № 1 (17).
- Лукьянец А.В. Изучение римской должности *praefectus urbi* в зарубежном антиковедении XIX века // *Tabularium*. Труды по антиковедению и медиевистике. М., 2003. Т. 1. С. 76-84.
- Лялунов Ю. Имели ли народные трибуны ауспиции // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 9. С. 256-287.
- Мельничук Я.В. Некоторые аспекты церемонии *lustrum* // Древнее право. 2002. № 2(10). С. 73-87; 2003. № 1(11). С. 54-65.

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 1.

Павлов А.А. Дискуссионные проблемы раннего плебейского трибуната в немецкой историографии XIX в. // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1997. С. 12-22.

Павлов А.А. Плебейский трибунал в системе смешанной конституции Полибия и Цицерона // Древнее право. 2004. № 13. С. 19-39.

Павлов А.А. Libertas (свобода) в исторической концепции Тита Ливия // Диалог со временем. 2009. Вып. 27. С. 219-229.

Павлов А.А. Плебейский трибунал между магистратурой и представительством народа: к систематике трибуната у Полибия и Цицерона // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сб. статей / под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 9. СПб., 2011. С. 159-178.

Петровский Н.А. Институт аналогии в римской правовой науке и судебной практике // Древнее право. 2007. № 1 (19). С. 83-89.

Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III-I вв. до н.э. М., 2005.

Токмаков В.Н. Tribunicia potestas в Ранней республике: военно-правовой аспект // Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 67-77.

Astin A.E. The Atinii // Mélanges M. Renard. Bruxelles, 1969. Vol. II. P. 34-39.

Badian E. Tribuni plebis and res publica // Imperium Sine Fine: T. Robert S. Broughton and the Roman Republic / Ed. J. Lindersky. Stuttgart, 1996. P. 187-213.

Bauman R.A. Lawyers in Roman republican politics: a study of the Roman jurists in their political setting, 316-82 BC. München, 1983.

Beicken J. Das römische Volkstribunat: Versuch einer Analyse seiner politischen Funktion in republikanischer Zeit // Chiron. 1981. 11. S. 87-108.

Bretone M. Technique e ideologie dei giuristi romani. Napoli, 1982.

Catalano P. Tribunato e resistenza. Torino, 1971.

Giovannini A. Volkstribunat und Volksgericht // Chiron. 1983/13. S. 545-566.

Giovannini A. Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 406-436.

Grosso G. Appunti sulla valutazione del tribunato della plebe nella tradizione storiografica conservatrice // Index. Quaderni camera di studi romanistici. 1977/7. P. 157-161.

Fabbrini F. Tribuni plebis // NNDI. Torino, 1973. XIX. P. 878-822.

Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1885. Bd. I.

Lange L. Römische Altertümer. Berlin, 1876. Bd. I.

Linderski J. The Auspices and the Struggle of the Orders // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik. Stuttgart, 1990. P. 34-48.

Lobrano G. Fondamento e natura del potere tribunitio nella storiografia giuridica contemporanea // Index. 1972/3. P. 235-262.

Lobrano G. Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani // Studia et documenta historiae et iuris. 1975/41. P. 245-277.

Lobrano G. Il potere dei tribuni della plebe. Milano, 1983.

Lobrano G. La défense de la liberté publique et individuelle division des pouvoirs ou tribunat // IVS ANTIQVVM. 1996. № 1. P. 53-61.

*Mazzarino S.* Note sul tribunato della plebe nella storiografia romana // Index. Quaderni camera di studi romanistici. 1972/3. P. 175-191.

*Margadant G.F.* Tribunado de la plebe: un gigante sin descendencia // Index. Quaderni camera di studi romanistici. 1977/7. P. 186-187.

*Mastrocinque A.* Aspetti del tribunato alle origini della repubblica // IVS ANTIQVVM. 1996. № 1. P. 62-68.

*Mitchell R.E.* Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca&London, 1990.

*Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1874. Bd. II.

*Niccolini G.* Il Tribunato della plebe. Milano, 1932.

*Niccolini G.* Fasti dei tribune della plebe. Milano, 1934.

*Perelli L.* Note sul tribunato della plebe nella riflessione Ciceroniana // Quaderni di storia. 1979/10. P. 285-299.

*Rotondi G.* Leges publicae populi Romani. Hildesheim, 1962.

*Thommen L.* Das Volkstribunat der späten Römischen Republik. Stuttgart, 1989.

**Павлов Андрей Альбертович**, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета; [aarpavlov@rambler.ru](mailto:aarpavlov@rambler.ru)

Н. А. ПОЛИКАРПОВА

## КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭТАЛОННОЙ МАСКУЛИННОСТИ И СМЕРТИ В ФИЛОСОФСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ЛУЦИА АННЕЯ СЕНЕКИ

---

Противоречивость социально-политической и морально-нравственной основ режима ранней Римской империи (принципата) обусловили популярность в среде интеллектуальной элиты этического учения стоиков. В фокусе внимания крупнейшего представителя позднего стоицизма Луция Аннея Сенеки находилась проблема поиска стабильности социума через возрождение пошатнувшихся в связи с усилением женской активности представлений о гегемонии маскулинности. Способность презреть смерть, по мысли Сенеки, также являлась неременным условием, обеспечивавшим движение социума к новому состоянию.

**Ключевые слова:** *Сенека, смерть, эталон, маскулинность, фемининность, принципат.*

---

Традиция включения темы смерти в контекст философских теорий имеет давнюю историю, ведь именно смерть, по мысли А. Шопенгауэра, – «вдохновляющая муза философии: и без нее философия вряд ли бы существовала»<sup>1</sup>. Однако устойчивый интерес к проблеме смерти и небытия, позволивший сформироваться обособленной отрасли знания – философской танатологии, проявился сравнительно недавно. Сугубо философский дискурс был расширен благодаря реализации междисциплинарного подхода и актуализации проблемы смерти в разных областях.

Утверждение темы смерти в проблемном поле исторической науки связано с появлением новых направлений исследования, ориентированных на изучение человека прошлого и реконструкцию его внутреннего мира, выявление установок в отношении к смерти, которые могут пролить свет на восприятие жизни и ее ценностей людьми конкретной исторической эпохи<sup>2</sup>. Рассмотрению смерти как исторического концепта – одного из коренных параметров коллективного сознания – было уделено значительное внимание в работах таких известных исследователей, как, например, Й. Хёйзинга, Ф. Арьес, Ж. Ле Гофф<sup>3</sup>.

Но, если историки, так или иначе, солидарны в том, что вопрос о восприятии смерти позволяет «углубить понимание многих сторон социально-культурной действительности минувших эпох, лучше понять,

---

<sup>1</sup> Мудрость тысячелетий от А до Я... С. 566.

<sup>2</sup> Гуревич. 1989. С. 114.

<sup>3</sup> См.: Хёйзинга. 1988; Арьес. 1992; Ле Гофф. 2001.

каков был человек в истории»<sup>4</sup>, то половая идентичность этого «человека в истории» подчас не учитывается. Следовательно, и комплекс субъективных восприятий, обусловленных принадлежностью индивида к тому или иному полу, т.е. фактор гендера, «выпадает» из поля зрения ученых. Нечувствительность большинства исследователей к вопросам социальных проявлений пола приводит к тому, что традиционная («мужская») история, табуируя женский опыт, препятствует не только реконструкции истории женщины и женской культуры, но, практически никогда не обращаясь к специфическим переживаниям мужчин, связанным с их гендерной принадлежностью, не способствует в действительности и созданию истории культуры мужской, равно как истории мужчины<sup>5</sup>.

Пожалуй, наименее восприимчивой не только к гендерной проблематике (во многом по причине отсутствия «женского взгляда» на события), но и теме смерти, областью истории исторической науки до недавнего времени являлась историография античности. Так, в работах историков-античников XIX–XX вв. наиболее проработанные вопросы, касавшиеся смерти, в пространственно-временных границах древнеримской цивилизации, были связаны с выявлением особенностей погребального обряда римлян, мест упокоения усопших и вариантов захоронения<sup>6</sup>. Даже этот узкий спектр вопросов не изучался самостоятельно и углубленно, поскольку представлял собой лишь одну из составных частей в работах, претендовавших на всестороннее освещение повседневной жизни древних римлян (а нередко и древних греков).

В современной западной историографии имеется ряд работ, посвященных проблеме смерти в древнеримской цивилизации<sup>7</sup> на страницах которых, в той или иной степени, учитываются половозрастные особенности, оказывавшие влияние на представления о кончине. Но даже в указанных текстах гендерные особенности восприятия смерти играют далеко не самую значительную роль, хотя элиминирование подобного фактора применительно к обществу со столь ярко выраженной гендерной иерархией значительно обедняет исследование.

Данная статья представляет собой попытку исследовать представления о гендерных стратегиях<sup>8</sup> и смерти на примере избранных философских сочинений Луция Аннея Сенеки.

---

<sup>4</sup> Гуревич. 1992. С. 6.

<sup>5</sup> Пушкарева. 2001. С. 288.

<sup>6</sup> См.: Вейс. 2004; Велицкий. 2000; Винничук. 1988; Гиро. 2001; Грималь. 2008.

<sup>7</sup> См. например: Edwards. 2007; Норе. 2007; Норе. 2003; Kyle. 1998.

<sup>8</sup> Гендерные стратегии – это модели поведения и мотивации человека, обусловленные гендерной идентичностью; механизм, при котором образы, формирую-



Своим современникам Сенека был известен как активный политический деятель и искусный оратор, чьи речи (не сохранившиеся до наших дней), вызвав зависть императора Калигулы, чуть было не погубили мыслителя; как автор эпиграмм и предназначенных для «рецитации в интеллигентном кругу и для чтения»<sup>9</sup> трагедий<sup>10</sup>; как приверженец и идеолог весьма популярного в эпоху принципата (I–III вв.) стоического философского учения. Именно как моралист, учитель жизни, автор многочисленных нравоучительных писем и трактатов, Сенека остался известен среди потомков. У Сенеки, как отмечает В.Ф. Асмус, проблемы морали преобладают настолько, что им он посвящает значительные части рассуждений даже в своих «Естественнонаучных вопросах»<sup>11</sup>. Ценность трактата о природе для данного исследования состоит именно в акцентуации проблем морали, отражавшей стремление философа «связать естественнонаучные изыскания с таким видением мира, в центре которого стоит проблема совести и морального облика человека»<sup>12</sup>. «Естественнонаучные вопросы», а также философский диалог «О провидении» и 124 письма, которые П. Грималь называет «своего рода дневником философа»<sup>13</sup>, были адресованы другу, представителю всаднического сословия, прокуратору Сицилии, а затем Азии – Луцилию. Перечисленные произведения принято относить к позднему периоду творчества мыслителя, когда после его отстранения императором Нероном от государственных дел (62–65 гг.) он сосредоточился на более глубокой разработке этических вопросов учения. В трактатах «О стойкости мудреца», «О блаженной жизни», относящихся к концу 40-х –50-м гг., была предпринята попытка приспособить довольно ригористичную, суровую философию стоицизма к реалиям времени и политической обстановке в Римской империи середины I в. Еще более политизированным является написанное во время корсиканской ссылки (41–49 гг.) «Утешение к Полибию», где отчетливо видно, что «Сенека все еще не отказался играть в

---

щие гендерную идентичность человека, выступают в качестве «желаемого будущего», для достижения которого человек предпринимает ту или иную активность. См.: *Савин*. [Электронный ресурс].

<sup>9</sup> *Бородай*. 2001. С. 6.

<sup>10</sup> По утверждению французского исследователя Г. Буассье, трагедии Сенеки являлись весьма посредственными произведениями. Их ценность состояла не в достижении совершенства стиля и слога, а в эксплуатации греческого оригинала трагедии в качестве формы, наполненной актуальными для современников Сенеки смыслами. См. подробнее: *Буассье*. 1910. С. 74–75.

<sup>11</sup> *Асмус*. 1998. С. 366.

<sup>12</sup> *Грималь*. 2003. С. 460.

<sup>13</sup> Там же. С. 332.

обществе определенную роль, хотя бы в качестве советчика»<sup>14</sup>. В трехтомном трактате «О гневе» Сенека предстает не только как моралист, но и как выдающийся исследователь психологии<sup>15</sup>. Указанный комплекс в большей или меньшей степени философских произведений Сенеки, а также творческое наследие раба Эпиктета и императора Марка Аврелия Антонина принято относить к периоду Поздней Стои (I–III вв.)<sup>16</sup>.

Содержательно позднестоицическая философия существенно изменилась, сфокусировав внимание не на разработке вопросов логики и физики, а на этической стороне учения, которая «из отвлеченного исследования блага и добродетели уже окончательно становится средством кристаллизации интимно-личностных убеждений, концентрации на жизни своего “я”»<sup>17</sup>. Это стало возможным благодаря росту в эллинистическую и римскую эпохи интереса к человеку и его внутреннему миру<sup>18</sup>. Поэтому неслучайно центральной проблемой этического учения Сенеки становится конструирование представлений об идеальной личности, идейные истоки которых философ обнаруживает в образе апатичного мудреца ранних стоиков, а как гражданин Рима – в аутентичной римской фигуре «добротного мужа» (*vir bonus*)<sup>19</sup>.

Однако образ безмятежного, невозмутимого, самосовершенствующегося мудреца не был специфическим явлением даже для философии ранних стоиков<sup>20</sup>. По мнению А.Ф. Лосева, уникальность, самобытность образа мудреца для мыслителей Древней Стои заключалась в осуществлении в его фигуре внетелесной красоты<sup>21</sup>. Способность к атараксии и даже апатии в телесной, т.е. чувствующей душе<sup>22</sup> мудреца, осуществля-

<sup>14</sup> Там же. С. 457.

<sup>15</sup> *Бородай*. 2001. С. 8.

<sup>16</sup> Стоицизм, сформировавшийся в самом конце IV–III вв. до н.э. и получивший свое название, согласно Диогену Лаэртскому, благодаря Расписной Стое, где излагал свое учение основатель стоической философии Зенон Китийский, был перенесен на римскую почву Панэцием Родосским (ок. 185–110 гг. до н.э.). Греческий этап развития стоического учения составляет философию Древней, или Ранней Стои, философские взгляды Панэция и Посидония (135–51 гг. до н.э.) принято именовать периодом Средней Стои (II–I вв. до н.э.).

<sup>17</sup> *Столяров*. 1995. С. 293.

<sup>18</sup> *Кон*. 1984. С. 78–79.

<sup>19</sup> С наибольшей очевидностью преемственность взглядов мыслителя обнаруживается в двойном именовании Сенекой своего маскулинного идеала «мудрецом» (*sapiens*) и «добрым мужем» или «мужем добра» (*vir bonus*).

<sup>20</sup> *Лосев*. 1979. С. 86.

<sup>21</sup> Там же. С. 151.

<sup>22</sup> Атараксия – душевное спокойствие, невозмутимость, безмятежность. Апатия – философское понятие, обозначающее отрешение от всех страстей, освобожде-

лась за счет утверждения в ней бестелесного «лектон» (иррелевантной красоты), способного преобразовывать бессмысленную бездну никак не организованных человеческих переживаний<sup>23</sup>. Таким образом, видно, что образ раннестойческого мудреца строится на основе парадигматической, взаимоисключающей оппозиции «телесное-бестелесное», а примирение полярных ее категорий в фигуре мудреца формирует отличие этики стоиков от иных философских учений и школ, эксплуатировавших образ спокойной, уравновешенной, самосовершенствующейся личности.

Вообще любая философская модель строится в первую очередь на подобных оппозициях. Помимо противопоставления категорий «телесного» и «бестелесного» ранние стоики Греции, как и древние римляне, формировали свои представления на основе фундаментальной бинарной оппозиции «добродетель – порок» («добро – зло»). Хотя смысловая нагрузка этих дефиниций в рамках неодинаковых мировоззренческих систем могла трансформироваться, сама модель оставалась неизменной. Кроме того, для сформированных в разные периоды шкал ценностей характерен разный уровень персонификации, т.е. степень связи положительных или отрицательных абстракций с реальностью. Мыслители Ранней Стои по преимуществу конструировали представления о «добродетели», «пороке», «страстях» как о самодовлеющих, самостоятельных категориях, которые реальны и существуют обособленно от души или лица, способных их в себе воплотить. Вероятно, подобная идея могла быть связана с представлениями об абсолютной телесности, согласно которой даже качества телесны, а значит, и реально существуют<sup>24</sup>.

И все же, отдельные категории у стоиков находят свое материальное воплощение: *бесстрастие, несуетность, свобода, непогрешимость, дружба*, коннотировавшиеся как «положительные», приписывались в качестве неотъемлемых атрибутов образу мудреца. «Отрицательная» шкала ценностей, хотя и была прописана в этике древних стоиков, но конкретной, полноценной реализации не получила.

В большей степени «привязку» к действительности имела римская республиканская система ценностей, что, по всей вероятности, было связано с меньшей степенью ригористичности (в отличие от модели древ-

---

ние от чувства страха и проблем окружающей действительности. Стоики, строившие свое учение на признании только телесного бытия, понимали мир и все его составляющие как обладающее телесностью, живое, а значит, чувствующее существо. Телесностью, по мысли стоиков, обладала также душа человека. См.: *Диоген Лаэртский*. VII, 1, 143.

<sup>23</sup> Лосев. 1979. С. 150.

<sup>24</sup> Степанова. 1995. С. 151.

них стоиков) фигуры идеального гражданина *vir bonus*. Естественно, «муж добра» воплощал в себе ту часть ценностной шкалы, которая имела положительный вектор – «добродетели» (*virtutes*). Более того, эти положительные качества были объединены в своего рода кодекс (*virtus*), представлявший собой всеобъемлющее выражение «достойного поведения каждого римлянина в рамках римской гражданской общины»<sup>25</sup>. Составляющие шкалы ценностей с отрицательным знаком «становятся нам известны в период обострившейся борьбы против чужеземных (эллинстических) влияний, выступая как пороки и губительные новшества, либо занесенные извне, либо зародившиеся в самом римском обществе, но опять-таки в результате чуждых влияний»<sup>26</sup>. Культивирование представлений об иноземном происхождении пороков, локализовавшихся преимущественно в Греции и на Ближнем Востоке и привнесенных оттуда в Рим, подчеркивало значимость аутентичных римских *virtutes*. Противопоставление римских добродетелей, основанных на культе бережливости и военной силы, и чуждых Риму нравственных изъянов косвенным образом усиливается через ассоциирование разлагающих римское общество иноземных качеств с «женственностью» – синонимом слабости, изнеженности, праздности<sup>27</sup>. Таким образом, в республиканском Риме абстрактный антагонизм «добродетель-порок» находил точки соприкосновения с действительной социально-политической ситуацией, выступая в качестве средства самовозвышения римского государства.

Если у древних стоиков «пороки» практически не находили прямого воплощения, оставаясь обособленными категориями<sup>28</sup>, то у римлян времен Республики степень приложения «отрицательной» шкалы к действительности была более зрима. Однако, помещая ее за пределы римского общества, в область, символизировавшую все «инаковое», чуждое их собственному миру, мыслители республиканского периода римской истории не могли полностью избежать умозрительности, добиться качественного воплощения категорий отрицательного знака в реальности.

Для Сенеки вопрос ухода от эфемерности негативной ценностной шкалы реализуется через дальнейшую разработку сконструированных

---

<sup>25</sup> Утченко. 1952. С. 55–56.

<sup>26</sup> Утченко. 1972. С. 22.

<sup>27</sup> Edwards. 1993. P. 93.

<sup>28</sup> Так, Диоген Лаэртский сообщает, что «добродетель существует, - успехи в ней, сделанные Сократом, Диогеном, Антисфеном и их последователями» тому подтверждение. Порок в философии греческих стоиков, утверждает Диоген, противоположен добродетели, однако примеров его воплощения в исторических или мифологических фигурах автором не приводится. См.: *Диоген Лаэртский*. VII, 91.

предшественниками представлений о взаимозависимости «порока» и «фемининности», с той лишь разницей, что проецируется данная связь непосредственно на отдельные категории римского общества, наиболее очевидной из которых, естественно, являлись женщины. Воплощение пороков в женском начале было также связано с мировоззренческими особенностями и социальной обстановкой в эпоху принципата.

Идеологическая основа режима ранней империи базировалась на идее примата традиционных римских ценностей, подорванных крахом Республики и окончательно уничтоженных волной кровопролитных гражданских войн. Кризис староримской морали выразился в присвоении женщинами большей социально-политической и сексуальной свободы. Эмансипация римлянок, воспринимавшаяся как хаотическая, иррациональная сила, символ общего падения нравственности и причина крушения Республики, в рамках нового режима нуждалась в контроле и обуздании<sup>29</sup>. Попытка ограничить женскую активность путем возвращения римлянок к традиционной роли жены и продолжательницы рода, восстановления ригидных границ между сферами публичного и частного были предприняты императором Августом сразу по пришествии к власти. Однако ни закон 18 г. до н. э. против прелюбодеяния, являвшийся частью программы моральных реформ, ни сегрегация мужского и женского пространств (к примеру, в амфитеатре, как и запрет посещения атлетических состязаний римлянками)<sup>30</sup> не смогли остановить эмансипации матрон. Среди представителей имперской элиты было немало женщин, продолжавших принимать активное участие в государственных делах и влиять на принятие политических решений. К примеру, жена Германика – Випсания Агриппина не только «взяла на себя... обязанности военачальника», но и «подавила мятеж, против которого было бесцельно имя самого принцепса»<sup>31</sup>, а ее дочь Агриппина Младшая фактически «вершила делами Римской державы», управляя так, как если бы власть «находилась в мужской руке»<sup>32</sup>. К тому же именно воле Агриппины Младшей, матери императора Нерона, был обязан Сенека своим возвращением из продолжительной ссылки. Не имели успеха и попытки Августа восстановить целомудрие римских женщин: несмотря на суровые наказания для римлянок за адюльтер, произведения римских авторов I–II вв. пестрят примерами проявления сексуальной свободы матрон. Наиболее одиозной фигурой, демонстрировавшей пренебрежение к уза-

---

<sup>29</sup> Edwards. 1993. P. 35-36.

<sup>30</sup> Светоний. II, 44.

<sup>31</sup> Тацит. I, 69.

<sup>32</sup> Тацит. XII, 7.

коненной политике двойных стандартов в сексуальной сфере, была императрица Мессалина – женщина, имевшая не только множество внебрачных связей, но, будучи женой принцепса Клавдия, вступившая в брак с одним из своих любовников<sup>33</sup>.

Наблюдая очевидные признаки разложения андроцентричного общественного устройства, Сенека пытается возродить традиционные представления о естественной подчиненности женщины, конструируя маскулинный идеал как всестороннюю инверсию женского начала, и тем самым продолжает сформировавшуюся еще при Августе традицию мизогинии в римской литературе.

Для маскулинного эталона Сенеки наиболее значимой способностью было *духовное самосовершенствование*<sup>34</sup> – идея, являвшаяся развитием представлений Ранней Стои о преобразовании мудрецом эмоций и страстей в способность к невозмутимости и безмятежности. Поскольку движение от влечений и внутренней дисгармонии к апатии – это всегда процесс, причем процесс непрерывный, то уникальность фигуры мудреца состояла не столько в его спокойствии, неподвластности страстям, сколько в становлении его таковым путем работы над собой.

Идея самосовершенствования была близка также идеалу римского гражданина – *vir bonus*. В сознании жителей «вечного города» категории политического, религиозного и экономического носили статус моральных качеств и не были строго дифференцированы<sup>35</sup>, поэтому человек оценивался не столько по отдельным *virtutes*, сколько по их совокупности и гармоничному сочетанию<sup>36</sup>. В этой связи цель жизни «мужа добра» состояла в развитии и улучшении своих нравственных качеств<sup>37</sup>.

Однако в идеальной личности Сенеки данный аспект выглядит более существенным именно за счет конструирования представлений об отсутствии у женщин такой способности. Во-первых, неполноценность женщины артикулировалась на уровне языка. Сенека, как и его предшественники, для обозначения эталонной личности использовал термин *vir* (мужчина), который, в отличие от обычно гендерно нейтрального *homo*<sup>38</sup> (человек), никогда не включал в свое семантическое поле женщин<sup>38</sup>.

<sup>33</sup> Тацит. XI, 12, 26.

<sup>34</sup> *Senecae. Epistulae...* II, IV (16), 1; IV, VI (35), 1; V, XII (52), 6; VII, VII (69), 5; XIV, I (89), 4.

<sup>35</sup> Edwards. 1993. P. 4.

<sup>36</sup> Утченко. 1952. С. 55.

<sup>37</sup> Там же. С. 185.

<sup>38</sup> Крайне редко термин «*vir*» употреблялся в значении «человек», но лишь в той ситуации, когда его половая принадлежность не имела значения. (Дворецкий.

Кроме того, *vir* являлся родственным понятию *virtus* (совокупности широкого спектра добродетелей, отличавших достойного гражданина Рима), что априори означало невозможность приобщения женщины к добродетели. При этом, по мысли древних стоиков, достижение мудрости, как совершеннейшей из добродетелей, возможно только в случае *следования своей природе*. Постулируя преемственность взглядов с адептами стоической философии, Сенека замечает: «Все же я, как принято среди всех стоиков, за согласие с природой; не отклоняться от нее и формировать себя по ее закону и примеру – есть мудрость»<sup>39</sup>. Женщина же «неразумное животное, дикое и не умеющее сдерживать влечений»<sup>40</sup>, не может преодолеть свое низменное, неспособное к самоограничению, отстранению от внешних соблазнов начало, проявляя пристрастие к «вину, плотским удовольствиям, желанию славы, страсти к интригам – всему тому, что завладевает душой и мешает ей совершенствоваться»<sup>41</sup>.

В свете этого, «правильными» (соответствующими природе) действиями маскулинной личности будут только поступки, направленные на духовное развитие и абстрагирование от всего внешнего, которое должно стать безразличным. Поэтому идеальная личность Сенеки – «существо сугубо индивидуалистическое, обращенное к своему внутреннему миру, ищущее именно в нем ответы на все вопросы»<sup>42</sup>. Однако она совершает и такие дела, которые не имеют целью достижение добродетели, – «подобающие» действия<sup>43</sup>. В действительности данные поступки не делают мудреца хуже, поскольку они неизбежны и при соблюдении *умеренности, самоограничения* не противоречат человеческой природе.

«Подобающими» как представители Древней Стои, так и Сенека, считали, к примеру, действия, направленные на удовлетворение потребности в пище, сне, а также поступки, связанные с заботой о здоровье. И хотя *sana mens* («здоровая душа») имела для эталонной личности первостепенное значение, весьма важно было также «без страха заботиться о

---

1976. С. 1082). Нередко в философских произведениях Сенеки даже термин *homo* употребляется в значении «мужчина» в случаях, когда речь идет о живущем по природе, разумном и добродетельном существе. См., например: *Senecae. Epistulae...* IV, XII, 8 (41); VI, VI, 12 (58); X, I, 6 (77).

<sup>39</sup> “Interim, quod inter omnis Stoicos convenit, rerum naturae adsentior; ab illa non deerrare et ad illius legem exemplumque formari sapientia est”. (De vita... VII, III, 3). Перевод приводимых латинских цитат выполнен автором статьи.

<sup>40</sup> “inprudens animal est et... ferum, cupiditatum incontinens”. (De Constantia... II, XIV, 1).

<sup>41</sup> Грималь. 2003. С. 74.

<sup>42</sup> Кошеленко, Маринович. 1997. С. 15.

<sup>43</sup> Ошеров. 1977. С. 330.

своем теле и обо всем, что его касается»<sup>44</sup>. Неумеренная забота о достижении безупречности «...тела угнетает дух и лишает его подвижности»<sup>45</sup>, истощает ум, сводя духовные потенции к минимуму. Поэтому, заключает Сенека, «мы должны вести себя не так, словно обязаны жить ради тела, а так, словно не можем жить без него»<sup>46</sup>. Для него неприемлема не только тяга к непомерному физическому развитию как к демонстрации внешних проявлений мужественности (поскольку идеал мужа у Сенеки сосредоточен на развитии внутренних, незримых качеств), но и противоречащее мужской природе стремление к уподоблению во внешнем облике женщине. Мыслитель отмечает, что римляне ежедневно изыскивают способы оскорбить свою мужественность: «Гладкостью и лощеностью тел мы превосходим самых нарядных женщин; носим цвета, которые не одевает мужчина, – это одежда проституток; движемся нежной и мягкой походкой: мы не ходим, а выступаем; украшаем пальцы перстнями, на каждом суставе по драгоценному камню»<sup>47</sup>.

Сексуальная свобода, по мнению Сенеки, также не соответствует представлениям о маскулинном эталоне, поэтому только уподобившийся женщине мужчина, склонен к разврату и похоти. В этом контексте гомосексуальные отношения, которые при соблюдении определенных условий считались в Древнем Риме допустимым проявлением нормы, в понимании Сенеки абсолютно недопустимы для мудрого человека, склонного к самоограничению. Поэтому автор клеймит и того, кто «ходил по всем баням и выбирал себе мужчин»<sup>48</sup>, и того, кто, презрев всякую умеренность и приличия, использовал в качестве сексуальных партнеров «одновременно мужчину и женщину»<sup>49</sup>.

Философ порицает уподобившихся женщине мужчин не только потому, что нивелирование, либо добровольное изменение внешних проявлений биологического пола, визуальных «опознавательных знаков» создавало двусмысленность в ситуациях межличностного общения. В строго иерархизированном римском обществе, где половая принадлежность существенно влияла на положение, роль и функции человека в

<sup>44</sup> «...corporis sui pertinentiumque ad id curiosa non anxie». De vita... VII, III, 3.

<sup>45</sup> «...corporis sarcina animus eliditur et minus agilis est». Epistulae... II, III (15), 2.

<sup>46</sup> «gerere nos debemus, non tamquam propter corpus vivere debeamus, sed tamquam non possimus sine corpore». Senecae. Epistulae... II, II (14), 2.

<sup>47</sup> Levitate et politura corporum, muliebres munditias antecessimus, colores meretricios matronis quidem non induendo viri sumimus, tenero et molli incessu suspendimus gradum: non ambulamus sed incedimus, exornamus anulis digitos, in omni articulo gemmam disponimus. (Naturales... VII, XXXI, 2).

<sup>48</sup> «in omnibus quidem balneis agebat... et... legebat viros». Ibid. I, XVI, 3.

<sup>49</sup> «simul et virum et feminam». Senecae. Naturales... I, XVI, 7.



социуме, ситуация «гендерного беспокойства» могла повлиять не только на статус и авторитет индивида, но и на ту часть общества (в данном случае мужскую), к которой он принадлежал. Поэтому, сознательный выбор мужчиной гендерного дисплея<sup>50</sup>, присущего женскому полу, – явление для Сенеки куда более страшное, чем свойственная его времени женская активность. Женщина свою сущность не выбирает, она по своей природе «заблуждается»<sup>51</sup>, тогда как женоподобный мужчина, добровольно отказываясь от достижения добродетели и совершенства, изнутри подрывает устои созданного представителями своего пола андроцентричного общества. Поэтому единственная возможность поддерживать целостность социума с гегемонией маскулинности состояла, выражаясь словами современника Сенеки – философа Эпиктета, в том, чтобы «сохранять опознавательные знаки, данные богом... не отбрасывать их, не стирать, насколько зависит от нас самих, различие полов»<sup>52</sup>.

Однако распространенность в обществе имперского Рима подобной модели маскулинности, отказывавшейся от необходимости поддержания естественного размежевания полов, заставила Сенеку признать, что далеко не все мужчины способны к самосовершенствованию и стремлению к мудрости, потому что «даже у мужей бывает детский и женский характер»<sup>53</sup>. Вытеснение таких мужчин из числа «своих» (стремящихся к добродетели лиц) в категорию «чужих», т.е. женщин, на основе гендерного дисплея, позволяло Сенеке перенести на таких мужчин приписывавшиеся женскому полу внутренние качества – слабость, зависимость, природную неполноценность, что предполагало необходимость покровительства и контроля над женоподобными мужчинами не в меньшей степени, чем над той категорией лиц, которой они пытались уподобиться.

Через ассоциацию с животным, необузданным, порочным женским началом в достижении добродетели отказывалось и низам римского общества. Для Сенеки гнев – самый опасный из пороков, поскольку это всегда «предельное возбуждение и порыв»<sup>54</sup>, т.е. нечто стихийное, не подлежащее контролю и неподвластное разуму. Поэтому гнев – «самый

---

<sup>50</sup> Гендерный дисплей – вариант дисплея идентичности, социально обусловленное многообразие проявления половой принадлежности на уровне межличностного общения. Имя, внешний облик, тембр голоса, манера речи и движения, стиль выражения чувств – все эти множественные проявления представляют собой гендерный дисплей, который позволяет идентифицировать собеседника как мужчину или женщину. См.: Словарь гендерных терминов. С. 38.

<sup>51</sup> “errat”. *Senecae. De Ira...* IV, II, XXX, 1.

<sup>52</sup> *Эпиктет. Беседы...* I, 16.

<sup>53</sup> “viris quoque puerilia ac muliebria sunt ingenia”. *Senecae. De Ira...* III, I, XX, 3.

<sup>54</sup> “totus concitatus et in impetu est”. *Ibid.* III, I, I, 1.

женственный и ребяческий порок»<sup>55</sup>. С учетом его тождественности жажде мести<sup>56</sup>, становится понятной распространенная в эпоху принципата тенденция ассоциировать кровную месть, которая была рудиментирована еще во времена Республики, с женским началом. Но гнев порождает как «стремление отвечать болью на боль»<sup>57</sup>, так и жестокость – не только «стремление к мести, но и к удовольствиям»<sup>58</sup>. Именно жажда кровавых зрелищ, человеческих мучений, боли и смерти как способа удовлетворения низменных потребностей выявляла, считал Сенека, животный характер представителей низшего сословия римского общества, закрывая им путь к добродетели. Кроме того, невежественная беднота, которую волнуют только «хлеб и зрелища», т.е. потребности плоти, просто была не способна возвыситься до состояния сенековского «мужа добра».

Сенека считал, что «между стоиками и всеми прочими, кто сделал мудрость своей специальностью, существует такое же различие, как между мужчинами и женщинами»<sup>59</sup>. Стоиков он приравнивал к мужчинам, рожденным повелевать, а представители других учений, словно женщины, созданы для повиновения; они использовали для привлечения сторонников, как женщины, лесть и притворство, стоики же «вступили на мужской путь не для того, чтобы внушить новичкам, что этот путь будет приятным»<sup>60</sup>. Игра на ассоциациях с несознательным, движимым страстями, лживым и льстивым женским началом вскрывает глубину презрения Сенеки к методам работы приверженцев других направлений мысли, не достойных в его глазах считаться добродетельными мужами.

Противопоставление мужчины женщине проявлялось и в сегрегации пространства, декларировании необходимости непосредственного участия мужчин в делах государства<sup>61</sup>, что древними стоиками относилось к категории «подобающего» действия и выражалось в выполнении «обязанностей перед другими людьми»<sup>62</sup>. Для римского *vir bonus* внутреннее совершенство обязательно должно было проявляться, визуализироваться через самореализацию в сфере публичного – совершение подвигов во благо Отечества<sup>63</sup>. Поэтому вовлеченность в политику была для

<sup>55</sup> “muliebre maxime ac puerile vitium est”. Ibid. III, I, XX, 3.

<sup>56</sup> Ibid. III, I, V, 2.

<sup>57</sup> “cupiditatem doloris reponendi”. Ibid. III, I, III, 3.

<sup>58</sup> “in ultionem petuntur sed in voluptatem”. De Ira... IV, II, V, 2.

<sup>59</sup> “inter Stoicos... et ceteros sapientiam professos interesse quantum inter feminas et mares”. De Constantia... II, I, 1.

<sup>60</sup> “virilem ingressi viam, non ut amoena ineuntibus videatur, curae habent”. Ibidem.

<sup>61</sup> Диоген Лаэртский. Указ. соч. VII, 121.

<sup>62</sup> Ошеров. 1977. С. 330.

<sup>63</sup> Утченко. 1972. С. 28.

римского гражданина естественна и даже неизбежна, тогда как успешность в деле служения государству во многом определялась уровнем его достатка. Таким образом, богатство и его накопление (исключительно как умножение семейного капитала честными способами) не только не считалось предосудительным<sup>64</sup>, но служило зримым воплощением одной из *virtutes*, а именно *industria* (трудолюбие, усердие). В стоицизме богатство относилось к категории «безразличного», под которым они понимали все, «что не содействует ни счастью, ни несчастью», а также то, что «не возбуждает в нас ни склонности, ни отвращения»<sup>65</sup>. Хотя стойки и не считали богатство добродетелью, они все же признавали, что богатство имеет ценность и может приносить пользу<sup>66</sup>. Иными словами, образы стоического мудреца и римского «мужа добра» были весьма схожи в отношении служения государству и восприятия богатства.

Принцип общественной полезности, прописанный у Сенеки<sup>67</sup>, переносен им и в практическую плоскость. В отношении богатства он синтезирует в своем маскулинном эталоне обе позиции, заявляя, как стойки, что, во-первых, «богатство – вещь предпочтительная»<sup>68</sup>, во-вторых, оно способствует развитию добродетелей, предоставляя «обширнейшее поле деятельности и для умеренности, и для щедрости»<sup>69</sup>.

И все же, в вопросе о служении государству между идеальным маскулинным типом личности Сенеки и *vir bonus* имеются значительные различия. Так, для «мужа добра» долг по отношению к Родине исполнялся как участием в общественно-политической жизни, так и путем стяжания воинской славы и демонстрации завоевательных потенций Рима. Для Сенеки это неприемлемо не только потому, что он вслед за стойками исходит из позиции умеренного физического развития (исключительно как средства поддержания здоровья тела), но и потому, что для философа военные действия коррелируют с пороками – алчностью, жадности, жестокостью, а не с римскими добродетелями – *fortitudo* (сила, мужество, храбрость) и *honor* (почет, слава). Сенека утверждает, что бессмысленно отдавать жизнь и подвергать себя опасности не ради защиты своего государства от врага, а для захвата чужого, для удовлетворения собственной жадности<sup>70</sup>. Но, к сожалению, все еще много тех,

<sup>64</sup> Кнабе. 1988. С. 152.

<sup>65</sup> Диоген Лаэртский. Указ. соч. VII, 105.

<sup>66</sup> Безразличное у стойков делилось на «предпочтительное», имеющее ценность, и «избгаемое» – лишенное ценности. Богатство относилось к первой категории.

<sup>67</sup> *Senecae. Epistulae...* VI, VIII (60), 4.

<sup>68</sup> «*potiora diutiae sunt*». *Senecae. De vita...* VII, XXII, 4.

<sup>69</sup> «*et temperantia et liberalitas... campum habeat patentem*». Ibid. VII, XXII, 1.

<sup>70</sup> *Senecae. Epistulae...* II, V (17), 7.

кто готов «яростно, без возмездия нападать на незнакомых, убивать как животных тех, кого не ненавидели»<sup>71</sup>. Здесь Сенека выступает как последовательный стоик, и в его модели идеальной личности четко угадываются черты бесстрастного мудреца, а не доблестного «мужа добра». Поэтому, например, Александр Македонский, чья «недостойная страсть к опустошению посылала и гнала в неведомые земли»<sup>72</sup>, не мог выступать как реальное воплощение его умозрительной маскулинной модели.

Личности, соответствующие эталону, обнаруживались как в римском, так и в греческом прошлом. Так, совпадали с представлениями Сенеки об идеале поступки и образ жизни Сократа – «самого терпеливого старца, прошедшего через все трудности, не побежденного также и бедностью, порожденной чрезвычайно тяжелым семейным бременем и страданиями, которые он перенес так же как воин. Он испытывал невзгоды дома или от жены с ее дикими нравами, развязным языком, или от бесплодных детей, больше похожих на мать, чем на отца»<sup>73</sup>. В образе Сократа воплощается большинство черт маскулинного эталона Сенеки: это и безразличие, невосприимчивость к внешнему (невзгодам, бедности, войне); умеренность, как нежелание иметь сверх того, что уже имеешь; самосовершенствование – поскольку невозможно презреть все внешнее без постоянной работы над собой; полное противопоставление стихийному, неподконтрольному женскому началу. Идеализируется Сенекой и образ выступившего «против пороков вырождающегося общества» Катона Утического, которого «нам дали бессмертные боги, как более известный образец мудрого мужа, чем Улисс и Геркулес прошедших времен»<sup>74</sup>. Однако не перечисленные «добродетели» уподобили этих людей эталону: «цикута сделала Сократа великим», Катона – его меч<sup>75</sup>. Другими словами, все черты идеальной личности непременно рассматривались

<sup>71</sup> “ruere in ignotos, iratum sine iniuria, occurentia devastantem ac ferarum more occidere quem non oderis”. *Naturales...* V, XVIII, 9.

<sup>72</sup> “agebat... furor aliena vastandi et ad ignota mittebat”. *Epistulae...* XV, II (94), 62.

<sup>73</sup> “...perpessicum senem, per omnia aspera iactatum, invictum tamen et paupertate, quam graviolem illi domestica onera faciebant, et laboribus, (quos militares quoque pertulit), quibus ille (domi) exercitus [est], (sive uxorem eius [spectes] moribus feram, lingua petulantem, sive liberos indociles et matri quam patri similiores”. *Ibid.* XVIII, I (104), 27.

<sup>74</sup> “adversus vitia civitatis degenerantis”; “certius exemplar sapientis viri nobis deos immortales dedisse quam Ulixem et Herculem prioribus seculis” (*De Constantia...* II, II, 2; 1).

<sup>75</sup> “cicuta magnum Socratem [con]fecit”. (*Senecae. Epistulae...* II, I (13), 14. Катон – противник Цезаря, не желая сдаваться на милость победителя, пронзил грудь мечом. «А когда врачи перевязали ее, он, почти лишившись крови, лишившись сил, но сохранив все мужество, в гневе не только на Цезаря, но и на себя, вскрыл себе рану гольими руками и даже не испустил, а силой исторг из груди свою благородную душу, презирающую любую власть». *Сенека. Нравственные письма...* III, III (24), 8.

Сенекой через призму отношения к смерти, а модели поведения и восприятия действительности, реакций на события определялись ею.

Актуализация темы смерти в модели эталонной личности Сенеки была во многом связана с нестабильностью, противоречивостью социально-политической обстановки, в которой он жил. Установленный Октавианом Августом в 27 г. до н. э. режим принципата был двойственным по своей природе: претензия на восстановление и реставрацию республиканского строя и его основных институтов на деле оказалась фикцией, власть сената постепенно поглощалась бюрократическим императорским аппаратом, а суверенитет народа подменялся волей принцепса. Но во времена Сенеки принципат «колебался между идеей принцепса как магистрата республики и принцепса как абсолютного монарха»<sup>76</sup>, в еще большей степени углубляя ситуацию неопределенности и дисбаланса. Власть, не имевшая четко очерченных возможностей и функций, была вынуждена отстаивать свои претензии на легитимность через игру на страхах людей, апеллируя не к силе закона, а к авторитету силы. В подобных условиях, когда никто не мог гарантировать свое будущее, важно было научиться презирать смерть и страх перед нею, что можно было сделать, по мнению Сенеки, через обращение к опыту великих людей прошлого, таких как Сократ и Катон. По этой причине философ призывал подражать «тому, кому не досадно умереть»<sup>77</sup>.

В вопросе об отношении к смерти Сенека также основывается на опыте ранних стоиков, которые относили смерть к категории «безразличного»<sup>78</sup>. Но, если они дальше констатации этого факта не пошли, то Сенека конструирует целую систему взглядов, основанную на воспитании способности презрения смерти. Маскулиным эталоном Сенеки смерть не просто определялась как «безразличная», но, благодаря реализации *безмятежности и апатии*, действительно становилась таковой.

Однако, как и достижение мудрости, воспитание безразличного отношения к смерти было довольно длительным процессом и осуществлялось в контексте реализации принципа постоянного *самосовершенствования*. Даже способный презреть факт собственной смертности и стойко принять неизбежность конечности человеческого существования вообще не имел права вершить судьбы других людей, лишать их возможности не только самостоятельно жить, но и привилегии уйти из жизни по своему усмотрению. Поэтому недостойным идеального мужа в философии стоиков и Сенеки в том числе, считалось проявление признаков компен-

<sup>76</sup> Егоров. 1985. С. 219.

<sup>77</sup> «quem non piget mori». *Senecae. Epistulae...* VI, II (54), 7.

<sup>78</sup> Диоген Лаэртский. VII, 102.

саторной «мужественности»<sup>79</sup>, свойственных лицам, в силу разных причин (физических, статусных, психических и др.) не соответствовавших «стандарту». Она заключалась в стремлении дезавуировать свою ущербность через угнетение, истязание, умерщвление лиц более низкого статуса. В одном из своих писем Сенека поучает: «Предпочитай думать, что тот, кого ты зовешь своим рабом, рожден от того же семени, ходит под тем же небом, чтобы так же дышать, так же жить, так же умирать!»<sup>80</sup>.

Таким образом, философ констатирует, что рабы – такие же люди, а значит, с ними надо обращаться соответственно, не допускать той жестокости в отношении к зависимым лицам, которую позволяло себе большинство граждан Рима. Если господин хочет добиться совершенства, приблизиться к мудрости, то он не должен быть излишне строг, несправедлив к рабам – неразумным существам, которые требуют защиты и нуждаются в покровительстве, а не в бесконтрольной, яростной силе. И вообще жестокое обращение с зависимыми лицами порождает страх в сердцах жертв сурового господина, что нецелесообразно по чисто рациональным соображениям: тот, «кого боятся, тот сам боится, кто ужасен другим, тот не знает безопасности»<sup>81</sup>.

Итак, у сенековского маскулинного эталона компенсаторная «мужественность» направлялась не во вне, а на самого человека, где объект и субъект воздействия совпадали. И, если для других недостижение полоролевой идентичности приводило к негативным последствиям, связанным с проявлением жестокости, причинением боли, нанесением вреда жизни и здоровью иных лиц, то для стремящегося к добродетели процесс преодоления разрыва между собственным «я» и образом идеального человека имел положительную коннотацию и достигался через духовное совершенствование<sup>82</sup>. А поскольку деструктивные эмоции не накапливались (а если они и возникали, то, направленные в иное русло, лишались негативной окраски), и человек не нуждался в поиске внешнего объекта для их выплеска, это становилось одной из весомых причин осуждения проявлений жестокости в отношении более слабых<sup>83</sup>.

Именно люди, не знавшие ярости и жестокости, не принимавшие ненужного кровопролития и бесполезных убийств, желая добра обидчикам и лжецам, проповедовали принципы непротивления злу, нетиражи-

---

<sup>79</sup> Берн. 2001. С. 70.

<sup>80</sup> “Vis tu cogitare istum quem servum tuum vocas ex isdem seminibus ortum eodem frui caelo, aequae spirare, aequae vivere, aequae mori!”. *Senecae. Epistulae...* V, VI (47), 10.

<sup>81</sup> “qui timetur timet: nemo potuit terribilis esse secure”. *Ibid.* XVIII, II (105), 4-5.

<sup>82</sup> *Senecae. Epistulae...* IV, XII (41), 1; V, IX (49), 11.

<sup>83</sup> *Ibid.* I, VII, 3; V, VI (47), 5; XIV, II (90), 45.

рования насилия насилием. Эта позиция должна быть положена, утверждал Сенека, в основу системы судопроизводства, где мудрый человек, далекий от «бесчеловечной жестокости»<sup>84</sup>, будет выносить справедливые наказания, основываясь не на гневе или низменных удовольствиях, а на стремлении к всеобщему благу. Ради общественного благополучия допустимо назначать наказания, связанные со смертью, поскольку они не будут являть собой акт умножения зла, а, наоборот, поспособствуют отвращению других от несправедливости, предательства, порока.

И все же научиться способности равнодушно расстаться с жизнью даже для сенековского «мужа добра» было непросто, поскольку «есть вещи, которые задевают мудреца, пусть даже не могут повредить: телесная боль и слабость, утрата друзей и детей, крушение отечества, охваченного пожаром войны»<sup>85</sup>. Но, в отличие от большинства людей, беды и несчастья не могут завладеть душой мудреца, не способны сломить его. Такой человек, благодаря своей способности к постоянному духовному росту и самоконтролю, восприняв утрату, способен пережить ее и развиваться дальше, не замыкаясь на страданиях и боли, какими бы сильными они ни были. Поэтому презреть смерть (равно как и другие горести и потери), научиться тому, что пригодится только один раз, тому, что нельзя проверить на опыте, возможно лишь через постоянную работу над собой, непрерывное размышление о том, чему желаешь научиться<sup>86</sup>.

Равнодушие к факту собственной смертности порождает и безразличие к смерти вообще, поэтому скорбь по ушедшим из жизни, пусть и самым близким людям, должна быть краткой, и, более того, смерти даже необходимо радоваться, так как погибший ничего плохого уже не чувствует<sup>87</sup>. Однако доблестному мужу все же «можно простить и невольные слезы, если они не слишком обильны», но длительные кручина и печаль считались недопустимыми, поэтому Сенека советовал: «можно прослезиться, но не следует утопать в слезах»<sup>88</sup>. Чрезмерная скорбь лишь обнажает пороки живых, ведь нет ничего более низкого и женственного, чем «допустить, чтобы скорбь погубила тебя»<sup>89</sup>.

<sup>84</sup> “inhumana feritas”. Idem. De Ira... III, I, IV, 4.

<sup>85</sup> “alia sunt quae sapientem feriunt, etiam si non pervertunt, ut dolor corporis et debilitas aut amicorum liberorumque amissio et patriae bello flagrantis calamitas”. Idem. De Constantia... II, X, 4.

<sup>86</sup> *Senecae. Epistulae...* III, V (26), 9.

<sup>87</sup> Ibid. XVI, IV (99), 16; *Senecae. Ad Polybium...* IX, V, 1.

<sup>88</sup> “ignosci potest prolepsis ad lacrimas, si non nimiae decurrerunt”; “lacrimandum est, non plorandum”. Idem. Epistulae... VII, I (63), 1.

<sup>89</sup> “consumendum se dolori committere”. Idem. Ad Polybium... IX, VI, 2.

Единственный род смерти, которого не только стоит страшиться, но и требуется избегать – это отнюдь не телесное омертвление, которое так пугает многих людей, а духовная смерть. Поистине мертв тот, кто находится под влиянием пороков, поскольку такой человек не приносит пользы ни себе, ни окружающим<sup>90</sup>. По мнению Сенеки, деградация души наступает и тогда, когда человеку становится чуждым интеллектуальный труд: он считал, что «мертв также тот, кто лежит в благовониях», ведь «досуг без занятий науками – смерть и погребение заживо»<sup>91</sup>. Поэтому «омертвление души» – единственное, чего стоит избегать, ибо физическая смерть – событие от нас независящее, а, следовательно, находясь во вне, оно не способно нас испугать или обеспокоить, тогда как душу – то, что зависит от нас, что нужно оберегать и развивать, человек может потерять, поддавшись порокам. При этом духовная смерть приближает человека к животному, ибо он теряет способность руководствоваться побуждениями души, становится ведом звериными инстинктами и страстями. Деградация души есть истинная смерть, потому что она постулирует верховенство тела, которое для «духа – бремя и кара»<sup>92</sup>.

Аналогичным образом реализуется и мизогинистская позиция Сенеки, полагавшего, что *женщина* (и категории лиц, ассоциировавшиеся с фемининностью), как *антипод образа эталонной маскулинности*, не способна быть равной последнему в смерти и отношении к ней. Подтверждение слабости женской натуры, неспособности научиться безразличному отношению к смерти, Сенека видел, к примеру, в том, что «предки установили для женщин год траура – не затем, чтобы они скорбели так долго, но чтобы не скорбели дольше; для мужчин нет законного срока, ибо всякий срок для них постыден»<sup>93</sup>. Кроме того, философ утверждает, что многие женщины даже в подобные печальные минуты ухитрились проявлять притворность и лживость своей натуры: «спокойные и молчаливые в одиночестве, всякий раз, как кого-нибудь видят, раздражаются рыданиями»<sup>94</sup>. Такие низкие, склонные к разврату души, как души женщин, не в состоянии «научиться смерти» еще и потому, что слишком ценят жизнь с ее пороками<sup>95</sup>. Утехи плоти, излишняя привя-

<sup>90</sup> Idem. Epistulae... VI, VIII (60), 4.

<sup>91</sup> “aeque qui in odoribus iacet mortuus est”; “otium sine litteris mors est et hominis vivi sepultura”. Senecae. Epistulae... XI, III (82), 3.

<sup>92</sup> “animi pondus ac poena est”. Ibid. VII, III (65), 16.

<sup>93</sup> “annum feminis ad ludendum constituere maiores, non ut tam diu lugerent, sed ne diutius: viris nullum legitimum tempus est, quia nullum honestum”. Ibid. VII, I (63), 13.

<sup>94</sup> “taciti quietique dum secretum est, cum aliquos videre, in fletus novos exitantur”. Ibid. XVI, IV (99), 16.

<sup>95</sup> Ibid. XVII, I (101), 10.



занность к наслаждениям заставляют крепко держаться за жизнь, ведь смерть, по их мысли, отнимает слишком много. Однако ценности слабых духом людей в действительности внешние, преходящие, они услаждают плоть, но не душу. Порочные люди не способны понять, что только чистая совесть, чистые намерения и бескорыстные поступки способны дать душе пищу, благодаря которой она может окрепнуть.

У малодушных людей страх смерти происходит также из непонимания, что пугает человека не она сама, а неизвестность, ведь только «здешнее нам известно, а то, к чему все перейдут, нам неизвестно, и мы страшимся неведомого»<sup>96</sup>. Боязнь кончины может, кроме того, спровоцирована возможностью предсмертных страданий. При этом чем более зримыми и изощренными были способы убийства и виды пыток, тем больше судорожного страха они вызывали, ведь «наши души сильнее подчиняют и умирляют те угрозы, которым есть что показать»<sup>97</sup>. В попытках уйти от боли и мучительной смерти многие готовы «предать друга, чтобы жить дольше, собственноручно отдать на растление детей, чтобы только видеть свет – свидетель стольких преступлений»<sup>98</sup>. Но такие люди не понимают, что существуют лишь физически, ведь разрешив себе пренебрегать действительными ценностями, они погубили душу.

Соглашаясь с древними стойками в причислении смерти к категории «безразличного», Сенека вступает в противоречие с их мнением о том, что смерть – это избегаемое безразличное<sup>99</sup>. Маскулинный идеал наделялся философом такой способностью научиться смерти, что он без сожаления мог добровольно лишиться себя жизни. Как известно, в царский и республиканский периоды действия суицидального характера воспринимались римлянами преимущественно как «ужасное дело»<sup>100</sup>, а лица, самовольно ушедшие из жизни, лишались права на погребение и помертвное упокоение души<sup>101</sup>. В критических, безвыходных ситуациях смерть через суицид воспринималась скорее как избавление: прекращение физических<sup>102</sup>, либо психологических<sup>103</sup> страданий; но и в подобных ситуациях такой вариант кончины вряд ли был социально одобряем.

---

<sup>96</sup> «haec iam novimus, illa ad quae transituri sumus, nescimus, qualia sint, et horremus ignota». Ibid. XI, III (82), 16.

<sup>97</sup> «animos nostros subigunt et domant plus proficiunt quae habent quod ostendant». Ibid. II, II (14), 6.

<sup>98</sup> «amicum prodere, ut diutius vivant, et liberos ad stuprum manu sua tradere, ut contingat lucem videre tot consciam scelerum». Ibid. XVII, I (101), 15.

<sup>99</sup> Диоген Лаэртский. VII, 106.

<sup>100</sup> Овидий. Метаморфозы. XIV, 735–741.

<sup>101</sup> Сергеев. 1964. С. 229.

<sup>102</sup> Овидий. Метаморфозы. VII, 604–605.

Сенека, в отличие от своих соотечественников, считал, «что для решившего умереть есть только одно – стремление к смерти. Как угодно суди поступок этого решительнейшего человека, только бы не подвергал сомнению, что самая грязная смерть предпочтительней самого чистого рабства<sup>104</sup>. Мыслитель был уверен в том, что безотчетное влечение к смерти является одной из склонностей всякой души, поэтому свойственна она как сильным и благородным мужам, так и людям слабым, ленивым. Но если первые способны усмирить этот душевный порыв и уйти из жизни только тогда, когда сделают в земном мире все, преодолев естественный инстинкт самосохранения, то последние покидают ее от своей неспособности противостоять соблазну смерти<sup>105</sup>. Следовательно, самоубийство как действие в философии Сенеки перестало иметь негативную окраску, но существенным становился мотив его совершения, который воспринимался философом как индикатор внутреннего совершенства/несовершенства личности<sup>106</sup>.

Побуждениями к самоубийству добродетельному мужу могли послужить ситуации, когда ты «самому себе в тягость»<sup>107</sup>, когда не желаешь сносить плена или разрушающих ум пут старости<sup>108</sup>, когда готов пожертвовать собой ради государства<sup>109</sup> или во имя дружбы<sup>110</sup>. Порочные люди избирали низкие мотивы: страх, боль<sup>111</sup>. Такие люди принимали смерть так же недостойно, как и жили. При этом, для решившего умереть, «смерть везде под рукой»: «сдавит ли горло петля, заткнет ли вода дыхательные пути, разобьется ли голова от удара о жесткую землю, прервет ли попавший внутрь огонь движение души»<sup>112</sup>.

Но какими бы ни были мотивы и способы самоубийства, главное, что подобное действие – есть «путь на свободу»<sup>113</sup>, ибо «если недостает

<sup>103</sup> Дигесты Юстиниана. XLIX, XVI, 6, §7.

<sup>104</sup> “ut scias ad moriendum nihil aliud in mora esse quam velle. Existimetur de facto hominis accerimi, ut cuique visum erit, dum hoc constet, praefereendam esse spurcissimam mortem servituti mundissimae”. *Senecae. Epistulae...* VIII, I (70).

<sup>105</sup> *Senecae. Epistulae...* III, III (24), 25.

<sup>106</sup> *Ibid.* I, IV, 4.

<sup>107</sup> “molestus sibi esse”. *Ibid.* II, V (17), 9.

<sup>108</sup> *Ibid.* X, I (77), 14; VI, VI (58), 35.

<sup>109</sup> *Ibid.* III, III (24), 5.

<sup>110</sup> *Ibid.* I, IX, 10.

<sup>111</sup> *Ibid.* VI, VI (58), 36; X, II (78), 6.

<sup>112</sup> “in proximo mors est”; “sive fauces nodus elisit, sive spiramentum aqua praecusit, sive in caput lapsos subiacentis soli duritia conminuit, sive haustus ignis cursum animae remeantis interscidit”. *Idem. De Providentia...* I, VI, 9.

<sup>113</sup> “libertati viam”. *Senecae. De Providentia...* I, II, 10.

мужества умереть, – это рабство»<sup>114</sup>. Другими словами, важной причиной отказа от негативной коннотации самоубийства послужило представление Сенеки о том, что суицид – это способность самостоятельно распоряжаться своей жизнью, возможность самому решать когда, где и каким способом покинуть этот мир<sup>115</sup>.

Хотя самоубийство и рассматривалось стоиками как естественное право человека, но добровольный уход из жизни все же не мог быть необдуманным, спонтанным действием, – на это следовало решиться только в тех условиях, когда в земной жизни человек уже не мог оказаться полезен или что-то изменить, исправиться или найти себя. В безнадежной ситуации, при понимании, что дальнейшая жизнь уже не имеет смысла, человек не просто может – он должен уйти из жизни, совершив в ней последнее достойное деяние. Такой поступок уже нельзя назвать бегством от жизни, ее противоречий и опасностей: следует представлять суицид как осознанный шаг, единственный выход из неразрешимой ситуации, достижение свободы, которой в земной жизни уже нет возможности добиться<sup>116</sup>. Поэтому смерть в философии Сенеки в отдельных случаях относится скорее к категории, именуемой у древних стоиков «предпочтительным безразличным».

Таким образом, в Риме ранней империи, когда «не только эпоха, но и сами люди были сотканы из контрастов»<sup>117</sup>, когда ссылки и казни стали обыденностью, когда никто не мог похвастаться уверенностью в завтрашнем дне, сформировалась потребность в возникновении модели идеальной для данного времени личности – аккумулята общественных ожиданий стабильности, надежности, постоянства, с которым люди могли бы соотносить свои действия и поступки. При этом лицо, пытавшееся высказывать свои суждения и стремящееся быть услышанным, не должно было хотя бы внешне отличаться от людей<sup>118</sup>, которых пытались наставлять. Голос только того человека, которого считали «своим», мог быть услышан. Философ Луций Анней Сенека был именно таким человеком. Являясь частью высшего общества, имплицитно чувствующий противоречивость эпохи, он создал свой вариант эталонной личности, наиболее рельефно прописывая в ней те черты, которые волновали представителей элиты Рима ранней империи.

---

<sup>114</sup> “si moriendi virtus est abest, servitus est”. Idem. Epistulae... X, I (77), 15.

<sup>115</sup> Ibid. I, IV, 4.

<sup>116</sup> Ibid. III, I (22), 11.

<sup>117</sup> *Егоров*. 1985. С. 219.

<sup>118</sup> Senecae. Epistulae... I, VI, 5.

Так, образ идеальной личности Сенеки строился на двух основных принципах. Во-первых, на полном противопоставлении маскулинного эталона – средоточия стоических и исконно римских добродетелей, любым проявлениям фемининности, ассоциировавшихся с порочностью, необузданностью, распадом. Умение подавить, укротить в себе животное (читай женское) начало вело к возвышению души, приближению к мудрости, спокойствию и безмятежности; в свою очередь, способность его усмирить, поставив под контроль, в рамках всего римского общества значила приблизить социум к стабильности и гармонии. Во-вторых, на выработке представлений о добродетельном человеке через его отношение к феномену смерти. Способность презреть смерть, искоренить страх перед ее наступлением, готовность пойти на самоубийство ради высокой цели, в угоду всеобщему благу – вот те представления о смерти, которые отличали «мужа добра». Однако бесстрастное восприятие ухода из жизни было доступно лишь избранным людям, которые постоянно культивировали в себе представления о смерти как безразличном. В противоположность им большинство людей, по ощущениям Сенеки, либо от природы склонные к пороку и низменным поступкам, либо не оберегавшие душу от дурного влияния, воспринимали смерть как зло, которое отнимает не просто телесную оболочку, но и саму жизнь – источник веселья, развлечений, утех. Засилье таких людей виделось мыслителю причиной несовершенства общества, которая должна была быть устранена через возрождение веками формировавшихся морально-нравственных устоев римской гражданской общины и верховенство лиц, воплощавших в себе маскулинный идеал.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Lucii Annaei Senecae. Ad Lucilium epistularum moralium // L. Annaei Senecae Opera quae supersunt. Recognovit et rerum indicem locupletissimum adiecit. Vol. 3. Lipsiae, 1886.*
- Idem. Ad Lucilium naturalium quaestionum // L. Annaei Senecae Opera quae supersunt. Recognovit et rerum indicem locupletissimum adiecit. Vol. II. Lipsiae, 1884. P. 155-318.*
- Idem. Ad Polybium de consolatione // L. Annaei Senecae Opera quae supersunt. Recognovit et rerum indicem locupletissimum adiecit. Vol. II. Lipsiae, 1884. P. 218-237.*
- Idem. De Constantia Sapientis // L. Annaei Senecae Opera quae supersunt. Recognovit et rerum indicem locupletissimum adiecit. Vol. I. Lipsiae, 1887. P. 17-34.*
- Idem. De Ira // L. Annaei Senecae Opera quae supersunt. Recognovit et rerum indicem locupletissimum adiecit. Vol. I. Lipsiae, 1887. P. 35-111.*
- Idem. De Providentia // L. Annaei Senecae Opera quae supersunt. Recognovit et rerum indicem locupletissimum adiecit. Vol. II. Lipsiae, 1884. P. 3-16.*
- Idem. De vita beata // L. Annaei Senecae Opera quae supersunt. Recognovit et rerum indicem locupletissimum adiecit. Vol. I. Lipsiae, 1887. P. 139-163.*
- Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Пер., ст. и прим. С.А. Ошерова. Отв. ред. М.Л. Гаспаров («Литературные памятники»). М.: Наука, 1977. 384 с.*

- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. / Общ. ред. С.В. Оболенской; предисл. А.Я. Гуревича. М.: «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
- Асмус В.Ф. Античная философия. 3- изд. М.: Высшая школа, 1998. 400 с.
- Берн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак, 2004. 320 с.
- Бородай Т.Ю. Луций Анней Сенека и его философская проза // Луций Анней Сенека. Философские трактаты. СПб.: Алетейя, 2001. С. 5-11.
- Буассе Г. Картины римской жизни времен Цезарей / Пер. с фр. Н.Н. Смиримонова. М.: Издание книжного магазина К. Н. Николаева, 1910. 306 с.
- Вейс Г. История культуры народов мира. Т. 4. Возвышение и упадок империи. Древний Рим. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 144 с.
- Велишский Ф.Ф. История цивилизаций: быт и нравы древних греков и римлян. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 702 с.
- Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Наука, 1988. 496 с.
- Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск: Русич, 2001. 572 с.
- Гофф Ж. Ле. Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр./ Общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. 440 с.
- Грималь П. Сенека, или Совесть Империи / Пер. с фр. Е.В. Головиной; Вступ. ст. и науч. ред. Т.А. Бобровниковой. М.: Молодая гвардия, 2003. 650 с.
- Грималь П. Цивилизация Древнего Рима / Пер. с фр. И. Эльфонд. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 510 с.
- Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. М., 1989. С. 114-135.
- Гуревич А.Я. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. С. 5-32.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
- Дигесты Юстиниана // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: АСТ: Астрель, 2011. 570 с.
- Егоров А.Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. 223 с.
- Кнабе Г.С. Категория престижности в жизни Древнего Рима // Быт и история античности. М.: Наука, 1988. С. 143-169.
- Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Кошеленко Г., Маринович Л. Предисловие // Эпиктет. Беседы. М.: Ладомир, 1997. С. 5-36.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний Эллинизм. М.: Искусство, 1979. 815 с.
- Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей / Авт.-сост. В.Н. Зубков. М., 2007. 848 с.
- Овидий. Метаморфозы // Овидий. Собр. соч. в 2 т. / Вступ. ст. В.С. Дурова. Т. 2: Метаморфозы. Фасты. СПб.: «Студия Биографика», 1994. 528 с.
- Ошеров С.А. Сенека: от Рима к миру // Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. С. 324-354.
- Пушкарева Н. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 277-311.

- Савин И. «Быть русской...» (Очерк исследования гендерных стратегий русской женщины в постсоветском Южном Казахстане) // Центрально-Азиатская Сеть по гендерным исследованиям (ЦАСГИ). URL: [http://www.genderstudies.info/magazin/magazin\\_05\\_02.php](http://www.genderstudies.info/magazin/magazin_05_02.php) (время доступа 23. 08. 12).
- Сергеенко М.Е. Жизнь в Древнем Риме: очерки быта. М.;Л.: Наука, 1964. 336 с.
- Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат., предисл. и послесл. М. Гаспарова. М.: Худож. лит., 1990. 254 с.
- Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
- Степанова А.С. Философия Древней Стои. СПб.: Алетейя, 1995. 272 с.
- Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками Групп», 1995. 448 с.
- Тацит. Анналы // Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения / Пер. с лат. А.С. Бобовича; под ред. Я.М. Боровского, М.Е. Сергеенко. М.: АСТ: Астрель, 2010. 505 с.
- Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 300 с.
- Утченко С.Л. Две шкалы римской системы ценностей // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 19-33.
- Хейзинга Й. Осень Средневековья / Пер. Д. Сильвестрова; Отв. ред. С. Аверинцев; АН СССР. М.: Наука, 1988. 539 с.
- Эпиктет. Беседы. М.: Ладомир, 1997. 312 с.
- Edwards C. Death in ancient Rome. New Haven, L.: Yale University Press, 2007. 287 p.
- Edwards C. The politics of immortality in ancient Rome. Cambridge: Cambridge University Press. 1993. P. 244.
- Hope V. Death in ancient Rome: a source book. New York: Routledge, 2007. 273 p.
- Hope V. Trophies and tombstones: commemorating the Roman soldier // World archaeology. 2003. Vol. 35. № 1. P. 79–97.
- Kyle D.G. Spectacles of death in ancient Rome. L., N.Y.: Routledge, 1998. 288 p.
- Поликарпова Наталья Алексеевна**, аспирант кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета; [nata\\_lacrima\\_polikarpova@mail.ru](mailto:nata_lacrima_polikarpova@mail.ru)

И. И. Лисович

## УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЦА К ОБРЕТЕНИЮ СУБЪЕКТНОСТИ

---

В статье анализируются риторические стратегии присвоения агентами вторичной инкультурации функций и прав агентов первичной инкультурации через виталистский дискурс. Объектом исследования избраны отношения «учитель–ученица» как наиболее маргинальные для доиндустриальной европейской культуры, поскольку они способны показать предельное использование виталистского дискурса, вписанного в ряд иерархий: религиозную, политическую, социальную и гендерную.

**Ключевые слова:** учитель, ученица, субъектность, инкультурация, виталистский дискурс, Овидий, Элоиза, П. Абеляр, Д. Донн.

---

Сюжеты об отношениях между учителем и ученицей объединяет ряд понятий, которые были важны для З. Фрейда, М. Фуко, П. Бурдьё и постмодернистской философии: тело и желание, знание и власть<sup>1</sup>. Эти понятия были положены в основу анализа повседневных социокультурных практик, создав концепции подавления, замещения, насилия и присвоения. Социальные институты (семья, образование, религия, государство) приписывают «телу» природные онтологические свойства, которые оно и призвано окультуривать<sup>2</sup>. Социокультурные виталистские практики являются основными стратегиями подчинения, ограничения свободы и маргинализации человека через контроль над жизненными циклами органического тела.

Соответственно, человек или сообщество, которое ритуализирует или предписывает строгий регламент зачатию, рождению, питанию или доступу к ресурсам, обучению, инициации и смерти, претендует не только на подчинение, но и на обладание жизнью. Риторика виталистских практик основана на апелляции к естественным кровно-родственным связям и к жизненному циклу: зачатие, рождение, питание, рост, расцвет, увядание и смерть. В доиндустриальной модели инкультурации функции учителя часто описываются через вышеупомянутые витальные

---

<sup>1</sup> «В Греции истина и секс связывались в форме педагогики – через передачу драгоценного знания от одного тела к другому; секс служил опорой для посвящения в познание». Фуко. 1996. С. 160.

<sup>2</sup> Бурдьё. 2001. С. 138–139: «социальные детерминации, связанные с определенной социальной позицией, стремятся сформировать – через отношение к своему телу – диспозиции, составляющие половую идентичность (походка, манера разговаривать и прочее) и, кроме того, собственно половые предрасположенности».

термины, посредством чего происходит присвоение предшествующих ему культурных ролей родителей и даже Творца.

Обучение девочек, которое ограничивалось агентами первичной инкультурации<sup>3</sup> через частные повседневные практики вне публичных образовательных институтов по принципу оппозиции «между мужчиной, посвящающим себя добродетелям защиты и оплодотворения, и женщиной, одновременно священной и наделенной пагубными достоинствами, – оказывается материализованным, с одной стороны, в делении на мужское пространство (*nif*): место собраний, рынок или поле, и пространство женское: дом и сад при нем – убежище *h'aga...*»<sup>4</sup>. Число историй, где девушка или женщина доиндустриального общества попадала в ситуацию обучения учителем-мужчиной незначительно. И даже если мужчина выступал в качестве агента вторичной инкультурации, он проводил инициацию и делал ее социально зрелой для сексуальных, супружеских, материнских и семейных отношений<sup>5</sup>. Поэтому возникала проблема дескрипции случаев подобного обучения.

Как репрезентируются эти отношения, не имевшие публичных социально приемлемых форм? Констант Мьюз, описывая восприятие современниками истории Элоизы подчеркивает, что Элоиза была известна им как аббатиса, писательница и мыслитель-этик, поскольку она всячески избегала публичной демонстрации своей частной жизни, и даже

---

<sup>3</sup> Термин *инкультурация* ввел американский культурантрополог Мелвилл Херсковиц (1895–1963), под ним он подразумевал процесс вхождения индивида в культуру, выделяя две стадии – детство и зрелость (*Herskovits*. 1949). В современной социальной антропологии принято употреблять наряду с этим термином термин «социализация», который И.С. Кон (*Кон*. 2003) понимает как «совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Она включает в себя не только осознанные, контролируемые, целенаправленные воздействия (воспитание в широком смысле слова), но и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на формирование личности». Семья – основной институт первичной социализации/инкультурации, ее агентами являются родители, родственники и повседневное окружение, которые в детстве формируют границы допустимого и желаемого поведения в обыденных практиках. К институтам вторичной социализации можно отнести школу, мастерскую, университет, социальные институты власти и контроля, где основными агентами являются учителя или люди, обучающие военному или любому другому ремеслу, профессии, которые готовят ребенка/подростка/юношу к социальной зрелости и контролируют его поведение.

<sup>4</sup> *Бурдые*. 2001. С. 149–150.

<sup>5</sup> «Семья – это пункт обмена между сексуальностью и супружеством: она переносит закон и измерение юридического в диспозитив сексуальности; и она же переносит экономику удовольствия и интенсивность ощущений в распорядок супружества». *Фуко*. 1996. С. 210.



«История моих бедствий» Абельяра является не историей любви, а полемическим сочинением, доказывающим, что его кастрация была во благо. И только находка и публикация Жаном де Менем переписки представляет Элоизу как женщину, провозгласившую полноту своей любви, что легло не только в основу средневековой куртуазной, но и гуманистической культуры эпохи Возрождения<sup>6</sup>.

Что мотивировало обучать женщину в обществе, где доступ к знанию делал образованного человека субъектом, носителем властных полномочий или амбиций? Ведь даже образованнейшая Элоиза не могла претендовать на роль учителя, эту возможность ей предоставил только женский монастырь, подаренный ей Абельяром<sup>7</sup>. Но Абельяр, согласно «Истории моих бедствий», обучил Элоизу любовной науке, которая в Параклете станет для нее причиной страданий.

В условиях ограничения социокультурных функций женщины, любовное искусство часто оказывается единственной наукой, которую предлагает учитель-мужчина, хотя и здесь послушание и прилежность ученицы несут опасность ее измены или выхода за рамки дозволенного. Эта угроза была описана в поэме Овидия (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.) *Ars amatoria* («Наука любви»), где поэт выступает в роли учителя<sup>8</sup>:

Женщинам это урок, как сохранить им любовь <...>

В чем причина всех бед? Науки любить вы не знали!

Вы не учились, а страсть только наукой крепка.

Поспешайте же, девы, к уроку,

Ежели вам не в запрет званья, законы и стыд<sup>9</sup>.

Овидий отчетливо осознает, что его поэма, предназначенная не только для мужчин, но и для женщин, нарушает социальные запреты, выводя сексуальные практики из приватной сферы. Но необходимо учитывать, что в тексте отсутствует точка зрения женщины, и «обучение» ведется в интересах мужчины-триггера, поскольку «мужское господство стремится «ограничить вербальное сознание» женщин, ...если понимать под этим не то, что разговоры на сексуальные темы запрещены женщинам, но то, что их речи остаются под господством мужских ценностей мужественности...»<sup>10</sup>.

---

<sup>6</sup> *Mews*. 2005. P. 13: «Jean is interested in Heloise not as an abbess or as a thinker about ethics, but as a woman who proclaims the completeness of her love».

<sup>7</sup> *Ibid*. P. 12.

<sup>8</sup> Пусть же юношам вслед напишут и нежные жены / На приношеньях любви: «Был нам наставник Назон». *Овидий*. 1973. С. 207.

<sup>9</sup> *Овидий*. 1973. С. 188.

<sup>10</sup> *Бурдые*. 2001. С. 151-152.

«Наука любви» была популярна и в европейской культуре. Можно вспомнить средневековую куртуазную поэзию, «Историю моих бедствий» Абеляра, письма Элоизы к Абеляру, любовную овидианскую традицию эпохи Возрождения, «Письма Элоизы» А. Поупа, эпистолярный роман «Юлия или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо. Нетрудно заметить, что в основе всех этих текстов лежит эпистолярная форма.

Овидий не только советует юношам использовать переписку для завоевания сердца и поддержания любовной связи, но и дает подробную инструкцию, как добиться успеха:

Так посылай же письмо, умоляющей полное лести, –  
 Первой разведкой души трудный нащупывай путь.  
 Римские юноши, вам говорю: не гнушайтесь наукой  
 Той, что учит в суде робких друзей защищать!  
 Ибо не только народ, не только судья и сенатор,  
 Но и подруга твоя сдастся на красную речь. <...>  
 Будь убедителен, ласковым сделай привычное слово,  
 Будто не воск говорит – сам ты беседуешь с ней.  
 Если не примет письма и воротит его, не читая,  
 Ты не лишайся надежд: будешь упорней – прочтет.  
*Только со временем бык норовистый притерпится к плугу.*  
*Только со временем конь жесткую примет узду;*  
 Если прочтет, а ответа не даст, – подожди, не насилуй:  
 Ты приучи ее глаз к чтению ласковых строк.  
 Та, что хочет читать, захочет потом и ответить...<sup>11</sup>

Овидий и Абеляр рассматривают владение письменным словом как один из важных факторов успеха любовника, но для этого необходимо, чтобы и женщина умела писать и читать. Поскольку в средневековой Европе женское образование было редкостью, грамотность Элоизы определила выбор Абеляра: «Так как у женщин очень редко встречается такой дар, то есть ученые познания, то это еще более возвышало девушку [Элоизу] и делало ее известной во всем королевстве. И рассмотрев все, привлекающее обычно к себе влюбленных, я почел за наилучшее вступить в любовную связь именно с ней»<sup>12</sup>. Абеляр к моменту встречи с Элоизой уже имел славу философа и теолога и расценивал увлеченность науками Элоизы как залог своего успеха: «Я был осведомлен о познаниях этой девушки в науках и о ее любви к ним и потому был уверен, что она легко даст мне свое согласие»<sup>13</sup>. Переписка Абеляра и Элоизы не

<sup>11</sup> Овидий. 1973. С. 159.

<sup>12</sup> Абеляр. 1959. С. 20.

<sup>13</sup> Там же. С. 20.

только сохранила память об этой трагической истории любви, но и стала основой их отношений: «Я думал, что мы, даже находясь в разлуке, могли бы переписываться между собой (а ведь писать можно гораздо смелее, чем говорить)...»<sup>14</sup>. Переписка позволяет ему контролировать и корректировать поведение и решения ученицы на дистанции.

Позднее Элоиза, будучи настоятельницей Параклета, не раз упоминает о многочисленных письмах Абеяра, при помощи которых он добился взаимности. Любовники освоили искусство тайной переписки, которому учил Овидий и женщин в третьей книге «Науки любви», поскольку считал ее важным средством преодоления домашнего надзора:

Кто же запрет под замок? С богом, обману учись!  
Сколько у Аргуса глаз, столько будь сторожей над тобою, –  
Всех без труда обойдешь хитростью, только решишь!  
Как, например, он тебе помешает писать твои письма?  
Ты, умываясь, одна, – в этот свой час и пиши. <...>  
Можно писать молоком, и листок покажется белым,  
А лишь посыпешь золой – выступят буквы на нем;  
Можно писать острием льняного сочного стебля –  
И на табличке твоей тайный останется след.  
Как ни старался замкнуть на замок Акрисий Данаю –  
Грех совершился, и стал дедом суровый отец<sup>15</sup>.

«История моих бедствий» повторяет поворот античного сюжета: хотя тайная любовная связь была раскрыта, Элоиза успела забеременеть, о чем она сообщила изгнанному учителю-любовнику в письме: «Немного позже девушка почувствовала, что она ожидает ребенка, и с великой радостью написала мне об этом, прося меня подать совет, как ей в этом случае поступить»<sup>16</sup>. В «Истории...» Абеяра представляет себя неискушённым в любви («Я гнушался всегда нечистотой блудниц, а от сближения и от короткого знакомства с благородными дамами меня удерживали усердные ученые занятия, и я имел мало знакомых среди мирянок»<sup>17</sup>), возможно, поэтому сюжет их отношений с Элоизой воспроизводит уроки, данные Овидием. Это сходство можно расценивать либо как сознательную редактуру под античный текст, либо как следование за указаниями античного поэта из-за неопытности.

Абеяра не обучал Элоизу школьной грамматике и арифметике, об этом позаботился ее дядя. Из «Истории...» неясно, каким именно иску-

<sup>14</sup> Там же. С. 20.

<sup>15</sup> Овидий. 1973. С. 203–204.

<sup>16</sup> Абеяра. 1959. С. 24.

<sup>17</sup> Там же. С. 20.

ствам философ учил Элоизу, поскольку использовал статус учителя как предлог для сближения и маскировки сексуальных отношений. Он подчеркивал, что любовные ласки шли в ущерб обучению свободным искусствам не только Элоизы, но и его учеников в школе: «Итак, под предлогом учения мы всецело предавались любви, и усердие в занятиях доставляло нам тайное уединение. И над раскрытыми книгами больше звучали слова о любви, чем об учении; больше было поцелуев, чем мудрых изречений; руки чаще тянулись к груди, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным». Создается впечатление, что во втором предложении, как и в первом, речь идет одновременно об Элоизе и Абеляре, но фраза «руки часто тянулись к груди» выдает, что Абеляр описывает себя как субъекта действия, а степень соучастия любовницы остается неясной для читателя. Кроме того, по письмам Элоизы можно определить, что Абеляр все-таки обучил ее искусству диалектики, познакомил с философией, своим учением об универсалиях, богословием и научил толкованию Св. Писания, поскольку эти знания и навыки она искусно использует в аргументации своей позиции. Даже если он обучал ее для того, чтобы скрыть их истинные отношения, полученные знания пригодились Элоизе-настоятельнице Параклета.

Честь, целомудрие и верность выступают в качестве основных императивов, которые должна усвоить женщина. Предавшая женщина обычно представлялась в роли изменяющей жены или распутной девки, которая покушается на социальный статус и честь мужа, семьи, рода, поэтому образ Элоизы неоднозначен, и она последовательно описывается Абеляром как объект его манипуляции. В «Истории...» повествуется о неоднократном обмане доверчивого дяди Элоизы, каноника Фульбера, причем предателем Абеляр называет себя: «...почувствовав сострадание к его безмерному горю и обвиняя себя самого в коварстве (и как бы в величайшем предательстве), вызванном моей любовью, я сам пришел к этому человеку, прося у него прощения и обещая дать какое ему угодно удовлетворение»<sup>18</sup>.

Абеляр не упоминает о любви и желаниях Элоизы, что отводит от нее обвинение в предательстве воспитавшего ее, лишая при этом собственной воли, прямой моральной и социальной ответственности. Кроме того, он частично снимает и свою вину, мотивируя доверчивость Фульбера скупостью, так как он взял Абеляра в дом нахлебником за высокую плату и рассчитывал на то, что любимая племянница попутно получит

---

<sup>18</sup> Там же. С. 26.

возможность бесплатно обучаться у человека с высоким академическим и моральным авторитетом. Более того, Фульбер делегирует свои «отеческие» функции надзора за Элоизой в обмен на образовательные услуги: «...он поручил племянницу всецело моему руководству, дабы я всякий раз, когда у меня после возвращения из школы будет время, – безразлично днем или ночью – занимался ее обучением и, если бы я нашел, что она пренебрегает уроками, строго ее наказывал. Я сильно удивлялся его наивности <...> Ведь поручив мне девушку с просьбой не только учить, но даже строго наказывать ее, он предоставлял мне удобный случай для исполнения моих желаний и давал (даже если бы мы оба этого и не хотели) возможность склонить к любви Элоизу ласками или же принудить ее [к любви] угрозами и побоями»<sup>19</sup>.

Легитимное совмещение Абеяром функций агентов первичной и вторичной инкультурации (родственника и учителя), предоставило влюбленному мужчине возможность контролировать и захватить все сферы интересов Элоизы, от учебных до эротических, с наслаждением используя телесные наказания, применяемые как в пространстве семьи, так и школы: «Чтобы возбуждать меньше подозрений, я наносил Элоизе удары, но не в гневе, а с любовью, не в раздражении, а с нежностью, и эти удары были приятней любого бальзама»<sup>20</sup>. Таким образом, Абеяяр, распределяя тяжесть моральной ответственности за грех Элоизы между собой и дядей, лишает ее субъектности. Ситуация, когда средневековая женщина не имела юридической и экономической самостоятельности, переносится на сферу чувств и нравственности. Но Абеяяр находит оправдание своему вероломству перед Фульбером и читателями, отсылая к Священной Истории: «...мое поведение не покажется удивительным никому, кто хоть когда-нибудь испытал власть любви и помнит, какие глубокие падения претерпевали из-за женщин даже величайшие люди с самого начала существования человеческого рода»<sup>21</sup>. И даже здесь нет персональной ответственности Элоизы, поскольку ее вина приписана слабой женской природе, испорченной грехопадением.

Элоиза поддерживает этот дискурс, представляя себя страдающим и кающимся медиатором метафизического зла: «А я, несчастная, родилась на свет, чтобы стать причиной такого злодеяния! О, величайший всегда вред от женщин для великих людей! Поэтому-то в «Притчах» и написано, что женщин необходимо остерегаться <...> Уже первая жен-

---

<sup>19</sup> Там же. С. 22.

<sup>20</sup> Там же. С. 22.

<sup>21</sup> Там же. С. 26.

щина тотчас же лишила своего мужа рая и, будучи создана Господом в помощь мужу, обратилась в величайшую погибель для него <...> Коварнейший искуситель прекрасно знал по многократному опыту, что мужья легче всего находят гибель именно из-за своих жен»<sup>22</sup>. Но и здесь орудием наказания становится не она, а её мстительные родственники, которых они с Абеляром неоднократно называют предателями, поскольку они нарушили договор о тайне брака, и оскопили Абеляра, не желавшего огласить брак в ущерб церковной карьере.

Барбара Голд и соавторы сравнивают Элоизу с лукановской Корнелией<sup>23</sup>, чей монолог она цитирует перед принятием монашеского обета: «многие жалели ее и пугали невыносимым для ее молодости бременем монастырских правил... Она отвечала на них сквозь слезы и рыдания, повторяя жалобу Корнелии: «О величайший супруг мой! / Брак наш позор для тебя. Ужели злой рок будет властен / Даже над этой главой? Нечестиво вступила в союз я, / Горе принесши тебе. Так приму же и я наказание! / Добровольно приму я его...»<sup>24</sup> Согласно Плутарху Лукреция считала своего злого демона причиной неудач Помпея, так как ее первый муж Красс тоже погиб, а римский консул Помпей Великий был предательски убит на ее глазах (Лукан. Фарсалия, VIII, 94-98). Элоиза могла усмотреть сходство с Корнелией и в том, что она тоже была гораздо младше мужа (Плутарх подчеркивает, что Корнелия скорее годилась новому мужу в дочери), отличалась юностью, красотой, умом и образованностью: была обучена музыке, геометрии и философии<sup>25</sup>.

В «Истории...» и переписке позиции Элоизы и Абеляра относительно семейной жизни абсолютно совпадают, более того, она настаивает на статусе любовницы, поскольку полагает, что семья будет препятствовать его ученым занятиям и станет его позором: «Я... старалась, как ты и сам знаешь, о доставлении наслаждений не себе, а тебе и об исполнении *не своих, а твоих желаний*. И хотя наименование супруги представляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой, или, если ты не оскорбишься, – твоею сожительницей или любовницей. Я думала, что *чем более я унижусь ради тебя*, тем больше будет твоя любовь ко мне, и тем меньше я могу повредить твоей выдающейся славе»<sup>26</sup>.

<sup>22</sup> Там же. С. 83-84.

<sup>23</sup> Gold, Miller, Platter. 1997. P. 26-30.

<sup>24</sup> Абеляр. 1959. С. 32.

<sup>25</sup> Плутарх. 1963. С. 373-391.

<sup>26</sup> Абеляр. С. 67. Абеляр так описывает отношение Элоизы к браку: «Она спрашивала: как сможет она гордиться этим браком, который обесславит меня и

Эта позиция подкрепляется авторитетом Нового Завета, где «Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф.21:31). Средневековая традиция, начиная с папы Григория I (ок. 540–604), отождествляла Марию Магдалину с блудницей, отершей своими власами ноги Христу. Как показывает К. Мьюз, Элоиза экстраполирует некоторые свои отношения с кастрированным Абельяром на историю Марии Магдалины, как преданной и любящей ученицы Иисуса<sup>27</sup>. Можно указать несколько оснований для подобной интерпретации. В повествовании апостола Иоанна оставшаяся оплакивать у могилы Христа Магдалина первая узрела воскресшего Христа, назвав его учителем, но он не дал ей прикоснуться к себе<sup>28</sup>. Так же и Элоиза с Абельяром после пострижения (смерти в миру), оставаясь учителем и ученицей, избегали любовных отношений. Как Христа, так и Абельяра ученики покинули, а верность сохранила только ученица.

Но, уже находясь в Аржантейле, Элоиза сочинила краткие пасхальные пьесы в стиле Песни Песней Соломона, где основным сюжетом является поиск Магдалиной тела возлюбленного Иисуса. Впоследствии принявшие постриг Абельяры и Элоиза сходятся во мнении, что для монахинь образцом благочестивой женщины должна стать Магдалина<sup>29</sup>. И в переписке из Параклета с Абельяром она сетует на то, что в литургии нет

---

равно унизит меня и ее; сколь большого наказания потребует для нее весь мир, если она отнимет у него такое великое светило; сколь много вызовет этот брак проклятий со стороны церкви, какой принесет ей ущерб и сколь много слез исторгнет он у философов; как непристойно и прискорбно было бы, если бы я – человек, созданный природой для блага всех людей, – посвятил себя только одной женщине и подвергся такому позору! <...> Что может быть общего между учениками и домашней прислугой, между налоем для письма и детской люлькой, между книгами или таблицами и прялкой, между стилем, или каламом, и веретеном? Далее, кто же, намереваясь посвятить себя богословским или философским размышлениям, может выносить плач детей, заунывные песни успокаивающих их кормилиц и гомон толпы домашних слуг и служанок? Кто в состоянии терпеливо смотреть на постоянную нечистоплотность маленьких детей?» (Абельяры. С. 26–28).

<sup>27</sup> Mews. 2005. P. 146–147, 159–160, 163–164, 168–169.

<sup>28</sup> Ин.20: 10–18 «Итак ученики опять возвратились к себе. А Мария стояла у гроба и плакала. ...обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! – что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, [что] видела Господа и [что] Он это сказал ей».

<sup>29</sup> Mews. 2005. P. 159.

гимнов, посвященных апостолам и Марии Магдалине<sup>30</sup>, в ответ Абельяр сочиняет ряд гимнов, дополнивших цистерцианскую Псалтырь, где песня Магдалины так же подчинена стилистике Песни Песней.

Аргументы, которыми корреспонденты легитимировали отказ от семейной жизни и продолжавшиеся отношения между монахом и монахиней, подкрепляются обильным количеством цитат из Библии и патристики, где звучит негативная оценка брака. Создается впечатление, что Абельяр прививал Элоизе знания, которые служили его интересам. Эти тонкие технологии присвоения (апроприации) описывает М. Фуко, расширяя концепции классового и сексуального насилия К. Маркса, З. Фрейда и Г. Маркузе: «...если бы власть имела только функцию подавления, если бы она действовала по образцу цензуры, исключения, преграждения, вытеснения в духе какого-то большого Сверх-Я, если бы она осуществлялась только негативным способом, то она оказалась бы очень хрупкой»<sup>31</sup>. Фуко полагал, что в основе повседневного могущества власти лежит более тонкий механизм манипуляции телом и мотивацией при помощи знания: «...она [власть] производит позитивные воздействия на уровне желания..., а также на уровне знания. Власть отнюдь не мешает знанию: она его производит»<sup>32</sup>.

Элоиза наделяет Абельяра и судебными функциями, пытаясь определить степень своей вины в его кастрации: «Я принесла тебе много вреда, но во многом, как ты сам знаешь, я совсем невиновна. Ведь в преступлении важно не само деяние, а намерение совершающего его лица... Я всецело предаю себя твоему суду и во всем подчиняюсь твоему свидетельству»<sup>33</sup>. В ответ Абельяр оправдывает ее, полагая, что им в большей степени владела похоть, поэтому его и постигло суровое наказание, лишившее его части тела, которой он предавался греху. И теперь он выстраивает иные отношения с женщиной, используя библейский образ женщины-спутницы и жены-сестры<sup>34</sup>. Их отношения во многом

---

<sup>30</sup> Ibid. P. 164-165.

<sup>31</sup> Фуко. 2002. С. 166.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Абельяр. 1959. С. 69.

<sup>34</sup> Там же. С. 55: «А если кто не верит, что так делали апостолы, странствуя ради проповеди Евангелия в безгрешном общении с женщинами, тот пусть послушает евангелие и узнает, что апостолы поступали так по примеру самого господина. Ведь в Евангелии написано: "Затем и сам он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя царствие Божие, а с ним двенадцать [апостолов] и несколько женщин, исцеленных от злых духов и болезней: Мария, нарицаемая Магдалиной, Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, а также многие другие, служившие Христу всем, чем могли". И папа Лев IX сказал в своем сочинении против послания



воспроизводят средневековые ритуалы вассалитета-сюзеренитета, налаживавшие на обе стороны обязанности, важной составляющей которых была верность клятве и защита. Преданность и послушание Элоизы, артикулируемые в пределах колебания от эротического до вассального дискурса, являются предметом отдельного описания и обсуждения в переписке. И самым значимым символом жертвенного самоотречения становится пострижение молодой женщины в монахини: «Бог свидетель, что я всю мою жизнь больше опасалась оскорбить тебя, нежели Бога, и больше стремлюсь угодить тебе, чем ему. И в монастырь я вступила не из любви к Богу, а по твоему приказанию».<sup>35</sup>

Принятие Элоизой монашеского сана было тем событием, которое свидетельствует о ее любви и верности, поскольку она изменила бы Абельяру, если бы вернулась к родственникам, жаждавшим выгодно выдать её замуж. Взамен своего подчинения она требует от Абельяра покровительства, защиты и духовной опеки. Кэтрин Конг, принимая классификацию Сазерна, относит письма настоятельницы Параклета, адресованные Абельяру, к жанру писем-прошений (*epistola deprecatoria*) цель которых не только изложить и риторически аргументировать просьбу, но выстроить отношения с адресатом<sup>36</sup>. К этому можно добавить, что участники переписки выстраивают отношения не только друг с другом, но и конструируют себя в процессе артикуляции.

Элоиза пишет, что становиться монахиней нужно после сорока лет, поскольку ее постоянно искушают воспоминания о прошлом блаженстве. Эта позиция кающейся ученицы-грешницы обусловлена тем, что «между техниками знания и стратегиями власти нет никакого промежутка... что можно было бы назвать “локальными очагами” власти-знания, такими, например, как отношения, завязывающиеся между кающимся грешником и исповедником, или между верующим и наставником. Здесь – и под знаком “плоти”, подлежащей усмирению, – различные формы дискурса: испытание самого себя, допросы, признания,

---

Пармениана “О стремлении в монастырь”: “Мы признаем вообще, что епископу, пресвитеру, диакону и иподиакону не позволяется отречься от заботы о собственной жене под предлогом посвящения себя делу веры, если это касается обеспечения жены пищей и одеждой, а не плотского сожителства”. Мы читаем у блаженного Павла, что так поступали и святые апостолы: “Разве мы не имеем власти иметь спутницей сестру-жену, как братья господни и Кифа?” Обрати внимание, неразумный, что апостол не сказал: “Разве мы не имеем власти обнимать сестру-жену”, а сказал: “иметь спутницей”, и именно для того, чтобы за свою проповедь получать от них пропитание, а не затем, чтобы вступать с ними в плотское общение».

<sup>35</sup> Абельяр. 1959. С. 87.

<sup>36</sup> Конг. 2010. Р. 63, 66.

интерпретации, беседы... транспортируют на себе разнообразные формы подчинения и схемы познания»<sup>37</sup>.

В каждом письме Элоиза и Абельяр выстраивают гендерную властную иерархию, мотивируя ее естественным порядком, который лежит в основе социального: «Своему единственному после Христа, его единственная во Христе. Удивляюсь я, о мой единственный, что ты, вопреки принятому в письмах обыкновению и даже *вопреки самому естественному порядку вещей*, вздумал в письме в самом заголовке приветствия поставить мое имя впереди своего, поставить женщину впереди мужчины, жену впереди мужа, рабыню впереди хозяина, монахиню впереди монаха и священника, диакониссу впереди аббата!»<sup>38</sup> Отношения «рабыня-хозяин» представляют женщину как собственность мужчины, от которой требуется абсолютное подчинение.

Элоиза и Абельяр, описывая превратности судьбы, воспроизводят рыцарскую военную терминологию: звучат жалобы на мечи и стрелы судьбы. Его постоянно осаждают искушения или враги (завистники, родственники, монахи), которые предают и стремятся подло отравить, а единственным воплощением верности оказывается Элоиза. Подобно сюзерену Абельяр наделяет общину ее монахинь землей и собственностью (Параклетом), где требует после смерти себя похоронить и молиться за него. Элоиза в ответ подчеркивает, что в качестве ее мужа и священника он обязан духовно заботиться о ней: «Ведь я отреклась со-

<sup>37</sup> Фуко. 1996. С. 199. «Признание – это такой дискурсивный ритуал, где субъект, который говорит, совпадает с подлежащим высказывания; это также ритуал, который разворачивается внутри определенного отношения власти, поскольку признание не совершается без присутствия, по крайней мере виртуального, партнера, который является не просто собеседником, но инстанцией, требующей признания, навязывающей его и его оценивающей, инстанцией, вмешивающейся, чтобы судить, наказывать, прощать, утешать и примирять; ритуал, где истина удостоверяет свою подлинность благодаря препятствиям и сопротивлениям, которые она должна была преодолеть, дабы себя сформулировать; это, наконец, ритуал, где самый акт высказывания, безотносительно к его внешним последствиям, производит внутренние модификации в том, кто его произносит: этот акт его оправдывает, искупает его вину и его очищает; он облегчает тяжесть его проступков, освобождает его и обещает ему спасение». Там же. С. 160.

<sup>38</sup> Элоиза вторит реплике Абельяра из «Истории...»: «Ведь именно слабый пол нуждается в помощи сильного пола, потому-то апостол и устанавливает, что муж должен быть как бы главою жены <...> Во многих местах мы видим даже, что нарушая естественный порядок, аббатисы и монахини повелевают клириками, которым повинуются народ; и чем большей властью обладают аббатисы и монахини, тем легче они могут вызвать дурные желания у клириков и тем тяжелее лежит на тех это иго...». Абельяр. 1959. С. 56.

вершенно от всех удовольствий, лишь бы повиноваться твоей воле. Я не сохранила ничего, кроме желания быть теперь целиком твоей. Подумай же о том, насколько ты несправедлив, когда того, чья заслуга пред тобою больше, ты вознаграждаешь меньше и даже вообще ничего не даешь, хотя от тебя требуется весьма малое и то, что выполнить тебе очень легко»<sup>39</sup>. Абельяр воспринимается ею как медиатор Добра, который подобно преданному мученику искупил свой грех кровью, он первый устремился ко Христу, а она как верная ученица идет за ним: «Я последовала за тобой, устремившимся к Богу... Ведь я, да видит Бог, нимало не усомнилась бы по твоему приказанию предшествовать тебе или следовать за тобою... ибо душа моя была не со мной, а с тобой! Даже и теперь если она не с тобой, то ее нет нигде: поистине без тебя моя душа никак существовать не может»<sup>40</sup>. На мысли Абельяра о скорой смерти Элоиза отвечает подтверждением своей символической смерти.

Таким образом, Элоиза настойчиво приносит в жертву Абельяру свою волю и субъектность, многократно подчеркивая вторичность, преданность и покорность Абельяру как господину, любовнику, отцу, мужу, священнику и учителю: «Своему господину, а вернее отцу, своему супругу, а вернее брату, его служанка, а вернее дочь, его супруга, а вернее – сестра, Абельяру – Элоиза. Недавно некто доставил мне, о возлюбленнейший, утешительное послание ваше к другу... я начала читать его с тем большим увлечением, чем более преданно люблю писавшего; утратив человека в действительности, я хотела хотя бы утешиться словами его и как бы представить себе его образ»<sup>41</sup>. Цель этой риторической самоманифестации – стремление добиться «признания как гарантии статуса, идентичности и ценности, придаваемой одному лицу другим... Долгое время аутентичность индивида устанавливалась через удостоверение другими и через манифестацию его связи с другими (семья, вассальная зависимость, покровительство)»<sup>42</sup>. Настойчивая письменная артикуляция этих отношений обращена не только к частному адресату, но и к другим возможным читателям переписки. Элоизе важно добиться легитимации нынешнего статуса настоятельницы Параклета путем оправдания истории любви, которая стала причиной монашества, и она использует символический капитал всех форм законного положения женщины в средневековье, умалчивая о себе как о любовнице Абельяра в этом обращении.

---

<sup>39</sup> Там же. С. 71.

<sup>40</sup> Там же. С. 70-71.

<sup>41</sup> Там же. С. 63.

<sup>42</sup> Фуко. 1996. С. 156.

Отношения между Элоизой и Абельяром подчиняются общему символическому принципу социальной иерархии средневекового общества, где оппозиция «раб–хозяин» обозначала право собственности на всех уровнях: вассал во время ритуала оммажа провозглашал себя рабом сузерена и давал клятву верности (фуа), а все христиане были рабами Господа. Оба корреспондента признают безусловную власть над ними триединого Бога, но Элоиза всегда демонстрирует свою вторичность относительно Абельяра, как ее непосредственного господина: «Своему единственному после Христа, его единственная во Христе». Как отмечает Кэтрин Конг описание интимных отношений в терминах социальных функций стирает границы между ними<sup>43</sup>.

Таким образом, в текстах Элоизы и Абельяра чрезвычайно мало места уделено описанию собственно любви и техник обучения сексу, их дискурс постоянно смещается в сторону покаяния и признания своей вины, поскольку «в течение веков истина о сексе бралась... в этой дискурсивной форме [признания]. А вовсе не в форме обучения (сексуальное воспитание ограничит себя общими принципами и правилами предосторожности); и вовсе не в форме посвящения (оставшегося по преимуществу безмолвной практикой, которую акт лишения невинности или девственности делает только смешной или жестокой)... это такая форма, которая находится дальше... от той, что управляет “искусством эротики”»<sup>44</sup>.

Тем не менее, Мартин Ирвин в статье «Элоиза и гендерность литературного субъекта» приходит к выводу, что Элоиза находилась в ситуации, когда *litteratus* (образованный человек) артикулировал себя в грамматической форме мужского рода, но она, находясь под дискурсивной властью мужчин, не желала смириться с этой позицией<sup>45</sup>.

---

<sup>43</sup> Kong. 2010. P. 58

<sup>44</sup> Фуко. 1996. С. 160-161.

<sup>45</sup> P. 107: «Для образованных людей XII века, гендерные классы казались естественными категориями, отраженными в языке, а маскулинность и фемининность понимались как природные и социальные идентичности». «Элоиза отказывается быть просто адресатом/читателем, молчаливым получателем, который лишен права говорения и письма. Мы видим, что в колебаниях между полюсами или полями гендерных сил на мгновение возникает феминный субъект латинской прозы, полностью наделенный властью *litteratus* женского рода – как бы грамматически невозможным это ни казалось – который создает свой голос из разных видов гендерной субъектности средневекового дискурса. Элоиза одновременно и принимает свою социальную позицию женщины под властью мужчин (в качестве аббатисы Параклита) и находит свой способ дискутировать о своей идентичности в письменном виде, сопротивляясь тому, чтобы становиться субъектом голоса автора-мужчины».

Таким образом, Элоиза в процессе письма пытается присвоить и подчинить маскулинные дискурсивные практики *litteratus* посредством ряда стратегий: подтверждения средневековой иерархии подчинения, легитимации истории своей жизни через античный и библейский примеры верности образованных женщин – Корнелии и Магдалины, обоснования права женщины на выбор супруга, образование и регламентирование порядка сообщества в Параклете.

Если усвоение Элоизой и Абеяром уроков Овидия стало основой раскаяния в грехах молодости и взаимной преданности, то Элегия VII (по Дж. Кэри – XII) Джона Донна описывает измену возлюбленной, что является другой стороной овидианской поэмы. Донн контаминирует несколько сюжетов обучения любовному искусству женщин: «Науку любви» Овидия, «Историю моих бедствий» Абеяра и миф о Галагее, где мотив сотворения идеальной женщины сочетается с ее изменой Пигмалиону, влюбившемуся в свое творение:

«Дуреха! Сколько я убил трудов, / Пока не научил в конце концов / Тебя – премудростям любви. Сначала / Ты ровно ничего не понимала / В таинственных намеках глаз и рук / И не могла определить на звук, / Где дутый вздох, а где недуг серьезный, / Или узнать по виду влаги слезной, / Озноб иль жар поклонника томит; / И ты цветов не знала алфавит, / Который, душу изъясняя немо, / Способен стать любовною поэмой! / Как ты боялась очутиться вдруг / Наедине с мужчиной, без подруг, / Как робко ты загадывала мужа! / Припомни, как была ты неуклюжа, / Как то молчала целый час подряд, / То отвечала вовсе не впопад, / Дрожа и запинаясь то и дело. / Клянусь душой, ты создана всецело / Не им (он лишь участок захватил / И крепкою стеной огородил), / А мной, кто, почву нежную взрыхляя, / На пустоши возделал рощи рая. / Твой вкус, твой блеск — во всем мои труды; / Кому же как не мне вкусить плоды? / Ужель я создал кубок драгоценный, / Чтоб из баклаги пить обыкновенной? / Так долго воск трудился размягчать, / Чтобы чужая втиснулась печать? / Объездил жеребенка для того ли, / Чтобы другой скакал на нем по воле?»<sup>46</sup>.

Любовник в соответствии с ренессансными гуманистическими представлениями полагает недостаточным для человека только наличие природных данных, поскольку называет героиню «Дурёха» (*Nature's lay idiot*), и факт рождения женщиной не делает ее искусной в любовной науке. Знаки любовной науки связаны с умением читать послания тела: глаз, рук, вздохов. Мужчина выступает в нескольких социокультурных

---

<sup>46</sup> *Donne*. 1990. P. 58-59; *Донн*. 2009. С. 62 (Пер. Г. Кружкова).

ролях по отношению к героине. Во-первых, учителя, который подобно теологам научил ее искусству интерпретации мистического любовного языка («The mystic language of the eye nor hand»). Но ее способности позволили извратить учение подобно софистам и скрыть правду («I taught thee to love, / And in that sophistry, O! thou dost prove / Too subtle»).

Далее используется иной путь обучения – через медицинские практики изучения и диагностирования состояния тела. Ученица приобретает умение рассуждать и отличать притворные вздохи от истинного любовного отчаяния, которое способно привести к любовной болезни («...or couldst thou judge the difference of the air / Of sighs, and say, "This lies, this sounds despair";/ Nor by th' eye's water cast a malady / Desperately hot, or changing feverously»). Данная терминология описывает методику диагностирования болезней по Галену согласно теории баланса четырех гуморов. Причем, любовные переживания рассматривались медиками как возможная причина болезней – в нашем случае, любовной меланхолии, стадии развития которой воспроизведены Донном. В любовный, эротический овидианский текст проникают научные дискурсивные практики раннего Нового времени, когда начинается эпистемологический сдвиг: «...дискурс, которому надлежало теперь сочленяться уже не с тем, который говорит о грехе и о спасении, о смерти и о вечности, но с тем, что говорит о теле и о жизни, – с дискурсом науки»<sup>47</sup>.

Учитель развил в своей ученице умение различать язык цветов для того, чтобы обмениваться невербальными любовными посланиями, и научил ее говорить о любви, то есть дал ей речь. Женщина воспринимается героем как необработанный природный материал, который им был очищен до идеального догреховного состояния, способный принести истинное наслаждение («...who have with amorous delicacies / Refined thee into a blissful paradise»). И далее учитель, резюмируя, присваивает себе функцию создателя-творца-отца («Thy graces and good works my creatures be; / I planted knowledge and life's tree in thee»). Роль Творца, источника жизни и знаний накладывается на топос Бога-садовника, которому принадлежит этот мир, и, соответственно, плоды его трудов. Стратегия обучения пародирует университетские ступени образования, располагая их в обратном порядке: теология, медицина, грамматика, риторика. Но ученица, получившая знания, открытые для избранных, предпочла незнакомца<sup>48</sup>, чей образ напоминает Искусителя<sup>49</sup>.

---

<sup>47</sup> Фуко. 1996. С. 163.

<sup>48</sup> Овидий. 1973. С.61.

В заключительной части элегии ее образ интерпретируется через библейские топосы, указывающие на право обладания, которое было попрано. Она сравнивается с серебряным кубком, сосудом, воском, плодом, лошадыо<sup>50</sup>; а он – с горшечником, садовником<sup>51</sup>, печатью<sup>52</sup>, наездником, что позволяет ее интерпретировать как *творение*, а его как *Творца*. «Все символические манипуляции с телесным опытом, начиная с перемещений в символически структурированном пространстве, стремятся навязать интеграцию телесного, космического и социального пространств, мысля их одними и теми же категориями..., внушить связь между человеком и природным миром, состояниями и действиями, дополняющими или противопоставляющими представителей разного пола в разделении сексуального труда и разделении труда по полу, а следовательно, биологическом и социальном воспроизводстве»<sup>53</sup>.

Образ любовника развивается по логике *учитель-творец-собственник*, и женщина представлена зеркально ему как *ученица-творение-собственность*. Ее измена интерпретируется как нарушение моральных обязательств ученика перед учителем; творения перед творцом, что в конечном итоге связано с их правом использования плодов его труда/творения. Власть учителя-творца исчезает, когда ученик получает возможность сменить статус объекта обучения на позицию субъекта, проявившего свою волю. Пройдя инициацию и выйдя из-под опеки,

---

<sup>49</sup> «Делаю то, что могу: обучаю науке любовной / (Горе! Я сам удручен преподаванием своим!) – Овидий. 1973. С. 51.

<sup>50</sup> «...есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении. Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело. Юношеских похотей убегай, а держись правды, веры, любви, мира». (2Тим2: 20-22); «Ибо воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения...». (1Фес. 4:3-5); «...если вы принесете много плода и будете Моиими учениками. Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей». (Ин, 15: 8,9). «Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов. Если мы неверны, Он пребывает верен». (2 Тим.2:6,13); «...не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению, ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздывать и все тело. Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их». (Иак. 3:1-3).

<sup>51</sup> «Кто, насадив виноград, не ест плодов его?<...> кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, *должен молотить* с надеждою получить ожидаемое. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?» (1Кор. 9:9-11)

<sup>52</sup> «Но твердое основание Божие стоит, имея печать сию: “познал Господь Своих”». (2Тим2: 19)

<sup>53</sup> Бурдые. 2001. С. 150-151.

ученица выходит за допустимые границы применения знания<sup>54</sup>. Либо учитель слишком очаровывается совершенством/послушанием своего ученика и безграничностью власти над ним, а его влечение к творению способно разрушить социально закрепленную дистанцию подчинения. И если Элоиза постоянно ее сохраняет при помощи выстраивания социальной иерархии, то ученица в элегии Донна разрушает и инверсирует властные роли «учитель-ученик». Он настолько стремится сохранить свою власть, что приписывает ей измену равную предательству Евой Бога-Отца и Адама и апостолом Иудой – учителя Христа (Мф.26:47-49; Марк.14:44-45). Предательство женщины в истории европейской культуры редко носило политический характер, поскольку круг ее навыков и знаний до XX века был ограничен социальными функциями, связанными с деторождением и домашними обязанностями.

Любовник Донна при помощи двойной библейской аллюзии стремится усугубить чувство вины ученицы и апроприирует естественное право власти над творением даже после его рождения/инициации<sup>55</sup>. Поэтому дисциплинарное или эпистемологическое неповиновение после исчезновения дисциплинарных властных отношений, которые оправдывались ситуацией обучения, расценивается как грехопадение, отпадение и предательство. Парадокс заключается в том, что учитель готовил ученицу к инициации и переходу в иной социальный статус, и его цель была – преодолеть природную безличность ученицы, но обретение ею субъектности означает уничтожение отношений «учитель-ученица». Элоиза же осталась верной ученицей, женой и духовной дочерью Абельяра, поэтому продолжала и далее претендовать на опеку и покровительство, оставаясь объектом его наставлений<sup>56</sup>.

Религиозный дискурс «Творец–творение» освящает иерархию, поскольку сотворенный целиком обязан своим существованием Творцу, который наделен правом распоряжаться не только его «душой», но и «телом». Учитель приобретает символическую власть над душой, про-

---

<sup>54</sup> Мучусь: другой ощутил всю сладость ее поцелуев.../ Нет, не хочу, чтоб и он сладко тебя целовал!/ Стали искусней они, чем те, каким обучал я,–/ Новое что-то она явно добавила к ним. / Горе, что так они нравились мне.../ Но научиться таким невозможно только в постели.../ Кто ж эту плату с нее за обучение взял? (Овидий. С. 51).

<sup>55</sup> «Что ты? Как смеешь? - кричу. - Кому отдаешь мое счастье? / Я господин, и свои восстановлю я права». – Там же.

<sup>56</sup> «Умоляю тебя ...не переставай помогать мне своими молитвами. Не считай меня здоровой и не лишай меня милости исцеления. Не верь, что я в нем не нуждаюсь, и не уклоняйся от помощи в моей нужде. Не думай, что я сильна, и не дай мне погибнуть раньше, чем ты успеешь поддержать меня в моем падении» - Абельяра. 1959. С. 87.



изводя или транслируя знание и открывая доступ к нему. Тело ученика через дисциплинарные практики не только участвует в овладении знанием, но и символически демонстрирует подчинение власти учителя или воплощаемой им традиции, поэтому необходимо сосредоточиться «на изучении механизмов власти, инвестируемых в тела, в жесты, в способности поведения...»<sup>57</sup>. Видимым знаком/маркером верности или отпадения и предательства<sup>58</sup> ученицы оказываются символические телесные жесты: «Элоиза же еще до меня по моему настоянию *надела на себя покрывало* монахини и вступила в монастырь. Итак, *мы оба почти одновременно надели на себя монашескую одежду*, я — в аббатстве Сен-Дени, а она — в упомянутом выше монастыре Аржантейль».<sup>59</sup> Таким образом, в репрезентации идентичности основную роль играют телесные метафоры, аналогии и разного рода риторические сигнификации, поскольку «Телесный экзис есть осуществленная политическая мифология, она *инкорпорировалась* и превратилась в постоянную диспозицию, устойчивую манеру держаться, говорить, ходить и тем самым — *чувствовать* и *думать*... большая часть слов, обозначающих положения тела,... чреваты двумя другими родами отношений [феминного и маскулинного]: к себе подобным, ко времени и к миру — и тем самым двумя системами ценностей».<sup>60</sup>

В отношениях «учитель – ученица» манипулирование объектом инкультурации происходит при помощи регламентирования режима доступа к знанию. Но в нарративах о предательстве ученицей учителя ситуация часто накладывается на модель религиозной оппозиции «Творец – творение». Передавая знания ученице, учитель репрезентируется как её Творец и даже отец. Учитель претендует на присвоение предшествующих ему культурных ролей: Творец дает биологическое тело, отец/мать – биологическое и социальное, тогда как учитель – только социальное. Учитель готовит к ритуалу перехода в новое культурное тело и через инициацию дает ученику или ученице социальный статус зрелости, следовательно, должен создать его как социокультурный субъект, способный проявлять собственную волю. Но при этом учитель стремится открыть доступ к тем знаниям, при помощи которых воля ученицы или ученика совпадала бы с целями, желаниями, стремлениями/интенциями сообществ или институтов власти.

---

<sup>57</sup> Фуко. 2002. С.168.

<sup>58</sup> Which O! shall strangers *taste*?

<sup>59</sup> Абельяр. 1959. С. 32.

<sup>60</sup> Бурдые. 2001. С.136.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Criticism and dissent in the Middle Ages / Ed. Rita Copeland. Cambridge University Press, 1996.
- Donne John* / Edited by John Carey. Oxford & NY: Oxford University Press, 1990.
- Gold B. K., Miller P. A., Platter C. Sex and gender in medieval and Renaissance texts: the Latin tradition. SUNY Press, 1997.
- Herskovits M.J. Man and his Works. The Science of Cultural Anthropology. Knopf, New York. 1949.
- Kong K. Lettering the Self in Medieval and Early Modern France. *Volume 17 of Gallica*. Woodbridg: Boydell & Brewer, 2010.
- Mews C. J. Abelard and Heloise. Oxford University Press, 2005.
- Mews C. J., Chiavari N. The lost love letters of Heloise and Abelard: perceptions of dialogue in twelfth-century France. Palgrave Macmillan, 2001.
- Morton V.P. Guidance for women in twelfth-century convents. *Library of medieval women*. DS Brewer, 2003.
- Perry M., Chase M., Jacob M.C., Jacob J. R. Western Civilization: Ideas, Politics, and Society. Cengage Learning, 2008.
- Ranft P. Women in Western intellectual culture, 600-1500. Palgrave Macmillan, 2002.
- Smith K.A., Wells St. Negotiating community and difference in medieval Europe: gender, power, patronage, and the authority of religion in Latin Christendom. *Volume 142 of Studies in the history of Christian traditions*. BRILL, 2009.
- Абеляр П. История моих бедствий. / Изд. подгот. Д. А. Доброглов и др. М., АН СССР, 1959.
- Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
- Дони Дж. Стихотворения и поэмы. М.: Наука, 2009.
- Кон И. С. Ребёнок и общество. М.: Академия, 2003.
- Овидий. Элегии и малые поэмы / Ред. и сост. М. Гаспарова. М., Художественная литература, 1973.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах / Отв. редактор М.Е.Грабарь-Пассек.Т.2. М., АН СССР, 1963.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / Пер. с франц. М., Касталь, 1996.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса, под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. Ч.1. М., Праксис, 2002.
- Лисович Инна Ивановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии Казанского государственного университета культуры и искусств, докторант кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета; *tag-inna@yandex.ru*

*К. И. ШНЕЙДЕР*

## РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ КРИТИКА «СЛЕВА» и «СПРАВА»

---

В статье рассматривается критическая литература, направленная против представителей раннего русского либерализма середины XIX в. Автор стремится определить особенности демократической и консервативной критики отечественного либерализма. Особое внимание уделено интерпретации мотивационной составляющей деятельности оппонентов российских либералов и объяснению причин возникновения бурных дискуссий между представителями различных направлений общественной мысли в России накануне и в период проведения Великих реформ.

**Ключевые слова:** *русский либерализм, критика, община, эстетика, народность.*

---

Многочисленные попытки большинства отечественных и западных экспертов изложить на бумаге связную историю русского либерализма XIX века пока не привели к желаемому результату. Существующие версии нередко грешат многочисленными историческими натяжками, эклектикой и стремлением во что бы то ни стало сложить «либеральную мозаику» из искусственно подобранных и конфликтующих между собой частей. Одними из очевидных препятствий на пути решения столь важной задачи являются недостаточная разработанность проблемы генезиса русской либеральной традиции в целом, а также сложности изучения ее первоначального варианта, в частности.

Вместе с тем наиболее плодотворной представляется версия о формировании раннего либерализма в России во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг., высказанная рядом российских и англо-американских специалистов. К числу его основателей могут быть отнесены К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, рядом с которыми находились П.В. Анненков, И.К. Бабст, В.П. Боткин, А.В. Дружинин, Е.Ф. Корш. Именно они впервые сформулировали главные положения национально адаптированного либерального мировоззрения, что, однако, не является аксиомой для многих исследователей и не считается общепризнанным трендом в современной историографической мысли<sup>1</sup>.

Ранний русский либерализм середины XIX века насыщен специфическими коннотациями классических либеральных ценностей, традиционно вызывающими «подозрения» в академическом сообществе. В пер-

---

<sup>1</sup> О происхождении и историографии раннего русского либерализма см.: *Китаев.* 2004; *Либерализм в России.* 1996; *Приленский.* 1995. Ч. 1; *Шелохаев.* 1998. № 4. С. 26-41; 2007. № 5. С. 3-16; *Шнейдер.* 2009. С. 234-242; 2010. № 4. С. 177-187.

вую очередь, это касается наличия мощного консервативного начала в раннелиберальном дискурсе, особенно в его политической части. Непривычная для «либерального уха» симфония этатизма и свободы, неприятие демократии, апологетика «чистого искусства» и принципиальные споры о судьбе крестьянской общины в либеральной среде середины XIX в. закономерно стали объектами острой критики не только в современной профессиональной историографии, но и в общественной мысли того времени. Кто и как оппонировал ранним русским либералам «слева» и «справа», и какие дискуссии разворачивались на страницах различных изданий середины XIX в. – главные вопросы настоящей статьи.

Несомненной релевантностью для объяснения феномена раннего русского либерализма обладают дискуссии его представителей с радикальными и консервативными критиками. Накануне Великих реформ в поле производства идей несложно заметить открытую конкуренцию между различными направлениями отечественной общественной мысли в процессе социального конструирования модели ближайшего национального будущего. Основной площадкой развернувшейся полемики стала периодическая печать, а главным «призом» – участие в подготовительном этапе предстоящих преобразований в качестве экспертов и разработчиков. Ведущие участники этих масштабных идейных столкновений играли разные роли в зависимости от габитусов, т.е. личных диспозиций, детерминированных процессом их предшествующей социализации и самоидентификацией в интеллектуальном пространстве России середины XIX столетия.

Демократическая критика начального русского либерализма представлена, прежде всего, журналом «Современник». В нем авторы многочисленных полемических материалов сосредоточили пристальное внимание на обсуждении таких тем, как либеральная историософия с ее ярко выраженным этатизмом, снобизм адептов «чистого искусства» по отношению к окружающей действительности и преимущества крестьянского общинного управления перед перспективой его разрушения. Следует отметить персонификацию критической волны «слева», устремленную на фигуру Чичерина, основного действующего лица в среде ранних русских либералов, что, вероятно, связано с ростом конкурентной напряженности в поле производства идей в период либерализации второй половины 1850-х гг. накануне Великих реформ.

Начало полемики либералов с демократическими оппонентами характеризовалось взаимной осторожностью и выверенной тональностью. Например, «левые» по достоинству оценили научное исследование Чичерина, посвященное истории России XVII века. В частности, журнал

«Современник» сообщал в рецензии: «как ни высоко уважается теперь талант г. Чичерина, но ему, как нам кажется, предстоит в будущем пользоваться еще более громкой известностью. Труды г. Чичерина доказывают, что он обладает всеми качествами, нужными для того, чтобы со временем и, по всей вероятности, в скором времени, приобрести знаменитость, какая достается на долю только очень немногим избранныкам. В его сочинениях обнаруживается светлый и сильный ум, обширное и основательное знание, верный взгляд на науку, редкая любовь к истине, благородный жар души; он имеет дар прекрасного изложения»<sup>2</sup>.

За небольшим исключением «левые» раздавали Чичерину щедрые авансы по поводу его будущей научной карьеры и способности кардинально изменить традиционные воззрения на русскую историю. Скорее всего, это связано с формированием демократического тренда в общественной мысли середины 1850-х гг., направленного, в том числе, на преодоление устаревших представлений об исторической судьбе России. Чичерин никем еще не воспринимался в качестве политического мыслителя, оставаясь талантливым ученым, подающим большие надежды.

Стоило, однако, Чичерину в 1856-1858 гг. высказаться в серии статей в либеральных периодических изданиях по ряду болезненных общественных проблем, и он сразу же превратился в объект критики «слева», усиливавшейся со временем от состояния интеллектуального несогласия до личного неприятия и оскорблений. Речь идет о роли государства и сельской общины, революции и централизации в истории.

Демократы упрекали Чичерина в тотальном этатизме и необоснованном распространении его на все сферы общественного развития в процессе изучения конкретных сюжетов далекого и недавнего отечественного прошлого. Например, в ходе полемики по сельской общине «левые» критики отрицали наличие сколько-нибудь содержательных представлений о власти или праве в крестьянской среде. По их мнению, «те учреждения, в которых и законодатель, и г. Чичерин, и мы будем видеть последствие государственных начал, государственной необходимости, основанной на праве и облеченной в юридическую форму, в закон, – эти учреждения поселянин поймет совершенно иначе, растолкует их себе по своему, а чего не поймет, то будет исполнять по привычке безусловного повиновения. Формы этих учреждений будут меняться, он им всем будет подчинен, и все-таки его сознание останется почти на одной и той же степени неразвитости»<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> *Областные учреждения...* 1856. Т. 59. № 9. С. 9.

<sup>3</sup> *Северцов.* 1856. № 11. С. 8.

Будучи основателем знаменитой «государственной школы» в русской историографии Чичерин видел в верховной власти единственный системообразующий фактор в отечественном историческом опыте. Поэтому его слова о проникновении государственных начал в толщу народной жизни можно трактовать, как предложение считать все созданные национальные общественные структуры (в том числе и общину) результатом организаторских усилий центра, который «сверху» их насаждал и укоренял. Чичерин убедительно доказывал, что в России только высшая власть, являясь единственным субъектом права, способна была позитивно менять статус-кво, как в ретроспективе, так и в ближайшей социальной перспективе. Скорее всего, дело здесь не в готовности поселянина вникнуть в тонкую юридическую ткань правовых отношений, а в возможности и желании государства распространять подобные коммуникации в обществе даже принудительно.

Вероятно, Чичерин и его демократические оппоненты говорили на «разных языках» и вряд ли могли сблизить свои позиции. Если первый обращался к уникальным по степени тотального воздействия на социум функциям самодержавия, то вторые фиксировали разрыв между «властью» и «землей» и отсутствие подготовленной почвы для просвещенного реформаторства. «Для нашего простого народа неясно само понятие о праве: он уважает только факт, руководствуется обычаем в определении своих домашних отношений, наконец, стоит на слишком низкой ступени умственного образования, чтобы видеть что-либо существенное в отвлеченном праве. Россия устроена на началах государственных, и потому поселяне не могут с ними не сталкиваться. Но соответствует ли понятию о государстве форма, в которую их мысль облекает эти идеи? По нашему мнению, нельзя отвечать утвердительно»<sup>4</sup>, – писал корреспондент «Современника».

Дискуссия о судьбе крестьянской общины в России расколола либеральную среду на сторонников сохранения ее в обозримом будущем и противников старых форм хозяйствования на земле. В данном вопросе «левые» вполне солидаризировались с позицией Кавелина и части либералов, озабоченных социально-экономическими последствиями исчезновения общинных порядков, как для землевладельцев, так и для земледельцев. «Современник» в 1858 г. даже опубликовал извлечение из знаменитой «Записки об освобождении крестьян» Кавелина. Возникший своеобразный либерально-демократический консенсус опирался, в том числе, на идею сосуществования общины и ростков нового частно-

---

<sup>4</sup> Там же. С. 5.

го владения фермерского типа, что гипотетически не только могло обеспечить плавный переход к чему-то новому в деревне, но и обезопасить от массового разорения дворян, а самое главное, от пролетаризации огромных масс крестьянского населения.

Вообще демократы не отрицали неизбежности упразднения общинных порядков в отдаленной перспективе и предупреждали: «Эта будущность от нас не за горами; мы должны предусматривать ее и принимать меры к отстранению бедствий фабричной эксплуатации для земледельцев. Единственным средством против этого кажется нам сохранение у поселян общинного владения. Тогда они, при появлении нужды в большом оборотном капитале для земледелия и в расширении размеров хозяйства, найдут у самих себя, через соединения в товарищества, нужные денежные средства и нужный размер полей»<sup>5</sup>. В союзниках у них оказались либералы во главе с Кавелиным и редакцией журнала «Русский вестник», тогда как другие ранние либералы во главе с Чичериным ратовали за свободу поземельной собственности. При этом последние прекрасно осознавали все опасности обезземеливания крестьян и длительность переходного пореформенного состояния, но настаивали на безальтернативном характере эволюции аграрных отношений в пользу частного крестьянского землевладения. Таким образом, в вопросе о судьбе общинного миропорядка можно обнаружить немало точек соприкосновения между «левыми» и либералами середины XIX в.

Демократические критики заметили и остроотреагировали на выход сборника статей Чичерина «Очерки Англии и Франции»<sup>6</sup>. Общий тон задал Н.Г. Чернышевский, который заявил: «Из этих советов быть холодными, беспристрастными, подавлять в себе всякое раздражение, мы заключаем, что г. Чичерин знает только, как пишутся ученые книги, но не знает, какими силами развивается общественная жизнь. Он думает быть публицистом, но является школьным учителем, у которого главная забота та, чтобы ученики смиренно сидели по своим местам и слушали его наставления. Первым делом у него выставляется то, чтобы общество отказалось от всяких живых чувств из боязни нарушить теоретическое беспристрастие»<sup>7</sup>. Очевидно, лидера демократов раздражала не только манера изложения материала, но и попытка Чичерина теоретически обосновать свои этатистские воззрения на европейском примере. Чернышевский отверг совершенно неприемлемое, на его взгляд, восприятие

---

<sup>5</sup> Чернышевский. 1858. Т. 68. № 3-4. С. 111.

<sup>6</sup> Чичерин. 1858.

<sup>7</sup> Чернышевский. 1859. Т. 75. № 5. С. 36.

автором сборника сущности демократии, бюрократии и абсолютизма. Например, он искренне считал содержательно противоположными демократическое и бюрократическое начала в общественном развитии, романтически указывал на преимущества самоуправления перед любым администрированием, а в качестве примера финальных успехов демократии ссылаясь на американский федеративный опыт государственного управления. Немало критических стрел Чернышевский выпустил в адрес принципа централизации и роли абсолютизма в истории, с которыми он связывал рождение бюрократической системы. Поэтому он отрицал плодотворность обращения Чичерина «за советом» к историческим реалиям Франции. «И, например, о г. Чичерине каждый говорит, что любовь к бюрократии и централизации заставляет его странным образом преувеличивать все хорошее и уменьшать все дурное в истории французского абсолютизма»<sup>8</sup>, – утверждал Чернышевский.

В подобных рассуждениях нельзя не заметить стремления к простым футурологическим схемам и однозначным ответам на непростые вопросы социального развития, характерные для периода формирования демократического тренда в отечественной общественной мысли и его размежевания с либеральным. В частности, невозможно согласиться с наивными размышлениями Чернышевского о несовместимости демократии и бюрократии, а также с апологетикой «самоуправления» в борьбе с «абсолютным злом» централизации. Франкофил Чичерин искал на конкретном европейском примере не абстрактные, а реальные исторические параллели и пути адаптации западного опыта на национальной почве.

Не осталась без критического внимания и вступительная лекция по государственному праву, которую Чичерин прочитал в Московском университете 28 октября 1861 г. Журнал «Отечественные записки» высказался резко против государственных взглядов либерального профессора, обвинив его в пренебрежении к многообразию общественной жизни и губельному для всего социума стремлению к тотальному этатизму. По мнению автора статьи, всеобщее администрирование крайне опасно «иначе мы придем к Икарии или военным поселениям, то есть к формам, невыносимым для человеческой личности; а как скоро не вся жизнь народа улеглась в более или менее искусственные рамки тех отношений, которые обыкновенно называются государственными, то неизбежно является необходимость разграничения сфер деятельности, а, следовательно, и создания обеспечений для этих остальных сфер»<sup>9</sup>.

---

<sup>8</sup> Там же. С. 52.

<sup>9</sup> *Бестужев-Рюмин*. 1861. Т. 139. С. 6.



Взгляды Чичерина воспринимались как догматические, способные превратить государство в механический Левиафан, населенный исключительно обслуживающим персоналом. В очередной раз критика артикулировала идею самоуправления в качестве антитезы централизации и витальной силы самообновления через появление различных частных союзов, городских и сельских корпораций, рождающих общественное мнение. Образ Чичерина-мыслителя приобрел черты примитивного фанатика-государственника, не терпящего возражений и занятого охранительным конструированием.

Еще более резкой была реакция «Современника» на публикацию программного сборника статей Чичерина «Несколько современных вопросов»<sup>10</sup>. Именно в нем автор сформулировал концептуальные положения раннего русского либерализма, впервые превратив его из абстрактной теоретической конструкции в полноценный проект исторического развития. Демократическая критика обрушилась на одну из центральных идей Чичерина – безальтернативность соединения свободы и власти в условиях самодержавной России, как основополагающего постулата истинно национального либерализма. Тональность рецензии «левых» на изданный сборник не предвещала содержательной дискуссии. «Теперь на ученость г. Чичерина смотрят как-то странно; одни отрицают ее, другие по крайней мере не возлагают на нее никаких надежд; большинство относится к нему с недоверием и неудовольствием, деятельность его, по крайней мере печатную, находят бесплодной, а пожалуй, и того хуже. Последнее, как видно сильно огорчает г. Чичерина, и в неуважении к себе он видит неуважение к науке и к высшему полету мысли»<sup>11</sup>.

Далее шли совершенно неприкрытые даже флером научности рассуждения о бесполезности «подгонки» друг к другу свободы и власти с законом, так как «на деле» они должны быть согласны и тождественны. Если же между ними обнаруживаются непримиримые противоречия то, по мнению автора рецензии, неуместно с этим бороться и следует, либо заменить свободу другой, согласной с законом, либо устранить неразумный закон. «При столкновении этих двух элементов соглашения не должно быть; выбирайте из них один какой-нибудь, который вам больше нравится. Свобода ли существует для закона, или закон для свободы; при столкновении их, кто должен уступить, – жизненное ли начало свободы, или отвлеченная формула закона?»<sup>12</sup>, – размышлял критик.

---

<sup>10</sup> Чичерин. 1862.

<sup>11</sup> Антонович. 1863. Т. 95. № 3. С. 89.

<sup>12</sup> Там же. С. 95.

Кроме того, Чичерина обвиняли в стремлении сохранить политический статус-кво любой ценой, например, за счет актуализации потенциала бюрократизма и аристократизма в правовом поле для доказательства их практической совместимости с законом и свободой. В очередной раз критики «слева» максимально упрощали теоретические построения классика раннего русского либерализма, вульгаризировали его нетривиальные рассуждения о способах «приживления» европейского опыта на российской почве. Повышение градуса демократической критики Чичерина и многих положений отечественной либеральной мысли начала 1860-х гг. можно объяснить обострением конкуренции в поле производства идей в условиях проведения Великих реформ. Ведь именно либералам тогда удалось пробиться в узкий экспертный круг самодержавия и на некоторое время стать обладателями «символического знания» ближайших перспектив исторического движения страны.

Наконец, еще одной областью критики «слева» раннего русского либерализма являлась эстетика, а точнее приверженность многих либералов концепции «чистого искусства». В 1855 г. появилась магистерская работа Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», написанная им для получения степени магистра русской словесности, которую он приобрел лишь через три года. В 1865 г. вышло второе издание этого сочинения и сразу же журнал «Современник» опубликовал на него рецензию, где автор жестко встал на защиту Чернышевского и новой эстетической теории в борьбе с апологетикой «чистого искусства». В частности, подчеркивая разнообразные достоинства свежего взгляда на область прекрасного, критик утверждал: «Действительно, эта теория, не отвергая самостоятельности искусства и его самостоятельных специальных целей, требует, чтобы оно всегда находилось в тесной связи с человеческой жизнью, имело в виду и другие цели, лучше сказать, содействовало со своей стороны достижению общей главной цели человека, достижению разумной, здоровой и довольной жизни, чтобы оно доставляло человеку не одно только эстетическое удовольствие, но и пользу в обширном и благородном значении этого слова...»<sup>13</sup>.

Автор рецензии требовал от своих оппонентов рационального подхода к искусству и сравнивал его с наукой, считая, что оно должно служить человеку, выполнять совершенно определенные полезные функции. В противном случае искусство теряет всякий смысл, так как не в состоянии конкурировать с неподдельной красотой природы и окружающей действительности. Критики-демократы не сомневались в пре-

---

<sup>13</sup> Антонович. 1865. Т. 107. № 3. С. 39-40.

восходстве «живых» форм перед любыми «мертвыми» образами, порожденными сверхъестественной фантазией художника.

Таким образом, уважение к реальности, по их мнению, являлось основополагающим догматом новой эстетической теории, утверждавшей, что «бесконечные идеи суть не что иное, как весьма конечные представления, кажущиеся бесконечными только от того, что они слишком неопределенны, что в них нет никакого содержания; эти идеи суть только отрицание всех качеств, свойственных конечному, т.е. действительному бытию; они представляют бытие, и в то же время уничтожают все существенные условия бытия, хотят выразить собой существующее ничто...»<sup>14</sup>. И если человек стремится к абсолютной и бесконечной красоте, то он обречен на поиск миражей. Даже поэзия, которая признавалась всеми высшей из искусств, не могла, по мнению автора рецензии в журнале «Современник», возвыситься над живой реальностью, а только приближалась к ней в своих лучших образцах. Более того, критик отважился поставить четкие ориентиры перед искусством в целом: «Итак, первая задача искусства есть воспроизведение действительности с целью эстетического наслаждения ею, а вторая – уяснение воспроизводимой действительности; с этой второй задачей тесно связана и третья, по которой искусство может возвышаться до роли критика и судьи воспроизводимых им явлений»<sup>15</sup>. В этой связи нелишне напомнить слова Анненкова, признанного эксперта в эстетических вопросах в середине XIX в., нелицеприятно сказанных им в адрес автора рецензии – он «бесспорно первый ерундист нашего времени»<sup>16</sup>.

В итоге, демократическая критика предлагала дидактический подход к интерпретации эстетических проблем, в противовес либеральной приверженности концептуальным установкам «чистого искусства». Позиции «левых» опирались на идеи Чернышевского, пытавшегося создать своего рода «позитивную эстетику», в которой бы высшей ценностью считалась не художественная идея, а конкретная действительность в ее разнообразных проявлениях. Poleмика столкнула антропологический подход к эстетике, являвшийся частью идеалистической картины мира ранних русских либералов с философским реализмом демократов, характерным для их восприятия всего пространства прекрасного.

С течением времени существенно возросла тональность критических заявлений, и в адрес либеральных изданий нередко срывались рез-

---

<sup>14</sup> Там же. С. 43.

<sup>15</sup> Там же. С. 74.

<sup>16</sup> Анненков. 2005. С. 127.

кие эпитеты, такие как «старческая болтовня покойного “Атеня”» или «ребяческий лепет “Московских ведомостей”», зачастую заменяя авторам поиск серьезных и доказательных аргументов. Статуирование оппозиционного тренда «слева» в лице демократов сдвигало ранний русский либерализм вправо на более консервативные основания, что заметно в ряде положений теории «охранительного либерализма» Чичерина.

Не менее жесткой была критика российских либералов «справа», где располагались славянофильствующие и традиционалистские оппоненты, выступавшие на страницах журналов «Москвитянин» и «Русская беседа». Авторы острых полемических статей обращались к теме народности в науке и неприемлемости западного опыта изучения прошлого, особенностям русской общины и слабым местам либеральной исторической концепции. Традиционно главным объектом критических заявлений являлся Чичерин, по разным причинам раздражавший не только «левых», но и «правых» рецензентов.

В 1856 г. состоялась дискуссия о сельской общине между либеральным «Русским вестником» и славянофильской «Русской беседой». Редакция последней настаивала на том, что «наша община есть не патриархальная, не родовая, не государственная, а по преимуществу товарищеская или, вернее сказать, мирская. Она не устроена правительством, а образовалась из самого быта Русских людей; правительство же только мудро воспользовалось тем, что уже существовало в правах и обычаях народа»<sup>17</sup>. Это был ответ на публично заявленную позицию Чичерина о развитии общинного начала в России от родового статуса через владельческое состояние к финальной государственной форме.

«Правые» отказывались верить в либеральную версию об организации общинного миропорядка «сверху» начиная с рубежа XVI–XVII вв. и доказывали его укорененность в народной жизни. В фундаментальных статьях И.Д. Беляева, главного оппонента Чичерина, утверждалась мысль о разрушении родовых отношений еще до призвания варягов и повсеместном распространении «договорной» формы сельского совместного проживания. Поддержку «Русской беседе» оказал «Москвитянин». В частности, корреспондент этого издания был уверен: «Общинность городов с их вечем, собственным судом и управлением, не подлежит сомнению, и мы можем пристать к стороне, доказывающий, что русский народ древности жил и действовал по началам общинности, а не родовой или патриархальной связи»<sup>18</sup>.

---

<sup>17</sup> Беляев. 1856. Кн. 1. С. 146.

<sup>18</sup> Лешков. 1856. Т. 1. № 1. С. 94.

Эмоциональный накал дискуссии, скорее всего, связан с несанкционированным вторжением либералов в консервативный сегмент поля производства идей, исторически ответственный за генерацию канонических образов сельского мира, и это воспринималось как покушение на общепризнанную традицию, грозившее непредсказуемыми последствиями. Кроме того, во второй половине 1850-х гг. именно крестьянская тема стремительно актуализировалась, и «правые» не желали отдавать ее на откуп интеллектуалам из демократической и либеральной среды.

В тесной связке с общинной обсуждались проблемы народности и так называемого «русского воззрения» в науке. Теоретический спор об этом между либералами и их оппонентами «справа» в 1856-1858 гг. вылился в серию статей в «Русском вестнике», «Атенее», «Московских ведомостях», с одной стороны, и «Русской беседе», «Москвитянине», с другой. Национальная составляющая в ее вульгарно антропологическом варианте привлекала консервативных экспертов в области истории знания. «Мы приходим к убеждению, что именно народность мысли, определяя как бы специальное ее назначение в области науки, наводит ее на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания»<sup>19</sup>, – утверждал Ю.Ф. Самарин. Таким образом, процесс познания неведомого распределялся бы между народами в зависимости от их предрасположения к изучению той или иной исследовательской области. Конечно, не следует полностью игнорировать видимую связь между тем, что зачастую абстрактно именуется «национальным характером», и научными достижениями в обществе, но ее наличие вряд ли стоит объяснять исключительным влиянием «народного духа».

Консервативных критиков всерьез раздражал европоцентризм ранних русских либералов, и они настойчиво поднимали тему народности в науке для обсуждения проблемы подражания Западу. В то время как Чичерин в ходе полемики, артикулировал идеи неподвзятости ученого, его максимальной дистанцированности от массива собранных фактов и общей судьбы научного знания для всех народов, «правые» предлагали проверять любые теоретические умозаключения силой их соответствия народному восприятию. «Народность есть больше, чем объект для мысли, сама мысль должна получить от нее свое образование; ибо, как в истории общечеловеческие начала проявляются не иначе, как в народной среде, так и в области науки, мысль возводит эти начала в сознание через ту же народную среду»<sup>20</sup>, – считал Самарин. При этом наиболее

---

<sup>19</sup> Самарин. 1856. Кн. 1. С. 43.

<sup>20</sup> Там же. С. 46-47.

профессиональные консервативные эксперты не забывали ссылаться на необходимость преодолевать не только пагубные пристрастия ко всему иностранному, но и узость местнической исключительности. В ответ на консервативную апологию самостоятельного народного мнения либералы объявляли «русское воззрение» на науку и искусство в простонародном понимании чистой нелепостью, призывали к всемерному развитию образования и высокой оценке того интеллектуального импульса, который Россия получила от европейской общественной мысли<sup>21</sup>.

Нередко соблазн доказать тотальную особенность национального существования России во всем, в том числе в пространстве научного знания, приводил к весьма радикальным выводам. «И понятно, что в России, в стране таких особенностей в ее труде и земле, служащих основанием для решения многих вопросов права, политики и государственного хозяйства, начала науки об этих вопросах должны быть существенно различны от начал, принятых на западе. Изучая напр. начала политэкономии в России, с русской точки зрения, мы не будем повторять чужого, а, может быть, скажем, такое свое, которое войдет в науку, и тем будет содействовать достижению общечеловеческого идеала – истины», – предполагал корреспондент «Москвитянина»<sup>22</sup>.

За признанием уникальности исторического развития России без труда угадывались базовые положения славянофильского учения. В полемике с либералами по вопросу о «русском воззрении» и народности в науке «правые» исходили из тезиса о позитивном, подлинно самостоятельном развитии России в допетровскую эпоху, которая разрушила и переопределила национальную судьбу, поставив ее в зависимость от подражания западным образцам. Вектор их критических выступлений был направлен на защиту самобытности, признававшейся единственным источником формирования общечеловеческого гуманитарного арсенала. Либералы, напротив, ориентировались на периферийную адаптацию очевидных достижений канонической европейской традиции, являвшейся для либеральных мыслителей своего рода квинтэссенцией социальной мудрости. Таким образом, если одни предлагали двигаться от многообразия частных проявлений к абстрактному идеалу, то другие предпочитали сосредоточиться на перспективах изучения доминирующего в истории социокультурного опыта.

Консервативная критика убеждала: «Народное воззрение есть самостоятельное воззрение народа, при котором только и возможно по-

---

<sup>21</sup> Еще несколько слов... 1856. № 55. С. 213.

<sup>22</sup> Лешков. 1856. Т. 1. № 3. С. 246.

стижение общей всечеловеческой истины. Как человек, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого: так народ, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого...»<sup>23</sup>. Либералы же считали невозможным заниматься производством социального знания в России вне европейского контекста и побуждали всех к «изучению истории всемирной, без которой не может быть понятно никакое национальное развитие. В самом изучении русской истории необходимо предостерегать нас от так называемых национальных воззрений; нужно твердить нам постоянно, что мы должны разрабатывать ее фактически, не становясь на какую бы то ни было исключительную точку зрения, не искажая ее приготовленными заранее выводами и убеждениями»<sup>24</sup>.

В целом, «правые» настойчиво предупреждали отечественных читателей европейских порядков о недопустимости и опасности подражания Западу. Право претендовать на место в истории можно, по мнению консервативных критиков, только в случае предъявления мировому сообществу соответствующих национальных достижений. «Народ, который хочет войти в историю, должен сам произвести достойное человечества; а повторяя только чужое, принимая только чужие воззрения, довольствуясь только переводами да иностранными авторитетами, он не будет достоин названия исторического деятеля...»<sup>25</sup>, – утверждал корреспондент журнала «Москвитянин».

Критика «справа» раннего русского либерализма нередко персонализировалась в образе того или иного лица. В частности, это заметно на примере Чичерина и его научного труда, посвященного областным учреждениям России в XVII столетии. В отличие от демократов, «правые» негативно восприняли предложенную автором исследовательскую версию и выступили на страницах периодических изданий с жесткими рецензиями. «Много труда положил автор в своем исследовании, и за трудолюбие нельзя не благодарить его; но, к сожалению, труд сей, преисполненный отрицания, не только бесполезен, но и вреден нашей истории: подобные труды только останавливают ход исторического изучения. Не таких трудов ждет Русская история от своих исследователей; лучший образец наш в историческом изучении бессмертный Карамзин: по его стопам мы должны идти, а не придумывать путей стропотных и косных, ведущих к заблуждениям»<sup>26</sup>, – заявляла «Русская беседа».

---

<sup>23</sup> Аксаков. 1856. Кн. 2. С. 146.

<sup>24</sup> Чичерин. 1856. Т. 3. Кн. первая. С. 64.

<sup>25</sup> Лешков. 1856. Т. 1. № 3. С. 238.

<sup>26</sup> Кр..ев. 1856. Кн. 4. С. 114.

Консервативную критику не устраивало стремление Чичерина вписать отечественную историческую традицию в общеевропейский контекст, «сшить» русскую действительность по западным «лекалам». В первую очередь либеральному исследователю ставилась в вину искусственность и надуманность его попыток использовать общий масштаб для изучения российской и всеобщей истории, начиная с проблемы политогенеза и заканчивая традициями повседневной жизни людей. «Правые» активно использовали известный тезис о несходстве и даже принципиальной разнице процесса складывания древних государственных образований в России и на Западе. Они считали, что если в первом случае он стал результатом принятия добровольных решений и мирного освоения нового опыта, то во втором – завоевательной деятельности.

Кроме того, критики «справа» акцентировали внимание Чичерина на укорененности традиций античного мира в европейском пространстве в раннюю эпоху, в частности, римского права в противовес якобы абсолютной независимости и автономности бытования восточнославянских племен. Наконец, на Западе «был феодализм с замками и с привилегированными городами, у нас ничего этого не было; все это и многое другое, чего я здесь не исчисляю, прямо свидетельствует, что невозможно сравнение средневековых учреждений Западной Европы с учреждениями древней России: основные начала тех и других совершенно различны и нисколько не походят друг на друга»<sup>27</sup>, – констатировал рецензент.

В итоге, консервативные критики Чичерина отказывались принять западные государственнические теории, указывая на несходство исторических судеб России и Европы и ненаучность любых экспертных попыток выйти за границы отечественного опыта объяснения российского прошлого. «Правые» нередко жестко и агрессивно обвиняли представителей раннего русского либерализма в переписывании национальной истории при помощи использования ими чужеродного фактического материала или намеренной практики привлечения ограниченного круга источников. В 1857 г. Самарин удивлялся тому, что в своих исторических трудах Чичерин ссылался «почти исключительно на юридические памятники... редко попадает ссылка на летописи и нигде не приняты в соображение ни сочинения иностранцев о России, ни памятники церковной литературы, ни народные предания, песни, сказки, поговорки, ни, наконец, современный быт, представляющий живой и самый надежный комментарий к скудным остаткам древней письменности»<sup>28</sup>.

---

<sup>27</sup> *Кр...ев.* 1856. Кн. 3. С. 62.

<sup>28</sup> *Самарин.* 1857. Кн. 1. С. 104.



Своеобразным приговором Чичерину со стороны «правой» критической мысли стал вывод об «отрицательности его воззрения», под которым подразумевался подход к русской истории не с точки зрения того, что в ней есть, а, прежде всего, того, чего в ней нет в сопоставлении с европейской традицией. Поэтому для консервативных оппонентов либерального ученого не было ничего странного и неожиданного в его апологетике и подражании Западу, где все необходимое имелось в полном объеме. Как результат – тезис «правых» о природе этих представлений: «В сущности, отрицательность выводов есть выражение неспособности угадать причину своеобразности народной жизни и уловить в ней те духовные побуждения, в которых сперва бессознательно обнаруживаются предрасположения народа к его историческому призванию и которым позднее, в эпоху зрелости, предназначено развиваться в стройную систему понятий и найти для себя идеальные образы»<sup>29</sup>.

Критику «справа» раннего русского либерализма во второй половине 1850-х гг. можно считать продолжением известной полемики между западниками и славянофилами. Однако проходила она уже в иных исторических условиях, в начальный период подготовки Великих реформ, когда либеральные и консервативные оппоненты стремились обратить на себя внимание верховной власти, предложив ей свой концептуальный проект будущего развития общества. В конечном счете, новая редакция старой дискуссии стала важной частью борьбы соперничающих сторон за символический капитал аутентичной трактовки национальных интересов и, возможно, способствовала корректировке содержания раннелиберального дискурса в консервативном направлении.

В целом, русский либерализм середины XIX века уже в период своего формирования являлся сильным интеллектуальным раздражителем для различных оппонентов «слева» и «справа». Если демократическая критика нередко требовала от либералов радикального разрыва со старой действительностью и смелых шагов в будущее, то консерваторы упрекали их в пренебрежении к традициям и национальным интересам, а также в слепом подражании европейским стандартам развития.

Эта борьба между представителями разных направлений общественной мысли накануне Великих реформ трансформировала содержательный контекст раннелиберальной конструкции. Со стороны либералов в полемике участвовали Анненков, Бабст, Боткин, Дружинин, Кавелин, но центральной фигурой оставался Чичерин. Именно он, в конечном счете, смог впервые представить концептуально завершенный,

---

<sup>29</sup> Там же. С. 116.

регионально адаптированный вариант русского либерализма в виде теории «охранительного либерализма». На автора самым серьезным образом повлияла угроза «демократического хаоса», исходившая, по мнению всей либеральной среды, от радикальной критической мысли. С другой стороны, дискуссии с «правыми» оппонентами велись не только ради отстаивания собственных либеральных позиций, но и за доминирование в умеренно-консервативном сегменте поля производства идей, что повышало шансы победителя на диалог с верховной властью в реформационном процессе. В итоге, либералы закономерно оказались «охранителями» просвещенческой по своему содержанию концепции «истинной монархии» и постепенно дрейфовали в сторону консервативного берега.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаков К.С.* Еще несколько слов о Русском воззрении // Русская Беседа. 1856. Кн. 2. Смесь.
- Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу / Кн. 1. 1852-1874. 24 октября (5 ноября) 1862. Петербург. СПб.: Наука. 2005.
- Антонович М.А.* Неуважение к науке // Современник. 1863. Т. 95. № 3. Современное обозрение.
- Антонович М.А.* Современная эстетическая теория // Современник. 1865. Т. 107. № 3. Современное обозрение.
- Беляев И.Д.* Обзор исторического развития сельской общины в России // Русская беседа. 1856. Кн. 1. Критика.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении // Отечественные записки. 1861. Т. 139. Русская литература.
- Еще несколько слов о «русском воззрении» // Московские ведомости. 1856. № 55. 5 мая. Литературный отдел.
- Китаев В.А.* Либеральная мысль в России (1860-1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2004. 380 с.
- Кр...ев. И.* Областные учреждения в России в XVII веке., соч. Б. Чичерина // Русская беседа. 1856. Кн. 3. Критика.
- Кр...ев И.* Областные учреждения России в XVII в., соч. Б. Чичерина // Русская беседа. 1856. Кн. 4. Критика.
- Лешков В.Н.* Еще о русском воззрении на науку и начале общинности в древней России // Москвитянин. 1856. Т. 1. № 1.
- Лешков В.Н.* Еще о русском воззрении // Москвитянин. 1856. Т. 1. № 3.
- Либерализм в России. М.: Изд-во Института философии РАН. 1996. 451 с.
- Областные учреждения России в XVII веке. Сочинения Б. Чичерина // Современник. 1856. Т. 59. № 9. Библиография.
- Приленский В.И.* Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: Изд-во Института философии РАН. 1995. Ч. 1. 312 с.
- Самарин Ю.Ф.* Два слова о народности в науке // Русская беседа. 1856. Кн. 1. Науки.
- Самарин Ю.Ф.* Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Русская беседа. 1857. Кн. 1. Критика.
- Северцов А.А.* Сельская община в России, г. Чичерина // Современник. 1856. № 11.

- Чернышевский Н.Г.* Ответ на замечания г. Провинциала // Современник. 1858. Т. 68. № 3-4. Словесность, Науки и Художества.
- Чернышевский Н.Г.* Г. Чичерин, как публицист // Современник. 1859. Т. 75. № 5.
- Чичерин Б.Н.* О народности в науке // Русский вестник. 1856. Т. 3. Кн. первая. Современная летопись.
- Чичерин Б.Н.* Очерки Англии и Франции. М.: В типографии Э. Барфкнехта и комп., 1858. 356 с.
- Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М.: Тип. Грачева и ком. 1862. 265 с.
- Шелохаев В.В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26-41.
- Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3-16.
- Шнейдер К.И.* О некоторых «фобиях» современного отечественного «либераловедения»: начальная история русского либерализма как историографический «фантом» // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. М.: Университетская книга. 2009. Т. XVI. С. 234-242.
- Шнейдер К.И.* Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // Российская история. 2010. № 4. С. 177-187.
- Шнейдер Константин Ильич***, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета; *kshneyder@yahoo.com*

Л. А. ФАДЕЕВА

## ДИСКУССИИ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДА

---

В статье рассматриваются основные пункты и перипетии дискуссий об интеллектуалах, определения и трактовки этой категории, оценка роли интеллектуалов и их миссии. Автор характеризует факторы активизации дискуссий и актуализации проблематики интеллектуалов, помещая их в конкретно-исторический контекст. В поле зрения оказываются взгляды и оценочные суждения представителей различных идейно-политических позиций. Хотя контекст статьи представлен политической историей Запада, автор использует сравнительный анализ, сопоставление дискуссий о роли интеллектуалов и интеллигенции.

*Ключевые слова:* интеллектуалы, интеллигенция, интеллектуальный класс, ответственность, миссия, дискуссии.

---

### *Конфликтующие определения*

Важную научную и социальную проблему составляет сравнимость и сопоставимость понятий и феноменов. В российской дискуссии о русской интеллигенции на протяжении столетия доминирует позиция, что интеллигенция является уникальным российским феноменом. Ее сторонники упорно игнорируют наличие других точек зрения и других интерпретаций интеллигенции в российской и зарубежной общественной мысли. Противопоставляя российскую интеллигенцию западным интеллектуалам, они оставляют вне поля зрения неоднозначность и дискуссионность концептов и трактовок интеллектуалов.

Финский историк Т. Вихавайнен, автор ряда блестящих работ по истории российской интеллигенции, отмечает как изрядное преувеличение убежденность русских интеллигентов в том, что интеллигенция – уникальный национальный феномен, не имеющий аналогов на Западе. Он справедливо замечает: «Противоположные, конфликтующие определения интеллигенции зачастую служат политическим целям конкретных групп в большей степени, нежели исследованию вопроса». Вихавайнен сравнивает антибуржуазный импульс российских и западных интеллектуалов, приводя примеры Т. Карлейля, Г. Флобера и др., выступавших с резкой критикой мещанства, обывательской пошлости<sup>1</sup>.

Кристоф Шарль, руководитель Института новой и современной истории Франции (Institut d'histoire moderne et contemporaine, IHMC), отмечает, что слово «интеллектуалы» во французском языке никогда не будет

---

<sup>1</sup> Vihavainen. 2006. P. 21.

иметь того же самого смысла, которым наделено в русском языке слово «интеллигенция», – просто в силу того, что каждое из этих слов имеет свою историю. Вместе с тем, он указывает, что в современной Франции модно использовать слово «интеллигенция» как синоним слова «интеллектуал», и отмечает сходство Франции и России, где интеллигенция и интеллектуалы играли в разные периоды истории важную роль<sup>2</sup>.

Термин «интеллектуалы» (*Intellectuelle, intellectual, intellektuellen*) имеет множество дефиниций и различное толкование: люди, “обладающие мужеством отвергать подчинение, не стремясь к господству” (Б. Рассел)<sup>3</sup>; «интеллектуал – это человек идей и человек науки” (Р. Арон)<sup>4</sup>; “гомогенный интеллектуальный класс, закрытый для центров политической и социальной власти» (Э. Шилз)<sup>5</sup>. Т. Хейк считает, что интеллектуалами можно назвать особую группу людей, обладающих общим самосознанием и чувством превосходства, отчужденности и обособленности.<sup>6</sup> На взгляд С.М. Липсета, интеллектуалы вследствие увлеченности творчеством, склонности к отказу от традиционного и устоявшегося бросают «вызов тому, что принимается и разделяется обществом в широком смысле»<sup>7</sup>. Й. Шумпетер вопрошает: «Профессия непрофессионалов? Профессиональный дилетантизм? Люди, которые берутся рассуждать обо всем, поскольку они ничего не понимают?»<sup>8</sup>.

Юрген Хабермас утверждает: «Нетрудно набросать идеальный тип интеллектуала, который нащупывает важные темы, выдвигает плодотворные тезисы и расширяет спектр релевантных аргументов, чтобы повысить печально низкий уровень дискуссий в обществе». Он делает важное замечание: «интеллектуалы, оказывающие с помощью риторически заостренных аргументов влияние на общественное мнение, нуждаются в общественности – бодрствующей, информированной, способной на отклик. Им нужна более или менее либерально настроенная публика, и уже поэтому им приходится полагаться на хоть как-то функционирующее правовое государство, ведь в своей борьбе за правду, которой затыкают рот, или за права, которые у кого-то отнимают, они апеллируют к универсалистским ценностям. Они – часть мира, в котором политика не исчерпывается деятельностью государства; их мир –

---

<sup>2</sup> Шарль. 2005. С. 21, 26.

<sup>3</sup> Russell. 1957. P. 19.

<sup>4</sup> Арон. 2005. С. 187.

<sup>5</sup> Shils. 1970.

<sup>6</sup> Heyck. 1982.

<sup>7</sup> Lipset, Dobson. 1972. P. 164.

<sup>8</sup> Шумпетер. [http://fondint.narod.ru/bibl/alf/24sch/01/schum/schum\\_kapit.html](http://fondint.narod.ru/bibl/alf/24sch/01/schum/schum_kapit.html)

это политическая культура возражения, в которой коммуникативные свободы граждан возможно и принимать, и мобилизовывать»<sup>9</sup>. Эти замечания также важны для анализа факторов формирования интеллектуалов как особой социально значимой группы. На взгляд Хабермаса, их, по меньшей мере, три: наличие общественности, публики; определенного правового поля, пространства свободы, в котором можно высказываться и получать отклик; возможность возражать (властям) и мобилизовывать (массы, сколько-нибудь массовые категории).

Литература об интеллектуалах не менее обширна, чем по интеллигенции. Татьяна Голиченко, характеризуя исследования интеллектуалов во Франции<sup>10</sup>, приводит внушительную обойму работ «по интеллектуаловедению» (звучит не более «уклюже», чем интеллигентоведение), осуществленных Р. Ароном, Ф. Лиотаром, Р. Дебре, М. Фуко, М. Виноком, Ф. Сиринелли, К. Шарлем, П. Ори, Р. Ризэфлем, П. Брюкнером, Д. Линденбергом, С. Алими, Ж.-К. Мильнером и др. Она справедливо говорит о существовании двух основных трендов в исторической науке – истории интеллектуалов и интеллектуальной истории.

«В настоящее время изучение интеллектуальных традиций (в том числе научных) далеко выходит за рамки истории идей, теорий, концепций, систематически обращаясь к анализу конкретных средств и способов их формулирования в соответствующих текстах, и к судьбам их творцов, и к более широким социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, воспроизводились, интерпретировались и модифицировались», – отмечает Л.П. Репина, фиксируя дрейф истории интеллектуалов к социокультурной истории интеллектуальных сообществ<sup>11</sup>. На наш взгляд, сопряжение изучения интеллектуальных сообществ с анализом социальных и культурных систем должно сочетаться с характеристикой политического контекста, политических коллизий, процессов и ситуаций. Без этого сложно понять и объяснить остроту дискуссий в интеллектуальной среде, в том числе по поводу того, что собой представляют интеллектуалы и каково их предназначение.

Достаточно посмотреть на названия книг – «Опиум интеллектуалов» (Р. Арон), «Могила интеллектуалов» (Ф. Лиотар), «Позор и слава интеллектуалов» (П. Виерек), «Последние интеллектуалы» (Р. Якоби), чтобы понять насыщенность и эмоциональность этой дискуссии. Наша задача – вписать ее в социально-политический контекст, определить

---

<sup>9</sup> Хабермас. 2006.

<sup>10</sup> Голиченко. [belintellectuals.eu/publications](http://belintellectuals.eu/publications)

<sup>11</sup> Репина. 2011. С. 380, 382.

основные пункты и тренды этой дискуссии, продемонстрировать ее связь с конкретными идейно-политическими ситуациями.

### **Появление интеллектуалов**

Считается общепринятым, что понятие «интеллектуалы» появилось во Франции в период дела Дрейфуса. Это был самый острый кризис Третьей Республики, после Буланжистского и Панамского скандалов, угрожавших судьбе республики и гражданским свободам. Э. Золя выступил в защиту несправедливо осужденного за шпионаж на пожизненное заключение офицера генерального штаба, еврея по национальности, Альфреда Дрейфуса, параллельно защищая справедливость и права человека вообще. Он называл дело Дрейфуса «нравственным Седаном», сравнивая его с позорным поражением Франции во франко-прусской войне. В поддержку Дрейфуса после публикации знаменитого письма Золя «Я обвиняю» было собрано в январе-феврале 1898 г. 1500 подписей писателей, ученых, журналистов. К. Шарль поясняет, что в газетах «эта петиция была озаглавлена просто: “Протест”. После чего один из главных антидрейфусаров Морис Баррес напечатал статью, в которой это коллективное письмо именовалось “Протест интеллектуалов”. “Интеллектуалы, писал Морис Баррес, претендуют на то, чтобы быть “аристократами мысли”, а на самом деле они “придурки, стыдящиеся думать так же, как простые французы, полуинтеллектуалы, лоботомированные дворняжки (le chien decerebre), бесштаные бакалавры (proletariat de bacheliers)”. Ему вторит Шарль Моррас, называющий интеллектуалов “parvenus de l’intelligence”... и объясняющий появление этой категории людей тем, что “...государственная система образования производит слишком много писателей и тем самым плодит proletariat intellectue”<sup>12</sup>. Именно с этого момента термин стал общеупотребительным и вошел в широкий обиход. Таким образом, как и многие художественные или политические движения, интеллектуалы получили свое имя из рук своих противников. Уже отсюда становится понятна вся проблематичность наименования “интеллектуал”: дело в том, что изначально это наименование было оскорблением»<sup>13</sup>.

Кстати, через несколько лет аналогичная история произошла в США, когда президент Теодор Рузвельт назвал «разгребателями грязи» журналистов и писателей, расследовавших пути сколачивания состояний и формирования компаний типа Стандарт Ойл, коррупции и махинации. Он полагал оскорбить тех, кто взялся за разоблачения, но поня-

<sup>12</sup> Ухтомский. <http://hvac.livejournal.com/217558.html?format=light>

<sup>13</sup> Шарль. 2005. С. 294.

тие «макрейкеры» (*muckrakers*) стало обозначением прогрессивных интеллектуалов (М. Твена, Л. Стефенса, А. Тарбелла, Э. Синклера и др.).

К. Шарль пытается найти объяснения, каким образом и почему неологизм «интеллектуал», первоначально обозначавший узкую авангардную группу, смог превратиться в ключевой элемент социально-политической терминологии и выйти далеко за пределы Франции, став общеупотребительным международным термином, предполагающим, однако, отсылку – хвалебную или уничижительную – к французской ситуации<sup>14</sup>. Он связывает такое распространение с поисками идентичности как тех, кто сплотился в коллективном протесте по делу Дрейфуса, так и жаждущих сплочения господствующего класса вокруг идеи французской идентичности. На наш взгляд, можно сказать, что идентичности жаждала и та, и другая сторона. Для антидрейфусаров Франция – страна католическая и монархическая, с соответствующими этому атрибутами, для дрейфусаров – республиканская и антиклерикальная. Далеко не все дрейфусары выступали за радикальное изменение социального и политического порядка. Плечом к плечу с социалистом-романтиком Жаном Жоресом в лагере дрейфусаров сражался Жорж Клемансо, будущий министр и премьер-министр буржуазной Франции, уже перенесший позор Панамского скандала. Так что дрейфусарская «колонна» не была однородной. Напротив, как и в последующие кризисные для страны моменты, республиканцы и антиклерикалы принадлежали к разным партийным организациям и социальным группам. А. Франс, Р. Ролан, Э. Ростан и многие другие писатели присоединились к дрейфусарам.

По мнению К. Шарля, и дрейфусарство, и социализм привлекали интеллектуала тем, что «основывались на тяге к реальности, к критике, к истине. Участвуя в таком движении, университетский профессор обретал содержательную социальную роль, не сводившуюся к мандаринской позиции или к защите и оправданию установленного порядка»<sup>15</sup>. Так или иначе, условия для формирования интеллектуалов как особой страты сложились, и новое слово «интеллектуалы», которое вначале писали курсивом или с заглавной буквы, начинает распространяться не только во Франции, но и повсеместно, сразу же приобретая политизированность, дискуссионность, оказываясь сопряженным с темами конца, смерти, заката интеллектуалов и их предательства. Раймон Арон писал, что интеллектуалы тесно связаны «с национальным сообществом: они

<sup>14</sup> Там же. С. 17-18.

<sup>15</sup> Там же. С. 63. На языке Жюльена Бенда, в конце XIX в. интеллектуалы «начинают потворствовать политическим страстям». Бенда. 2009. С. 111.



*переживают* (курсив автора – Л.Ф.) судьбу своей страны в особо острой форме»<sup>16</sup>. Рубеж XIX–XX вв. был эпохой, казавшейся прекрасной только на фоне Первой мировой войны<sup>17</sup>. Это время характеризовалось беспокойством, напряжением, политическими конфликтами и кризисами, поиском альтернатив социального и политического развития.

### ***Интеллектуалы и интеллектуальная аристократия***

И. Нарский считает, что интеллектуалы предстают как «носители ряда черт: 1. культурное кодирование, с помощью которого создают идентичности. 2. восприятие себя как носителей сакрального знания. Миссионерский пыл. 3. двойственное отношение к социальным элитам. Балансирование между безоговорочной кооперацией с властью и радикальной оппозицией ей, чтобы сохранить свою особость»<sup>18</sup>. Он опирается на суждение исследователя немецких интеллектуалов Б. Гизена, считающего интеллектуалами «критически рефлексирующую группу в напряженном противостоянии политической элите»<sup>19</sup>.

Традиционно роль критически рефлексирующих и противостоящих политической элите интеллектуалов отводится французским интеллектуалам. На противоположном полюсе в дискурсе об интеллектуалах Арон и Манхейм, а вслед за ними и многие другие участники дискуссии размещают английских интеллектуалов, которые представляются им конформистскими, некритическими, лояльными, ничем не угрожающими политической элите, а значит не вполне или совсем не интеллектуалами. Английский кейс действительно отличается от континентальных, однако, есть резон рассмотреть его без политических предубеждений.

Исследователи отмечают, что в Британии конца XIX века носились в воздухе идеи формирования класса образованных людей, обладающих настоящим знанием и правильным мышлением. В словаре впервые появилось слово «интеллектуал» в современном значении, что отражало изменения в интеллектуальной жизни. «Юридических и политических причин, отделяющих их [интеллектуалов] от политической и социальной системы не было, тем не менее, за исключением отношения к политической системе, отчуждение наблюдалось», – пишет Т. Хейк<sup>20</sup>. Понятие «интеллектуал» чаще употребляется в связи с концепцией «интеллектуального класса», «интеллектуальной аристократии». По мнению Хейка, интеллектуалы в поздневикторианской Англии создали особый социаль-

<sup>16</sup> Арон. 2005. С. 192.

<sup>17</sup> Кертман, Рахимир. 1984. С. 8.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Нарский. 2009. С. 170.

<sup>20</sup> Хейск. 1982.

ный класс, оформили идеи относительно культурных функций образованного класса, отношения к религии, экономике и пр.

Д.П. Мирский писал, что впервые интеллигенция в Англии возникает в 1880–1890-е гг. Правда, он меняет термины – в русскоязычном варианте книги всегда значится «интеллигенция», в то время как в англоязычном используется понятие «интеллектуальный класс». Его предшествующее состояние он рассматривал как историю образованного класса, абсолютно идентичного классу собственников, «не стремившегося мыслить независимо и гордившегося своей принадлежностью к высшим слоям общества». В конце же века появляется «новая интеллигенция», непосредственно не заинтересованная в процветании капитализма и являющаяся питательной средой для социалистических идей. Эта интеллигенция начала интересоваться проблемами общества в целом и претендовать на роль выразителя общественных интересов<sup>21</sup>. Первыми интеллектуалами в Британии Мирский называет членов основанного в 1884 г. Фабианского общества, в которое вошли известные публицисты Сидней и Беатрис Вебб, писатели Б. Шоу и Г. Уэллс. Фабианцы выступали за «пропитывание» британского общества идеями социализма в его «муниципальном» виде (муниципальный социализм).

Характеризуя интеллектуалов XIX столетия, известный историк-марксист П. Андерсон в работе «Истоки современного кризиса», в которой стремился объяснить умеренность британского социализма и его недостаточную эффективность, обвиняет их в том, что им не удалось стать борцами, бунтарями, революционерами, что они не смогли создать ничего подобного интеллигенции, связанной общими идеями, как во Франции. Не без доли презрения он характеризовал викторианских либералов как конформистов и простой «придаток правящего класса»<sup>22</sup>.

Такая характеристика прекрасно иллюстрирует тезис Вихавайнена, что «противоположные, конфликтующие определения интеллигенции зачастую служат политическим целям конкретных групп в большей степени, нежели исследованию вопроса». При всей своей умеренности, по сравнению с марксистами, фабианцы выступали с острой критикой современного им общества, способствовали распространению в образованном классе чувства «социального стыда» (выражение Б. Вебб)<sup>23</sup>, предлагали варианты радикального общественного переустройства.

---

<sup>21</sup> *Мирский*. 1934; *Mirskiy*. 1935.

<sup>22</sup> *Anderson* 1964. P. 32-33.

<sup>23</sup> *Webb*. 1926.

Историки, которые исследуют конкретные, не сугубо политические аспекты интеллектуалов как феномена, полагают, что британских интеллектуалов конца XIX века можно так называть на следующем основании: «Если британские интеллектуалы и не соответствовали марксистской модели интеллигенции, обеспечивавшей ей революционное политическое руководство, они, тем не менее, обладали характеристиками, присущими интеллектуалам во всех обществах»<sup>24</sup>.

Британский исследователь Ноэль Аннан предложил термин «интеллектуальная аристократия» в связи с тем, что эта категория строила отношения с другими классами на ментальных и моральных критериях, а не на основе богатства или происхождения. В то же время, термин «аристократия» означает, что ее члены были удовлетворены своим положением в обществе, наслаждались благосостоянием и ощущением, что их ценностные ориентации превосходят все другие. У них не было оснований подражать манерам каких-либо других классов, и они наследовали естественную легкость аристократических манер. Следовательно, «интеллектуальная аристократия» избежала аристократического пренебрежения к низам общества, поскольку судила людей по интеллектуальным меркам и могла приветствовать выходца из иных социальных групп<sup>25</sup>. Христианство без слишком жестких требований и мораль без морализаторства создавали особую нравственную атмосферу, царившую в домах представителей этой страты, материальный и душевный комфорт, взаимопонимание, терпимость, широкий кругозор. Такая атмосфера отражена И. Стоуном в биографии Ч. Дарвина, имевшего тесные родственные, дружеские, интеллектуальные связи с Веджвудами, Алленами и другими семействами «интеллектуальной аристократии». Аннан, правда, обнаруживает у «интеллектуальной аристократии» некоторые предрассудки и определенную ограниченность, в частности, отсутствие чувствительности к красоте, неумение принять и воспринять новые формы искусства, выходящие за пределы собственного опыта.

Однако чаще всего исследователи солидарны с Дмитрием Мирским (до возвращения в СССР – Святополк-Мирским, сгинувшим вскоре в сталинских лагерях), относя к первым британским интеллектуалам членов Фабианского общества, «людей способности»<sup>26</sup>. Как известно, именно фабианцы оказали наибольшее влияние и на рабочее движение и на формирование британских интеллектуальных традиций. При всем кри-

---

<sup>24</sup> *Goldman*. 1995.

<sup>25</sup> *Annan*. 1951. P. 2-3; *Annan*. 1955.

<sup>26</sup> *Галкина*. 1984. С. 99-100.

тическом запале Мирского и Андерсона, оба автора-марксиста относили к заслугам фабианцев становление традиции независимости и критического взгляда на социальный порядок и правящий класс, что, по их мнению, является свойствами интеллектуальной элиты. Л. Голдман пишет: «Интеллектуалов привлекали в рабочем классе чувство справедливости, открытость и прямота, практическое знание социальных бедствий. Большинство прогрессивных интеллектуальных движений проявляли уважение к культуре рабочего класса»<sup>27</sup>. Фабианское общество стало членом созданной в 1900 г. Лейбористской партии, ее мозговым трестом.

Благодаря британским интеллектуалам на рубеже веков появляется «неолиберализм» (автор термина – журналист Л. Хобхауз) как направление социально-политической мысли, как идея прогрессивного государства, которое должно обеспечивать личности безопасность и благоприятные возможности, в противоположность классическому либерализму, основанному на фритредерстве (невмешательстве государства). Парламентские выборы 1906 года, давшие власть либералам, оцениваются в британской истории как вариант революции. По социальному составу в палате общин из 377 либералов 154 принадлежали к интеллигентным профессиям<sup>28</sup>. Либералы во главе с Дэвидом Ллойд Джорджем заявили программу масштабных реформ, которые должны были вместо государства как ночного сторожа создать государство «всеобщего блага». И социалистически ориентированные интеллектуалы по инициативе Веббов сформировали «клуб содействующих» осуществлению либеральной политики, в котором были задействованы профессиональные эксперты во всех областях: Х. Холдейн – в юриспруденции, К. Хевис – в экономике, С. Вебб – в местном самоуправлении, Г. Уэллс – в литературе, Б. Рассел – в науке. Таким образом, британские интеллектуалы становились «людьми действия» без обращения к радикальным методам.

Еще одно основание, на котором британским интеллектуалам отказывают в праве называться таковыми, это то, что «даже выдающимся бунтарям было свойственно чувство, которое приходит только с личной властью. Шоу и Уэллс могли нападать на британскую классовую систему с сознанием собственного устойчивого положения в данном социальном порядке»<sup>29</sup>. Романтический сценарий одинокого интеллектуала, противостоящего миру, явно не британский. Но если взять в качестве критериев формирования интеллектуалов как особой группы наличие

---

<sup>27</sup> Goldman. 1995.

<sup>28</sup> Tuchman. 1996. P. 369.

<sup>29</sup> Fyvel. 1968. P. 26.

пространства свободы, в котором интеллектуалы могли действовать, публики, которая могла на них реагировать, и идей преобразования общества, нет оснований считать, что в Великобритании интеллектуалы не могли быть и не возникли как особая категория. Между прочим, Мирский отмечал, что на рубеже XIX–XX вв. сформировалась не только критически ориентированная по отношению к существующему порядку интеллигенция, но и категория высокобровых/высоколобых (*high-brow*) интеллектуалов, что означало человека, «высоко поднимающего брови от чувства собственной важности и презрения к филистерам»<sup>30</sup>. Этот антифилистерский, антимещанский взгляд, является, на наш взгляд, общей чертой интеллектуалов разных стран и в разные времена.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался появлением плеяды блестящих интеллектуалов в ряде стран. Например, в Испании это «поколение 98-го года», включающее таких мастеров, как писатель Мигель Унамуно, философ и публицист Хосе Ортега-и-Гассет, художник Сальвадор Дали, поэт Гарсиа Лорка, режиссер Луис Буньюэль. В начале XX в., как отмечали современники, «реформы носились в воздухе», и во многом такое ощущение было связано с деятельностью интеллектуалов, исследовавших причины бедности рабочего класса и истоки богатства нуворишей, и предлагавших варианты общественного переустройства.

После того, как понятие «интеллектуалы» утвердилось, его стали распространять на предшествующие эпохи. В них и в их авторитетах начали искать основания легитимации существующих порядков. Так, во Франции в качестве классических интеллектуалов оцениваются «властители дум» эпохи Просвещения. Когда президенту Шарлю де Голлю в 1960 г. предложили упрятать выступившего с резким антиправительственным манифестом Жана Поля Сартра в тюрьму, он будто бы ответил: «Вольтеров в тюрьму не сажают». Если даже это не более чем исторический анекдот, то анекдот показательный.

### **«Предательство интеллектуалов»**

Однако просветительский импульс подвергся серьезному испытанию в результате первой мировой войны. Война положила конец «прекрасной эпохе», которая стала восприниматься как время торжества разума и красоты. «Война разрушила надежду, что человеческое бытие становится цивилизованным, надежду, которая вовсе не казалась неразумной в начале XX века», – с грустью констатировал английский писатель Леонард Вульф<sup>31</sup>. У большинства европейских интеллектуалов бы-

---

<sup>30</sup> *Mirskiy*. 1935. P. 73.

<sup>31</sup> *Woolf*. 1969. P. 21.

ло «чувство, что нечто, некая цивилизационная связь, некий простой довоенный образ жизни были разрушены»<sup>32</sup>.

Шок от первой мировой войны в интеллектуальной среде был мощным и долговременным. Война породила в среде интеллектуалов как «потерянное поколение», так и декадентствующую богему, но более всего она способствовала политизации интеллектуалов. Эпоха мировых войн и революций (1914–1945) привела к их резкой поляризации по политическим взглядам и убеждениям. Значительная часть оказалась увлечена героическим романтизмом Октябрьской революции в России.

Американский писатель Сол Беллоу в статье «Писатели, интеллектуалы, политики: воспоминания о главном» вспоминает: «Для миллионов молодых людей Октябрьская революция превратилась в символ недостижимой свободы и справедливости. На несколько десятилетий революция стала самым значительным историческим событием. Ее горячие сторонники были убеждены, что отныне наступит конец войнам и что революционный пролетариат России несет надежду всему человечеству»<sup>33</sup>. Увлечение коммунистическими идеалами университетской молодежи в межвоенный период было повсеместным. Левые клубы создавались при университетах, появилось множество периодических изданий левого толка, интеллектуалы вступали в коммунистические организации.

В 1927 г. французский писатель и философ Жюльен Бенда выступил с политико-философским трактатом «Предательство интеллектуалов», обвинив тех, кто примыкает к коммунистической идеологии, в предательстве учения, составлявшего смысл их (интеллектуалов) бытия, поскольку означает принятие идеологии, «которая отвергает идеи отвлеченной справедливости», полагает, что «истина определяется обстоятельствами». Предательство интеллектуалов выражается в том, что «принимая политическую систему, преследующую практическую цель, они вынуждены принять и практические ценности, не являющиеся духовно-интеллектуальными»<sup>34</sup>. Под духовно-интеллектуальными ценностями Бенда понимал справедливость, истину, разум, которые являются, на его взгляд, неизменными, бескорыстными и рациональными.

Эта книга стала своеобразным манифестом, который горячо обсуждался во Франции и в 1920-е гг., и в послевоенный период. Бенду тревожило то, что «интеллектуалы усваивают политические страсти», «исполняют свою партию в хоре голосов расовой и политической

---

<sup>32</sup> *Fyvel*. 1968. P. 35.

<sup>33</sup> *Беллоу*. 2005.

<sup>34</sup> *Бенда*. 2009. С. 56-58, 61.

ненависти»<sup>35</sup>. «Следует признать, что в расположенности современного интеллектуала к патриотическому фанатизму первенство закрепилось за немецкими интеллектуалами. Можно сказать, что Германия, создав у себя интеллектуала-националиста и в результате получив наглядное прибавление, сделала этот тип необходимым и во всех других странах»<sup>36</sup>. Бенда выступил не только как защитник демократии, но и определил те черты, которые присущи настоящим интеллектуалам.

Иной взгляд выражен Антонио Грамши в «Тюремных тетрадах» в «Возникновении интеллектуалов» (в русском переводе – интеллигенции). Грамши критикует представление о наличии независимых интеллектуалов: «Категории традиционной интеллигенции, осознав свою историческую преемственность и свято уверовав в свое особое призвание, начинают считать себя самостоятельными, не зависящими от господствующей социальной группы. Подобная точка зрения не остается без разнообразных последствий в идеологической и политической сферах: легко прослеживается связь всей идеалистической философии с этой позицией части интеллигенции, ибо идеалистическая философия может быть определена как выражение той самой социальной утопии, согласно которой интеллигенция считается “независимой”, самостоятельной, обладающей только ей одной присущими качествами и т. д.»<sup>37</sup>. По Грамши, «интеллигенты – это “приказчики” господствующей группы», каждая крупная социальная группа создает свою органическую интеллигенцию. Грамши рассматривает примеры возникновения органических интеллектуалов в разных странах, соотносит их с традиционными интеллектуалами. Согласно Н. Боббио, Грамши удается при характеристике интеллектуалов сочетать два подхода – исторический и социологический: знаменитый анализ Грамши, стимулировавший дискуссию по этой теме не только в Италии, имеет и социологические (различия интеллектуалов “органических” и “традиционных”), и исторические черты (вспомним его заметки, посвященные итальянским интеллектуалам, и мысли об их собратьях в других странах)»<sup>38</sup>.

Грамши, и Бенда остаются авторами, к трудам которых обращаются современные интеллектуалы, стремясь осмыслить свою роль. Современный американский профессор, литературовед и общественный деятель Эдвард Саид отмечает такие различия в позициях Грамши и Бенды: у Грамши органические интеллектуалы динамичны, активно вовлечены

<sup>35</sup> Там же. С. 111.

<sup>36</sup> Там же. С. 119.

<sup>37</sup> Грамши. URL: [http://avtonom.org/old/lib/theory/gramshi\\_ttetradi.html](http://avtonom.org/old/lib/theory/gramshi_ttetradi.html)

<sup>38</sup> Боббио. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Polit/Sem/33.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php)

в общество, постоянно борются за изменение взглядов и расширение рынков. Для Бенды настоящие интеллектуалы готовы погибнуть за идею, но они, скорее, символические фигуры, нежели вовлечены в практические дела<sup>39</sup>. На взгляд Саида, позиция Грамши ближе к действительности. Всякий, кто работает в сфере производства и распространения знания, может быть назван интеллектуалом в грамшианском смысле. С другой стороны, сам Саид определяет интеллектуала как «изгнанника и маргинала, дилетанта и автора языка, которым он пытается сказать правду власти»<sup>40</sup>. Саид делает важное замечание: «Ни одна революция не делалась без интеллектуалов, как и ни одна контрреволюция»<sup>41</sup>.

Политический контекст, политические страсти определяют дискуссию об интеллектуалах в значительно большей степени, нежели исследовательские интенции. Переиздавая свою книгу в 1946 г., Бенда сопроводил ее большим предисловием, в котором основной акцент сделан на предательстве не левых, а правых, поддержавших фашизм.

#### ***Левый интеллектуал как всеобщая совесть***

«В течение долгого времени так называемый “левый” интеллектуал брал слово и воображал, что право говорить за ним признают потому, что видят в нем учителя истины и справедливости. Его слушали, или он притязал на то, что его должны слушать как лицо, представляющее всеобщее. Быть интеллектуалом означало, в частности, быть всеобщей совестью», – отмечает М. Фуко<sup>42</sup>. «Идеологическая традиция рационалистически и революционно настроеннойлевой дает более верное объяснение терминов, в которых выражает себя диссидентство французской интеллигенции», – объясняет Р. Арон<sup>43</sup>. Его книга «Опиум интеллектуалов» (1955) стала попыткой вразумить интеллектуалов, на которую жестче всего отреагировал бывший его сокурник Жан-Поль Сартр, участник Движения Сопротивления, активный общественный деятель, организатор ряда протестных акций, философ-экзистенциалист. «Сартр стал признанным вождем целого поколения, навсегда заняв официальную роль “ангажированного интеллектуала” *par excellence*, тогда как Арон лишь незадолго перед своей смертью добился некоторого (более или менее) широкого признания общественности. Более того, во Франции сложился некий консенсус: лучше заблуждаться вместе с Сартром, чем быть правым вместе с Ароном. Лучше верить вместе с

<sup>39</sup> *Said*. 1994. P. 7.

<sup>40</sup> *Ibid*. P. XIV.

<sup>41</sup> *Ibid*. P. 11.

<sup>42</sup> Фуко. [www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/Fuko\\_intel\\_power/Fuko\\_10.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php)

<sup>43</sup> Арон. 2005.



первым в лучшее грядущее общество, чем убедиться в правоте второго с его обличением коммунизма как «опиума интеллектуалов»<sup>44</sup>. Такая реакция была связана в немалой степени с тем режимом, который представляла собой Четвертая республика. Даже по мнению Арона, она «разочаровывает как верноподданных, так и бунтарей. Она полна негативных достоинств, консервативна перед лицом изменяющегося мира»<sup>45</sup>. Более широкий политический контекст связан с тем, что позиции левых были укреплены в результате их роли в антифашистской борьбе, Движении Сопротивления, послевоенных социальных реформах.

Активность интеллектуалов проявляется в войне манифестов. В 1960 г. появился «Манифест Ста двадцати одного», который, по мнению Н. Кауппи, ознаменовал «начало нового важного этапа в эволюции политической активности французских интеллектуалов». Дело «Ста двадцати одного» навело французской общественности воспоминания о деле Дрейфуса. Подписавшие манифест, по сути, выступили в защиту права на гражданское неповиновение в Алжире, тем самым одобрив разрушение французской колониальной системы и борьбу алжирского народа за независимость. Вслед за этим манифестом появились новые списки и контр-манифесты. Для «подписантов» и широкой общественности этот всплеск политической активности был повторением битвы интеллектуалов с властью, разыгравшейся на рубеже XIX–XX вв.<sup>46</sup> Это поддерживало романтический идеал интеллектуала, противостоящего миру.

Протестные движения 1960-х на Западе нередко называют «бунтом интеллектуалов». Апогей левых интеллектуалов пришелся на 1968 год. Михаэль Мертес рассматривает 1968-й год как миф со своими темными и светлыми сторонами, но которая утвердила гегемонию левых вплоть до рубежа 1989–1990-х годов<sup>47</sup>. Миф интеллектуалов был сконцентрирован на кредо левых: «Я протестую, следовательно, мы существуем!». Миф имеет свои циклы: начало XX в. с его реформаторским импульсом, политизация интеллектуалов и их активное вторжение в политику в 1930-е, май 1968-го. Лишь в 1980-е правые, неоконсервативные интеллектуалы заявили о себе. Однако разрушить миф им пока не удалось.

Полярные оценки интеллектуалов либо как цвета нации, либо как опасных смутьянов, вредных для общества, относятся все же к левым, критически мыслящим, критикующим власть, предлагающим рецепты общественного переустройства. Левые интеллектуалы в меньшей степе-

---

<sup>44</sup> Кильдюшов. 2006.

<sup>45</sup> Арон. 2005.

<sup>46</sup> Кауппи. 2000. URL: <http://infoart.udm.ru/magazine/nlo/n45/kauppi.htm>

<sup>47</sup> Мертес. 2006.

ни включены в стабильный социальный порядок, представляя собой то, что Альфред Вебер назвал «социально не связанной интеллигенцией». К. Манхейм писал, что «маленькие кружки интеллигенции, несмотря на многие присущие им недостатки, являются, благодаря своей позиции аутсайдера в обществе, основным источником вдохновения и динамичного воображения»<sup>48</sup>. Кристоф Шарль считает, что раскол на левых и правых проходил нередко внутри каждого интеллектуала, если иметь в виду ценности и стремление к материальному достатку. Чувство отчужденности интеллектуала возникает из противоречия между его существованием в обществе и творческим существованием<sup>49</sup>.

Хотя французские интеллектуалы представляют референтную группу для интеллектуалов других стран, аналогичные процессы шли и там. Арон, характеризуя США как «ад интеллектуалов» (книга писалась в разгар маккартизма), тем не менее, говорит о значимости этой категории. Он обращает внимание на то, что типичный представитель американских интеллектуалов – не ученый или писатель, а эксперт – экономист или социолог. Необходимо учитывать, что интеллектуальная страта США существенно изменилась в результате «культурной волны 1930-х», миграции интеллектуалов, бежавших из Европы от фашизма. Арон отмечает, что 1953 год отмечен появлением статьи «Америка и интеллектуаль» в «Partisan Review» и вспышкой полемики о «яйцеголовых». Луи Бломфильд иронически оценивал яйцеголового: «Человек фальшивых интеллектуальных устремлений, часто профессор или протеже профессора. Фундаментально неосновательный... Исполненный самомнения и презрения к опыту более здравых и способных людей... Доктринерствующий поборник средневропейского социализма»<sup>50</sup>. В этом обвинении суммированы классические обвинения против интеллектуалов, резюмирует Арон. В то же время в интеллектуальной среде, особенно в университетской, был распространен антимаккартизм. Арон приводит пример, что отказавшийся выступить против Маккарти журналист был исключен из состава редколлегии «Partisan Review». «Всего через пятнадцать лет после того, как маккартизм полностью загнал американских радикалов в подполье, набирал силу новый революционный поток, – фиксирует Макс Элбаум. – Бурные события 1968 года захлестнули ту прослойку молодежи, которая уже попробовала себя в борьбе за социальные перемены и успела втянуться в глубокие идейные искания»<sup>51</sup>.

<sup>48</sup> Манхейм. 1994. С. 451, 450.

<sup>49</sup> Шарль. С. 61.

<sup>50</sup> Арон. 2005.

<sup>51</sup> Элбаум. 2006.

«Важно отметить: при том, что на страницах газет и в эфире (равно как на улицах и на территории университетских кампусов) преобладали мнения и оценки левых интеллектуалов, именно американские правые смогли извлечь из событий 1968-го политическую выгоду», – считает Дэвид Кайзер, имея в виду сплочение правых интеллектуалов и их активизацию, приведшую к существенной перестановке сил среди интеллектуалов и к новой дискуссии о них<sup>52</sup>. Американский консерватор Питер Вьерек, рассуждая о славе и позоре интеллектуалов, рассмотрел два смысла слова: 1. инженеры, учителя, врачи, ученые; 2. политические борцы против несправедливости. Он апеллировал к делу Дрейфуса в оценке второго смысла и отметил, что в Америке Уильям Джеймс ввел данное слово в таком контексте. Вьерек называет славой интеллектуалов борьбу в деле Дрейфуса и антифашизм, позором – замалчивание судебных процессов 1930-х, когда тысячи дрейфусов были замучены, и вообще – любое оправдание сталинизма либеральными интеллектуалами<sup>53</sup>.

#### **«Закат интеллектуалов»**

Всегда, когда дискуссия об интеллектуалах усиливается, проблема их ответственности обостряется, активизируется и миф о «закате интеллектуалов» и «смерти интеллигенции». В 1980-е так произошло с выходом в свет книги Рассела Якоби «Последние интеллектуалы», в которой автор фиксировал исчезновение публичных интеллектуалов, писателей и мыслителей, которые адресовали бы свои размышления широкой образованной публике<sup>54</sup>. Он описывает исчезновение интеллектуалов как социально ответственной группы, объединенной вокруг журнала «Нью-Йоркское обозрение». На его взгляд, современный интеллектуал остался только в виде фигуры кабинетного ученого, профессора, которого не интересует мир за пределами лаборатории или кабинета, в то время как публика существует, и потребность в публичном интеллектуале сохраняется. Рассуждения о «последних» интеллектуалах, о смерти интеллектуалов любопытны еще и в том плане, что они исходят из признания существования таковых на протяжении того или иного отрезка времени.

«Болезненное переживание» своей истории более всего относится к немецким интеллектуалам. По мнению Хабермаса, понимание немецкими интеллектуалами своего статуса «восходит корнями к первому поколению после Гёте и Гегеля. Беспокойные литераторы и приват-доценты из числа младогерманцев и левых гегельянцев способствовали

<sup>52</sup> *Kaizer*. 2008. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ka35-pr.html>

<sup>53</sup> *Viereck*. 1965.

<sup>54</sup> *Jacoby*. 1987. P. 5.

складыванию образа свободно парящего, спонтанно вмешивающегося, зачастую сентиментального, взволнованно полемизирующего и непредсказуемого интеллектуала. Они же приложили руку и к формированию прочных негативных предрассудков вокруг этого образа»<sup>55</sup>.

К. Шарль говорит о корпоративно-аристократическом духе немецкой профессуры, дававшей ей превосходство, но и неспособность взять на себя новую социальную функцию<sup>56</sup>. Социальную функцию взяли на себя «партийные интеллектуалы» Отто Бауэр и Рудольф Гильфердинг, Карл Реннер и Макс Адлер, которые принадлежат «к ушедшей в историю модели идейных левых партий. После 1945 года этому типу уже не было места на Западе»<sup>57</sup>. После второй мировой войны немецкие интеллектуалы активно включились в решение политико-психологических проблем, поставили общество перед необходимостью преодоления национал-социалистического прошлого. Ханна Арендт, Карл Ясперс, Теодор Адорно, Генрих Белль, Вольфганг Кеппен, Зигфрид Ленц и другие подняли проблему исторической ответственности, исторической памяти, проблему искупления, тем самым выполняя миссию интеллектуалов.

Поставленные перед нацией вопросы стали предметом известного «спора историков» в середине 1980-х в ФРГ. «Ю. Хабермас, Ю. Кокка, К. Зонтхаймер превратили собственно научную дискуссию в явление политико-идеологического характера, значимое для всей нации, – пишет российский историк А.И. Борозняк. – Их усилия способствовали формированию в политической культуре немцев ФРГ зрелого исторического компонента, оказывали воздействие на мировоззрение и политическую культуру элиты»<sup>58</sup>. А.И. Борозняк указывает, что в современной, воссоединенной Германии интеллектуалы пытаются противодействовать новому соблазну – переложить всю ответственность за прошлое на плечи восточных немцев. Интеллектуалы выступают против бездумного следования модным веяниям, которое может поставить под угрозу существование с таким трудом утвердившихся в немецкой политической культуре демократических, анти тоталитарных ценностей. В то же время, воссоединение Германии поставило вопросы об ответственности интеллектуалов за «40-летнюю диктатуру СЕПГ», о политической ангажированности и социальной безответственности.

Несмотря на своеобразие исторической ситуации, в Германии дебаты о судьбе интеллектуалов во многом схожи по характеру с дискус-

---

<sup>55</sup> Хабермас. 2006.

<sup>56</sup> Шарль. С. 69.

<sup>57</sup> Хабермас. 2006.

<sup>58</sup> Борозняк. 1999.

сиями в других странах. «Я не должен обойти молчанием тот факт, что интеллектуалы, когда они не заняты взаимным переругиванием, больше всего на свете обожают присоединять свои голоса к ритуальному плачу по исчезающему типу “Интеллектуала”», – замечает Хабермас. – Признаюсь, я и сам порой этим грешу. Разве не ощущаем мы пустоту там, где прежде были великие акции и манифесты «группы 47», выступления Александра Мичерлиха или Гельмута Гольвитцера, политические заявления Мишеля Фуко, Жака Деррида и Пьера Бурдьё, вторгавшиеся в актуальную проблематику тексты Эриха Фрида или Гюнтера Грасса?.. Или, может быть, дело в том, что в нашем медийном обществе снова происходит структурное изменение публичной сферы, которое затрудняет существование классической фигуры Интеллектуала?»<sup>59</sup>

Популярны размышления о том, что современные интеллектуалы уступают своим предшественникам по моральным качествам, талантам и общественным способностям. «Прежде интеллектуал был обязан различать “влияние” и “власть” и не употреблять то влияние, которого он добивался с помощью слов, в качестве средства для обретения власти. Его делом было – не забывая о том, что и он может ошибаться, – смело выдвигать нормативные мнения и с фантазией рисовать интересные перспективы», – характеризует Хабермас миссию интеллектуала в недалеком прошлом. Бенда заложил традицию упреков в адрес интеллектуалов за увлечение идеологией. Т. Парсонс опасался, что идеология может вредить функции интеллектуала как исследователя. С.М. Липсет высказывал опасения, что интеллектуалы могут стать апологетами режима. Э. Шилз указывает на то, что независимо от политических ориентаций интеллектуалам не удавалось дистанцироваться от традиций или национальности: ни консервативным интеллектуалам, сожалеющим о разрушении старого порядка, ни либеральным интеллектуалам, мечтавшим о свободном духе и политически человечестве. На его взгляд, отказ от социальной и политической ответственности не есть проявление политического радикализма; «это скорее аполитичная, эстетская, scientистская, иногда религиозная, чаще агностическая, позиция»<sup>60</sup>.

Каждый раз, когда общество недовольно своим состоянием, оно склонно винить в этом интеллектуалов, которые дали неверные рецепты общественных изменений<sup>61</sup>. Упреки в отношении левых связаны с тем, что они прямо или косвенно поддерживали тоталитарный режим в Со-

---

<sup>59</sup> Хабермас. 2006.

<sup>60</sup> Shils. 1970. P. 280-281.

<sup>61</sup> Gattone. 2006; The Political Responsibilities of Intellectuals... 1990.

ветском Союзе. Так, поворот французских интеллектуалов в сторону критики левого тоталитаризма, т.е. советского, сталинского режима произошел лишь в конце 1970-х и сопровождался ожесточенной борьбой. Проходил он болезненно. Существует целая теория во французской интеллектуальной мысли, объясняющая не критическое отношение левых интеллектуалов к сталинизму якобинской традицией<sup>62</sup>. Публикация «Архипелага ГУЛАГ», книг Х. Арендт и З. Бжезинского побудили интеллектуалов к критике того, что на протяжении 30 лет они отчаянно защищали. Согласно одной из традиций, объясняющих позицию интеллектуалов, западные интеллектуалы не могли себе представить, что в реальности творится в СССР. Артур Кестлер, говоря о Б. Шоу и Г. Уэллсе, замечает, что в их мире не могло существовать таких вещей, как пытки и лагеря. Другие авторы находят объяснения в умозрительности интеллектуалов, для которых насилие есть нечто метафорическое, в отличие от людей действия: «В душе интеллектуал тяготеет к аристократическому режиму, а не к демократии. Вдобавок он всецело поглощен трудностями, связанными с его работой, а потому весьма туманно представляет себе, что делается вокруг. По мнению Оруэлла, воспевать “необходимые убийства” (как это делал поэт Оден в 30-е годы), могут только те, кто никогда близко не видел трупа»<sup>63</sup>. На взгляд Э. Геллнера, отказ Сартра признавать злодеяния сталинизма ради своеобразно понимаемых им интересов французского рабочего класса означал утрату политической ответственности<sup>64</sup>. Рассказывают, будто «решившись (с некоторым опозданием) высказать свое мнение о разоблачениях, связанных с ГУЛАГом, Сартр сказал: “Предположим, что все это правда. Однако у нормального человека тут может быть две реакции. Первая — это констатация: “Ну, я же вам говорил! Как глупо было ожидать, что дело обернется иначе!” А вторая: “Черт возьми! Вот и еще одна великая надежда человечества развеялась как дым!”»<sup>65</sup>.

«Крах Советского Союза западные левые ждали, предсказывали и, как правило, приветствовали. Но то, что, по их мнению, должно было стать началом очищения левой традиции от сталинизма, оказалось, по крайней мере, на первых порах, тяжелейшим ударом по социалистической идеологии, как таковой, — отмечает Б. Кагарлицкий. — И дело здесь не только в том, насколько те или иные идейные “семейства” западных

---

<sup>62</sup> *Christofferson*. 2004.

<sup>63</sup> *Тодоров*. 1998.

<sup>64</sup> *Gellner*. 1990. P. 27.

<sup>65</sup> *Тодоров*. 1998.

левых были подвержены влиянию сталинизма. Вместе с Советским Союзом ушла и вера, что в мире практически возможна какая-либо общественная система, кроме капитализма»<sup>66</sup>.

### **«Мучительный путь» западных интеллектуалов**

В этих условиях появились новые акценты в дискуссии о социальной ответственности интеллектуалов и об «утрате ответственности» в посткоммунистических странах. Венгерский исследователь Э. Ханкинс связывает утрату ответственности с разрушением всех видов общностей в коммунистической Венгрии<sup>67</sup>. А вот Я. Куржевский убежден, что коммунистическому режиму в Польше не удалось подмять под себя всю интеллигенцию, которая сохранила, на его взгляд, многие традиции интеллектуальной свободы, что и проявилось в событиях 1980-х гг., когда многие интеллектуалы стали экспертами «Солидарности»<sup>68</sup>. М. Молнар ставит вопросы, которые особенно часто задают в современном мире: Ответственность какая? Перед кем? Он обращает внимание на различие политических позиций интеллектуалов<sup>69</sup>.

Интеллектуалы в посткоммунистических странах начинают дискуссии об интеллектуалах как категории будто бы заново. Болгарский писатель Цветан Тодоров рассуждает: «Что такое интеллектуал? Лично я употребляю это слово лишь в следующем смысле: ученый или художник (писатели включаются в эту категорию), который не просто занимается научной деятельностью или созданием произведений искусства, способствующих познанию истины либо расцвету прекрасного, но еще и небезразличен к общественному благу, к ценностям общества, в котором живет, а следовательно, участвует в споре вокруг этих ценностей. Интеллектуал в таком понимании этого слова равно далек как от артиста или ученого, не заботящегося о политическом или моральном аспекте своего творчества, так и от проповедника или профессионального политика, неспособного творить»<sup>70</sup>. Он объясняет, что живя в коммунистической стране, он считал, что все проблемы интеллектуалов – в отсутствии свободы. Но и в западном обществе интеллектуалу трудно определиться с выбором роли. Тодоров замечает, между прочим, что не случайно романы, которыми мы зачитываемся сегодня, написаны в Азии или в Африке, в Латинской Америке или в Восточной Европе.

<sup>66</sup> Казарлицкий. 2003.

<sup>67</sup> Hankiss. 1990. P. 33-34.

<sup>68</sup> Kurczewski. 1990. P. 97-99.

<sup>69</sup> Molna. 1990. P. 189.

<sup>70</sup> Тодоров. 1998.

Везде, где фигура интеллектуала становится заметной, начинается дискуссия о значении понятия, о предназначении и социальной ответственности интеллектуала. Саид пишет, что мир изменился со времен книги Бенды, Европа и европейские интеллектуалы перестали быть эталоном, потому что активен стал третий мир, национальные движения. Французские интеллектуалы сильно отличаются от китайских. Арабские и азиатские интеллектуалы имеют свою историю, свою специфику, со своими проблемами, патологиями и триумфами<sup>71</sup>. Мкандавир применяет грамшианскую схему органической/неорганической интеллигенции к африканским реалиям. Он считает одной из причин неудач ряда африканских стран продвинуться по пути демократизации и модернизации «неспособность их политического класса наладить продуктивные отношения с собственной интеллигенцией/ интеллектуалами»<sup>72</sup>. Гелла предлагает отнести в разряд интеллигенции «образованную страту в новых африканских государствах, которая соперничает с национальной буржуазией за национальное лидерство»<sup>73</sup>. Хасан Бюлент Кахраман называет проблему интеллектуалов одной из главных проблем Турции. Он оценивает историю турецких интеллектуалов как «мучительный путь, с которым связана привычка интеллектуала ниспровергать ценности окружающего его общества и, следовательно, быть в постоянном конфликте с его фундаментальными суждениями и предпочтениями – то, что интеллектуалы постоянно считают своей обязанностью и за что они несут историческую ответственность»<sup>74</sup>. Гуадарам доказывает, что в мексиканском обществе интеллектуалы играют существенную роль и понимаются «простыми людьми» как люди «большого ума», которые напряженно учатся; «мы знаем, что они есть, поскольку они пишут книги, понятные не всем, появляются на телевидении и на страницах газет и журналов, но я не представляю себе, чтобы они были такими, как один из нас». «Их умение мыслить и анализировать действительность пропастью лежит между ними и нами»<sup>75</sup>. Несмотря на все национальные и страновые различия («национальная принадлежность имеет значение, прежде всего, в плане языка». «Интеллектуалы не пишут на испанто. Они рождены в языковой среде, которая имеет свою специфику выражения мысли»)<sup>76</sup>, интеллектуал как феномен сохраняет общее.

---

<sup>71</sup> Said. 1994.

<sup>72</sup> *Mkandavire*. Working Paper. EGDI seminar. 24.08.2000.

<sup>73</sup> *The Intelligentsia and the Intellectuals...* 1976. P. 23.

<sup>74</sup> *Кахраман*. 2003.

<sup>75</sup> *Гуадарам*. 2003.

<sup>76</sup> Said. 1994. P.26.



### **Публичные интеллектуалы**

Ч.Ф. Гаттон рассматривает как публичного интеллектуала современного социального исследователя. Он напоминает о необходимости держать «здоровую дистанцию» от политики, чтобы не утратить объективности и четкости анализа. Гаттон предлагает рассматривать ученого как исследователя, как преподавателя, как публичного актора и как лидера общественного мнения<sup>77</sup>. Его понимание ответственности исходит из того, что интеллектуал, будучи вовлечен в политические дебаты, должен помнить: мир не состоит из объектов для манипуляций. Став публичным, недопустимо снижать уровень аналитики. Рассуждая о статусе и функциях современных немецких интеллектуалов, об их роли в публичной жизни, предлагаемом ими дискурсе и повестке дня, Р. Бернс и В. Ван дер Вилл обращают внимание на критический потенциал и миссию интеллектуалов, дискуссию интеллектуалов по поводу их предназначения<sup>78</sup>. Сокка и Кангас напоминают об ответственности интеллектуалов, выступающих как посредники между государством и обществом, за развитие идеологий, становление и трансформацию культурной политики<sup>79</sup>. Согласно А. Ганону интеллектуалы составляют относительно гомогенное сообщество или класс, будучи связаны общими ценностями, символами. Однако он указывает, что подобно политическим режимам, это сообщество обеспечивает конкурирующие взгляды и идеологии, и можно использовать методологию Парето («львы» и «лисы») применительно к интеллектуалам, среди которых тоже происходит циркуляция элит. «В результате формируется два типа интеллектуалов: те, которые легитимируют господствующие ценности, и те, которые их отрицают, или, по меньшей мере, ставят под вопрос. Те, кто стремится сохранить status quo, и те, кто стремится его изменить»<sup>80</sup>.

### **Наступление справа**

«Консервативная волна» 1980-х, приведшая к власти сторонников неоконсервативного политического курса, с ориентацией на волшебную силу рынка и невмешательство государства в социально-экономическую сферу (экономический неолиберализм), была порождена правыми интеллектуалами. Так, Алан Свингуд отмечает влияние группы консервативных интеллектуалов, объединившихся вокруг журнала “Scrutiny”, группы немногочисленной, антимарксистски настроенной. Он характе-

<sup>77</sup> Gattone. 2006. P.133.

<sup>78</sup> Burns, van der Will. 2006. P. 291.

<sup>79</sup> Sokka, Kangas. 2007. P. 185.

<sup>80</sup> Intellectuals in Liberal Democracies... 1987. P. 4.

ризует «новую консервативную интеллигенцию», сформировавшуюся на почве критики консенсуса, в британском варианте, батскеллизма: «Новые правые интеллектуалы – социально интегрированная радикально настроенная группа, тесно связанная с бизнесом и правительством страны». Это Роджер Скрутон, Морис Каулинг, Альфред Шерман, Пол Джонсон<sup>81</sup>. Д. Эрман пишет об аналогичной по духу и идеологическим ориентациям группе американских неоконсерваторов-интеллектуалов<sup>82</sup>.

П.Ю. Рахмиров остроумно замечает, что «это течение представлено интеллектуалами с «лица не общим выраженьем»<sup>83</sup>. Ирвин Кристол, наиболее яркий из них, назвал «отделением интеллектуалов» их негативное отношение к вьетнамской войне и отчуждение от властвующей элиты. «Сам отец-основатель неоконсерватизма уже принадлежал к тем интеллектуалам, которые давно и прочно вошли в истеблишмент и предоставили в его распоряжение свои дарования»<sup>84</sup>. Правые интеллектуалы активно и агрессивно включились в дискуссию о том, что такое интеллектуал и какова должна быть его роль. Кристол упрекает американских интеллектуалов (либеральных) в безответственности, поскольку они отказываются помочь в интеллектуальном и моральном руководстве имперской политикой. Он акцентирует внимание на том, что имперская политика предполагает «ужасное бремя ответственности», а интеллектуалы, не желая разделить это бремя, создают напряженную ситуацию. П.Ю. Рахмиров описывает усилия Кристола, направленные на то, чтобы «сражаться с оппозиционной частью интеллектуального сообщества, «контринтеллектуалами», ставя перед неоконсерваторами задачу «объяснить американскому народу, что он прав, и интеллектуалам, что они неправы»<sup>85</sup>. Но и само это сообщество консервативных интеллектуалов, каковым оно выглядит со стороны, оказывается при глубоком анализе, весьма разнородным, разделенным не только на нео-, палео- и традиционных консерваторов, но и разобщенным по многим существенным вопросам американской политики и современного мирового развития.

Публицист Тодд Гитлин, поднимая проблему американских интеллектуалов, в особенности, левых, после 11 сентября, указывает, что их антипатриотическая позиция вызвала рост антиинтеллектуальных настроений. По мнению журналиста, интеллектуалы должны ставить вопросы, прежде всего, перед властью, но не стоять при этом в стороне от

---

<sup>81</sup> Ibid. P. 96.

<sup>82</sup> The Rise of Neoconservatism... 1996.

<sup>83</sup> Рахмиров. 2007. С. 57.

<sup>84</sup> Там же. С. 60.

<sup>85</sup> Там же. С. 61-62.

насущенных политических проблем, включая рост патриотизма<sup>86</sup>. Любопытно, что критика левых приводит к тому, что их «вычеркивают из списка» интеллектуалов, называя «контринтеллектуалами».

Поскольку кросс-темпоральные коммуникации остаются значимыми для современных интеллектуалов, потребовалась атака на интеллектуальных кумиров прошлого. Пол Джонсон в 1988 г. выпустил в свет книгу «Интеллектуалы»<sup>87</sup>, куда вошли очерки об интеллектуалах левых политических взглядов (Руссо, Шелли, Маркс, Брехт, Рассел, Сартр и др.). Вытаскивая нелепые, странные, неприглядные черточки характера, поступки, высказывания своих персонажей (язык не поворачивается сказать «героев»), Джонсон стремится доказать, что такие люди не имели никакого морального права оказывать влияние на других людей и на общество в целом. Интеллектуалы, чье влияние на протяжении двух веков неуклонно возрастало, которые претендовали на ключевую роль в изменении мира, по определению Джонсона, не были и не могли быть свободны духом. Дисбаланс в их жизни приводил к дисбалансу в идеях<sup>88</sup>. Убеждая читателя в своей беспристрастности, Джонсон между тем озаглавил очерки об интеллектуалах так: «Интересный сумасшедший», «Бессердечность идей», «Наперекор», «Сердце изо льда», «Старший брат Бога» и др. В заключении он ставит под сомнение право интеллектуалов указывать другим, как они должны себя вести, и управлять общественными делами: «Как группа интеллектуалы могут быть опасны, поскольку они деструктивны и иррациональны»<sup>89</sup>. Приемы Джонсона банальны, но кажутся убедительными: если каждый персонаж выходит негодяем и самозванцем, заслуживающим беспощадного поношения, как могут они оставаться кумирами и властителями дум? На мой взгляд, простой и мудрый ответ на эти обвинения предложил английский публицист Д. Рейфилд: «Тот факт, что интеллигенты часто обманывались и промахивались, должен приближать их к нам: при всей своей гениальности они остаются человеческими существами»<sup>90</sup>.

### ***Интеллектуал vs. эксперт?***

Кросс-темпоральные интеллектуальные коммуникации являются и исследовательским инструментарием, и способом влияния на общественное мнение. Авторы книги «Интеллигенция в политике от дела Дрейфуса до Салмона Рушди» отмечают, что одним из самых цитируе-

---

<sup>86</sup> *Gitlin*. 2006. P. 152.

<sup>87</sup> *Johnson*. 1988.

<sup>88</sup> *Ibid*. P. 27.

<sup>89</sup> *Ibid*. P. 342.

<sup>90</sup> *Reifield*. 1994. С. 223.

мых определений интеллектуала стало предложенное Вацлавом Гавелом: «Интеллектуал – это человек, посвятивший себя и свою жизнь осмыслению мира и широкого контекста происходящего»<sup>91</sup>. Широкую известность получило и определение А. Геллой мировой интеллигенции, которая пока не существует, но должна быть создана в связи с новыми вызовами и угрозами: «Объединенная культурно и ценностно страта образованных людей, которые бы взаимодействовали и сотрудничали друг с другом, ориентируясь на универсальные цели и будучи мотивированными общими ценностями»<sup>92</sup>. Вероятно, наиболее выразительным остается суждение Хосе Ортега-и-Гассета: «Интеллектуалом нельзя быть для других, с тем или иным намерением – заработать деньги, блистать, утвердить себя в бурном море общества. Интеллектуалом можно быть только для себя, несмотря на себя, неизбежно... Я понимаю очень хорошо, почему в истории периодически происходило удушение интеллектуала. Я понимаю, что этот человек надоедает “другому” и беспокоит его, так как всегда идет сквозь вещи, а сам не является вещью, но чем-то текучим, пламенным, магнетическим»<sup>93</sup>. Любопытно, что интеллектуал как герой анализируется современными молодыми исследованиями на примере творчества Ортега-и-Гассета и Э. Саида.

Между тем, Саиду представляется нелепым требовать от интеллектуала быть чем-то вроде рыцаря, чуждого материальным интересам, и осуждать интеллектуалов за то, что они зарабатывают деньги<sup>94</sup>. Но он считает, что основную угрозу существованию интеллектуала в современном мире представляет профессионализм, который понимается им как «работа за деньги, с 9 до 5, а профессиональное поведение – как умение вписаться в рынок, быть презентабельным, непротиворечивым, неполитическим и “объективным”»<sup>95</sup>. Заметим, что это именно та перспектива, которую видят возможной для российской интеллигенции многие ее представители, и которая одним кажется окончательной гибелью, а другим - возвращением к норме, существующей в среде западных интеллектуалов. Если же судить по дискуссии и аналитике в этой среде, то ничего четкого и общепринятого мы там не найдем.

Разграничение интеллектуала и эксперта, либо демаркация между интеллектуальными и экспертными функциями – постоянный сюжет дискуссии об интеллектуалах на протяжении последнего полувека, по

---

<sup>91</sup> *Intelligentsia in Politics...* 1997. P. 13.

<sup>92</sup> *The Intelligentsia and the Intellectuals...* P. 27.

<sup>93</sup> Интеллигенция и политика. 1978. С. 11.

<sup>94</sup> *Said*. 1994. P. 69.

<sup>95</sup> *Ibid*. P. 74.

которому также наблюдается широкий разброд суждений. «Это различие не соответствует ни известному разделению Грамши “органических” и “традиционных” интеллектуалов, ни общепринятому разграничению гуманитариев и технических специалистов (согласно известному разделению двух культур), – объясняет Н. Боббио. – В критерий проводимого мной различия не входят зависимость или независимость от социальных слоев, борющихся за господство, равно как и уровень компетентности (хотя есть определенное родство между идеологом и “традиционным” интеллектуалом, а также между экспертом и “органическим” интеллектуалом; и зачастую идеологами являются гуманитарии, а экспертами – технические специалисты). Данный критерий единственно приемлем в дискуссии, предмет которой – политическая задача интеллектуалов»<sup>96</sup>. Для него «идеологи» – это те, кто поставляет руководящие принципы, делает акцент на целях, подчиняясь этике добрых устремлений, а эксперты – те, кто обеспечивает средства познания, подчиняясь этике ответственности. И те, и другие пишут свои манифесты; в условиях технического прогресса все чаще это делают эксперты (физики, ядерщики, экологи). Так или иначе, и дефиниции, и демаркации связаны с политической ролью и политической ответственностью.

Фуко выявляет формирование новой фигуры интеллектуала-специалиста в противовес интеллектуалу универсальному в послевоенный период. Он поясняет обстоятельство: «писатель как лицо выдающееся начинает исчезать, а возникают преподаватель и университет, может быть, не как главные составляющие, но как “пункты обмена”, как исключительные точки пересечения». Но из этих обстоятельств следует вывод, что университет и преподавание становятся «политически сверхчувствительными областями». Фуко соглашается, что роль интеллектуала-специалиста будет становиться всё более значимой, связывая это «с той разнообразной политической ответственностью, которую ему волей-неволей приходится брать на себя в качестве атомщика, генетика, программиста, фармаколога и т.д.». Логика рассуждений такова: конкретная деятельность интеллектуала-специалиста «влечет за собой такие результаты и последствия, которые оказываются уже не просто узкопрофессиональными или внутриотраслевыми». Его резюме: «Надо изменять не “сознание” людей или то, что у них в голове, но политический, экономический, институциональный строй производства истины»<sup>97</sup>.

---

<sup>96</sup> Боббио. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Polit/Sem/33.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php).

<sup>97</sup> Фуко. [www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/Fuko\\_intel\\_power/Fuko\\_10.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php)

Бурдые оценивает присутствующую в умах большей части образованных людей дихотомию на *scholarship* (исследовательская работа) и *commitment* (практическая работа, публичная деятельность) как гибельную, а противопоставление «между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои труды другим ученым, и теми, кто вступает в бой, вынося свои знания за пределы научного сообщества» называет искусственным. «На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам *scholarship*, для того, чтобы производить ангажированное, легитимно ангажированное знание, и вводить это знание в бой. В настоящее время у исследователя нет выбора: если он уверен, что существует определенная взаимозависимость между неолиберальной политикой и уровнем преступности, между неолиберальной политикой и признаками того, что Дюркгейм назвал бы аномией, как он может не говорить об этом?»<sup>98</sup>. Бурдые знает, о чем говорит, и подтверждает слова действиями, олицетворяя собой тип интеллектуала-менеджера, руководящего научными и издательскими центрами, интеллектуальной сетью, а также принимающего прямое участие в коллективных акциях протеста против несправедливости.

«У французских интеллектуалов конца XIX века и их коллег начала нового тысячелетия один и тот же нарратив, один и тот же моральный образ, который может быть описан тремя словами: “одиночка против несправедливости”. Этот героический сценарий вдохновлял Сартра и Бурдые, а еще раньше – Золя. Для Золя “отверженные” – это простые люди, живущие своим трудом; для Сартра – жители колоний, пролетарии и евреи; для Бурдые – бедняки, безработные и иностранные рабочие. Согласно этому большому нарративу, угнетенные нуждаются в освободителе – в интеллектуале, который, столкнувшись с грубым попранием морали, превращается в героя мифологических масштабов: он самоотверженно обличает власть имущих и избавляет угнетенных от страданий»<sup>99</sup>. Борьба интеллектуалов против навязывания правыми политической повестки дня в условиях глобализации в значительной мере построена на моральных основаниях и включает сильную протестную составляющую, не предусматривая социальной маргинализации акторов. В эту повестку вновь включается вопрос об альтернативах капитализму или альтернативном капитализме. И такие альтернативы предлагает современный интеллектуал, который может быть вполне коммерчески успешным, как, например, говорят о Славое Жижекe. Жижек как фигура

---

<sup>98</sup> Бурдые 2002. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd-pr.html>

<sup>99</sup> Каунти. 2000.

новой эпохи в интеллектуальной жизни Европы от постмодернистских изощренных метафор переходит к аргументации, «тексты становятся прозрачнее, мысль «спрямляется»<sup>100</sup>. Такой интеллектуал успешно осваивает новое медийное пространство и технологии коммуникации.

«Публичная сфера, в которой интеллектуалы плавали как рыбы в воде, стала более всеохватной, а общественный диалог – более интенсивным, чем когда-либо прежде», – замечает Хабермас. Его опасения вызывает то, что «публичная сфера стала менее формализованной, а существующие в ней социальные роли – менее дифференцированными. Перед камерами в студии, где восхитительная ведущая собирает для разговора политиков, экспертов и журналистов, нет вакантного места, которое должен был бы занять интеллектуал. Нельзя сказать, что его там не хватает, ведь другие уже давно исполняют его роль, и даже лучше, чем он сам»<sup>101</sup>. Известно, что интернет позволяет интеллектуалу сформировать свое пространство, в котором он может быть востребован. Такая востребованность связана с тем качеством, которое выделил Хабермас – «способность первым почуять нечто важное. Он должен быть способен начать волноваться по поводу определенных критических тенденций уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами»<sup>102</sup>. Подобная деятельность требует рациональности и отваги, интуиции и готовности к действию. И такая фигура интеллектуала совершенно не похожа на специализированного эксперта, приближенного к власти и служащего ей, приспособившегося к рынку, который так пугает Саида, призывающего интеллектуала лучше оставаться любителем, независимым и незашоренным<sup>103</sup>.

Всплеск дискуссий об интеллектуалах сопряжен с актуализацией их политической роли, критических функций, потому происходит в периоды кризисов, переломных моментов, когда общество нуждается в новых ориентирах. Эти ориентиры интеллектуалы вырабатывают в значительной мере в ходе анализа их собственной роли, миссии, политической и социальной ответственности. Ни в одной стране и ни в один из исторических моментов эта роль и миссия не сводились к узкопрактическим, прагматическим, утилитарным целям. Предназначение интеллектуалов видится в «разрушении старых стереотипов и ограниченных категорий, которые стесняют человеческую мысль и общение»<sup>104</sup>.

---

<sup>100</sup> Кагарлицкий. 2003.

<sup>101</sup> Хабермас. 2006.

<sup>102</sup> Там же.

<sup>103</sup> Said. 1994. P. 82.

<sup>104</sup> Ibid. P. 4.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6(51).
- Беллоу С. Писатели, интеллектуалы, политики: воспоминания о главном // Иностранная литература. 2005. № 12.
- Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, 2009. 310 с.
- Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Семигин Г.Ю. Антология мировой политической мысли. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Polit/Sem/33.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/33.php)
- Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 285 с.
- Бурдые П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd-pr.html>
- Галкина Л.А. К критике идеологии фабианства. М.: Наука, 1984. 151 с.
- Голиченко Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских исследований. URL: [belintellectuals.eu/publications](http://belintellectuals.eu/publications)
- Грамши А. Возникновение интеллигенции // Грамши А. Тюремные тетради. URL: [http://avtonom.org/old/lib/theory/gramshi\\_ttetradi.html](http://avtonom.org/old/lib/theory/gramshi_ttetradi.html)
- Гуадарама Р.Д. Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики: 1994–2002 // Неприкосновенный запас. 2003. №1 (27). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/guadarama-pr.html>
- Интеллигенция и политика. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1978. 327 с.
- Кагарлицкий Б. Славой Жижек как зеркало левого движения // Критическая масса. 2003. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2003/2/kagar1-pr.html>
- Кайзер Д. 1968-й как вежа американской истории // Неприкосновенный запас 2008. № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ka35-pr.html>
- Кауппи Н. Социолог как моралист: «Практика теории» у Пьера Бурдые и французская интеллектуальная традиция / Пер. с англ. С. Силаковой // НЛЮ. 2000. № 45. URL: <http://infoart.udm.ru/magazine/nlo/n45/kauppi.htm>
- Кахраман Х.Б. Исторический тупик турецких интеллектуалов // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/hasan-pr.html>
- Кертман Л.Е., Рахмиров П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков. М.: Высшая школа, 1984. 159 с.
- Кильдюшов О. Раймон Арон. Пристрастный зритель // Критическая Масса. 2006. №4.
- Шарль, Кристоф. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005. 328 с.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Мертес М. 1968-й как миф // Неприкосновенный запас. 2006. № 7.
- Мирский Д. Интеллигентсия. М.: Советский писатель., 1934. 138 с.
- Нарский И. Российские интеллектуалы XIX –XX веков (несколько предложений по поводу теоретической рамки обсуждаемой проблематики) // Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения / Под ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. М.: Университетская книга. 2009. Т. 16.
- Рахмиров П.Ю. Американские консерваторы и имперская идея. Пермь: ЗУИЭП, 2007. 226 с.
- Рейфилд Д. Заметки об Англии // Иностранная литература. 1994. N 6.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.



- Тодоров Ц. Человек, потерявший родину // Иностранная литература. 1998. № 6.
- Ухтомский Ник. Антиинтеллигентская традиция. URL: <http://hvac.livejournal.com/217558.html?format=light>
- Фуко М. Политическая функция интеллектуала. Извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/Fuko\\_intel\\_power/Fuko\\_10.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php)
- Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. 2006. № 3(47). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. URL: [http://fondint.narod.ru/bibl/alf/24sch/01/schum/schum\\_kapit.html](http://fondint.narod.ru/bibl/alf/24sch/01/schum/schum_kapit.html)
- Элбаум М. Система под ударом // Неприкосновенный запас. 2006. № 7.
- Anderson P. Origins of the Present Crisis // The New Left Review. 1964. N 23.
- Annan N. Intellectual Aristocracy // Studies in Social History / Ed. by J. Plumb. L.: Longmans, 1955.
- Annan N. Leslie Stephen. His Thought and Character in Relation to his Time. L.: McGibbon&Kee, 1951.
- Burns R., W. van der Will. Intellectuals as Cultural-Agenda Setters in Federative Republic? // International Journal of Cultural Policy. 2006. November. Vol. 12. N 3.
- Christofferson M.S. French Intellectual against the Left. The Antitotalitarian Moment of the 1970s. N.Y.; Oxford: Berghalm Books, 2004.
- Fyvel T.R. Intellectuals Today. Problems in a Changing Society. L.: Chatto & Windus, 1968.
- Gattono Ch. F. The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.
- Gellner E. La Trahison de la Trahison des Clercs // The Political Responsibility of Intellectuals / Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge. N.Y. Cambridge University Press, 1990. 312 p.
- Gitlin T. The Intellectuals and the Flag. N.Y.: Columbia University Press, 2006.
- Goldman L. Dons and Workers. Oxford and Adult Education since 1850. Oxford: Clarendon Press, 1995. 363 p.
- Hankiss E. The Loss of Responsibility // The Political Responsibility of Intellectuals...
- Heyck T.W. The Transformation of Intellectual Life in Victorian England. L., 1982. 271 p.
- Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement / Ed. by Alain G.Gagnon. Praeger, N.Y.; L., 1987. 255 p.
- Intelligentsia in Politics from Dreyfus Affair to Salmon Rushdies / Ed by J. Jennings and A. Kemp-Welch. L.; N.Y.: Routledge, 1997.
- Jacoby R. The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe. N.Y., 1987. 320 p.
- Johnson P. Intellectuals. From Marks and Tolstoy to Sartre and Chomsky. L.: Harper&Row, 1988. 388 p.
- Kurczewski J. Power and Wisdom: the expert as mediating figure in Contemporary Polish History // The Political Responsibility of Intellectuals...
- Lipset S.M., Dobson R.B. The Intellectual as Critic and Rebel. With special reference to the United States and the Soviet Union // Daedalus. 1972. Vol.101. N 3.
- Mirskiy D. The Intelligentsia of Great Britain. L.: Gollantz, 1935.

- Mkandavire T.* Non-organic Intellectuals and “Learning” in Policy-Making Africa. Working Paper. EGDI seminar. 24.08.2000.
- Molnar M.* The Hungarian Intellectual and the Choice of Commitment or Neutrality// The Political Responsibility of Intellectuals... .
- Russel B., Power. A.* New Social Analysis. L.: Allen&Unwin, 1957.
- Said E.W.* Representations of the Intellectual. N.Y.: Vintage books., 1994. 121 p.
- Shils E.* The Intellectuals and the Powers: Some perspectives of Comparative Analysis // On Intellectuals. N.Y.: Garden City. 1970.
- Sokka S., Kangas A.* Intellectuals, Nationalism and the Arts // International Journal of Cultural Policy. 2007. Vol.13. N 2.
- The Intelligentsia and the Intellectuals. Theory, Method and Case-Study / Ed.by A.Gella. L.: Sage, 1976.
- The Political Responsibility of Intellectuals / Ed. By Ian Maclean, Alan Montefiore, Peter Winch. Cambridge University Press, Cambridge. N.Y., 1990. 312 p.
- The Rise of Neoconservatism: Intellectuals and Foreign Affairs, 1945-1994 / By John Ehrman. Yale University Press, 1996. 256 p.
- Tuchman T.* The Proud Tower. A Portrait of the World before the War. 1890-1914. N.Y.:Ballantine Books, 1996. 558 p.
- Viereck P.* Shame and Glory of the Intellectuals. Babbit Jr. vs. Rediscovery of Values. N.Y.: Capricorn Books, 1965. 330 p.
- Vihavainen T.* The Inner Adversary. The Struggle against Philistinism as the Moral Mission of the Russian Intelligentsia. N.Y.: New Academia Publishing, LLC. 2006. 355 p.
- Webb B.* My Apprenticeship. L.: Longmans, 1926. 442 p.
- Woolf L.* The Journey not the Arrival Matters: an Autobiography of the Years 1939 to 1969. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich , 1969. 312 p.

**Фадеева Любовь Александровна**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. [Lafadeeva2007@yandex.ru](mailto:Lafadeeva2007@yandex.ru)

В. А. ФИЛИМОНОВ

## АНТИКОВЕДЫ – АВТОРЫ «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ БРОКГАУЗА И ЕФРОНА» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Н.И. КАРЕЕВА

---

Редактирование Н.И. Кареевым (1850–1931) исторического отдела «Словаря Брокгауза и Ефрона» породило своеобразное научное сообщество лидерского типа, которое внесло существенный вклад в дело популяризации исторического знания. Предметом анализа являются опубликованные в «Словаре» статьи по истории греко-римского мира, процесс формирования сообщества авторов «Словаря», прослежена их судьба.

**Ключевые слова:** Н.И. Кареев, Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона, коммуникативное пространство, российское антиковедение.

---

Ни одно из исследований жизни и наследия выдающегося русского историка и социолога Н.И. Кареева (1850–1931) не обошлось без констатации факта его работы по редактированию исторического отдела самой авторитетной дореволюционной энциклопедии – «Словаря Брокгауза и Ефрона»<sup>1</sup>. Первоначально словарь содержал в основном переводы на русский язык статей немецкой энциклопедии Брокгауза с небольшой адаптацией для русского читателя. Первые 8 полутомов (до буквы «В») вышли под общей редакцией проф. И. Е. Андреевского. Эти тома вызвали массу претензий к качеству перевода, общее руководство изданием также оставляло желать лучшего<sup>2</sup>.

Новый период в истории энциклопедии начался с приглашения в состав редакции многих выдающихся учёных того времени, в том числе Кареева<sup>3</sup>. С этого момента энциклопедия начинает пополняться оригинальными статьями, и основное внимание уделяется вопросам, относя-

---

<sup>1</sup>ЭСБЕ. Пт. 1-82+4 доп., 1890-1907.

<sup>2</sup>Л.Е. Румянцева отметила, что «изменение характера “Энциклопедического словаря” произошло с переходом редакции к К.К. Арсеньеву и Ф.Ф. Петрушевскому, т.е. с 9-го полутома издания, после выпуска 8-ми полутомов, содержание которых было подвергнуто резкой критике в русской периодической печати. Однако скандал был связан не только с научными промахами издания, но и с анекдотической “статейкой” в 5-м полутоме. Там появились две короткие строки: “Беспамятная собака – собака жадная до азартности”» (Румянцева [Электронный ресурс]).

<sup>3</sup>«В таком сложном деле, как издание Энциклопедического Словаря, – появились новые редакторы, – система специализации труда представляет, бесспорно, весьма значительные удобства. Одновременно с разделением главной редакции между двумя лицами, признано было полезным пригласить, для ближайшего заведывания наиболее важными или обширными отделами, особых редакторов, имена которых уже известны нашим читателям» (От редакции. 1891. С. I).

щимся к истории, культуре и географии России. Активная работа редакции по привлечению крупнейших отечественных ученых привела к тому, что самостоятельные статьи получили преобладание над переводными, компилятивными, что не могло не сказаться на самом характере издания: из тривиальной энциклопедии оно превратилось в собрание новейших достижений и открытий во всех областях науки и техники.

Фамилия Кареева как редактора исторического отдела появляется на титуле 9-го тт. «Буны–Вальтер» (1891 г.)<sup>4</sup>, однако, похоже, что первоначально ему пришлось использовать материал, подготовленный старой редакцией: многие крупные статьи исторического содержания остались неподписанными, т.е. представляли собой переводы с немецкого оригинала Brockhaus Conversations-Lexikon. Нами был проведен мониторинг всех томов «Словаря» на предмет авторства статей по античной истории<sup>5</sup>. Результатом обследования стал список из 29 авторов. Работа в той ли иной степени облегчалась тем, что каждый полутом «Словаря», начиная с 14-го (кроме 16, 18, 26 и 45-го), предваряется списком «наиболее значительных по объему оригинальных статей»; кроме того, все четные полутома, начиная с 10-го (за исключением 26-го), содержат «Список гг. сотрудников “Энциклопедического Словаря” и их инициалов». Таким образом, стало возможным определить динамику присутствия того или иного автора, а также потенциальные каналы коммуникации. Уже первый «Список гг. сотрудников...» (в 10-м тт.) содержит фамилии авторов, которых смело можно назвать членами команды Кареева. Пятеро из них вошли в составленный нами перечень.

**Федор Герасимович Мищенко** (1848–1906) к началу своего сотрудничества с редакцией «Словаря...» был уже вполне состоявшимся ученым-антиковедом, доктором греческой словесности, профессором Казанского университета, успевшего до этого поработать в Киеве, а также пережить отлучение от преподавательской деятельности (1884–

---

<sup>4</sup> Кареев вспоминал: «Мне предлагалось даже разделить с профессором физики Ф.Ф. Петрушевским все главное редактирование, но от такой сложной, громоздкой и ответственной работы я отказался. Это место занял К.К. Арсеньев, с которым я уже был знаком по Литературному фонду, а теперь особенно сблизился» (*Кареев*. 1990. С. 191).

<sup>5</sup> Здесь следует сказать, что не все статьи антиковедческой проблематики стали предметом нашего внимания, а только те из них, которые редактировались (или могли редактироваться) Кареевым, т.е. исторического содержания. Именно поэтому в составленный реестр не вошли статьи по античной литературе (отдел истории литературы редактировал С.А. Венгеров), философии (редактор – В.С. Соловьев, затем Э.Л. Радлов), искусству (редактор – А.И. Сомов), юриспруденции (специального редактора не было, но все статьи были написаны В.М. Нечаевым).

1889) за либеральные и украинофильские взгляды<sup>6</sup>. Обстоятельства и характер личных взаимоотношений Мищенко и Кареева (если таковые вообще имели место) выявить пока не удалось, однако точно известно, что редактору «Словаря» были знакомы труды Мищенко и его переводы Геродота, Фукидида («Сочинение его (Фукидида – В. Ф.) существует в русском переводе Мищенко и может быть названо образцовым»<sup>7</sup>), Полибия и Страбона. Мищенко был членом руководимого Кареевым Исторического общества при Петербургском университете (принят 12 сентября 1890 г. на X собрании членов общества), однако в качестве докладчика в протоколах заседаний общества он ни разу не фигурирует<sup>8</sup>. Фамилию Мищенко мы находим во всех «Списках гг. сотрудников...» Словаря Брокгауза и Ефрона: первая же статья («Геродот») была опубликована в 16 полутоме. В разряд «наиболее значительных по объему оригинальных статей» (а всего мы насчитали 63 статьи по истории Греции и греческой литературе, подписанных Мищенко) попали «Диакстери» (в 20 полутоме), «Писистрат» (в 46), «Рок, или судьба», «Скифы» и «Скифия» (в 59), «Театр у греков и римлян» (в 64), «Троя» (в 66).

Вряд ли нуждается в особом представлении ученик В.И. Герье **Михаил Сергеевич Корелин** (1855–1899), доктор всеобщей истории, профессор Московского университета<sup>9</sup>. Вспоминая о взаимоотношениях с ним, Кареев писал: «с Корелиным у меня завязалась тесная дружба, не прекращавшаяся до самой его преждевременной смерти»<sup>10</sup>. Кроме того, дополнительный свет на параметры коммуникации способна пролить сохранившаяся переписка историков<sup>11</sup> и воспоминания Н.П. Корелиной<sup>12</sup>. В «Словаре» Корелин выступил как автор, по меньшей мере, 45-ти статей (в «Списке сотрудников...» – с 10 по 52 полутом), в основном, по истории Ренессанса (первая публикация «Валла, Лоренцо» в 9-м полутоме). В 18-м полутоме была опубликована биография римского императора Грациана, а всего мы насчитали 10 статей Корелина по античной истории (все – о римских императорах). Особый интерес, на наш

<sup>6</sup> Подробнее о нем см.: *Шофман*. 1974; *Фролов*. 1999. С. 209–211.

<sup>7</sup> *Кареев* [1891]. С. 500. См. также: *Кареев*. 1903а. С. 177, 245–247, 249, 328; *Кареев*. 1904. С. 50, 51, 63, 121, 175, 199.

<sup>8</sup> Судя по протоколам, вся деятельность Мищенко в этом научном сообществе свелась к выплате членских взносов и обязательства доставлять в библиотеку Исторического общества «Ученых записок Казанского университета». См.: *Ист. обозр.* 1890. С. 47, 55; там же. 1891. С. 13.

<sup>9</sup> См.: *Сафронов*. 1984; *Мяжков*. 2000. С. 140–141.

<sup>10</sup> *Кареев*. 1990. С. 136. См. также: *Кареев*. 1900. С. 100–112.

<sup>11</sup> См.: ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2–3.

<sup>12</sup> См.: *Корелина*. 2008. С. 427–433.

взгляд, представляет биография Домициана, в которой Корелин отходит от традиции изображения своего героя исключительно в негативных тонах и отмечает, что тот «заботился также о постройках, реставрировал уничтоженные пожаром здания и воздвигал новые храмы. К науке и литературе, если она не заключала в себе оппозиционного духа, <...> относился благосклонно; <...> сам сочинял стихи, покровительствовал Стацию и Марциалу, устраивал на Капитолии состязания между писателями, на манер Олимпийских игр, восстановил сгоревшую библиотеку и пополнял ее копиями с находившихся в Александрии рукописей»<sup>13</sup>.

Имя *Сергея Лаврентьевича Степанова* (1863–1914) менее известно. Окончив в 1886 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, он был оставлен для приготовления к профессорскому званию, в 1890 г. выдержал магистерский экзамен и готовил диссертацию по истории IV в. н.э. (под рук. В.Г. Васильевского), но до защиты дело не дошло. В 1891–98 гг. Степанов преподавал оба курса древней истории на Высших Женских курсах, став преемником Кареева (перешедшего на чтение лекций по средневековой и новой истории) по истории Греции<sup>14</sup>. В дальнейшем Степанов исполнял должность директора Белостокского коммерческого училища (1903–1905)<sup>15</sup> и 5-й Петербургской мужской гимназии (1906–1914)<sup>16</sup>. Кареев хорошо знал его как деятельного члена Исторического общества (был членом-учредителем, членом ревизионной комиссии, исполнял должность секретаря), особенно в начальный период его существования<sup>17</sup>. В «Списке гг. сотрудников...» фамилия Степанов фигурирует в 1892–99 гг. (с 10 по 54 полутом, но последняя статья «Иоанн VI Палеолог» напечатана в 26 полутоме, т.е. в 1894 г.). Всего им были написаны 32 статьи для «Словаря...», из которых 13 – по греческой и римской истории, имеющих (за исключением большой статьи «Галлы» в 14 полутоме) характер небольших заметок.

<sup>13</sup> *Корелин*. 1893. С. 960. На эту особенность восприятия античности Корелиным обратил внимание Кареев: «Культурному элементу К[орелин] отводит много места и в своем университетском преподавании» (*Кареев*. 1895. С. 226.)

<sup>14</sup> См.: С.-Петербургские ВЖК. 1903. С. 16–22.

<sup>15</sup> Памятная книжка... 1904. С. 142, 205, 206; то же. 1906. С. 89, 99, 106.

<sup>16</sup> Отчет... Петроградского университета. 1916. С. 266, 273.

<sup>17</sup> В заседании от 24 янв. 1890 г. Степанов сделал сообщение на тему «Афинская высшая школа в IV в. по Р. Х.», которое вызвало оживленное обсуждение (См.: *Ист. обозр.* 1890. С. 23–29). 22 янв. 1892 г. и 27 янв. 1893 г. он докладывал о вновь вышедших томах книги: Н.Д. Фюстель де Куланжа «Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire», 25 окт. 1892 г. о Ренане, как историке, а 5 мая 1894 г. об учебнике древней истории П.Г. Виноградова (См. *Ист. обозр.* 1915. С. 201–212).

Еще меньше биографических сведений удалось собрать о *Дмитрии Дмитриевиче Каринском* (1867–?), который активно сотрудничал с редакцией «Словаря» на протяжении всего времени его существования (в «Списке гг. сотрудников...» – с 10 по 80 полутом, за исключением 18–28), опубликовал 73 статьи, из которых 32 по античной истории, в том числе отнесенные редакцией к числу «наиболее значительных»: «Колонат» (в 30 полутоме), «Самнитские войны» (в 56), «Солон» (в 60), «Союзническая война», «Спарта» (обе в 61), «Трибунат, народные трибуны» (в 66). Особо ценной представляется статья о Солоне, в которой автор, опираясь на исследования В.П. Бузескула, Э.Р. Штерна, М.М. Хвостова, в частности, отмечает, что в Афинах VI в до н.э. «кроме богатой знати и приниженной массы бедняков, существовал уже довольно многочисленный средний класс, созданный новыми экономическими факторами: торговлей и промышленностью. Этот класс, вместе с бедняками, был заинтересован в реформах — и на него должен был опираться С[олон], равно как и на наиболее благомыслящую часть эвпатридов»<sup>18</sup>. Не совсем ясно, как Каринский оказался в команде авторов «Словаря», личная коммуникация его с Кареевым не заметна. По имеющимся данным, Каринский – москвич, его фамилия фигурирует в списках членов «Московской Комиссии по организации домашнего чтения»<sup>19</sup>, «Педагогического общества при Московском университете»<sup>20</sup> и участников съезда деятелей по сельскохозяйственному образованию<sup>21</sup>. Наиболее убедительна версия о рекомендации от кого-то из знакомых Карееву московских профессоров, предположительно – П.Г. Виноградова, который был председателем «Комиссии...» и «Педагогического общества...», а также привлекал Каринского к работе в собственном проекте<sup>22</sup>. В дальнейшем, Каринский работал преподавателем истории в гимназических классах Московского Лазаревского института восточных языков<sup>23</sup> и (по крайней мере, до 1917 г.) директором Козельской мужской гимназии<sup>24</sup>. После революции его следы теряются, время и место смерти определить не удалось<sup>25</sup>.

---

<sup>18</sup> Каринский. 1900. С. 816-817.

<sup>19</sup> Программы домашнего чтения... 1895. С. 189; то же. 1905. С. XII.

<sup>20</sup> Отчет ... Педагогического общества. 1899. С. 14. Здесь дана расшифровка: «преподаватель истории Земледельческой школы».

<sup>21</sup> Русская школа. 1902. С. 287.

<sup>22</sup> Каринский. 1897. С. 247-274.

<sup>23</sup> Гельбке. 1904. С. 45.

<sup>24</sup> См.: Памятная книжка ... Калужской губ. 1914. С. 88; то же. 1915. С. 92; то же. 1916. С. 122, 125, 126; то же. 1917. С. 122, 126, 128, 129.

<sup>25</sup> Единственным свидетельством о его бытовании в советское время является брошюра: Каринский. 1927.

В полутомах 28–31 под псевдонимом **А.К.В.** была опубликована серия из 22-х небольших статей по антиковедческой проблематике (все на букву «К»). В «Словаре...» дана расшифровка псевдонима – А.К. Васильев<sup>26</sup>. Однако в предваряющем 82 полутом «Списке лиц, участвовавших в составлении «Энциклопедического словаря (с 1 по 82 полутом)» фамилия с такими инициалами (без указания на псевдоним) содержит приписку – «горн[ый] инж[енер]». Понятно, что произошла путаница, перекочевавшая затем в «Словарь псевдонимов», при этом точно определить, кто был автором статей, пока не представляется возможным.

О личном знакомстве с **Василием Ивановичем Модестовым** (1839–1907), маститым антиковедом<sup>27</sup>, говорит реплика Кареева в письме Корелину от 25 июня 1887 г.: «Через Модестова (известного классика, занимающегося в “Новостях”) я познакомился кое с кем из журнального мира»<sup>28</sup>. Модестов – автор трех больших рецензий на работы Кареева<sup>29</sup>, в свою очередь и Карееву принадлежат два отклика на труды Модестова<sup>30</sup>. В списке членов-учредителей Исторического Общества при Петербургском университете Модестов значится как профессор Новороссийского университета<sup>31</sup>, куда в конце 1889 г. он был назначен на кафедру римской словесности. В Обществе Модестов трижды выступал с рефератами: 21 октября 1892 г. («Н.М. Благовещенский») <sup>32</sup>, 23 марта 1894 г. («Вопрос об источниках исторических сочинений Тацита») и 30 октября 1896 г («О поэзии в римской истории») <sup>33</sup>. В «Списке гг. сотрудников...» Модестов фигурирует с 12 по 80 пт., а публикации (всего – 27, по римской истории и литературе) вместились в промежуток с 17-го по 69-й пт. Из статей по истории редакция включила в число «наиболее значительных» только «Децемвиры», «Диоклетиан» (обе в 20 пт) и «Моммзен» (в 38), однако публикации, лежащие на границе истории и литературы (мы не можем точно сказать, кто их редактировал, Кареев или Венгеров?) также значительны: «Гораций» (в 17 пт, первая его публикация в ЭСБЕ), «Лукреций (в 35-м), «Овидий» (в 42-м), «Плиний Старший», «Плиний Младший» (обе в 46-м), «Проперций» (в 49-м).

<sup>26</sup> Псевдоним **А.К.В.** впервые приведен в 28 пт. и фигурировал там по 50 пт. включительно. До этого (начиная с 10 пт.) фамилия сотрудника приводилась без псевдонима. Эту же расшифровку со ссылкой на ЭСБЕ см.: Масапов. 1956. С. 45.

<sup>27</sup> Подробнее о нем см.: Аксененко. 2011. С. 153–159.

<sup>28</sup> ЦИАМ. Ф. 2202. П. 2. Ед. хр. 15. Л. 9 об.

<sup>29</sup> См.: Модестов. 1886, 1887а, 1887б.

<sup>30</sup> Кареев. 1887, 1889.

<sup>31</sup> См.: Ист. обозр. 1890. С. 58.

<sup>32</sup> Модестов. 1892. С. 1–16.

<sup>33</sup> См.: Ист. обозр. 1915. С. 202.



С 14 лет в число сотрудников «Словаря» вошел **Фаддей Францевич Зелинский** (1859–1944)<sup>34</sup>. К этому времени (1892) он уже два года исполнял должность ординарного профессора историко-филологического факультета Петербургского университета. Его знакомство с Кареевым, очевидно, началось со времени переезда последнего в Петербург, но характер коммуникации установить непросто. В мемуарах Кареева Зелинский не упоминается ни разу. Причина понятна – воспоминания планировались к публикации, поэтому из них элиминировалось все, что могло напомнить о связях с «буржуазной» профессурой, покинувшей Советскую Россию. Именно таким эмигрантом был Зелинский, уехавший в 1922 г. на историческую родину в Польшу. Из коммуникативных событий отметим, что Зелинский был деятельным членом Исторического общества<sup>35</sup>. В 1909 г., выступая на торжествах по случаю 50-летнего юбилея и 25-летия с начала преподавательской и литературной деятельности Зелинского, Кареев охарактеризовал его как «редкого ученого, соединяющего с глубокой ученостью в области классической филологии способность возбуждать в каждом живой интерес к классическому миру», благодаря умению подчеркнуть «преемственную связь современного духовного мира с идеями классической древности»<sup>36</sup>. А 9 ноября 1913 г. на банкете по поводу 40-летия научной деятельности Кареева именно Зелинский прочел приветственный адрес от сотрудников «Словаря»<sup>37</sup>. О подробностях этого выступления вспоминала Т.С. Варшер: «Удивительно остроумную речь произнес проф. Ф.Ф. Зелинский, говоривший о том, как Калигула произвел лошадь в сенаторы»<sup>38</sup>. В голодную зиму 1920 г. Зелинский был организатором празднования 70-летия Кареева, где произнес здравицу в его честь: «Вы, Николай Иванович, все тот – и никакие обстоятельства не заставят вас не быть тем, что вы есть»<sup>39</sup>. В «Списке гг. сотрудников...» Зелинский значится с 14 по 80 лет (кроме 60–68), однако всего его фамилией или расшифровывающимся псевдонимом подписаны

---

<sup>34</sup> Подробнее о нем см.: Лукьянченко. 2000; Новиков, Перфилова. 2011. С. 7–17.

<sup>35</sup> Зелинский был предложен в члены Общества 15 декабря 1893 г. (Ист. обзор. 1894. С. 9). В Протоколах Общества зафиксированы названия и даты его выступлений: 1 дек. 1893 г. «По поводу пятидесятилетнего юбилея Моммзена», 25 янв. 1895 г. «Роль Цицерона в истории европейской культуры», 26 нояб. 1897 г. «Влияние развития нравственных понятий на религиозные представления древних греков», 10 марта 1904 г. «О Моммзене», 8 дек. 1904 г. «Соперник христианства – Гермес трижды великий», 1 нояб. 1906 г. «Цицерон и английский деизм». (Ист. обзор. 1915. С. 201–212).

<sup>36</sup> Чествование... Зелинского. 1909. С. 1252.

<sup>37</sup> См.: Чествование... Кареева. 1913. С. 1199–1200.

<sup>38</sup> Варшер. 1931. С. 2.

<sup>39</sup> Там же.

10 статей, из которых собственно к историческим можно отнести три. Если публикация заметки «Всадник» в 13 тт. объясняется цейтнотом первых томов, когда команда еще не была сформирована и Кареев поручал написание статей знакомым из близкого круга, то статья о Цицероне («Как по внутренним причинам (разносторонности его способностей и деятельности), так и по внешним (обилию источников), это – самая богатая из всех завещанных нам древним миром личностей»<sup>40</sup>) объемом более 2 печатных листов имеет характер самостоятельного исследования.

Что касается *Александра Николаевича Щукарева* (1861–1900), магистра всеобщей истории, приват-доцента Петербургского университета и Бестужевских курсов<sup>41</sup>, фамилия которого присутствует в «Списке гг. сотрудников» с 16 по 58 тт., автора 109 статей по греческой и римской истории, то здесь мотивы, побудившие Кареева включить его в команду авторов «Словаря», требуют отдельного пояснения. Дело в том, что имеется несколько свидетельств о натянутых, мягко говоря, отношениях коммуникантов. Так в письмах Кареева к В.И. Герье от 13 и 20 февраля 1890 г. Щукарев упоминается *nomina sunt odiosa*: «<...> мне, напр., наши классики доказывали, что магистру древней истории (занимающемуся притом хронологией афинских архонтов III в до Р. Х.) можно обойтись без всякого знания средней и новой истории» <...>» и далее: «<...>У нас тоже готовится золото (то, от которого происходит название золотарей) по части древней истории и я уже достаточно взвинчен, чтобы оставлять без внимания дурные запахи»<sup>42</sup>. В марте 1891 г. во время конфликта Кареева с А.С. Трачевским<sup>43</sup> именно Щукареву приписывалась неблагоприятная роль распространителя клеветы. С.Ф. Платонов в письме к М.А. Дьяконову от 20 марта 1891 г. утверждал, что «авторами клеветы оказались Сенигов и Щукарев»<sup>44</sup>. Ситуа-

<sup>40</sup> Зелинский. 1903.

<sup>41</sup> О нем см.: Жебелев. 1901; Смирнов. 1900; Ростовцев. 1901.

<sup>42</sup> НИОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 6. Лл. 13 об., 16–16 об. Речь идет о магистерской диссертации: *Щукарев*. 1889. О магистерском диспуте Щукарева см.: Ист. обозр. 1890. С. 309–310.

<sup>43</sup> Подробнее см.: *Зезегова*. 2011. С. 65–68.

<sup>44</sup> Академик С.Ф. Платонов... 2003. С. 33. Показательна реплика, оброненная Платоновым в письме к П.Н. Милокову от 1 марта 1891 г., при обсуждении перспектив последнего на получение профессорства в Петербурге: «Здесь же в университете мудрено будет Вам устроить экстраординатуру раньше Форстена и даже идиота Щукарева» (Письма русских историков... 2003. С. 251. Ср.: «Третьего дня, – писал А.С. Лаппо-Данилевский П.Н. Милокову 5 декабря 1890 г., – был у нас диспут Щукарева, который вычислил и указал какие архонты следовали друг за другом в течение одного из тридцатилетий III в. до Р. Х. в Афинах. Это конечно вопрос очень важный и жизненный; жаль только, что автор, побывавший в Греции, забыл там, быть

ция разъясняется в мемуарах Кареева: когда выяснилось, что приват-доценты Сенигов и Щукарев только слышали и передавали клеветнические догадки Трачевского, то один из них (теперь нет сомнения, что это был Щукарев), оказавшийся в профессорской во время разбирательства, услышав свое имя, стоял, по словам Кареева, «ни жив, ни мертв», а далее – ремарка, в той или иной мере поясняющая коммуникативную ситуацию: «после он каялся, и я его простил»<sup>45</sup>. «Прощенный» Щукарев сторицей отплатил продуктивной работой в «Словаре...» – несколько статей, вошли в редакционный топ-лист: «Зевс» (в 23 пт.), «Игры» (в 24), «Лаокоон» (в 33), «Микенские древности» (в 37), «Надписи греческие» (в 39), «Раскопки» (в 51). Последняя статья Щукарева в «Словаре» – «Самофракия» была опубликована в год его смерти в 56 пт.

Начиная с 18 пт., в «Список гг. сотрудников...» неизменно включается фамилия **Владимира Иванович Герье** (1837–1919). Вспоминая об этом Кареев писал: «Та оценка его научной мысли и литературной манеры, которая у меня прочно сложилась, – и заставляла меня обращаться к Герье, когда я, в качестве редактора исторического отдела в “Энциклопедическом Словаре” Брокгауза-Ефрона, находил, что ту или иную статью мог бы написать именно он, и ни разу я, кажется, в этом отношении не ошибся»<sup>46</sup>. Т.Н. Иванова указывает на 14 статей, опубликованных в «Словаре» и подписанных Герье<sup>47</sup>, из которых только одна («История Римской империи») касается античной проблематики. В обширном 33-страничном эссе, написанном в оригинальной авторской манере и являвшимся «как бы резюме университетского курса», Кареев особо отмечал «хороший историографический очерк»<sup>48</sup>. О подготовке этой публикации Кареев писал к Герье 20 ноября 1898 г. «Простите, что только теперь посылаю Вам (на отдельном листочке) справку относи-

---

может на развалинах какого-нибудь древнегреческого алтаря, значительную часть своих незначительных мыслительных способностей...» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858, л. 13-14 об.). Такое отношение мы связываем с извечным противостоянием «русских» и «всеобщих» историков. Так, М.И. Ростовцев писал: «А.Н. Щукарев был типом добросовестного работника, всей душой отдававшегося своему делу, типом живого, отзывчивого на научные интересы своих слушателей профессора; русская действительность с ее непосильными требованиями от всех тех, кто работает, с ее далеко не материнским отношением к этим работникам, заставила А.Н. Щукарева нести на себе бремя непосильного труда, так рано сведшего его в могилу» (*Ростовцев*. 1901. С. 21).

<sup>45</sup> Кареев. 1990. С. 198.

<sup>46</sup> Кареев. 1922. С. 163. Ср.: «я пригласил его быть сотрудником в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, в котором редактировал исторический отдел» (*Кареев*. 1990. С. 133).

<sup>47</sup> Иванова. 2010. С. 334–337.

<sup>48</sup> Кареев. 1922. С. 164.

тельно предполагаемой статьи о римской истории для словаря. Я думаю, что статья могла бы быть листа в два, причем очень хорошо было бы дать и очерк научной разработки римской истории»<sup>49</sup>. В указанной справке Кареев указывает на материалы по греко-римской истории, ранее уже опубликованные в словаре: «Ист[ория] Греции занимает целый лист. Статья проф[ессора] Мищенко. Доводится до 145 г. до Р. Х. подробно, а потом коротко период до конца ант[ичного] мира. История Византии (проф[ессора] Успенского) занимает только десять страниц. История Италии в древности (маг[истра] Ростовцева) занимает четыре страницы. Латины – одна страница. Имеется очень короткий (в статье «Историография» всего около страницы) очерк римской историч[еской] литературы, но совсем нет (крайне желательно) очерка научной разработки римской истории»<sup>50</sup>. Работа заняла у Герье более года и в письме от 28 декабря 1899 г. Кареев еще раз возвращается к этой теме: «Наконец, я имел в виду напомнить Вам о Риме для Энцикл[опедического] Словаря. Теперь меня извещают, что статья понадобится сравнительно скоро»<sup>51</sup>. Анализ соответствующего раздела типологического курса Кареева, посвященного монархиям древнего мира<sup>52</sup> показал, что в схему изложения материала положена как раз вышеупомянутая статья.

Фамилия *Александра Михайловича Ловягина* (1870–1925) постоянно присутствует в «Списке гг. сотрудников», начиная с 24-го пт. Выпускник Петербургского историко-филологического института, он к моменту начала сотрудничества с энциклопедией еще не успел получить широкой известности. Впоследствии он будет знаменит как историк, переводчик<sup>53</sup>, географ, теоретик книговедения, инициатор и президент Русского Библиологического общества, а в год публикации первой статьи (1894) в «Словаре...» («Жребий» в 23 пт.) – это скромный преподаватель географии и воспитания в петербургской гимназии Видемана и сверхштатный преподаватель гимназии при Историко-филологическом институте<sup>54</sup>. На заметку редактора «Словаря...» Ловягин (он не был членом Исторического общества) мог попасть по рекомендации Ф.Ф. Зелинского, который с 1887 г. преподавал в ПИФИ древние языки. Ловягину принадлежат 93 статьи, 44 из них написаны по античной тематике. Редакция выделила как наиболее значительные статью «Плутарх» (в 46

<sup>49</sup> НИОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 8. Л. 1.

<sup>50</sup> Там же. Л. 3.

<sup>51</sup> Там же. Л. 10.

<sup>52</sup> Кареев. 1904. Гл. XIII–XXII.

<sup>53</sup> Отметить его перевод «Афинской политики»: *Аристотель*. 1895.

<sup>54</sup> Подробнее см.: *Матвеева*. 1995.

пт.), а также созданные в соавторстве статьи «Календарь» (в 27 пт.) и «Меры» (в 39), в которых Ловягин был автором античного подраздела.

**Михаил Иванович Ростовцев** (1870–1952), один из величайших мировых авторитетов в области истории античности, вряд ли нуждается в представлении. Однако на момент начала сотрудничества с редакцией «Словаря» (в «Списке гг. сотрудников...» с 24 по 80 пт., за исключением 46–50) он, оставленный в Петербургском университете (выпуск 1892 года) для приготовления к профессорскому званию, работал преподавателем в царскосельской Николаевской гимназии и готовил текст магистерской диссертации. Анализ взаимоотношений Кареева и Ростовцева затруднен из-за недостаточности источниковой базы. Так в «Прожитом и пережитом» о Ростовцеве написано всего один раз по незначительному поводу<sup>55</sup>. Причины те же, что и в случае с Зелинским, – мемуарист опасается лишний раз упомянуть профессора-эмигранта, сознательно занявшего враждебную позицию к большевистскому режиму. На характер взаимоотношений историков проливает свет свидетельство Т.С. Варшер, близкой к семье Кареева ученицы Ростовцева: «Ростовцева он (Кареев — В. Ф.) оценил сразу, постоянно расспрашивая его о лекциях и семинарии. “Знаете ли, – сказал он мне, – за разбор книги Гримма я дал бы Ростовцеву степень доктора. Этот разбор стоит докторской диссертации”. (Ростовцеву тогда был всего лишь 31 год – и он готовил докторскую диссертацию)»<sup>56</sup>. На своего талантливого ученика как потенциального автора «Словаря» Карееву мог указать Зелинский – именно статьей о своем учителе Ростовцев дебютировал в 24 пт., а дополнение к ней во 2-м дополнительном полутоме станет его последней, 19-й публикацией в «Словаре». Отметившись статьей «Италия в древнее время» (в 26 пт.; о ней Кареев писал к Герье<sup>57</sup>), он взял долгую паузу в работе, связанную с заграничными командировками. Возвратившись в 1898 г. в Россию Ростовцев начал преподавать в качестве приват-доцента в Петербургском университете и одновременно на Бестужевских курсах. После успешной защиты магистерской диссертации в 1899 г. он возобновляет сотрудничество со «Словарем» теперь уже на постоянной основе. В 58 пт. увидит свет его обстоятельный очерк истории римского сената, а начиная с 71 пт., статьи Ростовцева будут регулярно фигурировать в числе «наиболее

---

<sup>55</sup> Описывая свои парижские встречи, он писал: «Всегда кого-нибудь да и встретишь из своих коллег (Гревса, Гамбарова, Ковалевского, Лучицкого, Муромцева, Ростовцева, Тарле), а также учеников (Погодина, Бутенко). Так привлекал к себе всех нас Париж» (*Кареев*. 1990. С. 220).

<sup>56</sup> *Вариер*. 1931.

<sup>57</sup> См. выше.

значительных по объему оригинальных статей): «Фиск», «Форум» (оба в 71-м), «Фрументарные законы» (в 72-м). Обретя в 1903 г. докторскую степень, он продолжает печататься в «Словаре». В этот период были опубликованы «Херсонес Таврический» (в 73-м), «Царь в Греции и Риме», «Цензоры в Риме» (обе в 74-м), «Эдилы» (в 79-м), «Эллинизм» (в 80-м) «Юлий Цезарь» (в 81-м). Эти статьи, хотя и носят популярный характер, но, по меткому замечанию Э.Д. Фролова, «и они полезны, особенно для начинающего историка»<sup>58</sup>.

В короткий промежуток времени (с 28 по 34 пт.) уложилось сотрудничество со «Словарем» **Роберта (Романа) Христиановича Лёпера** (1864–1918)<sup>59</sup>. Из 17 коротких заметок стоит выделить статью «Ликург» (в 34 пт.)<sup>60</sup>. Выпускник историко-филологического факультета 1887 г., ученик Ф.Ф. Соколова, П.Н. Никитина и В.К. Ернштедта, ко времени первой публикации в «Словаре» он успел совершить путешествие в Грецию (1890–1894). По возвращении в Россию Лёпер преподавал в 10-й Петербургской гимназии (1894–1897) и в частной гимназии Видемана (1897–1901)<sup>61</sup>, а также работал над магистерской диссертацией об афинских демах, которую так и не смог довести до защиты. В 1901 г. он был приглашен на должность ученого секретаря Русского Археологического института в Константинополе, а в 1908–1914 гг. заведовал музеем древностей Херсонеса Таврического<sup>62</sup>.

С 28-го пт. в «Списке гг. сотрудников...» неизменно присутствует фамилия **Григория Филимоновича Цертели** (1870–1938)<sup>63</sup>, выпускни-

---

<sup>58</sup> Фролов. 1999. С. 363.

<sup>59</sup> О нем см.: Басаргина. 1996.

<sup>60</sup> Переключку с этой статьей мы нашли у Кареева: «Современные историки стоят на той точке зрения, что вся история Ликургова законодательства – позднейшая легенда и что Ликург есть имя не действительно когда-то жившего в Спарте лица, а местного божества («Ликург» значит святоносный), мало-помалу превращавшегося, как это бывало и с другими богами, в мифического царя. Любопытно и самое это превращение бога, именем которого освящены были внутренние порядки Спарты, в человека, давшего ей законы, ибо такое превращение могло совершиться только после того, как и в самой жизни законодательством стали заниматься люди» (Кареев. 1903а. С. 80). «Вероятнее, однако, что Л[икург]. – забытое, очень древнее божество, которое первоначально почиталось как охранитель права и законности в государственной и общественной жизни. Когда в других греческих государствах появились знаменитые законодатели, то и в Спарте бог-охранитель законов окончательно был низведен в человека-законодателя» (Лёпер. 1896. С. 682).

<sup>61</sup> Басаргина. 1996. С. 96.

<sup>62</sup> См.: Вдовиченко [Электронный ресурс].

<sup>63</sup> В «Списке гг. сотрудников...», этот автор указан с инициалами Г.Е. Однако это, на наш взгляд, досадная опечатка. Судя по тексту публикаций, их автором был

ка историко-филологического факультета Петербургского университета (1893), ученика В.К. Ернштедта, оставленного для приготовления к профессорскому званию, ставшего впоследствии видным эллинистом и папирологом, членом-корреспондентом РАН. Обещавшее стать плодотворным сотрудничество этого автора (статьи «Катулл, Квинт Лутаций [консул]» и «Кедрен» в 28-м и «Палеография [греческая]» в 44-м полутомах), было прервано сначала долгосрочной заграничной командировкой, а затем переездом ученого в Дерптский университет.

Ученик Кареева **Петр Алексеевич Конский** (1870–?) вошел в список сотрудников «Словаря» с 32 пт. (статья о реформаторе английской церкви Томасе Кранмере), всего им опубликованы 128 статей (в основном по истории европейского средневековья), из них пять по греко-римской тематике, в том числе две больших статьи в 45-м пт. – «Пелопоннесская война» и «Персидско-греческие войны», в которых, помимо обстоятельных очерков, ценны отсылки к трудам отечественных авторов И.К. Бабста, В.М. Ведрова, В.А. Милютина, Н.Н. Розова, Ф.Г. Мищенко, Р.Х. Лёпера, Ф.Ф. Соколова, М.С. Куторги, А.П. Рославского-Петровского. О Конском сохранилось мало информации, в мемуарах Кареева он упоминается дважды: «В новом поколении студентов у меня были новые приятели, из которых добрые, дружеские отношения поддерживались мною и впоследствии до самого последнего времени <...> с П.А. Конским, сделавшимся педагогом, директорствовавшим последовательно в целом ряде средних школ <...> Во второй половине девяностых годов самыми близкими из своих учеников я считал Мякотина, Конского и Васильевского»<sup>64</sup>. Конский отозвался несколькими рецензиями на труды Кареева<sup>65</sup>, а в 1897 г. опубликовал юбилейную статью о своем учителе<sup>66</sup>. Ученик Кареева в 1900–1903 гг. вплоть до отъезда из Петербурга исполнял обязанности секретаря Комитета Исторического общества<sup>67</sup>. Сведения о педагогической деятельности Конского скудны и фрагментарны: по окончании историко-филологического факультета Петербургского университета (выпуск 1894 г.) он преподавал в Морском кадетском корпусе, Александровском Лицее<sup>68</sup>, в коммерческом училище В.Ф. Штюр-

---

именно Г.Ф. Церетели. В статье "Палеография" в списке литературы есть ссылка на: *Церетели*. 1896. Автором этой книги является как раз Г.Ф., а не Г.Е. Церетели.

<sup>64</sup> Кареев. 1990. С. 193, 194.

<sup>65</sup> См.: Николай Иванович Кареев... 2008. С. 48, 52, 62, 66, 68, 73. Особо отметим: *Конский*. 1902.

<sup>66</sup> *Конский*. 1897.

<sup>67</sup> Отчет ... С.-Петербургского университета. 1905. С. 132.

<sup>68</sup> *Конский (Петр Алексеевич)*. 1905.

мера<sup>69</sup>, Бендинском коммерческом училище<sup>70</sup>, с 1905 г. был директором Самарского коммерческого училища (в 1908 г. – одним из инициаторов создания и членом Совета Самарского общества народных университетов<sup>71</sup>), в 1915 г. исполнял должность директора Коллегии Павла Галагана в Киеве<sup>72</sup>, а затем преподавал литературу в Петербургской гимназии К. Мая<sup>73</sup>. О его дальнейшей судьбе почти ничего не известно<sup>74</sup>.

Выход из редакции Р.Х. Лепера и автора под псевдонимом *А.К.В.*, потребовал от Кареева поиска новых участников разрастающегося проекта<sup>75</sup>. **Николай Петрович Обнорский** (1873–1949), выпускник историко-филологического факультета 1895 г., оставленный для приготовления к профессорскому званию<sup>76</sup>, открыл свое более чем продуктивное сотрудничество с редакцией «Словаря» большой статьей «Лагиды» в 33 пт. (1896). В редакционный лист наиболее значимых статей было включено 27 его публикаций: упомянутые «Лагиды», а также «Латинь», «Легион» (в 33 пт.), «Македония» (в 35-м), «Паллада Афина» (в 44-м), «Понтифекс» (в 48-м), «Принципат в Риме» и «Прометей» (обе в 49-м), «Рапсоды» (в 51-м), «Римская религия и мифология» (в 52-м), «Сапфо» и «Сатирическая драма» (обе в 56-м), «Семья» (разделы: III. «Семья и род у древних греков и римлян» и IV. «Семья и род у германцев») и «Сенека»

<sup>69</sup> Гельбке. 1904. С. 160.

<sup>70</sup> Истор. обозр. 1905. С. 47.

<sup>71</sup> См.: *Храмков*. [Электронный ресурс]. В 1910 г. П.А. Конский прочёл для Общества лекцию «Начало книгопечатания в России и на Западе» (*Курмаев*. 2008).

<sup>72</sup> Конский, Петр Алексеевич. 1915.

<sup>73</sup> «В гимназии Мая у нас был преподаватель русской литературы по фамилии Конский, так он говорил, что счастлив тот человек, который к старости помнит много стихов» (Д.С. Лихачев – университетские встречи... 2006. С. 79).

<sup>74</sup> Вышеприведенная ремарка из мемуаров Кареева («отношения поддерживались мною и впоследствии до самого последнего времени») указывает, что на момент написания «Прожитого и пережитого» Конский был жив и жил не за границей. Это подтверждает и опубликованная театральная рецензия (*Конский*. 1925. С. 8), а также дата (22.07.1929 по штемпелю) последнего письма (открытки) Конского, посланной Карееву из Сестрорецка. Всего сохраненная в архиве переписка включает 4 письма. См.: НИОР РГБ. Ф. 119. К. 16. Ед. хр. 31–34.

<sup>75</sup> Изменение характера и объема издания (первоначально предполагалось ограничиться выпуском 16–18 томов) редакция пояснила в предисловии к 82 полутому: «Убеждение в том, что русская публика, не располагающая специальными словарями, нуждается не столько в беглом взгляде на все области знания, сколько в более исчерпывающем их обозрении, привело к тому, что переводы и компиляции по предметам сколько-нибудь выдающимся уступили место самостоятельным статьям, часто имеющим характер монографий. Отсюда значительное увеличение объема издания и более позднее его окончание...». (От редакции. 1904).

<sup>76</sup> Протоколы... С.-Петербургского университета. 1898. С. 29.



(обе в 58-м), «Сицилия [история]» (в 59-м), «Софистика» (в 60-м), «Гарквинии» (в 64-м), «Траур», «Третейский суд [у греков и римлян]» и «Троянская война» (все в 66-м), «Тюрьма у древних греков и римлян» и «Убежища в древней Греции» (в 67-м), «Федон» и «Федр» [диалоги Платона] (обе в 69-м), «Хоровая поэзия у древних греков» и «Храм древний» (обе в 74-м). Всего Обнорский написал для «Словаря» 618 статей и заметок. Его биография фрагментарно воспроизводится по ряду свидетельств. Так о преподавательской деятельности автора «Словаря» в 10-й Петербургской гимназии вспоминают его ученики: «В младших классах историю Древнего Рима и Греции преподавал Н.П. Обнорский, один из составителей энциклопедического словаря “Брокгауз-Ефрон”. Добрейший человек и знаток истории, он знакомил нас, мальчишек четвертого класса, с античным миром. Мы великолепно знали Акрополь, Капитолий, планы древних Афин и Рима, храм Афины Паллады, Коринф, Сиракузы, ходили по римскому Форуму, купались в термах Каракаллы, сражались вместе с гладиаторами, участвовали в ристалищах, получали лавровые венки победителей. Обнорский читал нам “Илиаду” и “Одиссею”, приобщил к чудесным источникам классической поэзии. Человек он был мягкий: если ставил двойку какому-нибудь лентяю, то потом страдал больше, чем гимназист, который уже забыл о плохой отметке. Его гордостью была библиотека. Получив один шкаф с истрепанными книжками, он через несколько лет создал прекрасную библиотеку с замечательным набором книг, библиотека уже занимала две большие комнаты с десятками шкафов, тысячами книг по самым разнообразным вопросам. Деньги на это он получал частично от пожертвований, частью от благотворительных вечеров, но основное было пожертвование бывших воспитанников гимназии и их родителей. Работали в библиотеке гимназисты по его выбору из числа самых аккуратных и исполнительных»<sup>77</sup>. Переехав в 1916 г. в Пермь, Обнорский отдал много сил созданию университетского центра, работал директором фундаментальной библиотеки, преподавал латынь, греческий, английский языки, читал курсы античной и средневековой литературы и введения в литературу<sup>78</sup>.

Начиная со статьи о В.К. Надлере в 39 шт., к работе был привлечен харьковский профессор **Владислав Петрович Бузескул** (1858–1931)<sup>79</sup>. Анализ переписки историков позволяет получить представление о взаимодействии при обсуждении общей концепции исторического отдела

<sup>77</sup> Засосов, Пызин. 1991 [Электронный ресурс].

<sup>78</sup> Подробнее см.: *Преображенская*. 1968; См. также: *Селянинова*. 2008.

<sup>79</sup> Подробнее о взаимоотношениях Кареева и Бузескула см.: «Нет возможности опровергнуть нелепость и клевету... 2007; *Филимонов*. 2008.

«Словаря». В письме от 7 октября 1904 г. Кареев сообщал, что «статья о Фукидиде пришла вовремя, уже давно набрана и вероятно корректура ее в данный момент у Вас в руках»<sup>80</sup>, а в письме от 25 января 1905 г. писал: «Статья об «Афинской политике» пришла в мое отсутствие, продолжавшееся одиннадцать дней (в это время Кареев был заключен в Петропавловскую крепость за попытку предотвратить кровопролитие 9 января. – В. Ф.), и только сегодня узнал, что кто-то другой написал то же по поручению Радлова (редактора философского отдела. – В. Ф.). Это с его стороны недоразумение. Сейчас же и ему, и Арсеньеву (один из главных редакторов. – В. Ф.) пишу, что именно Ваша, а не чья-нибудь другая статья должна быть напечатана в словаре...»<sup>81</sup>. Всего Бузескул написал 14 статей, из которых особо выделяются «Перикл» (в 45 пт.), «Тирания и тираны в древней Греции» (в 65-м), «Шлиман» (в 78-м) и уже упомянутые «Фукидид» (в 82-м) и «Афинская политика» (в 1-м дополнительном).

В характерной авторской манере писал для «Словаря» **Иван Ильич Холодняк** (1857–1913), профессор римской словесности Историко-филологического института, хорошо известный редактору исторического отдела «Словаря» по совместной работе в университете и на Высших Женских курсах. Хотя в «Списке гг. сотрудников» Холодняк числился с 64 пт., первая его публикация («Надписи латинские» – подраздел статьи «Надписи») найдена нами еще в 39-м пт. Кроме этого, профессор был автором еще двух статей: «Палеография латинская» (в 44-м, как подраздел статьи «Палеография») и «Телеграф в древности» (в 66-м).

**Артур Генрихович Готлиб** (1866–1960)<sup>82</sup> начал работу в «Словаре» с 44-го пт. (статья «Памфилия»). Из 84-х его публикаций (в основном по средневековой и византийской истории) 24 – по античной проблематике. Среди наиболее значимых редакцией были выделены статьи «Поселения варваров на римской и византийской территории» (в 48 пт.), «Провинция [у римлян]» (в 49-м) и «Тиберий» (в 65-м). Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета, он, перебравшись в 1896 г. в Петербург, преподавал в гимназиях и в кадетском корпусе, а также руководил курсами латинского языка, учрежденными им на правах частного учебного заведения<sup>83</sup>. В это время

<sup>80</sup> ПФ АРАН. Ф. 825. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 23 об.

<sup>81</sup> Там же. Л. 57.

<sup>82</sup> Именно так он фигурирует в «Списке гг. сотрудников». Перед поступлением в университет Арон Гиршевич Готалов принял лютеранство и переименовался в Артура Генриховича Готлиба, а с началом мировой войны, перешел в православие, став Артемием Григорьевичем Готаловым-Готлибом (*Бириштейн*. 2008).

<sup>83</sup> Готлиб, Артур Генрихович. 1913. С. 583.

он и был привлечен Кареевым к работе над «Словарем». Об истоках коммуникации остается только догадываться. Вероятно, на своего ученика мог указать хорошо знакомый Карееву университетский учитель Готлиба, выдающийся византинист Ф.И. Успенский<sup>84</sup>, который и сам много писал для «Словаря». С 1903 г. Готлиб состоял директором гимназий: Ялтинской (1903–1908), 2-й Кишиневской (1908–1910), Псковской (1910–1919)<sup>85</sup>. После гражданской войны он навсегда поселился в Одессе, где «был профессором Педагогического института, Института народного образования, Института профессионального образования и, наконец, университета»<sup>86</sup>, избежав репрессий 20-30-х гг. и благополучно пережив немецкую оккупацию.

В период с 58-го («Септимий Север») по 69-й пт. («Фауста»), в «Словаре» были опубликованы 11 статей **Евгения Мартыновича Придика** (1865–1935)<sup>87</sup>, выпускника Ревельской гимназии (1882) и Дерптского университета (1888), в котором он защитил магистерскую диссертацию «De Alexandri Magni epistularum commercio» (Dorpat, 1893). Ко времени первой публикации в «Словаре» (1900) он исполнял должность приват-доцента по кафедре греческой словесности Петербургского университета и поэтому был хорошо знаком Карееву. В 1904–1918 гг. был главным хранителем древностей отдела Государственного Эрмитажа, а с 1919 по 1930 г. заведовал отделом античных монет. В список наиболее значимых редакция включила его статью «Союзники» (61 пт.).

**Александр Мартынович Придик** (1864–1936), как и его младший брат, окончил гимназию в Ревеле, а затем курс в Дерптском университете по историко-филологическому факультету (1887). В 1892 г. в стенах alma mater он защитил магистерскую (De Cei insulae rebus. Dorpat, 1892), а затем и докторскую (Шестая речь Исея. Исследования в области аттической генеалогии и аттического гражданского права. Юрьев, 1902) диссертации<sup>88</sup>. Преподавал в Юрьевском (1892–1904), Варшавском (1904–1915) и Ростовском (1915–1920) университетах. Сотрудничать с редакцией «Словаря» А. Придик начал в 1900 г. («Сирия» в 59 пт.), скорее всего, через посредничество брата, а всего мы насчитали 31 его публикацию. Кроме «Сирии» в разряд «наиболее значительных» была отнесена

<sup>84</sup> См.: *Готалов-Готлиб*. 1947.

<sup>85</sup> Хронология переездов Готлиба приводится по: *Боровой*. 1993. С. 347. Повествуя о псковском директорстве Готалова-Готлиба, Боровой со ссылкой на Ю.Г. Оксману отмечал, что «сей учёный муж послужил В.А. Каверину прототипом образа Н.А. Татаринова – одного из персонажей романа “Два капитана”». (Там же С. 345).

<sup>86</sup> *Карышковский*. 1962. С. 276.

<sup>87</sup> Подробнее о нем см.: *Павличенко*. 2000.

<sup>88</sup> Подробнее о нем см.: Придик, Александр ... 1903.

статья «Союзы» (в 61 пт.), последняя же заметка («Харес» в 73 пт.) датируется 1903 г. Привлечение к работе братьев Придикив мы связываем с выходом из состава авторов Ловягина и скоростижной кончиной Щукарева, что обоснованно вызывало опасения редактора не уложиться в сроки выхода очередных томов, особенно на буквы «С» и «Т» (55–67 пт.), когда в распоряжении Кареева остался один Обнорский<sup>89</sup>.

Профессор Петербургского университета *Иван Михайлович Гревс* (1860–1941) был не только коллегой Кареева по факультету, но и находился с ним в дружеских отношениях<sup>90</sup>. В «Списке гг. сотрудников...» он числился, начиная с 64 пт., хотя первая публикация (римский и средневековый подразделы в статье «Социальная история») увидела свет в еще 61 пт.<sup>91</sup> Всего перу Гревса принадлежат более 30 статей, 7 из которых написаны по римской истории, в том числе «Тацит» (в 64 пт.), «Фюстель де Куланж (в 72-м), «Юлиан [Отступник]» и «Юлии [императрицы]» (обе в 81-м), «Феодосий I Великий» (в 82-м). Всем этим работам присущ неподражаемый авторский стиль, привнесение своих собственных оценок в освещение вопроса. По существу, они являются собой минимонографии по сюжетам римской истории и историографии.

*Зиновий Самойлович Сувальский* (1879–1904), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1902 г.), был привлечен к сотрудничеству в последних книжках «Словаря» (первая публикация «Центонарии» в 75 пт., последняя – «Эфемериды» в 81-м), из написанных им девяти статей семь – по греко-римской проблематике. Большинство статей выпадают на букву «Ц» (в 75 пт.) и перемежаются со статьями Ростовцева, что позволяет выдвинуть версию о перепоручении им редакторского задания своему ученику. Отсылки к книге Ростовцева «Римские свинцовые тессеры» и к его же словарной

---

<sup>89</sup> Вот как распределилась статистика авторов статей по греко-римской тематике на буквы «С» (первое число) и «Т» (число в скобках): Обнорский – 92(78) Мищенко – 12 (3), Придикив – по 5 (3 и 19), Каринский 3(5), Щукарев и Готлиб – по 2 (0 и 11), Ловягин, Бузескул, Конский, Ростовцев – по 1 (0, 4, 1, 0). Ситуация с авторами, видимо, действительно была критической и, по нашей версии, редактор вынужден был обратиться к Мищенко с просьбой заполнить лагуну, взяв на себя написание статей, первоначально порученных внезапно умершему Щукареву: «Сариса» (в 56-м полутоме), «Селена», «Семела» и «Семеро против Фив» (в 57-м). Эти публикации подписаны псевдонимом Ф.М., которым Мищенко и ранее пользовался (статьи на буквы «Д», «К», «Н», «М», «О» и «П»), когда имел место «серийный» заказ.

<sup>90</sup> См.: *Гревс*. 1913.

<sup>91</sup> Это могло быть связано с цензурными соображениями, в это время Гревс (как, впрочем, и Кареев) был отлучен от преподавания в университете по политическим мотивам. Возвращение его на кафедру произойдет в 1902 г., но, несмотря на это, в 64 пт. (1901) в «Списке гг. сотрудников» Гревс позиционирован как приват-доцент.

публикации «Центурия» в статьях «Центонарии» и «Центурион» выглядят, думается, не случайными.

Иногда сотрудничество того или иного автора ограничивалось всего одной публикацией. Так, увидевшая свет в 33 гт. статья «Курия [община]» принадлежит перу приват-доцента Петербургского университета, доктора римской словесности *Михаила Никитича Крашенинникова* (1865–1932)<sup>92</sup>, который входил в «Список гт. сотрудников...» с 34-го по 38-й гт. Получение в 1896 г. экстраординатуры в Юрьевском университете прервало его, наметившуюся, было, работу в «Словаре...» и обусловило выход из числа авторов. Эта небольшая заметка перекликается с диссертациями Крашенинникова «Римские муниципальные жрецы и жрицы» (1891) и «Августалы и сакральное магистерство» (1895)<sup>93</sup>.

Статья «Ольвия», по неизвестной причине пропущенная ранее, была опубликована в 3-м дополнительном полутоме<sup>94</sup>. Редакторский выбор в качестве автора *Бориса Владимировича Фармаковского* (1870–1928)<sup>95</sup>, видного археолога и историка античного искусства, члена Императорской Археологической комиссии, руководившего систематическими раскопками этой греческой колонии в Северном Причерноморье, придавал публикации характер минимонографии, не утратившей своей научной актуальности до настоящего времени.

Осталось назвать авторов, которые писали словарные статьи по другим разделам всемирной и российской истории, но в силу разных причин, отметились единичной публикацией по греко-римской проблематике. Цейтнотом первых томов объясняется поручение Кареева написать статью «Вер Люций» (в 11 гт.) своему ученику *Венедикту Александровичу Мякотину* (1867–1937), который активно сотрудничал со «Словарем», публикуя статьи по европейской истории, преимущественно польской<sup>96</sup>. Другому ученику Кареева *Михаилу Григорьевичу Васильевскому* (1875–1903)<sup>97</sup>, опубликовавшему в «Словаре» 21 статью по истории Западной Европы, принадлежат в большой статье «Рабство» (в 51 гт.) подразделы «Рабство в древней Греции» и «Рабство в Риме».

---

<sup>92</sup> Подробнее о нем см.: *Акиншин, Немировский*. 2003. [Электронный ресурс]

<sup>93</sup> Впоследствии Кареев ссылался на обе эти работы. См.: *Кареев*. 1904. С. 343.

<sup>94</sup> «В дополнительные выпуски, – уведомляла редакция своих читателей по окончании издания основных томов, – должно войти все существенно-важное, пропущенное в Словаре». (От редакции. 1904).

<sup>95</sup> Подробнее о нем см.: *Гаркуша*. 2010.

<sup>96</sup> Он неоднократно упоминается в мемуарах Кареева. См.: *Кареев*. 1990 С. 179, 188. Из новейших исследований см.: *Югансон*. 1994; *Зезегова, Павлова*. 2010.

<sup>97</sup> См.: *Кареев*. 1903б.

Форс-мажорными обстоятельствами (кто-то из постоянных сотрудников – Обнорский, Ловягин, Щукарев или Лёпер не успел подготовить публикацию ко времени выхода очередной книжки «Словаря») объясняется поручение написать статью «*Limes germanicus*» (в 34 пт.) **Евгению Алексеевичу Звягинцеву** (1869–1945), недавнему выпускнику (1895) историко-филологического факультета, который впоследствии получил известность как краевед-методист, деятель народного образования. Очевидно, что по сходным причинам, написание статьи «Тезей» в 64 пт. было поручено выпускнику физико-математического факультета Петербургского университета, впоследствии известному химику и историку искусств **Владимиру Яковлевичу Курбатову** (1878–1957), а статьи «Тридцать тиранов» в 66 пт. (1901) приват-доценту университета Св. Владимира в Киеве **Евгению Викторовичу Тарле** (1874–1955), который с 1898 г. сотрудничал с редакцией и в общей сложности был автором 39-ти публикаций, преимущественно по истории Франции<sup>98</sup>.

Уже в первых полутомах можно увидеть контуры редакторской стратегии по наполнению «Словаря» статьями антиковедческой проблематики. По итогам проведенного мониторинга можно выделить три типа задания авторам – хронологический, тематический и форс-мажорный. Первый тип предполагает поручение написать серию статей на определенную букву, второй – целевой заказ на статью по определенной теме, к третьему типу редактор прибегал, когда необходимо было в короткий срок заполнить наметившуюся лауну, а постоянный сотрудник в силу тех или иных обстоятельств не мог это сделать. Постоянными сотрудниками, работавшими исключительно по греко-римской проблематике, последовательно являлись А.Н. Щукарев, *А.К.В.*, Р.Х. Лёпер, Н.П. Обнорский, Е.М. и А.М. Придики. Совмещали свою работу с написанием серий статей по другим разделам всемирной истории Д.Д. Каринский, С.С. Степанов, А.М. Ловягин, П.А. Конский, А.Г. Готлиб, З.С. Сувальский. Целевой характер носят редакторские поручения М.С. Корелину, Ф.Г. Мищенко, В.И. Модестову, Ф.Ф. Зелинскому, В.И. Герье, М.И. Ростовцеву, М.Н. Крашенинникову, В.П. Бузескулу, И.М. Гревсу, И.И. Холодняку, Г.Ф. Церетели, Б.В. Фармаковскому. Эпизодическими публикациями по античной проблематике отметились В.А. Мякотин, М.Г. Васильевский, Е.А. Звягинцев, В.Я. Курбатов, Е.В. Тарле.

---

<sup>98</sup> Особняком в нашем перечне стоит филолог-классик Александр Иустинович Малейн (1869–1938), 109 словарных статей которого, хотя и написаны по античной тематике («Нигидий Фигул», «Пеан», «*Scriptore historiae Augustae*» и др.), но носят преимущественно филологический характер, то есть, скорее всего, редактировались не Кареевым. Исключение может составлять статья «Муции» (в 39 пт.).

Карееву проделал огромную работу по редактированию статей – только по истории античности их число составило более 1000, не считая анонимных. По возрастному признаку выделяются следующие группы авторов (на момент публикации первой статьи): от 19 до 29 лет – 13 чел.; от 30 до 39 – 10 чел.; 40 лет и старше – 5 чел. Смелое решение редактора по формированию команды с привлечением, как опытных исследователей, так и талантливой молодежи, полностью себя оправдало: для многих авторов работа в «Словаре» стала хорошей стартовой площадкой для обеспечения карьерного роста на научно-педагогической стезе.

Судьба авторов «Словаря» сложилась по-разному. Еще до революции ушли из жизни М.С. Корелин, А.Н. Щукарев, М.Г. Васильевский, З.С. Сувальский, Ф.Г. Мищенко, В.И. Модестов, И.И. Холодняк и С.Л. Степанов. В роковом для русской интеллигенции 1918 году, оставшись без работы и средств к существованию, в петроградском госпитале Марии Магдалины умер И.Х. Лёпер. Большевистский террор первых лет Советской власти пришлось испытать В.И. Герье, ушедшему из жизни в 1919 г. в возрасте 82 лет. В 1920-е гг. завершили свой жизненный путь учёный секретарь НИИ книговедения, профессор Ленинградского пединститута А.М. Ловягин (1925) и действительный член и учёный секретарь ГАИМК, профессор ЛГУ Б.В. Фармаковский (1928, похоронен на Шуваловском кладбище), которым посчастливилось избежать практиковавшихся в это время «чисток от классово-чуждых элементов».

Эхом «Академического дела» (1929–1931) стала проработка в печати «буржуазных историков» Кареева и Бузескула, подорвавшая здоровье и сведшая в могилу престарелых ученых (1931)<sup>99</sup> Под каток репрессивной машины попали профессор Воронежского университета М.Н. Крашенинников (умер в Семипалатинской ссылке в 1932 г.); профессор Тбилисского университета Г.Ф. Церетели (расстрелян в 1938 г.)<sup>100</sup>; академик Е.В. Тарле (в 1931–1937 гг. отбывал ссылку в Алма-Ате, затем был прощен, умер в 1955 г. и похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище); доктор искусствоведения, доктор химических наук, профес-

---

<sup>99</sup> Судьба двух авторов «Словаря» причудливым образом пересеклась после их смерти. В докладе С.А. Семенова-Зусера с характерным для эпохи названием «Буржуазная историография об античности и Бузескул, как апологет ее» (1938) досталось и Фармаковскому, который назван соратником В.П. Бузескула в борьбе с марксизмом, а его труд «Художественный идеал демократических Афин» был объявлен «фашистской книжкой». Подробнее см.: *Кадеев*. 2008. С. 19–20.

<sup>100</sup> Дата смерти (12.09.1938) указана в архивном документе. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 419. Л. 83. По другим сведениям, Церетели умер на этапе, в эшелоне, осенью 1939 года; его труп был выброшен из вагона. См.: *Люди и судьбы*. 2003.

сор В.Я. Курбатов (в октябре 1938 г. он был арестован и лишь в апреле 1939 г. освобожден из-под стражи за прекращением следствия по делу, умер в Ленинграде, в 1957 г., похоронен на Шуваловском кладбище).

Революционное лихолетье разметало по разные стороны границы братьев Придииков: сотрудник Эрмитажа Е.М. Придик умер в Ленинграде в 1935 г., а А.М. Придик, проработав какое-то время в Ростове-на-Дону после эвакуации туда Варшавского университета, смог выехать в Эстонию, где преподавал в Тартуском университете и умер в 1936 г. Кроме А.М. Придика закончили свой жизненный путь на чужбине В.А. Мякотин (1937, Прага, Чехия), Ф.Ф. Зелинский (1944, Шондорф-ам-Аммерзее, Германия), М.И. Ростовцев (1952, Нью-Хейвен, США).

За полтора месяца до начала войны в Ленинграде умер И.М. Гревс (похоронен на Волковском Лютеранском кладбище), а незадолго перед ее окончанием – Е.А. Звягинцев<sup>101</sup>. В 1949 г. ушел из жизни заведующий кафедрой иностранных языков Пермского университета Н.П. Обнорский (похоронен на Егошихинском кладбище Перми). Последним из авторов «Словаря» умер профессор Одесского университета А.Г. Готлиб (1960 г.). Обстоятельства и дату смерти П.А. Конского и Д.Д. Каринского выявить пока не удалось.

Таким образом, редакторская работа Кареева породила своеобразное научное сообщество лидерского типа. Объединенное общим проектом и не связанное географическими и возрастными ограничениями, оно внесло существенный вклад в дело популяризации исторического знания в целом, и антиковедческого в частности.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: в двух томах / Отв ред. С.О. Шмидт. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883-1930. М.: Наука, 2003. 388 с.
- Акиншин А.Н., Немировский А.И.* Михаил Никитич Крашенинников – историк литературы и педагог // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. Воронеж, 2003. № 1. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/human/2003/01/akinshin.pdf>
- Аксененко М.Б.* В.И. Модестов и «школьный вопрос»: материалы к биографии // Вестник древней истории. 2011. № 1. С. 153-159.
- Аристотель.* История и обзор афинского государственного устройства / Пер. А.М. Ловягина. СПб.: Паровая скоропечатня Я.И. Либермана, 1895. 144 с.
- Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. («Сталинские списки»).
- Басаргина Е.Ю.* Слово С.А. Жебелева, посвященное памяти Р.Х. Лёпера // Деятели русской науки XIX–XX вв. Истор. очерки. СПб.: ИИЕТ, 1996. Вып. III. С. 95–104.

<sup>101</sup> Хотя Звягинцев и смог, судя по всему, избежать чисток и проработок, и даже похоронен на престижном Новодевичьем кладбище, последнее из его многочисленных пособий для начальной школы датировано 1930 годом.



- Бирштейн А.И.* Суета сует? // Мигдаль Times. Еврейский журнал для всех. 2008. № 96–97 (июль). URL: <http://www.migdal.ru/times/96/17023/>
- Боровой С.Я.* А.Г. Готалов-Готлиб // Боровой С.Я. Воспоминания. М.-Иерусалим: Московский еврейский университет, 1993. С. 345–355
- Варшер Т.С.* Последние годы Н.И. Кареева при большевиках // Сегодня. Независимая демократическая газета (Рига). 1931. 15 марта. Утренний вып. (№ 74). С. 2.
- Вдовиченко И.И.* Коллекции древностей Херсонеса Таврического. Расписная керамика из раскопок Р.Х. Лепера // Лазаревские чтения-2006. М.: МГУ, 2006. URL: <http://www.msusevastopol.net/science/lasarev/2006/03-02-vdov.rar>
- Гаркуша Н.М.* Борис Владимирович Фармаковский. Николаев: Изд. Ирины Гудым, 2010. 44 с.
- Гельбке Ф.Ф.* Календарь для учителей на 1904–1905 уч. год. Ч. II. СПб.: Изд. Отто Кирхнер, 1904. 264 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 579 (П.Н. Милуков)
- Готалов-Готлиб А.Г.* Ф.И. Успенский как профессор и научный руководитель // Византийский временник. 1947. Вып. 1. С. 114–126.
- Гревс И.М.* Николаю Ивановичу Карееву (Сорок лет труда за культуру) // Речь. 1913. № 307.
- Д.С. Лихачев – университетские встречи / Под ред. А.С. Запесоцкого. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. 96 с.
- Жебелев С.А.* Памяти Александра Николаевича Шукарева: (Некролог) // Записки Русского Археологического общества. Новая серия. 1901. Т. 12. Вып. 3-4. С. 1–14.
- Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890-1910-х гг. Л.: Молод. гвард., 1991: [http://www.modernlib.ru/books/zasosov\\_d\\_a/iz\\_zhizni\\_peterburga\\_18901910h\\_godov/read](http://www.modernlib.ru/books/zasosov_d_a/iz_zhizni_peterburga_18901910h_godov/read)
- Зезегова О.И.* Н.И. Кареев и А.С. Трачевский: неизвестный конфликт (по переписке Н.И. Кареева – В.А. Мякотина) // Межрегиональная молодежная гуманитарн. науч. конф. «Коммуникации, общество, духовность–2010». Ухта: УГТУ, 2011. С. 65–68.
- Зезегова О.И., Павлова Т.В.* Переписка Н.И. Кареева и В.А. Мякотина как исторический источник // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие. М.: ИВИ РАН, 2010 С. 292–293.
- Зельнский Ф.Ф.* Цицерон // ЭСБЕ. СПб., 1903. Пт. 75. С. 254–274.
- Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в). Чебоксары: Изд. Чувашского ГУ, 2010. 382 с.
- Йогансон Е.Н.* В.А. Мякотин: историк и политик. Дис... канд. ист. наук. М., 1994. 229 с.
- Историческое обозрение. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. Т. I. 388 с.
- Историческое обозрение. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. Т. II. 343 с.
- Историческое обозрение. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. Т. V. 308 с.
- Историческое обозрение. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. VII. 310 с.
- Историческое обозрение. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905, Т. XIV. 205 с.
- Историческое обозрение. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. Т. XX.
- Кадеев В.И.* Владислав Петрович Бузескул. К 150-летию со дня рождения. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2008. 60 с.
- Кареев Н.И.* [Рец. на кн.:] О Франции. Статьи проф. В.И. Модестова. СПб., 1889 // Русские ведомости. 1889. № 47.
- Кареев Н.И.* [Рец. на кн.:] Сочинения Корнелия Тацита. Рус. пер. с прим. и со ст. В.И. Модестова. СПб., 1886–1887 // Русские ведомости. 1887. № 312.
- Кареев Н.И.* Корелин (Михаил Сергеевич) // ЭСБЕ. СПб., 1895. Пт. 31. С. 225–226.

- Кареев Н.И.* Государство-город античного мира. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1903а. 348 с.
- Кареев Н.И.* Лекции по древней истории, читанные проф. ... на Высших Женских Курсах. Курс I. 1890-91. Б. м. [СПб?], б.г. [1891]. Написано от руки. Литогр. 672 с.
- Кареев Н.И.* М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900. № 5. С. 100–112.
- Кареев Н.И.* Монархии древнего Востока и греко-римского мира. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1904. 395 с.
- Кареев Н.И.* Памяти двух историков. (В.И. Герье и И.В. Лучицкий) // *Анналы*. 1922. № 1. С. 155–174.
- Кареев Н.И.* Памяти М.Г. Васильевского // Русские ведомости. 1903б. № 268.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подг. текста, вступ. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: ЛГУ 1990. 384 с.
- Каринский Д.Д.* (сост.) Торговля на Тереке. Вып. 1. Пятигорск, 1927.
- Каринский Д.Д.* Никифор Фока // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. Вып. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1897. С. 247-274.
- Каринский Д.Д.* Солон // ЭСБЕ. СПб., 1900. Пт. 60. С. 816-817.
- Карышковский П.О.* Артемий Григорьевич Готалов-Готлиб [Некролог] // Византийский временник. 1962. Вып. 21. С. 275–276.
- Конский (Петр Алексеевич) // ЭСБЕ. Пт. 2 доп. СПб., 1905. С. 943.
- Конский П.А.* [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Учебная книга древней истории. СПб., 1901 // Русская школа. 1902. № 9. С. 9–16.
- Конский П.А.* Дядюшкин сон (в Гос. академ театре драмы) // Рабочий и театр. 1925. № 2, 12 янв. С. 8.
- Конский П.А.* К 25-летию профессорской деятельности Н.И. Кареева // Русская школа. 1897. № 4. С. 267–275.
- Конский, Петр Алексеевич // НЭС. Т. 22. СПб., 1915. С. 508–509.
- Корелин М.С.* Домициан // ЭСБЕ. СПб., 1893. Пт. 20. С. 960.
- Корелина Н.П.* Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым [1931] // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: ПГЛУ, 2008. Вып. 10. С. 427–433.
- Курмаев М.В.* Общество взаимного вспоможения книгопечатников Самары: сфера деятельности и основные этапы развития // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10, № 4. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2008/2008\\_4\\_1023\\_1027.pdf/](http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2008/2008_4_1023_1027.pdf/)
- Лёнер Р.Х.* Ликиург // ЭСБЕ. Пт. 34. СПб., 1896. С. 682.
- Лукияненко О.А.* Вертикаль жизни Фаддея Зелинского // Ростовская электронная газета. №22 (52), 22.11.2000. URL: <http://www.relga.sfedu.ru/n52/cult52.htm>
- Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://memory.pvost.org/pages/tsereteligf.html>.
- Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. В 4 т. Т. 1. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1956. 440 с.
- Матвеева И.Г.* Александр Михайлович Ловягин (1870–1925): штрихи к биографии библиографа // Историко-библиографические исследования. СПб.: РНБ, 1995. Вып. 5. С. 29–41.

- Модестов В.И.* [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего Востока. СПб., 1887 // *Новости и Биржевая газета*. 1887а. № 118.
- Модестов В.И.* [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). 2-е изд. СПб., 1886 // *Новости и Биржевая газета*. 1886. № 77.
- Модестов В.И.* В области философии (Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. 2-е изд. СПб., 1887) // *Новости и Биржевая газета*. 1887б. № 239.
- Модестов В.И.* Н.М. Благовещенский // *Историческое обозрение*. 1892. Т. V. Отд. II. С. 1–16.
- Мяжков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Казань: КГУ, 2000. 298 с. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 70 (В.И. Герье); Ф. 119. (Н.И. Кареев).
- «Нет возможности опровергнуть нелепость и клевету»: письма В.П. Бузескула к Н.И. Карееву. 1923–1931 гг. / Публ. и комм. В.А. Филимонова // *Исторический архив*. 2007. № 2. С. 83–114.
- Николай Иванович Кареев. Биобиблиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань: КГУ, 2008. 224 с.
- Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Профессиональное становление Ф.Ф. Зелинского и его судьба // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. № 3. Т. I. С. 7–17.
- Новый Энциклопедический словарь (НЭС). СПб.: Тип. Акц. Общ. «Брокгауз-Ефрон». 1911–1916. Т.1–29.
- От редакции // ЭСБЕ. Пт. 82. СПб., 1904.
- От редакции // ЭСБЕ. Пт. 9. СПб., 1891.
- Отчет о деятельности Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском ун-те за 1898/9 год. М.: Тип. и Литограф. А.С. Клименкова, 1899. 141 с.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1915 г. Пг.: Тип. Б.М. Вольфа, 1916. 326 с.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1904 год. СПб.: Тип. и Литограф. Б.М. Вольфа, 1905. 280 с.
- Павличенко Н.А.* Е.М. Придик, петербургский филолог и эпитафист // *Древний мир и мы*. Вып. 2. СПб.: Алетейя, 2000. С. 189–205.
- Памятная книжка Гродненской губернии на 1904 год. Гродна: Губернская тип., 1904. 651 с.; то же на 1906 год. Гродна: Губернская тип., 1906. 714 с.
- Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 год. Калуга: Типолит. Губернского правления. 1914. 387 с.; то же на 1915 год. Калуга: Типолит. Губернского правления. 1915. 231 с.; то же на 1916 год. Калуга: Типолит. Губернского правления. 1916. 343 с.; то же на 1917 год. Калуга: Типолит. Губернского правления. 1917. 311 с.
- Петербургский филиал Архива РАН (ПФ АРАН). Ф. 825 (В.П. Бузескул).
- Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. проф. В.П. Корзун. Омск: ООО «Полиграфист», 2003. 306 с..
- Преображенская Е.О.* Обнорский Николай Петрович // *Ученые записки ПермГУ*. 1968 № 167. Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. Вып. I. URL: <http://www.psu.ru/faculties/mfl/lingvodidactics/personalia3/05>.
- Придик, Александр (Heinrich Alexander Pridik) // *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902)*. Т. II. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1903. С. 449–450.

- Программы домашнего чтения на 1-й год систематического курса. Изд. 3-е испр. и доп. М.: Тип. Высоч. утв. Т-ва И.Д. Сытина, 1895. 122 с.
- Программы домашнего чтения на 4-й год систематического курса. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. 440 с.
- Протоколы заседаний Императорского С.-Петербургского университета. № 51. СПб.: Тп. Б.М. Вольфа, 1898. 57 с.
- Ростовцев М.И.* Памяти Александра Николаевича Щукарева // Общество для доставления средств Высшим Женским курсам. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлиха. 1901. С. 17–21.
- Румянцева Т.Н.* Замысел издания "Энциклопедического словаря" Брокгауза и Эфрона [Электронный ресурс]. URL: <http://libconfns.narod.ru/2003/s8/rumianceva.htm>.
- Русская школа. 1902. №5.
- С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и материалы. СПб., 1903. 440 с.
- Сафронов Б.Г.* Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М., 1984. 153 с.
- Селянинова Г.Д.* Общество исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1917–1918 годы // Диалог со временем. 2008. 25/2. С. 233–270.
- Смирнов Я.И.* А.Н. Щукарев [Некролог] // Византийский временник. 1900. Т. 7. С. 817–818.
- Филимонов В.А.* Н.И. Кареев и В.П. Бузескул: материалы к характеристике взаимоотношений историков // Харківський історіографічний збірник. 2008. Вип. 9. С. 230–249.
- Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографич. очерки. СПб., 1999. 544 с.
- Храмков Л.В.* Рождение Самарского государственного университета // Универсайт. Информационное издание Самарского государственного университета. URL: [http://www.universite.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=295&Itemid=71](http://www.universite.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=295&Itemid=71).
- Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 2202(М.С. Корелин)
- Церетели Г.Ф.* Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям СПб. и Москвы. СПб., 1896. 226 с.
- Чествование Николая Ивановича Кареева // Исторический вестник. 1913. № 12. С. 1199–1200.
- Чествование Ф.Ф. Зелинского // Исторический вестник. 1909. № 3. С. 1252.
- Шофман А.С.* Федор Герасимович Мищенко. Казань, 1974. 112 с.
- Щукарев А.Н.* Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р. Х. СПб., 1889. 189 с.
- Энциклопедический словарь (ЭСБЕ). Пг. 1-82+4 доп. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1890-1907.
- Филимонов Владимир Альбертович***, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета, [klub-nica@yandex.ru](mailto:klub-nica@yandex.ru)

*Е. А. ГРИГОРЬЕВА, А. А. КУЗНЕЦОВ*

## **ИСТОРИК НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ СОКОЛОВ (НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ УЧЕНОГО)**

---

В статье представлен опыт биографии Н.П. Соколова. Основными источниками стали новые материалы архивов Нижнего Новгорода, воспоминания, письма историка и его коллег. Показаны научное формирование Н.П. Соколова в Нежинском институте, Петербургском университете, процесс возвращения в науку и высшую школу после долгого отлучения. Представлены сведения о профессиональной и преподавательской деятельности Н.П. Соколова в Горьком (Нижнем Новгороде).

**Ключевые слова:** *Н.П. Соколов, С.И. Архангельский, Н.И. Кареев, Петербургский университет, Горьковский университет, Горький (Нижний Новгород).*

---

Имя Николая Петровича Соколова (1890–1979) одинаково торжественно упоминается на исторических факультетах Нижегородских гос- и пед- университетов. «Ученик известного российского ученого академика Н.И. Кареева, работавшего в Санкт-Петербургском университете», «отец-основатель» (наряду с С.И. Архангельским), специалист по новой истории Франции (кандидатская диссертация), политической истории Средиземноморья в средние века (докторская диссертация), блестящий лектор (комплименты в устных и опубликованных воспоминаниях), организатор и пропагандист науки – вот немногие из эпитетов, прикладываемых к имени Н.П. Соколова.

Ярким моментом его биографии является приход в высшую школу и историческую науку после вынужденного многолетнего отстранения от них. Автобиографические материалы позволяют понять, как сам Соколов осознавал эту перемену. Ранее его биография составлялась исключительно на основе воспоминаний о нем и личного фонда в Центральном архиве Нижегородской области<sup>1</sup>. Это обстоятельство многое объясняет. С одной стороны, большую часть личного документального фонда Соколов незадолго до смерти уничтожил<sup>2</sup>, с другой – в нижегородских архивах имеются еще неизученные материалы, относящиеся к биографии ученого – сведения из делопроизводственных бумаг отделов кадров пединститута и университета, что позволяет представить новые

---

<sup>1</sup> Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2976. Оп. 1.

<sup>2</sup> Эту информацию сообщила директор музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Т.И. Ковалева, ссылаясь на свидетельство ученицы Н.П. Соколова – Елены Дмитриевны Воробьевой, ныне покойной.

данные о его жизненном и научном пути (при цитировании сохраняются орфография и пунктуация документов).

Среднее образование Н.П. Соколов, выходец из семьи священника, получил в Арзамасском духовном училище и в Нижегородской духовной семинарии. По его признанию в автобиографии: «Из последней я выбыл по окончании четырех общеобразовательных классов и поступил по конкурсному экзамену в сентябре 1910 г. в Нежинский Историко-Филологический Институт князя Безбородко»<sup>3</sup>, законченный в июне 1914 г. с аттестатом № 1357<sup>4</sup>. С 1-го июня Соколов был назначен учителем гимназии и реального училища К. Мая в Петербурге «с одновременным прикомандированием к Ленинградскому университету по кафедре новой истории для подготовки к профессорской деятельности»<sup>5</sup>. Под Ленинградским университетом в советской анкете Соколова подразумевается Санкт-Петербургский университет, где его наставниками были профессора Н.И. Кареев, И.М. Гревс, М.И. Ростовцев, С.Ф. Платонов<sup>6</sup>. Кареев помнил своего ученика: «...еще очень дельный и работающий, хорошо подготовленный к научной деятельности Ник. Петр. Соколов. Он, собственно, не был петербургским студентом, а... был прикомандирован к нашему университету, избрав для своих занятий руководство мое и И.М. Гревса. Когда окончился срок его прикомандирования, он уехал на родину, и что с ним случилось, мне неизвестно, хотя одно время он и подавал вести о себе. В Соколове я видел тоже будущую научную силу»<sup>7</sup>. Среди учителей Соколов упомянул эмигрировавшего Ростовцева и репрессированного Платонова лишь один раз, в отличие от других наставников, не провинившихся крупно перед Советской властью. Указание на Ростовцева подтверждается воспоминаниями студента историко-филологического факультета Горьковского государственного университете (ГГУ) второй половины 1960-х гг. Н.А. Бенедиктова: «Да и попробуйте не среагировать на фразу о Тойнби, который, по словам Н.П. Соколова, был “неплохой ученик моего учителя М. Ростовцева. Тойнби пытался украсить смысл, идущий от Данилевского, но в результате его скорее затуманил!”»<sup>8</sup>.

Рубежом в судьбах страны и Н.П. Соколова стал 1917 год. Есть сведения о том, что политически близкий эсерам Соколов служил в ап-

<sup>3</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 25.

<sup>4</sup> Меженин, Кузнецов. 1996. С. 167.

<sup>5</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

<sup>6</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3, 27.

<sup>7</sup> Кареев. 1990. С. 260.

<sup>8</sup> Николай Анатольевич Бенедиктов. 2005. С. 57, 58.

парате Временного правительства<sup>9</sup>, о чем, естественно, в советских анкетах не упоминал. В воспоминаниях А.Я. Левина, ученика Соколова, со слов последнего указано: «Однако это был меньший грех, чем пребывание в рядах меньшевиков и эсеров. Этих арестовывали... Николая Петровича спасло то, что он уехал из Питера. Он состоял в эсерах, но в списках Нижегородского ЧК-НКВД не значился. Всех местных эсеров в тридцатые годы “замели”. Не случайно Соколов долго отсиживался в провинции. В 1917 году, когда был объявлен открытый конкурс по поступлению в дипломатическую службу Николай Петрович такой конкурс прошел и был назначен консулом то ли в Швейцарию, то ли в Италию, я запамятовал. Не помню также, успел он добраться до места службы или Октябрь помешал. Разговор на эту тему был, но подробности выпали из памяти»<sup>10</sup>. Предоставим слово Н.П. Соколову: «В 1917 г. весной я выдержал магистерский экзамен, но в начале 1918 г., по условиям жизни я в Ленинграде, я должен был покинуть этот город и был назначен зав. школой II ступени в с. Черновское Сергачского уезда Нижегородской губ. Вскоре я был переведен отделом Нар[одного] обр[азования] на такую же должность в с. Гагино того же уезда и губ.»<sup>11</sup>; «В этой должности я продолжал работу до 1923 г., когда вследствие уничтожения истории, как предмета преподаваемого в средней школе, я вынужден был переменить работу»<sup>12</sup>; «В 1923 г. я перешел на работу в потребкооперацию в г. Ветлугу Горьковской обл. (Нижегор. губ.). В 1927 г. из Ветлуги я был переведен в г. Горький, где выполнял обязанности нач. планово-финансового отдела облторготдела»<sup>13</sup>, и «был назначен нач. планово-финансовым сектором Горьковского сначала торготдела а затем край и облторготдела»<sup>14</sup>.

За 10 лет Соколов «приобрел некоторые познания в области экономических наук и имел ряд печатных работ в этой области»<sup>15</sup>. Далее он писал: «С конца 1934 г. преподавание истории стало восстанавливаться как в средней, так и высшей школе... Это заставило меня “самовольно” перейти в школу № 25 Ждановского района в 1936 г. в качестве преподавателя истории. Здесь я прошел аттестацию и получил звание учителя

---

<sup>9</sup> *Меженин, Кузнецов.* 1996. С. 167–169. О студенческой молве о политической близости Соколова к (левым) эсерам см. также: *Помазов.* 2005. С. 37; *Капанов.* 2005. С. 111.

<sup>10</sup> Не подводя итоги... 2011. С. 106.

<sup>11</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

<sup>12</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3.

<sup>13</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

<sup>14</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3.

<sup>15</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3–3 об.

средней школы этого предмета»<sup>16</sup>. Такой поворот – от успешной карьеры практика-экономиста к началу учительской послужной лестницы – не был резким, если учесть, что в беседах с учениками Соколов упоминал постоянные занятия по истории в 1920 – начале 1930-х гг.<sup>17</sup> В сентябре 1938 г. Н.П. Соколов был ненадолго арестован по обвинению в связях с царской фамилией Романовых<sup>18</sup>. В автобиографических документах он не писал, что арестовывался или привлекался к следствию.

Вскоре Соколов стал завучем школы № 25<sup>19</sup>. Возможно, его вступление в эту должность произошло до 1939 г. В письме С.И. Архангельскому С.Н. Чернов вспомнил об уговорах летом 1939 г. В том числе: «Помню, что Вы... хотели получить от меня заверение, что в 1939–40 г. я буду преподавать в Горьком. Помню, Вы даже привлекли к беседе об этом Вашего славного завуча»<sup>20</sup>. Если так, то тогда появляются основания для идентификации завуча, упомянутого в письме Чернова. Несколько слов о нем. Сергей Николаевич Чернов – ученик С.Ф. Платонова, занимавшийся проблемами русской средневековой истории, движения декабристов<sup>21</sup>. Он в 1937–39 гг. преподавал в Горьковском государственном пединституте (ГГПИ). По личным причинам отказался от выездной работы в Горьком<sup>22</sup>. Декан исторического факультета Архангельский безуспешно уговаривал его продолжить преподавание в пединституте. Что заставило Архангельского привлечь Соколова к уговорам? Наверно, то, что Соколов в 1914 г. готовился к магистерским экзаменам и преподавательской деятельности в Петербурге под наставничеством Н.И. Кареева, И.М. Гревса, М.И. Ростовцева, С.Ф. Платонова. Это были ученые, наставлявшие в магистратуре С.Н. Чернова.

С 1940 г. Соколов начал руководить педагогической практикой студентов ГГПИ<sup>23</sup>, «в 1940 г. выдержал экзамен, именуемый кандидатским минимумом, при Горьковском педагогическом Институте»<sup>24</sup>. Для

---

<sup>16</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3, 3 об.

<sup>17</sup> *Меженин В.М., Кузнецов.* 1996. С. 170, 172.

<sup>18</sup> *Фионова.* 1990. С. 6–7. Прим. 2.

<sup>19</sup> *Кузнецов, Меженин.* 1988. С. 129–130; *Фионова.* 1990. С. 6. Эти сведения взяты авторами из: ЦАНО. Ф. 2976. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2 об.

<sup>20</sup> ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 18.

<sup>21</sup> См. подробнее: *Андреева, Соломонов.* 2006.

<sup>22</sup> *Кузнецов А.А.* «Признаюсь, что я любил и люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей»: материалы к биографии С.Н. Чернова в 1937–1941 гг. (в печати). См. также: *Григорьева, Кузнецов.* 2011. С. 207–216.

<sup>23</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 8.

<sup>24</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.



Соколова этот экзамен неожиданно стал испытанием, как следует из сведения ученика С.И. Архангельского – А.Я. Левина: «... отношения между Николаем Петровичем и Сергеем Ивановичем [Архангельским] были непростыми. Николай Петрович как-то при мне с обидой вспоминал, что Сергей Иванович потребовал, чтобы он сдавал перед защитой обычные кандидатские экзамены, между тем, как он еще в Петербургском университете сдал магистерский экзамен, в том числе кляузурное сочинение. Он был оставлен в закрытой аудитории без всякой литературы и должен был экспромтом написать работу определенного объема, кажется, о Кондорсе. Потом он эту обиду припомнил. Как тогда утверждали, Сергей Иванович, выйдя на пенсию, рассчитывал, что будет в какой-то форме продолжать работу на кафедре. Но Николай Петрович, как мне тогда сказали, воспротивился, желая быть единоличным авторитетом»<sup>25</sup>.

Появление на историческом факультете ГГПИ Соколова было обусловлено его желанием вернуться в науку и, как надо полагать, стремлением Архангельского создать коллектив специалистов-историков. В 1942 г., Соколов был зачислен в штат ГГПИ<sup>26</sup>. Видимо, это трудоустройство было обусловлено письмом Соколова Архангельскому:

«г. Горький. 18-е июля 1942 г.

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Спешно уезжая в Катунки – примерно на неделю – и не будучи уверен в возможности видеть Вас лично, позволяю себе обратиться к Вам с настоящим письмом... Как выяснилось на заседании кафедры, Институт приступает к новому учебному году на несколько расширенной против истекшего учебного года года основе. Точнее Институт возвращается если не к прежнему объему работы (сокращ[ение] числа студентов), то более или менее к объему близкому к нему. По опыту работы в средней школе я знаю, что даже резко сократившееся число часов не находит лиц, желающих взять их. Это особенно относится ко 2й половине года. Преподаватели стремились ограничиться минимумом уроков. Вам, разумеется, понятны причины этого явления. Я не знаю, так ли обстоит дело в Институте, – судить по аналогиям не всегда возможно; но если это в какой либо мере так, т.е. если расширенный объем занятий не встретит горячего желания со стороны действующего состава преподавателей приложить к ним свои усилия, то как бы эти занятия не были ничтожны, как бы они в каком-нибудь отношении ни были неприятны или трудны, я почел бы для себя за честь взяться за эти занятия.

Я рассматриваю занятия в Институте для себя не как добывание средств к жизни, – теперь это и не моя только точка зрения, – а как почетную роль, играть которую по разным причинам суждено мне не было. Такое понимание этого дела само собою предполагает то условие, что взяться за какую бы то ни было работу я не хотел бы против чьего бы то ни было желания, – будь это даже самый скромный член преподавательского коллектива.

---

<sup>25</sup> Не подводя итоги... 2011. С. 106–107.

<sup>26</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 8.

Вот и все. Я надеюсь, что Вы меня поймете и простите, быть может, за некоторую назойливость с моей стороны. Я должен еще раз подчеркнуть, что для меня это только желательно, но ни в какой степени не является предметом напряженных исканий, если так можно выразиться...

Пользуясь случаем, еще раз благодарю Вас, уважаемый Сергей Иванович, за проявленные Вами во всем моем деле исключительное и глубоко бескорыстное внимание и компетентные заботы.

Глубоко уважающий Вас Н. Соколов.

P.S. Через недельку предполагаю увидеться с Вами лично... Si fata sinant<sup>27</sup>...»<sup>28</sup>.

В 1943 г. Н.П. Соколов в Казани защитил кандидатскую диссертацию, посвященную философским и историческим взглядам Тюрго. Проблематика исследования связана с темой выпускной работы Соколова в Нежинском институте<sup>29</sup>. «Ведущий историк тех лет Е.В. Тарле назвал труд диссертанта «жемчужиной»»<sup>30</sup>. Степень кандидата исторических наук была присвоена Соколову лишь в 1946 г.<sup>31</sup>.

На этом трудности возвращения Соколова в науку и высшую школу не кончились. 8 сентября 1944 г. вопрос о его служении ГГПИ обсуждался на заседании партбюро института:

«Копелова – мне кажется, что заседание кафедры дало некоторую возможность судить о Соколове, как преподавателе, о его мировоззрении. По лекциям это проверить уже нельзя, поскольку учебный год закончился. Бросается в глаза пренебрежительное отношение Соколова к студентам. Он свой курс строил так, чтобы доказать, что премудрость древней истории недоступна студентам. Он умышленно усложнял вопросы. Под конец скомкал курс, в 5 дней прочел всю историю древнего Рима... Соколова нам не переделать, придется с ним расстаться.

Сафонова – у меня твердое мнение, что у Соколова существует презрительное отношение не только к студенчеству, но и ко всему коллективу преподавателей. Он себя ведет так, будто он один преподает на должном научном уровне. Студентам в их самостоятельной работе не помогает. У меня впечатление, что он не может работать в нашем советском вузе.

Добротвор – значительная доля вины лежит на кафедре всеобщей истории. Раньше неудовлетворительно вел курс Бергер<sup>32</sup>. Потом еще хуже преподавал Илларионов. Теперь обнаруживаются серьезные недостатки у Соколова. А где же кафедра? Соколов человек способный, эрудированный. Я думаю, что нельзя идти по линии наименьшего сопротивления – освобождать его. Надо улучшить руко-

<sup>27</sup> Если бы угодно было судьбе (лат.) – цитата из «Энеиды» Вергилия.

<sup>28</sup> ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 292. Л. 1–1об.

<sup>29</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 25 об.

<sup>30</sup> *Меженин, Кузнецов*. 1996. С. 173. См.: *Фионова*. 1990. С. 7. Этот эпизод стал настолько легендарным, что порой его переносят на защиту докторской диссертации Н.П. Соколова.

<sup>31</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 4.

<sup>32</sup> Известный советский антиковед Анатолий Ксавериевич Бергер преподавал в 1930-е гг. в ГГПИ.

водство им и контролировать его работу. В институте его надо оставить, но больше контролировать. С.И. Архангельский должен лучше руководить преподавателями... Необходимо продумать вопрос о мероприятиях по устранению недостатков. Соколова в институте оставить, но контролировать его.

Соболев – у Соколова выявлены организационно-методические недостатки, но за это снимать нельзя. Работает в вузе первый год.

Логинов – даю справку: Соколов читал курс истории у географов. Там остались им довольны. С.И. Архангельский намечал было перевести Соколова на Историю средних веков, но я думаю этого делать не следует. То, что Соколов скомкал курс истории Рима, в этом виноват декан, он так спланировал прохождение курса. Соколова надо оставить.

Копелова – у Архангельского С.И. было даже намерение перевести Соколова на курс Новой истории. Но я думаю, что это еще хуже.

Лизунов – у Соколова большие знания, но он занимает неправильную позицию, подчеркивая, то, что будто бы другие преподаватели читают лекции на низком уровне. Контакта с аудиторией у Соколова не было. Во время его лекций студенты нарушали дисциплину. В разговорах Соколов резко высказывался о студентах, изображая так будто большинство студентов не подготовлены к учебе в вузе.

Селезнев: беда в том, что кафедра всеобщей истории не руководила Соколовым... Удивительно, что Соколов не только по отношению к другим преподавателям, но даже по отношению к С.И. Архангельскому пытается взять верх, т.е. подчеркивать свое мнимое превосходство... Коммунисты Копелова, Дядькин и Кустов должны помочь Архангельскому устранить недостатки в работе кафедры. Переводить на средние века Соколова нельзя»<sup>33</sup>.

В конце концов, Н.П. Соколов был оставлен на кафедре.

Очевидно, что к преподаванию в высшей школе Соколов прикладывал строгие требования, вероятно, сложившиеся у него еще до 1917 г. и закрепившиеся в годы отлучения от Истории. Студент второй половины 1960-х гг. передал мнение Соколова о «проработке» 1940-х гг.: «С его же слов, в пединституте он прослыл женоненавистником и фашистом. Дело в том, что учились там в эти годы женщины, пришедшие на истфак не по призванию, а просто уклоняющиеся от всяких воинских мобилизаций. Учиться им было неинтересно, и в своих работах они дословно переписывали тексты из учебников, а Николай Петрович беспощадно ставил им «неуды» и приводил в пример работы единственного на факультете парня, которого по болезни не взяли на фронт»<sup>34</sup>.

Думается, что указанные обстоятельства были поводом. Обратим внимание, что зачинщиком обструкции Соколова выступила Ю.И. Копелова. Затем она выступила еще раз, заявив о намерении Архангельского передать Соколову курс новой истории (диссертация о Тюрго – доста-

---

<sup>33</sup> Государственный политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 932. Оп. 1а. Д. 12. Л. 93–93 об.

<sup>34</sup> Помазов. 2005. С. 37.

точное основание). Второе заявление показательно, поскольку именно Копелова читала этот курс. Симптоматичны упоминания С.И. Архангельского. Они двойки. С одной стороны это – нападки партийных, идеологически «правильных» историков, с другой – наблюдается желание К.Г. Селезнева (представитель школы М.Н. Покровского) столкнуться с историками, чья научная квалификация сформировалась до 1917 г.

Примечательно, что за несколько лет до этого о слабой школьной подготовке студентов ГГПИ докладывал на заседании кафедры истории народов СССР С.Н. Чернов, отметивший «неподготовленность студентов, неумение работать над книгой, незнание древнего русского языка»<sup>35</sup>. Архангельский на заседании партбюро в феврале 1945 г., посвященном учебным делам, высказывался о слабой довузовской подготовке студентов-историков, подобно Соколову<sup>36</sup>. Начиная с того же 1945 г., Соколов, согласно официальной справке, «...читает курс лекций по истории средних веков и ведет спецсеминары по истории Византии и южных славян»<sup>37</sup>. Наверное, Архангельскому удалось убедить руководство ГГПИ в необходимости передачи Соколову этих курсов.

Обратим внимание на новую тему в преподавании Соколова – «истории Византии и южных славян». Истории Византии станет частью предмета докторского исследования Соколова. Почему он начал изучать Византию после диссертации об общественно-политических взглядах Тюрго? Ответ есть в фонде Архангельского. Е.А. Косминский писал ему 10 декабря 1943 г.: «Образовалась еще группа по ист[ории] Византии. Есть ли в Горьком люди, занимающиеся этими вопросами?»<sup>38</sup>. Среди писем Архангельскому обнаружена почтовая карточка от 06 января 1944 г., имя отправителя которой неизвестно. Косвенные данные и детали почерка позволяют атрибутировать отправителя – Косминский. Примечательны строки: «Очень прошу Вас поговорить с Н.П. Соколовым. Если его привлекает мысль примкнуть к работе Византийской группы Инст[итута] Ист[ории] АН, сделать доклад на Визант[ийскую] или смежную тему, дать статью; взять перевод первоисточника, то мы будем очень рады»<sup>39</sup>. Видимо, непосредственный импульс, подвигнувший Соколова на исследование проблематики, связанной с историей Византии, исходил от инициативы Косминского по созданию группы по исследованию истории Византии в Институте истории АН СССР.

<sup>35</sup> ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 846. Л. 4 об., 5, 6.

<sup>36</sup> ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 13. Л. 16 об.

<sup>37</sup> ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 13.

<sup>38</sup> ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 193. Л. 17а.

<sup>39</sup> ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 201. Л. 162.

В 1946 г. Соколов вместе с коллегами попал под прицел партийного контроля. В «Справке о состоянии воспитательной работы в вузах города Горького после решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам» указано, что преподаватели пединститута Н.П. Соколов и В.Т. Илларионов в своих лекциях преклонялись перед буржуазными учеными<sup>40</sup>.

22 апреля 1949 г. Соколов присутствовал на объединенном заседании кафедр всеобщей истории и истории СССР, где «проработке» за «космополитизм» в научных и учебных трудах подверглись Архангельский и Илларионов<sup>41</sup>. В январе 1953 г. недруг Архангельского – Н.М. Добротвор – критиковал его вместе с Соколовым. Незадолго до смерти Сталина Добротвор проводил проверку кафедры всеобщей истории ГГУ. 70-летнему Архангельскому попеняли на то, что он замкнулся в академической науке, совсем не выступает с публичными лекциями, и посоветовали выехать на Сормовский завод и прочитать лекцию<sup>42</sup>. Соколов критиковался за то, что он в лекциях по истории Средних веков не предваряет изложение материала «учением Сталина о базисе и надстройке», что не упоминает Сталина в своих занятиях<sup>43</sup>. Добротвор пытался уязвить историков дореволюционной выучки.

«Несмотря на его явную к ним враждебность, Архангельский или Илларионов (я не уверен, кто из них в это время был деканом) пригласили Добротвора прочитать нам курс истории СССР советского периода. Читал он скучно и, естественно, близко к “Священному писанию”, каковым в то время был Краткий курс Истории ВКП(б). Только два момента привлекли тогда мое внимание: во-первых, уважительное упоминание Покровского (... тогда это было рискованной ересью), во-вторых, замаскированная атака на Архангельского и Соколова. В одной из лекций, кажется, в историографическом введении, Добротвор, рассуждая об историках дореволюционной выучки, утверждал, что они, уходя от идеологической борьбы за линию партии в освещении отечественной истории и, особенно, современности, прячутся в тематике Всеобщей истории, где ведут исследования в русле буржуазной историографии и некритически используют работы враждебных марксизму авторов. Он не называл конкретных имен, но для тех, кто знал о «разборках» в Педагогическом институте было ясно, в кого направлены стрелы. Я не ручаюсь за дословность формулировок, но смысл был именно такой. Все это было в духе времени, и я бы просто пропустил мимо ушей все эти инвективы, если бы не понял, кого именно он имеет в виду. Дело, как я понимаю, в том, что целью Добротвора было скомпрометировать классово чуждый элемент (на самом деле за этим скрывалась личная неприязнь)»<sup>44</sup>.

<sup>40</sup> ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6187. Л. 5.

<sup>41</sup> ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 43. Кузнецов А.А. 2011.

<sup>42</sup> ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 102. Л. 21.

<sup>43</sup> ЦАНО. Ф. 907. Оп. 1. Д. 102. Л. 5–10.

<sup>44</sup> Не подводя итоги... С. 103.

В 1954 г. Н.П. Соколов защитил докторскую диссертацию «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы». В архиве хранится лишь первый ее том (508 с.), написанный в 1952 г.<sup>45</sup> Некоторые обстоятельства защиты открываются в письмах И.И. Любименко к С.И. Архангельскому:

30.4. 1952 – «Будьте добры передать проф. Соколову, что перед отъездом я отдала отзыв о его диссертации М.В. Левченко, как заведующему кафедрой средних веков в Ленингр. Университете. Если бы защиту назначили на май или первые числа июня, то могут зачитать мой отзыв в виду отсутствия оппонента. Если понадобится экземпляр диссертации, который у меня, то его можно будет получить, т.к. в квартире моей будут жить родственники»; 9.6.1952 – «Интересуюсь вопросом о планах Соколова, диссертация которого лежит у меня без движения. В его возрасте время терять как-будто не следовало. Уезжая в Кисловодск, я отдала один экземпляр своего отзыва, который у меня давно написан, Левченко и предупредила племянницу, чтобы, в случае требования, она выдала находящийся у меня экземпляр диссертации. Ведь в крайнем случае мой отзыв могли бы просто зачитать. Но, повидимому, все осталось в прежнем положении. Сроки защиты подходят к концу, следовательно дело откладывается на осень?»<sup>46</sup>.

Таковым после введения в оборот новых документов видится тернистое возвращение Н.П. Соколова в высшую школу и в науку. Не раз на этом пути громоздились политические и идеологические камни преткновений. Преодоление препон показывает самоценность для него исторической науки, на фоне которой меркнут все остальные увлечения и интересы. «Любил профессор Соколов, обращаясь к молодым, повторять: «Наука – самая ревнивая из женщин, она измен не прощает»»<sup>47</sup>. Для кого-то эта позиция служения покажется узкой и однобокой (оговорим, что находил профессор Соколов время и для созерцания звездного неба через телескоп, для укрощения мотоцикла и моторной лодки, овладения искусством цветной фотографии, внимания «зарубежным голосам»<sup>48</sup>), но такая верность однажды выбранному пути внушает уважение.

Теперь можно объяснить поведение Н.П. Соколова в 1968–69 гг. на историческом факультете Горьковского государственного университета. Вот как упоминает Соколова мемуарист, описывая изгнание диссидентов из ВУЗа: «Следующей жертвой стали В.Г. Бабаев и В. Федоров (филолог)... Я услышала голос Н.П. Соколова и подумала, вот он сейчас вас

<sup>45</sup> ЦАНО. Ф. 2976. Оп. 1. Д. 1.

<sup>46</sup> ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 109, 114–114 об.

<sup>47</sup> *Меженин, Кузнецов*. 1996. С. 170–171. Другой вариант приведен в мемуарах профессора Е.В. Кузнецова: «Как говаривал в те годы Николай Петрович Соколов, «историческая наука – дама ревнивая, она требует преданности и не прощает измен»» (*Кузнецов*. 2008. С. 94).

<sup>48</sup> *Меженин, Кузнецов*. 1996. С. 173.

всех раскидает. Но он сказал...: «Я тебя всегда называл сынком. А теперь скажу, как говорили в монастырях, иди и проси хлеб в другом монастыре (это В.Г. Бабаеву, его аспиранту)». Услышав это, мы все вздрогнули. И это независимый Н.П. Соколов?»<sup>49</sup>. Тем не менее, в этих словах выразилось независимое отношение Соколова к ученику, изменившему Историю как науке. Для Соколова было неважно то, ради чего изменили «самой ревнивой из женщин» – «она измен не прощает». Поэтому он и совершил акт отвержения того, кого считал сыном.

Эта верность обусловила и бескомпромиссное поведение Соколова на историографической арене. В 1961 г. С.В. Фрязинов писал в Горький о том, что в Ленинграде прошла защита диссертации Е.Ч. Скржинской об Иордане, а «с ней воевал Соколов»<sup>50</sup>. Еще один известный эпизод из биографии ученого имеет яркое и противоречивое освещение. «Достаточно взглянуть на дискуссию в ж. «Средние века» по докладу А.И. Неусыхина, где видна наибольшая основательность в речи Н.П. Соколова, а весьма уважительный ответ академика по дискуссии фактически был направлен только нижегородскому Мастеру»<sup>51</sup>. Речь идет о критике Соколовым доклада Неусыхина<sup>52</sup>. Тональность этой критики, что называется, была «на грани фола». Среди горьковских историков начала 1990-х гг. ходил не отразившийся официально слух, что Соколов и Неусыхин обменялись упреками в плохом владении оппонентом латынью средневековых источников. Активность Соколова на дискуссии проявилась и в обсуждении доклада А.Я. Гуревича. Если доверять свидетельству Л.М. Баткина: «А весной 1966 г. я впервые услышал публичное выступление Гуревича: тоже в Москве, на многолюдной конференции по генезису феодализма. Именно его яркий доклад, произнесенный, как всегда, стремительно и непринужденно, и повторное слово, взятое для отповеди, если не ошибаюсь, итальянисту Соколову, оказались стержнем острой фабулы этой конференции»<sup>53</sup>, – то надо констатировать, что отчет о дискуссии не отразил всей отповеди Гуревича. Соколов и сам выступал задиристо, принципиально, отстаивая подходы классической исторической науки (в том числе, уже сложившейся советской) перед модерновыми новациями, выраженными А.Я. Гуревичем<sup>54</sup>.

---

<sup>49</sup> Выпуск 1964 г. Нина Николаевна Байдакова. 2006. С. 45.

<sup>50</sup> ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390. Л. 23.

<sup>51</sup> Николай Анатольевич Бенедиктов. 2005. С. 58.

<sup>52</sup> *Неусыхин*. 1968. С. 45–48; Обсуждение доклада А.И. Неусыхина. 1968. С. 56–58, 59–61.

<sup>53</sup> *Баткин Л.М.* 1994. С. 6.

<sup>54</sup> *Гуревич*. 1968. С. 64–65; Обсуждение доклада А.Я. Гуревича. С. 70–71, 72–76.

Соколов бескомпромиссно боролся и с рядом коллег. Близкий ему по возрасту С.В. Фрязинов сообщал горьковскому корреспонденту о намерении Соколова «воевать» с В.В. Пугачевым<sup>55</sup>. «Война» развернулась принципиальная, если судить по одному свидетельству (без даты и контекста): «В.В. Пугачев как-то предложил опубликовать одну из последних работ Николая Петровича в вузовском сборнике. – Зачем? Это интересно всего 7 или 8 человекам на Земле [риторический вопрос Н.П. Соколова]»<sup>56</sup>. Пугачев пытался восстановить отношения, по крайней мере, сделать их нейтральными и ради этого предложил Соколову опубликоваться, но тот самоуничижительно и категорично обесценил этот жест. Хотя до конфликта недавно пришедший на исторический факультет ГГУ Пугачев активно содействовал изданию в Саратове докторской монографии Соколова<sup>57</sup>, посвященной образованию Венецианской колониальной империи<sup>58</sup>. Потерей для историко-филологического факультета стал уход крупного антиковеда В.Г. Боруховича. «В.Г. Борухович защитил докторскую диссертацию в 1967 году... Конфликтная ситуация с неконфликтным В.Г. Боруховичем, усугубленная склоками на факультете, закончилась его отъездом в Саратов. Для факультета это была потеря... Нужен был уровень и блеск, а появившийся взамен античник, если его и наработает когда-либо, то пройдут многие десятилетия»<sup>59</sup>. Странники политической борьбы, нацеленной на создание условий для занятия исторической наукой, в этом уходе винили Соколова: «И, конечно, не без благословения Соколова с кафедры – и из университета – был вытеснен В.Г. Борухович»<sup>60</sup>. В отношении Соколова к Боруховичу мог примешиваться и другой мотив. Объясняя уход Боруховича в Саратовский университет, мемуарист отметил: «Потом я узнал, что антисемитизм исходил прежде всего от профессора Н.П. Соколова»<sup>61</sup>.

Эти обстоятельства позволяют объяснить позицию Соколова в 1968–69 гг. В цитате, где вопрошается о независимости Н.П. Соколова, встречаемся «с искусственным переносом тех идей и социальных переживаний 1960–1970-х гг. на людей более ранних поколений». 75-летний Н.П. Соколов высказывался по поводу социалистической действительности в стране: «Раскачивать лодку социализма – это вредное дело, ко-

<sup>55</sup> ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390. Л. 52 об. О В.В. Пугачеве см.: *Динес*. 2001.

<sup>56</sup> *Помазов*. 2005. С. 38.

<sup>57</sup> Взято из рукописи И.В. Кетковой «Н.П. Соколов. Классическое наследие».

<sup>58</sup> *Соколов*. 1963.

<sup>59</sup> Николай Анатольевич Бенедиктов. 2005. С. 57.

<sup>60</sup> *Помазов*. 2005. С. 38.

<sup>61</sup> *Строгецкий*. 2009. С. 77.



торое ни к чему хорошему не приведет»<sup>62</sup>. Эта позиция не противоречит жизненному опыту Соколова. «Он часто говаривал, что принадлежит к самому несчастному поколению русских людей: две мировые войны, три российские революции, голодовки 20-х, раскулачивание 30-х, “ежовщина” – это далеко не все, что пришлось пережить»<sup>63</sup>. Вот еще одно красноречивое свидетельство – из противоположного лагеря – студента-диссидента второй половины 1960-гг.:

«В 1965 г. в ВУЗах был введен курс научного атеизма. Читать его у нас дали удивительному человеку и большому ученому Николаю Петровичу Соколову... Иногда в середине лекции, видя, увы, полное отсутствие внимания (большинство читали в это время самиздат, данный на одну лекцию) – он внезапно замолкал. Молчание продолжалось одну-две минуты. Мы, оглушенные его молчанием, тоже останавливались. Почти бесшумно прятался самиздат, раскрывались тетради с конспектами лекций и наступала напряженная тишина. Николай Петрович, не глядя на нас, спокойно подходил к окошку и... негромко говорил: “Когда я весной 1911 г. гулял по берегам Рейна, увитым виноградниками...” затем следовала небольшая пауза и далее “А в России порядка все нет и нет”. Затем он подходил к кафедре и спокойно продолжал свой рассказ. Мы... выслушивали эту сентенцию, чувствуя смущение и стыд. Но через 10–15 минут листы самиздата снова ложились на наши колени, лекция продолжалась обычным порядком. Как я сейчас думаю, он не был атеистом, но, конечно, не был и верующим. Скорее всего, это был позитивист, поклонник разума и научной истины. И, как ни странно, это и оказалось “ахиллесовой пятой” нашего курса научного атеизма. Он не мог говорить и рассказывать так, как это требовалось программой, не мог повторять азы жалких брошюр... Он предложил нам принести на занятия тексты Библии, чтобы на семинарах работать с ними... Открывалась неисчерпаемая сокровищница мысли, чувств, нравственных требований. Мы были ошеломлены»<sup>64</sup>.

Контекст приведенных свидетельств позволяет присоединиться к мнению Е.В. Кузнецова об отношении Н.П. Соколова к процессам на историко-филологическом факультете ГГУ в 1960-е гг.: «Я должен со всей ответственностью заявить читателям, что мой наставник Н.П. Соколов был на стороне защиты существовавшего государственного порядка... Ключевым словом является понятие “порядок” – тот порядок, который позволял спокойно и плодотворно трудиться»<sup>65</sup>. Думается, что смена социального строя, от которого много претерпел Н.П. Соколов, казалась ему чреватой потрясениями и лишениями, грозящими прервать развитие науки, установившееся течение жизни и привычный исследовательский процесс. В последнем можно усмотреть и желание подла-

---

<sup>62</sup> См.: С.И. Архангельский как наставник и ученый. 2009. С. 145.

<sup>63</sup> *Меженин, Кузнецов.* 1996. С. 173–174.

<sup>64</sup> *Капранов.* 2005. С. 111.

<sup>65</sup> *Кузнецов.* 2008. С. 110.

диться под тональность советской идеологии. Возможно, не только этими мотивами руководствовался Н. П. Соколов, обрушиваясь на своего ученика В. Бабаева:

«Человек он был жесткий... Он... считал, что трудные перепитии собственной судьбы дают ему право не очень сочувствовать другим. Он не хотел ввязываться ни в какие проблемы, грозящие неприятностями. Отсюда и его поведение в истории с Бабаевым. В борьбе, которая развернулась на истфаке между диссидентствующим Пугачевым и его противниками, Соколов довольно жестко выступил против пугачевцев... Трудно сказать, что именно лежало в основе позиции Николая Петровича – вынужденный конформизм или убеждения. Помню наш с ним разговор где-то в конце 50-х годов... Тогда актуальными были суждения о культе личности. Николай Петрович держал в руке палку, бил ей по песку, поднимая пыль, и повторял: “Массы – пыль, пыль. Только личность, только личность делает историю”. Примерно, в это же время мы... обсуждали американский фильм “Война и мир”... Потом разговор как-то соскочил на сам роман, и в какой-то связи Николай Петрович сказал, “Хватит в России переворотов. Не дай бог”. Возможно, именно отсюда и его позиция»<sup>66</sup>.

Тем не менее, Соколов не принимал советский строй:

«Нонконформизм Н.П. Соколова выражался через призму локальных сюжетов лекционного материала, благо европейская история представляла обширное поле для ассоциаций. Как-то я зашла на его лекцию по античной истории (двери его аудитории были всегда открыты для всех желающих). Речь шла о событиях периода Октавиана Августа, когда при сохранении прежних форм государственного устройства, по сути, менялся политический режим, вводились другие нормы общественной жизни. Sapienti sat (умному достаточно) – закончил свою лекцию профессор. Современность имплицитно присутствовала в его лекции»<sup>67</sup>.

Жизненный опыт Соколова вкупе с научной и гражданской позицией, выстраданной Историком, надолго оторванным от Дела жизни будил мысли о том, что не было сделано, поскольку жил он в «эпоху перемен». «Исчезнет боль разочарования, и как-то, казалось бы, в совершенно спокойной беседе обмолвится перед своими близкими учениками профессор Соколов о пережитом, придут ему на ум слова друга М.В. Левченко, памяти которого Н.П. Соколов посвятил свою монографию о Венецианской колониальной империи: “Если бы не случилось то, быть бы нам с Вами, любезный Николай Петрович, академиками”»<sup>68</sup>. Возможно, Соколов вычленил из слов Левченко идею о том, сколько не

<sup>66</sup> Не подводя итоги... 2011. С. 106-107.

<sup>67</sup> Из рукописи И.В. Кетковой «Н.П. Соколов. Классическое наследие».

<sup>68</sup> *Меженин В.М., Кузнецов Е.В.* 1996. С. 169. Возможно, М.В. Левченко был не объективен по отношению к себе и коллеге. Н.П. Грацианский писал С.И. Архангельскому 22 января 1941 г.: «Была защита ряда докторских диссертаций, между прочим, очень неважной диссертации Левченко (известный Вам курс истории Византии)». ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 145. Л. 4.

было сделано того, за что до 1917 г. избирали в Академию наук. В свою очередь, по отношению к ровеснику, единомышленнику, коллеге по преподаванию в ГГУ, эрудиту, знатоку истории Французской революции, средневековой истории Пиреней Сергею Васильевичу Фрязинову (1891–1971) Николай Петрович изрек: «Сергей Васильевич родился не в свой век: ему бы в Париж XVII века, чтобы стать украшением монастыря Св. Мавра (монахи которого проявили себя как глоссаторы и публикаторы древних текстов – преимущественно латинских и греческих)»<sup>69</sup>.

Повторное упоминание метафоры монастыря, употребленной Н.П. Соколовым по отношению к исторической науке и месту, где обучают ее азам, позволяет представить образ Истории, сложившийся у Соколова. Монастырь – пространство, отгороженное от внешнего мира с его суетностью и страстями, что позволяет осуществлять служение.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 376 с.
- С.И. Архангельский как наставник и ученый (интервью Р.В. Шиженского с Е.В. Кузнецовым) // *Пирени А.* Средневековые города и возрождение торговли/Перевод с английского и предисловие С.И. Архангельского. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного педагогического университета, 2009. С. 142–145.
- Баткин Л.М.* О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // *Одиссей.* 1994. № 2. С. 5–28.
- Выпуск 1964 г. Нина Николаевна Байдакова // *Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск третий).* Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 43–47.
- Григорьева Е.А., Кузнецов А.А.* Представители петербургской исторической школы в Горьковском педагогическом институте (проблема адаптации традиций исторических школ в советском образовании 1930 – 1950-х гг.) // *Мир историка: историографический сборник.* Вып. 7. Омск: Изд-во Омского госуниверситета, 2011. С. 205–223.
- Гуревич А.Я.* Некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества. Индивид и общество (Тезисы доклада) // *Средние века.* Вып. 31. М., 1968. С. 64–65.
- Динес В.А.* Пугачев Владимир Владимирович // *Историки России. Биографии.* М: РОССПЭН. 2001. С. 841–846.
- Капранов М.С.* Далекое – близкое // *Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников.* Нижний Новгород: б/и, 2005. С. 108–112.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
- Кузнецов А.А.* «Ошибки космополитического порядка налицо...»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // *Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А.Н. Маслова.* Нижний Новгород: Пламя, 2011. С. 82–102.

---

<sup>69</sup> *Кузнецов Е.В.* 2008. С. 83.

- Кузнецов Е.В.* Одна жизнь менялась на другую. Мемуары русского историка. Арзамас, 2008.
- Кузнецов Е.В., Меженин В.М.* Николай Петрович Соколов // Горьковский государственный университет: выдающиеся ученые. Горький: Издательство ГГУ, 1988. С. 126–136.
- Меженин В.М., Кузнецов Е.В.* Страницы нижегородской историографии: профессор Н.П. Соколов // Исследования по истории России. Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 1996. С. 165–174.
- Не подводя итоги... (Письмо профессора А.Я. Левина А.А. Кузнецову по поводу его статей, посвященных борьбе с космополитизмом в исторической науке г. Горького и биографии Н.П. Соколова от 28.09.2011) // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А.Н. Маслова. Нижний Новгород: Пламя, 2011. С. 103–108.
- Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (Тезисы доклада); Обсуждение доклада А.И. Неусыхина (выступление Н.П. Соколова и часть ответа А.И. Неусыхина, адресованная Н.П. Соколову) // Средние века. Вып. 31. М.: Наука, 1968. С. 45–48, 56–58, 59–61.
- Николай Анатольевич Бенедиктов // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск второй). Нижний Новгород: б/и, 2005. С. 55–61.
- Обсуждение доклада А.Я. Гуревича (выступление Н.П. Соколова и часть ответа А.Я. Гуревича, адресованная Н.П. Соколову) // Средние века. Вып. 31. М.: Наука, 1968. С. 70–71, 72–76.
- Обсуждение доклада А.И. Неусыхина (выступление Н.П. Соколова и часть ответа А.И. Неусыхина, адресованная Н.П. Соколову) // Средние века. Вып. 31. М.: Наука, 1968. С. 56–58, 59–61.
- Помазов В.В.* Духовной жаждой томим (Из воспоминаний выпускника истфака) // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск второй). Нижний Новгород: б/и, 2005. С. 34–53.
- Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1963. 563 с.
- Строгецкий В.М.* Несколько слов о В.Г. Боруховиче // Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2009. С. 77–79.
- Фионова Н.А.* Николай Петрович Соколов. Биобиблиографическая справка. Горький: Изд-во ГГУ, 1990. 16 с.
- Григорьева Екатерина Алексеевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; [pps74@list.ru](mailto:pps74@list.ru)
- Кузнецов Андрей Александрович*, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; [nalbuз@mail.ru](mailto:nalbuз@mail.ru)

Л. П. РЕПИНА

## «МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В ГРЯДУЩЕЕ», ИЛИ ВНОВЬ О МЕТАФОРЕ ПАМЯТИ\*

---

Обращаясь к проблемам исторической памяти в политическом контексте и рассматривая ее в прагматическом ключе, историки в основном сосредоточены на изучении различных аспектов «использования прошлого» и «риторики памяти», а также конкурирующих мемориальных практик. Автор статьи исходит из необходимости синтеза прагматического и когнитивного подходов и, в этой связи, рассматривает проблемы концептуализации понятий исторической памяти и исторического сознания.

**Ключевые слова:** историческая память, политика памяти, когнитивный подход, метафора, образ, концепт.

---

Вынося в заголовок предложенную М.А. Баргом яркую и точную метафору исторического сознания я хотела бы не просто напомнить читателям о приоритете выдающегося отечественного историка и методолога в теоретической разработке этой категории анализа<sup>1</sup>, но еще раз вернуться к вопросу о трудностях концептуализации и несводимости друг к другу двух популярнейших понятий современного гуманитарного знания – *исторической памяти* и *исторического сознания*. Попытки дать им логические определения, как правило, наталкиваются на общие для гуманитарного познания проблемы и неизбежно порождают споры<sup>2</sup>.

М.А. Барг справедливо и неоднократно подчеркивал, что было бы неверно сводить историческое сознание к исторической памяти, как и ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием. По мысли ученого, общественное сознание является историческим не только в силу того, что его содержание с течением времени изменяется (в этом случае речь идет об историчности общественного сознания), но и потому, что определенной своей стороной оно «обращено» в прошлое, «погружено» в историю (отражает восприятие истории). Но исчерпывается ли этим прошлым содержание исторического сознания? – Ответ на этот вопрос, который мог бы быть довольно пространным и размытым,

---

\* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Терминология современной науки: теория и методология истории» (№ 10-06-00264а).

<sup>1</sup> См.: Барг. 1982.

<sup>2</sup> Эти проблемы чрезвычайно актуализировались в процессе работы коллектива авторов над терминологическим словарем «Теория и методология исторической науки» (руководитель проекта – академик А.О. Чубарьян).

оказывается «свёрнут» в символический образ «духовного моста», переброшенного через пропасть времен, из прошлого в грядущее<sup>3</sup>.

В контексте историографической революции новейшего времени эта риторическая фигура обретает особое интерпретационное качество и становится эпистемологической категорией<sup>4</sup>. При этом *историческое время* может быть представлено как «единство всех трех измерений», в рамках которого прошедшее и будущее «“встречаются” в настоящем, выступают его составляющими»<sup>5</sup>.

Впрочем, в литературе встречаются разные версии направленности движения в рамках представленной тройственной хроноструктуры. Можно, например, обнаружить модели, в которых вектор направлен от будущего к прошлому, и образ будущего, так или иначе очерчивающий поставленные субъектом действия цели, определяет, тем самым, картину прошлого. Вспомним в этой связи мысль К. Ясперса о том, что будущее, рассматриваемое как пространство возможностей, «получает глубину лишь посредством прошлого» (осознавая себя «связанным тем, что сделано, предпринято, решено»), но зависимость оказывается двусторонней: «более позднее определяет более раннее, поскольку оно связывает его из некоего будущего, которое не оставляет ему произвольной жизни...»<sup>6</sup>.

Схема Поля Рикера выглядит так: «...с памятью связано направление ориентации в двойном значении – от прошлого к будущему, как бы с помощью толчка сзади, в соответствии со стрелой времени, характеризующей его изменение; но также и от будущего к прошлому, путем противоположного движения – от ожидания к воспоминанию *через живое настоящее* (курсив мой – Л. Р.)»<sup>7</sup>. И здесь стоит подчеркнуть, что это «живое настоящее», «подталкиваемое» воспоминаниями, обладает немалым собственным детерминирующим потенциалом в каждой конкретной культурно-исторической ситуации. На мой взгляд, характерная для социальной (групповой) памяти избирательность (тенденциозность) действует от ситуации настоящего – через идеал «светлого» будущего (в той или иной его версии) или, напротив, из страха перед ним, рож-

<sup>3</sup> Барг. 1987. С. 24. Ср. с эмоционально-личностной интерпретацией Й. Рюезна: «Прошлое... проникает в нас, в глубины нашей субъективности и одновременно *через нас и из нас* – в будущее...» (Рюзен. 2003. С. 61), или же с таким предельно афористичным высказыванием: «Еще несуществующее вторгается в пределы уже несуществующего и видоизменяет его» (Савельева, Полетаев. 1997. С. 605).

<sup>4</sup> О метафоре как эпистемологической категории см.: Вжосек. 2012.

<sup>5</sup> Барг. 1976. С. 51; 1984. С. 90.

<sup>6</sup> Ясперс. 2000. С. 118, 114. В этом ракурсе память может быть представлена как «синтез прошлого и настоящего в виду будущего». Бергсон. 1911. С. 258.

<sup>7</sup> Рикер. 2004. С. 137.

дающего ностальгический культ «славного» прошлого, – к образу миновавшего, соответствующего заданной исторической траектории.

При таком «встречном» движении речь может идти как о сознательной манипуляции прошлым со стороны власть предержащих или их оппонентов, так и об эффектах коллективного бессознательного, поскольку в реальном времени политические решения принимаются, осуществляются и оправдываются (или же критикуются и отвергаются), а практические действия индивидуальных и коллективных исторических субъектов осмысляются и оцениваются сквозь призму сложившихся социальных (групповых) представлений в границах совокупности определяемых ими потенциальных возможностей. В этом плане особенно перспективным выглядит изучение кульминационных точек истории, ее переломных периодов, всегда отмеченных высоким общественным интересом к прошлому, острыми политическими дебатами, конкуренцией социально-политических проектов и «позиционной войной» в историографии. В общественном сознании кризисных и переходных эпох, в периоды крупных и стремительных социальных сдвигов, радикальных реформ, войн, революций ярко проявляются противоречивые и даже конфликтующие «образы прошлого»<sup>8</sup>. Именно в такие «смутные времена» общественных трансформаций происходят существенные изменения в привычном порядке сочленения прошлого, настоящего и будущего.

Эта векторность исторического сознания непосредственно связана с существованием разных типов общественного идеала: *ретроспективного* (идеал в утраченном прошлом, «золотом веке») и *перспективного* (идеал в ожидаемом и желанном будущем). Так, например, по словам Патрика Хаттона, в отличие от исторических представлений предшествовавших эпох, историческое сознание, отражающее ценности современной культуры, «демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым и возлагает большие надежды на новшества будущего»<sup>9</sup>. Франсуа Артог предложил в качестве полезного инструмента анализа исторического сознания типологию «режимов историчности» (пассеизм, презентизм, футуризм), различных форм восприятия и способов сочленения категорий прошлого, настоящего и будущего, различающихся по тому, на какой из трех модальностей времени ставится акцент в разных обществах и культурах, на разных социальных уровнях<sup>10</sup>.

---

<sup>8</sup> См. об этом: Кризисы переломных эпох... 2012.

<sup>9</sup> Хаттон. 2003. С. 24.

<sup>10</sup> Hartog. 2003; Артог. 2002. В представлениях о будущем (в «превращенном» виде) находят отражение проблемы, которые волновали изучаемые общества в их настоящем: «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное

Значение темпорального компонента культурных представлений в общей картине мира невозможно переоценить. При этом сегодня ставится задача не просто констатировать особенности концепций времени в исторических традициях разных культур и эпох, но и направить усилия на поиск всеобщего, характерного для всего человечества. В связи с этим разрабатываются новые подходы к сравнительному изучению исторического сознания и концепций прошлого.

Без сомнения, «культурный поворот» дал мощный импульс разработке проблемы коллективных представлений о прошлом<sup>11</sup>. Вместе с тем дискуссии вокруг таких концептов, как «историческая память», «историческое сознание», «образы прошлого», продолжаются, а новые исследования в «парадигме памяти», придают им свежие краски.

В этом плане заслуживает серьезного внимания анализ понятийно-го инструментария исследований исторической памяти, предпринятый О.Б. Леонтьевой в ее фундаментальной монографии об образах прошлого в российской культуре XIX – XX вв.<sup>12</sup> Автор видит трудность в том, что историческая память представляет собой и совокупность текстов, и совокупность образов, а текст и образ анализируются с помощью разных исследовательских методик и разных категорий. И если в первом случае в центре познавательной процедуры оказываются язык исторического письма («дискурсы памяти») и приемы исторической концептуализации, то исследование многозначных образов прошлого, позволяющее проследить «процесс превращения фактов реальности в факты исторической памяти», ориентировано на соотнесение их с концептами и проектами коллективной идентичности. Внимание историка концентрируется на категории исторического мифа. Миф трактуется как «механизм, обеспечивающий воспроизведение коллективной идентичности через постоянные отсылки к сюжетному повествованию об “общем прошлом”, к его ключевым моментам и персонажам»<sup>13</sup>. Задавая себе вопрос, почему именно «миф» превратился в центральную категорию изучения истори-

---

прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты. Точно так же, когда они в воображении проецируют себя в будущее – голосом своих пророков, мыслителей-утопистов или авторов научной фантастики – они говорят лишь о своем настоящем, о своих устремлениях, надеждах, страхах и противоречиях современности». *Шмитт*. 2008. С. 132.

<sup>11</sup> Труднее продвигаются исследования более сложного феномена исторической культуры, которая включает «картину прошлого» в групповом и общественном сознании, а также вербальные, коммуникативные, материальные аспекты ее «социальной циркуляции». Подробнее об этом см.: *История и память...* 2006; *Репина*. 2011.

<sup>12</sup> См.: *Леонтьева*. 2011.

<sup>13</sup> *Леонтьева*. 2011. С. 9-14.



ческой памяти, Леонтьева находит причину в том, что, поскольку миф «представляет собой семантическое “ядро”, где в свернутом виде заключены и образ, и рассказ-повествование», эта категория «позволяет объединить и дискурсивную, и образную природу исторической памяти. Вместо же “сверхъестественных сил”, влияющих на судьбу персонажа, в современных исторических дискурсах выступают трансцендентальные ценности той или иной культуры, приобщение к которым придает смысл человеческой жизни и непреходящее значение – конкретным поступкам. Таким образом, исследование исторической памяти всегда представляет собой реконструкцию идентификационных структур, свойственных сознанию “вспоминающей” эпохи. Понятия “идентичность”–“память”–“дискурс”–“образ”–“миф” оказываются взаимно увязанными друг с другом, существующими в одном проблемном поле»<sup>14</sup>.

Специалисты по истории разных цивилизаций редко сопоставляют результаты своих исследований, а если это случается, то процедура, как правило, сводится к противопоставлению, поиску контрастов. В таком сравнении доминирует неизбежная предзаданность культурного контекста, вследствие чего исследователь оценивает историческое мышление другой цивилизации сквозь призму идеи истории в собственной культуре, и это имеющееся у него представление о том, что есть история, выступает как скрытый критерий, как норма или, по меньшей мере, как некий фактор, структурирующий его видение и оценку иных вариантов исторического мышления (так называемый «культурный империализм»). В случае неотрефлексированности этой познавательной ситуации, такое сравнение превращается в простое измерение дистанции от некритически воспринятой «нормы» в терминах «развитости» («прогрессивности») и «отсталости» («архаичности», «примитивности») и не дает возможности разобраться в особенностях и сходствах различных способов исторического мышления и историописания.

Попытка Й. Рюзена на основе синтеза модернистского и постмодернистского типов исторического мышления одновременно признать идею существования множества различных историй и идею единства исторического опыта открывает новые возможности. Историк подчеркивает: «.Нам нужна ведущая система ценностей, универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур (курсив мой. – Л. Р.)<sup>15</sup>». Звучит парадоксально, но столь же внешне парадоксальным может показаться и более общий принцип сосуществования культур и

---

<sup>14</sup> Леонтьева. 2011. С. 16-17.

<sup>15</sup> Рюзен. 2001. С. 24–25.

цивилизаций в современном глобализирующемся мире – принцип «единства в многообразии». Между тем, Рюзен распространил этот принцип на уровень исторического сознания с его множественностью форм (как синхронных, так и стадиальных), прежде всего – в проблемном поле, обозначенном им как «межкультурная компаративная историография»<sup>16</sup>. Речь идет о сравнительном анализе исторического сознания и традиций историописания, который выходит далеко за пределы европейской культурной традиции и западной цивилизации – на глобальную арену<sup>17</sup>. С целью коррекции культурной включенности исследователя предлагается теория «культурных универсалий исторического сознания» (или «общая теория культурной памяти»), т. е. выход за рамки свойственных профессиональной историографии рациональных процедур исторического познания в пространство базовых ментальных операций воспоминания, интерпретации и репрезентации прошлого, присутствующих в любой культуре и обеспечивающих практические потребности ориентации людей в их настоящем.

«Теория культурной памяти, или исторического сознания», объясняющая эту базовую процедуру осмысления прошлого, является отправным пунктом для межкультурного сравнения. Историография как таковая выступает в рамках этой теории как одна из специфических форм универсальной культурной практики. В такой перспективе оказывается видимым не только все разнообразие вариантов, но и то, как именно оно складывается. Однако этот грандиозный проект «межкультурной сравнительной историографии», не имеющий хронологических и пространственных ограничений, требует множества дополнительных конкретных исследований, способных обеспечить максимально «плотное описание» национальных историографий (и даже локальных историографических традиций), и может быть реализован только коллективными усилиями «невидимого колледжа» историков разных стран и регионов мира. На этом долгом пути будут постоянно возникать дискуссии как вокруг методик реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и динамики развития в разных культурных ареалах<sup>18</sup>, так и вокруг всё разрастающегося

---

<sup>16</sup> Rüsen. 1996.

<sup>17</sup> Первый прорыв глобального подхода в историю историографии – уникальную разработку предметного поля «глобальной историографии» см. в книге: Iggers, Wang. 2008. (Рус. пер.: Иггерс, Ван. 2012).

<sup>18</sup> Один из шагов в этом направлении предпринят в коллективном труде «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад», авторы которого, опираясь на материалы античной, средневековой и

репертуара ключевых концептов («коллективная память», «социальная память», «культурная память», «мемориальная культура», «историческая память», «историческое сознание», «образы прошлого» и др.).

Между тем все эти концепты, возникшие в рамках разных теорий, ориентированы на осмысление надындивидуального измерения памяти, а возникающие вокруг них споры восходят к извечному противостоянию парадигм «методологического холизма» и «методологического индивидуализма», выраженном в дихотомии «индивидуальное / надындивидуальное». В этом плане продуктивным представляется междисциплинарное взаимодействие – сотрудничество историков с представителями широкого спектра гуманитарных наук (философии, культурологи, психологии, лингвистики и других), предлагающих социально-ориентированные трактовки феномена памяти.

Показательно, например, что хотя, как и многие другие критики «социальных рамок» Хальбвакса, Я. Ассман выступил против признания коллектива субъектом памяти и употребления (пусть и метафорического) понятий «групповая память» и «память нации», однако разработанная им на материале древних культур теория культурной памяти в целом построена на том же фундаменте: автор трактует культурную память как «особую символическую форму передачи и актуализации культурных смыслов, выходящую за рамки опыта отдельных людей или групп».

Д. Лоуэнталь, говоря о прошлом, существующем в памяти индивида, подчеркнул: «События и опыт прошлого предшествуют нашей жизни, однако прочитанные, услышанные и повторенные вновь, они становятся также частью наших собственных воспоминаний»<sup>19</sup>. Ю.М. Лотман выразился по этому вопросу однозначно: «Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти»<sup>20</sup>. П. Рикёр предложил «исследовать возможности взаимодополнительности» феноменологии индивидуальной памяти и социологии коллективной памяти<sup>21</sup>.

---

новоевропейской, византийской и древнерусской, а также ряда восточных письменных традиций, стремились выявить как культурные универсалии, так и цивилизационные особенности и их преломление на различных этапах развития социумов, исследовать образы прошлого, настоящего, будущего и характер темпоральных и исторических представлений разного уровня (профанного и элитарного, обыденного и научного). См.: *Образы времени и исторические представления...* 2010.

<sup>19</sup> Лоуэнталь. 2004. С. 296.

<sup>20</sup> Лотман. 1996. С. 344-345.

<sup>21</sup> Рикёр. 2004. С. 174.

А.И. Макаров, следуя концепциям М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, пишет: «Сознание и память индивида не находятся в изоляции от знаний, которыми обладают или когда-то обладали другие люди. Благодаря общению между людьми и традиции как коммуникации между поколениями, знания способны накапливаться и храниться. Это – бесценный запас всеобщего опыта. Рождаясь, входя в общение с Другими, погружаясь в язык, человек становится проводником знания (образов, понятий, схематизмов мышления), накопленного его референтной группой... Если же допустить, что человеческие сообщества тоже способны вступать в обмен знаниями с другими группами, то групповая память вливается в некую общегрупповую надындивидуальную память»<sup>22</sup>.

Таким образом, конфликт между двумя типами концептуализации феномена надындивидуальной памяти (либо как пространства общего социального опыта, имеющего имманентно-трансцендентную природу, либо как конструкта индивидуального сознания, порождаемого прагматическими потребностями той референтной группы, к которой принадлежит индивид) переводится в комбинацию двух взаимодополнительных тенденций, отражающих диалектические моменты процесса социализации личности: «тенденции на *интериоризацию* коллективной памяти индивидуальным сознанием и тенденции на *экстериоризацию* индивидуальной памяти в обществе»<sup>23</sup>.

Заметим, что в структуре надындивидуальной (коллективной) памяти представления о прошлом неизменно определяются ценностными мерками настоящего, а лежащая в основании традиции память оказывается чувствительной к социальной ситуации и политическому моменту<sup>24</sup>. Поэтому не удивительно, что столь часто встречаются многочисленные схожие высказывания о «политике истории» и «политике памяти», хотя и сделанные в разных идеологических контекстах и с несовпадающими интенциями. Так, согласно Ф. Фюре, «политика памяти, понятая как власть стереотипов мышления, воздействующих из прошлого на настоящее, игнорируется перед лицом другой политики, под-

---

<sup>22</sup> Макаров. 2009. С. 10. См. также: Макаров. 2007. В свою очередь, Н.Г. Брагина рассматривает память как самоорганизующуюся и самонастраивающуюся систему функционирования фрагментов личного и социального прошлого и различает *личную* и *коллективную* (как не являющуюся личной) память, а также *коллективную* (как относящуюся к разным социальным группам) и *общественную* память (соотносимую с *народной памятью* и связанную в первую очередь с коммеморативными практиками). Брагина. 2007. С. 159.

<sup>23</sup> Макаров. 2009. С. 188.

<sup>24</sup> Хаттон Р. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 249, 255.

разумевающей сознательную стратегию проектирования образов прошлого в планах будущего»<sup>25</sup>. А для известного исследователя гендерной теории и истории Джоан Скотт «создание истории – это политический акт: он не репрезентирует прошлое, а скорее создает его шаблон», и «когда мы сегодня заняты конструированием будущего, реконструкция нашего понимания прошлого может нам только помочь»<sup>26</sup>.

В таком контексте концепт «историческая память» главным образом связывается с понятием «политика памяти», с анализом роли политического заказа в формировании и закреплении конкретных знаний о прошлом для обеспечения определенных социально-политических задач. Активно обращаясь к проблемам исторической памяти в политическом контексте, историки в основном сосредоточены на изучении различных аспектов «использования прошлого» и «риторики памяти». Однако, рассматривая в прагматическом ключе механизмы формирования, фиксации, сохранения, преобразования и передачи исторической памяти, а также социальное бытование представлений о прошлом в профессиональной и массовой культуре и их роль в общественной жизни и в политической ориентации индивидов и групп, нельзя забывать о когнитивной роли исторической памяти, что предполагает принципиальную исследовательскую установку на синтез прагматического и когнитивного подходов к ее изучению. Социальная память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены данной группы неосознанно ориентируются в своем окружении, она является также источником знания, дающим материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого в исторической мысли и профессиональном историческом знании.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

- Артог Ф.* Время и история // *Анналы на рубеже веков: антология.* М., 2002. С. 147–168.
- Барг М.А.* Историческое сознание как историографическая проблема // *Вопросы истории.* 1982. № 12. С. 49–66.
- Барг М. А.* Шекспир и история. М.: Наука, 1976. 200 с.
- Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 350 с.
- Берссон А.* Материя и память. Исследование об отношении тела к духу. СПб., 1911.
- Брагина Н. Г.* Память в языке и культуре. М., Языки славянских культур, 2007. 520 с.
- Вжосек В.* Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012. 336 с.
- Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / при участии С. Мукерджи; пер. с англ. О. Воробьевой; науч. ред. М. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.

<sup>25</sup> Цит. по: *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 357.

<sup>26</sup> *Scott.* 1988. P. 196–197.

- История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
- Лотман Ю.М.* Альтернативный вариант: Бесписьменная культура или культура до культуры? // *Он же.* Внутри мыслящих миров: Человек–текст–семиосфера–история. М.: Языки русской культуры. 1996. 464 с.
- Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. М.: «Владимир Даль», 2004. 624 с.
- Макаров А.И.* Феномен надъиндивидуальной памяти. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 216 с.
- Макаров А.И.* Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 6-18.
- Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 960 с.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2004. 728 с.
- Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
- Рюзен Й.* Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем. 2003. Вып. 10. С. 48–65.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб.: «Владимир Даль», 2003. 424 с.
- Шмитт Ж.-К.* Овладение будущим // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 127-148.
- Ясперс К.* Всемирная история философии. СПб.: Наука, 2000. 272 с.
- Hartog F.* Regimes d'historicité. Presentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003. 272 p.
- Iggers G.G., Wang Q.E.* A Global History of Modern Historiography. Harlow; N.Y.: Pearson Longman, 2008. XII+436 p.
- Rüsen J.* Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography // History and Theory. 1996. Vol. 35. Theme Issue: Chinese Historiography in Comparative Perspective / Ed. by Axel Schneider and Susanne Weigelin-Schwiedrzik. P. 5–22.
- Scott J.* Gender and the Politics of History. N.Y.: Columbia University Press, 1988.

**Репина Лорина Петровна**, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета, [repina\\_lorina@mail.ru](mailto:repina_lorina@mail.ru)

Д. Е. МАРТЫНОВ

## ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ В ХАНЬСКУЮ ЭПОХУ

---

В статье рассмотрена проблема исторического времени в китайской мысли эпохи Хань на примере двух выдающихся мыслителей того периода. Дун Чжун-шу начал решение задачи легитимации режима династии Хань и построил конфуцианское этическое и политическое учение в комплекс натурфилософских представлений китайской цивилизации. Хэ Сю превратил учение Дун Чжун-шу о «трёх эпохах» в восходящий социальный эволюционный ряд.

**Ключевые слова:** Конфуцианство, династия Хань, Дун Чжун-шу, Хэ Сю.

---

Благодаря деятельности школы «Анналов» в исторической науке произошло изменение представлений о социальном и историческом времени. Идея множественности социального времени была положена Ф. Броделем в основу его «новой концепции социального»<sup>1</sup>. В указанном контексте чрезвычайно важным представляется рассмотрение проблемы исторического времени на материале неевропейских культур и историографических традиций.

Проблема исторического времени в традиционной культуре Китая является чрезвычайно сложной, и до сих пор исследована плохо. В рамках одной статьи невозможно дать даже сколько-нибудь общий очерк эволюции соответствующих представлений, поэтому в нашу задачу входит лишь обзор суждений некоторых китайских мыслителей эпохи Хань (202 г. до н.э. – 220 г.), в которую происходит складывание теоретических комплексов, обслуживающих социальную «машину» и используемых официальной историографией.

Проблема изучения традиционных китайских представлений о времени встала сразу же после создания научной синологии. Это было связано с необходимостью «встраивания» теоретического наследия китайской традиционной историографии в смысловое и понятийное поле западной историографии. Пионерами здесь выступили французские исследователи, в первую очередь Марсель Гране (1884–1940)<sup>2</sup>. Гране категорично заявил, что «ни один из китайских философов не хотел рас-

---

<sup>1</sup> Калимонов. 2006. С. 133–134.

<sup>2</sup> Гране. 2004. С. 61–81.

сма­три­вать время как по­сто­ян­ную вели­чи­ну», причём ви­де­ние вре­ме­ни сме­ши­ва­лось с по­ня­ти­ем «ли­тур­гичес­кого по­ря­дка»<sup>3</sup>. В 1964 г. Дж. Ни­дэм впер­вые об­ра­тил вни­ма­ние на ли­ней­ные пред­став­ле­ния о вре­ме­ни в ки­тай­ской куль­ту­ре, со­че­та­ю­щие­ся с цик­личес­кими и под­час за­клю­чён­ные в «ци­кличес­кую оп­ра­ву»<sup>4</sup>. Ни­дэм по­пы­тал­ся до­ка­зать, что ли­ней­ные пред­став­ле­ния пре­об­ла­да­ли, что вы­зва­ло серь­ёз­ные воз­ра­же­ния со сто­ро­ны Н.И. Кон­ра­да<sup>5</sup>, а так­же И. Ци­ммер­ма­на и Н. Си­ви­на. Бы­ло до­ка­за­но, что в ки­тай­ской ис­то­ри­о­гра­фии, как и в ас­тро­но­мии, пре­об­ла­да­ли цик­личес­кие пред­став­ле­ния. В 1984 г. Ю.Л. Кроль вы­явил, что время су­ще­ст­во­ва­ния ди­на­стии мыс­ли­лось как от­ре­зок пря­мой, име­ю­щий на­ча­ло и кон­ец, но этот от­ре­зок вклю­чен в цик­личес­кую схе­му диск­рет­но­го вре­ме­ни (что и бы­ло по­ка­за­но Н. Си­ви­ном)<sup>6</sup>.

В кон­тек­сте осмыс­ле­ния ки­тай­скими мыс­ли­те­ля­ми про­ш­ло­го и бу­ду­ще­го сво­ей стра­ны и ми­ра (Под­не­бес­ной) огром­ную роль сы­гра­ли две те­о­рии, сфор­му­ли­ро­ван­ные в пе­ри­од Хань. Пер­вым упо­мя­нем Дун Чжун­шу (董仲舒, 179–104 гг. до н.э.), «Кон­фу­ция эпо­хи Хань», при­да­в­ше­го кон­фу­ци­ан­ству ха­рак­тер го­су­дар­ст­вен­ной иде­о­ло­гии<sup>7</sup>. Его за­да­чей бы­ла си­сте­ма­ти­за­ция слож­ной ие­ра­р­хии от­но­ше­ний ме­жду при­род­ным и че­ло­вечес­ким ми­ром. В ре­зуль­та­те ему уда­лось ор­га­ни­чно син­те­зи­ро­вать он­то­ло­гичес­кие те­о­рии пе­ри­о­да Чжоу (周室, 1122–256 гг. до н.э.), осо­бен­но *Инь-Ян* (陰陽) и «взаим­но­го поро­жде­ния/пре­одо­ле­ния пяти эле­мен­тов» (*у син сян шэн сян кэ* 五行相生相剋), – эта док­три­на в за­пад­ной си­но­ло­гии ча­ще об­означает­ся тер­ми­ном *Correlative Cosmology*<sup>8</sup>.

Ос­нов­ная до­шед­шая до нас ра­бо­та Дун Чжун­шу – *Чунь-цю фань лу* (春秋繁露, «Обиль­ные росы [на ли­стах лето­пи­си] “Вёсен и Осеней”»)<sup>9</sup>. Во вто­рой гла­ве («Чуский Чжуан-ван») ска­за­но: «Изд­ре­вле [ос­но­ва­тель ди­на­стии] не­пре­менно дол­жен был сменить ре­зи­ден­цию и де-

<sup>3</sup> Там же. С. 69.

<sup>4</sup> *Needham*. 1964. В нашем рас­по­ря­же­нии бы­ло дру­гое из­да­ние: *Needham*. 1986.

<sup>5</sup> *Конрад*. 1965.

<sup>6</sup> *Кроль*. 1984. С. 70–74.

<sup>7</sup> Ду­хов­ная куль­ту­ра Ки­тая. Т. 1. С. 254.

<sup>8</sup> См.: *Schwartz*. 1985. P. 350–382, но Дун Чжун­шу там от­во­дит­ся срав­ни­тель­но не­боль­шое ме­сто. М. Лёве под­чёр­ки­вал, что вы­ра­бот­ка новых кон­цеп­ций пред­став­ля­ла со­бой дол­гий и труд­ный про­цесс, так как ди­на­стия ис­ка­ла мораль­но­го и ин­тел­лек­туаль­но­го оправ­да­ния, вы­ра­жен­но­го в сверхъес­т­вен­ных тер­ми­нах. Этот про­цесс за­вер­шился к пра­в­ле­нию Ван Ма­на (8–23 гг.), т.е. длился око­ло двух сто­ле­тий.

<sup>9</sup> Текст был до­ступен нам в элек­трон­ном ви­де: URL: <http://ctext.org/chun-qiufan-lu>. Фак­ти­чески *Чунь-цю фань лу* пред­став­ляет со­бой соб­ра­ние 82 фи­ло­софских и со­ци­аль­но-политических эссе и тра­к­та­тов, соз­дан­ных в раз­ное время, и све­дён­ных вме­сте уже после кон­чи­ны мыс­ли­те­ля.



виз правления (*чэн хао* 稱號), изменить календарную эру (*гай чжэн шо* 改正朔). Тот, кто переменял цвета одежды и всё перечисленное, не осмелится не последовать повелению Неба (*шунь тянь* 順天), и будет легко распознавать его знаки и повиноваться. Что же касается общих принципов (*да ган* 大綱), таких как нормы отношений, мораль, управление, воспитание, быт и нравы, письменность и учение, всё останется как было, почему это должно быть изменено? Поэтому тот правитель совершенен (*ван чжэ* 王者), который переменял одеяния и имена, но не нарушил существо Дао-пути (*дао чжи ши* 道之實)<sup>10</sup>. Иными словами, в рамках конфуцианской картины мира совершенство представляется уже достигнутым в глубокой древности, поэтому главная задача правителя и его советников при смене династии – исполнять заповеданные предками функции и ритуал. В главе «Установления перемен *чжи* – *вэнь* Трёх династий» сказано: «В древности истинные государи, обладая страной, не изменяли всего, а некоторые вещи возвращали после прошествия трёх, четырёх, пяти и девяти [фаз династического цикла]»<sup>11</sup>.

По В. Бауэру, можно выделить следующие циклы:

- *двухфазный* – чередование Инь и Ян в полной последовательности (*инь ян вань бэй* 陰陽完備);
- *трёхфазный* – единство уровней мироздания: Неба, Земли и человека (*тянь, ди, жэнь сань вэй и ти* 天,地,人三位一体);
- *четырёхфазный* – смена времён года (*сы цзи* 四季);
- *пятифазный* – круговорот *У-син* (*у син сюнь хуань* 五行循环)<sup>12</sup>;
- *девятифазный* – сонм мудрых государей древности (*сянь мин* 賢明)<sup>13</sup>.

В истории китайской традиционной мысли возобладала пятеричная модель, которая чаще всего использовалась в универсальных классификациях. Хотя Дун Чжун-шу её не изобретал, со временем эта модель стала применяться для «эмпирического» подкрепления его теории. Например, большие сложности вызывало соотнесение «тела династии» с одним из пяти первоэлементов, причём сам Дун Чжун-шу полагал, что Ханьская династия соотносилась с элементом «Земля» (*ту* 土), а его оппоненты – с элементом «Огня» (*хо* 火)<sup>14</sup>. Подобные дискуссии прово-

<sup>10</sup> URL: <http://ctext.org/chun-qi-fan-lu/chu-zhuang-wang>

<sup>11</sup> URL: <http://ctext.org/chun-qi-fan-lu/san-dai-gai-zhi-zhi-wen>

<sup>12</sup> Об *у-син* см.: Духовная культура Китая. Т. I. С. 451–456.

<sup>13</sup> Bauer. 1976. P. 75.

<sup>14</sup> Eberhard. 1933. Сыма Цянь, например, правление Юя соотнёс с элементом Земли, династии Ся – с Деревом, Шан-Инь – с Металлом, Чжоу – с Огнём, Цинь – с Водой. Данным элементам соответствовали и добродетели. Поскольку при Хань циньской династии отказывали в праве космических корреляций, по мнению оппонентов данной точки зрения, Хань заново начала чжоуский цикл.

дились и в значительно более поздние эпохи, вплоть до Цинской (清代, 1644–1912)<sup>15</sup>: в 1636 г. маньчжуры переименовали название своей династии Поздняя Цзинь (後金), соотносящееся с элементом «Металл», на Цин, соотносившееся с элементом «Вода», поскольку династия их главного противника – Мин (明朝, 1368–1644) и родовое имя минских императоров – Чжу (朱) соотносились с элементом «Огонь»<sup>16</sup>.

Двухфазный династический цикл осмыслялся в категориях «простоты» (чжи 質) и «украшенности» (вэнь 文): например, ритуал периода совершенномудрых владык был «простым», сменившись «украшенностью» ритуала Ся. Династия Шан-Инь вновь начала цикл «простоты» ритуала и установлений, сменившийся при Чжоу очередным периодом «украшенности». Однако для Дун Чжун-шу данный цикл был лишь составляющей четырёхфазной схемы «шан – ся – чжи – вэнь» (商–夏–質–文), элементы которой соответствовали циклу «весна – лето – осень – зима» (названия династий не должны пониматься как имена собственные). История доханьского Китая коррелирует с циклом так: период Пяти владык соответствует «шан», династия Ся – фазе «ся», династия Шан – фазе «чжи», а династия Чжоу – фазе «вэнь». Из текста *Чунь цю фань лу* можно также узнать условия, по которым «диагностируется» фаза цикла. Выясняется, что нравам фаз «шан» и «чжи» свойственна строгость: отец даёт сыну собственное имя, жених и невеста на церемонии сидят на разных циновках, а мужа и жену хоронят в разных могилах. Напротив, в периоды «ся» и «вэнь» нравы смягчаются: жениха и невесту чествуют на одной циновке, а мужа и жену хоронят в одной могиле<sup>17</sup>.

В трактатах Дун Чжун-шу нет подробностей относительно девятиричного цикла, вероятно, потому что он не совершил в истории Китая полного круга. Для времени Дун Чжун-шу более актуальными и соотносимыми с эмпирическим материалом были трёхфазные циклы, которым, он, однако, давал разное наполнение. В первом толковании имеет место чередование элементов «верности (чжун 忠) – почтительности (цзин 敬) – украшенности (вэнь 文)». При соотнесении этим циклам трёх династий

<sup>15</sup> Следует иметь в виду, что утвердившиеся в историографии даты отражают династические циклы и должны рассматриваться как условные. Их отсчёт шёл от символического акта перехода под власть императора всей Поднебесной, причём фактический переход власти занял несколько десятилетий. В частности, наследники династии Мин претендовали на символическую легитимность до 1662 г. (традиционная историография не прилагает к ним императорских имён и титулов), а окончательно сопротивление маньчжурской династии было подавлено только к 1683 г.

<sup>16</sup> Торчинов. 2005. С. 75.

<sup>17</sup> URL: <http://ctext.org/chun-qiu-fan-lu/kao-gong-ming>

китайской древности окажется, что династия Чжоу и в троичном, и четвертичном циклах занимает позицию «вэнь». Этот троичный цикл в позднейших ханьских интерпретациях именуется *сань цзяо* (三教) со ссылкой на *Лунь юй* Конфуция: «[Династия] Инь основывалась на правилах поведения [династии] Ся (夏禮), то, что осталось [от прошлого] и было добавлено, – можно знать. [Династия] Чжоу основывалась на правилах поведения [династии] Инь<sup>18</sup>, то, что осталось [от прошлого] и было добавлено, – можно знать. Поэтому можно знать и о тех, кто сменит [династию] Чжоу, хотя бы и сменились сто поколений»<sup>19</sup>.

Намного интереснее выглядит трёхфазный цикл *Сань тун* (三統), или *Сань чжэнь* (三正), описанный в той же 23-й главе *Чунь цю фань лу*<sup>20</sup>. В сочетании *сань чжэнь* иероглиф *чжэнь* тесно связан с календарным циклом, имея значение «первый месяц года» (основное значение – «прямота»). Поскольку три древнейшие династии начали правление в разное время годового круговорота «ствола и ветвей», это имеет особое значение при определении фазы цикла. Дун Чжун-шу установил корреляции не только между началом календарного цикла и циклическим знаком – первоэлементом, но и между частями света, небесными созвездиями и их цветовыми соответствиями, которые должны быть использованы в ритуале. Схема выглядит так:

Небо установило три правления: чёрное, белое, красное. Каждая из династий, властвующая над Поднебесной, получая от Неба мандат, обязательно относится к одной из этих форм. Смена династий представляет собой циклическую смену, всегда происходящую в одном порядке: чёрное – белое – красное. Поскольку эти правления связываются с различными мировыми стихиями, представители данных династий должны вносить изменения в систему календаря, правила поведения и церемониал (*чжэнь шо фу сэ* 正朔服色).

Здесь вступает в силу закон «Трёх систем летосчислений» (*сань тун* 三統) Цикл начинается с династии Ся (夏), начало календарного года которой приходилось на первую луну года под циклическим знаком *инь* (寅, год Тигра, третий в цикле) – это чёрное правление. Династия Шан (商) начала правление в год под циклическим знаком *чоу* (丑, Быка, второй в цикле) – это белое правление. Династия Чжоу (周) начала эру в год под циклическим знаком *цзы* (子, год Мыши, первый в цик-

<sup>18</sup> Сочетание *инь ли* (殷禮) можно понимать и как «[ритуал] жертвоприношений эпохи Инь».

<sup>19</sup> *Лунь юй*, II, 23. Ср. в переводе Л.С. Переломова: Конфуцианское «Четверокнижие». 2004. С. 163.

<sup>20</sup> URL: <http://ctext.org/chun-qiu-fan-lu/san-dai-gai-zhi-zhi-wen>

ле) – это красное правление. Поскольку династии Цинь тогда отказывали в легитимности, со 104 г. до н.э. был введён в действие календарь 三統曆 (*сань тун ли*), и династия Хань вновь начала цикл чёрного правления, которое по Дун Чжун-шу ставится на первое место. В черное правление чёрным цветом маркируются одеяния государя и чиновников, кисти на шапках, колесница императора и масть запрягаемых в неё лошадей, ленты для печатей и окрас жертвенных животных. Соответственно выглядят ритуалы белого и красного правлений<sup>21</sup>.

Данная схема была разработана в конкретных исторических обстоятельствах: задачей Дун Чжун-шу была легитимация режима Ханьского У-ди (漢武帝, 141–87 гг. до н.э.) и, одновременно, усиление его власти. Ему фактически было поручено обосновать возможность и необходимость вмешательства государства в дела подданных, но методами, не походившими на террор Цинь Ши-хуанди (秦始皇帝, 221–209 гг. до н.э.). В. Бауэр обращает внимание на то, что по схеме Дун Чжун-шу к концу правления Чжоу завершаются сразу несколько циклических фаз, что давало возможность рационально объяснить масштабы потрясений. Одновременно это позволяло проводить реформы, поскольку при начале нового цикла могут существовать традиционные установления, но и вводиться некоторые инновации<sup>22</sup>. Таким образом, хотя Первый Циньский государь объявил гонения на конфуцианцев и не признавал их доктрины, символическая легитимность продолжала передаваться. Династия Хань объявила все установления Цинь недействительными и, следовательно, вновь начала цикл «черного правления». Дун Чжун-шу не говорил об этом прямо, но данная мысль подразумевается. Цикл работает, несмотря на то, что династия Чжоу была основана потомственным правителем, а Хань – крестьянином Лю Баном. Предложенная Дун Чжун-шу историческая схема позволяла осуществить легитимацию правления, не уничтожая исторической памяти прежних поколений<sup>23</sup>.

Именно Дун Чжун-шу в первой главе *Чунь-цю фань лу* заявил, что, исследуя летопись Конфуция «Вёсны и осени» (*Чунь цю* 春秋), можно вычленить три эпохи (*сань дэн* 三等). Дун Чжун-шу выделил в тексте *Чунь цю* три периода, в которые царствовали три, четыре и пять князей Лу (魯) – родины Конфуция, причём для их описания Первоучитель использовал различную лексику. Прочитируем данный фрагмент: «То, что

---

<sup>21</sup> URL: <http://ctext.org/chun-qi-u-fan-lu/san-dai-gai-zhi-zhi-wen>. Ср. со схемой, изложенной в «Бо ху тун»: *Tjan Tjoe Som*. 1952. P. 548–558.

<sup>22</sup> Вауер. 1976. P. 77.

<sup>23</sup> Фэн Ю-лань. Чжунго чжэсюэ ши синь бянь. Т. 3. С. 81–83.

[Конфуций] наблюдал самолично – 61 год<sup>24</sup>; то, о чём он слышал [от очевидцев] – 85 лет<sup>25</sup>; то, о чём мог узнать только из предания (*чуань вэнь* 傳聞) – 96 лет<sup>26</sup>. Относительно того, что наблюдал самолично, он использовал тёмные слова<sup>27</sup>; о том, что слышал [от очевидцев] – [говорил], скорбя их бедам; слушая предание, не скорбел, и полностью отдавался чувствам. Вследствие этого, он бичевал древние роды и отказывался от использования тёмных слов»<sup>28</sup>. Здесь имеется намек на то, что Конфуций не просто использовал различную лексику из соображений самоцензуры, но что *описанные им периоды отличались в сущностном отношении*. Идея, что Конфуций был «некоронованным владыкой» (*су ван* 素王) Дун Чжун-шу в его собственных трудах прямо не высказывалась, но в «Жизнеописании Дун Чжун-шу» говорится, что Конфуций, когда Поднебесная отказалась от него, перенёс свою деятельность в интеллектуальную плоскость, написав летопись «Весен и Осеней»<sup>29</sup>.

Подробнее об этом писал Мэн-цзы, у которого (ШБ, 9, 7-8) сказано: «Снова мир пришёл в упадок, истинные основы ослабели и превратные суждения и бесчеловечные деяния снова появились. Случалось, что подданные убивали своих государей, а дети – своих отцов. Испугавшись (таких вопиющих беззаконий), Конфуций написал летопись “Чунь цю”, которая есть дело царей (*тянь цзы чжи ши е* 天子之事也)»<sup>30</sup>. Данное совпадение совершенно не случайно: по Дун Чжун-шу год, с которого начинается летопись и комментарии к ней (722 г. до н.э.), совпадает с началом фазы «ся», а в соответствии с циклом *сань тун*, новая, черная фаза началась в царстве Лу с рождением Конфуция. В Бауэр полагал, что Дун Чжун-шу, возможно, думал этой схемой ещё теснее привязать политику Ханьской династии к конфуцианскому учению и реализовать конфуцианскую систему в сфере реальной политики<sup>31</sup>. Здесь можно вспомнить об одном из канонических комментариев к *Чунь цю*, а именно – *Гуньян чжуань* (公羊傳). В последующих субкомментариях во фразе, которой открывается *Гуньян чжуань* («Первый год правления [Инь-

<sup>24</sup> Период 541–480 гг. до н.э. Летопись была доведена до кончины Конфуция позднее.

<sup>25</sup> Период 626–542 гг. до н.э.

<sup>26</sup> Период 722–627 гг. до н.э.

<sup>27</sup> Иероглиф 微 имеет значения «тёмный, неясный», но и «сокровенный, глубокий, тайный».

<sup>28</sup> URL: <http://ctext.org/chun-qiu-fan-lu/chu-zhuang-wang>

<sup>29</sup> URL: <http://ctext.org/han-shu/dong-zhong-shu-zhuan>

<sup>30</sup> Конфуцианское «Четверокиниже». С. 307.

<sup>31</sup> Bauer. 1976. P. 78.

гуна]. Весна. Правитель устанавливает первый месяц (т.е. начало года)» (元年春,王正月) видели даже объединение Китая при Цинь и Хань.

В интеллектуальном наследии традиционной китайской цивилизации выделяется творчество группы учёных позднего периода Ханьской династии, которые в области текстологии были связаны с традицией Дун Чжун-шу, поскольку занимались интерпретацией канонического комментария к *Чунь цю* – «Гуньян чжуанью» (公羊傳). Этот текст приписывался Гуньян Гао (公羊高), племяннику Конфуция, ученику его ученика Цзы Ся (子夏), но, по-видимому, появился в конфуцианском арсенале не ранее императора Цзин-ди (景帝, 156–141 гг. до н.э.), когда начал изучаться в столичной Конфуцианской академии<sup>32</sup>. С первых же разделов комментария мы сталкиваемся с циклической временной структурой, организованной троично<sup>33</sup>. Однако Хэ Сю (何休, 129–182)<sup>34</sup> использовал ее для создания совершенно иной исторической теории, которую Бауэр именуется «телеологической»<sup>35</sup>. Её особенность – линейный взгляд на ход истории. Согласно А.С. Мартынову, «во взглядах этого философа временная и качественная динамика человеческого общества впервые в истории китайской мысли оказались столь согласованными, что многие синологи сочли возможным говорить о наличии в духовной культуре Китая концепции поступательного развития общества»<sup>36</sup>. В субкомментарии к *Гуньян чжуаню* Хэ Сю, рассматривая тот же фрагмент, что и Дун Чжун-шу, пришёл к совершенно иным выводам. Поскольку соответствующие тексты уже подробно изучены А.С. Мартыновым и В. Бауэром, достаточно будет воспроизвести наиболее существенные моменты.

Хэ Сю характеризовал древнейший исторический период, «о котором Конфуций знал только из предания», как хаос и беспорядок (*цзюй луань* 衰乱), поэтому, оценивая его, Первоучитель особое внимание уделял начаткам совершенного правления (*шан вэй* 尚巍) и делам сановников (*да фу* 大夫). Однако при этом Конфуций рассматривал мир с позиции дихотомии «внешнее – внутреннее», а в качестве «внутреннего» понимал своё государство, т.е. княжество Лу.

События следующего периода, о которых Конфуций мог знать от очевидцев, характеризовались Хэ Сю как начало умиротворения (*шэн*

<sup>32</sup> Woo Kang. 1932. P. 1–14.

<sup>33</sup> URL: <http://ctext.org/gongyang-zhuan>

<sup>34</sup> В отечественной синологии сведения о Хэ Сю содержатся только в энциклопедическом словаре: Китайская философия. 1994. С. 398–399. Теория подробно рассмотрена в статье А.С. Мартынова // Китайские социальные утопии. 1987. С. 30–35.

<sup>35</sup> Bauer. 1976. P. 80.

<sup>36</sup> Китайские социальные утопии. С. 30–31.

пин 昇平). Здесь Конфуций как внешнее рассматривает варварскую периферию, и потому указывает звания и имена сановников даже малых государств. По той же причине в летописи отмечены совещания правителя с «варварами» и проч. Когда Конфуций обращается к своему времени, его главной задачей становится показать, как совершенное правление приводит к великому миру (*Тай пин* 太平). В это время варварам присваивали титулы, а в Поднебесной все государства – малые и большие, далёкие и близкие – составляли единство<sup>37</sup>.

А.С. Мартынов подчеркивает, что, пытаясь понять принципы построения летописи «Вёсен и осеней», Хэ Сю стремился сделать это через создание исторической концепции, которая предполагает постепенное качественное изменение общества. Однако эта линейная схема весьма непривычна для западного сознания: качественные изменения социума локализованы в пространственно-временной плоскости – зона идеального правления первоначально охватывала только княжество Лу, а затем должна была распространиться на все Срединные царства и даже всю Поднебесную. При этом конфуцианский идеал обретает известную амбивалентность: с одной стороны, не ставится под сомнение характер учения Конфуция, который, по собственным словам, ничего не создавал, а лишь передавал заветы Чжоу-гуна (XI в. до н.э.). С другой стороны, предполагается качественно иное состояние Поднебесной в будущем: при наступлении фазы *тай пин* исчезнет разница между внешним и внутренним. Естественно, что данный процесс мыслился не столько политическим, сколько этическим, и А.С. Мартынов рассматривает ситуацию в двойном контексте: во-первых, это был призыв мыслителя дополнить осуществлённое политическое объединение Китая объединением этическим и, во-вторых, в контексте утопии, поскольку установление Великого Спокойствия в глобальном масштабе трактует как утопию<sup>38</sup>.

Бауэр отвергает попытки поиска конфуцианских или даосских корней в картине совершенного общества по Хэ Сю, утверждая, что они восходят прежде всего к моизму<sup>39</sup>, особенно это касается механизма мониторинга общественного мнения и формулы «Сын Неба осведомлён о событиях в Поднебесной, не покидая тронной». Однако в содержательном отношении прежде всего очевидны параллели с *Ли юнь* (禮運), где Конфуций предлагает двухфазный цикл социального регресса, когда состояние *Да тун* в силу естественных причин, «затмения великого Дао»,

---

<sup>37</sup> Китайские социальные утопии. С. 31. Оригинальный текст опубликован в: Чжунго датун сысян цзыляо. С. 14. Данный фрагмент приведён Бауэром (1976. Р. 80).

<sup>38</sup> Китайские социальные утопии. С. 32.

<sup>39</sup> Bauer. 1976. P. 83.

сменяется состоянием *Сяо кан*. Иными словами, цикл, предложенный Хэ Сю, логически противоположен конфуцианскому, поскольку предполагает, так сказать, «разворот» указанного процесса вспять: о гармоничном прошлом не обязательно грезить, его необходимо воплотить в жизнь.

В предисловии к своему переводу трактата *Янь те лунь* (鹽鐵論) Ю.Л. Кроль реконструировал взгляды на историческое и социальное время участников дискуссии, описанной в трактате<sup>40</sup>.

Восприятие времени как вечного круговорота – одно из универсальных представлений, выработанных китайской культурой. Идея циклического времени сказывалась на ритме социальной и политической жизни и обусловила характер традиционной историографии и понимания истории. От эпохи Сыма Цяня исторический процесс рассматривался как круговращение, происходящее в ритме расцвета и увядания. Таким образом, исторический цикл воспринимался как многократное повторение того, что было, с небольшими коррективами<sup>41</sup>, как в теории Дун Чжун-шу. Термин «время» (時 *ши*) в древних текстах всех школ используется в архаичном значении конкретных, разнонаполненных временных отрезков, благоприятных или неблагоприятных для любых видов деятельности<sup>42</sup>. Традиционная китайская мысль оперировала оппозицией «древность – современность» (*гу цзинь* 古今), но это сочетание имеет и другое значение: «во все времена». Естественно, что при циклическом восприятии времени поток истории мыслился как неразделимая цельность, а будущее в качестве самостоятельного феномена вообще не вычленялось. Таким образом, не удивительно, что в рассмотренных моделях совершенного общества по Дун Чжун-шу и Хэ Сю будущее понималось в лучшем случае как повторение того, что уже было, как возвращение к древности<sup>43</sup>. Древность представляла как недостижимый образец, отсюда постоянно всплывающий при воцарении новой династии лозунг «возвращения к древности» (*фу гу* 復古). Это естественно: по китайским представлениям ход истории – это «спуск» сверху вниз, при этом человек, живущий в истории, обращён к настоящему и будущему спиной, лицом же – к прошлому. Объясняется это тем, что историческое время (как было показано М. Гране) неотделимо от представлений о социальном и политическом порядке. Таким образом, древность и современность противопоставлялись: древность, будучи порой

<sup>40</sup> Хуань Куань. 2001. С. 63–72.

<sup>41</sup> Кроль. 1970. С. 51, 100–102, 126.

<sup>42</sup> Кроль. 1984. С. 82, 84, 88–89, 118–119.

<sup>43</sup> Понятие «будущее» передаётся иероглифом *хоу* (后), чьё основное значение «зад; задняя (тыльная) сторона (часть); направление назад, позади себя».



обладания высшими и абсолютными ценностями, по определению превосходит современность, в которой материальная сторона жизни значительно более развита, но которая в духовном отношении представляет собой период вырождения и упадка. При этом социальный порядок и модели поведения в древности конфуцианцами рассматривались как соответствующие Небесному Дао-пути, т.е. в жизни человека полностью реализовывались принципы миропорядка, а ритм жизни полностью соответствовал природному. Ю.Л. Кроль определял древность для китайской культуры как своего рода «сакральное время»<sup>44</sup>. В то же время Дж. Нидэм подчёркивал, что рассматривать конфуцианскую точку зрения только как обращённую назад в корне неверно, и конфуцианство как идеология не исключало развития и социальной эволюции, что и подтверждается теорией Хэ Сю, не говоря об эмпирическом материале.

Таким образом, конфуцианские взгляды на древность воплотились в теории нормативного поведения, по которой Небо и его принципы неизменны, таковым же должно быть ориентированное на них поведение. В «Жизнеописании Дун Чжун-шу» приведена формула «Небо не меняется, Дао также не меняется» (Тянь бу бьянь, Дао и бу бьянь 天不變,道亦不變)<sup>45</sup>. Иными словами, если целью человечества является приближение к образцам древности, то мысль, согласно которой будущее неизмеримо выше и совершеннее того, что уже было, поистине революционна. В этом мы не можем не согласиться с Дж. Нидэмом.

Установка на древнее и неизменное не мешала конфуцианцам признавать определённые изменения в истории, осознавать разницу между веками и поколениями, выстраивать концепцию чередования эпох расцвета и упадка. Однако время, с которым следовало соотноситься человеку в его деятельности, по конфуцианским представлениям было дискретным и «наполненным» (термин Ю.Л. Кроля). В описанном контексте было бы чрезвычайно важно и интересно рассмотреть процесс восприятия модели линейного времени и эволюционного процесса представителями китайской общественной мысли.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Гране М. Китайская мысль / Пер. В.Б. Иорданского, общ. ред. И.И. Семененко. М.: Республика, 2004. 526 с.
- Духовная культура Китая. В 5 т. Т. 1: Философия / Ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М.: Восточная литература, 2006. 727 с.
- Калимонов И.К. Основы научных исследований. Зарубежная история. Казань: Изд-во КГУ, 2006. 276 с.

<sup>44</sup> Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I. С. 63.

<sup>45</sup> URL: <http://ctext.org/han-shu/dong-zhong-shu-zhuan>

- Китайская философия. Энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. 573 с.
- Китайские социальные утопии / Отв. ред. Л.П. Делюсин, Л.Н. Борох. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 312 с.
- Конрад Н.И. Полибий и Сыма Цянь // Вестник древней истории. 1965. №4. С. 3–25.
- Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004. 431 с.
- Кроль Ю.Л. Сыма Цянь – историк / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. 447 с.
- Кроль Ю.Л. Проблема времени в китайской культуре и «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня // Из истории традиционной китайской идеологии. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. — С. 53 — 127.
- Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. М.: Азбука-Классика 2005. 480 с.
- Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I / Пер., введение, комментарий и приложения Ю.Л. Кроля. М.: Восточная литература, 2001. 407 с.
- Чжунго датун сысян цзыляо 中國大同思想資料 (Материалы по [истории] утопической мысли в Китае). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1959. 98 с.
- Ши сань цзин чжу шу: фу цзяо кань цзи цзи чжи юй / Жуань Юань шэнь дин 十三經注疏:附校勘記及識語 / 阮元審定 («Тринадцатиканоние») с приложением комментариев лучших эрудитов / Отбор и сверка Жуань Юаня). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1982. 2 т. 2784 с.
- Bauer W. China and the Search for Happiness: Recurring Themes in Four Thousand Years of Chinese Cultural History / Tr. from the German by M. Shaw. N.Y.: Deabury Press, 1976. XX, 502 p.
- Eberhard W. Beiträge zur kosmologischen Spekulation Chinas in der Han-Zeit // Baessler-Archiv. 1933. No 16. S. 67–75.
- Needham J. Social Devolution and Revolution: Ta Thung and Thai Phing // Revolution in History / Ed. by R. Porter. Cambridge (England), 1986. P. 61–73.
- Schwartz B. The World of Thought in Ancient China. Cambridge (Mass.); L.: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1985. 490 p.
- Tjan Tjoe Som. Po Hu Tung: The Comprehensive Discussions in the White Tiger Hall. Leiden: Brill, 1952. 2 vols. XII, 695 p.
- Woo Kang. Les trois theories politiques du Tch'ouen Ts'ieou interpretées par Tong Tchong-chou d'après les principes de l'école de Kongyang. P.: Ernest Leroux, 1932. III, 254 p.
- Chinese Text Project = 中國哲學書電子化計劃 // URL <http://ctext.org/>

**Мартынов Дмитрий Евгеньевич**, кандидат исторических наук, доцент Института востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; [dmartynov@yandex.ru](mailto:dmartynov@yandex.ru)

О. И. ХОРУЖЕНКО

**РОДОСЛОВИЕ КАК КОНСТРУКЦИЯ  
РОДОВОЙ ПАМЯТИ**  
ТЕКСТОЛОГИЯ РОДОСЛОВНЫХ РОСПИСЕЙ  
КНЯЗЕЙ ВОЛКОНСКИХ XVI–XVII ВВ.

---

В статье дан текстологический анализ родословных росписей князей Волконских. Рассмотрена проблема конструирования родовой памяти, показано, каким образом развитие служебной карьеры рода Волконских последовательно приводило к появлению новых конструкций, призванных позиционировать в социуме его историю.

**Ключевые слова:** социальная память, родословная роспись, текстология, генеалогия, род князей Волконских.

---

Традиционно родословные росписи рассматривались исторической наукой как источник, позволяющий реконструировать отношения родства в правящей элите Русского государства. Такой подход требовал исследования достоверности содержащихся в росписях информации, а в качестве итога такого исследования предлагались те или иные авторские схемы отношений родства, оформленные в виде родословных таблиц. Таблицы, «очистив» родословные росписи от легендарных, недостоверных сведений, дополнив их данными из иных источников, должны были показать – какими «на самом деле» были родственные отношения по версии исследователя. Утилитарный, по своей сути, этот подход исключает исследование родословных росписей как феномена конструирования родовой памяти. Нас же интересует перспективы именно этого направления исследования родословных росписей.

Методика текстологического анализа родословных книг и содержащихся в них родословных росписей разрабатывалась М.Е. Бычковой. К текстологическому исследованию отдельных родословных росписей применимы такие из сформулированных и опробованных ею приемов, как принцип записи лиц внутри росписи – «по вертикали – запись одной ветви рода от отца к сыну, затем в таком же порядке другая ветвь и т.д.», либо «по горизонтали: родоначальник – его дети – его внуки и далее по поколениям», состав поколений в росписи, определение времени деятельности лиц, записанных последними в росписи<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Бычкова. 1975. С. 14-18.

В статье предложена версия истории складывания и бытования основных вариантов<sup>2</sup> родословных росписей князей Волконских. Далее, мы попытаемся соотнести эту версию с теми интерпретациями источника, которые на сегодня изложены в исследовательской литературе.

Содержание древнейшей росписи, ставшей архетипом для иных вариантов, реконструируется путем текстологического анализа Краткого и Пространного вариантов росписи (см. Табл. 6). Начинаясь древнейшая роспись Волконских с легенды об их происхождении (содержится, главным образом, в составе группы Пространной росписи). Приводим ее полностью по списку С.В. Ромодановского<sup>3</sup> (редакция родословных книг в 81 главу) с разночтениями по списку Оболенский Г<sup>4</sup> (редакция в 43 главы с приписными).

Кнѣз(ь) Юрьѣ Михайлович торусскои і черниговскои<sup>а</sup> держал у себѣ<sup>б</sup> в Торусѣ дѣвку Агапку<sup>в</sup>, проскур|нищину доч(ь), и жил с нею бѣз молитвы. І прижил с нею с(ы)на Ивашка Толстую Голову. І свѣда|ла про то мать кн(а)зь Юрьѣва і отець ево д(у)ховнои, смолѣнскои митрополит Ѳотеи. І пи|сали к нему с вѣликии запрещением, чтоб он дѣвку Агапку отставил. І кнѣз(ь) Юрьѣ | Михайлович по заповѣди отца д(у)ховнаго і матери своеи по прошению дѣвку | Агапку отставил. І помнечи кнѣз(ь) Юрьѣ Михайлович грех свои і жалуючи с(ы)на своего Ивашка | Толстую Голову, что прижил бѣз молитвы, дал ему із своих вотчин в Олѣзинском уѣзде д(е)р(е)вню | Сапрыкину<sup>г</sup> на речке на Волконке. І по речке по Волконке почели слыт(ь) Волконские кн(а)зи.

*Варианты.*<sup>а</sup> оболенскои, <sup>б</sup> на поставѣ, <sup>в</sup> Гапку, <sup>г</sup> Спрыгино

После этой легенды в древнейшем варианте помещена родословная роспись. Она включала 17 лиц пяти поколений и заканчивалась именами Потула Волконского и его братьев. Порядок построения росписи в этом варианте – горизонтальный; таким он и сохраняется в Краткой и Пространной росписях. Эта роспись выделяется отдельным блоком в обоих вариантах. В Кратком после имени Потула меняется порядок перечисления имен с «горизонтального» на «вертикальный». В Пространном варианте в этом месте помещена справка о службах Вериги и Потула<sup>5</sup>.

Самостоятельно к древнейшему варианту восходит роспись Волконских в Музейском I списке родословной книги редакции в 43 главы с приписными, в которой она помещена сразу за родословной росписью

<sup>2</sup> Понятия «вариант», «группа росписей» того или иного варианта родословной росписи в данной работе идентичны «редакции», каковой термин, однако, во избежание путаницы, применяется лишь по отношению к родословным книгам, согласно их типологии, предложенной М.Е. Бычковой.

<sup>3</sup> ГИМ. Увар. № 570. Л. 183.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 201. Д. 83. Л. 266об. – 276.

<sup>5</sup> В варианте Краткой росписи легенда опущена, родословная начинается сразу со слов «У князя Ивана Юрьевича у Волконского у Толстой Головы сын Юрьѣ».

князей Оболенских<sup>6</sup>. Этот список датирован в литературе второй половиной XVII в., хотя филигрань (1644 г.)<sup>7</sup> позволяет отнести его к более раннему времени, середине XVII в. В Музейском I списке содержится легенда об Агапке, роспись доведена до Потула и его братьев, пропущены сыновья Федора и Ивана Юрьевичей, т.е. исключены иные ветви рода, кроме той, к которой принадлежал Потул. Такие особенности текста не позволяют считать Музейский I протографом для иных списков родословных книг и родословной росписи Волконских в частности<sup>8</sup>. Графически родословная роспись первого варианта представлена в табл. 1.

Несомненно, древнейшая роспись Волконских была призвана скомпрометировать Потула Волконского и его братьев. Можно предположить, что ее происхождение было связано со старицким боярством. После включения Алексина и Волконы в удел Андрея Ивановича Старицкого Волконские стали конкурировать с представителями других княжеских родов, служивших при его дворе (Оболенских-Пенинских, Лыковых-Оболенских, Троекуровых, Хованских, Чернятинских, Темкиных, Голубых, Пронских)<sup>9</sup>, что и вызвало появление такого родословного пасквиля. Эти соображения позволяют датировать древнейшую роспись Волконских временем существования удела Андрея Ивановича, т.е. 1519-1537 гг.

Попытки выявить рациональное зерно в изложенной легенде были предприняты А.И. Маркевичем. Он допускал «бытие в Смоленске» некоего неизвестного иным источникам «епископа Фотия около 1232 г.», привел данные о Смоленске как о местопребывании русских митрополитов<sup>10</sup>. Однако имеющиеся в настоящее время источники не позволяют судить о достоверности этой легенды. Следует отметить три момента.

В распоряжении авторов родословия могло быть одно из посланий, принадлежащих или приписанных митрополиту Фотию (не смоленскому, а киевскому и всея Руси) – плодовитому писателю, которого в силу его сана постоянно занимали вопросы брака, целомудрия и т.п.<sup>11</sup> Митрополит как минимум дважды был в Смоленске – во время поездки по западнорусским епархиям в 1420-21 гг. и во время визита великой княгини Софьи Витовтовны к отцу в 1423 г.<sup>12</sup> Вероятно, маршрут Фотия пролегал

<sup>6</sup> ГИМ. Муз. № 1520. [Л. 220]; Бычкова. 1975. С. 58.

<sup>7</sup> Бычкова. 1975. С. 58.

<sup>8</sup> В вопросе о соотношении списка Музейского I с иными списками опираемся на наблюдения М.Е. Бычковой: Бычкова. 1975. С. 59.

<sup>9</sup> Зимин. 1977. С. 181-183.

<sup>10</sup> Маркевич. 1879. Ч. 1. С. 421-422.

<sup>11</sup> Русская историческая библиотека... Т. 6. Стб. 272-273, 279, 511-512.

<sup>12</sup> Продолжение летописи...; Словарь книжников... Вып. 2, ч. 2. С. 479, 480.

через Смоленск и в 1409-10 гг. во время его переезда из Киева в Москву, и при посещении Литвы в 1411-12 гг. и в 1430 г., когда митрополит отправился на несостоявшуюся коронацию Витовта<sup>13</sup>. Одно из несохранившихся посланий митрополита Фотия (адресованное, конечно, не князю Юрию Михайловичу Тарусскому, который должен был жить в середине XIV в., а кому-то иному) могло быть написано в Смоленске, что и ввело авторов родословия в заблуждение относительно его титула.

Вероятно, что легенда о девке Агапке – проскурницей дочери содержит фольклорный подтекст. В сказке о Финисте Ясном Соколе проскурница дочь выступает разлучницей, при помощи зелья удерживающей при себе героя<sup>14</sup>. Вообще фольклор признавал за проскурницами детьми сверхъестественные способности, умение ворожить<sup>15</sup>.

Легенда этимологизирует родовое прозвание от Волконы – названия реки и волости в Алексинском уезде. В пользу этой версии говорят располагавшиеся в XVI в. в Волконской волости земельные владения ряда Волконских. Деревня Сопрыкина в Алексинском и близлежащих уездах не обнаруживается. Возможно, это искаженное название села Супруты, действительно бывшего в вотчине у князей Волконских<sup>16</sup>.

Есть косвенные данные о том, что легенда о рождении первого князя Волконского «без молитвы» была достаточно распространена в первой половине XVI в. Разряды (1515, 1519, 1521, 1533 гг.) отказывают Волконским – Вериге, Мите и Потулу – в княжеском титуле, что особенно заметно в тех случаях, когда они упоминаются в ряду с иными представителями княжеских родов<sup>17</sup>. В духовной Г.М. Валуева 1543-1544 гг. Волконские титулуются князьями непоследовательно. Мамон, неизвестный родословным Нечай, Акулина, Иван и Дмитрий Потуловы написаны без княжеского титула, но Тимофей Волконский титулован князем<sup>18</sup>. Легенда о девке Агапке получила весьма широкую огласку, поскольку фигурировала в местнических спорах и нашла отражение в разрядах.

<sup>13</sup> Словарь книжников и книжности. Вып. 2, ч. 2. С. 475, 477, 482.

<sup>14</sup> Народные русские сказки... № 234. С. 192-193.

<sup>15</sup> Иван просвирнин сын в Сказке о царе Вещоре по собственному желанию оборачивался шелковым клубком, цветком, соколом и т.д. (Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края... С. 241-242). Поговорки предполагают, кажется, за просвирнинными детьми способность становиться невидимыми: «Ты не просвирнин сын, сквозь тебя не видно (не засть). Не просвирнино дитя: не видать сквозь тебя» (*Даль*. 1990. Т. 3. С. 508).

<sup>16</sup> *Власьев*. 1907. С. 330, 332, 340. Кроме алексинской волости Волкона известна и брянская волость Волконск (Духовные и договорные грамоты... С. 359. № 89).

<sup>17</sup> Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 13, 58, 62, 64, 67.

<sup>18</sup> Акты феодального землевладения и хозяйства... Ч. 2. С. 169-170, 172.

В 1625 г. «Ляпуновы Володимер да Ульян били челом на Волконских, что им с ними быть не вместе и наказывали их всех выбл...тками, что они пошли от девки, а князи по речке по Волконке»<sup>19</sup>. Князь Иван Федорович Волконский, обороняющаяся сторона в споре, вероятно, допускал причастность к демаршу Ляпуновых своих родственников князей Репниных-Оболенских: «И князь Иван княж Федоров сын Волконской бил челом государю, что ему велено быть на Резани со князь Петром Репниным, а князь Петр де Репнин Ляпуновым свой, потому что Захарьева дочь Ляпунова за князь Петром, а Володимеру в Ульяну Ляпуновым сестра, и ему нельзя быть за тем, либо князь Петр станет за Ляпуновых ему мстить какую недружбу»<sup>20</sup>. Действительно, один из списков родословной книги первой половины XVII в. с малоприятной версией происхождения Волконских в XIX в. принадлежал князю Репнину<sup>21</sup>.

В 1626 г. версия «нечестного» происхождения обсуждалась на местническом суде между Семеном Васильевичем и Дмитрием Федоровичем Колтовскими против князя Григория Константиновича Волконского<sup>22</sup>. «И на суде Семен Колтовской подал лествицу, а называл Волконских всех выбл...дками, что де они пошли от девки. Да и до суда, как били челом Колтовские государю и патриарху на Волконских и после суда называли их всех выбл...дками, что они пошли от девки»<sup>23</sup>.

Формально местническое дело было Колтовскими проиграно, в приговоре значилось: «Вам, Колтовским, с Волконскими мочно быти всегда, потому что Волконские вас везде честнее бывали»<sup>24</sup>. За бесчестье князю Григорию Колтовские должны были доправить 300 рублей. Однако приговор не касался происхождения князей Волконских и в этом вопросе С.В. Колтовский стоял на своем: «Яз де околничаго выбл...дком не называл, а называл их всех, Волконских, и что они пошли от выбл...дка, от Ивашка от Толстой Головы, и то перво де в том не запираюсь». По этому вопросу состоялись прения: князь Григорий Волконский заявил о своем происхождении от Оболенских князей. Семен Колтовский указал на Государев родословец, где род Волконских отсутствует. Волконский объяснил это тем, что «родители де наши остались

---

<sup>19</sup> Дворцовые разряды... Т. 1 (1612-1628). Стб. 668.

<sup>20</sup> Книги разрядные... Т. 1. Стб. 1052.

<sup>21</sup> Маркевич. 1879. Ч. 1. С. 419.

<sup>22</sup> Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 866-869; О Г.К. Волконском см.: Солодкин. 1985. С. 341-347.

<sup>23</sup> Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 869.

<sup>24</sup> Там же. Стб. 910.

молоды, а в родословце нас нет»<sup>25</sup>. Он сослался на боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, «что они, князи, Волконские, Оболенские ж. И боярину князю Борису Михайловичю... допросу не было»<sup>26</sup>. С.В. Колтовский на суде практически дословно процитировал легенду: «Князь Юрья де Михайлович таруской прижил с девкою без молитвы Ивашку Толстую Голову, и о том де к нему отец ево духовной смоленской архиепископ Фотей писал с запрещением, чтоб он ту девку отставил и принял бы законной брак, и от того Ивашка Толстой Головы пошли Волконские»<sup>27</sup>. При этом С.В. Колтовский не вполне внятно сослался ни то на Ляпуновых, ни то на других своих «друзей».

Вернемся к собственно родословию древнейшей росписи. Ее достоверность с трудом поддается проверке. Последнее поколение, указанное в росписи, одновременно является первым, упоминаемым в русских разрядах и актовых источниках. В 1515 г. Верига Волконский был вторым воеводой передового полка при походе из Белой к Витебску<sup>28</sup>, в 1521 г. – третьим воеводой в Туле<sup>29</sup>. В Дворовой тетради 1550-х гг. внуки Вериги Василий Андреевич и Григорий Васильевич написаны по Туле<sup>30</sup>. Вотчинами Вериги Волконского наверняка были деревни Веригины в современных Дубенском и Щекинском районах Тульской области. Деревня Веригино Дубенского района примыкает к селу Опочня, упоминаемому в интерполированной несудимой грамоте старицкого князя Андрея Ивановича (о ней ниже).

Потул Волконский в 1519 г. был четвертым воеводой в Туле<sup>31</sup>, после чего, вероятно, перешел со своими сыновьями на службу в удел. В 1533 г. на свадьбе старицкого князя Андрея Ивановича он был «у места»<sup>32</sup>. В 1537 г., после ликвидации Старицкого удела князя Андрея Ивановича, Потул служил вторым воеводой «на Туле за городом»<sup>33</sup>. После восстановления Старицкого удела для Владимира Андреевича, сына

---

<sup>25</sup> Ссылка на молодость князей Волконских во время составления Государева родословца (1555 г.) несостоятельна. В Дворовой тетради 1550-х гг. значится 15 служивших, а значит вполне взрослых представителей этого рода (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 274-275).

<sup>26</sup> Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 912.

<sup>27</sup> РГАДА. Ф. 11. Д. 1116. Л. 39об.

<sup>28</sup> Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 58, 64, 146.

<sup>29</sup> Там же. С. 67.

<sup>30</sup> Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 165.

<sup>31</sup> Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 62. В разрядной книге 1475-1605 гг. указан вместе с Митей Волконским: Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 163.

<sup>32</sup> Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 13.

<sup>33</sup> Там же. С. 91.



князя Андрея Ивановича (1541 г.), Потул и его дети вновь вернулись на службу к старицкому князю. Несмотря на повеление великого князя о замене старицких бояр и детей боярских<sup>34</sup>, к Владимиру Андреевичу вернулась часть двора его отца<sup>35</sup>. Иван и Дмитрий Потуловы, сыновья Потула, упоминаются в духовной 1543-1544 гг. старицкого боярина Григория Михайловича Валуева<sup>36</sup>. Дмитрий Потулов еще в 1518/19 г. описывал Старицкие станы<sup>37</sup>. В Дворовой тетради ни Потул, ни его сыновья Иван и Дмитрий не значатся, что также говорит в пользу их службы в это время в Старицком уделе. Все представители этого поколения в разрядах и актовых источниках упоминаются без отчества.

Полнота росписи вызывает сомнение. В ней не нашлось места князьям Роману, которому в 1482 г. литовский великий князь Казимир выдал привилей на путивльские села Гончар и Столпаты, и Михаилу, получавшему в 1486 г. 6 коп с мыта путивльского<sup>38</sup>. Предположение о старицком происхождении первого варианта родословной объясняет его неполноту и в отношении представителей поколения, современного Потулу. Составители родословной не были заинтересованы в компрометации троюродных братьев Потула из младших ветвей, в частности, Василия Ивановича, бывшего на великокняжеской службе в 1519-1538 гг.<sup>39</sup>, Михаила Ивановича Жучка, который в середине XVI в. вместе с сыновьями служил по Козельску и Белеву, и неизвестного ранним родословцам Парфена, сыновья которого служили по Туле<sup>40</sup>. К поколению Потула принадлежал, вероятно, и Нечай Волконский, упомянутый в духовной грамоте Г.М. Валуева – это имя в родословной также не находим.

\*\*\*

Выше отмечалось, что Краткий вариант родословной был составлен на основе архетипа 1519-1537 гг., причем его редактирование было проведено в интересах князей Волконских. Следует оговорить, что к моменту составления Краткого варианта роспись 1519-1537 гг. была отредактирована дважды. Во-первых, она была дополнена разрядными выписками о службах Верги и Потула Волконских: «А был Верига Волконской в розряде, как ходили воеводы з Белой к Витепску, 7022 году. А был Потул Волконской на Туле в воеводах в лето 7027-г(о) году» (в

---

<sup>34</sup> Зимин. 1977. С. 181.

<sup>35</sup> Кобрин 1990. С. 110-111.

<sup>36</sup> Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. С. 170.

<sup>37</sup> Духовные и договорные грамоты. С. 420. № 102.

<sup>38</sup> Волконская. 1900. С. 852-853; Wolff. 1895. S. 577 (7 коп с мыта смоленского).

<sup>39</sup> Власьева. 1907. Ч. 3. С. 329. № 21.

<sup>40</sup> Тысячная книга и Дворовая тетрадь. С. 165, 172.

ряде списков текст искажен: «А посол был Волконской на Туле...»; «И дотоле был Волконской...»). В таком виде текст вошел в Пространный вариант родословной росписи. Во-вторых, текст, содержащий легенду, родословную роспись в пять поколений и разрядные выписки, был дополнен до восьмого поколения, включив уже 57 князей Волконских. Принцип перечисления имен в блоке, заимствованном из варианта 1519-1537 гг. горизонтальный. Продолжение росписи построено по вертикальному принципу. Вначале перечислены потомки Потула (Василия), затем последовательно: Ивана Черного, Ивана Немца, Петра Вериги, Александра Ивановича (см. табл. 2). В каждой из ветвей недостает нескольких представителей рода, что не позволяет уверенно связать редактирование с кем-то из Волконских. В таком виде текст вошел в Оболенский I и не отмеченный М.Е. Бычковой Уваровский IX списки (по составу и расположению глав он относится к Патриаршей редакции<sup>41</sup>).

При составлении Краткого варианта были скопированы роспись 1519-1537 гг. и ее продолжение до восьмого поколения, исключены легенда о проскурницыной дочери Агапке и разрядные выписи, родоначальник вместо Ивашки Толстой Головы стал именоваться князем Иваном Юрьевичем Волконским Толстой Головой, ряд имен князей Волконских был сопровожден княжеским титулом.

Редактирование варианта 1519-1537 гг. и составление Краткого варианта следует отнести к третьей четверти XVI в., когда одновременно действовали представители младшего поколения князей Волконских, внесенные в роспись (отдельные из них – со второй половины 1560-х до 1610-х гг.<sup>42</sup>). В 70-80-е гг. XVI в. Краткий вариант родословия вошел в протограф второго извода Патриаршей редакции родословных книг. В 1596 г. или несколько позднее на основе Краткого варианта уже был составлен Сокращенный вариант (см. ниже).

Текстуальные особенности Краткого варианта родословной следующие. По сравнению с вариантом 1519-1537 гг. были продублированы сведения о Иване Васильевиче Черном: вместо «А у Федора дети Федор да Иван Черной» в Кратком варианте (кроме списков Архивского VII и А.Ф. Малиновского) читаем «А у Федора дети Федор да Иван. А Федора Юрьевича сын Иванъ Черной». Значительно изменилось в Кратком варианте последнее поколение варианта 1519-1537 гг. Ранее называлось пять братьев Васильевичей – Иван Глыш (Хлыщ), Петр Ве-

<sup>41</sup> Бычкова. 1975. С. 188-191.

<sup>42</sup> Власьев. 1907. Т. 1, ч. 3. С. 332-333. № 52; С. 336. № 66; С. 332. № 50, 51; С. 340. № 82.

рига, Ипатий Потул, Василий и Андрей. В Кратком варианте их также пять, но Ипатий исчез, Потулом стал Василий, был добавлен Дмитрий. Появление имени Дмитрия было, вероятно, вызвано знакомством редактора с разрядами. В 1519 г. Митя и Потул Волконские были указаны в числе тульских воевод<sup>43</sup>. На самом деле, это известие не требовало добавления Потулу еще одного брата – его сына звали Дмитрий, «прозвище Митяня»; юный Дмитрий-Митяня мог находиться на службе при отце<sup>44</sup>. Что касается канонического имени Потула, то оно, несомненно, было Ипатий. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря сын Потула Дмитрий (Митяня) значится с отчеством Ипатьевич (в январе 1558 г. он дважды давал денежные вклады по брату Федору)<sup>45</sup>. Таким образом, потомство Ипатия Потула Волконского в Кратком варианте было приписано его младшему брату Василию.

Краткий вариант родословия князей Волконских обнаружен нами в одиннадцати списках: Оболенский II (1630-е гг.)<sup>46</sup>, А.Ф. Малиновского (1670-е гг.)<sup>47</sup>, Архивский II (1670-е гг.)<sup>48</sup>, Оболенский I (конец XVII в.)<sup>49</sup>, Архивский IV (1692 г.)<sup>50</sup>, Музейский III (конец XVII в.)<sup>51</sup>, Супонева (конец XVII в.)<sup>52</sup>, Уваровский IX (начало XVIII в.)<sup>53</sup>, Архивский VII (1760-е гг.)<sup>54</sup>, Румянцевский IV (первая четверть XIX в.)<sup>55</sup>. Исходя из стеммы, в которой М.Е. Бычкова показывает соотношение списков Патриаршей редакции родословных книг, можно полагать, что Краткий вариант родословия вошел в первую и вторую группу списков, восходящих к протографу второго извода (1570-80-е гг.)<sup>56</sup>. Иные группы списков Патриаршей редакции содержат либо Сокращенный вариант родо-

<sup>43</sup> Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 62; Разрядная книга 1475-1605 гг. С. 164.

<sup>44</sup> У Ипатия Потула был еще двоюродный дядя и троюродный брат – оба Дмитрии Ивановичи.

<sup>45</sup> Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 115.

<sup>46</sup> РГАДА. Ф. 201. Д. 82. Л. 175об. – 176об.; см. Бычкова. 1975. С. 75-76.

<sup>47</sup> РГАДА. Ф. 181. № 85. Л. 183-183об.; см. Бычкова. 1975. С. 76.

<sup>48</sup> РГАДА. Ф. 181. № 84. Л. 420об. – 421; см. Бычкова. 1975. С. 56.

<sup>49</sup> РГАДА. Ф. 201. Д. 83. Л. 266об. – 276; Памятники истории русского служилого сословия. С. 148-149; см. Бычкова. 1975. С. 53-54.

<sup>50</sup> РГАДА. Ф. 181. Д. 76. Л. 304-305; см. Бычкова. 1975. С. 74-75.

<sup>51</sup> ГИМ. Муз. 337. Л. 88об. – 89; список не отмечен М.Е. Бычковой.

<sup>52</sup> ГПБ. Q IV. № 124. Л. 402об.-403об.; см. Бычкова. 1975. С. 72.

<sup>53</sup> ГИМ. Увар. № 820-4<sup>о</sup>. Л. 206об. – 208об. Список не отмечен М.Е. Бычковой; описание см.: Леонид, архим. 1894. Ч. 3. С. 157-159. № 1520 (820).

<sup>54</sup> РГАДА. Ф. 181. № 1139. Л. 69-69об.; см. Бычкова. 1975. Указ. соч. С. 75.

<sup>55</sup> НИОР РГБ. Ф. 256. Д. 351. С. 100; см. Бычкова. 1975. С. 55-56.

<sup>56</sup> Из четырех списков первой группы наличие в них Краткого варианта установлено de-visu для одного, из пяти списков второй группы – для трех.

словия Волконских, либо не содержат его вовсе. Исключение составляет список Супонева, содержащий Краткий вариант, но восходящий, по М.Е. Бычковой, к протографу первого извода (1560-70-е гг.)<sup>57</sup>.

В списках, принадлежащих к редакции родословных книг в 43 главы с приписными, Краткий вариант родословия князей Волконских встречен в Румянцевском IV и Архивском II, т.е. принадлежащим к третьему изводу данной редакции, чей протограф датируется 1649 г., а также в Оболенском I (второй извод, протограф 1684 г.). В иных изводах данной редакции родословная князей Волконских не встречается.

Среди списков Патриаршей редакции выделяются своей близостью Архивский VII и А.Ф. Малиновского. В них, по сравнению с прочими, опущено отчество князя Федора Юрьевича, отца Ивана Черного. Они содержат указания на окольность князя Григория Константиновича Волконского, каковое было ему «сказано» 1 сентября 1615 г.<sup>58</sup>

Роспись Краткого варианта в дальнейшем не пополнялась, но копировалась в родословных книгах вплоть до первой четверти XIX в.

\*\*\*

Сокращенный вариант был составлен на основе Краткого варианта. Принцип перечисления имен в Сокращенном варианте единый, горизонтальный. В роспись включено семь поколений князей Волконских, она насчитывает 30 лиц. Целью составления Сокращенного варианта, как представляется, было дать представление о происхождении Андрея и Константина Романовичей – представителей предпоследнего поколения, указанного в росписи. Их сыновья в конце XVI в. были еще молоды и только начинали службу. Представители иных линий были из родословия исключены (см. табл. 3). Это позволяет высказать предположение о связи родословия с местническим спором, который 12 января 1581 г. затеяли торопецкие воеводы. Г.П. Колединский заявил о своем старшинстве по отношению к Д.А. Замышкому, князю Андрею Романовичу Волконскому и А.Ф. Загряжскому. Одновременно и А.Ф. Загряжский писал царю о том, что ему «невместно быть меньше» Г.П. Колединского и А.Р. Волконского. Жалобщикам был обещан суд, причем обоим было заявлено, что им «до князь Ондreja Волконсково дела нет»<sup>59</sup>.

---

<sup>57</sup> Это показывает иное соотношение списка Супонева с близкими ему списками, чем это показано М.Е. Бычковой. В частности, Румянцевский II список, содержащий Сокращенный вариант родословия Волконских, не может быть протографом для списка Супонева, содержащего Краткий вариант родословия.

<sup>58</sup> *Власьев*. 1907. Т. 1, ч. 3. С. 335. № 62.

<sup>59</sup> *Эскин*. 1994. С. 71-72. № 319, 322; Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 3, ч. 1. С. 193-194.

В отличие от Краткого варианта, Сокращенный вариант наделил княжеским титулом Андрея и Константина Романовичей:

Краткий вариант  
А князя Романа у Волконскова дети  
Костентин да Ондреи.  
Костентиновы дети Волконского  
Федор да Григорей, да Михаило.

Сокращенный вариант  
А у князя Романа Волконского дети  
князь Костентин, князь Ондреи.  
А княж Костентиновы дети Волкон-  
ского Федор, Григорей, Михаил.

При сокращении Краткого варианта в перечислении братьев Потула фраза «да Василий» была пропущена, в результате чего неканоническое имя Потул на этот раз получил Дмитрий. Он стал третьим носителем этого имени после Ипатия (родословная роспись 1519-1537 гг.) и Василия (Краткий вариант).

Сокращенный вариант представлен четырьмя списками: Румянцевским II (1596 г.)<sup>60</sup>, Ф.П. Владимирова (1620-21 гг.; родословная доведена до Афанасия Ивановича)<sup>61</sup>, Уваровским VIII (втор. пол. XVIII в.)<sup>62</sup> и Архивским VI (1787-88 гг.)<sup>63</sup>, каковые М.Е. Бычкова относит к Патриаршей редакции родословных книг первого извода. Как видно, Сокращенный вариант, возникнув в конце XVI в., дальнейшими поколениями не пополнялся, хотя воспроизводился в составе родословных книг вплоть до конца XVIII в.

Все четыре списка, содержащие Сокращенный вариант родословия князей Волконских и относящихся к Патриаршей редакции первого извода, по наблюдениям М.Е. Бычковой, не являются копиями один с другого, а все восходят к одному протографу. Следует отметить, что в списке Ф.П. Владимирова (в отличие от трех остальных) роспись обрывается на князе Афанасии Ивановиче Черном. Очевидно, не найдя в росписи сына Александра Ивановича Волконского Романа, (а это отличительное свойство Сокращенного варианта) писец не стал воспроизводить последующий текст «А у князя Романа Волконского дети...».

Пространный вариант был составлен не раньше 1648 г., поскольку в нем отмечена бездетная кончина князя Ивана Федоровича Люся (из Ве-

---

<sup>60</sup> НИОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 277-277об.; см. Бычкова. 1975. С. 66-67; Вос-  
токов. 1842. № 349.

<sup>61</sup> НИОР РГБ. Ф. 218. № 1460. Л. 122; В монографии М.Е. Бычковой указан  
как верный шифр ОР ГБЛ. Ф. 218, поступления за 1964 г. № 27 (Бычкова. 1975. С.  
200), так и неверный ОР ГБЛ. Ф. 218. № 1 (Там же. С. 67). Современный шифр ука-  
зан выше нами. О списке см.: Бычкова. 1975. С. 67.

<sup>62</sup> ГИМ. Увар. № 157-1<sup>о</sup>. Л. 163-164; Бычкова. 1975. С. 68; Леонид, архим.  
1894. Ч. 3. С. 159-161. № 1521 (157).

<sup>63</sup> РГАДА. Ф. 181. № 362. Л. 170-171; Бычкова. 1975. С. 67.

ригиных)<sup>64</sup>. Последующие события подобного рода (смерть без потомков князей Григория Васильевича в 1656 г.<sup>65</sup>, Василия Семеновича в 1659 г.<sup>66</sup>) в росписи не отражены. Вариант содержит сведения об околичестве князя Федора Федоровича (8 июля 1634 г.), но не о его боярстве (пожалован 21 декабря 1650 г.<sup>67</sup>; фраза «а при царе Алексее Михайловиче боярин» дописана в Вяземском I списке другим почерком на полях, в Музейном – основным почерком в самом тексте). Датировке данного варианта временем 1648-1650 гг. не противоречат биографические данные о младших представителях рода, упомянутых здесь. Князья Волконские из последнего поколения упоминаются в источниках с 1620-1640 гг. Наиболее старый список родословной книги (А.И. Лобанова), содержащей Пространный вариант родословия, датирован 1664 г.

В Пространный вариант вошла легенда о девке Агапке, вариант родословной росписи в пять поколений, самостоятельно восходящий к родословной росписи 1519-1537 гг. и дополнения до девятого (в Музейном списке – до одиннадцатого) поколения. Пространный вариант содержит сведения о 130 (в Музейном списке – о 133) лицах из рода князей Волконских. Пространный вариант представлен в шести списках родословных книг, в хронологическом порядке расположенных следующим образом: список А.И. Лобанова (1664)<sup>68</sup>, Ю.И. Салтыкова (1674)<sup>69</sup>, С.В. Ромодановского (1678)<sup>70</sup>, Вяземский I (вторая половина XVII в.)<sup>71</sup>, Музейный (середина XVIII в.)<sup>72</sup>, А.М. Пушкина (1768)<sup>73</sup>. Все шесть списков, содержащие Пространный вариант родословия, М.Е. Бычкова относит к редакции в 81 главу<sup>74</sup>. По ее мнению, ни один из сохранившихся списков этой редакции не является копией с другого – все они восходят к общему протографу второй половины XVII в. В этот протограф, вероятно, и был включен Пространный вариант середины XVII в.

<sup>64</sup> Власьев. 1907. Т. 1, ч. 3. С. 338-339. № 76.

<sup>65</sup> Там же. С. 358. № 133.

<sup>66</sup> Там же. С. 359. № 136.

<sup>67</sup> Там же. С. 344. № 96.

<sup>68</sup> РГАДА. Ф. 181. № 173. Л. 381-382; см. Бычкова. 1975. С. 60.

<sup>69</sup> ГПБ. Ф IV. № 733. Л. 187-188; см. Бычкова. 1975. С. 61.

<sup>70</sup> ГИМ. Увар. 570. Л. 183-184; см. Бычкова. 1975. С. 60; Леонид, архим. 1894. Ч. 3. С. 129-134. № 1506 (570).

<sup>71</sup> ГПБ. Собр. Вяземского. Ф. 141. Л. 198-199; см. Бычкова. 1975. С. 61.

<sup>72</sup> РГБ. Музейное собрание. Ф. 178. № 734. Л. 170об.-172об.; см. Бычкова. 1975. С. 60.

<sup>73</sup> РГАДА. Ф. 181. № 176. Л. 662-666; см. Бычкова. 1975. С. 60.

<sup>74</sup> Бычкова. 1975. С. 63.

Пространный вариант содержит более исправное, чем в иных, родословие первых поколений князей Волконских, восходящее к архетипу 1519-1537 гг. Об этом говорят сдержанность в употреблении княжеского титула при именах Волконских, употребление отчеств на *-ов* вместо почетного *-вич*, верное указание на календарное имя Ипатия Потула, отсутствие среди его братьев сомнительного Дмитрия:

Краткий вариант <sup>75</sup>	Пространный вариант <sup>76</sup> [легенда]
У кн(а)зѣ Ивана Юрьевича у Вольконского   у Толстои Головы с(ы)нѣ Юрьѣ.	А у Ивашика   у Толстои Головы с(ы)нѣ Юр(ь)е.
А у кн(а)зѣ   Юрьѣ дѣти Костентинъ да Фе ддоръ, да Иван.	А у Юр(ь)ѣ дѣти Костентин да Феодор да Иван.
И у Костентина с(ы)нѣ   Василеи.	А у Костентина с(ы)нѣ   Василеи.
А у Феодора дѣти Феодор   да Иванъ.	А у Феодора дѣти Феодор да Иван Черной.
А Ивановы дѣти   князѣ Феодорова с(ы)на Феодор да С лекса ндра, да Дмитрей, да Иванъ Немец.	А у Ивана, Костентинова [и Федорова] брата, Юр(ь)ева ж   с(ы)на, дѣти Феодор да Александръ, да Дмитрей, да Иван Немець.
А князѣ Васильевы дѣти Костен тиновича Иванъ Хлыщъ да   Петръ Верига, да Дмитрей, да Василеи Потул да С ндрѣи.	А у Васи(л)ѣ дѣти у Костен тинова с(ы)на Иван Глыш да Петръ Верига, да Ипатеи Потул, да Василеи, да Ондрѣи.

После родословия первых поколений князей Волконских дана справка о службах Вериги и Потула, заимствованная из разрядов, далее родословная продолжена в том же, что и в варианте 1519-1537 гг. «горизонтальном» порядке. В Вяземском I списке родословная пополнялась путем записей на полях. Возникновение Пространного варианта было вызвано, вероятно, возросшей к середине XVII в. местнической активностью князей Волконских, которые все чаще стали выступать атакующей стороной<sup>77</sup>. Пространный вариант должен был укрепить позиции оппонентов князей Волконских.

Редактирование родословной в 1686 г. следует связать с князем Федулом Федоровичем Волконским. Она была предназначена для внесения в Бархатную книгу и подана в Палату родословных дел. Кроме лестной для всех князей Волконских версии происхождения рода родословная князя Федула решала в его пользу вопросы внутриродового

<sup>75</sup> РГАДА. Ф. 201. Д. 82. Л. 175об. – 176об. (Оболенский II список Патриаршей редакции, филигранный 1626, 1631 гг.)

<sup>76</sup> ГИМ. Увар. 570. Л. 183-184 (Список С.В. Ромодановского редакции в 81 главу, 1678 г.).

<sup>77</sup> Эскин. 1994. № 955, 963, 1615, 1046, 1047, 1053, 1102, 1103, 1112, 1232, 1233, 1348; Белокуров. 1907. С. 93, 98-99, 120, 161; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 185-187, 207, 222-224, 330, 323-324, 385, 917-918, 925; Т. 2. Стб. 444.

старшинства. Вариант родословной росписи 1686 г. в родословные книги, в том числе и в Бархатную, не вошел. В настоящее время А.В. Антоновым выявлены ее подлинник и восемь копий. Эти документы сохранились в составе фондов Разрядного приказа, Герольдмейстерской конторы, Департамента герольдии, Московского дворянского собрания – т.е. учреждений, ведавших вопросами дворянского учета и рассмотрения «дворянских доказательств»<sup>78</sup>.

Родословная роспись 1686 г., подписанная Федулom Федоровичем и Семеном Давыдовичем Черным Волконскими, была скопирована окольниковым Федором Львовичем и также подана в Палату родословных дел 18 января 1687 г. Эта роспись сохранилась в подлиннике и в семи копиях XVII-XIX вв.<sup>79</sup> Как оригинал, так и копии росписи Ф.Л. Волконского дефектны, в них недостает начала<sup>80</sup>. В своей сохранившейся части роспись Ф.Л. Волконского 1687 г. идентична росписи Ф.Ф. и С.Д. Волконских 1686 г. При создании нового варианта родословной росписи князь Ф.Ф. Волконский использовал как Краткий, так и Пространный варианты родословной. Из первого было заимствовано имя князя Дмитрия Васильевича (пятое поколение рода), из второго – крестное имя князя Игнатия Потула. Были использованы и разряды.

Задачи, стоявшие перед князьями Волконскими в конце XVII века, очевидны. Несмотря на заметное возвышение к этому времени, достижение думных чинов, Волконские оставались «неродословным» родом, т.е. никак не отмеченным в Государеве родословце. Более того – получила достаточно широкую огласку версия их «нечестного» происхождения. Предыдущая попытка князя Григория Константиновича Волконского родословиться от князей Оболенских (1626 г., см. выше) к успеху не привела. Таким образом, требовалось убедительно связать начало рода со сведениями, содержащимися в Государеве родословце.

Первые поколения рода были изменены в угоду идее о происхождении князей Волконских от героя Куликовской битвы, известного по летописям князя Федора Тарусского. Князь Федор Тарусский, ставший сыном Ивашки Толстой Головы (теперь – «князя Ивана Юрьевича Тарусского»), заменил в родословной Юрия Ивановича, представленного

---

<sup>78</sup> Антонов. 1996. С. 116. К упомянутым А.В. Антоновым копиям следует добавить еще одну: РГАДА. Ф. 11. Д. 1116. Л. 93-98об.

<sup>79</sup> Там же. К упомянутым А.В. Антоновым копиям следует добавить еще одну: РГАДА. Ф. 11. Д. 1116. Л. 5-7.

<sup>80</sup> Копия: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 241. Л. 57-59, указанная А.В. Антоновым, не содержит рукоприложения Ф.Л. Волконского и исправна. Возможно, она является копией родословной князя Федула.



во всех предыдущих вариантах. Ивашке Толстой Голове кроме Федора был дан второй сын Мстислав, также, судя по летописям, павший в 1380 г. Обстоятельства, приведшие к утрате сыновьями Толстой Головы Тарусы в родословной не объясняются. Между тем сыновья Федора, лица третьего поколения росписи, титулованы князьями Конинскими (их старшинство в сравнении с предыдущими вариантами было изменено так, чтобы Федор Львович стал потомком не третьего сына, а второго), а их кузены Мстиславичи – князьями Спашскими. Автор родословной объяснил этимологию этой фамилии владением селом Павшино, что, конечно, неприемлемо. Павшино – посессивное название, образованное из личного имени Павел в его уменьшительной форме Павша<sup>81</sup>.

Внимание Волконских к князьям Спашским и Конинским понятно – включение их в родословную роспись делало этот род «родословным», поскольку оба княжеских рода были упомянуты в Государеве родословце: «А Конинские князи и Спашские пошли от Торуских, а захудели и извелись от войны татарские»<sup>82</sup>. По версии родословной 1686 г. уже лица третьего поколения утратили родовое прозвание Конинские и стали именоваться Волконскими. Это утверждение опровергается известными источниками. В битве на Суходрови в 1445 г. литовцами был пленен воевода верейского князя Михаила Андреевича князь Иван Конинский<sup>83</sup>. К первой половине XVI в. относится несохранившейся «обыск Федора Григорьева сына Офонасьева о Василье Микулинском, и о Конинском, и о зерновщиках»<sup>84</sup>. Как видно, этот Конинский обвинялся в пристрастии к зерни – азартной игре, запрещавшейся Стоглавом<sup>85</sup>. В конце XVI в. в Тверском уезде упоминается княгиня Марья «княж Ондреева Конинского» – владелица села Морткино Городище<sup>86</sup>. Таким образом, князья Волконские и князья Конинские – два разных рода, сосуществовавшие одновременно, по крайней мере, до конца XVI в.

Не соотносятся сведения росписи 1686 г. с иными источниками и в отношении князей Спашских. Бездетных, согласно росписи, князей Бориса Михаила и Федора Спашских невозможно связать с внесенным в синодик Успенского собора «князем Володимером Спашским, убиенным от своих братанич»<sup>87</sup>.

---

<sup>81</sup> Ср. многочисленные Гавшино, Прокшино (от Гаврила, Прокофий) и т.п.

<sup>82</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... С. 211.

<sup>83</sup> Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 112.

<sup>84</sup> Государственный архив России XVI столетия... С. 158-159.

<sup>85</sup> Стоглав. Собор, бывший в Москве... С. 101-102.

<sup>86</sup> Писцовые книги Московского государства XVI века. Отд. 2. С. 164-165.

<sup>87</sup> Синодик... [Московского Успенского собора] 1684 года. Т. 6. С. 450.

Следует признать, что привязка Волконских к князьям Тарусским, Спашским и Кониным, схема их взаимного родства, изложенные в ходе сочинения родословной 1686 г., были выполнены произвольно и неуклюже; в этой части документ недостоверен.

Из следующего, четвертого поколения князей Волконских были исключены известные по более ранним вариантам бездетный князь Дмитрий Иванович и его брат Иван Немец вместе со своим потомством, прервавшимся на шестом поколении. Принцип исключения бездетных представителей рода, демонстрирующий узкопрактическую значимость росписи для его составителя, соблюдается и в следующих поколениях. В пятом поколении были исключены Иван Глыщ (Хлыщ), Андрей и Василий Васильевичи, в седьмом – Федор Дмитриевич Потулов, в восьмом – Андрей Михайлович Хромого, в девятом – Федор Васильевич, Василий Григорьевич, Дмитрий Дмитриевич и даже родные братья князя Федула Яков и Федор.

Роспись значительно изменила порядок внутривидового старшинства в пользу ее составителя, князя Федула. Если ранее его отец Федор Шериха считался правнуком Ипатия Потула, третьего, согласно Пространному варианту, сына Василия Константиновича, то теперь он стал правнуком его старшего сына Дмитрия. Этот Дмитрий Васильевич был известен только Краткому и Сокращенному вариантам, которые, вероятно, неверно истолковали данные разрядов, сделав Дмитрия (Митю, Митяйку) Волконского братом Ипатия Потула, в то время, как он был его сыном (см. выше). В Кратком и Сокращенном вариантах сомнительный Дмитрий Васильевич оставался бездетным.

Уникальным известием родословной 1686 г. стала реконструкция линии рода, происходившей от князя Парфена (Перфилия). Она, вероятно, основывалась на данных разрядов.

\*\*\*

В качестве подтверждения новой версии родословной Волконскими были представлены две грамоты. Первая – жалованная данная и несудимая старицкого князя Андрея Ивановича Дмитрию и Потулу Васильевым детям Константиновича Волконского на жеребей их брата Вериги в селе Опочня с деревнями в Волконской волости Алексинского уезда. Она известна только по публикации Е.Г. Волконской; подлинник и списки этой грамоты не выявлены<sup>88</sup>. Княгиня Волконская относила ее «по содержанию... к 1515 г., т.е. к половине царствования Василия III, у которого Петр Верига находился на службе (вследствие последнего об-

---

<sup>88</sup> Капитанов, Назаров, Флоря. 1968. С. 207. № 81; Антонов. 1996. С. 117.

стоятельства он, быть может, и лишился своего жеребья в вотчинах, лежащих в черте княжества Андрея Иоанновича, который передал жребий Вериги его братьям»<sup>89</sup>. Предположения о причинах утраты Веригой своего жребия можно принять (хотя они могли быть и иными, например – продажа или обмен), но датировка княгини Волконской представляется малообоснованной. Вряд ли следует датировать грамоту удельного князя Андрея Ивановича механически высчитанной серединой правления его брата в великом княжестве (тем более что эта середина приходится не на 1515, а на 1519 г.). Андрей Иванович не мог бы выдать эту грамоту в 1515 г., потому что, хотя и получил Алексин и Волкону по духовной грамоте Ивана III, но реальное наделение его уделом состоялось в феврале 1519 г.<sup>90</sup> Однако датировка Волконской была принята Г.А. Власевым<sup>91</sup>. С.М. Каштанов и его соавторы датировали эту грамоту широким периодом 1519-1537 гг. – т.е. временем правления Андрея Ивановича в своем уделе. Их датировка была принята и А.В. Антоновым.

Никому из исследователей, кроме самой Е.Г. Волконской, эту грамоту не удалось обнаружить ни в подлиннике, ни в списке. Княгиня уверяла, что «грамота эта сохранилась в копии, списанной с подлинника Г.Ф. Миллером», но в Портфелях Миллера содержится лишь грамота Волконским великого князя 1541 г. (см. ниже)<sup>92</sup>. Отсылка, сопровождающая публикацию грамоты старицкого князя, указывает в качестве ее источника на Разряд XI Петербургского государственного архива МИД, дело № 1116<sup>93</sup>. Дело производилось уже после смерти Миллера (1783 г.) в Герольдмейстерской конторе в 1794 г. Здесь имеется лишь изложение грамоты князя Андрея Ивановича, скопированное из дела 1686-88 гг., когда она была представлена в Палату родословных дел вместе с родословной росписью<sup>94</sup>. Вероятно, это изложение и легло в основу публикации Волконской. Княгиня явно использовала формуляр иной грамоты удельного или великого князя, вставив в нее фразы из делопроизводственного «экстракта»<sup>95</sup>. Таким образом, источник был настолько существ-

---

<sup>89</sup> Волконская. 1900. С. 17.

<sup>90</sup> Зимин. 1972. С. 63, 196

<sup>91</sup> Власев. 1907. С. 328-329.

<sup>92</sup> В деле Герольдии о происхождении князей Волконских как раз грамота Ивана IV значится присланной от «г-на советника Миллера» (Волконская. 1900. С. 792, 794).

<sup>93</sup> В настоящее время это дело под тем же номером в фонде 11 РГАДА.

<sup>94</sup> РГАДА. Ф. 11. Д. 1116. Л. 27об. – 28.

<sup>95</sup> Возможным источником для реконструкции Волконской могла служить грамота князя Андрея Ивановича Старицкого В. Баранчевеу, опубликованная в сборнике А.И. Юшкова: Акты XIII-XVII вв. ... Ч. 1: 1257-1613. № 120. С. 101-102.

венно изменен, что фигурирующую в публикации Е.Г. Волконской грамоту следует считать «научным подлогом».

Между тем, некая грамота старицкого князя Андрея Ивановича князьям Волконским все-таки была явлена в 1687 г. Дело позволяет выяснить не только ее содержание, но и некоторые дополнительные подробности. Вместе с грамотой была представлена «память» о том, что князья Савелий Львович, Михаил Андреевич и Яков Юрьевич Волконские получили этот документ на время от князя Семена Давыдовича<sup>96</sup>. Это вполне правдоподобно: Семен Давыдович, как и второй податель росписи 1686 г. Федул Федорович, был прямым потомком Потула Волконского, если довериться Пространному варианту родословия, и вполне мог хранить доставшуюся по наследству грамоту в семейном архиве<sup>97</sup>. Физическое состояние грамоты оставляло желать лучшего: «а в котором году та грамота писана, не ведомо, потому что конца у подлинной грамоты за ветхостию нет»<sup>98</sup>. Таким образом, у грамоты не было только даты, но и признаков удостоверения (печати, дьячей подписи). О ветхости грамоты говорилось и в «сказке» оппонентов князей Волконских в 1688 г. – князей И.Б. Репнина, К.О. Щербатова и М.И. Лыкова: «те грамоты драны и черны... и те грамоты им не в оправдание»<sup>99</sup>.

Иначе говоря, грамота старицкого князя Андрея Ивановича, фигурирующая то как дефектный документ без признаков удостоверения, то как изложение его содержания, то как «реконструкция» небеспристрастной авторши, созданная по этому изложению, не может рассматриваться как беспорное доказательство ни в одной из этих своих ипостасей. Интерполяциями в этом акте, если был представлен действительно плохо сохранившийся подлинный документ, следует признать указание на отчество, дедичество и титул получателей: «Князь Андрей Иванович пожаловал князя Дмитрия да князя Потула князя Васильевых детей Константиновича Волконского...»<sup>100</sup>. Выше было отмечено, что Дмитрий Васильевич, как старший брат Потула Волконского появился лишь в Краткой росписи и иным источникам неизвестен<sup>101</sup>. Грамота должна

---

<sup>96</sup> РГАДА. Ф. 11. Д. 1116. Л. 1.

<sup>97</sup> Однако, согласно росписи 1687 г., ни Семен Давыдович, ни Федул Федорович к потомству Потула не принадлежали. Это лишний раз доказывает фантастичность данной росписи.

<sup>98</sup> РГАДА. Ф. 11. Д. 1116. Л. 28.

<sup>99</sup> Там же. Л. 10об.

<sup>100</sup> Там же. Л. 27об.

<sup>101</sup> Е.Г. Волконская так процитировала меновную грамоту на г. Дмитров 1566 г.: «в грамоте этой сказано, что “по книгам письма кн<язя> Дмитрия Васильевича Волконского 7027 г. (1519) к городу Старице принадлежат (такие-то) станы”» (*Вол-*

была подтвердить новую версию родословной князей Волконских, сделал Семена Давыдовича и Федула Федоровича старшими среди потомков «тарусского князя Ивана Юрьевича Толстой Головы».

Обратимся ко второй грамоте, представленной в 1687 г. князьями Волконскими. Это указная грамота великого князя Ивана Васильевича от 18 сентября 1541 г., данная в Алексин некоему Ивану Константиновичу о расследовании тяжбы между «князем Иваном князь Дмитриевым сыном Волконского» и княгиней Марьей, вдовой Потула Волконского<sup>102</sup>. Грамота была представлена в подлиннике, за черной печатью. Если грамота старицкого князя Андрея Ивановича всего лишь подтверждала (путем именованья с отчеством и дедичеством адресатов) существование трех поколений князей Волконских, то великокняжеская грамота имела первостепенную важность для этого рода. Она связывала Волконских с князьями Конинскими и Спажскими, упомянутыми, в отличие от самих Волконских, в Государеве родословце. В грамоте речь шла о селе Павшине и деревне Сементиной, «что дана деду отца его, князю Константину Конинскому, после братии его и Спажских князей».

Такого рода бесспорное свидетельство наверняка было способно склонить чашу весов в сторону князей Волконских, если бы не одно обстоятельство. В Палате родословных дел отметили, что в подлиннике после названия деревни «строки с полторы письма рассмотреть за ветхостию не можно, потому что было передрано и склеено, и письма не знать». Столь важная для Волконских фраза содержалась лишь в списке, поданном вместе с оригиналом – ее «они, князь Савва и князь Семен, за своими руками написали в том месте, где в подлинной грамоте склеено и письма рассмотреть не можно». Докладная выписка Палаты родословных дел с изложением этого обстоятельства в настоящее время известна в трех экземплярах. На два из них указывает А.В. Антонов<sup>103</sup>, один остался им не учтен, однако им пользовалась Е.Г. Волконская. Он содержится в деле 1794 г.<sup>104</sup> По причинам явно не научного характера княгиня Волконская, использовавшая докладную выписку Палаты ро-

---

конская. 1900. С. 17). На соответствующей ее ссылке странице читаем: «по книгам писма князя Дмитрея Волконского лега семь тысяч двадцать седмаго, к городу к Старице станы...» (Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 1. С. 527; ср.: Духовные и договорные грамоты. С. 420. № 102).

<sup>102</sup> Каишанов, Назаров, Флоря. 1968. С. 221. № I-223. Известна авторам по публикации Волконской.

<sup>103</sup> РГАДА. Ф. 199. П. 284. Ч. 2. Д. 7. Л. 41 (см.: Антонов. 1996. С. 117; Акты служилых землевладельцев... Т. 1. С. 40); Там же. Ф. 394. Кн. 325. Л. 79.

<sup>104</sup> РГАДА. Ф. 11. Д. 1116. Л. 28об.

дословных дел как источник своей публикации грамоты 1541 г., опустила указания на ее интерполированность<sup>105</sup>.

Таким образом, актовые источники, соответствуя родословной росписи, поданной князьями Волконскими в 1686 г., не только не подтверждают ее достоверность, но в силу своей сомнительности вызывают обоснованное недоверие к ней. В целом ситуация вполне типична, если иметь в виду уже сделанные в исследованиях Л.М. Савелова, С.Б. Веселовского, А.Б. Каменского наблюдения, после которых утвердилась сдержанная оценка достоверности родословных росписей<sup>106</sup>. Весьма осторожный подход сформировался у исследователей и к актовым источникам, представлявшимся представителями дворянских родов вместе с росписями и призванным дать этим росписям юридические основания. Многие из таких актов интерполированы или просто поддельны<sup>107</sup>.

\*\*\*

Опыты интерпретации родословных росписей князей Волконских XVI-XVII вв., как правило, не опирались на их текстологические особенности. Высокие карьерные достижения князей Волконских на протяжении XVIII-XIX в. обусловили официальное утверждение лестной для них версии происхождения согласно родословной росписи 1686 г.<sup>108</sup> Именно на нее ориентированы генеалогические справочники<sup>109</sup>.

В 1900 г. княгиня Е.Г. Волконская (урожд. свтл. княжна Волконская) опубликовала сочинение, призванное прославить свой род. Супруг автора и ее издатель князь М.С. Волконский аттестовал эту работу, как отвечающую принципам «строгой исторической объективности»<sup>110</sup>. Между тем, княгиня зачастую оперировала искаженными цитатами из

<sup>105</sup> Грамота 1541 г. повторно опубликована А.В. Антоновым и К.В. Барановым с указанием на интерполяцию: *Акты служилых землевладельцев...* Т. 1. С. 39-40. Крайне подозрительным в отношении интерполяции выглядит и упоминание «князя Ивана княж Дмитриева сына Волконского». Он выступает сыном крайне сомнительного Дмитрия Васильевича, старшего брата Потула, и появился впервые в родословной росписи 1686 г.

<sup>106</sup> *Савелов*. 1908. С. 34-35, 129-134; *Веселовский*. 1969. С. 17-20; *Каменский*. С. 169.

<sup>107</sup> *Кобеко*. 1887. С. 7-13; *Лухачев*. 1898. С. 8-9, 12; *Зимин*. С. 407-410; *Лукичев, Назаров*. 1994. С. 90.

<sup>108</sup> *Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи*. Ч. 3. № 1.

<sup>109</sup> Исключение составляют работы П.В. Долгорукого, взявшего на себя «разоблачительную» функцию (*Dolgorouky*. 1843. Р. 39) и П.Н. Петрова, предложившего оригинальную, но бездоказательную версию происхождения князей Волконских от рязанских князей (*Петров*. 1886).

<sup>110</sup> *Волконская*. 1900. С. VI.

источников, сопровождаемыми путанным справочным аппаратом. «Научный» подход, избранный княгиней Е.Г. Волконской для дискредитации показаний ранних родословных, потребовал сформулировать два аргумента. Во-первых, «отец “Толстой Головы” назван Иваном; между тем этого имени не носил никто из сыновей Михаила Всеволодовича». Во-вторых, «младший сын св<ятого> Михаила Всеволодовича назван князем не только тарусским, которым он и был на самом деле, но и черниговским, которым никогда не был»<sup>111</sup>. Первый аргумент основан на недоразумении: ни в одном из вариантов родословной росписи князей Волконских отец Ивана Толстой головы не назван Иваном. Все списки дают чтение «князь Юрий Михайлович тарусский и черниговский», либо «князь Юрий Михайлович тарусский и оболенский». Второй аргумент, предполагающий уверенность в том, «как было на самом деле», основан на уникальных показаниях родословца Одинцевичей (первая четверть XVI в.) о разделе Тарусского княжества между сыновьями князя Юрия Михайловича. События, описанные в этом источнике, на два века отстояли от времени его составления. Разумеется, хотелось бы иметь какие-то основания для уверенности в его достоверности.

Еще один довод, призванный разрушить доверие к легенде о происхождении князей Волконских, предложил издатель князь М.С. Волконский. Он обратился к авторитету Н.П. Лихачева, который охарактеризовал ее в качестве генеалогического «пасквиля»<sup>112</sup>. Это действительно так – Н.П. Лихачев, говоря о цели подобных сочинений (в отношении Сукиных, Петрово-Соловых и Волконских), имел в виду желание авторов подобных легенд скомпрометировать оппонентов в ходе местных споров. Однако, достоверность содержащихся в «пасквилях» сведений Н.П. Лихачев не изучал<sup>113</sup>.

Исследовательской задачей А.В. Шекова была реконструкция ранней истории Волконского княжества. При острой нехватке иных письменных источников было важно доказать исключительную достоверность родословной росписи 1686 г. и, соответственно, дискредитировать противоречащие ей показания ранних родословных. В этой связи им был сформулирован ряд тезисов, которые автор попытался доказать<sup>114</sup>.

Автор отмечает «соответствие ее (росписи 1686 г. – О.Х.) данным сведениям грамоты Ивана IV от 1541 г., известий<sup>115</sup> летописей под

<sup>111</sup> Там же. С. 64, 810.

<sup>112</sup> Там же. С. 63. Примеч. 2; С. 810.

<sup>113</sup> Лихачев. 1888. С. 215-216. Примеч. 2.

<sup>114</sup> Шеков. 1993. С. 56-60; 1998. С. 151-160.

<sup>115</sup> Приводимая цитата дана в авторском правописании.

1445 г., родословия Одинцевичей, Государева родословца сер<едины> XVI в. и преданию, записанному в сер<едине> XIX в., о Павшиногородище – родине кн<язей> Волконских»<sup>116</sup>. Как отмечалось выше, соответствие росписи 1686 г. по меньшей мере интерполированному акту 1541 г. может скорее указать на ее недостоверность. Если мотивы явно пристрастной Е.Г. Волконской, по которым она умолчала об интерполяции в грамоте 1541 г. вполне ясны (хотя источники, которыми пользовалась княгиня, такие данные содержат<sup>117</sup>), то причины, помешавшие указать на интерполяции в акте А.В. Шекову явны менее. Ко времени защиты его кандидатской диссертации (1998), в которых он повторил этот аргумент, об интерполированности грамоты 1541 г. дважды сообщал А.В. Антонов (в работах 1996 и 1997 гг.).

Иные источники, упомянутые А.В. Шековым, трудно соотнести с родословием 1686 г. Летописные известия 1445 г. относятся к князьям Конинским, но не к Волконским, хотя для последних было крайне соблазнительно такое отождествление. Родословец Одинцевичей, призванный показать родовые преимущества князей Мезецких перед Оболенскими, повествует лишь о старшинстве сыновей князя Юрия Михайловича Тарусского. Государев родословец князей Волконских вовсе не упоминает.

Новой, по сравнению с аргументацией Е.Г. Волконской, является мысль о том, что источником легенды послужила челобитная Колтовских 1627 г., (правильно – 1626 г.) поскольку списки родословных книг, содержащие легенду, датированы концом XVII-XVIII вв.<sup>118</sup> Тут нужно отметить, во-первых, что легенда цитировалась и ранее – в местническом деле с Ляпуновыми (1625 г.). Во-вторых, в основе текстологии давно утвердился постулат о том, что датировка рукописи и датировка текста, который она содержит – часто не одно и то же<sup>119</sup>.

Трудно комментировать тезис автора о том, что легенда «о нечестном» происхождении Волконских присутствует только в двух списках родословных книг Компилятивной редакции – Погодинском IV и Библиотечном III<sup>120</sup>. Как показано выше, мы можем утверждать, что она содержится еще не менее, чем в девяти списках.

А.В. Шеков полагает, исходя из стеммы М.Е. Бычковой, что «генеалогия кн<язей>. Волконских была заимствована в 8 списках редак-

---

<sup>116</sup> Шеков. 1998. С. 138-159.

<sup>117</sup> РГАДА. Ф. 11. Д. 1116. Л. 28об.

<sup>118</sup> Шеков. 1998. С. 156.

<sup>119</sup> Лихачев, Алексеев, Бобров. 2001. С. 280-292; Творогов. 2009. С. 144-151.

<sup>120</sup> Шеков. 1998. С. 154.



ции в 81 главу из списков редакции в 43 главы с приписными»<sup>121</sup>. М.Е. Бычковой было известно лишь семь списков этой редакции<sup>122</sup>. Соотношение же текстов росписей в списках родословных книг этих двух редакций, как было показано выше, гораздо сложнее, чем просто заимствование. В частности, ни одна роспись князей Волконских из родословных книг редакции в 43 главы с приписными (они содержат либо Краткий, либо Сокращенный варианты) не могла послужить протографом для родословной росписи в родословных книгах в 81 главу. Последние содержат Пространный вариант; как и Краткий, он самостоятельно восходит к архетипу.

Ориентируясь далее на стемму Патриаршей редакции родословных книг в работе М.Е. Бычковой, автор пытается доказать, что роспись Волконских в ней восходит к тенденциозному (вероятно, имеется в виду – направленному против Волконских) частному родословцу 60-70-х гг. XVI в.<sup>123</sup> Вполне вероятно, что таковой существовал и стал протографом для второго извода Патриаршей редакции родословных книг. Однако, нужно отметить, что Краткий вариант росписи Волконских, вошедший в этот извод, никак не может рассматриваться в качестве враждебного к ним. Как уже говорилось, из него исключена легенда о «нечестном» происхождении, имена сопровождаются княжеским титулом, отчества даны в почетной форме на «-вич».

При всей соблазнительности для исследователей считать роспись 1686 г. достоверным источником по ранней истории Волконского княжества, которая письменными источниками обеспечена крайне скудно, следует все-таки отдавать отчет в том, что это – наиболее поздняя и наиболее искусственная конструкция. Как и предыдущие версии, роспись 1686 г. имела свои цели, постижение которых с точки зрения современной исторической науки представляет не меньший познавательный интерес, чем составление наиболее полного и достоверного родословного «древа».

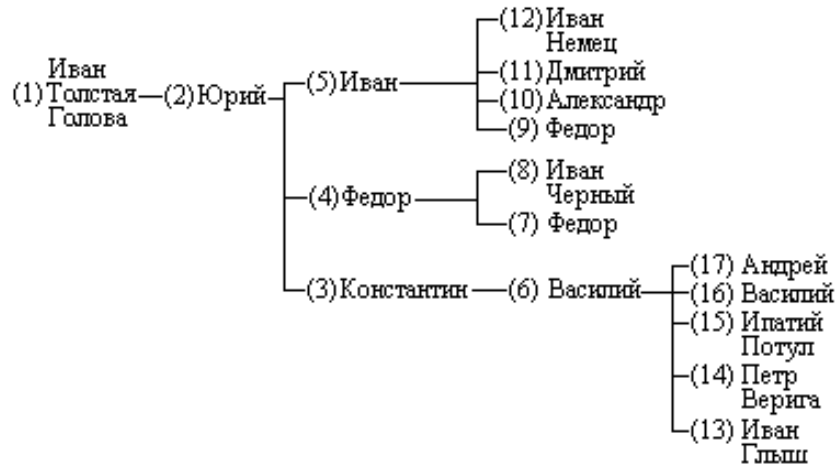
---

<sup>121</sup> Там же. С. 156.

<sup>122</sup> Бычкова. 1975. С. 58, 63, 186-187.

<sup>123</sup> Шеков. 1998. С. 157, 159.

Таблица 1. Родословная схема согласно росписи 1519-1537 гг.<sup>1</sup>



<sup>1</sup> В данной и последующих схемах в скобках указан порядковый номер лица в росписи, курсивом выделены исчезнувшие по сравнению с предшествующим вариантом лица, жирным – появившиеся вновь. Пунктирной линией обозначены родственные связи, исчезнувшие по сравнению с предшествующим вариантом. Серой линией обозначены схемы, восходящие к архетипу 1519-1537 гг.

Таблица 2. Родословная схема согласно Краткому варианту родословной росписи (1570-е гг.)

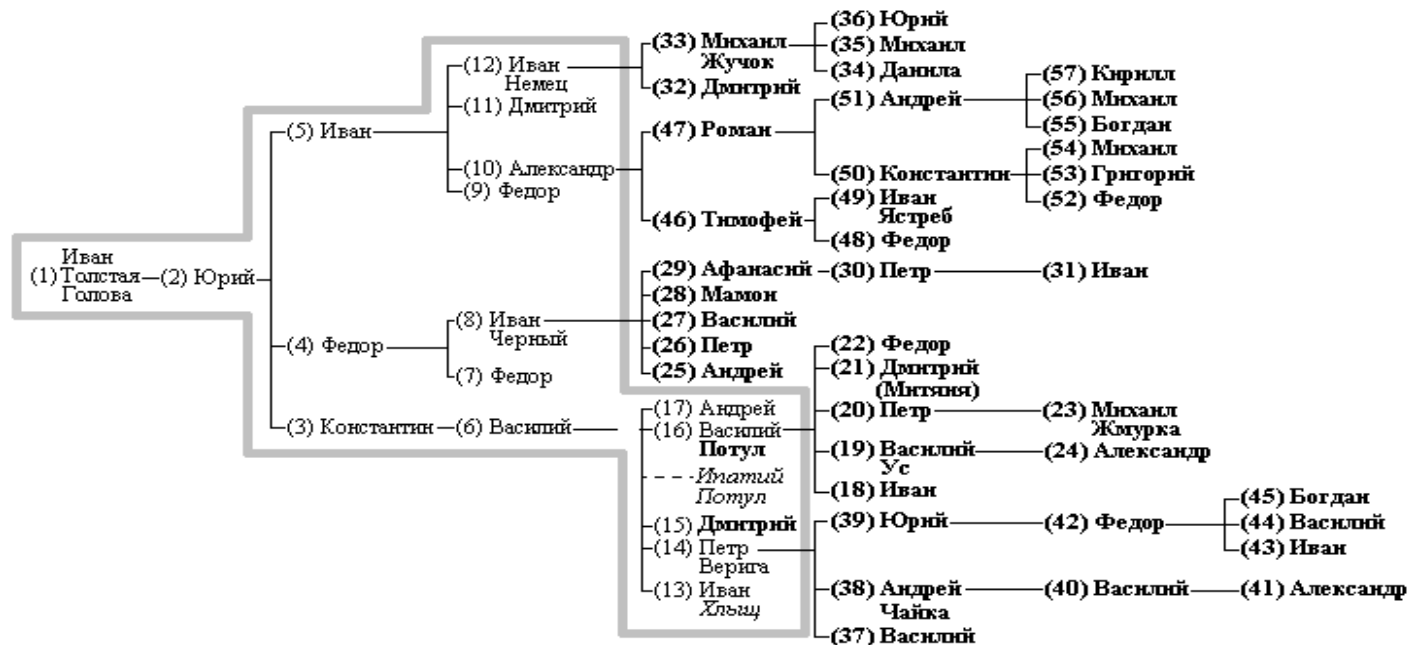


Таблица 3. Родословная схема согласно Сокращенному варианту родословной росписи (кон. XVI в.)

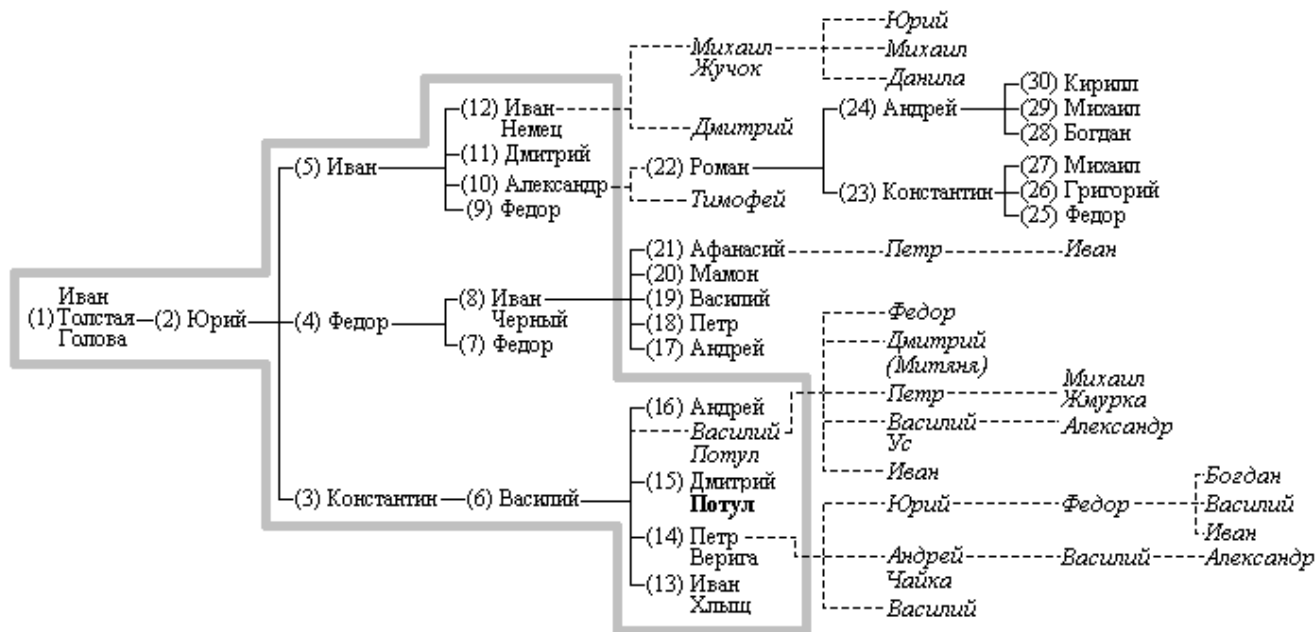


Таблица 4. Родословная схема согласно Пространному варианту родословной росписи (сер. XVII в.)

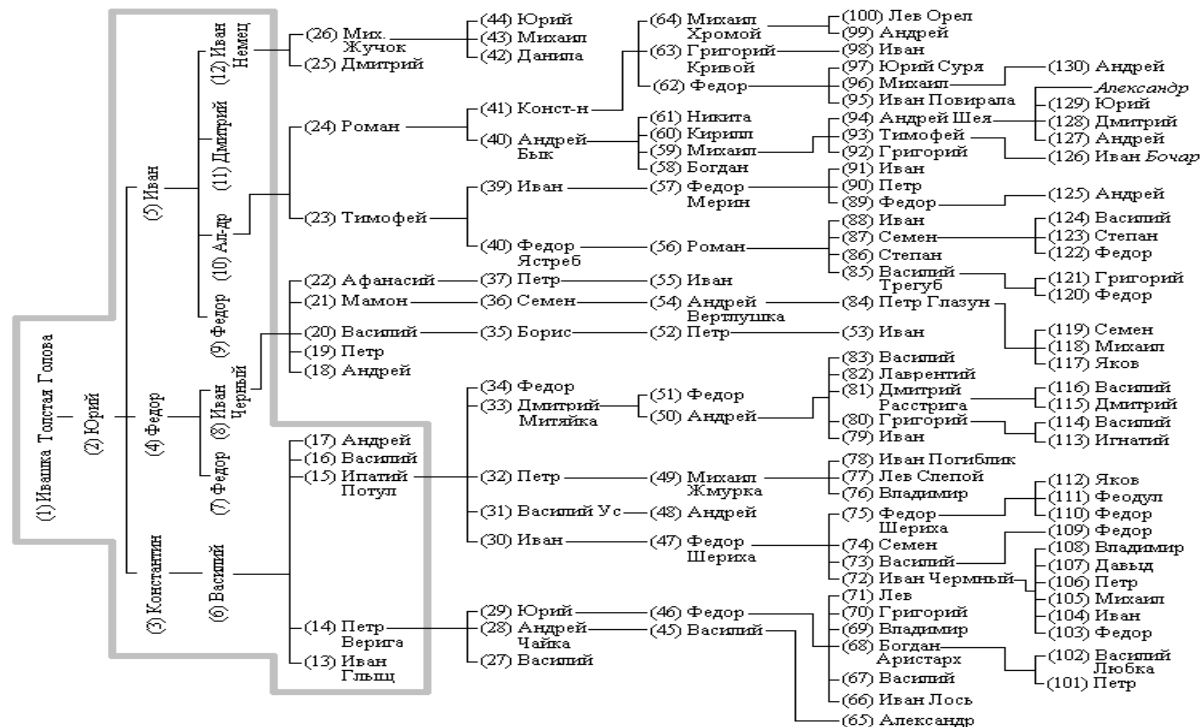
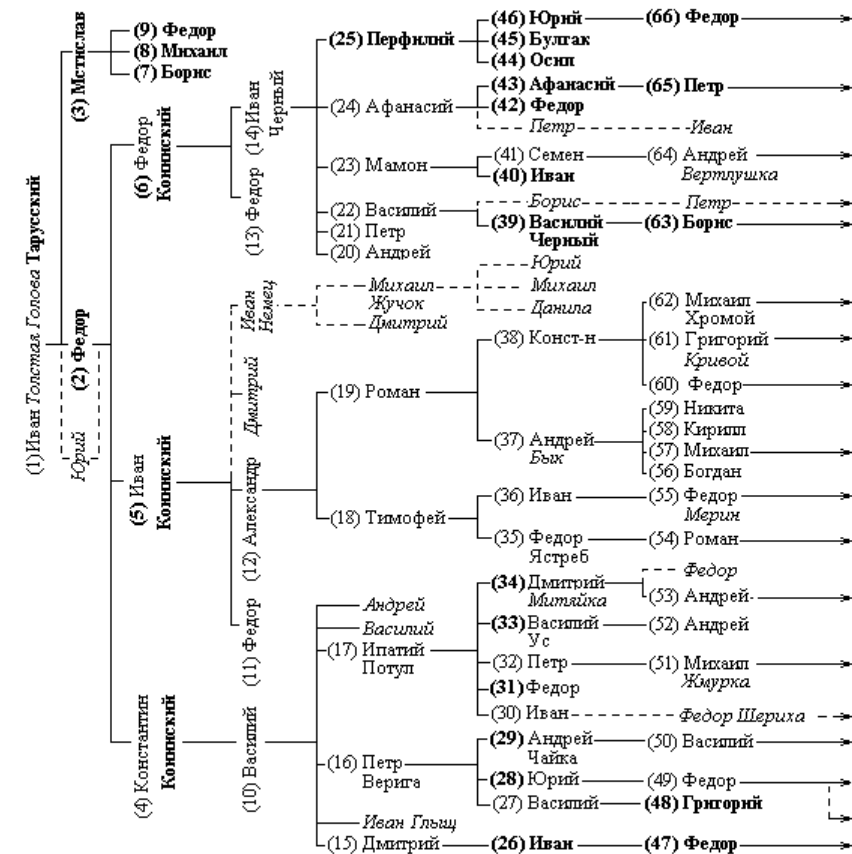


Таблица 5. Родословная схема согласно Родословной росписи 1686 г.



см. Часть 2

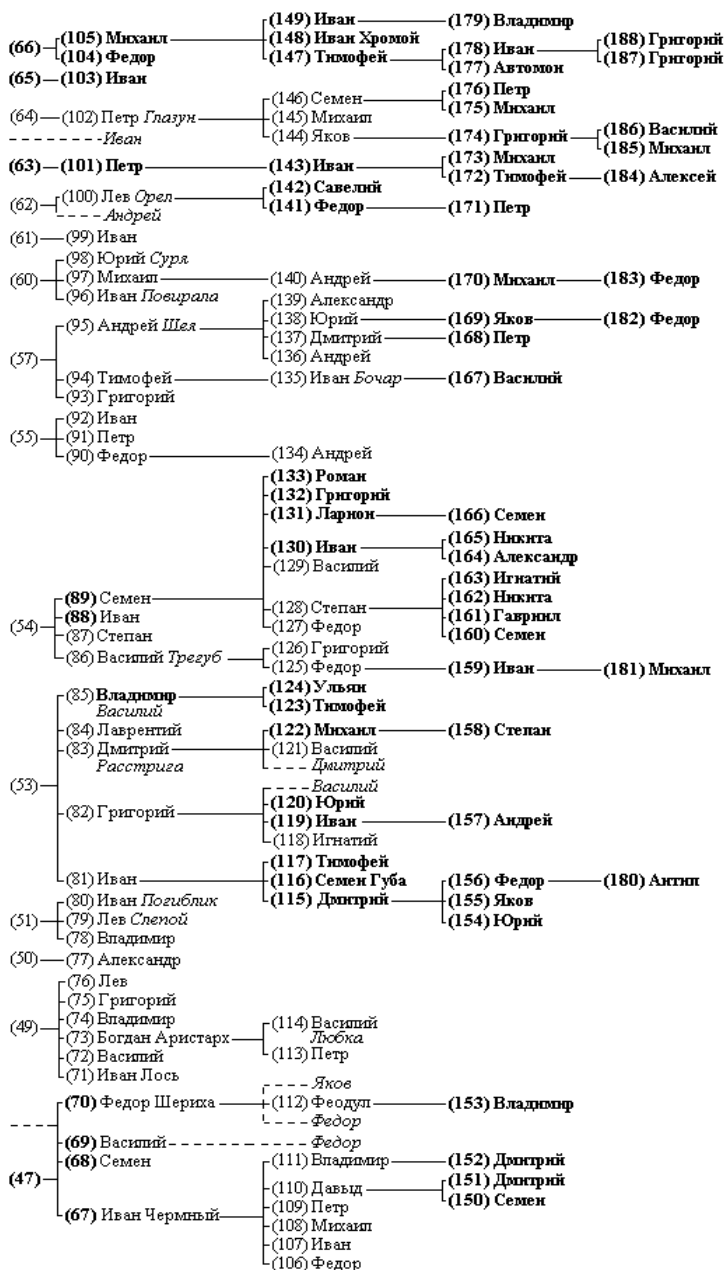
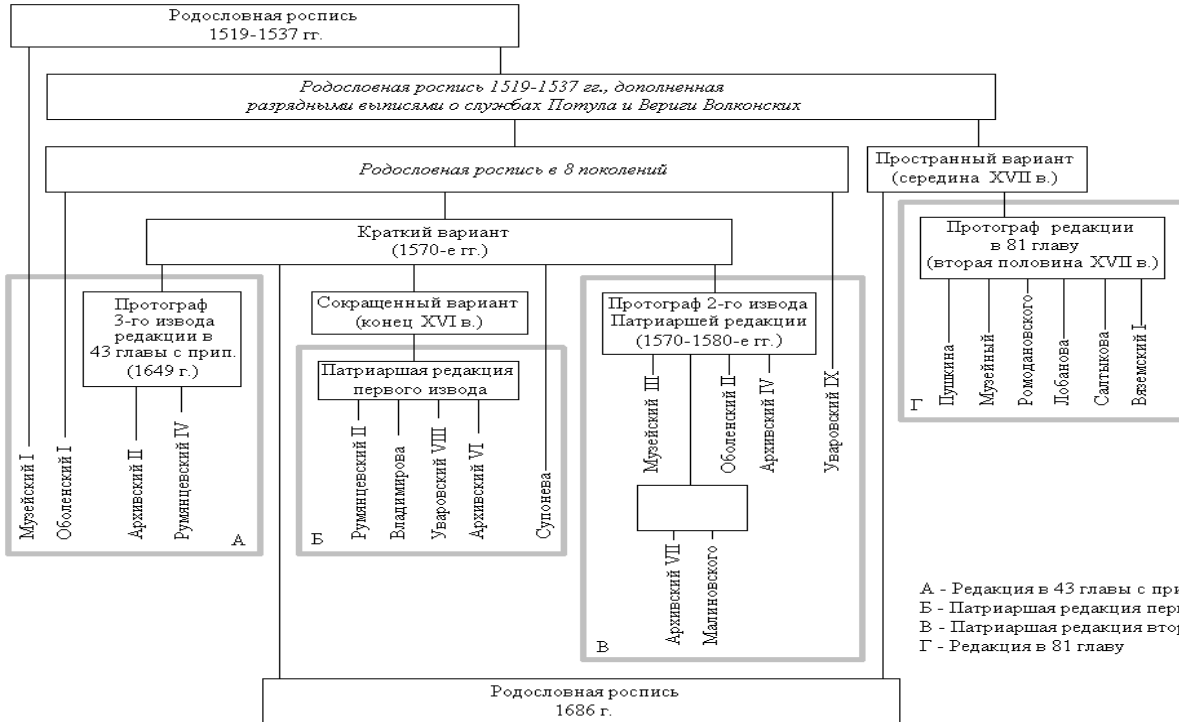


Таблица 6. Соотношение списков родословных росписей князей Волконских XVI-XVII вв.



А - Редакция в 43 главы с приписными  
 Б - Патриаршая редакция первого извода  
 В - Патриаршая редакция второго извода  
 Г - Редакция в 81 главу



## БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Изд. А.И. Юшков. М., 1898. Ч. 1: 1257-1613.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М., 1997.
- Акты феодального землевладения и хозяйства / Подгот. к печ. А.А. Зимин. М., 1956.
- Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.
- Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907.
- Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. М., 1987.
- Власьев Г.А.* Потомство Рюрика: материалы для составления родословной. СПб., 1907. Т. 1, ч. 3.
- Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900.
- Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
- Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимины. М., 1978.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990. Т. 3.
- Дворцовые разряды / Изд. II отд. собств. е.и.в. канцелярии. СПб., 1850. Т. 1.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.
- Зимин А.А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI-XVII вв. // Труды МГИАИ. М., 1963. Т. 17.
- Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977.
- Каменский А.Б.* Новые данные о судьбе родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования: Сб. науч. тр. М., 1993.
- Кашианов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968.
- Книги разрядные по официальным оных спискам / Изд. II отд. собств. е.и.в. канцелярии. СПб., 1853. Т. 1.
- Кобеко Д.Ф.* О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии. СПб., 1887.
- Кобрин В.Б.* Из истории Старицкого удела и двора // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVIII веков: Тез. докл. и сообщений. М., 1990.
- Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. М., 1894.
- Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А., Боброва А.Г.* Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.). СПб., 2001.
- Лихачев Н.П.* По поводу сборника А.И. Юшкова «Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898.

- Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888.
- Лукичев М.П., Назаров В.Д.* Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования: Сб. статей. М., 1994.
- Маркевич А.И.* О местничестве. Киев, 1879.
- Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: Сказки, песни, частушки / Под ред. В.В. Гура. Вологда, 1965.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М., 1985. Т. 2.
- Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011.
- Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1.
- Писцовые книги Московского государства XVI века / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1877.
- Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8.
- Разрядная книга 1475-1598 гг. / Подгот. текста, введ. ст. и ред. В.И. Буганова; отв. ред. акад. М.Н. Тихомиров. М., 1966.
- Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977.
- Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787.
- Русская историческая библиотека, изд. Археографическою комиссиею. СПб., 1880.
- Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1908.
- Синодик... [Московского Успенского собора] 1684 года // Древняя Российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813.
- Солодкин Я.Г.* Об адресате «Послания дворянина к дворянину» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39.
- Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче в лето 7059. Лондон, 1860.
- Творогов О.В.* Археография и текстология древнерусской литературы. М.; СПб., 2009.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А.А. Зимин. М., 1950.
- Шеков А.В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории XIII – середины XVI вв.). Тула, 1993.
- Шеков А.В.* Верховские княжества XIII – середина XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Тула, 1998.
- Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI-XVII вв.: Хронол. реестр. М., 1994.
- Dolgorouky P.* Notice sur les principales familles de la Russie. Bruxelles-Leipzig, 1843.
- Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.
- Хоруженко Олег Игоревич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; [khoruzhenko1@yandex.ru](mailto:khoruzhenko1@yandex.ru)

*М. М. ГОРЕЛОВ*

## **ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОМЫ ПРОШЛОГО В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ПОЛИДОР ВЕРГИЛИЙ**

---

Статья посвящена отражению исторического прошлого Англии в труде итальянского учёного и гуманиста Полидора Вергилия, работавшего по приглашению первых Тюдоров. Произведение Полидора положило начало синтезу ренессансной манеры историописания с традициями английской исторической хронистики. Оно отвечало актуальной потребности в новом осмыслении национальной истории.

*Ключевые слова:* Полидор Вергилий, Тюдоры, Ренессанс, гуманизм.

---

Первая треть XVI века в истории Англии была периодом относительного благополучия и стабильности. После кровопролитных междоусобиц предыдущего столетия, известных как войны Роз и потрясавших страну почти 30 лет (1455–1485), на престоле утвердилась новая династия Тюдоров, возникшая в результате брака представителя боковой ветви Ланкастеров Генриха Тюдора и Елизаветы Йоркской, что, таким образом, положило конец долгой вражде двух аристократических домов. После победы над последним королём из династии Йорков, Ричардом III, при Босворте в 1485 г. Генрих Тюдор короновался как король Генрих VII. Правление Генриха VII (1485–1509) и его преемника Генриха VIII (1509–1547) характеризовалось относительной политической стабильностью, во многом благодаря тому, что в войнах Роз физически уничтожили друг друга наиболее агрессивные и беспокойные феодальные роды, бывшие оплотом междоусобных смут. Преодолев эти смуты, Англия вышла из них окрепшим и устойчиво развивающимся государством, постепенно превращаясь из небогатой периферийной страны в будущую европейскую державу. Этот процесс был отчасти приторможен новыми внутренними потрясениями, обрушившимися на Англию в связи с началом королевской Реформации в 1534 г. и свергнувшими её в пучину религиозных конфликтов, столь характерных для тогдашней Европы, однако, обошедшихся меньшими жертвами, чем, например, религиозные войны в более крупных европейских государствах того времени, таких как Франция или Германия.

Важные изменения, происходившие в культурной и экономической жизни континента в XV–XVI вв. и обозначившие переход от Средневековья к Новому времени, с некоторым опозданием затрагивали и Анг-

лию. Хотя значительный вклад англичан в Великие географические открытия и развитие промышленности был пока ещё делом недалёкого будущего, в страну уже проникали веяния культуры Ренессанса, развивались города, университеты, книгопечатание. Столетняя война с Францией, хотя и велась она на французской территории, способствовала завершению складывания английского национального самосознания и языка. Аналогичные процессы, впрочем, происходили во многих европейских странах, знаменуя собой преодоление средневековой феодальной раздробленности и складывание новых, национальных государств. Специфика Англии в этом контексте заключалась скорее в том, что вместо феодальной раздробленности, которая так и не успела развиться в Англии как таковая, страну долгое время разделял глубокий социокультурный разлом, начало которому было положено ещё Нормандским завоеванием в XI в. Благодаря этому, Англия в политическом и культурном смысле на несколько веков стала своего рода периферией французского культурного пространства. Английские короли и бароны, зачастую даже не знавшие английского языка новых подданных, сохраняли тесные связи со своими прежними владениями во Франции, роднились с французской аристократией, вели частые войны на континенте, создавая так называемую «Анжуйскую империю», в которой Англия занимала порой отнюдь не главное место. В культуре правящей элиты, образовании, делопроизводстве господствующее место занимал французский язык. Этот разлом был преодолен лишь к середине XIV в., когда Столетняя война и образ француза как противника постепенно сблизили элиту с народными массами в культурном смысле и способствовали формированию новой, общеанглийской национальной идентичности, выходу Англии из французского культурного пространства<sup>1</sup>.

От проигранной Столетней войны и предшествовавших ей многовековых конфликтов между Англией и Францией Тюдоровская монархия унаследовала этот малоперспективный вектор внешней политики; первые Тюдоры по-прежнему пытались вести военные кампании во Франции, не оставляя надежд вернуть былое геополитическое влияние Англии в этой стране. Вероятно, в немалой степени тут сказалось и активное вмешательство Франции во внутрианглийские войны Роз, выгодно дестабилизировавшие обстановку в Англии и, таким образом, устранявшие некогда сильного противника. Так или иначе, английские короли упорно не отказывались от формальных претензий на французский престол, становясь заложниками этих необоснованных замыслов, хотя реально под

---

<sup>1</sup> Подробнее об этом см.: *Калмыкова, 2010.*

властью англичан во Франции оставался лишь порт Кале, утерянный в 1558 г. Вялая конфронтация с франкоязычным миром, доставшаяся в наследство от Столетней войны, оставалась фактором формирующегося английского национализма, который, в свою очередь, требовал легитимизации в рамках нового дискурса, определяемых культурой Ренессанса, культурой европейских гуманистов. Требовала её и сама тюдоровская монархия, только-только упрочившая своё положение. Между тем, прежние каноны английского историописания уже не отвечали современным задачам. Англия нуждалась в создании новой национальной истории, адекватно отвечающей запросам образованной публики, жившей в век книгопечатания. С этой целью Генрих VII и обратился к итальянцу Полидору Вергилию, о котором пойдёт речь ниже.

Имя Полидора Вергилия не очень широко известно отечественной аудитории. В отличие от англоязычной историографии, где ему посвящено немало работ, в России о Полидоре Вергилии до сих пор пишут редко. В этой связи, можно отметить статью Е.Г. Пивоварова «Придворный историк Генриха VII о приходе Тюдоров к власти (Полидор Вергил у истоков тюдоровской историографии)», написанную в 2001 г. Также о Полидоре даёт краткий очерк Е.В. Калмыкова в своей обширной монографии «Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья» (2010), посвященной другим вопросам.

Полидор Вергилий был уроженцем итальянского города Урбино (1470) и происходил из семьи образованных горожан, приближённых ко двору местного герцога. Он получил образование в Падуе и Болонье, в 26 лет принял сан и поступил на работу секретарём к герцогу, затем продвинулся по карьерной линии в Рим, к папскому двору. Литературная известность Полидора способствовала приглашению его в Англию Генрихом VIII, благо в то время распространилась «мода» на образованных итальянцев в странах, бывших культурной периферией по отношению к центрам ренессансной учёности. Итальянские гуманисты уже во второй половине XV в. приглашались для написания исторических сочинений правителями Франции, Германии (Священной Римской Империи), Испании, Венгрии<sup>2</sup>. Данная «мода» была во многом обусловлена потребностью в повышении уровня образования и учёности, который в Англии и других периферийных странах был довольно провинциальным по сравнению, например, с университетами Италии и Германии<sup>3</sup>.

---

<sup>2</sup> Пивоваров. 2001. С 35-36. Калмыкова. 2010. С.447.

<sup>3</sup> Cobban. 2003. P. 370.

Полидор прибыл в Англию в 1502 г., сопровождая своего покровителя Адриано де Кастелло, вместе с которым собирал там церковный налог. В дальнейшем Кастелло занимал видные посты в английской церкви, стал кардиналом и был одним из доверенных агентов короны в Риме, а карьера Вергилия стал архидьяконом, неоднократно посещал Италию по дипломатическим делам, с переменным успехом участвовал в интригах вокруг борьбы за выгодные церковные должности и, наконец, лояльно принял королевскую Реформацию. В самом конце жизни Вергилий посетил родной город Урбино, где и скончался в 1555 г.<sup>4</sup>

Полидор Вергилий, как и его современник Томас Мор, был членом лондонского кружка гуманистов “Doctor’s Commons”, объединявшего часть интеллектуальной элиты столичного общества и состоявшего в дружеских связях и переписке с гуманистами континентальной Европы (в частности, с Эразмом Роттердамским). Членами кружка и друзьями Полидора были такие представители английской интеллектуальной элиты как, например, Кристофер Урsvик (видный дипломат, не раз выполнявший ответственные поручения правительства за рубежом, друг самого Эразма Роттердамского), Джон Колет, Кутберт Тэнстолл (епископ Лондона с 1522 г.), Томас Линакр, Джон Фишер, Уильям Гроукин. Все эти люди вращались в университетской среде, были преподавателями или чиновниками в сфере образования<sup>5</sup>. Сам Полидор поддерживал дружеские и деловые отношения с Эразмом, с Леонардо да Винчи<sup>6</sup>.

Если латинская литература изучалась и в Средние века и, собственно, развивалась в рамках западной (католической) традиции, то изучение древнегреческой литературы стало относительно новым делом. Кроме того, изобретение и распространение книгопечатания, а также поворот в мировосприятии и духовной жизни европейского общества от средневекового клерикализма в сторону секуляризма, обусловили акцент на большем интересе к человеку, а не к теологическим вопросам. Гуманисты, оставаясь искренне верующими людьми, совершенно не отрицали идей божьего промысла и подчинённости истории человечества божьей воле. Однако в их представлении Бог оставался лишь первичной силой, придающей движение событиям, а сами события следовало постигать через изучение причинно-следственных связей, в сложности которых проявляла себя божья воля. Поэтому, в отличие от средневековых хронистов, все объяснявших непостижимой волей Бога, гуманисты прида-

---

<sup>4</sup> Gransden. 1982. P. 430-431.

<sup>5</sup> Cobban. 2003. P. 366, 389.

<sup>6</sup> Калмыкова. 2010. С. 448.

вали особое значение исследованию каузальных связей, анализу фактографии, верификации исторических фактов<sup>7</sup>.

Литературное наследие Полидора Вергилия достаточно обширно. Его перу принадлежат такие труды как “*Proverbiorum Libellus*” (собрание изречений и пословиц латинских авторов, 1498), “*De Inventoribus Rerum*” («Об изобретателях», изложение в типично энциклопедистском духе о религии, обычаях, искусствах и учёности разных народов, 1499), переводы Хризостома, наконец – первое печатное издание труда Гильды «О гибели Британии». Что же касается его «Английской истории», он начал её, по всей видимости, в связи с распоряжениями Генриха VII о написании адекватной и современной истории страны и завершил в 1531 г., доведя повествование до 1513 г. Труд был написан на классической латыни и создавался в несколько этапов, подвергаясь доработке и дополнениям, особенно в связи с частыми сменами правящих монархов, смена которых на английском престоле в первой половине XVI в. проходила, порождая известные политические и религиозные конфликты и потрясения. Ни одного полного издания “*Anglica Historia*” не сохранилось. При жизни автора она издавалась трижды – в 1534, 1546 и 1555 г., частично была переведена на английский и издавалась впоследствии в XIX в. известным Кемденовским Обществом (1844-1846)<sup>8</sup>.

Источниковая база труда Полидора, с одной стороны, была достаточно широкой, учитывая значительное литературное наследие почти тысячелетнего английского историописания, причём как собственно англо-саксонских и английских хронистов, так и античных, и кельтских авторов – например, Гильды (Гильдаса), труды которого Полидор впервые издал. С другой стороны, Полидор отмечал, что написанные монахами средневековые хроники – «примитивны, прямолинейны, лживы»; они не соответствовали тому современному (в понимании самого Полидора) стилю написания исторических сочинений, который диктовала эпоха Ренессанса. Задачу исторического повествования ренессансные историки видели в сочетании двух функций: стремления к достижению максимальной правдивости на основе излагаемых фактов и, одновременно, в дидактическом поучении, морализаторстве, которое придавало этическую оценку сюжету и позволяло вывести из него нравственное поучение современникам и последующим поколениям. Поскольку последнее достигалось в значительной мере через стилистически пышную, развёрнутую манеру повествования, присущую литературе Ренессанса и

<sup>7</sup> Gransden. 1982. P. 426-427.

<sup>8</sup> Gransden. 1982. P. 425, 431. Пивоваров. 2001. С. 36.

опирающуюся на античные риторические образцы, неудивительно, что из средневековой английской хронистики наиболее заслуживающими внимания и одобрения Полидору виделись Уильям Малмсберийский и Матвей Парижский, чьи труды как раз отличались таковыми достоинствами, контрастируя с аскетизмом и прямолинейностью, например, англо-саксонских хронистов. Вместе с тем, упор на одну только литературную цветистость в ущерб фактологии также являлся для ренессансного историка видимым нарушением гармонии двух задач историописания, как, например, это имело место в трудах Гальфрида Монмутского, известного валлийского писателя XII в., критикуемого Полидором за недостоверность, в частности, применительно к Артуровскому циклу, созданному на основе переработанных кельтских эпических сказаний<sup>9</sup>.

Достижение достоверности виделось Полидору возможным, во-первых, через исключение предвзятых, эмоциональных оценок имеющих данных. В частности, тот факт, что Полидор был иностранцем для английской публики, должен был, по его мнению, устранить националистические симпатии и антипатии, свойственные учёным, пишущим о своей родной стране. Во-вторых, достоверность излагаемого должна была подкрепляться максимальным охватом и анализом имеющихся источников. Если точки зрения разных источников были спорными или не давали какой-либо чёткой картины прошлого, то, по мнению Полидора, следовало перечислять и цитировать все позиции, для того чтобы читатель мог самостоятельно делать из них выводы, по своему усмотрению<sup>10</sup>. Фактически, в труде Полидора Вергилия наличествовало сочетание местных традиций историописания (средневековых хроник, базировавшихся преимущественно на аристотелевской логике) с методами гуманистов, среди которых можно отметить влияние политико-риторической школы Л. Бруни (с морализаторско-пропагандистским оттенком) и школы эрудитов Ф. Бьондо с её критическим подходом к источникам<sup>11</sup>.

«Английская история» Полидора выстроена следующим образом: в первых частях книги он даёт описание географических условий и общего облика населения Британии, затем следует хронологическое изложение событий английской истории до Нормандского завоевания (1066); затем Полидор склоняется к манере Светония, продолжая изложение уже по царствованиям отдельных монархов, с характерными портретными изображениями их личностных особенностей, нравов, деяний.

<sup>9</sup> Gransden. 1982. P. 434, 436-437.

<sup>10</sup> Gransden. 1982. P. 433, 435-436.

<sup>11</sup> Пивоваров. 2001. С. 36. Cobban. 2003. P. 370.



В предисловии, адресованном в риторической манере королю Генриху VIII, Полидор излагает основные мотивы историописания; по его словам, людям испокон веков было присуще хранить память о добродетелях и деяниях предков, причём в значительной степени для того, чтобы подражать положительным примерам и избегать повторения отрицательных. Таким образом, морально-дидактическую функцию истории он с самого начала не отделяет от познавательной, что красной нитью будет проходить через всю книгу. Вместе с тем, Полидор сетует на то, что история «добродетелей и деяний» обитателей Британии относительно бедна историческими описаниями, из коих он считает заслуживающими упоминания лишь труды Беда Достопочтенного и Гильдаса. К анналам и хроникам последующих веков он относится несколько презрительно, подчёркивая, что стиль их повествования мало приемлем для современного читателя. Именно поэтому он берёт на себя задачу «начать с начала» (ab ovo) изложение истории страны, адресуясь к просвещённой публике своего времени – не только английской, но и зарубежной<sup>12</sup>.

Основное повествование открывается подробным описанием Англии и Шотландии в энциклопедическом стиле, получившем широкое распространение в трудах, создававшихся европейской мыслью на протяжении всего раннего Нового времени. Ярким примером этого стиля был знаменитый труд английского автора Ранульфа Хигдена «Полихроникон», созданный ещё в XIV в., но «Полихроникон» был для своего времени исключением, тогда как книга Полидора Вергилия создавалась в условиях уже достаточно развитой и укоренившейся гуманистической традиции. Описания стран в таких трудах отличались всеохватностью: авторы стремились изложить всю известную им информацию. Так, у Полидора мы видим не только описание регионов, политико-административного деления, природных условий, ландшафтов, флоры и фауны, этнографического облика населения (включая его внешность, обычаи, кухню, темперамент), но и перечисление полезных ресурсов той или иной области страны, анализ местной экономики, торговых путей, земледелия и скотоводства, экспорта и импорта различной продукции, что, вероятно, могло бы пригодиться всем желающим иметь деловые связи с данной страной или её областью. Всё это соответствовало зарождающемуся в раннее Новое время антикваризму, который, как метод, предполагал комплексное исследование «древностей» – географических, топографических, этнологических, языковых и прочих<sup>13</sup>.

---

<sup>12</sup> *Polydore Vergil* (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/1lat.html#letter>)

<sup>13</sup> *Gransden*. 1982. P. 437.

Далее, переходя непосредственно к истории Британии, Полидор обращается к важнейшему вопросу, который фигурировал во все времена в исторических произведениях самых разных стран, народов и культур, являясь ключевым моментом для самоидентификации этноса и легитимизации его государственности – вопросу об этнических истоках населения страны (ср. с рус. «Откуда есть пошла Русская земля», например). Он приводит различные точки зрения хорошо знакомых ему античных авторов – Цезаря, Тацита, Ливия, Плиния, а также дополняет их сведениями из Гильды и Беды, приходя по сумме почерпнутой у них информации к выводу о кельто-иберийском происхождении исконного населения Британии. Вместе с тем, Полидор решительно отвергает и разоблачает впервые изложенный Саллюстием и впоследствии охотно тиражировавшийся средневековыми авторами исторический миф, согласно которому британская государственность восходит к выходцу из Трои, легендарному Бруту, в ходе вынужденных странствий прибывшему на Британские острова<sup>14</sup>. Подробности странствий и приключений Брута, которые привели его на Британские острова, описаны, в частности, в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского:

«6. По окончании Троянской войны Эней, спасаясь после падения Трои с сыном Асканием, прибыл на корабле в Италию. Радужно принятый там царем Латинном, он возбудил против себя ненависть Турна, царя ругулов, и с ним сразился. В этом поединке Эней одержал верх над Турком.и, убив его, овладел царством Италией и получил в жены Лавинию, дочь Латина. По кончине Энея облеченный царскою властью Асканий основал Альбу на Тибре и породил сына, имя коему было Сильвий. Последний, поддавшись соблазнам тайной любви, вступил в связь с племянницей своей бабки Лавинии, и девушка от него зачала. Когда об этом узнал Асканий, его отец, он повелел своим прорицателям установить, младенцем какого пола беременна девушка.

Дознавшись истины, прорицатели объявили, что в чреве у нее мальчик, которому суждено умертвить своего отца и свою мать, и что, обойдя изгнанником многие земли, он достигнет в конце концов вершины славы. Это прорицание не обмануло их. Ибо когда наступил срок родов, женщина произвела на свет мальчика и, рожая его, умерла. Его отдали на попечение повивальной бабке и нарекли Брутом.

7. По смерти отца Брут подвергся изгнанию из Италии... Покинув родину, он достиг областей Греции и набрел на потомков Гелена, сына Приама, которые, пребывая во власти царя греков Пандраса, томились у него в рабстве...

Плывя с попутными ветрами к обетованному острову, он пристал, наконец, к Тотонскому побережью.

21. На острове, который назывался тогда Альбионом, не жил никто, кроме немногих гигантов. Тем не менее, его чарующие глаз человеческий дивные земли, обилие рек, богатых рыбой, его нетронутые леса внушили как самому Бруту, так и его спутникам страстное желание поселиться на нем. Обойдя несколько облас-

---

<sup>14</sup> Polydore Vergil. <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/1lat.html#18-20>

тей, троянцы прогнали обнаруженных ими гигантов, укрывшихся в горных пещерах, и распределили между собой всю страну, поставив правителя над каждой ее частью. Они начинают возделывать пашни и строить жилища, так что короткое время спустя ты мог бы счесть этот остров землей, обитаемой испокон веков. Наконец, Брут по собственному имени нарекает его Британией, а своих соотарищей бриттами; ведь ему хотелось в этих названиях запечатлеть навсегда свое имя. Отсюда и язык народа, который прежде прозывался троянским или исковерканным греческим, впоследствии стал именоваться бриттским»<sup>15</sup>.

Именно Полидор Вергилий развенчал мифы, культивировавшиеся в средневековом английском историописании, прежде не ставившиеся под сомнение как достоверные исторические сведения. Именно с этой целью Полидор с помощью К. Тэнстолла впервые издал труд Гильды «О гибели Британии», повествующий об англо-саксонском нашествии, и критиковал Гальфрида Монмутского<sup>16</sup>. Такой решительный разрыв с местными традициями историописания уже вскоре после первого издания “*Anglica Historia*” (1534) вызвал гневные нападки со стороны патриотично настроенной английской интеллектуальной публики, обвинявшей «непатриотичного» иностранца в дерзком стремлении «обогащать британское прошлое». В частности, активные нападки такого рода содержались в писаниях королевского антиквара Дж. Лиладельда, а также учёных и писателей Дж. Бэйла, Дж. Каюса, Х. Ллвида<sup>17</sup>.

В частности, рассматривая миф о Бруте, Полидор отмечал, что этот сюжет не подтверждается ни античными авторами, ни бриттскими анналами<sup>18</sup>. Рассматривая такой важный переломный момент британской

<sup>15</sup> Гальфрид Монмутский. (<http://www.drui.ru/content/view/49/68/1/1-4/>).

<sup>16</sup> Cobban. 2003. P. 389. Gransden. 1982. P. 436-437.

<sup>17</sup> Калмыкова. 2010. С. 453-455. Учитывая влияние упомянутых исторических мифов в английском обществе того времени, это развенчание было, очевидно, известной смелостью со стороны Полидора. Кстати, в Англии были не редкостью ксенофобские антипатии к итальянцам, выражавшиеся, в частности, в итальянских погромах, мишенью которых, впрочем, служили обычно лавки итальянских купцов Cobban. 2003. P. 367, 369.

<sup>18</sup> “Et id, quia lex iubet ut scriptor ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat. Est itaque in eo libro, cuiuscunque sit, Brutum filium Sylvii, quem Ascanio Aeneae filio natum constat, post Graecam peragratam devictamque Aquitaniam, monitis Dianae Britanniam cursu petiisse, et primo accessu gigantibus qui id temporis eam tenerent insulam, atque ad arcendam vim advenerum armati undique evestigio concurrissent, interfectis, eam occupasse, ex seque Britanniam appellasse, et sic demum Brutum generis Britannici atque imperii autorem extitisse, filios genuisse, ac illos deinde et gentem suam et regnum mirum in modum propagasse. Caeterum Livius, Dionysius Halicarnaseus, et plerique alii qui diligenter de antiquitatibus Romanorum scripserunt nunquam huius Bruti meminere. Neque illud ex Britannorum annalibus prodi potuerat, cum iampridem illi omnia librorum monumenta amiserint, id quod Gildas testificatur, qui circa annum salutis DLXXX claruit”. Polydore Vergil. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/1lat.html#19>).

истории как римское завоевание и колонизация, Полидор в целом следует линии римских историков, видевших в этом процессе органичное продолжение военных кампаний Цезаря против континентальных галлов и связывавших его со сложными политическими взаимоотношениями римских военных властей с кельтскими племенами по обе стороны Ла-Манша, в которых тактические союзы и вражда с теми или иными племенами приводили к своего рода цепной реакции, в итоге вылившейся в широкомасштабную экспансию Римской Империи на острова. При этом, войны римлян в Британии подаются в тесной связи с внутривнутриполитической обстановкой в самой Империи<sup>19</sup>. Любопытна в описании римского завоевания Британии этнографическая характеристика пиктов – одного из враждебных Риму народов, населявшего север страны; Полидор ошибочно считает их народом якобы «скифского» происхождения, прибывшим в Британию в ходе занятий пиратством<sup>20</sup>. В настоящее время преобладает концепция об иберийском или кельтском происхождении этого этноса, к IX в. слившегося со скоттами в будущую шотландскую народность. Об экспансии скоттов из Ирландии и их альянсе с пиктами против романизированной части Британии Полидор, кстати, упоминает<sup>21</sup>.

Следующий переломный момент – англосаксонское завоевание – Полидор в целом излагает по трудам Гильды и Беда Достопочтенного, пересказывая каноничные сюжеты о распрях кельтских племён после ухода римлян с Британских островов, просьбе о помощи к римским властям в борьбе с набегами скоттов и пиктов, оставшейся без ответа, о приходе к власти вождя Вортигерна и приглашении им англосаксов в качестве федератов, о захватнических войнах последних в Британии и поражениях бриттов и, наконец, о легендарном Артуре, долго и успешно возглавлявшем кельтское сопротивление англосаксонской экспансии, потерпевшее вскоре после его смерти финальную неудачу. Эти описания красочны, насыщены захватывающими картинами сражений, походов, династических интриг и дипломатических тонкостей и совершенно не критичны. На этом фоне интересен лингвистический экскурс Полидора о происхождении этнонима “Welsh”, который в современном английском языке обозначает кельтоязычное население Уэльса (потомков бриттов), а у англо-саксов имел более широкое значение «чужой, иноязычный» (ср. др.-русск. «немец» - немой, не говорящий по-нашему)<sup>22</sup>.

<sup>19</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/2lat>).

<sup>20</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/2lat.html#8>).

<sup>21</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/3lat.html#3>).

<sup>22</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/3lat.html#15>).

Очередным переломным моментом в истории Англии стало скандинавское завоевание и колонизация обширных территорий страны потомками викингов, которых англосаксы называли обычно обобщённым термином «дань» (датчане), ввиду численного превосходства последних в рядах скандинавских пришельцев (хотя среди них было немало и норвежцев). Скандинавское завоевание, как и англосаксонское, произошло в два больших этапа. Во второй половине IX в. в Англию вторгались рати отдельных скандинавских вождей, сумевшие захватить значительные территории на севере и востоке страны (будущую Область Датского права), однако в X в. английским королям удалось вернуть эти территории под свою власть и в целом интегрировать скандинавских поселенцев в английское общество, благо традиции, язык и этническое происхождение англосаксов и скандинавов были сходными. В конце X в. начался второй этап скандинавской экспансии на Британские острова, связанный уже в значительной мере со становлением государственности у скандинавских народов и завоевательными войнами, свойственными молодым государствам. Этот этап завершился к 1018 г. покорением Англии Данией и воцарением на английском престоле датской династии в лице Кнута Великого, сумевшего создать, хотя и ненадолго, большую державу в составе Дании, Англии и Норвегии, просуществовавшую до его смерти в 1035 г. и затем вновь распавшуюся на отдельные государства.

Полидор начинает рассказ об этом переломном периоде в истории Англии с этноисторического экскурса, отождествляя скандинавские племена данов и готов с древними даками и гетами, населявшими в античное время северо-восточные рубежи Римской Империи. Полидор подробно рассматривает упоминаемые в трудах античных авторов многочисленные войны с этими племенами в правления разных римских императоров, и приходит к фантастическому выводу о том, что, вынужденные, ввиду своей воинственности и неуживчивости, покинуть свою прародину, эти племена осели на берегах Северного моря. Несмотря на отсутствие доказательств параллели между древними даками и датчанами, Полидор эмоционально настаивает на своей правоте, критикуя иные взгляды на вопрос (например, у Саксона Грамматика) как однозначно ошибочные и неизменно называя Данию «Дакией». Впрочем, вместе с тем он резонно отмечает причину массовой экспансии данов на Британские острова – демографический рост, от которого отставала экономика, не способная прокормить избыток населения<sup>23</sup>.

---

<sup>23</sup> “De quo antequam plura scribamus, commodum de origine Dacorum, qui a veteribus etiam Davi vocati sunt, dicendum duxi. Ii enim sedibus egressi usque eo Anglos

aliquando latronum ritu eorum agros ac domos diripiendo, alias iure iusti belli dimicando divexarunt, dum in insula regno potiti sunt. Sed haec post loco perapposito dicentur, nunc de ipsa origine tam ferae quondam gentis disseramus. Gothi Germanicum sivi Scythicum (non enim de ea re scriptores inter se consentiunt), genus hominum ferocissimum, modo Getae, modo Daci a priscis autoribus nuncupati sunt. Ex quibus Strabo libro Geographiae septimo autor est Getas discretis sedibus diversos a Dacis habitasse, ut Daci mediterranea loca tenerent, Germaniam versus et Istri fontibus viciniore, qui olim Davi vocati sunt, Getae Pontum versus propius orientem essent. Igitur Getae et Daci videntur gens una fuisse, atque tantum sedibus separata, quando eodem teste utrisque eadem erat lingua. Iis ab Augusto pax data et, vetitque sunt Danubii limitem transcendere a quibus, haud multo post violatis finibus, duo Romani duces, primum Oppius Sabinus, deinde, Domitiano principe, Cornelius Fuscus ad eam iniuriam vindicandam missi cum omnibus copiis caesi sunt. Exegit deinde Traianus princeps eam gentem Romanis finibus atque in suas sedes compulsam vehementer afflixit. Postea Antoninus, cui Caracallae cognomen fit, cum duceret adversus Parthos exercitum, Dacos, quod parum quieturi viderentur, ex improvise adortus domuit. Et inde Gordianus Minor illos res novas molientes facile compescuit. Maiores deinde eius gentis motus secuti sunt. Enimvero Philippo principe, qui primus Romanorum imperatorum Christianus effectus est, perique immansuetarum gentium populi Romani imperii finibus tumultuose violatis, Thraciam Lysiamque maxime vexarunt. Quo quidem tempore aut non multo post, quando iam fata Romani nominis gloriam ad exitum trahebant, euismodi faeces hominum in omnes orbis partes coacto agmine eruperunt. Nam Gothi in Asiam invaserunt, Bithynia prius vastata, cum Macadoniae et bona Thraciae parte. Hanc demum barbarorum colluviem ita vagantem Claudius Secundus Romanorum princeps in Mysia propemodum ad interencionem delevit, ccc millibus hostium caesis aut captis. Nec multum uspiam quieverunt, sed postea arma moventes ab Aureliano trans Danubium uno praelio victi sunt. Atque ita demum Gothi tot cladibus aliis ex aliis affecti diu armis abstinerunt, donec postremo, obtinente orientis imperium Valente, ab Hunnis quoque victi fugatique sunt. Ii, etsi Gothi in primis fuisse dicuntur, tamen, quia nunc a veteribus, ut dictum est, Getae, nunc Daci nominati sunt, et satis omnino constat inter illos feros populos qui Gothorum ductu Romani imperii fines Philippo principe ingressi sunt, Getas et Dacos potissimum fuisse. Igitur hos Dacos seu Getas, tot cladibus affectos, finibus suos pulsos, novas sedes quaeritando ad ultimum in aquilonalem Germaniae partem sese contulisse, atque Daciam ex se dixisse ferunt. Haec pars in oceanum instar brachii humani extenta cherronesi formam habet. At ne Geticum aut Dacicum nomen a Gothico disiungeretur, insulam quoque in oceano haud longe a Dacia in arcton protensam, quam forte aut tunc aut postremo occuparunt, Gothiam appellasse traduntur. Et haec simul cum ipsa cherroneso ab eadem gente possidetur, quae, obliterato prorsus antiquae patriae nomine, ut dictum est, ex eius dominatu Dacia nuncupatur. Sane hanc quondam terram Cimbri, quos C. Marius vicit, tenuere, quam nunquam fere una gens coluit. Quo factum puto ut priscum nomen interierit. Atqui Dacia antiqua Pannoniis vicina hodie Valachia nuncupatur ex eo quod, Dacis inde expulsis et alias sedes quaeritantibus, Romana colonia illuc missa est. Nam Valach lingua eorum Italicum significat. Valachorum deinde duae factiones fuere, Dragulae et Dani. Sed Dragulae Danis impares nostrorum patrum memoria Turcas in eam terram induxerunt, qui Danos pene delevere, quos Ioannes Hunyades Matthiae regis Pannoniorum pater, restituit atque Turcis ereptos sibi nominique Christiano vindicavit. Hinc ergo cognoscamus licet qui in praesentia Daci aut Dani sunt, ut ne eos Danos appellamus qui cherronesum Cimbricam habent, cum illi etiam nunc in qua

Интересно, что в той же части повествования Полидор делает обширный экскурс в историю образования герцогства Нормандия, созданного скандинавами на захваченных у Франции землях в начале X в.<sup>24</sup> Конечно, нельзя было избежать описания исторических судеб этого государства, тесно связанного с Англией династически и политически на протяжении нескольких столетий – с середины XI, когда нормандские герцоги начали увенчавшуюся успехом борьбу за английский престол, до середины XV в., когда Нормандия была потеряна вместе с другими французскими владениями в результате поражения Англии в Столетней войне. Однако, возможно, этот экскурс был приурочен к активной внешней политике Тюдоров на континенте, одним из главных направлений которой были частые войны во Франции не без прицела на реванш за бывшее поражение; характерно, что английские короли сохраняли в составе своего титула формулу «король Франции» ещё очень долгое время после потери всякой реальной власти над французскими землями и окончательно отказались от этой формулы лишь в 1801 г.

В описании событий скандинавского завоевания отчётливо раскрываются особенности стиля Полидора Вергилия. Он полностью следует линии средневековых летописных источников, таких как, например, «Англосаксонская Хроника» или работы Саксона Грамматика, однако возмещает лаконизм, присущий монахам-хронистам, пышными, цветистыми описаниями и риторическими фигурами, свойственными ренессансной литературе. По сути, это изложение старых сюжетов в новой обёртке. В подробном изложении событий у Полидора можно обнаружить столь же мало анализа, как и у прежних хронистов. Изящная литературная оболочка и художественные красоты повествования лишь превращают прежние летописи в подобие захватывающего романа «о добродетелях и деяниях предков», чтобы эмоционально заинтриговать

---

Valachia sint, sed Dacos, qui patriis sedibus eieci in eam peninsulam se ad extremum contulerunt. Quod verum esse vel illud declarat, quod eius regionis dominus non se Danorum sed Dacorum regem vocitat, uti ex illius diplomatibus liquido constat. Quare scriptores illi dubio procul errant qui in suis historiis eiusmodi oceani accolae Danos pro Dacis ponunt. In hac haeresi cum primis est Saxo Grammaticus eius gentis recens rerum gestarum scriptor, si codex formis excusus non est mendosus. Quocirca ne nos in eadem erroris nave versaremur, non libuit tales in hac parte sequi auctores. Sed ad inceptum redeamus. Haec itaque gens ferox, quae Germanicum nunc oceanum accoluit, quaque trans Istrum olim sedes habuit, cum domi in dies magis magisque multitudine suorum premeretur, tandiu Anglos (haud enim Dacia longo oceani maris intervallo ab Anglia abest) armis divexavit donec subegerit. Haec summam de Dacorum origine<sup>24</sup>. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/5lat.html#3>).

<sup>24</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/5lat.html#8-10>).

образованного читателя; но в этом нарративе нет ни малейшего намёка на рациональное препарирование связей, обуславливавших те или иные события. Всё происходит по субъективной воле правителей и высшей элиты, вся история государств у Полидора в основном есть история взаимоотношений представителей этой элиты, ристалище для проявления ими тех или иных качеств своей натуры, совершения поступков, «деяний», героических или злодейских, вероломных или праведных. Начало войн или заключение мира диктуются субъективными желаниями королей, заговоры против трона, краткие жития святых или кадровые перемены в локальной администрации как бы разнообразят повествование, создавая фон для «деяний» главных героев и паузы между ними, а народ как таковой является просто коллективным статистом. Таким образом, если перефразировать известное высказывание основателей школы «Анналов», история страны у Полидора – это по преимуществу «история королей, которые её создали», и в этом смысле его труд представляет собой как бы золотую середину между сочинениями средневековых хронистов и официальной «династической» историографией государств Нового времени, господствовавшей вплоть до XIX в.

Всё сказанное в полной мере относится и к описанию Полидором следующего важного переломного момента в истории Англии – нормандского завоевания, завершившего череду иноземных вторжений, которые на протяжении уже тысячелетия являлись важнейшим фактором складывания государственности в Британии. Нормандское завоевание завершило этот процесс, как завершило и наполнение этнического «плавильного котла», из которого к XIV в. вышла английская народность, впитавшая в себя, таким образом, доиндоевропейский, кельтский, англосаксонский, скандинавский и французский этнические субстраты. Однако в труде Полидора нормандское завоевание Англии в ещё большей степени, чем прежние волны экспансии различных племён и народов в Британию, изображается скорее как междинастическая распря, возникшая в целом довольно случайно. Полидор сдержанно относится к противоборствовавшим сторонам, не выказывая сколько-нибудь заметных симпатий ни к нормандскому герцогу Вильгельму Завоевателю, ни к его противнику Гарольду Годвинсону, пришедшему к власти после кончины Эдуарда Исповедника в 1066 г. Следуя традиционной линии нормандских и англо-нормандских хронистов XI–XII вв., Полидор кратко пересказывает сюжет о якобы имевшем место обещании Эдуарда передать наследование английской короны Вильгельму ввиду своей бездетно-



сти<sup>25</sup>. Вместе с тем, в отличие от них, он практически не упрекает Гарольда в узурпации престола, лишь констатируя факт, что тот захватил его, пользуясь своей влиятельной позицией в государстве и вакуумом власти, сложившимся ввиду отсутствия дееспособных претендентов на престол в самой Англии, к тому же с молчаливого одобрения самих англичан, которых Гарольд вполне устраивал как хороший правитель<sup>26</sup>.

Дальнейшие события 1066 г. представляются всего лишь борьбой двух государей за престол, в которой на первое место опять-таки выходят их «доблести» и «деяния», а не скрытые пружины этого сложного процесса. В предисловии к книге IX, повествующей о правлении Вильгельма Завоевателя, Полидор морализирует о причинах завоеваний и власти в целом. По его мнению, такой причиной является человеческая жажда власти, логически проистекающая из библейской предпосылки о том, что Бог даровал Землю и всё сущее людям<sup>27</sup>. Таким образом, борьба

---

<sup>25</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/8lat.html#7>).

<sup>26</sup> “At Edouardi mors valde suspensos dubiosque tenebat regni principes, quippe qui nesciebant cui illud regnum munus deferrent. Enimvero non erat quisquam unus omnium regendo regno aptus qui id iure obtineret, tametsi Edgarus cognomento Ethelyngius, genitus ab Edouardo filio Edmundi, cui cognomen fuit Ferreum Latus, per eos dies una cum matre et sororibus ex Pannonia, ubi natus fuerat, in Angliam venerat. Sed is puer id aetatis nondum regno gubernando maturus erat. Item territi multis oraculis, quae suspicabantur portendere regni mutationem, mirum in modum formidabant ducem Gulielmum, tum quod Normanus, tum quod praedicabat sibi regnum iure evenire, ut legitimo haeredi ab Edouardo instituto, propterea quod illum secundo et tertio generationis gradibus attingeret. Nam Ricardus Primus dux Normaniae genuit ex se Ricardum Secundum et Emmam. Haec ex Etheldredo Angliae rege sustulit Edouardum. Ille filios suscepit Ricardum Tertium et Robertum, qui Gulielmum creavit ex concubina. Dum haec animo optimates agitant, Haraldus Goduini filius ex sorore Canuti, genere et viribus fretus se regem renuntiat. Non displicuit omnino id factum populo, qui plurimum spei in Haraldi virtute habebat. Itaque more maiorum sacratum est ab Aldredo Eboracensi archiepiscopo seu, ut quidam tradunt, seipsum nullis caerimoniis diademate ornavit. Fuit hic annus salutis humanae MLXVI. Is statim initio sui regii principatus, memor se per vim regnum occupasse, ad promerendam suorum benevolentiam neque liberalitate neque clementia nec comitate utendi ullam occasionem omittebat, qui graviora vectigalia aut sustulit aut minuit, militibus stipendia, ministris mercedem adauxit”. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/8lat.html#10>).

<sup>27</sup> “Homini causa (ut ait Plinius), videtur cuncta genuisse natura. Ita nempe est, quicquid apud mortales possideri potest humanum est, nec interest quales sint homines, boni vel mali, summi vel infimi, cuncti promiscue cuncta habent, non singuli tamen cuncta, licet tanta omnibus innata sit habendi cupiditas ut singuli, si fieri posset, omnia possidere vellent. Hinc magnum inter mortales certamen ortum est ut pro se quisque quam avidissime studeat plus habere. Sed, ut caetera omittamus, regnandi in primis omnibus est immensa libido, nec quo modo homines huiusce spei compotes fiant quicquam pensi habent. Unde Caesar, Euripidis versus usurpans, dicere solebat, Si violandum est ius, imperii gratia violandum est, aliis rebus pietatem colas. Quo factum est ut imperia ipsa

за власть есть крайнее выражение стремления человека к обладанию теми ресурсами, которые Бог предоставил ему, и это стремление не связано с праведностью или греховностью стремящегося, а имманентно присуще людям. Это представляет собой любопытный пример того, как ренессансные мыслители пытались сочетать теологическую аргументацию с исследованием естественной природы человека и его побуждений.

Описывая противостояние англосаксов и новых нормандских владетелей страны после битвы при Гастингсе и коронации Вильгельма Завоевателя, Полидор видит главную проблему не в этническом и социальном конфликте победителей и побеждённых, а в сфере права, критикуя новые законы, введённые в Англии пришельцами и отмечая, что они «были выгодны не столько управляемым, сколько правителям»<sup>28</sup>. По мнению Полидора, они в целом были шагом назад по сравнению с

---

magnaue regna semper praedae exposita fuerint, et illa saepius tam ignobiles quam nobiles, seu malis seu bonis artibus quaesita, obtinuerint. Quae omnia cum notiora sint quam ut hoc loco sint explicanda, idcirco particulatim commemorandi labore consulto supersedemus. Quare profecto summae stultitiae est dicere aut credere regna et imperia necesse ad illos duntaxat perveniant qui nobilitatem iactare possint, cum videamus quotidie novos homines non modo virtute sed bene multis saepe vitis praeditos ad magnos honores atque imperia perduci. Ita Deo placitum est ut nos nostra eiusmodi bona hoc non pluris faciamus quo magis communia eadem omnibus et nemini perpetua esse videmus. Obnoxium fuit et huic humanae varietatis sorti Britannorum quoque regnum, quod primum Romani, uti demonstratum est, sibi armis acquisivere tenuerunt diu; deinde Angli invaserunt ac ad ultimum delata cum nomine Britannico fere gente devictum possidere; quod deinde usque eo variis casibus est agitatum dum summa imperii ad unum pervenit. Erat per hunc modum regnum Anglicum omnibus formidolosum, cum sensim fatalis varietas mutandi possessoris accidit. Porro haud ita multo post sub Dacorum iugum redactum est, quo post quinque et viginti annos cervice depulso, in pristinum rediit statum; cui tamen ne tum quidem quiescere licuit, nam cum tandem aliquando moribus et legibus optime institutum iam passim floreret, ecce tibi, in saevam humanae sortis necessitatem iterum repente inclinatur, in Normanorum potestatem cecidit. Haec gens a Dacia oriunda, ferox statim tanto regno potita mores optimos, leges sanctissimas, divina humanae vertere, ac denique genus ipsum Anglicum perdere conata est. Quod tamen ista vis in eo mitior minusque infesta visa est, quia quantum in eiusmodi rebus regno ademit, tantum in amplificando retinendoque imperio reddidit. Unde ad extremum, obliterato nomine Normanico, paulatim Anglicana res reviviscere coepit ac sibi restituta est. Talis rerum series iam hinc nobis explicanda est usque ad nostra tempora, si mihi id facere licuerit, quibus pace terra marique parta Henricus Octavus regnat, si tamen illud prius admonuero, me deinceps esse librorum numerum ad vitas regum accommodaturum, facturumque initium hic a Gulielmo Normano, qui ut victor pro suo arbitratu regnum Anglicum de integro instituit”. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/9lat.html#pr1>).

<sup>28</sup> Verum tantum abfuit ut omnes Normannicae leges abrogatae sint ut etiam bene multis ne derogatum quidem sit, utpote quae ex usu magis principis quam populi essent”. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/9lat.html#4>).

законодательством прежних «святых» королей англосаксонской эпохи (Эдуарда Исповедника, Эдгара, Альфреда), которое якобы в большей степени отражало интересы населения страны. В этом Полидор видит одну из главных причин ожесточённых вооружённых столкновений между нормандцами и не желавшими покоряться им англосаксами, описывая восстания англосаксов против новой власти по материалам старых английских хроник. Отмена же несовершенных «нормандских» законов в первой половине XII в. и частичный возврат к прежним, «старым добрым» законам логически видятся Полидору залогом сглаживания англо-нормандского конфликта и установления стабильности<sup>29</sup>. Таким образом, он фактически игнорирует позитивную роль значительных государственных преобразований, проведённых Вильгельмом Завоевателем, способствовавших укреплению королевской власти в Англии и превращению последней в одно из наиболее стабильных и централизованных государств в истории средневековой Европы. Хотя в труде Полидора упоминаются и «Книга Страшного суда», и другие мероприятия нормандской власти в сфере совершенствования системы государственной администрации, и успешная борьба с внешними противниками, которые часто являлись союзниками англосаксонской эмиграции, все эти мероприятия выглядят как частные случаи, не сводимые к какой-либо систематичности и общей цели. История правления Вильгельма Завоевателя в конечном счёте сводится (как и главы о предыдущих правителях Англии) к известной со времён Светония схеме жизнеописания правителей, в которой центральное место занимают личные качества героя повествования и его взаимоотношения с окружающей элитой и политическими партнёрами, а не контекст истории государства как таковой.

Следующие значительные вехи в английской истории, мнение историка о которых видится важным в свете их судьбоносности для развития государства, это, несомненно, события XIII в., которые можно считать переломными не только в контексте их непосредственного влияния на английскую государственность в Средние века и начало перехода к эпохе сословно-представительных монархий, но и потому, что они являются своеобразными маркерами исторической памяти британцев, предметом национальной гордости, особенно после того, как усилиями историков XIX в. стали неотъемлемой частью национального мифа, идей исключительности и прогрессивности британской нации, ее опережающей роли по сравнению с другими народами в деле становления современной демократии. Такими событиями являются, конечно,

---

<sup>29</sup> Ibidem.

принятие Великой Хартии вольностей и основание английского Парламента, произошедшие в результате двух крупных внутрианглийских смут, разделённых по времени полувековым промежутком.

Что касается Великой Хартии вольностей, то историю её появления Полидор описывает довольно скупо, как результат обычного заговора крупных феодалов против короны, в свою очередь являвшегося следствием целого клубка конфликтов, сопровождавших царствование Иоанна Безземельного (1099–1216). Неудачная внешняя политика, проигранные войны во Франции и потеря там английских владений, затянувшийся на долгие годы конфликт с папским престолом, многочисленные неэтичные поступки короля по отношению к представителям аристократии, частые случаи произвола и беззаконий в отношении населения – всё это привело к бунту, в описании хода которого фигурирует петиция заговорщиков-аристократов к королю о соблюдении законности, но упоминания о ней единичны, а содержание не раскрывается<sup>30</sup>. Таким образом, Хартия предстаёт малозначительным документом и плодом стихийно возникшего недовольства феодалов политикой Иоанна. Неизмеримо больше внимания Полидор уделяет конфликту Иоанна с папой Иннокентием, что вполне понятно, учитывая веки карьеры Полидора в папском аппарате. Что же касается Великой Хартии вольностей, она, по-видимому, расценивается как спонтанный продукт феодального мятежа, без того идеологизированного, фундаментального значения, которое придали ей более поздние историки Нового времени.

История возникновения английского Парламента у Полидора также вытекает в основном из перипетий внешней политики, проводившейся королём Генрихом III (1216–1272), а не из внутренних потребностей английского общества. Парламент у него возникает стихийно, как совет (*consilium*) феодалов, вступивших в конфронтацию с королём из-за того, что Генрих допустил массовый приток в страну знатных выходцев из французских земель английской короны, в основном из Пуату<sup>31</sup>. Засилье французов при дворе и их наглое, алчное поведение якобы создавали в глазах английской знати угрозу конкуренции вокруг власти и связанных с ней богатств, что, в свою очередь, побудило английских феодалов к отстаиванию своих позиций перед короной и вылилось в очередную смуту. Столкнувшись с давлением со стороны возникшего таким образом Парламента, вынуждавшего короля взять на себя обязательства по соблюдению законности и выдворению французских пришельцев из

<sup>30</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/15lat.html#21>).

<sup>31</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/16lat.html#30>).

страны, Генрих стал опасаться за полноту своей власти, не желая её ограничения Парламентом, и развязал вооружённый конфликт, приведший в конечном счёте к военному поражению феодальной оппозиции<sup>32</sup>.

Описывая данный конфликт, Полидор красочно излагает подробности военных кампаний, делая пространные зарисовки подвигов действующих лиц на полях сражений с истинно эпическим размахом, достойным рыцарских романов. Он не выказывает симпатий и антипатий, прославляя героические деяния представителей обеих враждующих сторон. Например, в описании битвы при Льюисе, окончившейся поражением королевской армии, он уделяет внимание воинским подвигам как предводителей оппозиции, так и королевских сил (в частности, наследника престола принца Эдуарда)<sup>33</sup>. При этом он не вдаётся в подробности политических требований оппозиции, отмечая лишь абстрактную «борьбу за свободу» или «законность», «угодные народу»<sup>34</sup>.

Таким образом, становление Парламента в Англии в труде Полидора видится опять-таки как спонтанный результат «деяний» героических личностей, представителей высшей элиты, при поддержке «массовки» в лице вооружённых контингентов их сторонников. История творится героями-одиночками, ведущими за собой своих приверженцев, и служит ристалищем для проявления «доблестей», «деяний».

Наконец, важное место в труде Полидора занимает исследование возникновения того политического режима, который ангажировал его

---

<sup>32</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/16lat.html#31-33>).

<sup>33</sup> “Hos Edouardus princeps a longe ubi vidit (illos enim speciatim peius reliquis omnibus oderat, quod Aleonoram matrem paucis ante diebus e turri egressam convitiis et sibilis consecrati fuissent), inflammatus ira concitat calcaribus equum atque, dato signo ut se sui milites sequantur, cursum in eos dirigit, clamitando “In haec miles seditionum scelerumque omnium capita nunc fortiter adiecito tela.” Londinenses, ut gregarii milites, impetum invadentium non tolerant, sese in fugam conferunt. Insequitur avide Eduardus, passimque caedem ingentem facit. Verum cum ita caedendo hostem temere a suis longe abisset, pulcherrimam victoriam de manibus amisit. Atque ita ab ira et furore ut nihil unquam honesti, sic haud quicquid utilitatis proficiscitur. Nam ubi Simon animadverterit Edouardum ferocem iuvenem cum robore militum persequi Londinenses, quibus ipse ob imperitiam militaris disciplinae parum confidebat, tum maiore animo suos cohortatus hostem premit atque uno momento fundit. Rediit interim ad suos victor Edouardus, sed cum inclinata iam esset acies, eam ad certamen revocare nequivit. Henricus, confosso ex utroque latere equo, capitur cum Ricardo fratre et Edouardo filio atque aliis ducibus. Caeteri partim caesi, et in iis tres comitis Marchiae filii, partim pulsati fugatique sunt. Non nemo tradit Edouardum non fuisse tunc captum, sed postea una cum Henrico filio Ricardi obsidum nomine in hostium potestate venisse, quo illi vitae Henrici patris ac Ricardi patris parcerent. Sex millia hominum et quingentos ex regio exercitus desideratos tradunt annales”. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/16lat.html#32>).

<sup>34</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/16lat.html#31-33>).

самого для написания этого исторического труда – а именно, войны Роз и приход к власти самих Тюдоров. Поскольку эти сюжеты достаточно подробно рассмотрены в статье Е.Г. Пивоварова, вряд ли имеет смысл останавливаться на деталях; следует лишь отметить, что, во-первых, как и в случае с гражданской войной, приведшей к возникновению английского парламента, Полидор увязывает начало войн Роз не столько с внутренними проблемами английского общества, сколько с неудачами и перипетиями внешней политики Англии на континенте, в частности – с поражением в Столетней войне и междоусобными распрями в среде высшей английской аристократии. Довольно незаметно описание кампаний Столетней войны перетекает в описание войны внутри государства, как будто войны Роз видятся автору продолжением войны во Франции (что, вероятно, было отголоском вековой англо-французской вражды, продолжавшейся после Столетней войны как во время войн Роз, в которые Франция вмешивалась на стороне Ланкастеров, так и во времена первых Тюдоров). Во-вторых, Полидор поначалу не выражает каких-либо симпатий к той или иной противоборствующей стороне. Обе сражающиеся за власть династии – Йорки и Ланкастеры – выглядят в его книге почти одинаково, те или иные их предводители демонстрируют как негативные, так и позитивные личные качества. Например, он положительно оценивает Эдуарда IV Йорка (1460–1483), пришедшего к власти в результате победы над Ланкастерами, за энергичную борьбу с внешними и внутренними противниками, демократизм характера, заботы о законодательстве и о благе народа<sup>35</sup>.

Вместе с тем, судя по всему, именно Полидору Вергилию принадлежит авторство «чёрной легенды» о Ричарде III, которая не без помощи Томаса Мора, знакомого Полидору по лондонскому кружку гуманистов, перекочевала затем в официальную тюдоровскую пропаганду и в пьесы Шекспира, закрепив в массовом сознании вплоть до наших дней демонический образ узурпатора, морального и физического урода, пришедшего к власти по трупам родственников, посредством гнусных интриг, заговоров и насилия. Следует отметить, что достоверность сведений о деяниях Ричарда довольно сомнительна, поскольку Полидор использовал в качестве источника информации в основном устные высказывания по данному вопросу высокопоставленных государственных чиновников, выражавших официальную точку зрения правящей династии Тюдоров, по понятным причинам предполагающую очернение вчерашнего про-

---

<sup>35</sup> *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/24lat.html#2>).

тивника, к тому же не имеющего возможности её опровергнуть<sup>36</sup>. В противовес Ричарду III, положительный образ у Полидора приобретают его покровители Тюдоры, победители узурпатора, выведшие страну из бедствий многолетних междоусобиц на путь стабильности и процветания<sup>37</sup>. Войны Роз Полидор вполне в духе средневековых хронистов рассматривает как божью кару за переворот 1399 года, в ходе которого Ланкастеры свергли последнего короля из династии Плантагенетов Ричарда II. Приход же Тюдоров к власти является как бы актом божественного спасения страны. Можно сказать, что чем ближе Полидор подходит к правлению Тюдоров, тем больше тон его повествования смещается от непредвзятой объективности в сторону предвзятой политизированности<sup>38</sup>.

Путь «Английской истории» Полидора Вергилия через последующие века не был лишён тернистости. Если её первое издание подвергалось нападкам «патриотов» за развенчание средневековых мифов об античных корнях британской монархии и о рыцарях Круглого Стола, то королевская Реформация, стартовавшая в 1534 г., и рост антикатолических и, как следствие, антиитальянских, антиримских настроений в английском обществе, вызвали критику иного характера – за «наполнение английской истории римской ложью и итальянским жульничеством», что отражало актуальную антикатолическую риторику<sup>39</sup>. Подобная риторика, отчасти помноженная на ксенофобские настроения, нашла отражение в произведениях авторов второй половины XVI в., таких как Г. Сэвил, У. Уорнер, Р. Холинshed и др. Все они в той или иной степени отстаивали устаревшие этногенетические мифы, вроде сюжетов о Бруте или короле Артуре, эмоционально обвиняя Полидора в покушении на святыни национального самосознания<sup>40</sup>. Однако труд Полидора в целом выполнил те задачи, которые ставили перед ним его заказчики и покровители – Тюдоры. Это было первое историческое произведение, охватывавшее историю страны от древних времён до современности и соответствовавшее новоевропейским традициям гуманитарного дискурса, пришедшим вместе с Ренессансом и гуманизмом. С этой точки зрения, для своего времени «Anglica Historia» Полидора Вергилия была достаточно критичным и объективным произведением<sup>41</sup>. Она служила образцом для подражания более поздним ренессансным английским истори-

---

<sup>36</sup> Пивоваров. 2001. С. 37.

<sup>37</sup> Gransden. 1982. P. 439-440.

<sup>38</sup> Cobban. 2003. P. 365.

<sup>39</sup> Cobban. 2003. P. 369.

<sup>40</sup> Калмыкова. 2010. С. 455-457.

<sup>41</sup> Cobban. 2003. P. 365, 390.

кам (в том числе критикам Полидора), таким как Э. Холл, Р. Холиншед, У. Кемден, Дж. Стоу, развивавшим национальное историописание.

Кроме того, она создавала необходимый Тюдорам легитимизирующий миф, должный идеологически обосновать их восшествие на престол и стабильное правление новой династии.

Наконец, работы Полидора и ему подобных авторов чуть более позднего времени фактически сформировали новое, модернистское осмысление национальной истории вплоть до второй половины XIX в., отражая складывающийся европейский национализм Нового времени и апеллируя именно к его потребностям, которым уже были тесноваты рамки средневековой хронистики с её религиозным детерминизмом и некритическим пересказом архаических народных преданий<sup>42</sup>.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., Квадрига, 2010. 664 с. С. 446-457.
- Пивоваров Евгений Григорьевич. Придворный историк Генриха VII о приходе Тюдоров к власти (Полидор Вергил у истоков тюдоровской историографии). // История и историография: зарубежные страны: Межвуз. сб. науч. тр. Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2001. С. 35-43.
- Cobban, Allan B. Polidore Vergil Reconsidered: The Anglica Historia And The English Universities. // Viator: Medieval And Renaissance Studies. Vol. 34 (2003). P. 364-391.
- Gransden, A. Historical Writing In England. Vol. 2. C. 1307 to The Early Sixteenth Century. London: Routledge and Kegan Paul, 1982. P. 434-441.
- Гальфрид Монмутский. История бриттов. URL: <http://www.drui.ru/content/view/49/68/1/0/>
- Polydore Vergil. Anglica Historia. (1555 version). A hypertext critical edition by Dana F. Sutton, The University of California, Irvine. Posted August 4, 2005. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/>

**Горелов Максим Михайлович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; [heldenhammer@yandex.ru](mailto:heldenhammer@yandex.ru)

---

<sup>42</sup> Пивоваров. 2001. С. 36, 43.



С. А. ЕРЕМЕЕВА

## ОПАСНОЕ ДЕЛО ПРАКТИКА АКАДЕМИЧЕСКОГО НЕКРОЛОГА В РОССИИ В 1928 ГОДУ

---

Ввод в состав Академии Наук академиков-коммунистов в 1928 г. способствовал контролю государства над Академией. На время академических выборов пришелся инцидент с академиком Жебелевым из-за его участия в вышедшем в Праге научном сборнике. В нормальном режиме функционирование науки обеспечивается двумя системами: внешней системой официальной иерархии и внутренней системой научного сообщества. Именно разрушение сообщества, структуры невидимой и плохо контролируемой, являлось целью этой акции власти. Только так можно было контролировать науку и добиться послушания ученых.

*Ключевые слова:* некролог, научное сообщество, коммуникативные практики.

---

В 1926 г. академик С.А. Жебелев отмечал 35-летие своей научной деятельности. В честь этого события в Ленинграде был составлен юбилейный сборник, в котором участвовало 57 ученых – связанных совместной работой, но к этому времени вовсе необязательно работающих в России (как, например, М. Ростовцев). И хотя напечатан сборник за неимением средств не был, рукопись публично вручили юбиляру на торжественном заседании в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). В 1927 г. в Праге вышел первый сборник «*Seminarium Kondakovianum*», который, помимо материалов покойного Н.П. Кондакова, содержал 22 статьи: 11 было написано советскими учеными и 11 учеными-эмигрантами. Жертвователями книг кондаковскому семинарию (список опубликован в сборнике) были, в основном, ученые из Советской России, а также официальные советские организации от ГАИМК до Эрмитажа и ГИМа. «Содействие в деле издания» сборника оказали МНП и МИД Чехословакии. Через год, в сентябре 1928 года, вышел второй сборник. И также поначалу казался изданием, представляющим интерес только для специалистов.

Претензии по поводу публикации С.А. Жебелева во втором пражском сборнике, предъявленные 16 и 18 ноября 1928 г. непременно секретарю Академии С.Ф. Ольденбургу, были подобны грому среди ясного неба. Ольденбург по делам академии встречался в Москве с Н.П. Горбуновым (управляющим делами СНК СССР, членом комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями – Ученого коми-

тета ЦИК СССР) и Е.П. Вороновым (начальником ОНУ – отдела научных учреждений при СНК СССР), и неожиданно встал вопрос об исключении Жебелева из АН и Академии материальной культуры в связи с его «антисоветскими высказываниями» в эмигрантском журнале.

Жена С.Ф. Ольденбурга фиксирует в своих записях: «Сергей очень горячо возражал <...>, говоря, что сначала надо разобраться в этом вопросе и затребовать объяснения самого Жебелева. <...> Горбунов сказал, <...> что первоначально должна быть беседа с Жебелевым, который должен дать исчерпывающие объяснения, и что эти объяснения должны быть напечатаны. Сообразно тому, какого рода будут объяснения Жебелева, так будет поступлено и в дальнейшем относительно его». Дальше разговор приобретает еще более неожиданный характер – оказывается, публикация – только повод поговорить о главном. «Горбунов сказал, что вообще об Академии наук вопрос стоит так: работники Академии наук <...> и не знают, какое давление идет на Отдел научных учреждений при /СНК/ СССР относительно Академии наук, которая живет своей отдельной обособленной жизнью, – что далее так продолжаться невозможно, что <...> Академия наук должна показать свое отношение к советской действительности, что и выльется в выборах. Если выборы покажут, что Академия наук не идет с советской общественностью, то тогда с нею будет поступлено, как она этого заслужила, – не советская Академия наук существовать не может...»<sup>1</sup>.

С.Ф. Ольденбург, фактически взявший на себя ответственность за Академию в первое десятилетие советской власти, находился в те дни в Москве по делам близившихся академических выборов. Это был момент «обновления» научных структур, когда власть потребовала введения академиков-коммунистов в состав АН. Академия была не просто устроенной организацией, и прямые действия с позиции силы успеха не гарантировали. С учеными пытались договориться и сторговаться – разговор шел не о возможности и невозможности данного мероприятия, а об условиях его проведения. Искались разные пути и средства воздействия, разрабатывались тактические ходы и выявлялись уязвимые места. Работа подкомиссий, выдвигавших кандидатуры (и уже выдвинувших всех нужных) к моменту разговора закончилась, общее голосование должно было состояться позже: 5 декабря в отделении физико-математических наук, 12 декабря – в отделении гуманитарных наук; на 12 января было намечено общее собрание. В этом промежутке между выдвижением кандидатур и окончательным голосованием и разразился скандал.

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Тункина*. 2000. С. 121.

История «дела академика Жебелева», случившаяся во время советизации АН, рассказывалась уже не раз. Открыл тему в постсоветские времена Ф. Перченко, определивший ее как «самый громкий урок» того времени. «Жебелев единственный из всех академиков входил во все три избирательные подкомиссии, где обсуждали кандидатуры Лукина, Деборина и Фриче <предназначенных властью стать академиками-коммунистами>, – и везде выступал против. Он нечаянно подставил себя под удар, поместив статью в пражском русском сборнике “Seminarium Kondakovianum”, где ленинградские авторы напечатались рядом с М.И. Ростовцевым и другими тогдашними эмигрантами: обычная тогдашняя практика. Сборник вышел в сентябре, и вначале на него не реагировали. А в середине ноября, как по команде, всюду начинается шумная кампания против Жебелева, которого требуют “отсечь” и “исключить”»<sup>2</sup>. Версию о притягательности для репрессий фигуры Жебелева вследствие его членства в трех выборных комиссиях разделяет и И.В. Тункина: она называет случившееся «идеологической атакой на АН СССР»<sup>3</sup> и считает, что именно это дело «ознаменовало начало “великого перелома” в Академии» и стало своего рода прологом «академического дела»<sup>4</sup>. Интерпретации этой истории продолжали появляться и позже. «В качестве дополнительного давления на академиков использовалось так называемое “дело” академика С.А. Жебелева, опубликовавшего в 1928 году некролог Я.И. Смирнову и подвергнувшегося резким нападкам за сотрудничество с эмигрантами»<sup>5</sup>. «Статья вызвала крайне резкую и, казалось бы, не совсем адекватную по своей остроте реакцию в советских инстанциях. В печати была развернута кампания против Жебелева, в различных учреждениях проводились собрания и принимались резолюции с требованием исключить его из Академии наук за “антисоветский поступок” и т.д.»<sup>6</sup>. Когда же «основная цель – запугивание академиков» была «достигнута, власти приостановили кампанию против Жебелева»<sup>7</sup>.

В чем же состоял «урок»? И почему «идеологическая атака» должна была не столько воспитать, сколько «запугать»? Действительно ли «резкие нападки за сотрудничество» были так страшны? Или «не совсем адекватная» реакция была просто реакцией на нечто другое?

---

<sup>2</sup> Перченко. 1991. С. 184.

<sup>3</sup> Тункина. 2000. С. 119.

<sup>4</sup> Там же. С. 116-117.

<sup>5</sup> Колчинский. 2003. С. 589.

<sup>6</sup> Каганович. 2006. С. 166.

<sup>7</sup> Там же. С. 168.

### ***Три истории одного события***

Подробная реконструкция событий, выполненная И. Тункиной, основана на трех группах источников. Это средства массовой информации, документы АН и свидетельства непосредственных участников событий. Источники эти не противоречат друг другу, но по ним воссоздается три разных истории об одном и том же. При попытке сведения их в одну картина становится громоздкой и аморфной, поскольку эти истории развиваются в разных системах координат, у них разная темпоральность, разные акторы, разные контексты и языки. Они даже не связаны между собой причинно-следственными связями – то, что происходит в одной, маловажно для другой. Поэтому они мало сопоставимы, тем более – не сводимы в одну. Имеет смысл как раз попробовать отделить эти истории друг от друга, чтобы понять, где же шла эта атака, которая должна была обозначить пугающие перспективы.

Первая история – самая шумная быстрая: газетная. Она представляет социальный контекст происходящего. Главные действующие лица – СНР (профсоюзная организация) и ВАРНИТСО (общественная организация). СНР – секция научных работников в профсоюзе работников просвещения. Согласно Положению от 17 декабря 1924 г. СНР должна была прежде всего заниматься изучением условий труда и жизни научных работников и выработать меры к их улучшению, а также заниматься вопросами оплаты и трудовыми конфликтами. Наряду с этим СНР имела право участвовать в работе госорганов (когда это касалось научных дел), заниматься проблемами повышения научной квалификации и популяризацией научных знаний, т.е. вся эта история с публикацией в пражском издании, казалось бы, вовсе не входит в зону ее компетентности. ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству – была создана в 1928 г. Это не было профессиональным объединением: для вступления не требовался ни диплом, ни научные труды. Ее называли «приводным ремнем» между партией и интеллигенцией и пытались использовать как инструмент воздействия первой на вторую. Именно эти организации – профсоюзная и общественная – поставляют информацию в газеты.

21 ноября проходят экстренные заседания Бюро СНР в Москве и Ленинграде. С.А. Жебелева исключают из СНР. 22 ноября сообщения об этом, совпадающие дословно, появляются в двух ленинградских газетах («Ленинградская правда»<sup>8</sup> и «Красная газета»<sup>9</sup>). Участие в пражском

---

<sup>8</sup> Исключение акад. С.А. Жебелева... // Ленинградская правда. С. 5.

<sup>9</sup> Исключение акад. С.А. Жебелева // Красная газета. С. 3.

сборнике квалифицируется как «антисоветский» поступок; выдвигаются первые аргументы обвинения (определение 1918 года Жебелевым как «лихолетья» и заявленная в статье словами «наш общий друг и соратник» солидарность с эмигрантом Ростовцевым); предлагаются санкции (вынести осуждение всей группе, принимавшей участие в сборнике, а Жебелева, чья статья «наносит явный вред СССР», исключить из числа членов секции; желательно еще на основании п. 22 устава АН исключить Жебелева и из Академии). В московских газетах ориентируются на ту же информацию, но в «Известиях»<sup>10</sup>, которые явно имеют непосредственный доступ к сборнику, находят новые пункты обвинения: из последних строк статьи Жебелева вычитывают недоброжелательное отношение к 10 годам советской власти и обнаруживают в сборнике новую крамолу – подписанный инициалами некролог Ф.И. Успенскому (академику, скончавшемуся в России в сентябре 1928 года), где упоминаются «тяжелые годы» первых лет советской власти. Публикация в «Правде»<sup>11</sup>, не добавляя ни фактов, ни оценок, сопровождается мелкими ошибками, которые некогда проверять. Главный герой всех этих первых публикаций, пожалуй, не отрицательный, а положительный; не столько Жебелев (вынесенный в заголовки), и даже не все посмеившие участвовать в этом сборнике, сколько негодующие «круги СНР», принимающие меры.

На следующий день продолжается поиск эпизодов преступления. Обнаруживаются прежде незамеченные факты – оказывается, сборник издан на средства Министерства народного просвещения Чехии и графа В. Коковцова (бывшего царского министра). Подтверждаются претензии к Жебелеву – «Эта статья как бы дает тон всему сборнику»<sup>12</sup>. Тема дня та же – «возмущение научной общественности». Всю черную работу по поиску компромата и вынесению оценок проделывает «возмущенная» масса в лице отдельных представителей, которые подыскивают определения происходящему и клянутся в верности советской власти. Новые доводы эксплицируют основные референтные для науки 1928 года группы: «как будем выглядеть в глазах трудящихся» (проф. Осипов) и «как будем выглядеть в глазах пролетарского студенчества» (проф. Сольдау). Другие члены СНР (Глушков и Орбели) пытаются переqualифицировать преступление и предпочитают слова «легкомысленность», «беспринципность», «политическое недомыслие», «печальный случай» – огромная разница с «антисоветским» и «контрреволюционным»<sup>13</sup>.

<sup>10</sup> Клеветнические выступления некоторых ленинградских ученых... С. 4.

<sup>11</sup> Антисоветское выступление акад. Жебелева. С. 3.

<sup>12</sup> Научные работники – против Жебелева. 1928. С. 5.

<sup>13</sup> О поступке академика С.А. Жебелева. С. 3.

В Москве 23 ноября неожиданно узнали, что 21 ноября у них тоже было внеочередное заседание московского бюро СНР<sup>14</sup>, на котором Луппол нашел дополнительные аргументы насчет клеветнического характера статьи Жебелева, инкриминировав автору строки о методе: «Метод работы Я.И. (Смирнова) в области археологии, – пишет ак. Жебелев – строгий историко-филологический метод, без каких-либо отклонений в сторону “искусствоведения”, “социологии” и т.п. модных течений». На этом отказе от социологии (Смирнов умер в 1918 г.) строятся новые обвинения. Уточняется Лупполом и особый статус Ростовцева – не просто эмигранта, а злобного клеветника на советскую науку: «В этой же статье Жебелев несколько раз упоминает о “нашем общем с С.Я. друге и соратнике” – М.И. Ростовцеве. Ростовцев, к сожалению, до сих пор еще числящийся почему-то действительным членом Академии Наук, – эмигрант, откровенно перешедший на сторону врагов СССР и работающий в Америке. Он принимал участие в последнем международном конгрессе в Осло, где утверждал, между прочим, что “истории в СССР нет. Она заменена там историческим материализмом”». В тот же день публикуются не содержащие новой информации заметки в «Правде», «Экономической жизни» и «Вечерней Москве». Именно московские издания настаивают на «сознательном политическом выступлении» участников сборника. На то, что Ростовцев до сих пор не исключен из Академии Наук, в одной из московских статей указали дважды (второй раз в компании с Н.Б. Струве), и это несколько меняло направление критики. Если в Ленинграде Жебелев представлялся фигурой, которая «чернит» светлый образ Академии Наук, то в Москве сама Академия выглядела сомнительной организацией. В ленинградских изданиях наиболее эмоциональные эпитеты направлены вовне – против эмигрантов («махровый представитель белой эмиграции», «густопсовыи эмигранты»); и хотя об антисоветском характере происшедшего там упоминается, тем не менее, всего лишь «осудили группу научных работников, совершивших политически бестактный и беспринципный научный поступок», «контрреволюционное» соседствует с «легкомысленным».

В Москве набор ключевых слов, задающих эмоциональный фон, жестче и относится непосредственно к работающим в СССР: «сознательное политическое выступление»; поступок, «направленный во вред интересам СССР» и «несовместимый с достоинством советского ученого»; «клеветническое», «антисоветское», «контрреволюционное» выступление; вызвавшее «глубокое возмущение».

---

<sup>14</sup> Клеветнические выступления в эмигрантских изданиях... С. 4.

24 ноября наступил день покаяния и осуждения. «Ленинградская правда»<sup>15</sup> сообщила о протесте, заявленном на пленуме секции просвещения Ленсовета артистом Е.Б. Вильбушевичем. Пленум «с негодованием отметил» и «единодушно присоединился». Собрание профактива Эрмитажа и Академии материальной культуры не только присоединилось к решению СНР, но и «с удовлетворением констатировало, что С.А. Жебелев не состоит больше вице-президентом Академии», а также «встретило с полным удовлетворением» покаянное письмо восьми профессоров, участвовавших в пресловутом сборнике<sup>16</sup>. Такое же собрание состоялось в институте им. Герцена<sup>17</sup>.

В историю вступает новая сила. В этот день состоялось расширенное заседание ЦБ ВАРНИТСО, 25 ноября об этом сообщает «Экономическая газета»<sup>18</sup>. Организация не только не академическая, но даже не профессиональная, ВАРНИТСО, может быть, в наибольшей степени репрезентировала общественное мнение в данном вопросе. Центральное бюро, которое «неоднократно указывало на нетерпимость положения, при котором ученые, занимая командные посты в наших учреждениях, ведут вполне определенную вредительскую работу против социалистического строительства», обсудив ситуацию в широком политическом контексте и отметив, что «такого рода выступления являются характерным моментом, указывающим на повышение в последнее время активности со стороны правой профессуры», предложило выход: «Середняк, советски настроенный и зачастую более квалифицированный, должен быть продвинут согласно целому ряду постановлений партийных и правительственных органов. Профессиональные и общественные организации должны проявить активность в проведении этих постановлений в жизнь». То есть понятно, что наукой нужно управлять и кто это должен делать. И понятно, откуда такой тон по отношению к Академии: «Академия Наук, претендующая на руководящую роль в нашей советской науке, должна...». Два дня спустя о заседании ВАРНИТСО сообщает «Правда»<sup>19</sup>, сократив в тексте «Экономической газеты» наиболее одиозный тезис о продвижении середняка, но своим официальным статусом легитимировав саму возможность претензий ВАРНИТСО к Академии Наук. При этом даже в самый разгар этой истории (22-25 ноября)

---

<sup>15</sup> С негодованием осуждаем выступление Жебелева... С. 5.

<sup>16</sup> Ученые о поступке академика С.А. Жебелева. С. 3.

<sup>17</sup> Информацию о тех же событиях в Москве кратко транслировали «Известия» (Антивоветское выступление акад. Жебелева. С. 5.)

<sup>18</sup> ВАРНИТСО о выступлениях некоторых ученых... С. 5.

<sup>19</sup> Протест ВАРНИТСО... С. 6.

центральные газеты (Ленинград – «Ленинградская правда», «Красная газета»; Москва – «Известия», «Правда») ни разу не выносили материалы на эту тему на первую или вторую полосу. Те, кого это касалось непосредственно, отыскивали небольшие заметки и на 3, 4, 5-й полосе.

Другая история разворачивалась в самой Академии Наук.

Едва успев вернуться из Москвы, 20 и 21 ноября С.Ф. Ольденбург трижды встречается с Жебелевым. «22 ноября Е.Г. Ольденбург записала разговор мужа с С.А. Жебелевым. Непременный секретарь откровенно объяснил коллеге, что выход для С.А. Жебелева был один: публично покаяться и отречься от М.И. Ростовцева, чтобы не подставить под удар Академию Наук и ГАИМК, и таким образом избежать исключения из числа действительных членов АН СССР»<sup>20</sup>. 20 ноября был создан и подложный протокол, где Жебелев якобы сам просил избавить его от заведывания Библиотекой АН (потом этот опробованный метод предупреждающих действий будет использован еще раз: вдруг окажется, что Жебелев еще до всяких собраний просил освободить его от должности заместителя директора Академии материальной культуры).

Академия начинает действовать, контактируя непосредственно с начальством в Москве. Газетная активность академиков возмущает, но попытки опубликовать если не опровержение, то уточнение информации (которые пресса игнорирует) со стороны Академии не слишком активны. Президиум Академии Наук заседает 22 и 28 ноября и занимает весьма умеренную позицию по отношению к событию сборника вообще и покровительственную – по отношению к Жебелеву в частности. Еще 22 ноября Президиум АН выносит решение по инциденту: всем поставить на вид, Жебелева не наказывать<sup>21</sup>.

Жебелев чуть ли не каждый день пишет объяснительные письма, которые нигде не появляются. Первое покаянное письмо он приносит Ольденбургу уже 21 ноября – письмо Ольденбурга не устраивает (оно должно быть не таким, а каким – пока неясно). 22 ноября Жебелев пишет новое письмо – уже под диктовку Ольденбурга (подписано 20 числом). 23 ноября академик дает письменные объяснения по поводу очередных газетных обвинений, однако этот документ по-прежнему не выходит из стен Академии. 25 ноября Жебелев составляет ответ на обвинения Луначарского, накануне опубликованные в «Красной газете».

---

<sup>20</sup> Тункина. 1997. С. 103.

<sup>21</sup> Крачковский, который как член Президиума должен был подписать этот документ, оказался в положении человека, который должен был сам себя высечь: решение осуждало поступок всех, участвовавших в сборнике, то есть и его также. По началу он отказывался подписывать протокол, но его уговорил Жебелев.



26 ноября утверждается окончательный вариант покаянного письма «наверх», поправленный Ольденбургом. Это письмо на следующий день на торжествах в честь 200-летия Академической типографии показывают секретарю Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе, и, с его благословения, 29 ноября текст появляется в «Правде».

Уже зная, что извинения приняты, 28 ноября Президиум АН СССР вновь заслушивает объяснения Жебелева и признает их удовлетворительными. Последнее слово, казалось, осталось за Президиумом, отстоявшим академика: «Считать, что участие советских ученых, а следовательно и сотрудников Академии Наук СССР, в каких-либо эмигрантских изданиях недопустимо, что и поставить на вид участникам сборника “Семинариум Кондоковичанум” из числа сотрудников Академии. Признать выступление академика С.А. Жебелева неправильным и поставить ему на вид недопустимость подобных действий. Ввиду одиннадцатилетней неутомимой работы академика С.А. Жебелева на пользу советского строительства и представленных им президиуму объяснений по настоящему делу, считать, что нет оснований для применения к нему ст. 22 Устава Академии Наук». Ободренный Жебелев тут же отправляет письмо с просьбой пересмотреть свое исключение из секции – заседание Бюро Ленинградской СНР происходило в тот же вечер. Но это – другая история, которой решения АН не указ, а о решении Москвы там пока не знают. СНР по-прежнему непримирима («Красная газета»<sup>22</sup> 29 ноября печатает отчет об очередном собрании). Перечислив все оглашенные на заседании документы обвинения и оправдания: постановление правления ЛГУ, резолюцию профактива Академии Материальной Культуры, сообщение ВАРНИТСО о недопустимости пребывания С.А. Жебелева, П.Б. Струве и М. Ростовцева в рядах Академии Наук<sup>23</sup>, а также заявление участников «Кондаковского семинария», СНР стала обсуждать основной вопрос: заявление Жебелева с просьбой пересмотреть решение секции о его исключении и с объяснением своего поступка. Бдительный профессор В.Н. Кораблев высказался первым и, чтобы не повторять уже сказанного, выдвинул новые обвинения: «Я внимательно ознакомился со сборником, и не вижу для нас основания менять свое однажды уже принятое решение. Акад. Жебелев человек, несомненно, искренний, последовательный и прямолинейный. Таким мы его все знаем, за исключением сегодняшнего заявления. В 1920 г. в “Русском историческом журнале”, он поместил также некролог памяти Б.А. Тураева. И в этом некрологе

<sup>22</sup> Еще о поступке акад. С.А. Жебелева. С. 5.

<sup>23</sup> «По этому поводу акад. С.Ф. Ольденбург тут же сделал категорическое заявление, что П.Б. Струве и М. Ростовцев уже с 1920 г. не состоят в числе академиков».

акад. Жебелев писал: “Лишилась родина стойкого и преданного деятеля на ниве просвещения и распространения в обществе культурных знаний; исчез неутомимый, убежденный борец за интересы церкви православной, нет более прекрасной души, кристально-чистого человека...” и дальше он указывает, что одна из главных заслуг Тураева это его национально-патриотическая деятельность, что на том свете Б.А. Тураеву, как истинному христианину, уготована жизнь вечная, а также пишет о невозможных условиях работы в Советской России и т.д.»

Но в тот же день, когда появляется публикация в «Красной газете», «Правда»<sup>24</sup> печатает постановление президиума Академии Наук (с недвусмысленным указанием даты – 22 ноября) и объяснения академика Жебелева (где указывается, что первые письменные объяснения он начал давать 20 ноября), распространенные через РОСТА (т.е. через официальное агентство). На следующий день «Красная газета»<sup>25</sup> вынуждена также опубликовать это. Почти через месяц, 19 декабря, Жебелева восстанавливают в СНР без перерыва стажа. Казалось бы, громкое дело не кончилось ничем. Гора родила мышь. Академия отбилась.

Возможна реконструкция еще одной линии событий, менее заметной на поверхности социальной жизни, не представленной публично – той, что определяла поступки и оценки участников. Эта история, наиболее протяженная и мучительная, дискретно проявляется во времени.

По воспоминаниям близкого Жебелеву человека, «в жизни Сергея Александровича эти события сыграли немалую роль, и не только потому, что они отняли у него достаточное количество сил, духовных и физических, но и оттого, что он долго не мог установить, какие скрытые враждебные силы действовали в данном случае против него, и это его сильно волновало»<sup>26</sup>. Вопрос «а что это было?» на прагматическом уровне не решался. Эта история не воспринималась изнутри ни как техническая, ни как досадный казус. Она была знаком чего-то большего, чем просто гнев неадекватной власти, и нашла отражение в дневниках, письмах, воспоминаниях – почему-то важно было зафиксировать свое отношение к произошедшему. Как определить этот уровень истории? Он человеческий, но не личностный. Это, скорее, уровень научного сообщества – оно и оказалось в результате развития событий наиболее уязвлено.

Важнейшими материалами для реконструкции здесь служат записки жены С.Ф. Ольденбурга Елены Григорьевны Ольденбург – человека максимально приближенного к процессу, но не включенного в него.

<sup>24</sup> Дело академика Жебелева. С. 4.

<sup>25</sup> Президиум Академии Наук об акад. С.А. Жебелеве. С. 3.

<sup>26</sup> Максимова. 1969. С. 88.

Она честно фиксирует реакции на происходящее – свои и Сергея Федоровича – и эти реакции часто не совпадают. Это можно объяснить тем, что они исходят из разной системы координат: Сергей Федорович, помимо всего прочего, хорошо чувствует наличие символической системы научного сообщества; Елена Григорьевна исходит из прагматического понимания Академии Наук как социального института.

Вся жебелевская история, с точки зрения Елены Григорьевны, выглядит довольно странно. И инициаторы ее – вовсе не власти. «Ненапечатанные материалы Я.И. Смирнова, как ему <Жебелеву> известно, находятся у И.А. Орбели (этим, по мнению Орбели, Жебелев набросил на него тень) <об этом упоминалось в пражском сборнике – С.Е.>, Орбели стал повсюду кричать о статье Жебелева, указывая на ее несоветский тон, толкуя неудачные выражения и т.д. Своими криками он обратил внимание на эту статью коммунистов Эрмитажа <...> и дело пошло». Елена Григорьевна не может понять, почему Орбели потом голосовал против исключения Жебелева из СНР. «Хорошо говорил за Жебелева и И.А. Орбели. Я понимаю его – в порыве своей такой несдержанной злобы <...> рассудок его молчит <...>, и он может слепо и гадко навредить человеку. Но когда этот шквал пройдет, чувство присущей ему доброты возьмет верх, заговорит и рассудок, – но часто дело бывает сильно испорчено прежними злобно-ненавистными порывами. Так, я думаю, было дело и здесь». С.Ф. Ольденбург видел происходящее в более широком контексте. «Теперь Марр гремит против Жебелева, и сегодня вечером его будут выставлять из секции научных работников. Сергей этого допустить не может, т.к. считает этот образ действия крайне вредным вообще для всей русской интеллигенции», – записывает Елена Григорьевна. «Сергей справедливо думает, что теперь выключение Жебелева из СНР повлечет за собою его дальнейшую травлю уже как члена Академии наук...». И даже после благополучного, казалось бы, завершения истории она констатирует: «Идет определенный поход против интеллигенции, вызванный отчасти и поведением самой интеллигенции, отчасти и трудным политическим моментом. Дело Жебелева еще не кончено»<sup>27</sup>.

Внутри Академии наук согласия не было не только по поводу событий, связанных со сборником. В разгар жебелевской истории, 24 ноября, Елена Григорьевна записывает: «Сегодня от Воронова снова бумага – просят прислать копии с протоколов заседаний, на которых были выключены из числа академиков Ростовцев, Струве и др., а протоколов нет, потому что таких заседаний не было. Их просто перестали печатать

---

<sup>27</sup> Цит. по: Тункина. 2000. С. 121-124, 146.

в книжке в числе академиков. Не было заседаний, потому что внутри самой Академии по этому поводу не было достигнуто соглашения – если Сергей настаивал на заседании, то не встретил сочувствия»<sup>28</sup>.

В.В. Бартольд предъявил претензии по поводу того, что решение по Жебелеву было принято Президиумом без созыва Общего собрания, и С.Ф. Ольденбург пытался втолковать ему, что самым важным в этой истории было быстро и решительно отвечать власти. Елена Григорьевна записывает: «это был... момент, когда каждое промедление могло вести за собой катастрофу. Затем Сергей еще добавил, что Бартольд так <...> далеко от академических дел, что не улавливает, как иногда дело спешно надо решать и брать на себя ответственность за принятое решение, что не всегда легко и очень неприятно. Но все же Сергей не убедил Бартольда, и он остался при своем»<sup>29</sup>. Видимо, у Ольденбурга и Бартольда в данном случае не совпадают представления, где проходит граница между академией как социальным институтом и как научным сообществом.

Вернадский 25 ноября записывает в дневнике. «В Академии мат. культ. научн. сотрудники под предс. Орбели вынесли обвин. приговор Жебелеву и признали /решение/ секции научн. /работников/. О. уговорил это провести, говоря, что это поможет Жеб., т.к. иначе его будут считать главой контр/р/ев. гнезда, находящегося в Ак. мат. культ. Люди сейчас потеряли всякий моральный стыд и идут на всякую подлость, спасая свою шкуру. Что Орб. морочил? Неужели справедливы обвинения, кот. я слышал в Праге, что он присвоил матер. Я.И. Смирнова в связи с Сасанидским серебром? Жеб. упомянул в своей статье об этом неудачно – случайно или сознательно, двусмысленной фразой. Вначале высказывались догадки, что О. – инициатор скрытой травли Жеб. – мечь? Ж. мне сказал раньше, что О. спрашивал его, отчего он написал, что рукопись См. “по-видимому” у О., отчего он его раньше не спросил. Ж. ответил, что он не обязан спрашивать. Неужели эта догадка – правда? Но какое падение когда-то честных людей! Тут ясно, что это не сознательная мерзость, а грех. Понятие *греха* есть достижение, которое нельзя безнаказанно выбросить за борт»<sup>30</sup>. Это какая-то другая история, о другом человеке (Орбели) и на другом языке. Что значит «понятие греха» для истории травли академиков советской властью? Понятие греха возвращает нас к этической системе научных отношений. Значит, можно было понимать дело и так. Что же все-таки тогда происходило?

---

<sup>28</sup> Там же. С. 134.

<sup>29</sup> Там же. С. 149.

<sup>30</sup> Вернадский. 2001. С. 118-119.

### **Живые и мертвые**

В этой истории удивляет количество некрологов. Статья Жебелева – это некролог Смирнову. Внимательное изучение сборника дает еще один «подозрительный» текст – некролог Успенскому. Упоминается также статья Ростовцева, причем именно то место, где он говорит о памяти Смирнова. В поисках очередного компромата на Жебелева профессор Кораблев обращается к его давнему некрологу Тураеву. Словно мертвые мешают живым жить спокойно. Что такое некролог? Слово о мертвом. Слово перед лицом мертвых. Свидетельство для живых о памяти. Памяти, которая определяет ценностные координаты существования и является социальным действием: она соединяет тех, кто готов платить дань этой памяти. При этом некролог – академическая практика памяти, в конце XIX – начале XX века переживавшая свой расцвет.

Научное сообщество, выстраивающее идентичность своих членов вокруг традиции, определяемой преимущественно именами, чутко к практикам хранения и передачи памяти через поминание. Академические некрологи как практика не существуют одновременно и отдельно – они складываются в единый текст постоянного поминовения, свидетельствующего не о том, что мертвы мертвые, а о том, что живы живые. Эта работа непрерывная – она не локализуется в акте высказывания. Слова начинают составлять как бы особое пространство – между жизнью и смертью, между личным и общим. И пространство это – пребывает: то, что сказано, сказано навсегда, некролог нельзя дезавуировать.

Полный цикл поминовения в научной среде начала XX века выглядит так: *некролог в периодическом издании* (как правило, в специальном, с определенной аудиторией), по возможности, близко к дате смерти; *вечер памяти* (через полгода, год, пять, десять лет – максимально точно приближенный к дате смерти) – публичный (открытый для широкой публики) или в каком-либо из научных обществ, к которому имел отношение покойный; *сборник воспоминаний* об умершем.

Это единый процесс, последовательность этих действий не должна быть нарушена, каждое последующее действие как бы вбирает в себя предыдущие. Это – ритуал, и «ритуал оказывается единственно возможным способом перехода из одного состояния в другое. Он является не столько реакцией на событие, сколько самим событием»<sup>31</sup>. Понятно, что это действие социальное, и любое публичное высказывание – результат компромисса. С одной стороны, влияют внешние силы – не только, и, может быть, не столько властные давления или реальный

---

<sup>31</sup> Байбурун. 1993. С. 120.

страх последствий, но и не всегда отрефлексированное, хотя императивное влияние сообщества (как я буду выглядеть в глазах референтной группы?). С другой стороны, существует внутренняя потребность достоинства и «сохранение лица». Конфигурация этих влияний может быть изменчива, но само их наличие постоянно.

Поскольку речь идет о научном сообществе, то некрологи оказываются способом разговора о его функционировании и о том предмете, вокруг которого оно организуется. Главными темами академического некролога конца XIX – начала XX в. становятся жизнь, смерть, наука – в присутствии автора и умершего. Степень проявленности и трактовка этих тем зависят и от социальных (внешних), и от личных (внутренних) причин, касающихся составителя некролога. Социальные перемены могут заставить проблематизировать саму легитимность и способы существования науки в обществе. Традицию легче всего заметить в момент разрушения (или хотя бы нарушения) – то, что представлялось естественным и потому не рефлексировалось, оказывается предметом не только осмысления, но и фиксации утраченной нормы (не сторонними наблюдателями-антропологами, а самими представителями традиции).

Сборник «*Seminarium Kondakovianum*», вышедший накануне 10-летия смерти Смирнова, был вполне традиционным «сборником памяти» – в нем были статьи или близких Смирнову людей, или на близкие Смирнову темы. Близость могла подчеркиваться, могла подразумеваться, но в результате как-то обозначалась та духовно-предметная научная среда, в которой существовал поминаемый. Однако по причинам внешнего характера в сборнике оказался и некролог, который в нормальной жизни должен был бы появиться в 1918 году.

С.А. Жебелев был опытным мастером некролога. К 1928 г. им было написано не менее 26 текстов подобного рода. Он хорошо понимал природу жанра – в его архиве сохранились поминальные тексты, которые некрологами не стали, поскольку не попадали в функцию и задачу (некрологи тем же людям были написаны отдельно). Некролог, хотя и пишется отдельным человеком (в Академии наук говорили «составляется»), но есть факт коллективного поминания – он должен быть обнародован. Скандал вокруг некролога в нормальной ситуации невозможен – в определенном смысле это значило бы обидеть, унижить память ушедшего человека и поставить под сомнение общие ценности сообщества.

Жебелев в своем ставшем скандальным некрологе поминает не только ушедшего Я.И. Смирнова, но и саму традицию поминания: «Когда я умру, ты узнаешь, кто я такой... Говоря так, Я.И., может быть, ду-

мал: никакими внешними знаками ученого отличия я не пользуюсь, степеней ученых не имею, медалей и премий за свои работы я не получал, даже рецензий на мои книги не писали; вот, когда я умру, напечатают, по обычаю, мой некролог, и из него узнают, кто я такой. Но и этого не случилось. Я.И. скончался 10-го октября 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье. Все мы были потрясены неожиданной смертью Я.И., но составлять некролог его не имело смысла, так как этот некролог негде было бы напечатать: существование Журнала Министерства Народного Просвещения, где обыкновенно печатались некрологи ученых, прекратилось; Русское Археологическое общество, членом которого Я.И. состоял с 1893 г., хотя и существовало, но уже не имело кредитов на издание своих “Записок”. Я.И. так и остался без некролога»<sup>32</sup>.

Словно желая проговорить все подробности уходящей традиции, Жебелев тут же, в некрологе, делает сноску: «Единственно, чем Общество могло почтить память одного из самых деятельных и энергичных своих членов, это – устроить 30 апреля 1919 г., в день ангела Я.И., “поминальное” заседание. Оно происходило в Музее Древностей Университета и в нем читаны были четыре доклада – характеристики Я.И. Когда истекло пятилетие со дня смерти Я.И., было устроено заседание в Академии Истории Материальной Культуры: в этом заседании читаны были пять докладов на разнообразные темы, отчасти соприкасающиеся с кругом научных интересов Я.И.». Сборник памяти появляется вполне традиционно спустя 10 лет. «Seminarium Kondakovianum посвящает памяти Я.И. очередной выпуск своего сборника – благое дело, за которое глубоко признательны членам семинария все те, кому дорога память Я.И. Лучшего места, чтобы почтить ее, нельзя придумать: Я.И. – “ближайший и наиболее блестящий из учеников Н.П. Кондакова”, как его охарактеризовал наш общий друг и соратник М.И. Ростовцев /.../ Помянуть Я.И. выпадает на мою долю. Попробую, как умею, набросать общий облик деятельности Я.И., как я понимаю ее, пользуясь его учеными трудами, а еще более воспоминаниями о нем. Постараюсь остаться при этом на почве не субъективных переживаний, а объективных данных, доставляемых деятельностью Я.И. в ее совокупности»<sup>33</sup>.

Функционирование науки в нормальном режиме обеспечивается двумя системами: внешней системой официальной иерархии (вершина ее – Академия Наук) и внутренней системой научного сообщества. Ор-

---

<sup>32</sup> Жебелев. 1928. С. 1-2. Вообще-то с 1917 года Я.И. Смирнов был академиком, но «Известия АН» Жебелевым почему-то не рассматриваются как возможный вариант размещения некролога.

<sup>33</sup> Жебелев. 1928. С. 2.

ганизация внешней системы подвергается кодификации, зависит от времени и места, всегда может быть описана и существует, скорее, как некий социальный механизм. Сообщество же существует по неписанным законам, явственно ощущаемым каждым его членом. И это – законы органической жизни. Традиция, спланирующая сообщество, меняется крайне медленно (она призвана не допустить разрывов, иначе организм умирает). Почитание умерших – цементирующая структура, связанная с организацией памяти и идентичности. Поскольку выражается она в конце XIX – начале XX в. прежде всего через некрологи, то и дезавуирование этой традиции идет через нападение на эти некрологи.

Пытаясь прибрать науку к рукам, советская власть разными способами работала с Академией Наук – уговорами, угрозами, распределением привилегий – так можно было советизировать механизм и сделать его легко управляемым. Но существовала внутренняя структура, не выраженная материально, следовательно, через материальное воздействовать на нее было сложно. С.Ф. Ольденбург и Академия в этом случае не одно и то же, что доказало выдвижение кандидатов в подкомиссиях, происходившее с большим трудом. Чтобы быть уверенным, нужно было этот непредсказуемый в своих реакциях организм убить и заменить другим – предсказуемым. Уничтожить идентичность ученого и создать идентичность научного работника (члена соответствующего профсоюза). На место невидимого сообщества поставить научную общественность. Это другая система ценностей и другая система координат.

И атака в результате идет не на Жебелева, а на персонифицированную им традицию. Поэтому интерес вызывают именно некрологи (вскоре всплывет и еще один, связанный с «Семинариум Кондоковинум» – некролог «княгине Тенишевой, основательнице музея в Смоленске»; даже самый бдительный глаз не смог найти в этом некрологе ничего предосудительного, кроме того, что здесь «на каждом шагу упоминается “императорский археологический институт”»<sup>34</sup>, но сам факт некролога, то есть поминания, поставлен в вину).

Внутри этой некодифицированной системы координат, с точки зрения научного сообщества, обвинение в некрологе, обвинение перед лицом мертвых – это гораздо серьезнее, чем статья в «Правде». И то, что Орбели пришел в ярость, понятно. Это была информация не для «научной общественности», это была информация для своих – о моральном падении. Собственно, ставился вопрос о принадлежности Орбели к этому самому научному сообществу.

---

<sup>34</sup> *Луттол.* 1928. С. 19.



С этой точки зрения становится понятна реакция международного сообщества. Финский профессор А.М. Тальгрэн, обеспокоенный дошедшими слухами, обратился с письмом в Главнауку Наркомпроса, и, не получив ответа, напечатал письмо в финской газете. С искренним или почти искренним недоумением он писал: «...Я прочел снова этот некролог и не понимаю, каким образом эта хорошая, прочувствованная статья могла вызвать те преследования, которым подвергся проф. Жебелев». На письмо Тальгрэна, тоже через печать (24 января в «Известиях», спустя больше месяца), отвечают Ольденбург и Жебелев – это смесь демагогии, лжи и хамства (Жебелев, в частности, сообщает, что «широкая общественность горячо откликнулась на происшедшее, потребовав объяснений у нас», заканчивая письмо выражением открытого недовольства вмешательством во внутренние дела русской науки: «Нам остается надеяться на то, что вы признаете свою ошибку»). А Тальгрэн пишет Ольденбургу в частном письме по-русски: «Многоуважаемый академик, благодарю Вас за Ваше письмо. Я был обрадован известием о том, что С.А. Жебелев продолжает работать в Академии. Последствия его статьи, помещенной в “Seminarium Kondakovianum” – поскольку они касались его лично – вызвали среди заграничных ученых очень тяжелое впечатление, вследствие чего я позволил себе выразить его в моем открытом письме. <...> Наука международна и реагирует»<sup>35</sup>.

С тем, что произошло, оказалось много внутренне несогласных. Вернадский замечал в «неподцензурных» письмах к сыну больше чем полгода спустя – 26 июля 1929 года: «В это время подвернулось дело Жебелева и началась травля против него. В этой травле некоторые ученые (псих. Осипов) вели себя недостойно – и сам Ж. не сумел сохранить свое достоинство»<sup>36</sup>. Реакция уехавших русских ученых была еще более определенной. Им было совершенно понятно, что происходит. М.И. Ростовцев, вопреки своей воле назойливо присутствовавший в истории с пражской публикацией Жебелева, обсуждал происходящее со своими корреспондентами. 24 февраля 1929 года в письме к Тальгрэну он замечает: «Глубоко жалко мне Сергей Александровича. Лжет человек, не переставая, и все знают, что лжет, но все же заставляют его лгать – просто для собственного удовольствия. Для Ольденбурга лгать естественно. Он всю жизнь только это и делал»<sup>37</sup>. 29 февраля 1929 года он пишет своему другу (также находящемуся вне России) А.А. Васильеву: «Раньше для большевиков гимны Академии были сладки: они ожидали

<sup>35</sup> Тункина. 2000. С. 151-152, 156-157.

<sup>36</sup> Пять вольных писем В.И. Вернадского сыну. 1989. С. 435.

<sup>37</sup> Письма М.И. Ростовцева А.М. Тальгрэну. 1997. С. 513.

иного, и им было бы нелегко заставить Академию петь гимны. Теперь они знают, что *чего бы они ни потребовали, отказа не будет*<sup>38</sup>. 14 апреля 1929 года он отправляет очередное письмо Тальгрену: «Жалкая картина полного разложения людей когда-то честных, прямых и хороших ученых»<sup>39</sup>. Именно в 1929 г., через 10 лет после отъезда из России, Ростовцев принял американское гражданство, навсегда, таким образом, прощаясь с Россией. И с российским научным сообществом, которого больше практически не существовало. Возвращаться стало некуда.

### **Памяти научного сообщества**

У истории были метастазы – кто-то еще каялся, кого-то еще осуждали, кто-то отказывался от предполагавшихся прежде проектов сотрудничества и т.д. Подвела итог статья в «Правде» Д. Заславского под названием «Влюбленные антропосы»<sup>40</sup>. Что послужило автору поводом для выступления? «Выпад “либеральной” германской газеты “Фоссише цайтунг”, претендующей на особую культурность, объективность, а также на знакомство с советскими делами. Газета кратко, в двадцати строках, излагает фактическую сторону инцидента, приделывает заголовков “Русская свобода науки” и хвостик “Комментарии излишни”. Действительно, кратко. Но в то же время замечательно подло».

Автор предлагает свой комментарий с точки зрения «общественной стороны вопроса». Он формулируется так: «почему, собственно, потянуло наших ученых в сторону Праги, и были ли у них основания тянуться в ту сторону?». Далее дается развернутый ответ, основанный на том, что возможности заниматься научной работой и печатать свои труды во времена советской власти велики как никогда. Между делом добавляются сомнения в нужности оторванной от жизни науки, которая представлена как раз Академией; заодно укоряется Академия за то, что она не захотела по-настоящему наказать провинившегося. А в обращении советских ученых к пражскому семинарию усматриваются проблемы далеко не научные. «И если они все же косятся в сторону Праги, в сторону эмигрантских ученых, то не потому, что в Советском Союзе тесно для их науки. Тянут в сторону политические симпатии и страстишка, неискоренимая в людях, которые были при старом строе привилегированными антропосами, статскими и действительными статскими советниками, получали за ученость звезды и ордена, а теперь, в советских условиях, должны были превратиться просто в ученых, с рас-

<sup>38</sup> Цит. по: *Бонгард-Левин, Тункина. 1997. С. 270.*

<sup>39</sup> Цит. по: *Тункина. 2000. С. 159.*

<sup>40</sup> *Заславский. 1928. С. 4.*

ценкой талантов не по усердию и усидчивости, а по подлинному научному дарованию и подлинной научной подготовке».

Автор улавливает здесь нечто важное, но для него неочевидное, и потому не формулируемое. Но он чувствует, что наука, которая была до революции и которую представляет сборник «Семинариум Кондоковичанум» как совместную деятельность российских ученых вне зависимости от места жительства и политических убеждений, устроена как-то по-другому, нежели проект науки, желательный советским властям. Тезис о «привилегированных антропосах» против «просто ученых» не работает, но он не бессмыслен. Видимо, речь о чем-то другом.

С невероятной оперативностью статьи, связанной с уже казалось бы оконченной историей Жебелева, появились в декабрьских номерах журналов: «Об отношении советских ученых к ученым эмиграции» И.К. Луппола в «Научном работнике»<sup>41</sup> и «Лиховетье старой науки: о “жебелевщине”» Д.Заславского в «Революции и культуре»<sup>42</sup>.

Журналы отличаются от газет более выявленной целевой аудиторией. Поэтому размещение материалов в определенном журнале является указателем на адресата: научные работники и – шире – интеллигенция вообще. Будучи членом редколлегии журнала «Революция и культура», Луппол предпочитает напечатать свою статью в другом журнале, точно ориентированном на научных работников, а в «Революции и культуре» со статьей на ту же тему печатается профессиональный журналист. В данном случае вопрос профессиональной принадлежности авторов тесно связан с возможностью увидеть и оценить происходящее. Луппол – ученый, т.е. он существует в этой среде и интуитивно понимает, как она устроена. Но он не просто ученый, а ответственный секретарь ЦБ СНР, один из первых выпускников Института красной профессуры (имевший при этом полноценное дореволюционное университетское юридическое образование), активно делающий карьеру на пропаганде марксистского подхода в гуманитарных науках. Для него возможен взгляд на происшедшее изнутри, но анализировать он предпочитает внешний фактор: в центре его внимания – возможность обнародовать труды в советской России и за границей. Он признает необходимость зарубежных публикаций, но не потому, что наука едина, а чтобы «окончательно разбить все басни о нашем варварстве» (т.е. причина не внутринаучная, а внешнеполитическая). Эмигранты – особая история: «мы думаем, что сотрудничество с иностранными учеными – одно дело, а сотрудничество с учеными-

---

<sup>41</sup> Луппол. 1928. С. 13-22.

<sup>42</sup> Заславский. 1928 (2). С. 20-27.

эмигрантами – дело другое, ибо остается их непримиримая ненависть к СССР и та гнуснейшая работа, которая ими там проводится». «Сотрудничать в эмигрантских изданиях – значит заниматься пособничеством вредительству в деле всего нашего ученого строительства» (появление понятия «ученое строительство» показательно).

Сборник, в поисках компромата, Лупполом вновь внимательно прочитан, но нового набралось только кое-что по мелочам: старая орфография, «ориентация на старый стиль», некролог княгине Тенишевой... А вот анализ оглавления приводит к раздумьям: нужна ли нам вообще такая наука? Занимающаяся то духовными проблемами, то древностями... «Тенденция этого сборника отвратительна, но гвоздем его является уже цитированная статья, принадлежащая перу акад. Жебелева. Окажется, лучшего места для того, чтобы почтить память проф. Смирнова, чем Прага – придумать нельзя. Если Прага – лучшее место для почитания памяти ученого, это говорит не в пользу его. Если Прага – лучшее место для почитания памяти Я.И. Смирнова, по мнению Жебелева, то это говорит не в пользу последнего». Если все это так, чувствует Луппол, то с единой русской наукой все как-то неладно – получается, что центр ее, вроде бы, как и здесь, но душа-то – там. Ну и тогда, понятно, «говорить о лихолетье, говорить о том, что Прага является лучшим местом для того, чтобы почтить память русского ученого, о том, что социологический подход – это модное увлечение, брать его в кавычки, – это значит, на наш взгляд, приносить вред советской науке».

В отличие от Луппола, который понимает наличие и фактического, и символического уровня происходящего, публицист Д. Заславский (автор «Влюбленного антропоса», который печатается теперь в «Революции и культуре») оказывается в некотором затруднении. Чутьем идеологического противника он улавливает уязвимые (с другой точки зрения, опасные) моменты, но, пытаясь объяснить их, неизбежно банализирует.

Давид Заславский – настоящий журналист с большим дореволюционным стажем, несколько раз круто менявший политическую ориентацию. Из бунда его исключили за сотрудничество с денкинской печатью, большевики же оказались менее разборчивыми, хотя в 1917 г. Ленин трижды в печати отвечал этому «клеветнику и негодяю», разоблачавшему лидера большевиков как «немецкого шпиона». Заславский покался и занялся историей революционного рабочего движения. К 1928 году он стал членом редколлегии «Правды» (и затем обеспечивал текстами огромные компании против интеллигенции).

Журнал «Революция и культура», судя по тому, как представляет его аудиторию Заславский, ориентирован на «новую» интеллигенцию:

вряд ли люди с дореволюционным, хотя бы гимназическим, образованием могли всерьез воспринимать такой набор образов: «те цветочки толстовско-деляновской науки, которые остались в Советском Союзе, примирились с революционной обстановкой, даже приняли ее, по своему лояльны, но не могут утерпеть, чтобы время от времени не бросить взгляд в сторону новых Афин <имеется в виду Прага – С.Е.>, вздохнуть скорбно, а то и прослезиться... Поистине бедные Лизы нашей академической науки!». Сборника автор внимательно не читал, да ему и не надо (это привилегия Луппола): «Где-то в научных кругах сборник со статьями советских ученых теперь изучается, и может быть дополнительные раскопки дадут новый материал. Но для суждения об общественной стороне события, вызвавшего шум, достаточно и тех отрывочных данных, какие проникли в печать». Его статья – дайджест, здесь повторены все аргументы обвинения, разбросанные по разным изданиям. Но большая площадь публикации для собранных немногочисленных фактов дает возможность проявиться тем ассоциативным рядам, которые они вызывают в представлениях автора. «Где-то между ветхозаветной Троицей и воскресением Христовым затесалась уж чисто политическая статья академика Жебелева. Под видом некролога археологу Смирнову академик Жебелев сочинил слезницу, в которой оплакал положение ученых при советской власти». Это важная констатация, что речь идет об ученых (и о науке) вообще в современной России.

Заславский даже пытается как-то обозначить этих «ученых вообще»: «Называя и Ростовцева своим другом, Жебелев в особую заслугу всему **научному содружеству** <выделено мною – С.Е.> поставил то...» – он уловил наличие этой невидимой структуры, но затем свел смысл ее существования лишь к политическим выступлениям против советской власти. «Статья Жебелева ярко осветила весь парад 15 ученых перед пражскими белогвардейцами. Она дала ему лозунг и знамя». Не проходит он и мимо некрологов – они оказываются местом демонстрации убеждений. «Как указывал проф. Кораблев на собрании ленинградской секции ученых, Жебелев приблизительно так же характеризовал в свое время покойного проф. Тураева. Это было в 1920 г. За восемь лет академик Жебелев своих взглядов не изменил. В науке он тот же, каким был и до революции». Что здесь подразумевается под «взглядами» и «позицией в науке»? Очевидно, что речь идет не о непосредственной профессиональной деятельности... Однако важнее всего то, что Жебелев всегда подразумевается не один. Это не его личное выступление, это не его личная позиция. И выступать против того, что обозначено словом «содружество» приходится также организованно. «Ложь академика Жебе-

лева и политическая бестактность прочих его друзей не могла держаться ни одной минуты. Они были дискредитированы морально. Они ничего не могли противопоставить негодованию широких кругов советской научной общественности, не давшей кучке безответственных во Христе ученых сорвать налаженные, временем и общей работой укрепленные связи советской науки со всей пролетарской растущей культурой).

Названы обе стороны конфликта: «научное содружество» и «научная общественность» – вторая отличается от первой, помимо всего прочего, и тем, что она видима и, следовательно, управляема.

Коварство Жебелева и иже с ним – разоблачено. Только автор старую науку связывает не с этическими законами функционирования, а – по смежности – с церковью. «Нет, академик Жебелев и прочие 14 ученых очень хорошо знали, какого рода научные фрукты произрастают в Праге. Академик Жебелев очень хорошо понимал, что такое наука Ростовцева и Смирнова <эмигрант Ростовцев и умерший в Петрограде 1918 года Смирнов здесь в одном ряду – как представители одного типа науки – С.Е.> без “социологии”. Его потому и потянуло в Прагу, в родной по духу “Семинарий”, что там вся наука не по новой, а по старой моде, по моде времен очаковских и покоренья Крыма. Там, в среде старосветских академиков и профессоров, сохранился дорогой сердцу аромат науки, связанной с церковью, со старыми национал-патриотическими идеалами. Однако академик Жебелев и его “соратники” по советскому “научному” богословию боязливы и осторожны. При первом же окрике научной общественности они шарахнулись в кусты и оттуда клянутся в верности Советскому Союзу. Ах, могли ли они думать, что в Праге они встретятся с коварными антисоветскими учеными!...»

Прогноз однозначен. «Для таких ученых <для ученых старой формации? Тех, которые определяют свою принадлежность к научному сообществу не только через профессию, но и через этику? – С.Е.> лихолетье начинается только теперь, когда не угрожает им голод, когда квартиры их освещены и отапливаются, когда из типографий непрерывно выходят новые и новые книги. Эти ученые не испытывали лихолетья десять лет назад, когда они владели полной и исключительной монополией на свою науку. Они недоедали – это правда, но зато пользовались неприкосновенностью в области своего знания. Запершись в своих ученых кабинетах, цитаделях научной реакции, они успешно оборонялись от “социологии” и других “модных теорий”. Их почтительно обходили стороной. За лояльность в политике им отдавали в полное распоряжение их науку. Было несколько суеверное отношение к этой науке со стороны борющихся пролетарских масс. Для этого рода науки действительно

приходит лихолетье, – именно теперь приходит, в наши дни. Оно приходит вместе с появлением нового ученого поколения, выросшего совсем в иных научных условиях. Оно приходит вместе с проникновением в Академию Наук историков, владеющих единственно научным методом исследования – методом марксистским. Конец многолетней монополии!». Вообще-то Заславский обещает как раз начало монополии – методологической и идеологической. Тут он увлекся нарисованными им самим перспективами «расколдования» науки, которая становится доступной каждому, регулирующейся простыми правилами, очищенной от этических и, следовательно, межчеловеческих отношений. Вероятно, это должно было автоматически увеличить ее эвристический потенциал.

В этом – главный посыл и сигнал научному сообществу. Оно больше не должно и не может существовать согласно своим принципам. Вся эта история с «Семинарием Кондоковичанум» оборачивается обвинением не Жебелеву, не тем, кто принимал участие в сборнике, и не Академии Наук. Она оказывается атакой на научное сообщество – ту невидимую структуру, которая определяет, в частности, параметры этически возможного и невозможного для своих членов. Не прошло и месяца, как на общем собрании 15 декабря было оглашено Постановление Президиума АН от 7 июня (!) 1928 года по вопросу о лицах из ученого состава АН, утративших связь с Академией ввиду выезда за границу. Теперь соглашения не достигали – его назначали.

### ***Время поминать***

Научное сообщество пронизано сложными нелинейными связями, обеспечивающими ему устойчивость существования при изменении социальных условий; и если те, кто задействован в официальных иерархиях, не в силах поддержать его жизнеспособность, то сопротивление уничтожению (или, как минимум, попытка достойной смерти) происходит совсем на других уровнях. Свидетельство этому – книга А.И. Хоментовской об итальянских эпитафиях, написанная именно в те годы, когда происходило разрушение научного сообщества в России. Исследуя этос и пафос эпохи Возрождения, Хоментовская писала об эпитафиях: «В каждом отдельном случае каждое отдельное признание и мнение как будто только субъективно-эмоциональны; в вековом и коллективном накоплении, в хоре голосов те же признания представляют движущее и объективное одушевление как имманентную силу движения, его фермент. В этом смысле эпитафии, быть может, незаменимы»<sup>43</sup>. Подобное можно сказать и о некрологах, зафиксировавших этос и пафос своего

---

<sup>43</sup> Хоментовская. 1995. С. 93.

времени. Книга об эпитафиях писалась в 20-е годы и была закончена в саратовской ссылке в 1935-36 гг. Высоко оцененная С.А. Жебелевым, книга не могла быть напечатана хотя бы потому, что автор был к тому времени уже в лагере. Издано исследование было лишь в 1995 г. усилиями Б.С. Кагановича (исследователя жизни С.Ф. Ольденбурга).

Спустя 12 лет появилась статья об этой книге А.Х. Горфункеля с символическим названием «Трагический гуманизм: “Итальянская гуманистическая эпитафия” А.И. Хоментовской»<sup>44</sup>. Для Горфункеля очевидна неслучайность времени и места рождения книги. «Главной проблемой последних лет жизни А.И. Хоментовской была первоначально задуманная большая работа, названная: “Как умирали люди Возрождения”. Она должна была быть рассмотрена на материале трактатов, биографий, надгробных речей, завещаний, памятников, и, наконец, эпитафий. Однако для завершения темы было необходимо привлечение итальянских архивов и библиотек. Поэтому именно к последнему кругу источников – надгробных надписей – она в конце концов и была сведена, получив окончательное наименование – “Итальянская гуманистическая эпитафия”. Но при этом первоначально широкая постановка вопроса отразилась на более глубоком понимании эпиграфических данных, позволивших вписать это исследование в общую историю ренессансной культуры. Между тем, созданное в эти годы и посвященное полностью “западным” сюжетам, исследование гуманистической эпитафии получает очень важное “русское” освещение. Об этом говорит и предпосланный ему великолепный эпиграф – знаменитая фраза Ивана Карамазова: “Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними – в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более”»<sup>45</sup>. Этот широкий «русский» контекст Горфункель прослеживает на протяжении всей книги: «Не только эпиграф из “Братьев Карамазовых” Ф.М. Достоевского, но и открывающая последнюю главу книги цитата из неоконченной повести Н.В. Гоголя “Рим”, с ним перекликающаяся, связывает это научное исследование с глубокими пластами русской культуры»<sup>46</sup>.

<sup>44</sup> Горфункель. 2007. С. 108-136.

<sup>45</sup> Там же. С. 116-117.

<sup>46</sup> Там же. С. 135.



Горфункель отмечает не только современность и своевременность темы и проблематики книги Хоментовской, но и точный выбор источников исследования в этом контексте. «Эпитафия подводит итог и определяет смысл и значение человеческой жизни. Вместе с тем она отражает культурную обстановку своего времени; в ней мы находим наиболее ярко выраженные тенденции своей эпохи. При всей своей связи с предыдущей традицией (в данном случае – с эпитафиями Средневековья и – через Возрождение классической древности – с античностью) она усваивает то в этой традиции, что более всего подходит к современному гуманистическому миросозерцанию»<sup>47</sup>. Этот источник уникален в определенном отношении. «Разумеется, многие черты гуманистического мировоззрения мы превосходно знали бы и из других, хорошо известных историкам культуры источников: из поэзии и хроник, из произведений философов, из диалогов и дневников; но то, что могло бы показаться риторическим преувеличением, в эпитафии выглядит совершенно иначе. Здесь вроде бы та же риторика, да не та: она проверяется предстоянием смерти. Человек оказывается у последней черты, и все прежде сказанное им и пережитое проходит окончательную решительную проверку. Здесь не место кривить душой. “Отраженное в ее зеркале, – пишет А.И. Хоментовская о гуманистической эпитафии, – все претерпевает сдвиг: религия, философия, мораль, политика, наука и литература”»<sup>48</sup>.

Традиция поминовения в запечатленном слове связана с интеллектуальной элитой: «ученых людей Средневековья – в какой-то мере предшественников будущих гуманистов – клириков и, позднее, профессоров возникших европейских университетов»<sup>49</sup>. И смысл эпитафии – больше чем привычный жест. «...Это стремление к тому, чтобы имя и память запечатлелись в будущем, может вызвать отчужденную реакцию последующих поколений. Но “мы никогда не пойдем прошедшего, если будем применять к нему мерилу “разумного” наших дней, тем более, что и самая наша современность не выдержала бы этой мерки <...>. Слишком много нас окружает и сейчас на каждом шагу неразумного и нелепого, достойного нового издания “Похвалы Глупости”, – так сдержанно, но в то же время сурово и непримиримо откликается А.И. Хоментовская на окружающую ее ситуацию 1930-х годов»<sup>50</sup>.

Излагая и интерпретируя содержание книги, Горфункель делает более явными подтексты, востребованные сегодняшней социальной си-

---

<sup>47</sup> Там же. С. 117.

<sup>48</sup> Там же. С. 134.

<sup>49</sup> Там же. С. 118.

<sup>50</sup> Там же. С. 120.

туацией и состоянием науки. Для этого достаточно простого выделения цитат, привлечения внимания к «вневременным» мыслям автора, для которого это исследование явилось делом жизни – книга оборачивается памятником не только исследователю Возрождения, но и человеческой личности. «Но эпитафия, как бы высоко она не поднимала ученые занятия гуманистов (даже по отношению к государственному строю и католической церкви) далека от похвального слова; прежде всего она оставляет человека на “самом роковом из испытаний, подавленным скорбью”». Именно в этой, самой трагичной ситуации, она имеет дело с главными проблемами морали. Размышления о жизни и смерти, о смысле жизни и о посмертной судьбе человека ставят составителя надгробной надписи (кто бы он ни был, сам ли умерший или кто-то из близких ему людей) перед необходимыми проблемами человеческого существования»<sup>51</sup>.

Экзистенциальный смысл как бы утверждается мыслями о книге самой Хоментовской незадолго до смерти: «Работа до сих пор не вышла из моего письменного стола... Тем не менее я утешаю себя мыслью, что общечеловеческая значимость темы поможет работе выдержать искус такого долгого ожидания публикации. После ужасов современности наступит же опять для людей пора размышлений и раздумья»<sup>52</sup>.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Антисоветское выступление акад. Жебелева // Известия. 1928. 24 ноября. №273. С.5.  
 Антисоветское выступление акад. Жебелева // Правда. 1928. 22 ноября, №271. С. 3.  
*Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: «Наука», 1993. 240 с.  
*Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* М. И.Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетний дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман, М.: РОССПЭН, 1997. С. 259-286.  
 ВАРНИТСО о выступлениях некоторых ученых в эмигрантской прессе // Экономическая газета. 1928. 25 ноября. С. 5.  
*Вернадский В.И.* Дневники: 1926-1934. М.: Наука, 2001. 456 с.  
*Вернадский В.И.* Пять вольных писем В.И.Вернадского сыну: (Русская наука в 1929) / Публ. К.К. [Г.Г.Суперфина] // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 7. Paris, 1989. С. 424-450.  
*Горфункель А.Х.* Трагический гуманизм: «Итальянская гуманистическая эпитафия» А.И. Хоментовской // Средние века. М., 2007. Вып.68 (4). С. 108-136.  
 Дело академика Жебелева // Правда. 1928. 29 ноября. №277. С. 4.  
 Еще о поступке акад. С.А.Жебелева // Красная газета. 29 ноября. № 329. С. 5.  
*Жебелев С.* Яков Иванович Смирнов. *Seminarium Kondakovianum*. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П. Кондакова. Вып. 2. Прага, 1928. С. 1-16.

<sup>51</sup> Там же. С. 126.

<sup>52</sup> Там же. С. 136.

- Заславский Д. Влюбленные антропосы // Правда. 1928. 11 декабря. № 287. (1)
- Заславский Д. Лихолетье старой науки: о “жебелевщине” // Революция и культура. 1928. № 23-24. С. 20-27. (2)
- Исключение акад. С.А. Жебелева // Красная газета. 1928. 22 ноября, № 322. С. 3.
- Исключение акад. С.А. Жебелева из членов секции научных работников // Ленинградская правда. 1928. 22 ноября, № 271. С. 5.
- Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 252 с.
- Клеветнические выступления в эмигрантских изданиях несовместимы с званием советского ученого. Московские и ленинградские ученые требуют исключения Жебелева из числа членов Академии Наук СССР // Известия. 1928. 23 ноября, № 272. С. 4.
- Клеветнические выступления некоторых ленинградских ученых в эмигрантском издании // Известия. 1928. 22 ноября, № 271. С. 4.
- Колчинский Э.И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928-1932) // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 577-669.
- Луцпол И.К. Об отношении советских ученых к научной эмиграции // Научный работник. 1928. № 12. С. 13-22.
- Максимова М. Из воспоминаний о С.А. Жебелеве // Советская археология. 1969. № 3. С. 86-90.
- Научные работники – против Жебелева. Академику Жебелеву – не место в Академии Наук // Ленинградская правда. 1928. 23 ноября, № 272. С. 5.
- О поступке академика С.А. Жебелева // Красная газета. 1928. 23 ноября, № 323. С. 3.
- Перченко Ф.Ф. Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс. Феникс. Atheneum, 1991. С. 163-235.
- Президиум Академии Наук об акад. С.А. Жебелеве // Красная газета. 30 ноября. № 330. С. 3.
- Письма М.И. Ростовцева А.М. Тальгрону / Публ. Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункиной // Скифский роман, М.: РОССПЭН, 1997. С. 501-515.
- Протест ВАРНИТСО против выступлений некоторых ученых в эмигрантской прессе // Правда. 1928. 27 ноября. № 275. С. 6.
- С негодованием осуждаем выступление Жебелева. Постановление секции просвещения Ленсовета // Ленинградская правда. 1928. 24 ноября. № 273. С. 5.
- Тункина И.В. «Дело» академика Жебелева // Древний мир и миф. Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. II. Санкт-Петербург: Алетейя. 2000. С. 116-161.
- Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Общ. ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина, М.: РОССПЭН, 1997. С. 84-123.
- Ученые о поступке академика С.А. Жебелева // Красная газета. 1928. 24 ноября. № 324. С. 3.
- Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия. СПб., Изд-во С-Пб. Унта, 1995. 272 с.

**Еремеева Светлана Анатольевна**, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры истории и теории культуры факультета искусств РГГУ; u5020@yandex.ru

*М. Ц. АРЗАКАНЯН*

## **АНДРЕ МАЛЬРО И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

---

Автор останавливается на одной из самых интересных страниц жизни и деятельности французского писателя Андре Мальро – его отношениях с представителями творческой интеллигенции молодого Советского государства. Тема представлена главным образом сквозь призму воспоминаний о писателе и документов, хранящихся в московских архивах.

**Ключевые слова:** *Мальро, СССР, советские писатели, художественная литература, кинематограф, творчество.*

---

Известный французский писатель, общественный и политический деятель, министр культуры Франции в период президентства де Голля Андре Мальро (3 ноября 1901 – 23 ноября 1976) – знаковая, хотя и противоречивая фигура. В нашей стране послевоенные поколения практически не знакомы с его многогранным творчеством. В конце XX в. в России были переведены и изданы в сборниках лишь некоторые из его произведений. Но в далекие 1930-е гг. писатель слыл левым, симпатизировал молодой стране Советов, дружил с представителями ее творческой интеллигенции и приезжал в Советский Союз. Об этом и пойдет речь.

Мальро родился в Париже. Брак его родителей не был счастливым, вскоре после рождения мальчика супруги развелись. Андре воспитывали женщины – мать, бабушка и сестра бабушки. Семья, жившая в парижском пригороде Бонди, была вполне обеспеченной, держала собственную бакалейную лавку. Поэтому мальчику никогда ни в чем не отказывали. Он учился сначала в средней школе Бонди, а затем в лицее Тюрго в Париже. У Андре не было пристрастия к какому-то одному предмету. И вообще он предпочитал сам заниматься своим образованием. Недаром многочисленные биографы Мальро назовут своего героя великим самоучкой. Главным «учителем» мальчика становится книга. Все свое свободное время он проводит в библиотеке. В 1918 г. Андре пытается поступить в лицей Кондорсе, но его не принимают. Тогда семнадцатилетний Мальро отказывается сдавать экзамены на бакалавра, чтобы получить диплом о среднем образовании, покидает материнский дом и обосновывается в Париже. Он по-прежнему увлекается литературой, а теперь еще и искусством, связывается с букинистами и антикварами и занимается перепродажей редких книг.

Мальро не забывает и о собственном образовании. Теперь значительную часть своего свободного времени он проводит в Национальной библиотеке Парижа. По книгам Андре впервые знакомится и с Россией. Он любит романы великих русских писателей, прежде всего Толстого и Достоевского. Ему кажутся чем-то сродни их герои. Мальро и сам начинает писать. Пока это статьи о современной литературе и живописи. Он публикует их в различных периодических изданиях.

В первой половине 1920-х гг. Мальро много путешествует, сначала по Европе, затем по Азии. Некоторое время он проводит в Индокитае, где начинает симпатизировать идеям либерально-демократических реформ во французских колониях. Вместе с тем в Камбодже Мальро ведет жизнь настоящего авантюриста, если не сказать преступника. В старинном храме города Ангкор он, ни много ни мало, как выламывает статуи и горельефы, чтобы выгодно продать их на родине. Они были обнаружены в его багаже при пересечении границы<sup>1</sup>. Это принесло молодому писателю большие неприятности. Преодолев их, Мальро опять отправляется на Восток, теперь в Гонконг, где становится свидетелем Китайской революции, которую приветствует.

После возвращения в Париж из Азии Мальро твердо решает стать настоящим литератором. Он очень общителен. Во второй половине 1920-х гг. в круг его друзей и знакомых входят писатели Андре Жид, Анри де Монтерлан, Пьер Дриё Ля Рошель, поэт Макс Жакоб, издатель Бернар Грассе, художники Пабло Пикассо и Марк Шагал.

В 1926 г. выходит в свет первый роман писателя «Искушение Запада» о кризисе традиционных ценностей современной западной цивилизации. В 1928 г. появляется роман Мальро «Завоеватели», посвященный событиям Китайской революции 1925 г. Роман «Королевская дорога» увидел свет в 1930 г.

Мальро не может долго находиться на одном месте. Тяга к путешествиям – одна из основных черт его натуры. Он сохранит ее на всю жизнь. В 1929 г., пока издательство «Грассе» готовило к выпуску в свет «Королевскую дорогу», писатель, отчасти на средства, выделенные другим издательским домом – «Галлимар» – отправляется в дальний путь. Он опять едет в Азию. Мальро посещает Персию, Афганистан, и даже окраины молодого Советского государства – Батуми, Баку и Одессу.

По политическим убеждениям Мальро явно тяготеет к левым, по некоторым утверждениям – даже к коммунистам. Во всяком случае, в конце 20-х гг. он вступает в Ассоциацию революционных писателей и

---

<sup>1</sup> РГВА. Ф.1-К. Оп.13. Д.5158. Мкф.

художников, находящуюся под контролем Коминтерна. Писатель проявляет явный интерес к СССР, стране, в которой победила революция. Он увлечен личностью Льва Троцкого. Правда сам революционер, высланный из Советского Союза и находящийся в Европе, упрекает Мальро за то, что в «Завоевателях» он слишком вольно описал Китайскую революцию. Между ними разгорается полемика на страницах западной прессы.

Мальро, страстно увлекающийся изобразительным искусством, театром и кино, очень высоко оценивает киноленту Сергея Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», хорошо относится к поэзии Маяковского. В начале 1930-х гг. начинается общение писателя в Париже с русскими белоэмигрантами, а также деятелями советской культуры, посещающими столицу Франции. В 1930 г. в Париж приезжает Сергей Эйзенштейн. Мальро сразу с ним знакомится. Советский кинорежиссер в своих мемуарах так описывает французского писателя:

«Он был еще очень молод. Одна непослушная прядь волос уже падала на его лицо, как и много лет спустя, когда мы с ним прогуливались по улицам Москвы в районе гостиницы «Националь». Он хвастался своей действительно феноменальной памятью. Он знал наизусть... всего Достоевского.

Хотите, я вам прочитаю любой отрывок из его романов!

Он останавливался и с патетикой декламировал начало грустной истории князя Мышкина, потом отрывок из «Братьев Карамазовых», а затем монолог Раскольникова. Я взял его за руку и повел в гостиницу»<sup>2</sup>.

В 1932 г. в Париж приезжает Илья Эренбург. Между писателями сразу завязываются теплые отношения. Эренбург становится настоящим пропагандистом творчества Мальро в Советском Союзе. Именно благодаря его стараниям о писателе и его произведениях узнали в нашей стране и стали их публиковать, правда, сначала лишь в отрывках. Эренбург так описал самого Мальро на страницах «Литературной газеты»: «У Мальро очень красивое, даже женоподобное лицо. Он нервозен. Он говорит, но не умеет слушать. Его страстные монологи подобны вихрю: он всегда возвращается к одной и той же идее. Все снобы и эстеты поют ему дифирамбы. Между тем он бывает и на коммунистических митингах»<sup>3</sup>. В других литературных периодических изданиях СССР – в «Иностранной литературе», «Молодой гвардии», «Знамени» – также появляются заметки о творчестве и отдельных произведениях Андре Мальро.

1933 год стал важной вехой в жизни Мальро. Он опубликовал свой знаменитый роман «Удел человеческий». Место действия – опять Восток, сюжет – неудачное революционное восстание в Шанхае в 1927 г.,

---

<sup>2</sup> Эйзенштейн. 1997. С. 87.

<sup>3</sup> Литературная газета. 24.02.1934.

жестоко подавленное войсками Чан Кайши. Автор заявил, что в своей книге он попытался представить несколько образов человеческого величия и что разыскал их среди китайских коммунистов. За «Удел человеческий» Мальро был удостоен высшей литературной награды Франции – Гонкуровской премии.

В августе 1933 г. состоялась личная встреча Мальро с Троцким, прибывшим во Францию. Несмотря на былые разногласия, писатель выказал знаменитому советскому революционеру явную симпатию. В Москве предпочли не заметить этот эпизод. В советской печати появились лишь многочисленные отклики на новый роман Мальро. Так, например, в «Знамени» А. Лейтес подчеркивал: «Творческий путь Мальро привел его на позиции глубоко продуманного и прочувственного восхищения перед коммунистами, коммунизмом и той страной, которая на 1/6 части земного шара осуществляет коммунистические принципы»<sup>4</sup>. Однако, перевели книгу только после первого посещения Мальро Советского Союза. Она была напечатана в журнале «Нева» в 1935 г. под названием «Условия человеческого существования».

Осенью 1933 г. Мальро активно включается в общественно-политическую жизнь. В Германии пришли к власти фашисты и начали борьбу с левыми. В тюремных застенках оказались известные коммунисты Георгий Димитров и Эрнст Тельман. Мальро собирает подписи под петицией за освобождение заключенных и везет их списки вместе с Андре Жидом в ноябре в Берлин, чтобы вручить фашистскому руководству.

В 1934 г. Андре Мальро впервые едет в Советский Союз. Эренбург давно предлагал ему посетить СССР. И вот представился удобный случай. В августе в Москве собирается Первый всесоюзный съезд советских писателей. С подачи Эренбурга Мальро приглашают принять в нем участие. Писатель с удовольствием собирается в путь. Ему очень интересно посмотреть страну, в которой победила социалистическая революция. Уже решено, что Мальро пробудет в Советском Союзе четыре месяца. В начале июня в сопровождении Эренбурга Мальро выезжает из Парижа в Лондон и оттуда пароходом в Ленинград. Мальро был очарован городом на Неве. Он обошел почти все музеи, посетил знаменитые дворцы в пригородах, много общался с самыми разными людьми. Из Ленинграда писатель прибыл в Москву. Опять музеи и выставки, экскурсии по древней столице. Писатель с интересом наблюдал, как живут советские люди. Ему нравилось в СССР. Он восклицал: «Я считаю, что родилась новая цивилизация, когда главное горе эпохи вмиг

---

<sup>4</sup> Знамя. 1934. Февраль-март.

стало ее достижением. Рабское унижение обернулось христианским спасением. Ненавистный для рабочих труд, который был формой их угнетения, теперь превратился в их достоинство. Только СССР стремится придать смысл труду, труду для всех. Именно через это страна вступает в новую цивилизацию, тогда как все предыдущие базировались на ценностях войн или созерцания. Ее надо защищать и идейно и с оружием в руках, если она подвергнется нападению, если капиталистические нации вознамерятся ее разрушить, так как сегодня она – единственная надежда масс Западной Европы»<sup>5</sup>.

Мальро никогда не писал заранее своих речей. Он всегда импровизировал. Записывать и тем более переводить их на иностранные языки всегда было очень трудно. И тем не менее в СССР некоторые выступления писателя были застенографированы и переведены. Их отрывки публиковались в периодической печати. Речь Мальро на Первом всесоюзном съезде советских писателей – «Искусство – это завоевание» – произвела большое впечатление на присутствующих и показала, что приехавший в качестве гостя французский писатель – прекрасный оратор. Суть речи было уловить трудно, но какой она была возвышенной!

«Писатели, инженеры человеческих душ, не забывайте, что высочайшая функция инженера – творчество, – буквально декламировал Мальро. – Искусство – не смирение, искусство – завоевание. Что искусство завоевывает? Чувства и способы их выражения. Над чем одерживает победу? Почти всегда над бессознательным, очень часто над логикой..., когда множество наших писателей пишут для призраков или для людей будущего, вы, похожие друг на друга и тем не менее разные, как две руки одного тела, закладываете здесь основы цивилизации, которая породит своих Шекспиров... Мир ждет от вас не только показа того, кто вы есть в действительности, но и показа того, что выше вас, и скоро лишь одни вы сможете показать миру все это»<sup>6</sup>.

Мальро завел в Москве обширные связи. Он познакомился с Максимом Горьким, Алексеем Толстым, Борисом Пастернаком, Исааком Бабелем, Михаилом Кольцовым. Его интересовали и театральные деятели. Писатель завязал контакты с Всеволодом Мейерхольдом, Соломоном Михоэлсом, Александром Таировым. Он был очень рад встрече со своим давним знакомым Сергеем Эйзенштейном. Мальро нравилась и приставленная к нему сопровождающая и переводчица Болеслава Болеславская, которую он звал просто Боля. Из Москвы писатель отправился в двухнедельную поездку по Сибири, где он изъявил желание посмотреть, как живут простые труженики колхозов и совхозов.

---

<sup>5</sup> Melanges Malraux – Miscellany/ Volume 17/ 1/2. 1985.

<sup>6</sup> Мальро. 1989. С. 67-68.



В сентябре 1934 г. полный впечатлений писатель вернулся в Париж. В следующем месяце по инициативе Ассоциации революционных писателей и художников Франции он выступил с отчетом о работе московского съезда, на котором только что побывал. Его речь, как обычно, произнесенная с большим пафосом, свидетельствовала о восторженном восприятии увиденного в СССР:

«То и дело говорят о подозрительности, недоверии, с которым молодое советское общество, так часто оказывавшееся в опасности, вынуждено относиться к человеку, – подчеркивал Мальро. – Будем осторожны в словах: эта подозрительность распространяется только на отдельную личность. Что же касается человека вообще, то, напротив, доверие, оказываемое ему советами, быть может, самое большое за всю историю. Любовь к детям сделала из них пионеров. Женщина царской России, чье положение было, пожалуй, самым униженным и тяжелым в Европе, превратилась, благодаря доверию к ней, в советскую женщину, проявляющую сегодня поразительную волю и сознательность. Трудом воров и убийц построен Беломорканал. Из беспризорников, которые тоже почти все были ворами, созданы коммуны по перевоспитанию»<sup>7</sup>.

В СССР Мальро восприняли как настоящего друга страны Советов, революционного писателя, близкого к коммунистам. На протяжении 1930-х гг. его произведения переводились на русский язык и публиковались полностью и частями в различных журналах и газетах. Надо сказать, что это принесло автору неплохой доход.

Творчество Мальро стало объектом пристального внимания советских литературоведов. Они не стеснялись говорить о стиле писателя то, что думали, а о нем самом – что знали. Так, например, в феврале 1935 г. Мальро было посвящено специальное заседание в Союзе советских писателей. С основным докладом о нем выступил известный литературовед И.И. Анисимов. Он отметил, что Мальро – «художник исключительного своеобразия», «неповторимая творческая индивидуальность», «резко разорвал с культурой капитализма», «исходит из убеждения исчерпанности и даже фальшивости современной цивилизации». Но далее, характеризуя стиль писателя, критик указал: «Мальро пишет захлебываясь. У него амальгама всего, даже когда потрясение у него очень велико. Обыкновенно он скачет через образы, через картины и, если заканчивает фразу, то только из снисхождения к нам, потому что без этого не пойдем. Он мог бы оборвать фразу и поставить три точки, но это не принято, потому он идет дальше. Для него важен человеческий пафос, человек как таковой»<sup>8</sup>. Выступивший в прениях по докладу дру-

---

<sup>7</sup> Там же. С. 77-78.

<sup>8</sup> РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 42.

гой советский литературовед, Ромов, доложил о том, что ему удалось узнать о прошлом французского писателя. «Мальро поехал в Индокитай, – поведал он, – чтобы найти там обстановку, в которой могла бы развернуться авантюра его личной жизни. Его привлекала также и старая культура. Мальро часто думает как искусствовед. Он влюблен в искусство... он там украл что-то и по поводу этой кражи была страшная кутерьма во Франции. Писались какие-то петиции с просьбой просто освободить его как воришку, который украл какую-то скульптуру»<sup>9</sup>.

Такие высказывания членов Союза писателей совсем не помешали им иметь с Мальро тесные контакты. В 1935-1939 гг. иностранная комиссия Союза ведет с ним постоянную переписку. Адресатами Мальро в СССР стали также режиссер Камерного театра Таиров, редактор «Литературной газеты» Рокотов, переводчица Боля Болеславская и др.

1935 год прошел для Мальро под знаком борьбы с немецким фашизмом. Весной писатель выпускает повесть «Годы презрения». Ее герой – немецкий коммунист-подпольщик Касснер, попавший в тюрьму. Мальро рисует портрет человека, который в тяжелый момент испытаний проявляет твердую волю и самые высокие моральные качества. Илья Эренбург сразу же перевел повесть на русский язык, и она в том же году была издана в Москве отдельной книжечкой.

Мальро со свойственной ему энергией участвует в антифашистских манифестациях. В июне 1935 г. он председательствует в Париже на Первом международном конгрессе в защиту культуры. В декабре писатель вместе с Андре Жидом организывает митинг, приуроченный ко второй годовщине освобождения Димитрова, на котором также создается комитет в защиту Тельмана.

Бурная деятельность Мальро во Франции и его связи с Советским Союзом вызывают подозрения у властей. Комитет национальной безопасности Франции, имевший своих осведомителей, завел на писателя досье. Информация о нем поступала самая разная. Сообщалось о его прошлой деятельности в Индокитае, о том, что он дружен с Эренбургом и близок к французским коммунистам. Некоторые из них, впрочем, считали, что Мальро сам агент Комитета национальной безопасности<sup>10</sup>. Подтвердить такие утверждения, или же, наоборот, опровергнуть с фактами в руках до сих пор никто не может.

В начале 1935 г. Мальро опять собирается в СССР. В марте «Вечерняя Москва» сообщила: французский романист Андре Мальро, из-

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> РГВА. Ф. 1-К. Оп. 13. Д. 5158. Мкф.

вестный своим романом «Удел человеческий», заявил сотруднику парижской вечерней газеты «Энтрансижан», что в недалеком будущем он направляется в СССР. Во время пребывания в Париже В.Э. Мейерхольда писатель договорился с ним о том, что будет вместе с ним работать в Москве над сценической адаптацией своего романа, выдержавшего во Франции в течение года до 30 изданий (тема романа – китайская революция). Пять лет назад, – сказал Андре Мальро, – я видел в Париже «Ревизора» и вполне доверяю Мейерхольду как одному из лучших режиссеров современности. Я надеюсь, что уже в мае парижане смогут увидеть на сцене героев моего романа в трактовке советского режиссера»<sup>11</sup>.

В марте 1936 г. Мальро и впрямь появляется в СССР. В Москве он встречается с советскими деятелями литературы и искусства. С Мейерхольдом Мальро действительно обсуждает возможность постановки на театральной сцене «Удела человеческого». Хотя вообще он уже мечтает, чтобы по его самому известному роману был сделан фильм. Писатель очень хочет, чтобы снял его Сергей Эйзенштейн. Он отправляется на встречу со знаменитым кинорежиссером в Кисловодск, где тот работает над очередной картиной. Писатель с радостью общается со своим давним приятелем, а заодно любуется красотами Кавказа. Правда, ни к какой договоренности о съемке фильма Мальро и Эйзенштейн не пришли.

Мальро задумал также совместный проект с Николаем Бухариным, который занимался не только государственной деятельностью, но и был академиком Академии Наук СССР. Они решили выпустить Всемирную энциклопедию литературы и искусства. Мальро в сопровождении Бабеля и Кольцова отправился к Горькому в Крым, где писатель отдыхал на своей даче. Мальро очень надеялся, что Горький поддержит его проект, но после встречи Горький писал Р. Роллану: «Мальро явился в прекрасной форме и тут же взялся за работу. Я не верю в международный проект по Энциклопедии. Я думаю, что будет совершенно невозможно преодолеть марксophobia англичан и двух третей французов. Ну, посмотрим»<sup>12</sup>.

Мальро и на этот раз возвращается домой очень довольным. А в СССР о нем снова много пишут. Болеславская выслала писателю 64 вырезки из советских газет и журналов, посвященных его второму пребыванию в Советском Союзе.

1936 год во Франции прошел под знаком сплочения левых политических сил в борьбе против угрозы фашизма. В мае было сформировано правительство Народного фронта во главе с социалистом Леоном Блю-

---

<sup>11</sup> Вечерняя Москва. 10.03.1936.

<sup>12</sup> Kouchkine. 2004. P. 262.

мом. Однако Мальро не принимает активного участия в политических баталиях у себя на родине. В том же году началась Гражданская война в Испании. Мятежному генералу Франко, выступившему против законного демократического испанского правительства, сразу начали помогать фашистские государства – Германия, Италия и Португалия. Франция и Англия заняли позицию невмешательства. Часть французского общества осудила подобную политику. Коммунисты и представители других, преимущественно левых, партий, а также многие известные французские интеллектуалы приняли активное участие в сборе средств для законного правительства Испании и создания интернациональных бригад, сражавшихся на стороне республиканской армии против франкистов. Непосредственное участие в формировании интербригад принял Коминтерн.

Мальро лично развернул интенсивную деятельность. Он выступил организатором покупки и переправки самолетов республиканцам. Это сразу было отмечено в Комитете национальной безопасности Франции. В одной из его докладных записок утверждалось: «...писатель коммунист Андре Мальро, выполняющий миссию Коминтерна, только что отправился в Испанию на борту самолета, пилотируемого Корнильон-Молинье»<sup>13</sup>. Вряд ли Мальро действительно получил задание от руководителей Коминтерна, да и членом Французской коммунистической партии он никогда не был. Но за Пиренеи писатель действительно поехал. Там он встал во главе эскадрильи «Испания» и сам поднимался в воздух вместе с пилотами, осуществлявшими бомбардировки близ Мадрида и Толедо, а также в Валенсии и других областях страны.

Только в начале 1937 г. Мальро возвратился в Париж. В столице Франции он выступает на массовых митингах в защиту испанских республиканцев. Его вид и красноречие как всегда производили большое впечатление на слушателей. Присутствовавший на одном из митингов известный писатель Франсуа Мориак записал: На красноватом фоне сумерек появляется бледный Мальро и застывает в своей величественности. Сразу овации».<sup>14</sup>

Во второй половине 1937 г. Мальро берется за перо. Сюжет продиктовала сама жизнь. Он пишет роман «Надежда» о событиях Гражданской войны в Испании. У писателя появляется идея сделать по этому произведению фильм. И в следующем году он отправляется в Барселону на съемки. Однако уже в январе 1939 г. город был взят войсками Франко, поэтому монтаж фильма Мальро пришлось делать в Париже.

<sup>13</sup> РГВА. Ф. 1-К. Оп. 13. Д. 5158. Мкф.

<sup>14</sup> Le Monde. 22.11.1996.

В СССР популярность Мальро после его участия в Гражданской войне в Испании еще более выросла. Простые люди, рабочие, восхищались его творчеством и писали в его адрес открытые письма. Вот одно из них: «Мы, машинисты-стахановцы, члены центрального читательского клуба железнодорожников города Днепропетровска, посылаем самые теплые слова выдающемуся писателю французского народа, почитающего ее революционные традиции. Мы приветствуем Андре Мальро, ревностного борца против фашистского варварства, настоящего большого артиста, который отдал свой блестящий талант и свое горячее сердце службе трудящимся революционным массам и их борьбе за обновление удела человеческого. Мы требуем от писателя новых произведений. И пусть они как пули поразят фашистскую реакцию»<sup>15</sup>.

В это самое время сталинские чистки были в самом разгаре. Некоторых друзей Мальро уже не было в живых. Бухарин был расстрелян в 1938 г. Кольцова, Бабеля и Мейерхольда арестовали. Эренбург сообщил об этом Мальро. Но писатель не придавал таким событиям особого значения. Тем временем его имя не раз упоминалось на допросах арестованных советских литераторов. Говорил о нем Исаак Бабель. Сначала он сказал, что его познакомил с Мальро в 1933 г. в Париже Эренбург, который был о нем «чрезвычайно высокого мнения, представив мне его как одного из ярких представителей молодой радикальной Франции»<sup>16</sup>. Затем Бабель заявил буквально следующее: «В 1933-м, во время моей второй поездки в Париж, я был вербован для шпионской работы в пользу Франции писателем Андре Мальро»<sup>17</sup>. Потом, правда, Бабель в своих показаниях настаивал на том, что Мальро «не вербовал его» и что он «друг Советского Союза»<sup>18</sup>. Можно ли верить тому, что говорил Бабель? Не могли ли быть сказаны его слова под пыткой? Судить очень трудно. К тому же отметим, что излагающий протоколы допросов писателей В.А. Шенталинский в своей книге «Рабы свободы» не делает никаких ссылок на архивы КГБ и Прокуратуры СССР, в которых он работал.

А Мальро в первой половине 1939 г. был озабочен только окончанием монтажа своего фильма о Гражданской войне в Испании. В июне он посылает очень интересное письмо Болеславской:

«Дорогая Боля, фильм закончен, и, возможно, мне придется поехать в Москву, чтобы им заняться... Бесполезно говорить, что ввиду нужды я предпочел бы

<sup>15</sup> Kouchkine. 2004. P. 262-263.

<sup>16</sup> Шенталинский. 2009. С. 37-38.

<sup>17</sup> Там же. С. 37.

<sup>18</sup> Там же. С. 90.

использовать свои рубли скорее, чем франки, редкие в этом сезоне. Раз вы снова работаете у господ писателей, не могли бы вы сделать небольшой поход в сторону моего текущего счета в рублях в Гослитгиздате и сообщить мне: 1. Сколько их у меня остается. 2. Как стоимость билета на советский пароход смогла бы быть переведена в Париж или Лондон. Если вы сообщите мне эти сведения, вы будете как всегда человеком полным действительности»<sup>19</sup>.

Ответа на свое письмо Мальро не получил, потому что примерно в то время, когда он его отправлял, Болеславская тоже была арестована.

В августе 1939 г. был заключен советско-германский пакт о ненападении. Он был воспринят во Франции самым негативным образом. Только представители Французской коммунистической партии приветствовали его подписание. Многие же деятели интеллигенции, с симпатией относящиеся к стране Советов, теперь осуждали ее руководство. После начала Второй мировой войны Мальро, которого долгие годы связывали с СССР и советскими людьми дружественные узы, не стал публично осуждать политику Советского Союза. Однако отношение к коммунистическому движению он резко поменял и поспешил отмежеваться от него. Об этом свидетельствуют архивные документы.

В одной из докладных записок Комитета национальной безопасности Франции, относящихся к январю 1940 г., содержатся следующие сведения: «Получены данные, что Андре Мальро собирается в ближайшее время поступить на военную службу. Перед вступлением в ряды армии он распространяет некое сочинение, которое только что написал. В нем он прямо нападает на страну Советов, а также утверждает, что никогда не был членом коммунистической партии...»<sup>20</sup>. Еще одна любопытная информация о Мальро поступает в Коминтерн от французского писателя-коммуниста Жана-Ришара Блока, который во время войны находился в Москве и писал для Коминтерна справки о положении во Франции. В одной из них он утверждал: «В начале войны в чилийском посольстве в Париже в присутствии коммуниста-советника посольства разыгрался грандиозный скандал. Жена Арагона попросила у Мальро подписи под петицией в защиту одного интеллигента. Он пришел в страшное бешенство и заявил дословно: «вы, коммунисты имеете только одно право – молчать. Вас надо только ставить к стенке, иначе с вами обращаться нельзя». Он несколько раз хотел вступить в армию, но требовал для себя высокого офицерского чина. В конце концов он записался в какую-то танковую часть»<sup>21</sup>.

<sup>19</sup> РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 746.

<sup>20</sup> РГВА. Ф. 1-К. Оп. 13. Д. 5158. Мкф.

<sup>21</sup> РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 126.

Вторая мировая война и начавшиеся в мае 1940 г. военные действия на Западном фронте в корне изменили жизнь Андре Мальро. События на долгие годы отдалили писателя от Советского Союза.

### **БИБЛИОГРАФИЯ**

Вечерняя Москва. 10.03.1936.

Знамя. 1934. Февраль-март.

Литературная газета. 24.02.1934.

*Мальро А.* Зеркало лимба. М.: Прогресс, 1989, 520 с.

Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Российский Государственный военный архив (РГВА).

Российский Государственный архив современной истории (РГАСПИ).

*Шенталинский В.А.* Рабы свободы. М.: Прогресс-плеяда, 2009, 588 с.

*Эйзенштейн С.М.* Мемуары. М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997.

Т.1, 431 с.

*Kouchkine E.* L'image d'André Malraux en URSS depuis les années 1930. Malraux en Russie – André Malraux et le rayonnement de la France. P.,2004.

Melanges Malraux – Miscellany / Volume 17. 1/2. 1985

Le Monde. 22.11/1996.

*Арзаканян Марина Цолаковна*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; arzakanian@mail.ru

Т. В. ЧУМАКОВА

## ПОДГОТОВКА К ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1937 ГОДА СОЗДАНИЕ КАРТЫ РЕЛИГИЙ СССР

---

Автор анализирует подготовку к Всесоюзной переписи 1937 года. В этой переписи впервые в советской истории был поставлен вопрос о религиозной принадлежности респондентов, в связи с чем был подготовлен справочник о религиях в СССР. Фактически учеными была составлена «карта» религий, которая позволяет представить разнообразие религиозных практик в СССР в середине 1930-х гг. К статье прилагается «Систематический указатель вероучений (религий)».

**Ключевые слова:** *свобода совести, антропология религии, сталинские репрессии, история статистики, история науки, история религии.*

---

Одним из ключевых событий 30-х годов XX века была перепись 1937 года, результаты которой стали одной из причин большого террора 1937–38 гг. Вторая всесоюзная перепись населения в СССР была проведена 6 января 1937 года. Предыдущие советские переписи проходили в 1920, 1923 и 1926 гг., а в 1932 г. прошла пробная перепись. Последнюю перепись 1926 г. отделяли от переписи 1937 г. не просто одиннадцать лет, а целая череда «дел», из которых, прежде всего, вспоминается «академическое дело» 1929–31 гг.<sup>1</sup>, «дело славистов» (1933–34)<sup>2</sup> и дело «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», проходившее в период подготовки переписи 1937 г. Казалось бы, здравый смысл должен был заставить ученых (социологов, этнографов, историков религии) постараться создать продукт, который мог бы удовлетворить «заказчика», но они, изучив международный опыт<sup>3</sup>, подготовили такие вопросники и инструкции для переписчиков, которые позволили получить максимально объективные результаты.

Впрочем, советское правительство оказалось иного мнения, что не удивительно, ведь результаты переписи сильно расходились с официально озвученными. И это касалось не только численности населения СССР (по данным переписи 162 млн. чел., а по официальным данным – никак не меньше 170 млн.), но и состояния его религиозности. Уже в начале 1930-х гг. советские чиновники пребывали в уверенности, что религия, будучи пережитком феодализма и капитализма, в социалистическом государстве умерла, и единственные ее приверженцы – это люди

---

<sup>1</sup> См. *Перченко*. 1995. С. 201–235.

<sup>2</sup> См. *Ашин, Алтаов*. 1994.

<sup>3</sup> По результатам исследований была подготовлена монография: *Гозулов*. 1936.



пожилого возраста. Перепись показала обратное. Верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 56,7% от всех выразивших свое отношение к религии<sup>4</sup> (из них две трети крестьян и одна треть горожан, среди которых было немало рабочих и молодежи). Меньше чем через три месяца после проведения переписи ее главные организаторы – начальник бюро переписи населения Олимпий Аристархович Квиткин и его заместитель Лазарь Соломонович Брандгендлер (Бранд), который лично занимался подготовкой комплекса инструкций по пятому пункту переписи «религия», были арестованы вместе с другими руководителями ЦУНХУ<sup>5</sup> и репрессированы, как и множество статистиков и рядовых переписчиков на местах. Осенью вышло постановление Совнаркома от 25 сентября 1937 года, в котором говорилось, что всесоюзная перепись 1937 г. проводилась «с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций»<sup>6</sup>. Результаты переписи были признаны недействительными<sup>7</sup>, ее материалы засекречены, и лишь в конце 1990-х годов исследователи смогли приступить к их изучению<sup>8</sup>.

При подготовке к переписи одним из наиболее сложных был вопрос о религиозной принадлежности респондента, который в предыдущих советских переписях не задавался. Исследователи считают, что решение о его внесении в вопросники было принято лично И.В. Сталиным. Руководство страны рассчитывало, что благодаря переписи будут получены отражающие действительность данные, которые вместе с тем покажут, каких огромных побед добился СССР в деле пропаганды атеизма. Возможно, что внесение пункта о религиозной принадлежности было спровоцировано наличием подобного вопроса в переписи, проведенной в Германии в 1933 г. Однако советские статистики в начале 30-х считали, что такие вопросы нельзя вносить, так как они предполагают слишком субъективные ответы и потому противоречат классическим требованиям статистической науки. Ответ может быть неточным, поскольку человек

---

<sup>4</sup> Жиромская. 2000.

<sup>5</sup> Максимова. 1996. С. 78-87.

<sup>6</sup> Волков. 1990. С. 6.

<sup>7</sup> В заключении специальной комиссии утверждалось: «1. Перепись была организована с нарушением самых элементарных правил. 2. Перепись была проведена вредительски, имея предвзятой задачей доказать фашистскую ложь о смерти в СССР от голода и эмиграции из СССР в связи с коллективизацией нескольких миллионов человек. 3. Пропущено при переписи, судя по вышеприведенным данным, не менее 4% населения или около 6,5 млн. человек». Цит. по: Блум, Местуле., 2006. С. 109.

<sup>8</sup> См.: Жиромская, Киселев, Поляков. 1996.

не всегда может объяснить характер своей религиозности, или же сознательно искажен из страха перед возможными последствиями. Ведь к тому времени на территории СССР была закрыта большая часть храмов разных христианских конфессий, закрывались мечети, синагоги, дацаны, приверженцы всех религиозных течений подвергались преследованиям. В этих условиях одни верующие были склонны скрывать свою религиозную принадлежность, другие, напротив, верили, что чем больше людей заявят о своей религиозности, тем больше откроют храмов, а третьи просто боялись этого вопроса и отказывались отвечать. Исследователи отмечают: по стране «поползли слухи, что верующих “будут обкладывать налогами”, что тех, кто записался верующим, “должны забрать”, что всех неверующих “выжгут фашисты, а война скоро будет”, что “верующих выселят из района, а детей выбросят из школы”»<sup>9</sup>.

Статистики предполагали, что ответ на пятый пункт опросного листа: «Религия», вызовет множество вопросов и разночтений. Первоначально вопрос о религии не собирались вносить в опросные листы, поскольку религия воспринималась как «чрезвычайно важный», но «исторически отмирающий» признак, который большинство стран в XX в. исключили из программы переписи населения». В монографии, выпущенной ЦУНХУ специально к переписи 1937 г., отмечалось: «Статистическая мысль приходит к убеждению, что, пользуясь арсеналом методов классической теории статистики, вряд ли стоит пытаться проникать в тайники человеческой совести. Этому не мало способствовали неясности и противоречия в определении признака религиозной принадлежности, которые сопутствовали обсуждению этого вопроса в международных статистических организациях... переписи населения фиксируют лишь формальную принадлежность к религии, и не ставят вопроса о самом факте религиозности, ибо это касается таких сторон сознания, где нарушается принцип “свободы” совести»<sup>10</sup>.

К чести статистиков, готовивших перепись, надо отметить, что они чрезвычайно ответственно подошли к постановке вопроса о религиозной принадлежности. Переписчики получили инструкцию, в которой подробно излагалось, как надо задавать этот вопрос, чтобы респондент понял, что речь идет не о том, к какой религиозной группе он принадлежит формально, а о том, каковы его собственные религиозные убеждения: «Ответ на этот вопрос заполнять только для лиц 16 лет и старше. Речь в этом вопросе идет не о вероисповедании, к которому опраши-

---

<sup>9</sup> Поляков, Жиромская, Киселев. 1990. С. 7.

<sup>10</sup> Гозулов. 1936. С. 130.

ваемого или его родители причислялись официально в прошлое время. Если опрашиваемый считал себя неверующим, записывать «неверующий», а для верующих, придерживающихся какого-либо определенного вероучения, записывать название религии (например, православный, лютеранин, баптист, молоканин, магометанин, иудей, буддист и т.п.)»<sup>11</sup>. С вопросом о составлении списка религий ЦУНХУ обратилось в Музей истории религии АН СССР, директором которого на тот момент был В.Г. Богораз (Тан)<sup>12</sup>, и в Институт философии Коммунистической академии (в начале 1936 г. перешел в состав АН СССР), при котором с 1928 г. существовала Комиссия по истории религии<sup>13</sup>, а также Антирелигиозный сектор, активным членом которой являлся известный исследователь русского религиозного свободомыслия и политический деятель В.Д. Бонч-Бруевич. Из официального письма руководства ЦУНХУ в МИР АН СССР в марте 1936 г. следует, что в чрезвычайно краткие сроки исследователи должны составить пособия к разработке материалов переписи по религиям, встречающимся в пределах СССР. Содержание этих пособий Бюро представляло себе следующим образом:

- 1) Перечисление всех позиций вероисповеданий, по которым будет разрабатываться материал. В 1897 году таких позиций, как известно, было 16<sup>14</sup>. По условиям машинной техники разработки переписи наиболее удобно было бы иметь не более 12 позиций, причем одна позиция предназначается для лиц, не принадлежащих ни к какому вероисповеданию, другая, сборная – для мало распространенных вероисповеданий, не отнесенных к определенным группам (так называемые «прочие»), третья – для лиц, не давших ясного ответа на вопрос о религии. Таким образом, для главных религий и примыкающих к ним вероучениям остается лишь 9 позиций.
- 2) Пособие, раскрывающее содержание каждой позиции (систематический список вероисповеданий), с перечислением всех относящихся к ней частей, синонимов и прочих названий, в том числе и устаревших, но могущих

---

<sup>11</sup> Там же. С. 132.

<sup>12</sup> Богораз Владимир Германович (псевдоним – Н.А. Тан, от имени Натан, данного при рождении, В.Г. Тан, Тан и др.) (1865–1936), этнограф, писатель. Один из зачинателей изучения народов Севера. В 1918 г. стал хранителем Музея антропологии и этнографии РАН. Был одним из инициаторов создания Института народов Севера и Музея истории религии АН СССР, директором которого он стал.

<sup>13</sup> Материалы Комиссии хранятся в Архиве РАН в фонде 355 (Оп. 1 а.).

<sup>14</sup> Позиции переписи 1897 г. по вероисповеданиям: православные и единоверцы; старообрядцы и уклоняющиеся от православия; армяно-грегориане; армяно-католики; римско-католики; лютеране; баптисты; менониты; англикане; лица остальных христианских исповеданий; караимы; иудеи; магометане; буддисты и ламиты; лица остальных нехристианских исповеданий.

встретиться в ответах на вопрос о религии. Тут же желательно дать указание, среди каких народностей и в каких частях СССР встречается преимущественно данная религия и с какими другими вероисповеданиями по названию или по родственности может быть смешана данная группа.

3) Словарь, в котором размещаются в алфавитном порядке все названия, встречающиеся в пособии № 2, с указанием позиций, к которым они относятся.

4) Пособия эти, как указано уже в нашем отношении от 15 марта с/г, должны быть готовы к 1 июня с/г; во всяком случае, основное пособие, список позиций религий (№1), необходимо иметь не позже этого срока. Так как к составлению пособия Вами уже приступлено (отношение от 26 марта № 69-08), составление пособий к сроку не представит по-видимому затруднений<sup>15</sup>.

Судя по переписке между В.Г. Богоразом и В.Д. Бонч-Бруевичем, они договорились о сотрудничестве. Главной проблемой для обоих был размер «списка религии». Бонч-Бруевич писал Богоразу: «Как видите, у них самих не установлена точка зрения как сделать список религий, религиозных групп, согласий и сект, – подробный или более узкий, – для всесоюзной переписи СССР. Я стою за подробный список, так как иначе ничего не выйдет, или выйдет та ерунда, которая была при статистике во время переписи по вероисповеданиям при самодержавном правительстве, когда записалось 2 миллиона различных представителей сект и согласий, а на самом деле тут же вслед за этим было научно установлено и доказано, что их было более 20 миллионов. Вероятно, Вы помните статью Пругавина в «Русской мысли», которую он подписал фамилией Борецкий: “Два или двадцать миллионов”»<sup>16</sup>. По всей видимости, Бонч-Бруевич считал, что список должен быть чрезвычайно обширным, поскольку отмечает, что необходимо «его сделать не таким сжатым, как это было в статистических таблицах при самодержавии, а наоборот, сделать исчерпывающие перечисления, так как надо твердо знать, что ни один сектант, ни один старообрядец ни в коем случае не запишет себя в другое, даже близко подходящее согласие, а сектант – в секту, а если только захочет сказать, то обязательно потребует точного наименования его вероисповедания»<sup>17</sup>. При этом он отмечает, что такие таблицы им были составлены в 1932 г. «для потребностей комвнудела»<sup>18</sup>.

---

<sup>15</sup> Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее ПФА РАН) Ф. 221. Оп. 2. Д. 61. Л. 7.

<sup>16</sup> ПФА РАН Ф. 221. Оп. 2. Д. 61. Л. 3.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> «Комвнудел» - это народный комиссариат внутренних дел (НКВД).

Богораз предложил Бюро переписи кандидатуры А.И. Клибанова<sup>19</sup>, А.А. Невского<sup>20</sup>, В.И. Недельского<sup>21</sup> и Г.О. Монзеллера<sup>22</sup>. Возможно, ученики Н.М. Маторина<sup>23</sup> Клибанов и Невский принимали участие в подготовке переписи, однако летом 1936 года они были арестованы по делу «контрреволюционной группы Н. М. Маторина», и их фамилии в итоговых документах не упоминаются. Впрочем, в документах о подготовке переписи сохранилось чрезвычайно мало фамилий разработчиков «списка религий», и можно предположить, что в них были оставлены имена лишь тех, кому удалось избежать репрессий по маторинскому делу (в частности раздел иудаизма готовил аспирант М.К. Азадковского М.И. Шахнович). В мае 1936 г. умер Богораз, и подготовкой переписи в Музее истории религии стали руководить новый заместитель директора МИРа В.О. Василенко<sup>24</sup> и ученый секретарь Ю.П. Францов<sup>25</sup>.

Новое руководство МИРа также требовало уточнений по пункту «Религия» в переписном листе, поскольку, как писал в ЦУНХУ Францов, этот пункт «при формальном опросе может дать совершенно меха-

---

<sup>19</sup> Клибанов Александр Ильич (1910–1994) – историк религии, специалист по истории религиозного свободоумствия в России.

<sup>20</sup> Невский Александр Арсеньевич (1898–1980) – историк религии, специалист по православию и народной религиозности.

<sup>21</sup> Недельский Владимир Ипполитович (1903–1958) – историк религии, специалист по раннему христианству.

<sup>22</sup> Монзеллер Георгий Оскарович (1900–1959) – востоковед, переводчик с японского и китайского языков. В 1936 г. в МИР АН СССР заведовал отделом нехристианских религий.

<sup>23</sup> Маторин (Моторин) Николай Михайлович (1898–1936) – исследователь религии, фольклорист, этнограф. После революции 1917 г. М. принимал активное участие в политической жизни страны, и с 1922 г. был секретарем Г.Е. Зиновьева, что впоследствии и послужило основанием для его ареста в качестве участника «троцкистско-зиновьевского блока». Был директором Института антропологии и этнографии АН СССР, активно занимался преподавательской деятельностью, работал в Музее истории религии АН СССР, руководил группой по изучению «бытового православия». Был арестован в 1935 г., расстрелян в 1936 г. По «делу Маторина» проходили также почти все его ученики и сотрудники, в результате чего российская этнографическая и религиоведческая науки понесли огромные потери, особенно в области изучения народной религиозности.

<sup>24</sup> В.О. Василенко возглавил третий отдел МИРа после арестов по делу «троцкистско-зиновьевского блока», поскольку А.М. Покровский, бывший заместителем директора МИРа В.Г. Богораз, также был репрессирован по этому делу.

<sup>25</sup> Францов (Францев) (Георгий) Юрий Павлович (1903–1969), философ, социолог, историк религии, общественный деятель, академик АН СССР. С 1939 по 1945 гг. – директор Музея истории религии АН СССР и зав. сектором истории религии и атеизма Института философии АН СССР.

нические представления о прежней принадлежности опрашиваемого к той или иной религии. Было бы желательным в инструкции этот вопрос несколько уточнить, например, дать вопрос «отношение к религии». В случае положительного ответа следующий вопрос задается о принадлежности к той или иной определенной религии»<sup>26</sup>.

Работа, проделанная в краткие сроки сотрудниками МИРа, не была бы возможна без многолетних исследований, которые проводились по изучению религиозных представлений народов, населявших СССР, и по составлению «карты религий СССР». Все эти усилия этнографов и историков религии нашли воплощение в «Перечне религиозных групп по позициям для переписи 1937 г.», с такими позициями: «Название религиозной группировки и ее подразделений», «Самоназвание и название», «Среди каких народов встречается», «Район распространения». Основных религиозных групп было девять. Первое место в перечне занимали православные, среди которых выделены четыре основные группы: «1) староцерковники: тихоновцы, иосифляне, григорьевцы, серафимовцы, викторовцы, сергиевцы и др.», и «2) обновленцы: живоцерковники, древле-апостольская церковь, союз церковного возрождения и др. (большей частью распались)», «3) Автокефалисты Украины и «4) Автокефалисты Грузии». Второе место отводилось армяно-грегорианам, за ними шли католики, протестанты разных течений, среди которых выделяли три: лютеране, кальвинисты и англикане. Пятую позицию занимали иудеи, которые также были разбиты на три группы: ашкинази (два течения: миснагим и хасиды), караимы и «другие течения, примыкающие к иудаизму» (иудействующие и субботники). Далее следовали мусульмане. Седьмая позиция была отведена «буддистам и ламаистам», разделенным на две группы: ламаисты, желто-шапочного толка (желтошапочники), и фоисты. Следующими шли шаманисты и группы, отделившиеся от них: бурханисты и последователи культа Хэри-мапа. Закрывающие список «прочие религии» включали в себя браманистов, конфуциан, огнепоклонников (парси и гвевры, проживавшие в Баку), а также последователей старых патриархально-родовых культов (марийская кугу-сорта (большая свеча), липопоклонники – удмурты и последователи «кузьки – мордовского бога»)<sup>27</sup>.

Впрочем, этот перечень не был окончательным, и возникший в результате долгих споров и переписки с ЦУНХУ «Систематический указатель вероучений (религий) и антирелигиозных группировок» существ-

<sup>26</sup> ПФА РАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 61. Л. 10.

<sup>27</sup> Там же. Л. 90 – 95.

венно от него отличался. В нем было 12 позиций (групп). Старообрядцы «поповского согласия» были отнесены к православным, а «беспоповцы» к «христианам прочих направлений». Группа 1 включала неверующих («синонимы: атеисты, неверие, атеизм; антирелигиозные, антирелигиозники, антихристы, безбожники, воинствующие безбожники, свободомыслящие»), безразличных к вопросам веры и сомневающимся («Философские мировоззрения: агностики, агностицизм; гуманисты, гуманизм; материалисты, материализм; моралисты, морализм; натуралисты, натурализм; научное мировоззрение; позитивисты, позитивизм»). Относительно ареала распространения этой группы говорилось, что они «распространены между всеми национальностями и по всей территории СССР». Самой разнообразной была группа 6 «Христиане прочих направлений: сектантство, секты, возникшие на почве православия и протестантства», она состояла из множества течений старообрядцев «беспоповцев», только «мелких групп» там было указано 18, и у всех были указаны не только самоназвания, но и места проживания, например: «Дыропеки. Проживали в Саратовском крае. 12. Пасхальники. Проживали в Черниговской обл. 13. Никудышники. Проживали в Астрахани».

Предпоследняя (11-я) группа включала в себя «прочие и неточно обозначенные религии». В нее попали не только «огнепоклонники», «браманисты» и «язычники», но и сторонники религиозно-философских систем: деисты, пантеисты, спиритуалисты, мистики, теософы, спириты, оккультисты, и последователи «христианской науки»<sup>28</sup>. Конечно, за столь краткий срок невозможно было бы составить столь подробную карту религий СССР без той работы, которую с начала 20-х годов проводили советские этнографы и исследователи религии. Работы по составлению религиозно-бытовой карты СССР шли сначала в Комиссии по изучению племенного состава населения СССР АН СССР (КИПС), преобразованной в 1930 г. в Институт по изучению народов СССР АН СССР (ИПИИ), а с начала 30-х и в Музее истории религии АН СССР.

В.Г. Богораз писал в 1934 г.: «В Музее истории религии с 1933 года работает секция по изучению религиозных верований народов СССР, которой руководит проф. Н.М. Маторин. Секция сосредоточила свое внимание главнейшим образом на изучении вопросов религиозного синкретизма и привлекла ряд историков религии, этнографов, археологов и фольклористов к своей работе. Кроме этого секцией создана значительная сеть корреспондентов – научных работников по СССР, особенно в национальных республиках и областях, с которыми поддержи-

---

<sup>28</sup> Там же. Л. 112.

ваются живейшая и постоянная связь. Филиалы секции созданы в Москве (при Центральном Антирелигиозном музее), в Калинин, Воронеже, Чебоксарах. Секция продолжает многолетнюю работу по составлению так наз. религиозных бытовых карт различных районов страны (чувашские кереметы, осетинские дзуары, дохристианские мольбища на территории Ленингр., Московской, Воронежской, Северной обл. и т.д.)»<sup>29</sup>.

Подготовка переписи 1937 г., ее проведение, ответы на вопросы анкеты и процессы над организаторами переписи, все это примеры выбора: выбора ученого, выбора религиозной принадлежности, выбора между жизнью и смертью, поскольку, начиная с года сталинского «великого перелома», советские люди не просто должны были жить под тотальным контролем государства, они должны были постоянно доказывать свою полную лояльность. Последующие переписи уже готовились и обрабатывались в согласии с «линией партии», и о свободе выбора, как гражданам СССР, так и статистикам, пришлось забыть на долгие десятилетия.

## ПРИЛОЖЕНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ВЕРОУЧЕНИЙ (РЕЛИГИЙ) И АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ ГРУППИРОВОК

ПФА РАН. Ф. 221. Оп.2. Д. 61. Л. 104–122

### Группа 1 (шифр X)

А. Неверующие : синонимы: атеисты, неверие, атеизм; антирелигиозные, антирегионизники, антихристы, безбожники, воинствующие безбожники, свободомыслящие.

Б. Безразличные к вопросам веры, религии, индифферентные; арелигиозные, без (вне) веры, вероисповедания, религии.

В. Сомневающиеся

Г. Философские мировоззрения: агностики, агностицизм; гуманисты, гуманизм; материалисты, материализм; моралисты, морализм; натуралисты, натурализм; научное мировоззрение; позитивисты, позитивизм.

Распространены между всеми национальностями и по всей территории СССР

### Группа 2 (шифр 0)

Православные, православные христиане; название религии: православие, православная церковь

А. Русское православие, российская греко-кафолическая церковь, восточно-ортодоксальная церковь

а. Старо-церковники; группировки: сергиевцы, тихоновцы, иосифляне, григорьевцы, викторовцы.

б. Обновленцы; группировки: живоцерковники (живая, красная церковь), древле-апостольская церковь, союз церковного возрождения

К русскому православию принадлежали кроме русских и белорусов также: болгары, бурят-монголы (частично), вепсы, воль, гагаузы, греки, зыряне, ижоры, ительмены, карелы, корейцы (частично), манси, марийцы, мишари (частично)

---

<sup>29</sup> ПФА РАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 41. Л.13.



л.105

мордва, нивхи (частично), ойроты (частично), осетины (частично), пермяки, румыны, саами, сербы, татары (кряшены), удмурты, ханты, цыгане (частично), чехи, чувашаи, эвенки (частично), эсты (полуверцы)

Русское православие распространено было по всей территории Союза, главным образом в РСФСР и БССР.

Б. Автокефалисты Украины, украинская церковь

К ней принадлежали: украинцы, молдаване и другие народности проживавшие в УССР.

В. Автокефалисты Грузии, грузинская церковь

К ней принадлежали: грузины, айсоры (частично), бацбии, мегрелы, удины.

Проживали в ССР Грузии.

Г. Национальные греческая, болгарская, румынская, сербская церкви. К ним принадлежали выходцы из соответствующих стран

Д. Единоверцы, единоверие; самоназвание – православные старообрядцы. К ним принадлежали русские; проживали повсеместно, главным образом в Москве, Ленинграде и следующих республиках, краях и областях: Горьковском, Западной, Ивановской, Кировской, Одесской, Оренбургской, Саратовском, Свердловской, Татарской, Черниговской

Е. Старообрядцы, примыкающие к православным: синонимы: старoverы, раскольники, кержаки; название вероисповедания: старообрядчество, раскол, по старой вере.

Было распространено почти исключительно среди русских

Распадалось на следующие группы:

а) Поповцы, признающие духовенство австрийской иерархии; самоназвание: старообрядцы белокриницкой иерархии, австрийской иерархии, приемлющие священство Проживали: в Москве, Ленинграде и в республиках, краях и областях: Азово-Черноморской, Горьковском, Дальне-Восточном, Западной, Западно-Сибирском, Красноярском, Куйбышевском, Молдавской, Ойротской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Сев. Кавказском, Татарской, Черниговской

б) Поповцы, принимающие духовенство, переходившее от главенствующей православной церкви: беглопоповцы, перемазанцы, диаконовцы, лужковцы, бутровцы Проживали в республиках, краях и областях: Азово-Черноморской, Бурят-Монгольской, Горьковском, Западной, Курской, Московской, Свердловской, Черниговской.

в) Поповцы, использующие православное духовенство: спасовцы, спасово согласие, староспасовцы, глухая нетовщина, козьминщина

Проживали в Горьковском крае и ниже по Волге вплоть до Астрахани; в Ивановской обл.

ж) Имяславцы

К их числу принадлежали русские, проживающие на Кавказе.

### Группа 3 (шифр 1)

Армяно-грегориане, синоним – католикосы

К их числу принадлежали: армяне (частично), проживавшие в ССР Армении, авт.обл. Нагорного Карабаха и вообще в Закавказье, в Азово-Черноморском и Сев.-Кавказском краях; боша<sup>30</sup> – в ССР Армении

К армяно-грегорианам близки две древних христианских секты:

---

<sup>30</sup> Армянские цыгане

а. Несториане

б. Якобиты, яковиты, иakovиты

Эти оба вероучения были распространены среди части айсоров, проживавших в ССР Армении и Закавказье вообще, а также в крупных городах СССР.

#### Группа 4 (шифр 2)

А. Католики. Синоним: римско-католики, паписты. Название религии: католичество, католицизм

К католичеству принадлежали: армяне (частично: мхитаристы, мехитаристы); проживали в ССР Армении, Закавказье вообще, в Азово-Черноморском и Сев. Каказском краях.

Белорусы (частично), проживали в БССР

грузины (частично) – в ССР Грузии и Закавказье вообще

итальянцы – в городах СССР

латгалцы, проживали в Ленинградской обл. и Сибири

латыши (частично) – в Ленинградской обл. и Сибири

литовцы – в БССР, УССР, Ленинградской обл. и Сибири

мадьяры – в городах СССР

немцы (частично) – в республиках, краях и областях: Западно-Сибирском, Крымской, Ленинградской, Сев.-Кавказ., Татарской, УССР

поляки – в Москве, Ленинграде, Западной обл., УССР и в городах СССР

украинцы (частично) – в УССР

французы – в городах СССР

чехи (частично) – в УССР, на Кавказе и в Западной Сибири

Б. К католикам близки

а. Униаты, встречающиеся среди украинского населения западной Украины

б. Чешская государственная церковь, к которой принадлежит значительная часть чешского населения Чехословакии, ушедшего из католичества

в. Вальденцы, встречающиеся в северной Италии и в Швейцарии.

#### Группа 5 (шифр 3)

Протестанты разных течений. Название этой группы вероисповеданий: протестантизм, протестантство

А. Лютеране, евангелическо-лютеранское, аугсбургское вероисповедание

К лютеранам принадлежали

армяне (частично), проживавшие в ССР Армении

карелы (частично) – в Карельской АССР

латыши (частично) – в Ленинградской обл.

Немцы (частично) – в республиках, краях и областях: Западно-Сибирском, Крымской, Ленинградской, Немцев Поволжья, Северо-Кавказском, УССР

финны – в Карельской АССР и Ленинградской области

эсты в Ленинградской области

Б. Реформаты, евангелическо-реформатское вероисповедание; название частей:

кальвинизм, цвинглиане, гугеноты

К реформатам принадлежали

карелы (частично), проживавшие в Карельской АССР

норвежцы – в Мурманском округе

финны (частично) – в Карельской АССР и Ленинградской области

французы (французские швейцарцы) – в городах СССР

шведы – в городах СССР и на юге Украины

В. Англикане, англиканцы, английская церковь (english church)  
епископальная, высокая церковь (high church)

К ним принадлежали англичане, проживавшие в городах СССР

Г. Голландская, датская, швейцарская национальные церкви

К ним принадлежали: голландцы, датчане и немцы (швейцарские), проживавшие в городах СССР

Д. Отдельные направления в протестантстве

а. Пизитисты, среди немцев

б. Нонконформисты – среди англичан

в. Пуритане – среди шотландцев

г. Гернгутеры – среди немцев

д. Конформисты – среди англичан

Проживали в городах СССР; могут встретиться среди иностранцев

Гернгутеры встречались среди немцев Поволжья

е. близки к протестантизму, отпавшие от католицизма

а. Старо-католики, встречающиеся среди немцев Германии и Швейцарии

б. Мариавиты, близкие к старо-католикам; были распространены в Польше, а в пределах СССР – в БССР и УССР

в. Янсенисты (Утрехтская церковь), вошедшие в унию со старо-католиками, могут встретиться среди выходцев из Западной Европы

#### **Группа 6 (шифр 4)**

Христиане прочих направлений: сектантство, секты, возникшие на почве православия и протестантизма

А. Беспоповцы

а. Беспоповцы-неперекрещенцы

1. Спасовцы, управляющие настоятелями: спасовцы, спасово согласие, новоспасовцы, поощающая нетовщина

Проживали в республиках, краях и областях: Горьковском, Ивановской, Куйбышевской, Татарской, Ярославской

2. Строгие спасовцы, отвергающие крещение; синоним – некрещеная нетовщина

Проживали Горьковском, Куйбышевском

б. Беспоповцы перекрещенцы

1. Поморцы: брачные, полубрачные (даниловцы), небрачные (тропарщики); выговцы, новопоморцы, монинцы (принимающие бессвященнословные браки)

Проживали: в Москве, Ленинграде; в республиках, краях и областях: Азово-Черноморском, Дальне-Восточном, Карельской, Куйбышевском, Саратовском, Свердловской, Северной, Сталинградском, Ярославской и Сибири

2. Федосеевцы безбрачные и полубрачные (тиловцы, арестовцы); синоним старопоморцы, федосеевщина

Проживали в Москве с областью, в Ленинграде с областью, в республиках, краях и областях: Азово-Черноморском, белорусской, Горьковском, Дальне-Восточном, Калининской, Карельской, Саратовской, Татарской, Ярославской

3. Филипповцы: синонимы: филипповцы, аароновцы, онуфриевцы, липованы (липоване), самосожженцы, морельщики

Проживали в Москве, в Ленинграде, в республиках, краях и областях: Калининской, Карельской, Куйбышевской, Одесской, Саратовской, Северной, Ярославской

4. Странники; синонимы: странствующие, бегуны, скрытники, безденежники, антипово согласие, статейники, иерархиты, противостатьейники, красносмерты (красносмертенцы), душители, голбежники, подпольники, лучинковцы

Проживали в республиках, краях и областях: Горьковском, Западно-Сибирском, Ивановской, Карельской, Кировском, Ленинградской, Свердловской, Татарской, Ярославской

в. Беспоповцы разных мелких течений

1. Любушкино согласие;

Проживали в Калининской области (Кимры)

2. Бабушкино согласие; синонимы: самокрещенцы, самокресты. Проживали в Среднем Поволжье и Дальне-Восточном крае

3. Дырники; синонимы: дыромолы, безобразники, безиконники

Проживали в Башкирской АССР и Дальне-Восточном крае

4. Средники

Проживали в краях и областях: Воронежской, Куйбышевском, Саратовском, Сталинградском

5. Рябиновцы; синонимы – беспоповцы по кресту;

Проживали в Татарской АССР (Чистополь)

6. Липняки (липаки) Проживали в Свердловской области

7. Коликовцы. Проживали в Западной обл. (Клинцы)

8. Белоризцы; (следует отличать от белоризцев-хлыстов).

Проживали в Ивановской обл.

9. Самовосхитители архиерейства. Проживали в Кировском крае, Татарской АССР

10. Мелхиседеки. Проживали в Москве

11. Дыропеки. Проживали в Саратовском крае

12. Пасхальники. Проживали в Черниговской обл.

13. Никудышники. Проживали в Астрахани

14. Двигаловская вера, синоним – коммерсантов рай. Проживали в Саратовском крае

15. Леваки (левяки, левшаки)

16. Темноверцы. Проживали в Дальне-Восточном крае

17. Дунюшкино согласие. Проживали в Дальне-Восточном крае

18. Часовенные (часовники) Проживали в Западно-Сибирском крае

Б. Баптисты, баптизм (входят во Всемирный Союз Баптистов) Синонимы: катабаптисты, анабаптисты, крещеные христиане, сухие баптисты, баптисты-модерн

К их числу принадлежали: немцы, русские, украинцы

Проживали в республиках, краях и областях: Винницкой, Воронежской, дальне-Восточном, Днепропетровском, Грузинской, Ивановской, Крымской, Московской (Москва), Одесской, Омской, Поволжье, средней Азии, Татарской, Харьковской

В. Евангелисты, Евангелики, евангелические христиане, христиане евангелического исповедания. (Не смешивать с протестантами евангелического исповедания; входят во Всемирный Совет Баптистов).

К их числу принадлежали: русские, украинцы

Проживали в республиках, краях и областях: Винницкой, Воронежской, Дальне-Восточном, Днепропетровской, Донецкой, Калининской, Киевской, Ленинградской (Ленинград), Одесской, Сибири, Татарской, Урале, харьковской

Г. Меннониты, меннонитство; название частей: церковные меннониты, братские меннониты и русселевцы (левое течение)

К их числу принадлежали немцы.

Проживали в республиках, краях и областях: Воронежской, Днепропетровской, Западно-Сибирском, Крымской, Куйбышевском, Одесской, Саратовском, Средней Азии, Харьковской.

Д. Адвентисты, адвентизм (близки к баптистам и евангелистам; входят во Всемирный Союз Адвентистов); название частей: адвентисты седьмого дня, адвентисты первого дня, адвентисты-реформисты

К их числу принадлежали: латыши, немцы, русские, украинцы.

Проживали в республиках, краях и областях: Винницкой, Воронежской, Дальне-Восточном, Киевской, Ленинграде, Москве, Черниговской

Е. Пресвитериане (близки к молоканам, баптистам и евангелистам); синонимы: штундо-молокане, христиане евангельского исповедания

К их числу принадлежали: русские, проживавшие в Днепропетровской области (Бердянский район).

Ж. Методисты (не смешивать с мормонами-хлыстами; имеют связь с американской методистской миссией в Сеуле, в Корее)

Синонимы: мормоны, камнигио (корейцы)

К их числу принадлежали: корейцы, русские

Проживали в Дальне-Восточном крае, Закавказье (Шемаха), Ленинграде, Саратовском крае, Сибири (Омский, Романтеевский, Тарский районы)

З. Штундисты (близки к баптистам); синоним штундисты-детокрещенцы

К их числу принадлежали: русские, украинцы

Проживали в УССР, главным образом в Киевской области

И. Пашковцы, синоним бессмертники, воскресники

К их числу принадлежали: русские

Проживали в республиках, краях и областях: Воронежской, Восточно-Сибирском, Дальне-Восточном, Днепропетровской, Калининской, Киевской, ленинградской (Ленинград), Московской, Харьковской, Ярославской.

Й. Духоборы, синоним духоборцы, духовные христиане, иконоборцы, истинные христиане, постники, белые, христиане всемирного братства

К их числу принадлежали: русские

Проживали в ССР Армении (близ озера Севан), ССР Грузии (Ахалкалакский район), на юге европейской части Союза

К. Молокане, синоним духовные христиане молокане, истинно-духовные христиане; название частей: духовные молокане, донской толк, тамбовский толк, молокане-пресники, молокане-перевоплощенцы, общие, дунькино упование (Кавказ), церковь общего упования (близ Ленкорани), воскресники

К их числу принадлежали: русские

Проживали в республиках, краях и областях: Воронежской, Дальне-Восточном, Днепропетровской, Саратовской, Сталинградском, Сибири, на Кавказе и юго-востоке европейской части Союза.

Л. Назарей (близки к молоканам, не смешивать с назаренами, проживающими в Сербии, Венгрии, Сев.Америке)

К их числу принадлежали: русские, проживавшие в Баку и в районе Шемахи

М. Немоляки, немоляки; синоним: духовные христиане по второму пришествию, въздыханцы, охонцы

К их числу принадлежали: русские

Проживали в республиках, краях и областях: Горьковском, Московской (Калужский р-н), Омской

Н. Неплательщики

К их числу принадлежали русские, проживавшие в Свердловской области и в Сибири

О. Иеговисты, еговисты; синонимы: десное братство, общество (церковь) десных, сионская весть, новозаветные иудеи, субботники (не смешивать с субботниками-караимитами)

К их числу принадлежали: русские

Проживали в Винницкой области, Воронежской области, Поволжье, Сев. Кавказе, Сибири, Урале (Нижне-Тагильский, Верхне-Туринский, Нижне-Баранчинский, Кувшинский заводы)

П. Хлысты; синонимы: люди божи, Христы, постники, мирносцы, шалопуты, серые голуби, белые голуби, божи голуби, голубцы, голубчики, беседники, мормоны паниашковцы, марьяновцы, еленушкина секта, дурмановщина, калиновцы, серафимовцы (не смешивать с православными серафимовцами), стефановцы, белорусцы, род израильский, зеленый виноградник, стадо христово, птицы христовы (соловьи, соколы, лебеди, голуби, пташечки), молоканы, шкапцы, аттитуги, стригуны, шапльчники

К их числу принадлежали: русские, украинцы

Проживали в республиках, краях и областях: Азово-Черноморском, Винницкой, Воронежской, Днепропетровской, Ивановской, Куйбышевском, Курской, ленинграде, Московской (Черкизово), Одесской, Саратовском. Северо-Кавказском, Сибири, Урале, Харьковской, Ярославской

Р. Новоизраильтяне (ответвление хлыстов); синонимы: израильтяне, новый израиль, лубковцы, избранники божи

К их числу принадлежали: русские

Проживали в республиках, краях и областях: Азово-Черноморском, (по р.Манчу) Винницкой, Воронежской, Грузии, Дальне-Восточном, Днепропетровской, Западной, Ивановской, Северо-Кавказском, Сибири

С. Беседники, беседчики (рановидность хлыстов); синонимы: чернецы, чернички, келейники, келейницы, мнихи, монтаны, монтанисты, духовидцы, смехорыдающие, духовно оскопившиеся, вертуны, вертячие, богомолы, керженцы (шеловщина, никифоровщина, кобызовщина, ивановщина, таразановщина).

К их числу принадлежали: русские

Проживали в республиках, краях и областях: Кубышевском, Ленинградской, Оренбургской, Сталинградском, Татарско й, Кавказе и по югу Европейской части Союза Т. Прыгуны (разновидность молокан); синонимы: сопуны, веденцы, сионцы, духовные христиане, чимарская секта

К их числу принадлежали: русские

Проживали в республиках, краях и областях: Азербайджанской, Азово-Черноморском (Сальский район), Армении (оз.Севан), Грузии, Киевской, Куйбышевском, Поволжье, Сибири, Дальне-Восточном, Средней Азии

У. Трясуны (произошли от баптистов); синонимы: пятидесятники, трясуны-пятидесятники, христиане евангельской веры

К их числу принадлежали: русские

Проживали в республиках, краях и областях: Западной, Крымской, Одесской, Сибири Ф. Скакуны (отделились от лютеран из Финляндии); синонимы: хихулиты, веселящиеся, телешы, нагиши, гольши, купидоны, ползуны

К их числу принадлежали: финны, русские

Проживали в республиках, краях и областях: Западной, Ивановской, Куйбышевской, Ленинградской, Московской, Ярославской, на Урале

Х. Скопцы; синонимы: убеленные, белые голуби и другие названия, употребляемые хлыстами ( к которым близки по вероучению)

К их числу принадлежали: русские, финны

Проживали в республиках, краях и областях: Воронежской, Днепропетровской, Кавказе, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Одесской, Саратовском, Сибири, УССР

Ц. Трезвенники (переходят к толстовцам и трясунам); синонимы: братцы, чуриковцы, колосковцы.

К их числу принадлежали: русские

Проживали в областях: Ивановской, Ленинградской (Ленинград), Московской (Москва)

Ч. Толстовцы (близки к духоборам)

К их числу принадлежали: русские, украинцы

Проживали в краях и областях: Воронежской, Днепропетровской, Закавказье, Калининской, Кузбассе, Курской, Сталинградском, Харьковской

Ш. Малеванцы (близки к толстовцам)

К их числу принадлежали: украинцы, проживавшие в Калининской обл.

Ъ. Иоанниты (по обрядам православные); синонимы: киселевцы, иониты

К их числу принадлежали: русские,

Проживали в краях и областях: Винницкой, Воронежской, Дальне-Восточном, ленинградском (Ленинград), Сибири, Ярославской

Ы. Иллиодоровцы (по обрядам православные)

К их числу принадлежали: русские, проживавшие в Сталинградском крае

Ь. Еноховцы (по обрядам православные, близки к адвентистам); синоним – летуны

К их числу принадлежали: русские, проживавшие в Сталинградском крае

Э. Степановцы

К их числу принадлежали: коми-зыряне, проживавшие в Коми-Зырянской авт. обл.

Ю. Богомилы

К их числу принадлежали: русские, проживавшие в Харьковской области

Я. Мелкие секты Воронежской области, выделенные ввиду необычайного разнообразия их группировок; были распространены среди русских

а. Федоровцы; синонимы: масоловцы, правоверники, самосвяты, краснодраконовцы, самаритяне

Проживали в Россошанском, Богучарском и Новохоперском р-нах

б. Молчальники

Проживали в Моршанском районе.

в. Светильники

г. Новый союз духовного израиля

д. Четвертый интернационал святого духа

Проживали в Тамбовском р-не

е. Исследователи священного писания (библии)

Проживали в Россошанском районе<sup>31</sup>

ж. Старый израиль; синоним крестовики

з. Анисимовцы

и. Свиридовцы

й. Расновортцы

к. Новозаветники

л. Стефановцы

м. Наталочка

---

<sup>31</sup> район Воронежской области

- н. Иннокентьевцы
- о. Ермиловцы
- п. Стригуны
- р. Хомковцы
- с. Чупковцы
- т. Мироновцы
- у. Гапеевцы
- ф. Костомолы
- х. Сион
- ц. Хатнюки
- ч. Чердачники
- ш. Кувшинники
- щ. Дергуны
- ъ. Двенадцать сестер
- ы. Истинный путь к спасению.
- ь. Активисты

### Группа 7 (шифр 5)

Магометане (ед. число магометанин); синоним мусульманин;

название религии: ислам, магометанство, мусульманство

самоназвания: мусульман, мусульмон, мусэльман, мусурман, муслим (татары), мухаммед-дини (узбеки), ислям-дини (азербайджанские тюрки), мамед-уммети, уммет-мамед, анефи-мессеб (крымские татары), тюрк (армяне-хемшины), татары (грузины), мухаммед-дин номтай (сарт-калмаки), чори-йори, чори-ёри (таджики), пэндж-йори (язгулямцы, ягнобцы), хуй-дзяо, цин-джэнь-дзяо, сяо-дзяо, му мин, мо-мин, ляо-хуй\_хуй, хуй-дзы (дунганы)

Толки (мазхаб) и секты исламам: ханифиты (ханифитский толк); Бахаисты и исмаилиты (секты ислама), накшбендии, кадирии («монашеские» ордена дервишей); звания в исламе: хаджи, дервиши, ишаны, суфии, тарикати (Кавказ)

Резко отличающиеся религиозные течения ислама:

А. Суннизм (правoverное), сунниты, сунни

К суннитам принадлежали следующие народности СССР

абхазы (частично), проживавшие в Абхазской ССР

аджарцы – в Аджарской ССР арабы – в Узбекской и Туркменской ССР

афганцы в Таджикской ССР

балкары – в Кабардино-Балкарской авт. обл.

Башкиры – в Башкирской АССР

белуджи – в Туркменской ССР

берберы – в Туркменской ССР

грузины, месхи, ингилои (частично) – в ССР Грузии

дагестанские горцы (авары, даргинцы, лаки и т.д.) – в Дагестанской АССР

жемшиды – в Туркменской ССР

дунгане – в Киргизской АССР и Казахской АССР

ингуши – в Чечено-Ингушской авт. обл.

Кабардинцы – в Кабардино-Балк. обл.

Казахи – в Казахской АССР

калмыки (частично: сарт-калмыки) – в Киргизской АССР

каракалпаки – в Кара-Калпакской АССР

карачаевцы – в Карачаевск. Авт. обл.



Киргизы – в Киргиз. АССР  
кумыки – в Дагестанской АССР  
курды – в Азербайджанской ССР, ССР Армении, ССР Грузии, Туркменской ССР  
лазы – в Аджарской АССР  
лезги – в Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР  
мишари – в Горьковском и Куйбышевском крае, Оренбургской обл., Башкирской АССР  
ногая – в Калмыцкой АССР, Сев. Кавказском крае, Дагестанской АССР  
осетины (частично) в Сев. и Южно-Осетинской авт. областях  
таджики — в Таджикск. ССР, Узбекск. ССР  
татары – в Татарской АССР, Крымской АССР, Сталинградском крае и повсеместно  
таты (частично) – в Азербайджанской ССР и Дагестанской АССР  
турки – в Аджарской АССР, Крымской АССР, ССР Армении  
туркмены – в Туркменской ССР, Сев. Кавказском крае  
тюрки азербайджанские (частично) – в Азербайджанской АССР, ССР Армении, ССР Грузии.  
Уйгуры: таранчи – в Казахской АССР и Туркменской ССР; кашкарцы – в Узбекской ССР  
хазара – в Туркменской ССР  
хемшины (армяне-магометане) – на Черноморском побережье Кавказа  
цыгане средне-азиатские – в Узбекской ССР, Таджикской АССР  
черкесы – в Адыгейской авт. обл, Черкесской сев. обл.  
Чечены – в Чечено-Ингушской авт. обл.  
Ягнобцы (частично) и язгулемцы (частично) – в Горно-Бадахшанской авт. обл.  
Б. Шиизм, шииты, ши э  
К ним принадлежали следующие народности  
ираны, проживавшие в Узбекской АССР  
персы (частично) – в городах Кавказа и Средней Азии  
талыши – в Азербайджанской ССР  
таты (частично) – в Азербайджанской ССР и Дагестанской АССР  
тюрки азербайджанские (частично) – в Азербайджанской ССР, ССР Армении, ССР Грузии  
Ягнобцы (частично) и язгулемцы (частично) – в Горно-Бадахшанской авт. обл.  
В. Бехаизм, синоним – бабизм; бехаисты, бабиды; бехаи, баби  
К ним принадлежали персы, проживавшие в городах Туркменской ССР  
Г. Исмаилиты, исмоилия, хэфт-иори  
К их числу принадлежали памирские племена: ваханцы, ишкашимцы, шунганцы, проживавшие в Горно-Бадахшанской авт. обл.  
Д. Иезиды; синоним: езиды, езиди  
К ним принадлежали курды-иезиды, проживавшие в ССР Армении

### **Группа 8 (шифр 6)**

Иудей, синоним иудаисты; название религии – иудаизм (этнические самоназвания иудаизма часто служат названием религии).

А. а. Евреи; синонимы: еврейская религия, идише эмуне, идише глейбе, ашкинази; два течения: миснагдим и хосид, хасиды

К их числу принадлежали евреи западные и крымские  
Проживали по всему СССР, главным образом в БССР, УССР, Крыму, на Дальнем Востоке (Еврейск. авт. обл.) и в больших городах СССР

б. Даг-чуфут, синоним – джугут

К их числу принадлежали горские евреи, проживавшие в Дагестанской АССР, Азербайджанской ССР, ССР Грузии

г. Яхуди, синоним – иври

К их числу принадлежали средне-азиатские евреи, проживавшие в Узбекской и Таджикской ССР

Б. Караимы, синонимы: ананиты, баале-мира, мене-мира

К их числу принадлежала народность караимы и крымские евреи, проживавшие в Крыму и УССР

В. Течения, примыкавшие к иудаизму

а. Иудействующие (отделились от молокан); синонимы: геры, герталмудисты, шапочники

К их числу принадлежали русские

Проживали в республиках, краях и областях: Азербайджанской (Шемаха), Воронежской, Восточно-Сибирском (Иркутск), дальне-Восточном, Саратовской, Сев.-Кавказском, Сталинградском (Астрахань), УССР

б. субботники; синонимы: караимиты, караимы, бесшапочники

К их числу принадлежали: русские, проживавшие в Воронежской обл., на Кавказе, в Сибири и Украине

### **Группа 9 (шифр 7)**

Буддисты и ламаисты (ламаиты); синоним желтой веры люди; название религии: буддизм, ламаизм

А. а. Ламаисты желто-шапочного толка, желто-шапочники; синонимы: буддисты-ламаисты, бурхан-шаджин (тай), бурханай-шаджин (тай), ламыин-шаджин (тай), буддын-шаджин (тай), ламыин-моргуль (тай), шарыин-шаджин (тай), бурхан-шигемунин-шаджин (тай), шигемунин-шаджин (тай), ламыин-шаджини-шутудук

К их числу принадлежали:

бурят-монголы, проживавшие в Бурят-Монгольской АССР и Восточно-Сибирском крае

ойроты – проживавшие в Ойротской авт.обл.

Эвенки – в Восточно-Сибирском крае

Б. Лам-шаджита, шар(ин)шаджита, бурки-бакш-номта, бурки-бакш-шаджита, гэлнганта, гэлнгте

К их числу принадлежали калмыки, проживавшие в Калмык. авт. обл.

В. Фоисты, синонимы: фоззяо, фuczяо, байфо, хошан-цзяо

К их числу принадлежали: китайцы, корейцы, орочи (частично), проживавшие в Дальне-Восточном крае

### **Группа 10 (шифр 8)**

**Шаманисты;** синоним — черной веры люди

К их числу принадлежали следующие народности:

Бурят-монголы (частично)	Нивхи	чукчи
Долганы	Одулы	шорцы
Карагасы	Ойроты	эвенки
Кеты	Ольчи	эвены
Коряки	Ороки	элкенбэйе

Кумандинцы	Тувинцы	этели
Мансы	унанганы	юиты
Нанай	хакасы	якугы
Ненцы	ханты	

Отдельные ветви шаманистов

а. Бурхамисты, синоним — белой веры люди

К их числу принадлежали ойроты (частично), проживавшие в Ойротской авт. Обл.

б. Последователи культа хэри-мапа

К их числу принадлежали проживавшие в Дальне-Восточном крае нанай, ольчи и орочи

### **Группа 11 (шифр 9)**

Прочие и не точно обозначенные религии

А. Браманисты

К их числу принадлежали индусы, проживавшие в городах Средней Азии.

Б. Конфуциане, синонимы: жу-цзяо, кун-цзы-цзяо

К их числу принадлежали китайцы, проживавшие в Дальне-Восточном крае

В. Огнепоклонники, синонимы: парси, гвевры

К их числу принадлежали персы, проживавшие в Баку

Г. Патриархальные родовые культы, синонимы: язычники, анимисты, идолопоклонники

а. Кугу-сорта, синонимы: большая свеча, кугусортники

К их числу принадлежали марийцы, проживавшие в Марийском авт. области

б. Липо-поклонники

К их числу принадлежали удмурты, проживавшие в Удмуртской АССР

л.124

в. Поклонники Кузьмы (Кузьки, мордовского бога)

К их числу принадлежала мордва, проживавшая в Мордовской АССР.

Встречались патриархальные культы также среди сванов и хевсуров (ССР Грузии) и чувашей (Чуваш. АССР)

Д. Религиозно-философские мировоззрения, встречающиеся главным образом среди городского населения СССР:

а) Монотеисты (монотеизм)

б) Деисты (деизм)

в) Пантеисты (пантеизм)

г) Спиритуалисты (спиритуализм)

д) Мистики (мистицизм)

е) Теософы, спириты, оккультисты (теософия, спиритизм, оккультизм)

Е. Неопределенные указания

а. Христиане без дальнейшего определения; свободная христианская церковь, христиане — сциентифисты.

б. Верующие без дальнейшего определения, религиозные, без (вне) определенной церкви, религии, религиозной общины, культа.

### **Группа 12 (шифр )**

А. Не давшие ответа на вопрос о религии

Б. Давшие неточный ответ на вопрос о религии

В. Лица, моложе 16 лет.

**БИБЛИОГРАФИЯ**

- Ашин Ф.Д., Алтатов В.М.* Дело славистов. 30-е годы. М.: Наследие, 1994.
- Блюм А., Местуле М.* Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.
- Волков А.Г.* Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-информация. Выпуск 3-5 (часть II). М., 1990.
- Гозулов А.И.* Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). / Под ред. акад. С.Г. Стумилина. М., ЦУНХУ, 1936.
- Жиромская В.Б.* Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. №5, 2000
- Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.
- Максимова В.Н.* Из воспоминаний (20-30-е годы) // Вопросы статистики. 1996. № 10.
- Перченко Ф.Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., Наука. 1995.
- Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н.* Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6.
- Чумакова Татьяна Витаутасовна**, доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета; [chumakovatv@gmail.com](mailto:chumakovatv@gmail.com)

С. В. ЕРЕМИН

## МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (1930-е – 1941)

---

В межвоенный период информационно-пропагандистская деятельность становится эффективным инструментом международной дипломатии советского правительства. Система внешнеполитической пропаганды не могла действовать эффективно без информации о внешней и внутренней политике других стран. Благодаря введению в научный оборот документальных источников появляется возможность представить формы, методы получения и использования зарубежной информации советскими партийно-государственными структурами в 1930-е–1941 гг.

*Ключевые слова:* пропаганда, дипломатия, Бюро международной информации, Коммунистический Интернационал, Телеграфное Агентство Советского Союза.

---

В межвоенный период, информационно-пропагандистская деятельность становится эффективным инструментом международной дипломатии советского правительства. Для того чтобы система внешнеполитической пропаганды могла действовать эффективно, люди, причастные к ее организации, должны были обладать необходимой информацией о внешней и внутренней политике других стран. Не все способы и методы получения такого рода информации известны и поныне, но благодаря введению в научный оборот ранее не известных документальных источников данный сюжет стал все более конкретизироваться и проясняться.

Ответственные задачи по сбору и анализу зарубежной информации для высшего руководства страны были возложены на Бюро международной информации ЦК ВКП(б). БМИ должно было, согласно постановлению Политбюро от 16 мая 1932 г., использовать материалы всех наличных учреждений, работавших над экономическими, политическими и военными проблемами капиталистических стран, давать им задания, «заказывать работы знатокам вопросов»<sup>1</sup>. Однако ввиду отсутствия доступа к источникам, которые могли бы подтвердить практическую деятельность БМИ, этот вопрос остается пока не изученным.

Особенно тщательно скрывало свои контакты в зарубежных странах руководство Коминтерна. ИККИ получал часть поступавшей из советских полпредств за рубежом информации, в первую очередь, так или иначе касавшейся коммунистических партий. Помимо этого, среди пер-

---

<sup>1</sup> Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа... 2001. С. 282.

сонала торговых представительств, банков и советских экспортно-импортных фирм, которые работали под контролем полпредств, имелась постоянно повышавшаяся квота на местных сотрудников из числа коммунистов и им сочувствовавших<sup>2</sup>.

Советские дипломаты постоянно вели целенаправленную политику в отношении зарубежной прессы. Однако, в отличие, например, от своих британских, германских или французских коллег, сотрудники советского внешнеполитического ведомства не всегда имели достаточно широкие круги политических, светских и дружеских знакомств, что затрудняло доступ к необходимой информации. Хотя число сочувствующих СССР на Западе несколько возросло после вступления его в Лигу Наций (сентябрь 1934 г.) и подписания дружественного договора с Францией (май 1935 г.), враждебное отношение к Советскому Союзу оставалось там довольно сильным<sup>3</sup>. Лишь при благоприятной конъюнктуре советским дипломатам удавалось сформировать собственную эффективную сеть информаторов. Установление нормальных дипломатических отношений между СССР и соответствующей страной позволяло им обеспечивать себе, при опоре на симпатии со стороны различных кругов, источники информации и возможности для оказания влияния. В этом плане с середины 1930-х гг. приоритет принадлежал Парижу. По словам Н.Г. Пальгунова, именно в Париже накануне войны «не только скапливалась мировая информация, но и творилась мировая политика»<sup>4</sup>.

В поле советских интересов попали: Ж. Табуи («Эвр»), располагавшая обширным кругом знакомств среди политиков и дипломатов; хроникер «Эко де Пари» Пертинакс (Андре Жеро); внешнеполитический обозреватель агентства Гавас Ф. Килиси; глава «Эр нувель» Л. Габорио; главный редактор «Пти журнал» А. Малле; внешнеполитический обозреватель К. Валле. Все они регулярно посещали советское полпредство в Париже, стремясь добыть там информацию и, соответственно, принося туда интересные для полпреда сведения. Именно через призму взглядов этих представителей правого («Эко де Пари», «Пти журнал») и радикального («Эвр», «Эр нувель») крыла парижской политической прессы советское полпредство воспринимало политическую жизнь Франции, атмосферы и тенденции, существовавшие в МИДе Франции. Вместе с тем, М.М. Литвинов не доверял сведениям, поступавшим от Ж. Табуи, которую полпредство нередко упрекало в болтовне и недостаточно критическом подходе к информации.

---

<sup>2</sup> Dullin. 2001. P. 160.

<sup>3</sup> Ibid. P. 151, 167.

<sup>4</sup> Пальгунов. 1964. С. 122.

В целом, политическое влияние Ж. Табуи и Пертинакса, которое признавали за ними советские дипломаты, явно льстило этим французским журналистам. Стремившиеся к признанию общества и политического истеблишмента, они высоко оценивали собственную значимость<sup>5</sup>.

Важную роль во внешнеполитической пропаганде играли отделы печати, имевшиеся в каждом полпредстве СССР за рубежом. Сотрудники этих отделов стремились повлиять на западную прессу и с этой целью расширяли контакты с зарубежными журналистами. Для этого НКВД располагал специальными фондами, размер которых определялся Политбюро ЦК ВКП(б), а средства поступали из резервного фонда СНК СССР. Парижское полпредство имело в своем распоряжении 60-65% от общей суммы упомянутых секретных фондов. В 1935 г. специальный бюджет, предназначавшийся для французской прессы, составлял свыше 110 тыс. франков в месяц. Больше всего (4000 франков) получала газета «Тан», близкая к МИДУ Франции. Радикальным «Эвр» и «Эр нувель» перечислялось по 10000 франков ежемесячно. В 1936 г. регулярные субсидии от советского полпредства получали 17 органов французской печати. Кроме того, деньги выделялись и на индивидуальные субсидии известной журналистке Ж. Табуи и писателю Р. Роллану.

Руководство НКИДа, не желая останавливаться на достигнутом, считало возможным приобрести влияние на большинство французских газет, в том числе на одну из наиболее враждебных СССР «Матэн». Однако средства, выделяемые полпредствам, не позволяли выйти за пределы сравнительно узкого круга контактов<sup>6</sup>.

По свидетельству Е.А. Гнедина, прямого отношения к сбору внешнеполитической информации для руководства СССР возглавлявшийся им Отдел печати НКВД не имел. Однако, располагая сильным радиоприемником, вместе со своим заместителем Г.Н. Шмидтом он принимал передачи западных информагентств, предназначавшиеся для своей корреспондентской сети. Самое важное включалось в сводку, вызывавшую интерес «в верхах». В тот период существовали «белый ТАСС» (материал для печатания) и «красный ТАСС» (сводка телеграмм не для печатания). М.М. Литвинов часто направлял Е.А. Гнедину «красные» сводки, в которых было помечено, что именно можно публиковать. В начале 1939 г. существовал перечень членов Политбюро ЦК ВКП(б), которым посылались ежедневные сводки наиболее интересных телеграмм иностранных корреспондентов. Таким образом, далеко не все члены Политбюро и

---

<sup>5</sup> Dullin. 2001. P. 152-154, 159.

<sup>6</sup> Ibid. P. 168-169, 171-172.

правительства получали полную внешнеполитическую информацию. Что касается сотрудников НКВД, то они были, по свидетельству Гнедина, лишены элементарной информации подобного характера<sup>7</sup>.

В начале 1930-х гг. М.М. Литвинов высказал убеждение, что бюллетени ТАСС мало что могли сказать «о сложных проблемах дипломатического характера». Однако мнение наркома несколько изменилось после того, как ему удалось добиться от Я.Г. Долецкого назначения представителями Телеграфного агентства СССР за границей компетентных журналистов, одним из которых являлся В.П. Кин (Сурувикин). В 1934 г. Кин возглавил отделение ТАСС в Париже. К этому времени он свободно владел французским языком<sup>8</sup>.

М. Чарный, работавший помощником В. Кина в Париже, так описывал порядок отбора информации, которая извлекалась из парижской периодической печати, а затем направлялась в Москву. Втроем (вместе с ними работал француз по фамилии Газо) сотрудники парижского бюро ТАСС просматривали за день порядка 60-ти газет и журналов. В ходе просмотра прессы отмечалось, на их взгляд, самое важное, делались вырезки, которые распределялись по темам, в числе которых выделялись международные. Кин довольно быстро овладел тонкостями французского политического языка (пресса Франции отличалась большим многообразием не только с точки зрения тематической, но и по стилю изложения материала). Это позволяло ему легко «расшифровывать» как прямые высказывания, так и намеки, скрытое иносказание, полемическую казуистику. Собрав воедино все вырезки из газет, заметки, которые они делали по ходу чтения, В. Кин и М. Чарный переходили к следующему этапу работы. Они печатали корреспонденции, которые направлялись в Москву. Большинство корреспонденций отправлялось по телеграфу, поэтому кириллический текст приводился в латинской транскрипции. Позднее была налажена телефонная связь между Парижем и Москвой, что ускорило передачу информацию непосредственно в ТАСС<sup>9</sup>. Н.Г. Пальгунов, сменивший в 1936 г. В. Кина в парижском представительстве ТАСС, впоследствии вспоминал: «В Париже насчитывалось свыше 600 корреспондентов различных иностранных телеграфных агентств, агентств прессы, радиоконпаний, газет, журналов – со всех концов мира. Информации в Париже было много и чисто французской, и международной»<sup>10</sup>.

---

<sup>7</sup> Гнедин. 1981-1982. С. 378.

<sup>8</sup> Всегда по эту сторону... С. 65.

<sup>9</sup> Всегда по эту сторону... С. 201-231.

<sup>10</sup> Цит. по: Пальгунов. 1964. С. 151.



Раз в неделю общественная организация «Аккей франсез» приглашала журналистов на коктейль в компании французских государственных и общественных деятелей. На таких коктейлях кто-либо из виднейших людей страны для разъяснения политики правительства выступал перед журналистами с короткой, но обычно содержательной речью, после чего завязывалась беседа. Полезные сведения корреспонденты информационных агентств, в том числе ТАСС, могли почерпнуть и будучи приглашенными на чай к министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. Французский МИД регулярно устраивал для них пресс-конференции<sup>11</sup>.

Помимо перечисленных источников информации имелся еще один: регулярно пересылаемые журналистам, как и редакторам иностранных газет, бюллетени отделов печати и пресс-бюро эмигрантских организаций, объединявших политических беженцев из нацистской Германии.

С началом Второй мировой войны информация из Парижа могла направляться корреспондентом ТАСС только по телеграфу на французском языке, и лишь после просмотра ее цензурой<sup>12</sup>.

14 декабря 1940 года Н.Г. Пальгунов и В.С. Кружков направили Г.Ф. Александрову докладную записку под заголовком «Иностранная информация ТАСС», в которой изложили свои «заключения и выводы» по данному вопросу<sup>13</sup>. В докладной записке, в частности, перечислялись четыре основных канала получения такого рода информации:

1. По радио (с помощью аппаратов Хэлл и Морзе) от агентств Рейтер, ДНБ, Гавас, Стефания и других. В среднем она составляла порядка 300 листов в день (50% от всех получаемых из-за рубежа материалов); из этого количества использовалось лишь от 30 до 50%.

2. Телеграфная корреспонденция от этих же агентств (60 листов ежедневно, т.е. 10% от общего поступления); эффективность использования 100%. Телеграфная корреспонденция корреспондентов ТАСС за рубежом составляла 150 листов (25% от всего информационного потока); из нее использовалось 50-60%.

3. Телефонная связь с собственными корреспондентами Телеграфного Агентства СССР, работавшими в Берлине, Праге, Белграде, Софии, Бухаресте и в других европейских столицах. Телефонных корреспонденций редакция ИНО ТАСС получала в среднем 150 листов в день (25% от общего поступления), а использовалось из нее 70%.

4. Радиоперехваты (20-25 листов в день)<sup>14</sup>.

---

<sup>11</sup> Там же. С. 152, 180-181.

<sup>12</sup> Там же. С. 193.

<sup>13</sup> РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д.10. Л.157.

<sup>14</sup> Там же. Л. 158.

В 1939 г. прослушивалось 30 различных радиопередач. К этой работе было привлечено 16 сотрудников ИККИ<sup>15</sup>. В подавляющем большинстве такой материал не представлял никакого интереса. Отсутствовала редакционная обработка его и необходимый отбор. «Этот материал используется мало», – комментировали Н.Г. Пальгунов и В.С. Кружков.

Служебные бюллетени ТАСС, отмечали они в своей докладной записке «Иностранная информация ТАСС», постоянно росли по своему объему (в среднем, один бюллетень составлял от 100 до 130 листов). Рост объема ежедневного бюллетеня происходил не только за счет увеличения корреспонденций, принятых по телефону и телеграфу от журналистов ТАСС, но и благодаря опубликованию радиопередач, принятых на слух. Последние занимали в среднем от 20-ти до 30-ти листов (с общим количеством заметок от 40 до 70-ти). Однако колоссальные объемы служебных бюллетеней не способствовали повышению качества содержащейся в них информации<sup>16</sup>. До 90% ее составляли телефонные и телеграфные передачи от собственных корреспондентов, т.е. пересказ газетных сообщений, официальной информации. При этом значительное место занимали радиопередачи, материалы, принятые по телефону и по телеграфу, заимствованные у ДНБ, Ассошиэйтед Пресс, Юнайтед Пресс, Рейтер, Стефани, а также материалы из германских и румынских газет.

По этому поводу Пальгунов и Кружков делали следующее заключение: «По существу, и бюллетени ТАСС в целом, и большинство корреспондентов ТАСС за границей представляют собой всего лишь рупор иностранной пропаганды – иностранных агентств и газет». Кадры зарубежных корреспондентов ТАСС в большинстве имели слабую журналистскую подготовку либо совсем ее не имели, плохо знали язык страны пребывания. В силу этого поступающий от них материал очень часто был низкого качества. Например, из Берлина поступало много информации, но отсутствовал ее серьезный отбор: количество превалировало над качеством. «Вообще от корреспондентов [ТАСС] очень мало поступает ценного материала с серьезным анализом, например, внутривосточного положения в стране и т.д.»<sup>17</sup>. Аналогичные недостатки были присущи и бюллетеням информации, не подлежащей оглашению<sup>18</sup>.

В целом, вывод Н.Г. Пальгунова и В.С. Кружкова об иностранной информации Телеграфного агентства СССР сводился к следующему: «Передаваемая ТАСС<sup>3</sup> ом в печать иностранная информация по необхо-

---

<sup>15</sup> Гасюк. 2008. С. 127.

<sup>16</sup> РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д.10. Л.159.

<sup>17</sup> Там же. Л. 160.

<sup>18</sup> Там же. Л. 162.

димости представляет собой вид “документированной информации” и оперирует в основном материалами, почерпнутыми из официальных и официозных иностранных источников, а также и из иностранной печати. Задача ТАСС сводится к достаточно искусному использованию этих материалов, с соблюдением всех тех особенностей, которые проистекают из проводимой правительством СССР политики мира и нейтралитета. Дается обильная информация о ходе военных действий на всех фронтах войны. Сами заинтересованные в нынешней войне стороны признают абсолютную объективность этой информации. Заметно, однако, в указанной информации отсутствие сообщений о настроениях народных масс, забастовочной борьбе рабочего класса, слабо освещается положение рабочего класса капиталистических стран и т.д.»<sup>19</sup>.

Выше уже отмечалось, что большинство корреспондентов ТАСС за границей, назначенных после политических репрессий, не отвечали требованиям, предъявляемым к журналистам-международникам. Понятно, что такие корреспонденты присылали мало информационных материалов, поскольку были всецело зависимыми от переводчиков-иностранцев. Качество подобного рода материалов также оставляло желать лучшего<sup>20</sup>.

Как указывалось в докладной записке сотрудников секретного отдела ТАСС Пашенко и Разинкова от 18 декабря 1940 г., направленной в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ежедневно корреспонденты ТАСС, работавшие в одних странах, посылали информацию о событиях в других странах, дублируя ее по нескольку раз. В результате впустую тратилась валюта, уплачиваемая за телеграммы, а также излишне загружался аппарат Иностранной редакции в Москве. Иностранная информация ТАСС в большинстве случаев представляла собой перевод (порой не совсем верный) статей и сообщений из иностранных газет и, как правило, начиналась со стандартной формулировки: «Как сообщает корреспондент Юнайтед Пресс...». «Собственная оригинальная информация почти совершенно отсутствует», – делали вывод Пашенко и Разинков. В результате огромные расходы в валюте, отпускавшиеся для корреспондентских пунктов ТАСС за рубежом, себя не оправдывали<sup>21</sup>.

Референты Иностранной Комиссии ССП не имели специального допуска для чтения зарубежной литературы, но существовала договоренность с Главлитом о допуске их к чтению такого рода литературы. Редакция русскоязычного издания собирала «материалы литературного порядка» из иностранной прессы. Информационный архив Иностран-

<sup>19</sup> Там же. Лл. 164-165.

<sup>20</sup> Там же. Д. 57. Л. 38

<sup>21</sup> Там же. Л. 41.

ной Комиссии ССП достигал большого объема: рефераты и другие материалы тщательно обрабатывались и подытоживались. Они представляли собой большую ценность, но использовались мало, поскольку их содержание не подлежало оглашению, а хранение и допуск к ним не были оформлены соответствующим образом<sup>22</sup>.

Полученная по дипломатическим каналам, через корреспондентов ТАСС, путем радиоперехвата сотрудниками ИККИ информация перед публикацией ее в СССР и зарубежных СМИ тщательно отбиралась и отсеивалась. 31 июля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило правила обращения с секретными докладами и сообщениями БМИ. Те, кто получал эти материалы, имели право знакомить с их содержанием лишь узкий круг членов ВКП(б), которым они были необходимы по роду работы<sup>23</sup>. Руководство НКИДа постоянно сталкивалось с «цензорами» ЦК ВКП(б), т.е. функционерами, ведавшими печатью и издательской политикой. В то же время между Отделом культуры и пропаганды ЦК и Отделом печати НКИДа существовало своеобразное разделение ролей. Отдел печати зачастую выступал с апологетическими публикациями в адрес М.М. Литвинова, а партийные «цензоры» не упускали случая раскритиковать его сотрудников за политическую небрежность и ошибки<sup>24</sup>. Реальным и постоянным было влияние ЦК ВКП(б) и НКИД на деятельность печатных органов ИККИ, которое принимало главным образом организационные формы. Так, в 1937–39 гг. заведующему Отделом печати наркомата иностранных дел Е.А. Гнедину регулярно присылались на просмотр гранки номеров журнала «Коммунистический Интернационал». При этом ответственный редактор журнала О.В. Куусинен, как правило, без оговорок принимал все редакционные замечания Гнедина<sup>25</sup>.

О непростых отношениях между Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Отделом печати НКИДа и редколлегией журнала «Коммунистический Интернационал» свидетельствует докладная записка ответственного секретаря журнала Я.Ц. Мирова-Розкина от 3 февраля 1941 г., направленная Г.М. Димитрову. 5 февраля Димитров переслал ее А.А. Жданову со следующим комментарием: «Посылая Вам записку ответственного секретаря редакции нашего журнала [...] насчет просмотра материала журнала в отделе печати НКИД, считал бы – как я уже по этому поводу с Вами говорил – очень нужным упорядочить работу по просмотру журнала, чтобы в будущем не создавались имеющиеся до сих

---

<sup>22</sup> Там же. Д. 32. Л. 128.

<sup>23</sup> Большая цензура... 2005. С. 276.

<sup>24</sup> Dullin. 2001. P. 79-80.

<sup>25</sup> Гнедин. 1981-1982. С. 366.

пор место лишние затруднения и несуразности. Самым большим облегчением для редакции журнала, а также для товарищей, которые обязаны просматривать журнал, было бы своевременно знать основные установки, о том, *что и как*<sup>26</sup> в данный момент надо бы избегать писать, чтобы редакция могла это учесть при составлении и обработке материалов для данного номера журнала»<sup>27</sup>. По словам Мирова-Розкина, редколлегия журнала «Коммунистический Интернационал» стремилась добиться в своей работе наибольшей согласованности с Отделом печати НКВД, считая это в нынешних условиях одной из своих важнейших задач. Однако, судя по его письму, понимания со стороны этого органа внешнеполитического ведомства, добиться не удалось.

Претензии редколлегии русскоязычного издания журнала к заведующему Отделом печати НКИДа Н.Г. Пальгунову состояли в следующем. Во-первых, его материалы подолгу задерживались и не публиковались. Задержки порой достигали 10 дней. Случалось, что работа в редакции над очередным номером уже заканчивалась, а Отдел печати НКИДа так и не возвращал после просмотра ни одной статьи. Это обстоятельство, подчеркивал Я.Ц. Миров-Розкин в своей докладной записке на имя Г.М. Димитрова, не только задерживало работу редакции журнала, но и ставило ее в затруднительное положение, поскольку она до последнего момента не ведала, что именно «пойдет в номере, и какие сокращения будут проведены в каждой статье», а, следовательно, не имела возможности «составить окончательной разметки номера». Более того, готовый к публикации материал подвергался двойному просмотру. После визирования каждой статьи весь номер в сверке, по предложению Пальгунова, снова отправлялся в Отдел печати. Миров-Розкин просил внести ясность «в вопрос о том, что можно и чего нельзя давать в журнале»<sup>28</sup>. 8 февраля 1941 г. Г.Ф. Александров сообщил А.А. Жданову о том, что Управлению пропаганды и агитации ЦУК ВКП(б) удалось договориться с Пальгуновым и Димитровым о порядке просмотра журнала «Коммунистический Интернационал» в отделе печати НКИДа<sup>29</sup>.

В период политических репрессий, по мнению Е.А. Гнедина, Отдел печати НКИДа больше влиял на освещение международной ситуации в советской прессе, чем в предыдущие годы. Это объяснялось тем, что из редакций ряда газет исчезли многие квалифицированные специалисты по международным вопросам, а «оставшиеся были подавлены и осто-

<sup>26</sup> Подчеркнуто в тексте документа. – С.Е.

<sup>27</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 61. Л. 10.

<sup>28</sup> Там же. Лл. 12-13.

<sup>29</sup> Там же. Л. 15.

рожны». Редакции (кроме газеты «Правда») стали систематически посылать на просмотр в Отдел печати НКВД свои материалы, прислушиваясь к предложенным советам его сотрудников. Согласно оценке Гнедина, полезным инструментом в деятельности этого структурного подразделения являлся еженедельник «Журналь де Моску»<sup>30</sup>.

Как отмечали в своей докладной записке «Иностранная информация ТАСС» (от 14 декабря 1940 г.) Пальгунов и Кружков, существовала многоступенчатая система прохождения и обработки поступающего из-за границы материала. Он проходил через следующие инстанции: Секретариат Инотасс; выпускающий; заведующий территориальным сектором; редактор в секторе; заведующий территориальным сектором; выпускающий; заведующий редакцией; ответственный руководитель ТАСС; ротаторская, корректура и т.д.; экспедиция. В результате обработка и доведение до экспедиции одного листа информации занимала в лучшем случае 2,5—3 часа<sup>31</sup>. Вслед за получением и тщательным отбором информации на международные темы наступал этап ее распространения в СССР и за границей. Процесс доведения ее до советской и иностранной аудитории являлся, по сути, важнейшим в деятельности всей системы внешнеполитической пропаганды.

В 1930-е гг. советская периодическая печать активно использовалась для ведения внешнеполитической пропаганды. Так, сталинское руководство использовало страницы газеты «Правда» не только для официальной трактовки внешнеполитического курса, но и для публикации в газете передовых статей без подписи, авторство или редактирование которых принадлежало И.В. Сталину, В.М. Молотову либо А.А. Жданову. Так, в «Правде» была опубликована статья<sup>32</sup>, текст которой был подготовлен Ждановым и отредактирован Сталиным; она явилась своеобразным сигналом для развертывания в сентябре 1939 г. антипольской кампании в преддверии и в ходе «освободительного похода» Красной армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию<sup>33</sup>. 23 августа 1940 г. в «Правде» появилась передовая статья «Годовщина советско-германского пакта». Текст ее был подготовлен сотрудниками газеты и опубликован после того, как И.В. Сталин внес в него свои поправки<sup>34</sup>.

Статьи в «Правде» служили задаче формирования мнения о внешней политике СССР внутри страны, но порой они содержали намеки и

<sup>30</sup> Гнедин. 1981-1982. С. 381-383.

<sup>31</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 164.

<sup>32</sup> О внутренних причинах военного поражения Польши...

<sup>33</sup> Невежин. 2007. С. 159-160.

<sup>34</sup> СССР – Германия: 1933—1941. Док. №195.

предложения, адресованные непосредственно руководству иностранных государств. В таких случаях печатались материалы, которые могли не совпадать с официально провозглашенной Кремлем политикой. Так, в редакционной статье «К международному положению», опубликованной в «Известиях» 11 мая 1939 г., в условиях, когда Москва проводила зондаж о возможности достичь взаимопонимания с нацистской Германией, содержалось утверждение о том, что СССР не имеет пактов взаимопомощи с Англией и Францией. Между тем, франко-советский договор, заключенный в 1935 г., к тому времени сохранял свое действие<sup>35</sup>.

Во второй половине 1930-х гг. возникла идея использования СМИ для того, чтобы неофициально, в завуалированном виде декларировать отношение к событиям международного плана. Инициатива в этом деле принадлежала М.М. Литвинову. 2 ноября 1936 г. он обратился к Сталину со следующей просьбой: «В области внешнеполитической пропаганды буржуазные правительства имеют перед нами то преимущество, что независимо от существующих между ними и другими государствами официальных отношений, они могут через частную прессу говорить этим государствам весьма неприятные вещи. Они этим пользуются иногда даже в отношении самых близких союзников. Советская же пресса, являющаяся правительственными или партийными органами, вынуждена к большей сдержанности в отношении стран, с которыми у нас существуют более или менее честные отношения, лишена возможности высказывать по их адресу необходимые горькие истины. Правда, некоторой свободой пользуется газета «Журналь де Моску», но она выходит только раз в неделю и поэтому не всегда может откликаться на события. Мы могли бы в некоторой мере устранить это неравенство, предложив «Известиям» и «Правде» открыть рубрику «Письма в редакцию». Такая система весьма распространена в Англии и даже в таких крупных газетах, как «Таймс», «Морнинг Пост» и «Манчестер Гардиан», весьма видное место занимает отдел «Письма в редакцию». Эта просьба была удовлетворена. 4 ноября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об открытии в «Правде» и «Известиях» отдела «Письма в редакцию»»<sup>36</sup>.

Советские газеты, перепечатывавшие на своих страницах материалы на международные темы из зарубежных СМИ, должны были при перепечатке обязательно ссылаться на источник информации. Это правило было закреплено в постановлениях Политбюро ЦК ВКП(б) «О помещении в «Ленинградской правде» без указания источника статьи Т. Гарри

---

<sup>35</sup> Маркелов. 2004. С. 48.

<sup>36</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп.163. Д. 163. Л.169.

Полита об Абиссинии» (8 октября 1935 г.)<sup>37</sup> и «О порядке опубликования иностранной информации» (от 10 марта 1936 г.)<sup>38</sup>.

Большое значение имело действие «передаточных механизмов», которые должны были способствовать более эффективному функционированию советской периодической печати. Еще до того, как выработывалась избранная ЦК линия поведения по тому или иному вопросу, руководство пропагандистскими органами проводило производственные совещания с приглашением ведущих специалистов и с детальным обсуждением предстоящих целей и задач. На этих совещаниях обсуждалось не «что делать» (это было прерогативой ЦК ВКП(б)), а «как делать». На производственных совещаниях решался коренной вопрос: как сделать так, чтобы от предстоящей кампании получить наиболее эффективные психологические и практические результаты. Предоставлялось широкое поле инициативы и для каждого конкретного участника подобного рода совещаний, и для самих сотрудников органов периодической печати<sup>39</sup>. Такого рода совещание имело место, например, 25 июня 1940 года (собрано по инициативе редакций газеты «Красная звезда», журнала «Знамя» и Оборонной комиссии ССП)<sup>40</sup>.

Серьезные нарекания вызывали у высшей партийной инстанции случаи невыверенных публикаций ТАСС, касающихся конкретных персоналий западных политических деятелей. На сей счет, в частности, было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О работе ТАСС» (от 22 ноября 1936 г.)<sup>41</sup>. В мае 1934 г. был регламентирован порядок выступлений в зарубежной прессе. Отныне все советские граждане, находившиеся за границей, в первую очередь, сотрудники НКВД и НКВДТ, не имели права давать интервью или делать заявления в иностранной печати без предварительного согласия полпредов. Последним вменялось в обязанность проверять содержание подобного рода выступлений<sup>42</sup>.

Одной из важнейших функций ТАСС было направление за рубеж информации о международных событиях. Например, во Франции такие сообщения принимались и распространялись агентством Гавас. Непосредственно французским газетам ТАСС информации не поставлял<sup>43</sup>. Кроме того, ТАСС мог выступать по поручению высшего руководства с

---

<sup>37</sup> Большая цензура... С. 399-400.

<sup>38</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 6.

<sup>39</sup> Еремин. 1999. Указ. соч. С.130.

<sup>40</sup> Невежин. 2007. С. 229-231.

<sup>41</sup> Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 828.

<sup>42</sup> Dullin. P. 70.

<sup>43</sup> Пальгунов. 2001. С.193.



официальными заявлениями, давать комментарии внутри- и внешнеполитических акций Москвы. Регулярное опубликование ТАСС материалов, в которых специально оговаривалось, что изложение официальной точки зрения поручено именно ему («Заявление ТАСС», «Сообщения ТАСС», «Опровержение ТАСС») подтверждали его высокий статус<sup>44</sup>.

Декларации, как один из методов идеологического воздействия, широко применялись сталинским руководством в конце 1930-х—начале 1940-х гг. В выступлении перед партийным активом Ленинграда (ноябрь 1940 г.) А.А. Жданов прямо призывал аудиторию следить за характером и стилем «Опровержений ТАСС», которые давали возможность лучше судить о международном положении СССР<sup>45</sup>. Зачастую они преследовали не только пропагандистские и контрпропагандистские цели, но и зондировали руководящие круги отдельных стран на предмет ответной реакции, по которой можно было судить об их истинных намерениях<sup>46</sup>.

В 1940 г. В.М. Молотов обратился к сотрудникам НКВД с требованием принимать непосредственное участие в повседневной текущей пропаганде по вопросам, касавшимся международного положения, которая велась через прессу, по радио, в сети партийного просвещения. Они должны были быть хорошо информированными и ориентироваться при любых изменениях внешнеполитической ситуации. В то же время Молотов рекомендовал выступавшим в прессе и по радио работникам НКВД пользоваться псевдонимами, чтобы предотвратить «нежелательные спекуляции иностранных дипломатов и журналистов»<sup>47</sup>.

Телеграфное Агентство Советского Союза стремилось быстро реагировать на события, происходившие за рубежом, на недружественные действия в отношении СССР. ТАСС готовил для зарубежной аудитории специальные обзоры советской прессы, суммируя в комментариях и обзорах суждения по международным вопросам<sup>48</sup>. В составе ТАСС функционировало так называемое «Радио московской/советской прессы» (с 1926 г. оно называлось «Всем, всем, всем»), которое вело свои передачи на французском языке. Оно, в частности, освещало события, прямо или косвенно касавшиеся СССР.

В то же время деятельность Редакции информации для заграницы (РИДЗ) ТАСС не была лишена и существенных недостатков. О них сообщалось, в частности, в докладной записке Пальгунова и Кружкова

---

<sup>44</sup> Гасюк. 1964. С. 62.

<sup>45</sup> Невежин. 2007. С. 280.

<sup>46</sup> Гасюк. 2008. С. 61-62. Подробнее об этом см.: Невежин. 2007.

<sup>47</sup> Новиков. 1989. С. 37.

<sup>48</sup> Гасюк. 1964. С. 64.

«Выводы об обследовании редакции информации для заграницы», направленной 14 декабря 1940 г. на имя Г.Ф. Александрова<sup>49</sup> и переадресованной А.А. Пузину<sup>50</sup>. В документе, в частности, сообщалось, что почтовый материал, поступающий за границу, проходил с большим замедлением, поскольку неоднократно визировался представителями руководящего состава ТАСС. Вначале он попадал к одному из редакторов для обработки и визирования. Затем материал считывался и визировался заведующим сектором, заместителем заведующего редакцией и, наконец, заведующим редакцией. Завизированный четырехкратно русский текст затем поступал в переводческое бюро при телеграфной редакции. После перевода материал обрабатывался редактором переводов и, наконец, заместителем заведующего редакцией. Дважды завизировав его, последний отправлял готовый печатный материал в экспедицию. Таким образом, окончательная судьба документа, посылаемого за границу, находилась целиком в руках заместителя заведующего редакцией. Впрочем, имелось и одно преимущество: никакой цензуре Главлита переведенный материал не подвергался<sup>51</sup>.

Из общего количества передаваемых РИДЗ за границу, в адрес телеграфных агентств, информационных материалов 35% были посвящены вопросам международной жизни, положению в капиталистических странах, их внешней политике и т.д. РИДЗ передавал в сутки довольно ограниченное число сообщений: от 18 до 25-30-ти<sup>52</sup>. Пальгунов и Кружков высказали следующее суждение о качестве такого рода информации: она страдала отсутствием оригинальных текстов, «полученных ТАСС'ом от собственной заграничной корреспондентской сети». Эти оригинальные сообщения составляли лишь незначительную часть передаваемой по данному разделу информации. В большинстве же телеграммы на международные темы являлись своего рода «резэкспортом» информации, поступившей от иностранных, главным образом американских, телеграфных агентств, и пересказом сообщений иностранной печати<sup>53</sup>.

Недостатки имелись и в работе Инорадио. О них, в частности, сообщал Д.З. Мануильский в докладной записке от 12 ноября 1940 г., адресованной А.А. Жданову<sup>54</sup>. Поскольку в ЦК ВКП(б) намечалось обсуждение вопроса о радиовещании, Мануильский, как один из членов ИККИ,

<sup>49</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 10. Л.148.

<sup>50</sup> Там же. Л. 149.

<sup>51</sup> Там же. Л. 156.

<sup>52</sup> Там же. Л.151.

<sup>53</sup> Там же. Л.152.

<sup>54</sup> Там же. Д. 11. Лл. 64-76.

посчитал необходимым сообщить Жданову «некоторые соображения о работе Инорадио, имеющиеся у товарищей, работающих в аппарате Коминтерна и соприкасающихся с Инорадио». По сведениям, получаемым «от братских компартий и от заграничных слушателей», передачи Московского радио как по содержанию, так и по форме не соответствовали необходимым запросам и уровню зарубежной аудитории. При этом самым большим недостатком Инорадио был признан тот, что в его передачах с большим запозданием (до 2-3 дней) сообщалось о тех событиях, о которых до этого уже информировали иностранные радиостанции<sup>55</sup>. В результате, зарубежные радиослушатели, параллельно систематически получая свежую информацию по военно-политической тематике из Лондона и Берлина, были вынуждены довольствоваться почти всегда уже устаревшими известиями, переданными из Москвы. По Инорадио передавалась лишь небольшая часть появлявшихся в советской печати сообщений о международных событиях, причем большинство из них не представляло никакого интереса. Значительный массив передаваемой Инорадио материалов имел ссылку на Германское Информационное Бюро (ДНБ); остальные официальные сообщения порой просто вычеркивались из программы радио. Московское Инорадио избегало передавать даже официальную информацию о важнейших международных событиях, опубликованную в советской печати<sup>56</sup>.

Аналогичным образом, иностранный отдел газеты «Труд» с началом Второй мировой войны публиковал сводки с Западного фронта, стараясь соблюсти «объективность»: вначале давались сообщения английского и французского командования, а затем германского<sup>57</sup>. В «Труде» также перепечатывались статьи из американского журнала «Нейшн», английского еженедельника «Нью стейтсмен энд нейшн». Однако с расширением боевых действий в Европе зарубежная пресса, из которой сотрудники иностранного отдела «Труда» могли черпать интересующие их материалы, приходила все с большим опозданием, разрозненно<sup>58</sup>.

Для местной советской печати насущной проблемой являлся дефицит профессиональных работников. Несмотря на репрессии, в центральной печати к концу 1930-х гг. работали более квалифицированные работники, чем в местной. Поэтому в средствах массовой информации на местах порой выявлялись досадные недочеты, которым придавался большой политический смысл. Так, в газете «Колхозный призыв» (Кали-

---

<sup>55</sup> Там же. Л.64.

<sup>56</sup> Там же. Л.67-68.

<sup>57</sup> *Шейнис*. 1990. С.100.

<sup>58</sup> Там же. С. 113-114.

нинская область) 2 июня 1939 г. был напечатан переданный по каналам ТАСС доклад Молотова «О международном положении и внешней политике». При его перепечатке газета допустила грубейшее искажение. В докладе утверждалось, что, судя по некоторым признакам, советско-германские переговоры могут возобновиться, а газета «Колхозный призыв» ошибочно сообщала: «переговоры не могут возобновиться»<sup>59</sup>.

В условиях «капиталистического окружения», идеологического противоборства между СССР и остальным миром Москва часто использовала в своей внешнеполитической пропаганде «газетные бои». К этому методу контрпропаганды она прибегла, например, осенью 1933 года, когда между Советским Союзом и Германией возникли трения по поводу освещения в советских средствах массовой информации Лейпцигского судебного процесса о поджоге рейхстага.

Усиление опасности на Дальнем Востоке со стороны Японии, которая открыто проводила милитаристскую политику, дало основание Сталину выступить с инициативой о начале «осмысленной» обработки «общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии». Эта «обработка» была невозможна без привлечения советских средств массовой информации. В своей телеграмме 21 октября 1933 г. Л.М. Кагановичу, находившемуся во время отпуска генсека на «партийном хозяйстве» в Москве, Сталин изложил следующую программу действий: «Надо развернуть это дело (антияпонскую печатную пропаганду – С.Е.) в “Правде”, “Известиях”. Надо использовать также ГИЗ (Государственное книжное издательство – С.Е.) и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и положительными сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что выпукло надо выставить отрицательные, империалистические, захватнические милитаристские стороны [...] Надо также напечатать в “Правде” “Путевые заметки по Японии и Корее” и вообще начать длительную солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии»<sup>60</sup>. Начиная с 26 октября, в газете «Правда» регулярно стали появляться материалы о Японии<sup>61</sup>. В дальнейшем, в связи с обострением советско-японских отношений по вопросу о продаже КВЖД, Сталин неоднократно давал указания о развертывании контркампании в ответ на японскую кампанию в печати, направленную против СССР<sup>62</sup>.

<sup>59</sup> Маркелов. 2004. С. 52.

<sup>60</sup> Сталин и Каганович. Переписка. Док. № 411.

<sup>61</sup> Там же. С. 401, прим. 1.

<sup>62</sup> Там же. Док. №451, 460.

Инициатива освещения в периодической печати тех или иных внешнеполитических акций СССР могла исходить не только от Сталина, но и от руководителей соответствующих идеологических структур. Так, 2 апреля 1936 г. заведующий Отделом печати ЦК ВКП(б) Б.М. Таль в докладной записке на имя Сталина предлагал выступить «с разъяснением вопроса» о взаимной поддержке СССР и Монгольской Народной Республики в связи с обострением ситуации на Дальнем Востоке. Таль считал целесообразным поместить на страницах центральных («Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «За индустриализацию»), а затем и региональных газет, статьи информационного характера. Тематически они должны быть, по мнению Талья, посвящены географическому положению МНР, повествовать о планах захвата этой страны японскими империалистами и возможности нападения через ее территорию на СССР. Таль считал, что такого рода статьи «можно было бы проредактировать и согласовать с НКВД»<sup>63</sup>. Уже 4 апреля 1936 г. докладная записка Талья была положена в основу решения Политбюро «Об освещении в печати вопросов МНР»<sup>64</sup>.

Одним из действенных методов, применявшихся в ходе регулярно проводившихся «газетных боев», была политическая карикатура на международные темы. Один из деятелей Коминтерна, Ф. Кон, в 1931 г. так определял политического карикатуриста: «Часовой. Вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающим его приемы»<sup>65</sup>. Выступая на втором пленуме Оргкомитета ССП (12 февраля 1933 г.), накануне своего назначения полпредом в Испанию, А.В. Луначарский так определил задачи этого изобразительного жанра: «Карикатурой, сатирой, сарказмом мы должны бить врага, дезорганизовывать его. Унизить – если можем – в его собственных и, во всяком случае, в наших глазах, развенчать его святую, показывать, как он смешон». Никто не удивляется, если Б.Е. Ефимов или кто-либо другой из карикатуристов «в самые неожиданные положения ставит», например, британского политического деятеля Д.Р. Макдональда, хотя «в действительности он никогда таким не был. Но мы очень хорошо знаем, что это большая правда, чем самая лучшая фотография с Макдональда, потому что она этим искусственным положением, неправдоподобным положением выясняет внутреннюю правду больше, чем какой бы то ни было другой прием»<sup>66</sup>. В 1930-е гг. полити-

<sup>63</sup> Большая цензура... Док. № 304.

<sup>64</sup> рГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1103. Л. 2.

<sup>65</sup> Цит. по: Лицо врага... С. 3.

<sup>66</sup> Между молотом и наковальней... 2010. С. 195.

ческая карикатура являлась действенным оружием в локальных «газетных боях», например, против нацистской Германии<sup>67</sup>, а также накануне и в ходе «освободительных походов» Красной армии против Польши (1939) и «зимней войны» против Финляндии (1939—1940)<sup>68</sup>.

Органы внешнеполитической пропаганды СССР зачастую обращались к заграничному опыту, накопленному в данной сфере. Так, летом 1939 г. была составлена справка «о демагогических приемах фашистской пропаганды». В ней прямо указывалось на необходимость принятия на вооружение не только официальными советскими пропагандистскими структурами, но и спецподразделениями Коминтерна отдельных форм пропаганды ведомства Й. Геббельса<sup>69</sup>.

В упомянутой докладной записке Мануильского на имя Жданова от 12 декабря 1940 г. содержалось предложение об изучении, в целях совершенствования работы Инорадио, использования опыта иностранного радиовещания в Великобритании и Германии. Мануильский, в частности, сообщал, что англичане после начала войны вели передачи за рубеж на 25-ти языках. На одном только немецком языке из Лондона бывало ежедневно 8 передач продолжительностью от 15 до 30-ти минут каждая, на французском – 8 передач ежедневно. При этом английская радиостанция работала «на коротких волнах фактически непрерывно день и ночь». Что касается германского радио, иностранный отдел которого не уступал английскому, то его передачи вызывали у слушателей «впечатления непосредственных переживаний». Германское радио, как и английское, почти не использовало статей в своих передачах. Газетные же материалы цитировались в рамках хроники, кратких обзоров печати – в целях ведения полемики с иностранными радиопередачами, или когда речь шла об информировании радиослушателей относительно точки зрения германской прессы по какому-либо вопросу.

Мануильскому особенно импонировало то, что программа германского радио отличалась особенно наглядным и легко запоминающимся распределением передач. По фиксированным дням, в одно и то же время, одни и те же дикторы выступали по постоянному тематическому циклу. Так, передача под названием «Эхо Германии» давала в эфир преимущественно репортажи с фронта, с месторасположения зенитных батарей, с бортов судов. При этом ведущие старались «находиться с микрофонами на месте событий, т.е. как можно меньше в самой студии». Ежедневно предлагался обзор важнейших политических событий под заголовком

---

<sup>67</sup> Голубев. 2010. С. 85-105.

<sup>68</sup> Подробнее см.: Токарев. 2006; Невежин. 2007. С.162-163, 172-173-179, 195.

<sup>69</sup> Гасюк. 2008. С. 104-105.

«Информация о Германии». Каждые 2-3 дня по радио выступал представитель министерства пропаганды, ответственный за руководство германской прессой советник нацистского пропагандистского ведомства доктор Фриче, который предлагал обзор газет и радио продолжительностью 15 минут, полемизируя с иностранной печатью, излагая точки зрения, которые выдвигались германской стороной. Завершая свои суждения по данному вопросу, Мануильский подчеркивал: «Конечно, далеко не все то, что применяют в своих иностранных передачах зарубежные радиостанции, и в особенности радиостанции воюющих стран, может быть приемлемо для СССР. Но опыт заграничного инорадиовещания нужно изучать, чтобы найти свои, еще более удачные и эффективные формы и методы иностранного радиовещания»<sup>70</sup>.

Рекомендации о содержании передач Инорадио на международные темы, изложенные в докладной записке Д.З. Мануильского на имя А.А. Жданова, сводились к следующим трем основным пунктам:

«1) Информационный материал должен редактироваться особенно тщательно и своевременно руководством Инорадио, исходя из получаемых им принципиальных установок, и немедленно вслед за этим сообщаться редакторам языковых секций.

2) Целесообразно отказаться от передачи информации, известной уже иностранному слушателю из прессы или радио в своей стране.

3) Необходимо подобрать для Инорадио высококвалифицированных специалистов-международников для составления еженедельных международных обзоров (по печати) с последующим утверждением этих обзоров директивными органами».

25 декабря 1940 г. Я.С. Хавинсон направил Г.Ф. Александрову докладную записку, в преамбуле которой говорилось: «В связи с ознакомлением Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с работой ТАСС, было бы целесообразным обсудить ряд предложений по организационным вопросам». Хавинсон предлагал определить место Телеграфного Агентства Советского Союза в системе советских организаций, занимающихся вопросами устной и печатной пропаганды. При ближайшем рассмотрении, разъяснял он, данный вопрос является частью проблемы создания централизованного и оперативного руководства пропагандой не только внутри СССР, но «и, главным образом<sup>71</sup>, за границей».

В данной связи он излагал известные ему сведения относительно организации внешнеполитических ведомств, в первую очередь, в Англии (Министерство информации) и в нацистской Германии (Имперское

<sup>70</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Лл. 68-72.

<sup>71</sup> Подчеркнуто в тексте документа – С.Е.

министерство пропаганды, отдел печати имперского правительства). По мнению Я.С. Хавинсона, общим для них являлась: централизация дела пропаганды; объединение в одном центре оперативного руководства устной и печатной пропагандой, в том числе – отсылаемой за рубеж<sup>72</sup>.

К началу 1940-х гг., когда в СССР полностью сложилась система партийно-государственного управления страной вообще, и внешнеполитической пропагандой, в частности, были отложены механизмы принятия решений и проведения политических кампаний, способных в несколько недель мобилизовать огромные массы населения<sup>73</sup>.

После подписания пакта о ненападении и договора о дружбе и границе с Германией и вплоть до начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе прошло несколько политико-идеологических кампаний, которые в первую очередь были направлены на поддержание и развитие курса Кремля на международной арене. В ходе этих кампаний сталинским режимом было инициировано сосредоточение внимания на определенной группе вопросов внутривнутриполитического (внешнеполитического) характера для достижения заранее определенных целей. Процесс этот в конкретных условиях конца 1930-х гг., когда в СССР уже существовала система тотальной пропаганды, осуществлялся путем активного воздействия на общественное сознание с помощью всех имеющихся политико-пропагандистских инструментов, начиная от устной агитации и кончая средствами массовой информации и печати.

Развертыванию политико-идеологической кампании, как правило, предшествовал начальный импульс, когда секретно или публично (в зависимости от ситуации) провозглашалась установка высшего партийно-политического руководства относительно ее характера и содержания.

Получив подобный «посыл сверху», органы политической пропаганды и агитации начинали проводить организационные мероприятия по перестройке своей работы в соответствии с полученными «руководящими указаниями». Затем в дело последовательно вступали высшее, среднее и низовое звенья пропагандистской структуры. Таким образом, как правило, осуществлялась начальная стадия политико-идеологической кампании. Второй этап ее заключался в непосредственном внедрении в общественное сознание тех или иных конкретных установок, сформулированных высшим политическим руководством страны и подхваченных агитацией и пропагандой. На этом этапе, как принято говорить, «идея овладевала массами» (или «масса овладевала идеей»).

---

<sup>72</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 31-32.

<sup>73</sup> Горяева. 2002. С. 14.



Такова общая модель осуществления политико-идеологической кампании, сложившаяся в СССР<sup>74</sup>.

Выбор тех или иных форм пропагандистской активности, как правило, диктуется конкретными политическими условиями. В любом случае должна быть определенная отдача от пропагандистских усилий, которая отнюдь не всегда поддается точной оценке. Несмотря на некоторую условность, существуют определенные критерии эффективности пропаганды. Применительно к советской внешнеполитической пропаганде 1930-х гг. можно указать, по крайней мере, четыре источника, с помощью которых приблизительно определяется степень влияния ее на общественное сознание: 1) уровень печатаемости тех или иных пропагандистских материалов; 2) содержание писем-откликов на материалы внешнеполитической пропаганды, приходившие в вышестоящие инстанции или в редакции конкретных СМИ; 3) сводки настроений, составлявшихся органами НКВД, в которых фиксировались высказывания отдельных граждан; 4) дневники, переписка, мемуары современников и участников событий.

Оценка эффективности пропагандистской деятельности СССР в 1930-е гг. является важной и сложной задачей. Ясной картины о реальном влиянии советской информации на зарубежную аудиторию в 1930-е гг. нет, поэтому весьма проблематично восстановить полную картину.

В данной связи следует отметить, что отдельные попытки определения пропагандистской эффективности советской прессы в Германии предпринимались в 1940-1941 гг. советником полпредства А.А. Смирновым. Он завел следующий порядок: каждое утро делал для дипломатического состава краткий доклад о сообщениях немецкой и мировой печати. В первую очередь, преследовалась цель отслеживать и фиксировать реакцию германских СМИ на появлявшиеся в советской прессе статьи на международные темы<sup>75</sup>.

Что касается степени печатаемости тассовских сообщений, то она даже в самое благоприятное время не превышала 15% от общего объема информации, посланных ТАСС за границу сообщений. Это было далеко не самым лучшим результатом, особенно в сравнении с соответствующими показателями таких зарубежных информационных агентств, как Юнайтед Пресс, Рейтер, Гавас, ДНБ. Однако руководство ТАСС в конце 1930-х гг. оставалось в неведении относительно результативности распространения его информационных материалов за границей.

---

<sup>74</sup> Гречухин. 1997. С. 172-173; Ушакова. 2001. С. 13-14; Невежин. 2007.

<sup>75</sup> Гасюк. 2008. С. 89.

Так, в упоминавшейся докладной записке В.С. Кружкова и Н.Г. Пальгунова «Выводы об обследовании редакции информации для заграницы» (14 декабря 1940 г.) прямо констатировалось, что РИДЗ «плохо осведомлена о количестве использованных материалов, посланных в ту или иную страну», поскольку «единственно верным источником такого рода сведений может быть только сообщение корреспондентов ТАСС'а». Последние, подчеркивали Кружков и Пальгунов, в большинстве своем не выполняли указаний руководства ТАСС об информировании своего руководства по этому вопросу; другие же просто не принимали активного участия в продвижении информации за границу.

По иностранным газетам о количестве опубликованных материалов судить было очень трудно, поскольку РИДЗ получала ограниченное количество газет (преимущественно центральных). Следовательно, замечали Кружков и Пальгунов, оставался не выясненным вопрос: публикуются ли эти материалы в зарубежных «провинциальных газетах». Например, в германской центральной прессе присланных по линии РИДЗ материалов не встречалось. Однако было установлено, что ДНБ их рассылал в провинцию, а германскими провинциальными газетами ТАСС не располагал. Берлинский же корреспондент Телеграфного Агентства СССР ничего не сообщал по этому вопросу<sup>76</sup>.

Здесь следует отметить следующее: если бы даже было известно, что какие-то пропагандистские материалы, посланные по линии ТАСС, и публиковались в нацистской прессе, то вряд ли они вызвали бы эффект, на который рассчитывала Москва, поскольку между нацистским и советским режимами в тот период оставался непреодолимый политико-идеологический барьер.

Относительно писем, адресованных в СМИ отдельными гражданами, а также суждений на внешнеполитические темы, зафиксированных в сводках о настроениях, готовившихся органами НКВД, а также в источниках личного происхождения (в дневниках, переписке и в мемуарной литературе), то они довольно дискретны, и поэтому могут быть использованы лишь в качестве конкретных иллюстративных примеров.

Таким образом, система советской внешнеполитической пропаганды 1930-х гг. имела довольно сложный и многоступенчатый механизм функционирования. Основной ее задача – сбор, отбор и передача в Москву информации на международные темы – решалась главным образом при активном участии ИККИ, редакции иностранной информации ТАСС (РИДЗ), ВОКСа, Инорадио, Иностранной Комиссии ССП, сотрудников

---

<sup>76</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 154-155.

полпредств СССР и корреспондентов Телеграфного Агентства Советского Союза за границей. Большое внимание уделялось при этом отбору полученной из иностранных источников информации, которая проходила строгую предварительную цензуру соответствующих отделов, а с 1939 г. – Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Отдела печати Народного комиссариата иностранных, сотрудников ИНО ТАСС.

Важнейшим этапом было распространение информации международного характера за границей и в СССР. Она передавалась по каналам ТАСС, Инорадио, путем публикации ее в советских СМИ. Ставилась задача распространения материалов о событиях в мире, направленных из Москвы за границу, в центральной и местной прессе зарубежных стран. Однако она являлась непосильной, и довольно трудно найти подтверждения того, что такие сообщения вообще печатались за границей.

В процессе отбора и передачи за рубеж информации на международные темы советские внешнеполитические ведомства встречались с такими затруднениями, как их излишняя бюрократизация, неоперативность, неспособность конкурировать с западными информационными агентствами в вопросе об эксклюзивности передаваемых сообщений. Эти недостатки руководители внешнеполитических пропагандистских структур (Инорадио, ТАСС) пытались устранять, обращаясь к зарубежному опыту. Особенно актуальным данный вопрос стал с началом Второй мировой войны, когда в СССР пытались использовать опыт Германии и Англии в деле организации внешнеполитической пропаганды.

Внешнеполитическая пропаганда активно использовалась в ходе разного рода локальных кампаний в СМИ, связанных с решением актуальных задач взаимоотношений с соседними государствами, в частности, в период их обострения («газетные бои»). Наконец, ее методы брались на вооружение в период проведения политико-пропагандистских кампаний сталинского руководства конца 1930-х – начала 1940-х гг., когда использовался весь накопленный опыт использования печатной пропаганды и устной агитации в конкретных политических целях.

### БИБЛИОГРАФИЯ

РГАСПИ Ф.17. Оп. 3, 125, 162, 163.

Большая цензура: писатели и журналисты в Стране советов. 1917–1956. М.: Материк, Международный фонд «Демократия», 2005.

ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее. Исторический альманах. Т. 14. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993.

Всегда по эту сторону. Воспоминания о Викторе Кине. М.: Советский писатель. 1966.  
*Гасюк А.Г.* Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.). Дис...к.и.н. М., 2008.

- Гнедин Е. В наркоминделе. 1922–1939 // Память. Исторический сборник. М.; Париж, 1981–1982. Вып. № 5. С. 375-376.
- Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2002.
- Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». Германия и немцы в советской политической карикатуре (1922–1939 гг.) // Россия и Германия в XX веке. В 3-х т. Т. 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. М. АИРО-XXI, 2010.
- Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934 – 1941 гг. Дис...к.и.н. Саратов, 1997.
- Еремин С.В. Советская пресса и цензура в 20-е – 30-е годы (источниковедческий аспект) // Научные труды Нижневартковского государственного педагогического университета. Серия «История». Вып. 1. Нижневартковск, 1999. С. 125-135.
- Лицо врага. Рисунки Б. Ефимова. М.: Гос. воен. изд-во. 1931.
- Маркелов С.Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939—1941 гг. Дис...к.и.н. Омск, 2004.
- Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т.1. 1925 – июнь 1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
- Невежин В.А. «Если завтра в поход...Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М.: ЭКСМО, 2007.
- О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939. 14 сент.
- Пальгунов Н.Г. Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата). М.: Политиздат, 1964.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2001.
- СССР – Германия: 1933–1941. М.: Вестник Архива Президента РФ, 2009.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. М.: РОССПЭН, 2001.
- Токарев В. Польская тема (1939) за пределами «Правды». Советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // Polacy i rosjanie – przezwycięzanie uprzedzeń. Поляки и русские – преодоление предубеждений. Łódź, 2006.
- Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х — начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири). Автореферат дис...к.и.н. Новосибирск, 2001.
- Шейнис З.С. Перед нашествием: Из записной книжки 1939–1941 годов // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 98-118.
- Dullen S. Des homes d' influenses. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939. Paris: Payot, 2001.
- Еремин Сергей Владимирович**, специалист информационно-аналитического отдела Нижневартковского государственного гуманитарного университета; serjomin@mail.ru

*А. И. ФЕДОРЕЦ*

## **ПРЕДСТАВИТЕЛИ МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. ПО МАТЕРИАЛАМ ИСПОВЕДНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РОДА ТРЕТЬЯКОВЫХ)**

---

В статье, на примере известного купеческого рода Третьяковых, показано, что исповедные ведомости содержат уникальную информацию о вероисповедной активности московских купцов, местах их жительства, связях с тем или иным приходом, составе жителей того или иного двора и т.п. Перечислен ряд ограничений, связанных с использованием исповедных ведомостей как источника по истории купечества. Автор приходит к выводу, что анализ исповедных ведомостей позволяет выявлять новые сведения как о рядовых, так и о выдающихся представителях московского купечества дореволюционного периода на протяжении нескольких поколений.

**Ключевые слова:** *источниковедение, Третьяковы, московское купечество, исповедные ведомости, прихожане.*

---

В экономической и культурной жизни Российского государства XVIII и, особенно, XIX в. московское купечество играло весьма активную роль. Как и в целом по стране, положение московского торгового люда на протяжении этого времени было подвержено значительным изменениям. В XVIII в. купцы продолжали претерпевать существенное ущемление в правах по сравнению с дворянством. Даже «Жалованная грамота городам» 1785 г. мало изменила правовой статус «торговых людей». Уровень устойчивости московских купеческих «династий» стремился к ничтожным величинам: представители одного семейства могли занимать лидирующие позиции в торгово-промышленном мире на протяжении одного-двух, в лучшем случае трех поколений. К последней трети XIX столетия это положение изменится: купечество получит целый ряд прав и привилегий, начнет играть заметную роль в делах родного города, а купеческие династии обретут заметно большую устойчивость. Не случайно именно в 1850-60-е гг. закладываются основы для «Золотого века» купеческого меценатства и масштабной благотворительности, появляются первые художественные коллекции, составленные коммерсантами: К.Т. Солдатёнковым, П.М. Третьяковым и др.

По мере того, как общественное положение природных коммерсантов упрочивается, а культурный уровень повышается, состав источников, которые позволяют проследить историю отдельных представи-

телей этой социальной группы, существенно расширяется. Так, для второй половины XIX в. открывается возможность значительно шире, чем в более ранние периоды, использовать источники личного происхождения – переписку, мемуары, дневники. С другой стороны, многие ценные источники для второй половины XIX в. сохранились заметно лучше, чем для периода XVIII – первой половины XIX в. К их числу относятся завещания отдельных купцов, приходные книги по церквям, акты о приобретении недвижимости, формулярные списки, государственное и коммерческое делопроизводство, касающееся промышленных предприятий, торговых форм, банков и т.п.

С учетом этих двух обстоятельств можно констатировать: исследователь московского купечества XVIII – первой половины XIX в. имеет в своем распоряжении на порядок меньше материалов, по сравнению с тем, чем располагает его коллега, изучающий середину – вторую половину XIX в. В связи с этим особую ценность приобретает изучение тех групп источников, которые появились еще в XVIII в., регулярно составлялись на протяжении всего XIX в. и могут предоставить сравнимые сведения о московском купечестве за весь рассматриваемый период. Одним из таких источников являются исповедные ведомости.

Исповедные ведомости – это учетные документы, при помощи которых Русская Православная Церковь собирала сведения о состоянии приходов. В XVIII – начале XX в. любой человек православного вероисповедания был связан со строго определенным приходом, к которому был «приписан» двор, где этот человек проживал. При помощи исповедных ведомостей государство выявляло старообрядцев и заставляло их платить подати, а также следило за состоянием религиозной жизни. Наряду с метрическими книгами исповедные ведомости традиционно используются в работах генеалогической направленности для построения семейного древа. Однако этим их роль, как правило, исчерпывается. В исследованиях по истории купечества этот любопытнейший источник до сих пор использовался весьма ограниченно. Между тем, информация, которую можно извлечь из исповедных ведомостей, довольно обширна.

Исповедные ведомости по г. Москве сохранились за период с 1737 г. до последней трети XIX в.<sup>1</sup> Несмотря на то, что их формуляр со

---

<sup>1</sup> Исповедные ведомости по г. Москве и уездам Московской губернии отложились в фондах Центрального исторического архива г. Москвы. См.: ЦИАМ. Ф. 203. Московская духовная консистория. Оп. 747. Исповедные ведомости церквей г. Москвы и уездов Московской губернии. Фактически, материалы этого фонда охватывают 1737-1915 гг. Однако на деле 1865 г. – это последний год, за который можно получить информацию по собственно московским приходам.

временем менялся<sup>2</sup>, исповедная «роспись» (основная часть документа, в которой и следует искать сведения по купцам) на протяжении всего данного периода оставалась неизменной. Это позволяет получить по XVIII столетию столь же подробную информацию, как и по XIX в. Более того, для середины – второй половины XIX в. исповедные ведомости дают дополнительную информацию, которую исследователю предпринимательства не удастся найти в традиционно рассматриваемых им группах источников. Исповедные ведомости – это источник массовый, он составлялся ежегодно и охватывал все православное население Москвы, а также старообрядцев. Благодаря этому, он позволяет проследить расселение как всех жителей Москвы, так и различных социальных групп; позволяет он увидеть и перемену мест жительства отдельных людей. Прежде чем говорить об особенностях исповедных ведомостей как источника по истории купечества, следует охарактеризовать специфику данного источника как такового.

Московские исповедные ведомости формировались по сорокам. Сорок – это церковно-административная единица, объединяющая в среднем 40-50 приходов. В XVIII в. в Москве насчитывалось 5-6 сороков<sup>3</sup>. Специфика исповедных ведомостей заключается в том, что они фиксировали *наличное* население приходов, т.е., во-первых, ведомости далеко не всегда дают сведения о лицах, на данный год отсутствующих по месту жительства<sup>4</sup>; во-вторых, они включают временно пребывающих в городе лиц разных сословий; в-третьих, за их рамками остается все неправославное население. Тем не менее, Б.Н. Миронов, сравнивая церковный учет с ревизским и административно-полицейским, приходит к выводу, что его точность была достаточно высока<sup>5</sup>. Точность московских исповедных ведомостей, несомненно, выше, чем в целом по стране.

---

<sup>2</sup> Подробнее об истории возникновения исповедных ведомостей, а также об изменении в их формуляре см.: *Федорец*. 2010. С. 6-18.

<sup>3</sup> Сороки в Москве прослеживаются с середины XVI века: упоминания о сороках встречается в «Стоглаве» 1551 г. (в тексте они названы «соборами»), но точная дата их появления неизвестна. По-видимому, количество приходов в том или ином сороке не было постоянно; так, состав самого маленького Китайского сорока в иные годы не превышал 10-ти храмов. В связи с этим и границы между сороками могли существенно колебаться. В документах XVIII в. встречаются следующие сороки: Замосворецкий, Ивановский, Никитский, Пречистенский, Сретенский и Китайский (он то появляется, то пропадает – в отличие от прочих сороков, представленных исповедными ведомостями на постоянной основе).

<sup>4</sup> Как правило, исключение из этого правила составляют дворовладельцы: вне зависимости от того, присутствуют ли они в своем дворе, о них имеются минимальные сведения: род занятий, имя и, в ряде случаев, фамилия.

<sup>5</sup> *Миронов*. 1989. С. 114.

Во-первых, потому, что московские священники, более грамотные, чем провинциальные, допускали меньше ошибок при учете населения. Во-вторых, их приход отличался компактностью. На одного священника приходилось обозримое число прихожан, а значит, он должен был хорошо знать большинство из них, и ему было труднее ошибиться.

Нельзя упускать из вида один важный факт: для составителей исповедных ведомостей точкой годового отсчета являлось не начало января (как в светском календаре), а первый день сентября. Период, когда прихожане могли исповедоваться за текущий год, заканчивался 15 августа (по старому стилю), в праздник Успения Божией Матери. Предполагалось, что те, кто не пришел на исповедь в Великий или же Петров пост, должны были это сделать в течение Успенского поста, т.е. по 15 августа. После этого священник составлял чистовой вариант исповедной ведомости по своему приходу, а также создавал ее копию для отправки в Московскую Духовную консисторию, где отдельные ведомости сшивались в книгу по сорокам. Так, исповедные ведомости за 1784 г. составлены за период с 16 августа 1783 г. по 15 августа 1784 г.

Еще одна особенность исповедных ведомостей – в том, что они дают исчерпывающую информацию почти исключительно по дворовладельцам и крайне редко – по социальному составу жителей дворов, особенно в XVIII в. Это существенно затрудняет поиск конкретных лиц, не имевших жилой недвижимости на территории города, хотя и не делает его вовсе невозможным (как будет показано ниже).

Московские исповедные ведомости XVIII – начала XIX в., несмотря на значительный объем материала, не всегда могут дать полную информацию о прихожанах за длительный промежуток времени. Нередки случаи, когда за тот или иной год отсутствует ведомость по нескольким приходам. За другие годы могла быть утрачена информация по всему сороку. В период царствования Николая I ситуация изменяется в корне, и сохранность источника резко возрастает. Взяв в руки исповедные ведомости, составленные в середине 1820-х гг. или позднее, можно быть уверенным, что в них есть нужный приход.

С большой осторожностью надо относиться к встречающимся в ведомостях указаниям на возраст того или иного жителя прихода: священник, составлявший документ, в большинстве случаев оценивал возраст прихожан на глаз, не зная точной даты их рождения. Поэтому приведенная цифра может быть больше или меньше реальной как на 1 год, так и на 10 лет (особенно когда речь идет о пожилом человеке).

Помимо указанных особенностей, существовал еще целый ряд факторов, способных повлиять на точность исповедного учета. Горожа-



не, записанные в приходе одного священника, могли иметь духовником священника из другого прихода. Сбору данных мешала постоянная миграция населения: переселяясь из одной части города в другую или даже на соседнюю улицу, человек автоматически становился частью паствы другого прихода – это не говоря о перемещениях между городами или между городом и деревней. Солдатские жены и вдовы могли за год сменить 6-7 квартир – и оказаться записанными в 4-5 исповедных росписях (в том случае, если за год они исповедовались несколько раз).

Таким образом, исповедные ведомости имеют особенности, ограничивающие возможности их применения. Однако, даже с учетом этого, данный источник обладает высоким информационным потенциалом. Потенциал этот, а также особенности ведомостей как источника по истории купечества, удобно показать на конкретном примере – истории купеческого рода Третьяковых с конца XVIII в. до середины 60-х гг. XIX в.

Род Третьяковых приобрел общеевропейскую известность во второй половине XIX в., благодаря двум братьям – Павлу и Сергею Михайловичам Третьяковым. Павел Михайлович прославился как создатель крупнейшей галереи русской живописи, а Сергей Михайлович – коллекцией выдающихся произведений западных художников. К моменту появления братьев на свет история их купеческой династии насчитывала без малого два столетия. Начало рода Третьяковых принято возводить к 1646 г. Именно под этим годом в переписной книге города Малоярославца упоминается «посадский человек» Фомка Лукьянов – первый известный представитель семейства<sup>6</sup>. История Третьяковых-москвичей начинается с 1774 г., когда представители этого рода записались в московское купечество и перебрались на жительство в Первопрестольную.

О первых двух поколениях семьи, проживавших в Москве, специалистами собрано крайне мало сведений, притом не всегда достоверных.

Елисей Мартынович Третьяков (род. между 1704 и 1710 – ум. в 1783), прадед известного мецената Павла Михайловича, на склоне лет перешел из малоярославецкого в московское купечество. Современный исследователь Л.М. Анисов пишет: «Елисей Мартынович первым из Третьяковых перебрался в Москву в 1774 году, будучи семидесятилетним стариком. До конца своих дней он жил с женой Василисой Трифоновной и двумя сыновьями в купленном им доме на Бронной, в приходе церкви Иоанна Богослова»<sup>7</sup>. Это сообщение нуждается в существенном уточнении, и важную роль здесь играют данные исповедных ведомостей.

---

<sup>6</sup> Малоярославец... 1884. С. 2.

<sup>7</sup> Анисов. 2004. С. 7.

Елисей Мартынович Третьяков, действительно, записался в московское купечество в 1774 г., «по указу Главного магистрата»<sup>8</sup>. Вместе с ним на жительство в Первопрестольную переехала его жена, Василиса Трифоновна (урожденная Бычкова), и два сына – Захар (род. между 1750 и 1753 – ум. в 1816) и Осип Елисеевичи. Однако Третьяковы не сразу обосновались в приходе ц. Иоанна Богослова Бронной слободы. По-видимому, первым местом их жительства стал приход ц. Рождества Христова в Палашах. В исповедной ведомости Никитского сорока за 1775 г. фигурирует «второй гильдии купец Алексей Мартынов сын Третьяков», ок. 70 лет от роду<sup>9</sup>. Скорее всего, речь идет о Елисее Мартыновиче: составители ведомостей нередко путали имена «Алексей» и «Елисей». Так, в ведомостях за 1783 г. упоминается Хевронья Елисеева, по-видимому, дочь Е.М. Третьякова. В следующем году она же записана как «Хаврония Алексеева», притом совершенно очевидно, что речь идет об одном и том же человеке<sup>10</sup>. Собственного дома у Елисея Мартыновича в тот момент не было, он снимал «угол» у купца И.П. Наугольника.

В Иоанно-Богословский приход семейство Третьяковых перебралось не ранее 1780 г. – в документах за 1779 г. их еще нет. К сожалению, в исповедных ведомостях за 1780-82 гг. отсутствуют росписи этого прихода. Зато в ведомости за 1783 г. впервые упоминаются имена живущих здесь Третьяковых: купцов Захара и Осипа Елисеевичей с женами, а также двух их сестер. В 1783-90 гг. дети Елисея Мартыновича живут в упомянутом приходе<sup>11</sup>, откуда вскоре исчезают. Где Третьяковы жили в 1776-82 и в 1791-94 гг., сказать трудно: их присутствие не отмечено ни в Иоанно-Богословском, ни в Николо-Голутвинском приходе, куда они переедут лишь в 1795 г. Зато ясно, что, вопреки Анисову, собственный двор у семейства появился не ранее 16 августа 1783 г. – 15 августа 1784 г., то есть незадолго до кончины Е.М. Третьякова<sup>12</sup>. Годом ранее

---

<sup>8</sup> Павел и Сергей Третьяковы... 2006. С. 434.

<sup>9</sup> Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 747. Д. 457. Л. 177. В исповедной ведомости по Никитскому сороку за 1774 г. роспись данного прихода отсутствует. Однако в исповедные ведомости за 1775 г. попадал и значительный отрезок от 1774 г. (29 августа – 31 декабря).

<sup>10</sup> Ср.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1976. Л. 53; Там же. Д. 537. Л. 11 об.

<sup>11</sup> Там же. Д. 537, 588, 607, 1976 и др. За 1791 г. сведений по Иоанно-Богословскому приходу в исповедных ведомостях не имеется. В ведомости за 1793 г. Третьяковы уже не значатся прихожанами ц. Иоанна Богослова в Бронной.

<sup>12</sup> Так, один из документов эпохи указывает, что Е.М. Третьяков «... жительство имеет в приходе церкви Иоанна Богослова, что словет в Бронной, своим двором». Цит. по: Павел и Сергей Третьяковы... С. 434. Следовательно, собственный двор у Третьяковых появился еще при жизни главы семейства.

(последняя треть 1782 г. – вторая треть 1783 г.) Третьяковы числятся в ведомостях как служители «господина офицера Ивана Калинина» и живут на его дворе<sup>13</sup>. Очевидно, в покупку недвижимости была вложена часть средств, накопленных за несколько лет торговли в Москве. Затем между братьями Захаром и Осипом Елисеевичами произошел раздел: если в 1784 г. братья жили вместе, то в 1789-м Захар Елисеевич с женой продолжает жить в Иоанно-Богословском приходе, на собственном дворе, а Осипа Елисеевича с ним рядом уже не видно<sup>14</sup>.

К середине августа 1792 г. Третьяковы исчезают из прихода ц. Иоанна Богослова<sup>15</sup>. В 1795 г. семья купца 3-й гильдии З.Е. Третьякова обосновывается уже в другом районе Москвы – Замоскворечье. Здесь, в приходе ц. Николая Чудотворца в Голутвине, купец обзаводится новым домом, который со временем станет «родовым гнездом» Третьяковых. Позднее тут возникнет целый комплекс принадлежащей Третьяковым недвижимости: жилые постройки, амбары, торговые бани. Сохранился документ о покупке З.Е. Третьяковым «двора» в Голутвине: «1795 года, марта, в четвертый надесять (т.е. 14-й. – А.Ф.) день, лейб-гвардии сержанты Михайла и Александр Ильины, дети Павловы, в роде своем последние, продали мы... московскому купцу Захару Елисееву, сыну Третьякову, и наследникам его крепостной свой на белой земле двор со всяким в нем дворовым-хоромным ветхим деревянным строением... Состоящий в Москве в... приходе церкви Николая Чудотворца, что в Голутвине на Бабьем городке»<sup>16</sup>. Это был тот самый двор, где впоследствии родился Павел Михайлович.

Владение принадлежало Третьяковым на протяжении всего XIX в.<sup>17</sup>. В документах местоположение двора получило следующее описание: «по правую сторону идучи во двор вышеписаной церкви (Ни-

---

<sup>13</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1976. Л. 53.

<sup>14</sup> Известно, что О.Е. Третьяков скончался после 1795 г., и что некоторое время (очевидно, после раздела) он жил в приходе ц. Преп. Елисея «между Тверской и Никитской частями». См.: Павел и Сергей Третьяковы... С. 434.

<sup>15</sup> В исповедных ведомостях за период 1790 г. Третьяковы в этом приходе все еще упоминаются, а исповедные ведомости за 1793 г. указывают, что Третьяковы уже покинули прежнее место жительства. К сожалению, в ведомостях за 1791 и 1792 гг. не сохранилась роспись данной церкви. Следовательно, приходится констатировать, что выезд Третьяковых из прихода ц. Иоанна Богослова в Бронной слободе произошел в промежутке между 29 августа 1790 г. и 29 августа 1792 г.

<sup>16</sup> Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4705. Л. 1.

<sup>17</sup> По исповедным ведомостям история данного дворовладения прослеживается, с небольшими перерывами, на протяжении 1796-1865 гг.

колы в Голутвине. – А.Ф.) церковная земля, по левую порозжий переулоч, а позади берег Москвы реки»<sup>18</sup>.

Бронная слобода, как и прилегающие к ней слободы и урочища, в XVIII, а потом и в первой половине XIX в. была районом дворянских усадеб и особняков. Здесь по ночам устраивались светские приемы, из постели вставали отнюдь не спозаранку, и даже воскресные службы начинались позже, чем в «купеческих» храмах. Торгового же люда среди владельцев окрестных дворов на Бронной было немного, а значит, мало было у купца возможностей пообщаться «семейно». На землях же, лежащих к югу от Москвы-реки, еще с первой половины XVIII в. стало селиться преимущественно купечество<sup>19</sup>. Среди владельцев дворов и здесь было немало дворян – они были следующей по численности группой дворовладельцев после купцов. Но если в районе Бронной селились сливки аристократии, то дворянство Замоскворечья было не столь богато и родовито. Оно постепенно уступало позиции торговому люду. Здесь, среди «своих», купцу проще было наладить деловое общение, найти супругу для себя или для подрастающих детей и даже... соблюдать обыденный ритм жизни. Рано вставать, рано отходить ко сну.

Как только у З.Е. Третьякова появилась возможность перебраться в Замоскворечье, он ею воспользовался. В районе, где концентрировались дома деловых людей города, жить было удобнее и ему самому, и подрастающим детям. По-видимому, была еще одна причина смены жилища. Л.М. Анисов пишет: «...с годами семья разрослась, дом стал тесен, и Захару Елисеевичу пришлось обзавестись новым»<sup>20</sup>. Но, вероятнее, дело в другом. У купца появилось достаточно денег, чтобы приобрести прибыльную недвижимость. Если дом в Бронной вмещал лишь семью З.Е. Третьякова, то часть нового жилища на Замоскворецких землях купец начнет сдавать внаем уже на второй год после его приобретения<sup>21</sup>.

Захар Елисеевич был женат дважды. От первой жены, Лукерьи Лукиничны, у него родилось пятеро детей, из них трое сыновей. После ее смерти, в 1800 г., купец вступил во второй брак. Новая его супруга, Евдокия (Авдотья) Васильевна, в 1801 г. родила ему сына Михаила, в 1808 г. – Сергея. Захар Елисеевич, купец уже не 3-й, но более высокой 2-й гильдии, умер в июне 1816 г. В 1830 г. дети купца от обоих браков

<sup>18</sup> ОР ГТГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4705. Л. 1 об.

<sup>19</sup> Так, в 1796 г. из 39 дворов Николо-Голутвинского прихода купцам принадлежало 23, т.е. более половины. См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 693. Л. 369-373.

<sup>20</sup> Анисов Л.М. Указ. соч. С. 7.

<sup>21</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 707. Л. 483 об. Само семейство Третьяковых живет в том же дворе, что и их жильцы.

приступили к полюбовному разделу отцовского имущества. Родительский дом и одна из лавок в торговых рядах достались сыну от второго брака, Михаилу Захаровичу Третьякову (1801-1850), который после раздела объявил капитал по 3-й гильдии, а в следующем, 1831 г., женился на Александре Даниловне Борисовой, дочери купца 2-й гильдии Данилы Ивановича Борисова<sup>22</sup>. Первенец, Павел Михайлович Третьяков, родился 14 декабря 1832 г. В 1834 г. появился на свет Сергей Михайлович, а потом, по разным сведениям, еще 7 или 9 детей. Все они были москвичами в четвертом поколении.

Все детство и юность Павла Михайловича прошли в окрестностях Николо-Голутвинской церкви. Семья Третьяковых долгие годы жила в небольшом домике с мезонином, который стоял возле церковной колокольни, на берегу Москвы-реки, в районе 1-го Голутвинского переулка. Именно там будущий меценат появился на свет. Впоследствии, по свидетельству дочери П.М. Третьякова, А.П. Боткиной, семейство Третьяковых, которое «...уже не вмещалось в небольшом домике на Бабьем городке», выехало «...на Якиманку, в дом Шамшуриных. А потом они жили в доме Рябушинских»<sup>23</sup>. Однако Боткина пугает хронологию событий. Более надежно свидетельство голутвинского священника П.С. Шумова, который пишет: «...родитель Павла Михайловича из этого [Голутвинского] дома перебрался в наемную квартиру в дом Рябушинского, довольно большую, в которой и жил довольно долго до тех пор, пока эта квартира не понадобилась самому г. Рябушинскому»<sup>24</sup>.

Дом М.Я. Рябушинского располагался неподалеку от собственного жилища Третьяковых, на углу 1-го и 3-го Голутвинских переулков. Известно, что на съемной квартире Третьяковы жили с 1842 г. Родовой же дом, после некоторой перестройки, Михаил Захарович стал целиком сдавать в аренду. Любопытно, но церковные документы, составлявшиеся приходским священником, ничего не говорят о перемене Третьяковыми места жительства. Семейство Третьяковых вплоть до сентября 1847 г. числится в собственном дворе в Николо-Толмачевской церкви. Думается, причина в следующем: хозяин дома, М.Я. Рябушинский, упомянут в исповедных ведомостях как «раскольник поповицкой секты». Повидимому, священник сознательно записывает хорошо ему знакомого Михаила Захаровича с семейством по их собственному дому – благо, они остались жить в прежнем приходе. Служитель церкви явно не желал, чтобы церковные власти заподозрили Третьяковых в сочувствии старо-

<sup>22</sup> ЦИАМ. Ф. 2121. Оп. 1. Д. 763. Л. 79 об.

<sup>23</sup> Боткина. 1986. С. 17.

<sup>24</sup> Шумов. 1899. Ч. 1. № 3. С. 379.

обрядцам. Через несколько лет Рябушинский захотел сам занять свое жилище, и Третьяковы снова сменили место жительства. На этот раз они переехали в другой приход Замоскворечья – ц. Иоанна Воина на Калужской улице, и опять заняли съёмную квартиру, собственником которой являлся московский купец В.А. Шемшурин. Составители «Летописи жизни П.М. Третьякова» датируют этот переезд 1850 г.<sup>25</sup> Однако исповедные ведомости сообщают, что он произошел гораздо раньше, в период с 16 августа 1847 по 15 августа 1848 г., т.е. после той даты, когда Третьяковы были в последний раз отмечены в Николо-Голутвинском приходе – и до момента их фиксации на новом месте жительства<sup>26</sup>.

Таким образом, исповедные ведомости позволяют внести ясность в некоторые важные даты жизни семейства. Так, со слов П.С. Шумова известно, что Михаил Захарович, проживая на квартире Рябушинского, «несколько лет состоял при нашей Николо-Голутвинской церкви старостой церковным»<sup>27</sup>. Только анализ изучаемых документов позволяет понять, что старостой храма М.З. Третьяков был в промежутке от 1842 до 1847/48 г. Именно в это время он тратил значительную часть средств и времени на дела церковные. Важно обратить внимание и на другой момент: обычно исследователи объясняют выезд Третьяковых из собственного дома и их скитания по съёмным квартирам тем, что дом стал «тесен» для разросшегося семейства. Но это не вполне корректно. Более вероятно, что М.З. Третьяков счел для себя выгодным целиком освободить помещение для квартиросъемщиков. Старый дом был перестроен<sup>28</sup>, приобрел вид двухэтажного строения с каменным нижним этажом и деревянным верхним. В таком виде дом целиком сдавался в аренду разным людям. Если в 1832 г. во владениях Третьякова, наряду с его семейством, проживало четверо квартиросъемщиков, а с 1835 г. – ок. 20 чел., то после перестройки в 1848 г. дом вмещал в себя уже ок. 60 чел.<sup>29</sup>

Благодаря исповедным ведомостям, становится возможным разрешить еще один важный вопрос – о деловых отношениях между членами одного прихода. В начале 1840-х гг. Михаилу Захаровичу понадобился толковый приказчик, которого он и нашел в 1841 г. Его внучка В.П. Зилоти, со слов тетки, пишет: «Михаил Захарьевич случайно на-

<sup>25</sup> Павел и Сергей Третьяковы... С. 340.

<sup>26</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1520. Л. 534; Там же. Д. 1542. Л. 526 об.

<sup>27</sup> Шумов. 1899. С. 379.

<sup>28</sup> Первая перестройка голутвинского дома произошла в 1848 г. Она, как и последующие перестройки, нашла отражение в свидетельствах «об освобождении строения от постоянной повинности». См., напр.: ОР ГТГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4705. Л. 10.

<sup>29</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1190. Л. 385-385 об.; Там же. Д. 1253 а. Л. 533 об.-534; Там же. Д. 1608. Л. 522 об.-523.

брел на одного молодого человека, показавшегося подходящим помощником в лавке... Михаил Захарьевич сразу оценил его коммерческие способности, его честность, доброту, отзывчивость и преданность. Звали его Владимиром Дмитриевичем Коншиным»<sup>30</sup>. Свидетельство это нуждается в уточнении. Маловероятно, чтобы встреча Третьякова с Коншиным являлась чистой случайностью. Судя по данным источника, купеческое семейство Коншиных уже в 1810-х гг., когда был жив отец Михаила Захаровича, проживало в том же Николо-Голутвинском приходе, что и Третьяковы<sup>31</sup>. Владимир Дмитриевич был дальним родственником главы этого семейства. Приход в XIX в. был гораздо более устойчивой единицей, чем в наши дни. Прихожане регулярно встречались на службах и праздничных торжествах, знали о важнейших событиях, происходящих в доме соседа, завязывали деловые связи. Кроме того, члены одного прихода совместно заботились о своем храме. Поддерживали старосту в финансовых вопросах. Жертвовали в церковь ризы, оклады, иконы, книги. Помогали украшать церковь к праздникам, а то и собирались для совместной праздничной трапезы. По-видимому, знакомство В.Д. Коншина с главой семейства Третьяковых завязалось благодаря приходской жизни. Впоследствии оно привело к их деловому сотрудничеству. Начиная с 1845 г., «московской мещанин» Владимир Дмитриевич Коншин проживает на дворе Третьяковых<sup>32</sup>. Впоследствии этот человек станет мужем одной из дочерей Михаила Захаровича, Е.М. Третьяковой, и компаньоном в деле его сыновей.

2 февраля 1850 г. Михаил Захарович скончался. Еще через несколько дней, 14 декабря, его старший сын, Павел Михайлович Третьяков (1832–1898), пришел в возраст совершеннолетия. Он являлся старшим мужчиной в семье, которая теперь состояла, помимо него самого, из его матери, младшего брата Сергея и трех сестер (остальные дети М.З. Третьякова скончались несколькими годами ранее). Казалось бы, биография П.М. Третьякова – купца, общественного деятеля, галериста, благотворителя – изучена вдоль и поперек. Однако даже в ней имеется немало белых пятен; некоторые из них оказываются возможным ликвидировать лишь благодаря исповедным ведомостям.

После кончины главы семейства в жизни Третьяковых начали происходить существенные изменения. Павел и Сергей уже вступили в возраст жениховства, близилась свадьба их старшей сестры Елизаветы Михайловны. Кроме того, торговое дело Третьяковых, постепенно

---

<sup>30</sup> Зилоти. 1998. С. 25.

<sup>31</sup> См., напр.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 872. Л. 93 об.

<sup>32</sup> Там же. Д. 1475. Л. 539 об.

расширяясь, нуждалось в новых помещениях – конторе, складах. Семейству требовался собственный просторный дом. А.П. Боткина сообщает в воспоминаниях: «В 1851 году... братья решили приобрести в собственность поместительный дом. Представился случай, и они купили у администрации по делам купцов Шестовых дом в Толмачах, который и послужил основой Третьяковской галереи»<sup>33</sup>. Судя по исповедным ведомостям, переезд Третьяковых в собственный дом произошел в последней трети 1851 г.: еще в 1850/51 г. семья продолжала снимать квартиру в доме Шемшуриных, в приходе ц. Иоанна Воина на Калужской улице – как это было при жизни М.З. Третьякова<sup>34</sup>. В новый приход Третьяковы переехали не ранее 16 августа 1851 г., и не позднее 15 августа 1852 г.<sup>35</sup> Купчая на дом не сохранилась, или же пока не найдена в архивных фондах<sup>36</sup>. Тем не менее, можно предположить, что это владение было куплено в рассрочку: в церковных документах на протяжении 1852-54 гг. оно обозначено как «дом почетных граждан Шестовых», и лишь с 1855 г. его владельцем указывается «московская купчиха вдова Александра Данилова Третьякова»<sup>37</sup>.

Новое владение Третьяковых – каменный двухэтажный дом – располагалось неподалеку от старого, между Малым Толмачёвским и Лаврушинским переулками. Фактически, вслед за тем как Захар Елисеевич Третьяков переехал на жительство в Замоскворечье, Третьяковы, его ближайшие потомки, селились в этом же районе, неизменно предпочитая западную его часть (близ якиманских улиц и Б. Ордынки).

Помимо указаний на смену мест жительства, исповедные ведомости содержат сведения и по другим вопросам. Так, они могут, хотя бы приблизительно, показать, какое место занимала вера в жизни того или иного человека. В распоряжении биографов П.М. Третьякова имеются

---

<sup>33</sup> Боткина. 1986. С. 19.

<sup>34</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1608. Л. 254 об.-255.

<sup>35</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1608. Л. 249, 254 об.-255, 515; Там же. Д. 1627. Л. 579, 582 об.

<sup>36</sup> Копии документов о приобретении Третьяковыми недвижимости сохранились в деле об утверждении завещания П.М. Третьякова. См.: ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 5. Д. 1982. См. также: ОР ГТГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4713. Однако в их числе отсутствует документ о приобретении Третьяковыми дома в Толмачевском переулке: дом этот еще в 1892 г. был передан П.М. Третьяковым в дар городу вместе с находящейся в нем коллекцией художественных произведений, а значит, на момент смерти Третьякова здание уже не являлось его собственностью. Весьма вероятно, что этот документ (либо копия с него) все же сохранился и находится в одном из фондов ЦИАМа, – в числе дел, связанных с городским управлением.

<sup>37</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1627. Л. 582 об.; Там же. Д. 1646. Л. 562 об.; Там же. Д. 1668. Л. 547 об.; Там же. Д. 1690. Л. 536 об.



исповедные ведомости 1830-х – середины 1860-х гг. по приходам цц. Николы в Голутвине, Иоанна Воина на Калужской улице и Николы в Толмачах. По ним видно, что П.М. Третьяков каждый год, начиная с 7-ми лет, исповедовался и причащался «неопустительно». Единственное выявленное исключение – ведомость за 1858 г.<sup>38</sup> Особо показательно, что Павел Михайлович не пропускал исповеди и причастия и тогда, когда семейство только переехало в Николо-Толмачёвский приход: известно, что на протяжении многих лет Третьяковы «...езжали каждый год исповедоваться в нашу (Николо-Голутвинскую. – А.Ф.) церковь»<sup>39</sup>. Немногие современники П.М. Третьякова могли проявить столь же ревностное отношение к вере. Разумеется, в данном вопросе свидетельства одних только исповедных ведомостей недостаточно, его нужно подкрепить другими источниками, прежде всего – воспоминаниями современников<sup>40</sup>. В случае с Павлом Михайловичем все эти источники красноречиво свидетельствуют: вера занимала одно из главных мест в его жизни.

Другая важная информация в исповедных ведомостях – перечень лиц, которые совместно проживали на том или ином дворе. Любопытный пример – история с гувернанткой, которую П.М. Третьяков нанял после кончины отца, чтобы продолжить образование сестер. А.П. Боткина пишет: «...к сестрам, по желанию старшего брата, взяли гувернантку-немку, которую вскоре заменила русская, девица очень хорошо образованная, – Прасковья Алексеевна Щекина»<sup>41</sup>. По церковным документам видно: в 1849/1850 г., когда Михаил Захарович с семьей жил «на дворе» московского купца Василия Андреевича Шемшурина, в том же дворе проживала «московская купецкая дочь девица Праскева Алексеева Щекина»<sup>42</sup>. Значит ли это, что еще при жизни М.З. Третьякова она была гувернанткой его детей? Маловероятно.

Те же документы фиксируют возраст Щекиной: в 1850 г. ей было около 16 лет. Как уже говорилось, в вопросах возраста церковная статистика не отличается особой точностью; но, скорее всего, Прасковья Алексеевна действительно было лет 15-18. То есть она являлась ровесницей Елизаветы Михайловны Третьяковой и, вероятнее всего, к этому моменту не успела довершить своего образования. Поэтому переданная Боткиной семейная легенда выглядит вполне правдоподобно. Можно с

<sup>38</sup> Там же. Д. 1756. Л. 566.

<sup>39</sup> *Шумов*. 1899. С. 381.

<sup>40</sup> *Зилоти*. 1998. С. 15; К воспоминаниям о Павле Михайловиче Третьякове... С. 540-543; *Мудрогель*. 1962. С. 16; *Шумов*. 1899. С. 379-383.

<sup>41</sup> *Боткина*. 1986. С. 18.

<sup>42</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1586. Л. 272 об.

изрядной долей уверенности предположить: после смерти отца Павел Михайлович попытался нанять гувернантку, что называется, «на стороне». Однако этот вариант оказался неподходящим: либо немка была недостаточно профессиональна, либо Третьяков не хотел, чтобы его сестер воспитывал человек другого вероисповедания и иных обычаев. А возможно, гувернантка не сошлась характером со своими подопечными. Так или иначе, немка вскоре была уволена. На вакантное место Третьяков пригласил старую знакомую, в репутации и обширном багаже знаний которой был вполне уверен. Оказанное ей доверие Щекина вполне оправдала: она на долгие годы стала членом семьи Третьяковых. Исповедные ведомости показывают, что в их толмачёвском доме Щекина прожила несколько лет, с 1852 вплоть до 1859 г.<sup>43</sup>

Любопытно, что исповедные ведомости, хотя и не всегда верно отражали принадлежность купца к той или иной гильдии, все же чутко реагировали, когда статус прихожанина заметно повышался. Это становится заметно, если приглядеться к матери П.М. Третьякова, «купецкой вдове» Александре Даниловне. 18 января 1856 г. А.Д. Третьякова с сыновьями Павлом и Сергеем, а также незамужними дочерьми Софьей и Надеждой, получила грамоту о причислении к потомственному почетному гражданству. Эта перемена социального статуса нашла отражение в исповедных ведомостях уже за следующий, 1856/57 г. Александра Даниловна записана в документе как «временно московская 2 гильдии купчиха, почетная гражданка вдова Александра Данилова Третьякова»<sup>44</sup>.

Наконец, исповедные ведомости дают еще один пример деловых и дружеских отношений, которые могли возникнуть между купцами – членами одного прихода. Речь идет о содружестве молодых купцов – Николо-Толмачёвском кружке любителей искусств, который сложился в 1853 г.<sup>45</sup> История этого объединения была бы неполна без опоры на сведения, содержащиеся в исповедных ведомостях за 1850-е годы. Именно этот источник позволяет уточнить, вокруг каких лиц группировался Николо-Толмачёвский кружок, а кто был на его периферии. Любопытно, что ядро этого кружка составляли прихожане Никольского храма: братья П.М. и С.М. Третьяковы, братья А.А. и П.А. Медынцевы (несколько по-

---

<sup>43</sup> Там же. Д. 1756. Л. 566 об. Из исповедных ведомостей за 1859 и последующие годы видно, что П.А. Щекина в доме Третьяковых более не проживает. Судя по письму художника А.Г. Горавского П.М. Третьякову, в начале 1859 г. она вышла замуж; видимо, дом Третьяковых она покинула, переехав к мужу. См.: Письма художников... 1960. С. 58.

<sup>44</sup> См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1734. Л. 459.

<sup>45</sup> Подробнее см.: Федорец. 2011. С. 129-141.

колений семейства Медынцевых проживало в данном приходе; в 1852 г. ему принадлежало 3 из 26-ти дворов, приписанных к Никольскому храму<sup>46</sup>) и В.Д. Коншин; вокруг них объединились другие молодые коммерсанты, не являвшиеся прихожанами Толмачёвской церкви. Между купцами завязались деловые и дружеские отношения, кроме того, их сплачивали общие ценности и интересы: искренняя любовь к литературе и музыке, позже – серьезное увлечение живописью. Из состава кружка вышло несколько крупных коллекционеров художественных произведений: П.М. и С.М. Третьяковы, саратовский купец Т.Е. Жегин.

Говоря о составе кружка, в исторической литературе ссылаются на свидетельство А.П. Боткиной. Перечисляя входивших в кружок людей, она, в частности, пишет: «...познакомились и сблизилась с соседями по Толмачевскому переулку – братьями Алексеем и Михаилом Алексеевичами Медынцевыми»<sup>47</sup>. Называя имя Михаила Медынцева, Боткина ошибается, а вслед за нею ошибку повторяют исследователи. На протяжении нескольких лет исповедные ведомости фиксируют живущих в Николо-Толмачевском приходе Алексея, Петра и Павла Алексеевичей Медынцевых<sup>48</sup>, но Михаила среди них не было. Это косвенно подтверждается и другими источниками; правда, в отличие от исповедных ведомостей, где информация собрана в концентрированном виде, эти источники вынуждают исследователя выискивать иголку в стоге сена<sup>49</sup>.

Основные источники по истории кружка – переписка между его членами и небольшой фрагмент из мемуаров А.П. Боткиной – не дают прямых свидетельств о распаде Николо-Толмачёвского кружка. Судя по исповедным ведомостям, объединение прекратило деятельность в 1857/58 г. Именно в этом году глава кружка, Алексей Медынец, навсегда покинул Толмачёвский приход<sup>50</sup>.

Из рассмотренных выше примеров следует, что использование исповедных ведомостей как источника по истории купечества имеет ряд ограничений. Так, нельзя доверять указаниям на принадлежность купца

<sup>46</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1627. Л. 580 об.-582.

<sup>47</sup> Боткина. 1986. С. 22-23.

<sup>48</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1627. Л. 580 об., 581 об.; Там же. Д. 1646. Л. 559 об.-560, 560 об., 561 и т.п.

<sup>49</sup> ОР ГТГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5003, 2350 и др.; Письма художников... 1968. С. 11.

<sup>50</sup> ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1756. Л. 562-571 об. Братья Петр и Павел Медынцевы в 1859 г. – 1860-х гг. по-прежнему живут в приходе ц. Николая Чудотворца в Толмачах. Алексей же Медынец, видимо, переехал в другой приход. На первую половину 1858 г. приходится последние свидетельства о существовании кружка как единого целого, хотя взаимоотношения между отдельными его членами продолжались и позднее (см. переписку между членами кружка, хранящуюся в ОР ГТГ).

к той или иной гильдии. Кроме того, священник, особенно в XVIII в., далеко не всегда упоминает фамилию купца, даже если тот является владельцем двора и, тем более, если тот поселился в съемном помещении<sup>51</sup>. Это вынуждает просматривать материал ретроспективно, от младших поколений к старшим, а также, по возможности, привлекать информацию из других источников (к примеру, чтобы понять, где человек проживал в то или иное время). Помимо этого, не всегда можно понять статус тех лиц, которые живут на купеческом дворе: являются ли они членами семьи, служащими или квартиросъемщиками. В связи с указанными ограничениями, важно помнить: наилучшим образом информационный потенциал исповедных ведомостей выявляется во взаимодействии с другими источниками: мемуарами, личной перепиской, государственным делопроизводством.

Сделав эти необходимые оговорки, нужно признать: исповедные ведомости XVIII – второй трети XIX в. предоставляют исследователю богатейший материал по истории купечества. На примере представителей четырех поколений крупного купеческого семейства Третьяковых, проживавших в Москве, было показано богатство информационного потенциала названного источника. Отчетливо видно: исповедные ведомости позволяют год за годом отслеживать важнейшие перемены, происходившие в жизни отдельных представителей данной социальной группы – изменения в составе семьи и прочих насельников двора, смену мест жительства, налаживание отношений с членами приходской общины, сдачу жилья в аренду, вероисповедную активность, в ряде случаев – колебания социального статуса и даже, косвенно, изменение материального достатка (переезд из съемной квартиры в собственный дом). Таким образом, появляется возможность составить достаточно полное представление как о «рядовых» членах рода, имена которых почти не попадали на страницы других документов, так и о выдающихся коммерсантах, чья жизнь и деятельность отражены в великом множестве самых разнообразных источников. Ведь даже в биографии столь крупной фигуры, как П.М. Третьяков, сохраняются обширные участки *terra incognita*, значительная часть которых приходится на детские и юношеские годы. Исповедные ведомости позволяют ликвидировать некоторые из них.

Используя исповедные ведомости, необходимо, с одной стороны, четко знать особенности и ограничения этого источника, а с другой –

---

<sup>51</sup> Так, известно, что семейство Третьяковых имело фамильное прозвание уже в 1774 г. Однако в ведомостях по XVIII в. оно встречается лишь один раз (1775 г.). Ситуация изменяется лишь с конца 1810-х гг. Когда же священник фиксирует дворянина, его фамилия указывается в обязательном порядке.

сочетать полученные из них данные со сведениями, извлеченными из других источников. Тем не менее, хочется еще раз подчеркнуть: грамотное применение исповедных ведомостей позволяет получить уникальную информацию как по жизни отдельных коммерсантов, так и по истории разветвленных купеческих родов XVIII-XIX столетий.

### **БИБЛИОГРАФИЯ**

- Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2350, 4705, 4713, 5003.
- Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 142. Московский окружной суд. Оп. 5. Д. 1982.
- ЦИАМ. Ф. 203. Московская духовная консистория. Оп. 747. Исповедные ведомости церквей г. Москвы и уездов Московской губернии. Исповедные ведомости по церквям Никитского сорока за 1774-1794 гг.: Исповедные ведомости по церквям Замоскворецкого сорока за 1795-1865 гг.
- ЦИАМ. Ф. 2121. Замоскворецкий сорок. Оп. 1. Д. 763.
- Анисов Л.М.* Третьяков. М., 2004.
- Боткина А.П.* П.М. Третьяков. М., 1986.
- Зилоти В.П.* В доме Третьякова. М., 1998.
- К воспоминаниям о Павле Михайловиче Третьякове // Душеполезное чтение. 1899. Ч. 1. № 4. С. 540-543.
- Малоярославец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884.
- Миронов Б.Н.* Исповедальные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989. С. 102-117.
- Мудрогель Н.А.* Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее: Воспоминания. Л., 1962.
- Павел и Сергей Третьяковы: Жизнь. Коллекция. Музей. М.: Махаон, 2006.
- Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову: 1856-1869. М., 1960.
- Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову: 1870-1879. М., 1968.
- Федорец А.И.* Московские исповедные ведомости середины XVIII века как источник социально-демографической информации по истории города // Per aspera... Сборник научных статей победителей конкурса студенческих работ исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и материалы научных конференций. Вып. 2. М., 2010. С. 6-18.
- Шумов П.С.* Из воспоминаний о Павле Михайловиче Третьякове // Душеполезное чтение. 1899. Ч. 1. № 3. С. 379-383.
- Щербачев О.В.* Исповедные ведомости московских сороков как источник по генеалогии дворянства середины XVIII века // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 12. СПб., 2003. С. 25-52.

***Федорец Анна Ильинична***, аспирант кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; *fedoretsann@gmail.com*

# ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

---

С. В. ГОЛИКОВА

## «ЕЕ СОЧЛИ ЗА ОЛИЦЕТВОРЕННУЮ ЧУМУ...» РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗАРАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ ЖИТЕЛЯМИ УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

---

В статье анализируются мифологические образы эпидемиологических болезней в контексте производства народом медицинских знаний. Эпидемиологическая ситуация и предлагаемые властями меры борьбы с заразными заболеваниями привели к возникновению и развитию в уральском пандемониуме новых персонажей. Показано, что их появление произошло вследствие взаимодействия традиции, непосредственно переживаемого опыта людей и ответа культуры на вызовы нового времени.

**Ключевые слова:** производство знаний, эпидемиологическая ситуация, эпизоотии, болезни, традиция, мифологические персонажи.

---

Выяснение социокультурного смысла производства медицинских знаний включает в себя не только рассмотрение научных теорий. Специалистов по медицинской антропологии привлекают разные уровни бытования идей и концептов, связанных с восприятием здоровья, болезней, врачевания, в том числе народные представления. Культурно-антропологический подход выявляет, как слово врача подвергается в различной степени корректированию, домысливанию и дополнению собственными представлениями пациента. Относительная активность и независимость его позиции в традиционном обществе резко возростала, продуцируя возникновение явлений, далеких от медицины. При анализе мифологической системы Урала бросается в глаза пополнение местного пандемониума в новое время персонажами, возникшими на основе осмысления народом эпидемиологической ситуации и предлагаемых властями мер борьбы с заразными заболеваниями.

«Болезнь, по мнению крестьянина, – отмечал в 1865 г. И.В. Шерстобитов, – никак не может заключаться в частицах воздуха и есть тело и дух какого-то мифического существа, имеющего силу быть видимым и невидимым глазу людей»<sup>1</sup>. Сюжет о моровом поветрии как божьем гневе и наказании традиционно использовался церковью в пропагандистских целях. Однако на исходе XVII в. он получает «образную» интерпретацию. Сказание о древней иконе Успения Богородицы в селе Верх-

---

<sup>1</sup> Шерстобитов. 1865. С. 56.

Язвинском Соликамского уезда сообщало, что 22 мая 1685 г. «некий» земледелец Родион из села Карагайского «в верх Пыжьянки в лесу увидел к нему идущих изуверов страшных». Выглядели они, судя по описанию, следующим образом: «двоя возрастом великие и власами длинные, один черн вельми, а другой – огнеобразен, а между ними купно ниже зверь, ниже скотина и нагое, видом страшен». Родион якобы задал вопрос: «Откуда они и какие они люди и куда грядут?». Монстры только «звероподобно рыкнуша». В этот момент «из сгущенного леса явился светлообразный человек в белой одежде..., а на голове его плащаница белая», и объяснил непонятливому «простецу», что первая из встреченных им – «есть немочь черная», вторая – «огневица лютая», третья – «немочь скотская и от той немощи будет на скот мор велик»<sup>2</sup>.

На протяжении XVIII – начала XX в. образы моровой язвы на людей и скот дифференцировались. Эпизоотии породили коровью смерть и сибирку, эпидемия – лихорадку (с ее многочисленными ипостасями), черную смерть (чуму), оспу, холеру. На Урале оказались наиболее представлены следующие духи болезней: коровья смерть и сибирка, лихорадки и оспа. Однако причины их появления и способы противодействия им доводили до сведения жителей прежним образом. Во время эпидемии холеры 1848 г. «кому то в лесу явился святитель Николай в виде старца и велел оставить цветную и щегольскую одежду, сказав при этом, что, если этого не исполнять, то губительная болезнь продлится долго»<sup>3</sup>.

О стремлении народа описывать болезненное состояние как взаимодействие с неким живым существом напоминал и И. Моллесон: «Принимая, с одной стороны, болезнь за нечто желающее сразиться с организмом и побороть его народ пришел к убеждению, что сразу не следует поддаваться болезни». Используемые им термины: «берет перевес», «сваливает», также указывают на одушевленные (и весьма активные) субстанции недугов<sup>4</sup>. Знахарки Малмыжского уезда в середине XIX в. усиливали эту «батальную» лексику. «...Вот как учнет человека подымать да сбельхивать, так только зубы чагают, а тут вдруг, знаешь, и бросит в огонь, да и спать», – описывали они лихорадочное состояние.

Вредоносный персонаж мог принимать разные обличья. «Некоторые болезни, особенно горячка и лихорадка, почитаются живыми существами, которые кажутся людям в виде воробья, ягненка, змеи и т.п.», – описывал в середине XIX в. верования жителей Малмыжского уезда

---

<sup>2</sup> Порфирьев. 1888. С. 173.

<sup>3</sup> Луканин. 1869. С. 474.

<sup>4</sup> Моллесон. 1869. С. 10.

Вятской губернии М.И. Осокин<sup>5</sup>. «Во время чумы или сибирской язвы, появляющихся по временам на рогатом скоте, – сообщал в 1864 г. о традиционном взгляде на эпидемию в Пермской губернии Х. Мозель, – крестьяне верят, что болезнь эта ходит по деревням в наказание от Бога за грехи человеческие. Самую болезнь крестьяне представляют себе в виде собаки, коровы или женщины. При этом уверенность их простирается до того, что они рассказывают, что некоторые из них сами видели болезнь в том или другом виде»<sup>6</sup>. «Вам укажут на какую-нибудь счастливую личность, видевшую болезнь в образе старухи или старика с искаженными чертами лица, переходящих из дома в дом для распространения заразы», – подхватывал намеченную тему И.В. Шерстобитов<sup>7</sup>. Чуму рогатого скота жители Кыштымского завода в 1886 г. продолжали представлять «в виде старухи, черной собаки и т.д.»<sup>8</sup>.

Однако чаще всего олицетворяли болезни представительницы женского пола (в безобразном виде или в облике старухи). «Если здоровому человеку покажется женщина с ружьем или стриженная, ему, значит, показалась лихорадка», – считали жители Малмыжского уезда Вятской губернии<sup>9</sup>. Население Горского прихода Пермской губернии представляло ее «в виде какой-то девки»<sup>10</sup>. «Если воображение их рисует болезнь в виде женщины, – отмечал Х. Мозель, – то непременно в белой рубашке с налившимися кровью глазами и распущенными волосами. Женщина эта держит в одной руке серп, а в другой голову того животного, на которое существует падеж, и в том дворе, куда она заглянет, заболит и падет весь скот». Столкновение верований с действительностью порой приводило к эксцессам. Во время чумы «на рогатый скот» 1853 г. крестьяне Кунгурского уезда увидели женщину, которая «в одной рубашке шла с полевых работ. Ее сочли за олицетворенную чуму, принялись колотить немилосердно и уже полумертвую потащили в местную сельскую расправу. Там по справкам оказалось, что эта женщина пришла из соседней деревни на страду»<sup>11</sup>. «Лекарки-шептуницы, – рассказывал о практике середины XIX в. в Малмыжском уезде М.И. Осокин, – еще больше поддерживают в крестьянах верования, что лихорадка и горячка существа живые, давая этим болезням человеческие, женские имена. «Переж

---

<sup>5</sup> Осокин. 1856. С. 3.

<sup>6</sup> Мозель. 1864. С. 333.

<sup>7</sup> Шерстобитов. 1865. С. 56.

<sup>8</sup> Зауралец... 1886. С. 521.

<sup>9</sup> Осокин. 1856. С. 3.

<sup>10</sup> Шпионко. 1884. С. 156.

<sup>11</sup> Мозель. 1864. С. 333-334.



надо узнать, как зовут подругу», – произносила такая лекарка, потом глядела в воду и, сказав, что лихорадку зовут Маланьей или Хавроньей, растолковывала, до какой степени зла эта подруга<sup>12</sup>.

У оренбургских казаков лихорадка – «злая женщина, которая должна быть не кто иная, как злая плясавица-трясавица, дочь Царя Ирода, погубившая своею пляскою Иоанна Крестителя». С распущенными волосами она подходила прямо к своей жертве. Здесь надо было примечать: плюнет ей в лицо – «горе, если поцелует, тогда, значить, – полюбила; ну, уж тут она помучит, потрясет!». Самой страшной и тяжелой считалась двенадцатая лихорадка. По народному поверью, она была посажена на цепь, с которой «срывалась» раз в год. «Уж если эта нападет на кого, то обязательно замучить до смерти», – полагали казаки.

Число лихорадок варьировалось. У казаков бытовал заговор от семи «лихоманок»: «На море Мамрийском, под деревом аравийским сидят семь девиц, злых отроковиц, наги, босы и пустоволосы. Идут мимо святые отцы, Кирило и Урило, Михаило и Верзайло, и спрашивают их: “Что вы за дочери?” – “Мы дочери царя Ирода дочери!” – “Куда вы идете?” – “Мы идем в мир - мир сокрушать, тело ронить, кости ломить, жилы тянуть”. Взяли Св/ятые/ отцы тростьи железные и начали окаянных бить. Окаянные возмолились: “Не бейте нас, не мучайте! Мы оттого дома будем бегать, где ваше имя прославится, в коем доме воспомянется – и во веки не придем”»<sup>13</sup>. В другом месте Оренбуржья – в селе Покровка – число сестер лихорадок увеличивалось до девяти<sup>14</sup>. Хотя обычно дочерей Иродовых насчитывалось двенадцать. В деревне Чекушина Пермского уезда эти «угодницы сатаны» носили имена: *Тошнена, Ломота, Слостена, Сытена, Сухота, Здыхание, Знобена, Чехотка, Жолтуха, Рожжига* и *Трясавица-Удница*. «Простоволосых, лукавых, окаянных» дочерей царя Ирода в Красноуфимском уезде звали “Знобихой”, “Ломихой”, “Пухотой”, “Сухотой”, “Горькотой”, “Некрепой”, “Секеей”, “Зеленой”, “Огненной”, “Железной”, “Смертоздравной”<sup>15</sup>. Заговор от лихорадки в Сергиевской волости Пермского уезда советовал двенадцати «беззастенчивы, безпоясничы, безкресничы, безумойничы» девам «ломать, сушить хранчуские души»<sup>16</sup>. Возможно, это был своеобразный ответ на текст, известный в Мотовилихинском заводе: «...шли двенадцать дев бескрестничы, беспоясничы, беззастежничы – спрашивает их святой

<sup>12</sup> Осокин. 1856. С. 3.

<sup>13</sup> Кривощечков. 1913. С. 51-52.

<sup>14</sup> Невский. 1898. № 4. С. 141.

<sup>15</sup> Традиционная культура русского крестьянства Урала... С. 209-210.

<sup>16</sup> Попов. 1879. С. 179.

Мина: куда, девы, пошли? – В Российскую сторону людей знобить, кости ломать, земле предавать...». Почтенный святой не услад болезнетворное начало в далекую Францию, а расправился с ним по-свойски: «Осердился святой Мина, пошел прутья ломать, по сту ран давать. Они взмо-взолили ему: не бей нас, не руби нас!»<sup>17</sup>. В другом тексте двенадцать «дев иродовых» характеризовались как «косматы, волосаты, блудницы, пьяницы, распутницы, простоволосы, распоясаны, бездубасницы, безрубашницы». Они шли «кости ломать, тело щипать, телеса карать, в ознобу и жар бросать, к груди приступать, душить, ...к земле придавать»<sup>18</sup>.

По другому заговору, их деятельность простиралась «от востока до запада, от севера до юга, от реки до моря». «Кости сушить, тело знобить, недугами мучить» отправлялись в «мир» эти «дщери Иродовы», вооружившись «прутами ивовыми»<sup>19</sup>. «Всех лихорадок, выпущенных на свет Божий двенадцать, – считали в Малмыжском уезде. – Каждая из них в одни сутки может перебивать в стах в двух и более домах: они неутомимы»<sup>20</sup>. Реже упоминались «братья» лихорадок. И. Моллесон отмечал: «У лихорадки 12 братьев и 12 сестер, из них каждый и каждая могут иметь в раз до 300 и более любовниц и любовников, которых и держат они в своих объятьях, то есть пароксизмах»<sup>21</sup>. Заговорные тексты не зря придавали значение перечислению имен-характеристик лихорадки. Считалось, что отгадывание «по симптому» могло от нее избавить. «Настоящее» наименование превратилось в превентивное (опасались навлечь) и лечебное (в очередной раз разгневать неотвязно сопутствующее больному существо) средство. «Лихорадку здесь называют еще подругой из опасения, чтобы бранным словом (слова: лихорадка, лихоманка, комуха, здесь употребляются в смысле слов бранных) не оскорбить этой особы и чтобы она не пришла к человеку в отомщение за то», – сообщал о Малмыжском уезде М.И. Осокин<sup>22</sup>. По той же причине крестьяне в окрестностях Далматово называли лихорадку *теткой-лихоманкой*<sup>23</sup>. Их соседи «шадринцы» именовали *гостьей*, «чердынцы» – просто *низовой*<sup>24</sup>. Персонификации лихорадочного состояния называли также *приткой*, *укоем-*

---

<sup>17</sup> Луканин. 1869. С. 526.

<sup>18</sup> Кочегаров. 1883. С. 369.

<sup>19</sup> Г.А. Заговоры народные... 1926. С. 21-22.

<sup>20</sup> Осокин. 1856. С. 4.

<sup>21</sup> Моллесон. 1869. С. 16.

<sup>22</sup> Осокин. С. 3. Аналогичный набор названий: лихоманка, подруга, комуха, – существовал в г. Котельниче Вятской губернии. См.: Глушков. 1999. С. 13.

<sup>23</sup> Зырянов. 1865. С. 84.

<sup>24</sup> Португал/ов. 1868. С. 54.

кой, благой, добрухой, варгушей, тетушкой<sup>25</sup>. Как видно, преобладали иносказательно-уважительные обращения.

Наряду с «именем» в качестве лечебного средства использовали число. В селе Покровка Оренбургского уезда от девяти лихорадок использовали девять одежд, накладывая их одну за другой на больного<sup>26</sup>.

«Верным» средством от этого недуга в течение всего года являлось христосование: «В заутреню первого дня Пасхи надо выйти на крыльцо, встать на ступеньку или на порог и сказать: “Христос Воскрес, Марья Иродовна!” а, за тем самому же ответить, назвав свое имя – “Воистину Воскрес, раб Божий (имя)!”». Можно было похристосоваться «перед тем, как станут разговляться после обедни». «Когда сядут за стол, нужно сказать “Христос Воскрес, Настасья Иродовна! (8 раз). Помяни, Господи, Настасью Иродовну за ранним обедом, за первым кусочком!”». Когда чувствовали, что «подбирается проклятая Иродовна», то старались спрятаться: забраться в баню, залезть на каменку и «лежать, не шевелясь и даже не дыша, в полной уверенности, что тут их лихоманка не найдет, а поищет и бросит». Помощи ждали также от ладана. Баба, которую трясла лихорадка «накурила в избе, а потом залезла на печку и поет “Святый Боже”, будто, покойника отпевает. Вдруг входит незнакомая женщина и остановилась у порога. Баба с печки ей и говорить: “Проходи, садись!” А та отвечает: “Как тут пройдешь, вишь, как накадила”. Плюнула в бабу, хлопнула сердито дверью и ушла»<sup>27</sup>. В селе Покровка Оренбургского уезда знахарь обливал наговоренной водой пациента, а, чтобы «лихоманка» не возвратилась, «в то место, где стоял больной», вбивал осинового кол<sup>28</sup>. В Горском приходе человека помещали в «очень жарко» натопленную баню, мазали его «всякой нечистой» и давали в руки ружье «подкарауливать и пугать» лихорадку<sup>29</sup>.

Жители Малмыжского уезда Вятской губернии в середине XIX в. верили, что горячка или лихорадка не может войти в человека до тех пор, пока он не увидит ту или другую «хоть невзначай». «Стоит послушать, – писал по этому поводу М.И. Осокин, – иногда красная, кото-

<sup>25</sup> Моллесон. 1869. С. 16.

<sup>26</sup> Невский. 1898. № 3. С. 102-110; № 4. С. 141.

<sup>27</sup> Кривошеков. С. 51-52.

<sup>28</sup> Невский. 1898. № 3. С. 102-110.

<sup>29</sup> Шишонко. 1884. С. 156. В Березовском заводе читали по утрам и вечерам перед иконами «слова из молитв тому, другому, третьему святому». Об этом «лечебном» средстве местный священник узнал случайно, когда больная «по доверию» к нему дала «для прочтения писаную тетрадь». Выписки, по мнению служителя официальной церкви, были сделаны «без связи и без смысла». *Топорков*. 1881. С. 308.

рый с уверенностью в истине своих слов рассказывает, какие средства употребляют эти хитрые лихорадки, чтобы человек как-нибудь взглянул на них. И как он, краснобай, благодаря своей догадливости, увертывался от того, чтобы не взглянуть на них и до сих пор не поддается их хитростям, не попадает на удочку»<sup>30</sup>.

Если лихорадку жители края старались задобрить, то остальным персонификациям эпидемиологических заболеваний они решительно противостояли. Крестьяне Чердынского уезда держали в загнетке печи подкову с ноги или копыто околевшей лошади. С помощью могущественной силы этих вещей они препятствовали «олицетворяемой болезни распространять заразительность». Дух болезни старались запугать, например, выстрелами. При очередной эпизоотии в 1888 г. «Екатеринбургская неделя» сообщала: «...стрельба из ружей почитается чуть-ли не первым средством борьбы с “сиб/ирской/ язвой” и практикуется во многих деревнях»<sup>31</sup>. В качестве превентивной меры проводили обряд «опахивания». После него в селе Исаево (Деево) Оренбургского уезда «богомольные старухи оставались в совершенном убеждении, что холера или коровья смерть, наткнувшись на эту черту, никак не посмеет войти в селение»<sup>32</sup>. С аналогичными целями – «чтоб от соседей сибирская язва не перешла» - жители Суксунского завода в 1870-х гг. расположили за околицей кучи навоза и подожгли их. «Она страсть этого дыму боится, – рассказывал ямщик В.И. Немирович-Данченко. – Теперь вокруг всего села такие костыри курятся». «Ну, и точно, ходит-ходит язва – а сюда не может»<sup>33</sup>. В публикациях пермского земства того же времени в качестве осуждаемого суеверия постоянно упоминаются тлеющие во время эпизоотий навозные кучи. При проникновении вызывающего эпидемию существа в селение, его пытались оттуда изгнать (вымести). В одной из уральских деревень для этого организовывали процессию в виде шеренги с метлами, «которыми и заматались следы болезни»<sup>34</sup>.

Отличительной чертой духов болезней следует признать изменчивость, которая проявлялась как в разнообразии их названий (самый яркий пример – лихорадки), так и в пластичности их облика (который, возможно, следует считать особым видом оборотничества). Возникновение в изучаемое время персонификаций новых болезней свидетельствует о проявлении творческого потенциала народа. Однако импульс ему

---

<sup>30</sup> *Осокин*. 1856. С. 3.

<sup>31</sup> *В. \**. Сибирская язва. С. 624.

<sup>32</sup> *Малмецкий*. С. 231.

<sup>33</sup> *Немирович-Данченко*. 1904. С. 260.

<sup>34</sup> *В. \**. Сибирская язва. С. 624.

придавало не только ухудшение эпидемиологической ситуации в новое время. Во многом осмысление болезнетворного начала опиралось на ощущения людей, испытавших на себе его действие. По этому поводу М.И. Осокин оставил характерное замечание: «Образы, которые принимает на себя горячка или лихорадка, кажутся человеку всегда не в естественном положении». Далее он привел несколько примеров: «Ворона, летающая кверху ногами, петух с головой на хвосте, свинья с овечьей головой и т.п. – это образы, принимаемые на себя горячкой или лихорадкой, и тот, кто видит их, непременно заболевает». Описанных им «монстров» с точки зрения современного человека можно «списать» на бредовое состояние больных Вятской губернии. Аналогичные «картины» наблюдали страдающие эрготизмом («злой корчей»). По данным доктора Н.Н. Реформатского о Нолинском уезде той же губернии, те «заявляли, что они видят неприятных, страшных людей, одетых в цветное платье – видят чертей, лешаков с рогами, рогатых девок с когтями. Эти призраки обнаруживали намерение нанести вред больному, убить его, отравить, зарезать, искушать, истыкать, завалить в могилу и т.д.»<sup>35</sup>.

Культура, однако, научилась использовать эту «игру» воображения в своих целях. М.И. Осокин писал, что страждущему предписывалось совершить интеллектуальное усилие: «...он должен догадываться, что за существо показалось ему, и какое несчастье соединяется со случаем видеть это существо»<sup>36</sup>. Анализ духов болезней дает возможность проследить взаимодействие традиции, непосредственного опыта людей и ответа культуры на вызовы нового времени. В данном случае их совместная «работа» приводила к тому, что причины изнурительных и опасных эпидемических заболеваний могли быть персонифицированы неопределенно, смутно или явственно в обличье подвижного и злонамеренного по отношению ко всему живому существа, которое могло быть следствием порчи, но получало способность действовать самостоятельно.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- В.\*. Сибирская язва // Екатеринбургская неделя: газ. полит. и лит. Екатеринбург, 1888. № 29. С. 623-624.
- Г.А. Заговоры народные, записанные в Кунгурском округе // Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур: Искра. 1926. № 2. С. 20-23.
- Глушков И. Топографо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича. Котельнич: Издательский отдел Вятского регионального Центра русской культуры, 1999. 65 с.

---

<sup>35</sup> Реформатский. 1892. С. 26.

<sup>36</sup> Осокин. 1856. С. 3.

- Зауралец. Кыштымский завод // Екатеринбургская неделя: газ. полит. и лит. Екатеринбург, 1886. № 32. С. 521.
- Зырянов А.Н.* Письмо из Далматово // Пермские губернские ведомости: часть неофиц. Пермь, 1865. № 20. С. 84-85.
- Кочегаров Ф.* Во что верят наши крестьяне // Пермские губернские ведомости: часть неофиц. Пермь, 1883. № 71. С. 368-369.
- Кривошецов А.* Поверья и предрассудки у оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа: [Журн. пед. и науч.]. Уфа, 1913. № 2. С. 40-52.
- Луканин А.* Воскресные беседы // Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1869. № 42. С. 473-480.
- Малмеецкий В.* Село Исаево // Оренбургские епархиальные ведомости. Оренбург, 1873. № 6. С. 228-233.
- Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, Пермская губерния. Ч. 1. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1864. 367 с.
- Моллесон И.* Очерк народной медицины в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. СПб., 1869. № 4. Отд. 3. С. 1-19.
- Невский И.* Село Покровка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. Оренбург, 1898. № 3. С. 102-110; № 4. С. 138-148.
- Немирович-Данченко В.И.* Кама и Урал. СПб.: П.П. Сойкин. 1904. Т. 2. 448 с.
- Осокин М.И.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник: Журнал лит. и полит., изд. Н.А. Некрасовым. СПб., 1856. Т. 60: Ноябрь-декабрь. Отд. Смесь. С. 1-40, 179-214.
- Португалов В.* Народная медицина в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1868. № 2. Смесь. С. 49-55.
- Попов В.* Заговоры, причитания, песни, пословицы, поговорки, записанные в Сергиевской волости Пермского уезда // Пермские губернские ведомости: часть неофиц. Пермь, 1879. № 36. С. 179.
- Порфирьев И.* Древняя икона Успенья Пресвятой Богородицы в селе Верх-Язьвинском // Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1888. № 48. С. 171-175.
- Реформатский Н.Н.* Общая клиническая картина «Злой корчи» по наблюдениям в Нолинском уезде. Казань: Типография Университета. 1892. 36 с.
- Топорков А.* Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1881. № 27. С. 307-310.
- Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII-XIX вв. / Миненко Н.А. (отв. ред). Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 360 с.
- Шерстобитов И.В.* Описание быта государственных крестьян, живущих в Чердынском уезде по правую сторону реки Камы // Пермские губернские ведомости: часть неофиц. Пермь, 1865. № 13. С. 55-56.
- Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263-1881 г. Четвертый период. С 1676-1682 г. Пермь: Типография Губернской земской управы. 1884. 653 с.
- Голикова Светлана Викторовна*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; avokilog@mail.ru

В. Г. АНАНЬЕВ

## ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНОЙ АУДИТОРИИ В 1920-е ГОДЫ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

---

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением музейной аудитории в СССР в середине 1920-х гг. На основании малоизвестного архивного материала, протоколов заседаний Музейной секции Социологического комитета Государственного Института истории искусств, уточняется история таких исследований в Русском музее, отношение к ним со стороны профессионального сообщества и их значение для последующего развития отечественной музеологии.

**Ключевые слова:** музей, музеология, музейная аудитория, архивный источник, музейный язык, коммуникация.

---

Изучение музейной аудитории – одно из важнейших направлений деятельности любого музея. Опыты в этом направлении, начавшиеся в нашей стране в середине 1920-х гг. были продолжены после длительного перерыва, вызванного политическими причинами, лишь в 1970-е гг., и сейчас вновь привлекают внимание многих практиков и теоретиков музейной работы. В литературе предпринимались попытки охарактеризовать основные приемы и методы таких исследований, проанализировать историю формирования отечественной музейной социологии<sup>1</sup>. Однако работы Л.С. Рафиенко и М.Ю. Юхневич, посвященные истории изучения посетителей музеев 1920–30-х гг., основываются лишь на опубликованных материалах, тем самым, только отчасти давая представление о спорах и дискуссиях того времени по данному вопросу<sup>2</sup>. Статьи, публиковавшиеся в журналах середины 1920-х – начала 1930-х гг., как правило, представляли окончательно оформленную точку зрения их авторов. По ним невозможно проследить пути формирования этих представлений, услышать все многообразие мнений. Для более углубленной разработки вопроса следует привлечь новые архивные материалы, в том числе те, что фиксируют сам ход дискуссий. К числу таких материалов можно отнести протоколы заседаний Музейной секции Социологического комитета Государственного института истории искусств<sup>3</sup>.

Институт истории искусств был основан в 1912 г. в Петербурге графом В. П. Зубовым, в 1916 г. получил статус высшего учебного заведения, а с 1925 г. стал называться Государственным институтом истории

---

<sup>1</sup> Юхневич. 2001. С. 53-69.

<sup>2</sup> См.: Рафиенко. 1973; Юхневич. 1998.

<sup>3</sup> Ананьев. 2010. С. 176-177.

искусств. В том же году директором стал видный теоретик и историк искусства, один из первых отечественных музееведов, Ф. И. Шмит. Институт состоял из нескольких отделов, работу которых должен был координировать Комитет социологического изучения искусства, призванный объединять «научную работу всех отделов института в области социологии искусства»<sup>4</sup>. При комитете существовал ряд секций: общей теории и методологии, искусства «Октября», педологическая, изучения крестьянского искусства русского Севера и музейная<sup>5</sup>. Музейная секция была создана по инициативе известного специалиста по античному искусству, многолетнего сотрудника Эрмитажа О. Ф. Вальдгауера, возглавлявшего в институте отдел изобразительных искусств<sup>6</sup>. В секции обсуждались научные доклады по актуальным вопросам музейного дела, составлялась библиография отечественной и зарубежной литературы по музеологии и музейному делу, устраивались выставки, был подготовлен сборник статей; летом на базе пригородных дворцов-музеев проводилась практика для студентов ряда учебных заведений. На открытые заседания секции собиралось до нескольких сот человек<sup>7</sup>; обсуждались вопросы, связанные с судьбами историко-бытовых музеев, размещавшихся во дворцах и особняках Ленинграда и пригородов, выставками, организуемыми в Русском музее и Эрмитаже, использованием в экспозиции архивных материалов, опытом новейшего музейного строительства в Европе и др. Поднимался и вопрос об изучении музейного посетителя.

Доклад на тему «Вопросы учета восприятия музейного посетителя» был сделан 20 апреля 1926 г. сотрудницей Русского музея Верой Фотиевной Белявской. Докладчица начала с аргументации актуальности данного направления работы в связи с «реформой музейного строительства», которая произошла с революцией. Новая постановка дела «стремится ориентировать экспозицию на массы; для этого необходимо знать восприятие массой музейного материала». Этого можно добиться только «научно-организованным учетом музейного зрителя», потому и нужна разработка соответствующих методов. По мнению В.Ф. Белявской серьезным подспорьем в этом деле может стать материал, накопленный при изучении театральной аудитории. Говоря о том, какая именно часть аудитории должна стать основным объектом изучения, докладчица отметила, что поскольку «главным организованным в экскурсии, музейным посетителем, является рабочая масса», в первую очередь, необхо-

<sup>4</sup> АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 44; *Кумтан К. Н.* 2009.

<sup>5</sup> ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 3. № 14. Л. 110.

<sup>6</sup> АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 91 об.

<sup>7</sup> ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 3. № 21. Л. 47; Там же. № 27. Л. 8.



димо изучение именно ее «музейных вопросов и восприятия». При этом, однако, нужно изучать и «другие классовые группировки», так как только сравнительный анализ может дать показательный материал. Характеристике основных принятых при изучении посетителей методов и было посвящено основное содержание доклада.

Было выделено три метода: 1) Метод непосредственного наблюдения: «наблюдатель стоит в стороне и фиксирует реакцию зрителя на те или иные памятники искусства»; 2) Метод точного учета реакций, посредством графиков и хронометрами: «Наблюдатель следует за экскурсией и фиксирует, как долго экскурсия останавливается над тем или иным произведением. С какой силой и длительностью концентрирует внимание зрителя над теми или иными вещами; сколько человек подходит и сколько отходит в процессе экскурсионной остановки над тем или иным произведением»; 3) Метод анкетирования. Анкеты могут быть краткие и детальные. Первые заполняются в музее, вторые – дома. Первые отражают непосредственные впечатления, вторые – анализ впечатлений. Для составления точной картины необходимо применение всех трех методов и на большом количестве посетителей для получения среднего значения<sup>8</sup>. Эти методы были традиционны для тех музеев, которые с середины 1920-х гг. занимались изучением аудитории: они с успехом применялись и в Третьяковской галерее, ставшей «застрельщиком в этих начинаниях», и в Историческом музее, присоединившемся к этим опытам в 1929 г. Вероятно, обсуждение работы сотрудников методическо-просветительского отдела Третьяковской галереи на заседаниях ученого совета Русского музея, послужило стимулом для ленинградских разработок. Русский музей стал вторым музеем страны, обратившимся к изучению своей аудитории, на три года опередив в этом Исторический музей<sup>9</sup>.

Доклад вызвал оживленную дискуссию, и это вполне естественно. Та «реформа музейного строительства», о которой в начале своего выступления говорила В. Ф. Белявская, затрагивала все стороны музейной деятельности, вела к дискуссиям о сущности основного конституирующего элемента музея – музейного предмета, ставила перед музеями новые цели и, тем самым, была чревата превращением их в совершенно новый социальный институт<sup>10</sup>. Прения по докладу выявили не столько многообразие взглядов специалистов по данному вопросу, сколько общее настороженное отношение к новому направлению работы. Сотрудница института М. З. Крутикова высказала сомнения в том, «можно ли,

<sup>8</sup> АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 122 об.-123.

<sup>9</sup> Рафиенко. 1973. С. 194.

<sup>10</sup> Ананьев. 2011.

основываясь на учете музейного посетителя строить музейную экспозицию». При всей важности этого вопроса, экспозиция все же «должна исходить из ясного и четкого развертывания той или иной научной мысли», хотя «разумеется, должна быть построена так, чтобы быть, по возможности, доступней восприятию даже среднего, по культурному уровню, посетителя». Это была традиционная для отечественного музееведения начала XX в. позиция, утверждавшая примат научной концепции в построении экспозиции: «Отправная точка – логически ясная научная мысль, выраженная в материале, но не восприятие посетителя»<sup>11</sup>.

Солидаризовался с такой точкой зрения и один из основоположников отечественного экскурсоведения Б.П. Брюллов, в первой четверти XX в. бывший одним из основных организаторов экскурсионной работы в Санкт-Петербурге, автор многочисленных путеводителей по городу, сотрудник Экскурсионного института и Экскурсионного центра Экскурсионной базы ленинградского Губполитпросвета<sup>12</sup>. Он отметил безусловную важность рассматриваемого вопроса, но подчеркнул, что «в восприятии музейного посетителя очень много случайного, и очень мало – закономерного». Их следует различать. «Важным является учет преобладания публики в той или иной зале»<sup>13</sup>. Но и это может быть случайным фактором. О том же говорил секретарь секции, сотрудник Эрмитажа П.Н. Шульц. Он указал на то, что не следует «преувеличивать значение учета для экспозиции <...> Выводы учета следует рассматривать как полезный подсобный материал для музейных и экскурсионных работников, но базировать на этом учете экспозицию, разумеется, недопустимо». Важно, что эта работа направит внимание музейных работников на посетителя. «Она поможет им выработать язык (в экспозиции), гибко укладываемый в сознании масс»<sup>14</sup>. Сложно переоценить значение этого последнего утверждения.

В отечественной историографии уже давно было отмечено, что в 1930-е гг. происходит формирование концептуальных представлений о специфике музейного языка<sup>15</sup>. Вместе с тем, как правило, основное внимание ученых концентрировалось на выяснении семантики и синтаксиса этого языка: на том, как с его помощью передается то или иное значение, из каких элементов он состоит и проч. Вопросы прагматики этого языка оставались на втором плане, в то время как, начиная с 1960-х гг., именно

<sup>11</sup> АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 123.

<sup>12</sup> Фролов. 1989.

<sup>13</sup> АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 123 об.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Никишин. 1989. С. 7-8.

они выходят на первый план в зарубежной музеологии. Д. Камерон в своей знаменитой работе «Музей как коммуникационная система и ее применение в целях музейного образования» прямо пишет о том, что «эффективная коммуникация между создателем экспозиции и посетителем по-прежнему зависит от того, может ли посетитель понимать невербальный язык “настоящих вещей”»<sup>16</sup>. Важность «срединных значений» подчеркивала в своих работах 1990-х гг. А. Хупер-Гринхилл<sup>17</sup>.

Как видим, необходимость выработки особого языка экспозиции, «гибко укладываемого в сознании масс», осознавалась отечественными музейоведами уже в середине 1920-х гг. Подводя итоги своего выступления, сама В. Ф. Белявская отмечала, что методы изучения музейного посетителя необходимо развивать «для установления общего языка (через экспозицию) между музейным работником и посетителем»<sup>18</sup>. Эта традиция не была полностью утрачена и в дальнейшем. Лучшие представители отечественного музейоведения всегда помнили о важности этого «антропологического фактора». Видный отечественный искусствовед, археолог, специалист по истории византийского искусства, Л.А. Мацулевич, читавший лекции по музейоведению на историческом факультете Ленинградского университета в тяжелейшее время конца 1940-х – начала 1950-х гг., учил своих студентов: «... работа научно-просветительная, работа лекционная, работа речью и демонстрацией, музейная работа обязательно должна включать в это понятие человека. Образ экспозиции, архитектурная планировка, архитектурный пространственный образ включает и человека, живого человека, студента, школьника и т.д. Строитель экспозиции должен это предусмотреть и должен это знать»<sup>19</sup>.

Нет необходимости напоминать о том, что и в настоящее время этот принцип остается одним из важнейших в работе любого музея. Еще в 1987 г. на конференции Международного комитета по музеологии при Международном совете музеев было отмечено существование двух основных категорий музеев: ориентированных на коллекции, и ориентированных на коммуникацию. Изучение музейного посетителя оказывается важной задачей и для той и для другой категории. Обращение к истории этого явления может способствовать не только уточнению наших представлений о прошлом отечественного музейного дела в один из интереснейших периодов его развития, но и оптимизации соответствующих практик в деятельности современных музеев.

---

<sup>16</sup> *Cameron*. 1968. P. 36.

<sup>17</sup> *Hooper-Greenhill*. 1999.

<sup>18</sup> АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 123 об.

<sup>19</sup> ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. № 185. Л. 87.

К сожалению, дальнейшей разработки проблемы изучения музейного посетителя в работе Института истории искусств так и не получили. Музейная секция, переименованная в Музейный комитет, фактически прекратила свою работу в конце 1920-х гг. В отчете отдела изобразительных искусств за 1928–29 гг. отмечалось: «...музейный комитет не работал в связи с реорганизацией Института и необходимого для данной работы кадра лиц»<sup>20</sup>. В 1930 г. был вынужден уйти с поста директора Ф. И. Шмит, работа всего института начала перестраиваться в связи с переходом «на марксистские рельсы». В производственном плане отдела изобразительных искусств на первом месте стояла уже разработка «истории советского искусства». При этом, однако, в области музейного дела как требующий рассмотрения был заявлен вопрос «о требованиях, предъявляемых массами к организации музейного дела и к музейной экспозиции и как эти требования и запросы отражались в музеях»<sup>21</sup>. Впрочем, данная тема (как и все направление работы института) приобрела очевидно классовое звучание.

Из всех категорий посетителей в качестве главного объекта исследования выделялась одна: на повестку дня ставилось «изучение рабочего зрителя и его художественного диапазона». Причем работа должна была приобрести гораздо больший, чем планировалось раньше, размах, охватывая не только музеи, но и всю сферу художественной жизни. Предполагалось «выявить отношение рабочего зрителя к художественным течениям нашего дня; какой язык художественных форм наиболее доходчив, близок рабочему зрителю; установить классовое расслоение рабочего зрителя». Для этого следовало связать работу института с Институтом политпросветработы им. Н.К. Крупской, Педагогическим институтом им. А.И. Герцена, просветительской ячейкой Русского музея. Изучение рабочего зрителя должно было проходить на выставках, в музеях, в ходе экскурсий. Планировалось разработать методику учета зрительских реакций (составить анкеты, инструкции и т.д.). Для этого запланированы были доклады, посвященные изучению посетителей в Третьяковской галерее, анкетному методу, привлечению к исследованиям музейных консультантов и экскурсоводов. Из числа студентов высших учебных заведений предполагалось создать специальное Бюро учета зрителя. В качестве основной площадки для проведения исследований рассматривались теперь художественные выставки, проводимые в домах культуры. Результаты изысканий предполагалось оформить в статьи на две основ-

---

<sup>20</sup> ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 3. № 39. Л. 36.

<sup>21</sup> Там же. Л. 77.

ных темы: социология современного зрителя и художественные вкусы рабочего зрителя. В число исполнителей вошли как сотрудники института (например, ученик Ф.И. Шмита, молодой искусствовед А.С. Гушин), так и музейные работники, сотрудничавшие с институтом (археолог и сотрудник Эрмитажа П.Н. Шульц). Анкеты планировалось использовать и при изучении другой темы: «что нужно усвоить пролетариату в новейшем европейском искусстве и почему именно нужно»<sup>22</sup>. Насколько можно судить по сохранившимся источникам, разработке данной проблематики помешали последовавшие преобразования и перепрофилирование института. В 1931 г. он стал Ленинградским отделением Государственной академии искусствознания, и музеи исчезли из его планов.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Ананьев В.Г.* О некоторых проектах применения социологического подхода в музейном деле Советской России 1920-х гг. // Вестник РГГУ. 2011. Вып. 17. Серия: Культурология, Искусствоведение, Музеология.
- Ананьев В.Г.* Становление Гатчинского музея в 1920-е гг. Из фонда О. Ф. Вальдгауера // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 175-185.
- Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 6. Оп. 1. № 219.
- Кумпан К.А.* К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 345-360.
- Никишин Н.А.* Язык музея как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1989. С.7-15.
- Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН). Ф. 991. Оп. 1. № 185.
- Рафиенко Л.С.* Из истории изучения посетителей музеев в 1920 – 1930-х годах // Вопросы экскурсионной работы. М., 1973. С. 193-211.
- Фролов В.А.* Жизнь и деятельность Б. П. Брюллова // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции. Л., 1989. С. 40-42.
- Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 3. № 14, 21, 27, 39.
- Юхневич М.Ю.* Музейная аудитория и ее изучение // Художественный музей в образовательном процессе. СПб.: Специальная литература, 1998. С. 77-95.
- Юхневич М.Ю.* Я поведу тебя в музей. М.: РИК, 2001.
- Cameron D.* A Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // Curator. 1968. Vol. 11. P. 33-40.
- Hooper-Greenhill E.* Learning in art museums: strategies of interpretation // The Educational Role of the Museum, ed. by E. Hooper-Greenhill. London: Routledge, 1999. P. 44-52.
- Ананьев Виталий Геннадьевич*, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский Государственный университет, Исторический факультет, кафедра Музеологии, [wostokzap@newmail.ru](mailto:wostokzap@newmail.ru)

---

<sup>22</sup> Там же. Л. 86-87.

*Н. Н. НИКОЛАЕВ*

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА**

---

В статье проанализированы основные виды и формы политической и социальной рекламы, создававшейся российскими эмигрантами в разных странах и регионах мира, роль рекламы в деятельности партий и движений российского зарубежья XX в. и их идеологическом противостоянии с большевистским режимом, а также использование социальной рекламы эмигрантскими благотворительными организациями. Автор раскрывает значение политической и социальной рекламы в процессе сохранения культурной идентичности в рамках российских зарубежных диаспор.

**Ключевые слова:** *российское зарубежье, эмиграция, Русская Америка, реклама, журналистика, периодическая печать, благотворительность.*

---

Важным элементом общественной жизни российских зарубежных диаспор в XX в. явилась политическая и социальная реклама, распространявшаяся преимущественно через прессу, а также в ходе деятельности общественно-политических и гуманитарных организаций. Формой подобной рекламы были, например, воззвания «Ко всем честным гражданам, любящим свою родину!», распространявшиеся весной 1920 г. среди российских военных, оказавшихся в Константинополе, с призывом возвращаться в Крым и вступать в армию Врангеля. В годы Гражданской войны на территориях, контролировавшихся белыми армиями, развивалось искусство антибольшевистского политического плаката, некоторые образцы которого были вывезены за границу и воспроизводились на страницах эмигрантских изданий, а также демонстрировались на выставках и в музеях российского зарубежья.

Политические лозунги и призывы достаточно широко использовались разными общественно-политическими движениями и организациями российского зарубежья. Свое кредо формулировали издательства и органы периодической печати. Например, на титульном листе каждого номера парижского журнала «Возрождение», выпускавшегося в 1950–1970-е гг., было напечатано «Величие и свобода России, достоинство права человека, ценность культуры».

Косвенной формой политической рекламы было участие лидеров российского зарубежья в различных общественных акциях (возложение венков к могиле Неизвестного солдата во Франции, освещение право-

славных храмов и т.п.)<sup>1</sup>. Участие в подобных мероприятиях, которые нередко проводились совместно с представителями властей, деятелей культуры, генералитета принимающих стран, повышали авторитет политической элиты российского зарубежья в глазах соотечественников и в иностранном сообществе. Листовки, плакаты, календари с портретами белых вождей были популярным атрибутом обстановки помещений общественных организаций и частных жилищ в российском зарубежье.

В сфере русскоязычной зарубежной рекламы в 1920-1930-е гг. в ряде случаев наблюдалось идейное противостояние эмиграции и большевистского режима. Значительное место в материалах русскоязычной прессы занимала антиреклама советского строя: статьи, посвященные репрессиям против интеллигенции и духовенства, разрушению памятников дореволюционной культуры, а также репортажи и фельетоны о повседневной жизни в СССР: дефиците продовольствия и предметов первой необходимости, безработице, необразованности и пьянстве партийных работников и т.п. В начале 1920-х гг. призывы о пожертвованиях на нужды голодающих в России и об отправке на родину продуктов печатали не только ведущие газеты и журналы в Париже, Праге, Берлине, но и в «провинции» российского зарубежья, например, в «Вестнике эмигранта», издававшемся в Варшаве. При этом голод в советской России для эмигрантской общественности был дополнительным свидетельством неспособности большевиков управлять страной.

В ряде случаев в информационной среде российского зарубежья художественные объекты становились предметом дискуссий, в основе которых явно находился идеологический подтекст. Так, образцы советского искусства воспринимались и трактовались эмигрантской критикой как антиреклама большевистского режима. Например, в 1925 г. «Последние Новости» и журнал «Русская неделя» резко негативно отзывались о выполненном по проекту Мельникова павильоне СССР на Всемирной выставке, вкладывая в оценку политический смысл: «Нечто вроде садовой беседки, оранжереи или холерного барака. Из стекла и дерева, сколоченный на живую нитку, уже с облезающей от солнца кровавой окраской своей единственной деревянной стены, павильон этот – горькое напоминание о том, что стало сейчас с Россией»<sup>2</sup>.

Вторая мировая война привела к обострению политических разногласий в среде российской эмиграции, что обусловило появление противоположных по своей направленности образцов социальной и политиче-

---

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 592. Л. 1.

<sup>2</sup> Русская неделя. 1925. № 1. С. 27-28.

ской рекламы. Значительная часть эмигрантской прессы публиковала статьи и призывы патриотического характера, призывавшие поддержать советский народ в борьбе с фашизмом. Одновременно в российском зарубежье распространялись идеи вооруженной борьбы с большевизмом на стороне гитлеровской Германии, которые поддерживались, в частности, рядом военных и казачьих журналов в Европе и на Дальнем Востоке. В послевоенный период некоторые эмигрантские организации, действовавшие на идеологической платформе РОД, пытались соединить ее с историей белого движения, в том числе, выпуская различные брошюры и плакаты. В частности, представляет интерес плакат «Четыре даты» (1917–1920 и 1941–1945) с фотографиями военных лидеров белой эмиграции и вождей власовского движения и лозунгом «за Родину-Россию». Фотографии и текст обрамлены изображениями георгиевских лент, лавровых венков, флагов и других атрибутов военной героики.

Различные направления политической антирекламы получили широкое распространение в мире российского зарубежья во второй половине XX века. Например, в русскоязычной прессе 1960–80-х гг. часто публиковались снимки высших партийных руководителей (Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, А.А. Громыко М.А. Суслова и др.), маститых советских писателей, деятелей Московского патриархата, выполненные таким образом, чтобы выставить изображаемых в комичном или неблагоприятном свете, и сопровождавшиеся ироничными комментариями. За редким исключением аналогичную направленность имела и эмигрантская публицистика. В свою очередь контрпропаганду вели европейские и американские средства массовой информации социалистического и коммунистического направления, в том числе, издававшиеся левыми эмигрантскими организациями на русском языке.

Представляет интерес распространение в западных странах рекламы советского кино, книг, газет и журналов. В 1970-х гг. в «Русской мысли» регулярно публиковались анонсы советских кинофильмов, показы которых устраивал в Париже кино-клуб «Жар-птица». Во многих странах подобную культурную работу вели структуры общества «Родина» и примыкавшие общественные организации демократического направления, объединявшие эмигрантов, которые симпатизировали СССР. Так, в Финляндии Русским культурно-демократическим союзом издавался журнал «Наша жизнь», на страницах которого создавались идеализированные картины жизни советских людей. Несмотря на ярко выраженный пропагандистский характер издания, в нем присутствовали элементы коммерческой рекламы: журнал призывал читателей покупать те или иные книги советских авторов, подписываться на советские газе-



ты и журналы, а также приобретать автомобили Lada. Встречались здесь и частные объявления, например: «Русский язык на курсах далеко продвинутого обучения ведет преподаватель финско-русской школы, магистр московского вуза» и т.п.<sup>3</sup>

Развитие в российском зарубежье в 1920–30-е гг. институциональной системы культурно-просветительных и гуманитарных учреждений нашло отражение в социальной рекламе, направленной на организацию взаимной поддержки и помощи наиболее социально уязвимым категориям российских беженцев. Общественные организации российского зарубежья в разных странах неоднократно проводили кампании по сбору средств в пользу детей-сирот, инвалидов, голодающих в советской России. Частью этих акций неизменно становилась и социальная, и коммерческая реклама. Газетные объявления и плакаты призывали делать пожертвования деньгами, одеждой, продуктами, устраивались благотворительные балы с участием известных артистов и т.п. Например, на первой странице № 14 (151) «Иллюстрированной России» за 1924 г. была помещена фотография группы детей дошкольного возраста у дверей Парижского Земгора и лозунг «Помогите детям!»

Некоторые российские эмигранты – владельцы магазинов и торговых складов предлагали соотечественникам товары по низким ценам. Например, в пражских газетах можно было прочесть объявление о том, что «всем русским предоставляется возможность приобрести за особенно дешевые цены белье, галстучки, перчатки, воротнички, носки и т.д. в универсальном русском магазине «Bazar» («Базар») около Беранка.

Значительное место в социальной рекламе занимали воззвания и обращения культурно-просветительных организаций, музеев и архивов о собирании памятников истории, культуры и искусства России и передаче их в общественные хранилища – Русский заграничный исторический архив. Донской архив-музей и Русский культурно-исторический музей в Праге, музей общества «Родина» в Лейквуде (США) и др. Подобные обращения печатались в газетах, а также рассылались по всему миру различным эмигрантским объединениям и непосредственно владельцам документальных, книжных и художественных коллекций<sup>4</sup>.

В российском зарубежье распространялась и реклама, воздействовавшая на формирование стереотипов поведения эмигрантов в обществе принимающих стран. В качестве социальной рекламы можно, в частности, рассматривать лозунги и призывы в эмигрантской печати Чехосло-

<sup>3</sup> Наша жизнь. – Хельсинки, 1979. Май. № 4 (239). С. 11.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 2. Д. 47. Л. 1.

вакии, которые являлись благодарственным откликом на поддержку со стороны правительства и общества данной страны и воздействовали соответствующим образом на общественное мнение. Например, в журнале «Казак» в 1928 г. говорилось: «Чехословацкий народ впредь и брат наш и лучший друг. Да здравствует и живет на вечные времена Чехословацкая республика и чехословацкий народ!»<sup>5</sup>.

В этом же издании публиковались письма казаков, часть которых приближалась по содержанию к иммиграционной рекламе, распространявшейся Австралией и другими странами, заинтересованными в притоке рабочей силы. Например, уральский казак П. Землянушнов, ставший австралийским фермером, писал: «В Австралии жить можно: день проработал – неделю живи... У меня на ферме початки, клубника, ананас, томаты, капуста и пр. овощи. Один акр клубники, при хорошем урожае, дает чистого дохода 250 фунтов стерлингов, т.е. наших 2500 рублей золотых. Первый год очень трудно, потом ничего, казак никогда не пропадет. Климат очень хороший, воздух свежий и чистый...»<sup>6</sup>.

Для русско-американской прессы была достаточно характерна косвенная реклама американского образа жизни и восхваление Америки<sup>7</sup>. Кроме того, в русскоязычной печати США, особенно в изданиях, демократических организаций и обществ взаимопомощи, публиковались статьи и заметки, побуждавшие российских эмигрантов, прежде всего, молодежь, учиться, осваивать перспективные профессии, больше читать<sup>8</sup>.

Социально-культурная эволюция Русской Америки второй половины XX в. оказала определенное влияние на развитие предпринимательской деятельности в рамках диаспоры. Как и в 1920-е гг., «появление на континенте новых иммигрантов не приводило к укреплению диаспорального единства»<sup>9</sup>. Представители «второй волны» создали собственные общественно-политические, культурные и издательские структуры, что вело к дальнейшей дифференциации институциональной системы российского зарубежья в США и Канаде. В то же время, на протяжении почти всего XX в. в Русской Америке действовало несколько крупных общественных организаций и фондов, охватывавших основные региональные колонии русскоязычного населения США, прежде всего – Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке (РООВА), Русское православное общество взаимопомощи, Объединенный комитет

---

<sup>5</sup> Казак. – Прага, 1928. № 2. С. 6.

<sup>6</sup> Там же. С. 41.

<sup>7</sup> Зарница. – Нью-Йорк, 1926. Сентябрь. № 14. С. 17-18.

<sup>8</sup> Там же. 1925. Сентябрь. № 4. С. 3-4.

<sup>9</sup> Ручкин. 2006. С.413.

русских национальных организаций в Сан-Франциско и др. Подобные организации имели собственные печатные органы, земельные участки и другие центры деловой активности, что определяло их участие в создании и использовании русской рекламы, которая была направлена, главным образом, на информацию о различных культурных мероприятиях, распространение просветительной и художественной литературы, подписки на газеты и журналы и т.п. Так, в журнале «Русский вестник», издававшемся РООВА, в 1950-е гг. печатались приглашения в летний детский лагерь Общества и школу для детей и взрослых общества «Наука».

Кроме того, вторичные миграции из Европы и Дальнего Востока представителей послереволюционной эмиграции, начавшиеся еще накануне Второй мировой войны, привели к появлению в США и Канаде слоя эмигрантской интеллигенции, усилиями которой были созданы немногочисленные, но устойчивые центры интеллектуальной и творческой жизни Русской Америки, такие как «Новый журнал» или Музей русской культуры в Сан-Франциско<sup>10</sup>. В последующие десятилетия их деятельность поддерживалась новыми поколениями русских американцев, включая представителей интеллигенции «второй» и «третьей» волны. В рамках «толстых» журналов, русскоязычного радио и других институций российской культуры в США и Канаде рекламировались книги на русском языке, творчество российских художников и других мастеров искусств за рубежом, русскоязычные органы периодической печати в Америке и Европе. Так, «Новый Журнал» в 1950–60-е гг. регулярно помещал информацию о книгах, выходивших в «Издательстве имени Чехова» в Нью-Йорке. В списках присутствовали произведения художественной литературы и публицистики российского зарубежья, переиздания русской классики, аннотированные переводы на русский язык книг американских писателей. Предлагались к приобретению книги издательства «Мост», которое печатало исторические романы Р. Гуля («Скиф в Европе», «Азеф» и др.), стихи Николая Клюева («Плач о Есенине») и др. Через русско-американские литературные журналы распространялась также информация о присылавшейся в издательства и книжные магазины Русской Америки продукции YMCA-Press и других европейских издательских центров российского зарубежья. При этом в период «холодной войны» реклама русско-американских СМИ имела заметную политическую составляющую, способствуя распространению антикоммунистических идей и литературы в эмигрантском социуме.

---

<sup>10</sup> Бакич. 1998; Меняйленко. 2008; и др.

В 1950–70-х гг. в русскоязычной прессе Франции, Бельгии, Италии, Германии продолжали публиковаться рекламные объявления, отражающие культурно-просветительную и благотворительную активность российского зарубежья. Распространенной рубрикой рекламной информации становятся сообщения о приеме клиентов в приюты и старческие дома, где заканчивали свои дни многие представители российской эмиграции первой волны. Хотя эти учреждения пользовались поддержкой государства и благотворительных организаций, их деятельность в значительной степени имела коммерческую основу. Осенью 1997 г. в «Русской мысли» практически одновременно были помещены объявления двух старейших социальных центров российской эмиграции во Франции. «Русский старческий дом» Земгора в Cormeilles-en-Parisis приглашал пенсионеров независимо от состояния здоровья на постоянное или временное жительство. В перечень условий проживания, наряду с описанием удобств и медицинского обслуживания, были включены регулярные богослужения. Запись желающих проводилась агентом пансиона при соборе св. Александра Невского на рю Дарю. Прием пенсионеров во вновь построенный современный корпус объявлял и Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа «в своем историческом окружении с парком»<sup>11</sup>.

На рубеже XX–XXI вв. на первый план начала выходить социальная реклама культурно-просветительных учреждений и общественных мероприятий, связанных с поддержкой русского языка и культуры за рубежом, пропаганда мультикультурного взаимодействия в рамках международного русскоговорящего сообщества. Активное участие в данном процессе принимали и коммерческие рекламно-деловые СМИ.

Поддержка русскоязычным СМИ оказывалась со стороны российских деловых и дипломатических структур за рубежом. Например, 2 марта 2007 г. в Риге в московском культурно-деловом центре «Дом Москвы» прошёл организованный посольством РФ в Латвии круглый стол на тему: «Русскоязычные СМИ Латвии: приоритеты, проблемы, формы поддержки». Мероприятие было приурочено ко дню торжественного открытия в республике Года русского языка и собрало ведущих журналистов и руководителей латвийских изданий и каналов, выходящих или звучащих в эфире на русском языке.

В 1990–2000-е гг. в ряде случаев сам язык рекламы становился аргументом в общественно-политических дискуссиях, в том числе, при обсуждении проблем русскоговорящего населения. Так, 2 мая 2006 г.

---

<sup>11</sup> Русская мысль. – Париж, 23–29 октября 1997. № 4194. С. 19; 30 октября – 5 ноября 1997 г. № 4195. С. 23.

информационное агентство Росбалт сообщило, что Союз русских предпринимателей Латвии, Рижская региональная русская община, Лиепайская русская община, Латвийская белорусско-украинская ассоциация, Латвийская ассоциация русской молодежи и Движение нанимателей за свои права обратились с призывом ко всем носителям русского языка использовать права, гарантированные латвийским законодательством. Статья 21 Закона Латвийской республики о государственном языке дает негосударственным структурам право размещать информацию в общедоступных местах на любом языке при условии, что текст на латышском языке не должен быть меньше по форме и содержанию. Активисты движения призвали латвийских предпринимателей активно использовать русский язык в сфере публичной информации. Инициаторы движения за широкое использование русского языка рекомендовали дублировать на русский язык всю публичную информацию: вывески, внешнюю рекламу, этикетки, ценники, а также инструкции, прайс-листы, меню, фирменные бланки, печати, договоры, рекламные материалы и прочую предлагаемую клиентам информацию.

Таким образом, политическая реклама отражала идеологию различных общественно-политических групп российской эмиграции, а также характерное для значительной части диаспоры тяготение к ретроспективным образам дореволюционной России и гражданской войны 1917–1922 г., трактовка которых в плакатах, карикатурах, журнальных иллюстрациях, заявлениях политических лидеров российского зарубежья подчеркивала значимость исторической миссии эмиграции после революционной волны. В 1940-е эмигрантская политическая реклама характеризуется резко противоположными идейными векторами, направление которых определялось политическим выбором ее авторов в период Великой Отечественной войны. В 1950–80-х гг. основным содержанием политической рекламы российского зарубежья становится антикоммунизм и поддержка диссидентского движения в СССР.

Развитие социальной рекламы определялось широким распространением гуманитарного и культурно-просветительного движения, опиравшегося в значительной степени на дореволюционные традиции и опыт общественных российских и иностранных общественных организаций (Земгора, Всероссийского союза городов, YMCA и др.).

Социальная реклама создавалась в разнообразных печатных формах – газетные объявления, плакаты, фотографии, листовки и т.п. Кроме того, использовались приемы наглядной агитации в ходе массовых акций – Дня русской культуры, Дня русского инвалида, Татьянинских ба-

лов, мероприятий, часть которых является элементом общественной жизни современных русскоговорящих общин во многих странах мира.

Косвенные формы социальной рекламы (публицистические статьи, репортажные фотографии и т.п.) стимулировали эмигрантскую молодежь к повышению образовательного уровня, изучению иностранных языков, поиску более благоприятных условий для проживания и адаптации за рубежом.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Бакич О.* Музей русской культуры в Сан-Франциско. Наше пятидесятилетие // Россияне в Азии. Торонто, 1998. № 5.
- Великий русский исход. Европа. Из серии «Русская эмиграция в фотографиях. 1917–1939 / Автор составитель Андрей Корляков. Paris; YMCA-Press, 2009.
- Воробьева О.В.* Русская Америка в XX веке: историко-культурный аспект. М., 2010.
- Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье. 1918–1945 гг. М., 2000.
- Ершов В.Ф., Шинкарук И.С.* Российская военная эмиграция и ее печать, 1920–1939 гг. М., 2000.
- Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков / Ред. Г.В. Жирков. СПб., 2003.
- Лебедев П.* Советское искусство в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М.; Л., 1949.
- Меняйленко М.К.* Музею русской культуры в Сан-Франциско – 60 лет // Отечественные архивы. 2008. № 1.
- Молчанов Л.А.* Газетный мир антибольшевистской России. М., 2001.
- Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.
- Русская неделя: Журнал политики, литературы и искусства. Париж, 1925. № 1.
- Русская эмиграция в фотографиях. Франция, 1917–1947 / Авт.-сост. А. Корляков. Париж: ИМСА-Press, 1999.
- Русский Париж: Сборник / Сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. М., 1998.
- Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М., 2006.
- Селунская В.М.* Проблемы интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник МГУ. Серия 8. История. М., 1998.
- Степанов А.А.* История объявлений. Газетная реклама в России XVIII–XX вв. СПб., 2007.

***Николаев Николай Николаевич***, старший преподаватель кафедры истории Отечества социально-гуманитарного факультета Российского государственного социального университета; [congress@fromru.com](mailto:congress@fromru.com)

*И. И. КУРИЛЛА*

## ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕМИНАР В ВОЛГОГРАДЕ

---

В статье содержится обзор заседаний Волгоградского исторического семинара, посвященного проблемам взаимодействия исторической науки и общества. Автор считает подобные инициативы важными как для исторического сообщества в целом, так и для активизации гуманитарной науки в регионах.

**Ключевые слова:** методология, историческая наука, история в регионах, история и общество, историческая политика.

---

Одна из тревожных характеристик сегодняшнего состояния отечественного исторического сообщества – разрыв связи между профессиональными историками и обществом. Широкие массы россиян черпают исторические представления не из трудов или выступлений профессионалов, а из публицистики, печатной, «интернетной» и телеэкранный; к авторам школьных учебников предъявляются претензии, демонстрирующие непонимание сути истории представителями общества и государства, берущимися рассуждать об этой проблеме, в политическом обиходе появилось словосочетание «фальсификация истории». Другой стороной той же проблемы является все менее очевидная граница нашего профессионального цеха. «Самодельные историки» заполняют медиа-пространство и претендуют на включение в круг профессионалов. Вопросы экспертизы качества диссертаций, учебников истории, конкурсных научных проектов и даже научных трудов все больше «прибирает к рукам» государство. И пусть количество вызывающих сомнение научного сообщества защит диссертаций по истории меньше, чем по некоторым другим общественным наукам, но и здесь есть почва для сомнений по поводу некоторых чиновных соискателей ученых степеней.

Историческое сообщество, однако, существует не для себя самого. История есть форма самопознания и самоопределения общества, а историки – профессионалы этого самопознания. Исследования ученых составляют лишь часть большой картины исторического сознания. Не менее важна историческая память общества, которая сохраняется и передается с помощью различных социокультурных механизмов. Собственно, историческую науку можно считать одним из таких механизмов, влияющим на историческое сознание общества, но, в свою очередь, получающим импульсы со стороны вненаучных факторов.

Историческое познание представляет собой диалог, одной из сторон которого является прошлое, представленное источниками, а другой – настоящее, ставящее перед источниками вопросы. Именно из-за изменяющегося «сегодня» каждое поколение «переписывает историю», но, вопреки обыденным представлениям, это совершенно нормальный и плодотворный процесс, ведущий к улучшению нашего понимания и прошлого, и настоящего. Историки – это профессионалы такого диалога, «переводчики» вопросов и ответов, умеющие свести к минимуму искажения при передаче смыслов.

При этом разные политические силы используют историю в целях укрепления собственных позиций, черпая из нее ресурсы для формирования собственной идентичности и изменения идентичности сообщества, внутри которого они существуют. В борьбе за изменение идентичности политического сообщества в значительной степени и заключается политический процесс. Таким образом, наряду с профессионалами в поле исторических интерпретаций всегда присутствует большое число групп и лиц, заинтересованных в получении заданных ответов, или хотя бы в ограничении круга задаваемых прошлому вопросов.

Наконец, историческое сознание живет и на «неполитическом» уровне общества; память передается в семьях и неформальном общении, вплетается в ткань литературных произведений и кинофильмов, утверждает себя в планировке городов и топонимике. «Отшумевшие» споры оседают в историческом сознании в виде «мест памяти» (Пьер Нора), по поводу которых нация больше (или пока еще) не испытывает разногласий, но использует их в качестве «строительного материала» для интерпретации позднейших событий.

Конечно же, все эти уровни исторического сознания пересекаются и взаимодействуют. И, как профессионалы, историки не могут уходить в «башню из слоновой кости»; тем более, таких башен в нашем мире не осталось. «Специалистам по прошлому» остро необходим анализ своего места в современности. Нельзя согласиться с мнением С. Экштута, будто историки могут исследовать, «как и в чьих интересах происходило подавление исторической памяти в прошлом», но не должны анализировать эту проблематику в современном мире, оставляя ее «политологам, культурологам, экономистам и юристам»<sup>1</sup>. Сознание ограничений собственной деятельности – важный этап становления профессии.

Подобный анализ идет в профессиональных кругах. Статьи, которые можно считать частью этой работы, публиковались в научных жур-

---

<sup>1</sup> Экштут. 2003. С. 94-95.



налах, в том числе и в «Диалоге со временем», некоторые входящие в эту проблематику вопросы рассматривались в работах Л.П. Репиной, Н.Е. Копосова, А.И. Миллера, не ослабевает профессиональная рефлексия в публикациях под редакцией Г.А. Бордюгова<sup>2</sup>. Стоит отметить, что схожие проблемы поднимают ученые-историки и в других странах мира, хотя нам сложно судить об их остроте в регионах, не претерпевших радикальных социальных потрясений в недавнем прошлом<sup>3</sup>.

В Волгограде с 2007 года также регулярно проходят научные семинары, целью которых является поиск ответа на вопросы, возникающие на пересечении исторической памяти, истории и политики – там, где общество задает вопросы, историки на них отвечают, а государство (иногда) пытается регулировать этот диалог. Преподаватели общественных и гуманитарных наук из Волгограда и других городов страны встречаются на один день за круглым столом, чтобы обсудить какой-либо аспект этой темы. В обсуждении традиционно принимают участие не только историки, но также философы, политологи, юристы; не только профессора, но и студенты, и школьные учителя. Эта разноголосица, на наш взгляд, очень уместна при обсуждении тем, затрагивающих интересы общества, власти и исторической науки. Материалы обсуждения с дополнениями публикуются в серии «Волгоградский исторический семинар».

Организаторы семинара видят в своих усилиях и еще один смысл. Всеобщая централизация, набирающая обороты в последние десятилетия, захватила и историческую науку. Историки, работающие в региональных университетах, постепенно теряют связь как с «передовой линией» собственного исследовательского поля, так и с обществом, в котором они живут<sup>4</sup>. Семинар призван оживить дискуссии о месте исторической науки в обществе, предоставляя слово ученым, работающим вдали от центров отечественной исторической мысли.

Первой рассмотренной проблемой стало изменение роли исторической науки в Восточной Европе после краха коммунистических режимов. С одной стороны, в 1990-2000-е годы историки региона впервые столкнулись с давлением глобализирующейся экономики, стремящейся снизить издержки на перевод и адаптацию товаров, услуг и трудовых навыков работников, и потому редуцирующей культурное разнообразие, включая снижение ценности национальных историй. С другой сто-

---

<sup>2</sup> См., например: Корзун, Рыженко. 2011; Володихин. 2012; Репина. 2011 (особенно главы 10 и 11); Копосов. 2011; Историческая политика...; Научное общество историков России...; Исторические исследования в России...; и др.

<sup>3</sup> См., например: Appleby, Hunt, Jacob. 1994; Foner. 2002; MacMillan. 2008.

<sup>4</sup> Подробнее см.: Курилла. 2010.

роны, новые национальные государства предприняли в этот период энергичные усилия по использованию истории в качестве инструмента формирования новых идентичностей. Эти процессы наложились на методологический кризис исторической науки в регионе, связанный с отказом от марксизма. Так исторический конструктивизм стал популярной методологией исторических исследований, и одновременно – прикладным инструментом в руках политиков. И именно методология исторического конструктивизма стала одной из центральных тем первого семинара, состоявшегося в Волгограде 12 декабря 2007 года при поддержке проекта компаративной истории Центральноевропейского университета (Будапешт, Венгрия)<sup>5</sup>.

Методологическая рефлексия, как часто случается, привлекла интерес не только историков, но также философов и политологов. В ходе семинара возникла полемика о возможностях и ограничениях конструктивистской парадигмы. Так, О.Ю. Малинова проследила судьбу ключевого для этой методологии понятия «идентичность» в публичном и научном дискурсе и предположила, что оно нуждается в переосмыслении, но не потеряло своей ценности в качестве инструмента исследования общества. А.А. Сергунин выступил с критикой применимости социального конструктивизма в исторических исследованиях, поскольку этот подход лишает историю как науку будущего. А.С. Макарычев проанализировал методологию М. Фуко, показав, как формируется «контрстория» и «биоистория» в терминах его концепции. И.И. Курилла попробовал описать основные нарративы отечественной истории, бытующие в российском обществе, а Н. Шахназарян показала, как конструируется история армян в Армении и в диаспоре, в школе и в семейных преданиях.

С.П. Рамазанов перевел разговор с конструктивизма на принципы исторического познания и их эволюцию в последние два века. По его мнению, принципы историзма, ценностного отношения, понимания, партийности, целостности, дополнительности, диалога на протяжении истории исторической науки сталкивались друг с другом, но в итоге происходило не взаимоуничтожение, а оптимизация этих принципов. Даже принцип партийности можно рассматривать как частный случай групповой аксиологической оценки, а дильтеевский принцип понимания стал частным случаем диалога.

В.А. Кутырев призвал историков «не стесняться быть традиционалистами», поскольку традиция есть иммунная система общества. Для историка, уверен автор, быть консерватором – профессиональный долг.

---

<sup>5</sup> Материалы семинара см.: Судьба исторической науки... 2009.

Ему возразил А.Л. Стризое, защищая принцип развития, дополняющий, с его точки зрения, принцип историзма. В ходе семинара были обсуждены и некоторые другие новые методологии, от достаточно маргинальных для исторической науки синергетики и тектологии (С.В. Любичанковский) до набирающей влияние в философских, социологических и исторических исследованиях концепции исторической памяти (А.В. Дахин) и новаторских представлений о зарождении гражданского общества в работах Ю. Хабермаса (М.В. Рядинская).

На следующем семинаре, состоявшемся 11 апреля 2008 года, обсуждалось использование истории в региональной политике. Начиная с этого заседания, волгоградский исторический семинар работает (и публикует материалы) при поддержке Института Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона (Вашингтон)<sup>6</sup>.

Региональная идентичность конструируется еще более грубо, чем национально-государственная. Каждая республика, край или область Российской Федерации в течение двух десятилетий прилагает к решению этой задачи немалые усилия, что связано как с политической повесткой дня местных элит, так и с задачами патриотического воспитания, школьного преподавания и, наконец, развития туризма. Наиболее четко это «строительство» прослеживается на примере историй родного края.

В докладе В.А. Шнирельмана были рассмотрены многочисленные, иногда анекдотичные, варианты региональных версий истории, возводящих местную идентичность к далекому и героическому прошлому. Автор особенно выделил интенсификацию символического освоения пространства окраинных территорий России, наполнение его «символами русскости» в качестве составной части битв за интерпретацию истории вхождения этих земель в состав Российского государства.

Выступления остальных участников семинара были сосредоточены на конструировании истории южных регионов России. Так, Д.В. Сень обратился к острой проблеме использования исторических аргументов в межэтнических конфликтах на Кубани и предложил политикам и историческому сообществу воздержаться от историзации ситуации, отказаться «от проведения каких бы то ни было исторических аналогий» и тем самым «деактуализировать содержание прошлых отношений сторон». Об опасности политизации «этноисторических мифов» говорил в своем выступлении и В.М. Викторин. М.А. Рыблова проанализировала роль казачьей идентичности в формировании региональной идентичности Волгоградской области. Исследовательница считает, что сознательное

---

<sup>6</sup> История края как поле конструирования... 2008.

подчеркивание особого социального статуса казачества с целью недопущения его самоопределения как этноса, объяснимое с точки зрения задач государства, ведет в то же время к воссозданию сословного деления, ушедшего, казалось бы, далеко в прошлое.

Тему казачества продолжил С.А. Кислицын, который рассмотрел проблему под углом зрения смены «красноказачьего» нарратива на «белоказачий», не имеющий, по его мнению, шансов на интеграцию в современное бессословное общество. А.А. Кусаинов и Е.В. Кусаинова обратили внимание на отсутствие в России феномена «исторических провинций», складывавшихся на протяжении веков; в нашей стране такие территориальные образования сознательно дробились, а сетка административно-территориального деления постоянно пересматривалась, что придает искусственность «опрокинутой в прошлое» истории любого региона, взятого в его сегодняшних границах. В докладе А.В. Цюрюмова была поставлена интересная проблема нарратива калмыков, народа, обретшего территорию в исторически недавнее время. История Калмыкии сегодня складывается из истории кочевого калмыцкого народа, преодолевшего тысячи километров в ходе кочевья из глубин Центральной Азии, и истории Нижней Волги, где он поселился в XVII веке.

Третий семинар, состоявшийся 21 апреля 2011 года, был посвящен функционированию памяти в современном российском обществе, а также «истории на площади»: роли памятников в сохранении или изменении исторической памяти сообщества<sup>7</sup>.

Самая очевидная роль памятников состоит в закреплении ценностей/интерпретаций, определенных обществом<sup>8</sup>. В стабильные времена, когда долго не меняются доминирующие интерпретации мира (дискурс гегемонии, если использовать терминологию Э. Лаклау и Ш. Муффа<sup>9</sup>), памятники становятся частью городского пейзажа, архитектурными приметами пространства. Если интерпретации не меняются в течение жизни нескольких поколений, то значительная часть памятников начинает играть роль напоминания о событиях и людях, актуальность которых больше не ощущается обществом. Это, вслед за П. Рикером, можно назвать «навязанной памятью»<sup>10</sup>, в которой доминирующая группа оп-

---

<sup>7</sup> Память и памятники... 2012.

<sup>8</sup> Наряду с памятниками способом закрепления точки зрения доминирующей политической силы являются санкционированные государством учебники истории, музейные экспозиции и принятие «мемориальных законов», устанавливающих «правильное» понимание истории.

<sup>9</sup> Laclau, Mouffe. 1985.

<sup>10</sup> См.: Рикер. 2004.

ределяет, что надо помнить, а о чем обществу лучше забыть. Но периодически в ткани исторической реальности случаются разрывы. Революционные эпохи меняют интерпретации и оценки. Что происходит в эти периоды с пространством символов? В зависимости от радикализма новых идей и новой элиты она либо сносит памятники и ставит свои (как вариант, восстанавливает памятники, снесенные в предыдущем цикле), либо устанавливает собственные памятники рядом со старыми.

В докладе И.И. Куриллы был обозначен разрыв между новой мемориальной идентичностью российской столицы и провинции: если большинство «советских» памятников в Москве были демонтированы, то в регионах страны они сохраняются. Это важный индикатор того, что вся память в России до сих пор оспаривается, и «места памяти» не означают бесспорных референтных точек, задающих историческую картину мира. Кроме того, автор считает нерешенным и вопрос о субъекте мемориализации: кто принимает решение об установке и сносе памятников – государство, общество, частные лица? Э.А. Паин обратился к теме исторической памяти как ресурса политических технологий, как главного атрибута символической политики в различных сферах, включая этническую. В качестве положительного примера использования этого ресурса для развития региона он привел Италию 1970-х годов.

А.И. Макаров глубоко проанализировал практику коммеморации в современном российском обществе и пришел к выводу о ее дисфункции, выраженной, в частности, в хаотичном изменении символического пространства городов в последние десятилетия. А.Ю. Клейтман показала, что память, в отличие от истории, «ориентирована не столько на сохранение, воспроизводство и актуальную оценку событий прошлого, сколько на поддержание конкретной идентичности здесь и сейчас». Однако, как мы видим, задачи истории в современном мире все теснее смыкаются с функциями памяти.

Несколько докладов было посвящено эмпирическим примерам коммеморации. Так, С.А. Простаков рассказал о «войнах памятников» в современной Украине, Н.Е. Абалмасова – о примерах сплочения локальных сообществ средствами «символического менеджмента», С.В. Мохов поделился результатами опроса московских студентов об их восприятии городских памятников. В сообщении А.В. Степновой содержался анализ деятельности нескольких последних мэров г. Волгограда по установке памятников.

Наконец, еще одним предметом обсуждения на семинаре стали альтернативные инструменты памяти: архитектурные памятники в со-

общении М.П. Назаровой, право (как мнемоническая техника) в докладе Ю.Ю. Ветютнева; создание «историй фабрик и заводов» как основа конструирования советской идентичности в 1920-1930-е гг. в тексте М.В. Кирсанова и А.Л. Клейтмана и мифология памяти в современном казачьем возрождении в работе О.В. Рвачевой.

Четвертый заседание семинара состоялось 26 апреля 2012 года и было посвящено школьным учебникам истории<sup>11</sup>. Участники семинара обсудили проблемы, волнующие профессиональных историков, учителей, родителей. Кто должен решать, что именно будет содержать школьный учебник истории? Какова роль авторов, федеральных и региональных органов управления образованием, издательств, учителей в написании и отборе учебников? Насколько учебник истории должен формировать у школьника представление о господствующем в обществе «историческом нарративе», а насколько – объяснять ему основы исторической науки? Как определять усвоение школьником программы по истории? Как должен соотноситься единый учебник истории России с учебниками истории отдельных регионов страны? Что делать с неизбежными противоречиями? Наконец, насколько важен учебник в сегодняшнем мире, где потоки информации в СМИ и сети Интернет многократно превосходят объемы, заложенные в книгу? Все эти вопросы оказались в центре обсуждения участников.

Среди тем, которые могут стать основой последующих обсуждений, – «время праздников» (как и кто «придумывает» памятные даты и исторические праздники, почему одни из них приживаются, а другие – нет, что именно и каким образом празднуется в разных городах и регионах страны, как соотносятся празднования и поминовение, и пр.).

Изучение места исторической науки в современном мире приводит к выводу о падении ее роли в формировании исторического сознания общества. Часть причин лежит в изменениях окружающего мира, что требует от историков обновления методов взаимодействия с молодым поколением. Другая же группа причин связана в нашей стране с недостаточной самоорганизацией профессионального сообщества. Нам представляется, что многие проблемы в отношениях историков и общества коренятся в отсутствии авторитетной институции, способной «говорить от имени историков», или, чаще, «санкционировать» выступление историков, подтверждая их профессиональную репутацию.

Создание такой ассоциации может быть результатом решений «сверху», но более прочной она станет лишь в том случае, если будет

---

<sup>11</sup> Кто боится учебника истории?... 2012.

результатом кристаллизации профессиональных инициатив «снизу», связывающих научное сообщество во множество сетей. Волгоградский исторический семинар может стать одной из составляющих этого процесса. Однако это уже другая тема.

#### **БИБЛИОГРАФИЯ**

- Appleby J., Hunt L., Jacob M.* Telling the Truth about History. New York, 1994.
- Foner E.* Who Owns History? Rethinking the Past in a Changing World. N.Y., 2002.
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy. L.: Verso, 1985.
- MacMillan M.* Dangerous Games: The Uses and Abuses of History. N.Y., 2008.
- Володихин Д.М.* «Тяжелое дело – писать легко...». Адресат высказываний современного российского историка // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 343-352.
- Историческая политика в XXI веке: Сборник статей / Науч.ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012.
- Исторические исследования в России – III: Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г. Бордюгова. М., 2011.
- История края как поле конструирования региональной идентичности / Под ред. И.И. Куриллы. (Волгоградский исторический семинар. Вып.1). Волгоград, 2008.
- Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.
- Корзун В.П., Рыженко В.Г.* Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 24-44.
- Кто боится учебника истории? (Волгоградский исторический семинар. Вып.4). Волгоград, 2012.
- Курилла И.И.* Историк в региональном вузе на перекрестке сообществ // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Вып. 1 Историческая наука в современной России. С. 40-46.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред. Г. Бордюгова. М., 2011.
- Память и памятники / Под ред. И.И. Куриллы. (Волгоградский исторический семинар. Вып.3). Волгоград, 2012.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
- Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004.
- Судьба исторической науки в современной Восточной Европе / Под ред. И.И. Куриллы (Волгоградский исторический семинар. Вып.2). Волгоград, 2009.
- Экитут С.* Битвы за храм Мнемозины. СПб: Алетейя, 2003.
- Курилла Иван Иванович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Волгоградского государственного университета, [kurilla@yandex.ru](mailto:kurilla@yandex.ru)

## SUMMARIES

---

**K.K. SOULTANOV. The self-sufficiency of diversity, or a dialogue of differences? (A Search for a new model of cultural interaction).** The Soviet-period crisis of national and cultural identity was transformed into a crisis of intercultural communication of the post-Soviet era. The concept of 'unity in diversity' that has long been present in the world discourse of humanities was pushed into periphery of scholarly interests as a hostage of the ideological connotations of the past. In the practice of literary studies the widening semantic gap between ethno-cultural and communicative approaches led to the narrowing of the analysis of multi-dimensional semantics of a work of fiction. The change of social and political contexts and the growing methodological demand for the full description of cultural and literary dynamics require the rediscovery of the principle of dialogical interaction in the current conditions of the post-Soviet cultural diversification. The author concludes that it is necessary to problematize intercultural dialogue as a resource of self-identification and a generator of new meanings. It is argued that the idea of dialogism does not need to be postulated as an axiom once again but rather requires an innovative impulse within a particular literary, historical and cultural context.

**Keywords:** *dialogical principle, self-identification, cultural otherness, integration of differences, communicativeness, integrative values.*

**A.A. PAVLOV. Roman concepts of the tribunate of the plebs: M. Terentius Varro.** The Roman institution of the tribunes of the plebs that was turned into a concept of the tribunate of the plebs by the political philosophy of the Enlightenment and the Modern period had been discussed already by Roman historians of the 1<sup>st</sup> century BC. who formulated a number of related theories. One of them is to be found in the works by a Roman antiquary and grammarian Mark Terentius Varro who saw the tribunate of the plebs as a structural part of magistracy, although the lowest one from the point of view of the *honores*, whose function was to protect the plebs.

**Keywords:** *tribunate of the plebs, Roman antiquarian historiography, M. Terentius Varro*

**N.A. POLIKARPOVA. Constructions of the concepts of the ideal masculinity and the death in philosophical works by Lucius Annaeus Seneca.** Contradictions in socio-political and moral foundations of the regime of the early Roman Empire (the Principate) made for the popularity of the moral doctrine of Stoics with Roman intellectual elite. The attention of the most important philosopher of late Stoicism, Lucius Annaeus Seneca, was focused on the search for the stability of a society through the revival of the views of the hegemony of masculinity shaken by the growing activity of women. The ability to defy death, in Seneca's opinion, was another indispensable condition that enabled a society to move forward. мысли Сенеки, также являлась непременным условием, обеспечивавшим движение социума к новому состоянию.

**Keywords:** *Seneca, death, ideal, masculinity, femininity, the Principate*

**I.I. LISOVICH. Teacher and pupil: towards the acquisition of subjectness.** The article analyses rhetorical strategies that enable the agents of secondary inculturation to appropriate functions and rights of the agents of the primary inculturation through the vitalist discourse. The object of study is the relationship 'teacher – pupil' as the most marginal one for the European culture of the pre-industrial period since it could demonstrate the ultimate use of the vitalist discourse inserted into a number of hierarchies including religious, political, social and gender ones.

**Keywords:** *teacher, pupil, subjectness, inculturation, vitalist discourse, Ovidius, Héloïse, Peter Abélard, John Donne.*

**K.I. SHNEYDER. Early Russian liberalism: «left-wing» and «right-wing» criticism.** The article considers the critical literature directed against the representatives of early Russian liberalism of the mid-XIX century. The author seeks to define the features of democratic and conservative



critics of domestic liberalism. Particular attention is paid to the interpretation of the motivational component in the concepts of the opponents of Russian liberals and to explain the causes of heated discussions between representatives of various areas of social thought in Russia on the eve of and during the Great Reforms.

**Keywords:** Russian liberalism, criticism, community, aesthetics, ethnicity, democracy.

**L.A. FADEEVA. Discussions on intellectuals in the context of the Western political history.** The article is dedicated to the main points and turns of the discussion on intellectuals in the Western countries, definitions, interpretations and meanings of intellectuals and their role and mission. The author characterizes factors that provoked and activated the discussion in the context of political history of the 19<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> centuries. She emphasizes the Western political context of the discussion but at the same time she uses the comparative analysis describing the views and opinions of the intellectuals who adhered to different political values.

**Keywords:** intellectuals, intelligentsia, intellectual class, responsibility, mission, discussions.

**V.A. FILIMONOV. The historians of classical antiquity – authors of the Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary – in the communicative field of N.I. Kareyev.** N.I. Kareyev (1850–1931) headed the historical department of the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary and created an academic community of leader's type that made a valuable contribution into the popularization of historical knowledge. The author analyses the articles on the history of the Ancient world published in the Dictionary, as well as the process of the creation of the community of the contributors; and the latter's careers.

**Keywords:** N.I. Kareyev, the Brockhaus and Efron Encyclopedia, field of communication, the classical studies in Russia.

**E.A. GRIGORYEVA, A.A. KOUZNETSOV. A Historian Nikolay Petrovich Sokolov: new information for the scholar's biography.** The article presents a biography of N.P. Sokolov. The authors used new materials from the archives of Nizhny Novgorod, memoirs, the letters of the historians and his colleagues. The article demonstrates the making of the scholar (Nezninsky institute, the University of St Petersburg), his coming back to academic studies after a long deprivation. The authors presents information on Sokolov's research work and teaching at Gorkiy (Nizhny Novgorod).

**Keywords:** N.P. Sokolov, S.I. Arkhangelsky, N.I. Kareyev, University of St Petersburg, University of Gorkiy, Gorkiy (Nizhny Novgorod).

**L.P. REPINA. «Bridge between the past and the future», or on the metaphor of memory.** When addressing the problems of historical memory in a political context and dealing with it pragmatically historians usually focus their studies on various aspects of the 'use of the past' or the 'rhetoric of memory' as well as on competing memorial practices. The author suggests that a synthesis of pragmatic and cognitive approaches is needed, and analyses the conceptualization of the notions of historical memory and historical consciousness.

**Keywords:** historical memory, the politics of memory, cognitive approach, metaphor, image, concept.

**D.E. MARTYNOV. The views of historical time in the traditional Chinese culture of the Han period.** The article discusses the approaches to historical time in the Chinese thought of the Han period by analyzing the works of two outstanding thinkers of that era. Dong Zhongshu began the legitimation of the rule of the Han dynasty and inserted Confucian moral and political doctrine into the system of traditional Chinese ideas of society and nature. He Xiu turned the concept of the 'three epochs' by Dong Zhongshu into an ascending social evolutionary line.

**Keywords:** Confucianism, Han dynasty, Dong Zhongshu, He Xiu.

**O.I. KHORUZHENKO. Genealogy as the construction of family memory. The textual analysis of the genealogies of Princes Volkonsky in the 16<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup> cc.** The article presents a textual analysis of the genealogies of Princes Volkonsky. The author addresses the problem of the construction of family memory; it is shown that the career rise of the members of the family led to the development of new constructions that were to position the history of the family in the society.

**Keywords:** *social memory, genealogy, textual analysis, the Volkonsky family.*

**M.M. GORELOV. Historical crises in the Early Modern English historiography: Polydore Vergil.** The article analyses the reflection of the historical past of England in the works by Polydore Vergil, an Italian scholar and humanist, commissioned by the first Tudors. The work by Polydore Vergil began the synthesis of the Renaissance style of history writing with the traditions of English chronicles. It responded to the demand for a new interpretation of national history.

**Keywords:** *Polydore Vergil, the Tudors, Renaissance, humanism.*

**S.A. EREMEYEVA. Dangerous practice: academic obituary in Russia in 1928.** The infiltration of academicians-communists into the Academy of Sciences in 1928 allowed the government to control the Academy. The accident with the academician Zhebelev took place during the time of elections in the Academy. His publication in a scientific journal in Prague was seriously criticised, in spite of the fact that the publications of this kind had been a widely-accepted practice. The key point here is that the article in question was an obituary. In those days in academic society, obituaries were a tradition of communication and commemoration, cementing scientific community. It was the destruction of the invisible and poorly controlled structure of this community that the government was aiming at. That was the only way to control the science and ensure the obedience of the scientists.

**Keywords:** *obituary, academic community, communication practices*

**M.TS. ARZAKANYAN. André Malraux and the USSR in the 1930s.** The author focuses the study on one of the most interesting periods of life and activities of the French writer André Malraux – his relationships with representatives of the artists and intellectuals of the young Soviet state. The subjects introduced through the memories of the writer and documents from Moscow archives.

**Keywords:** *André Malraux, USSR, Soviet writers, fiction, cinematograph, creativity.*

**T.V. CHOUMAKOVA. Preparation for the 1937 census: the making of the map of religions in the USSR.** The author analyses the preparation for the 1937 census in the USSR. For the first time in the Soviet history the question about one's religious allegiance was posed to respondents, and a reference book on the religions in the USSR was prepared. In fact scholars created a 'map' of religions that helps to imagine variety of religious practices in the USSR in the mid-1930s. The appendix to the article presents the 'Systematic index of faiths (religions)'.

**Keywords:** *freedom of conscience, anthropology of religion, Stalin's repressions, history of statistics, history of science, history of religion.*

**S.V. EREMIN. The functioning of the system of the Soviet foreign policy propaganda in 1930s – 1941.** Propaganda turned into an effective diplomatic tool of the Soviet government during the interwar period. The system of foreign policy propaganda could not work efficiently without information on domestic and foreign policies of other countries. The use of archival documents enables one to analyze the forms and methods of acquisition and use of the information from abroad by the Soviet state and party structures in 1930s – 1941.

**Keywords:** *propaganda, diplomacy, Bureau of international information, the Communist international, the Telegraph Agency of the Soviet Union*

**A.I. FEDORETS. The members of the Moscow merchant families in the late 18<sup>th</sup> – early 19<sup>th</sup> c. in the confession lists (the Tretyakov family).** The article is focused on the history of the well-known merchant family of Tretyakovs; it is shown that confession lists provide unique information about religious activities of the Moscow merchants, their places of living, links to a particular parish, the inhabitants of a household etc. The limitations of the use of confession lists as a source for the history of merchants are also demonstrated. The author concludes that the analysis of confession lists enables one to find new information on several generations of the Moscow merchants.

**Keywords:** Source studies, the Tretyakov family, the Moscow merchants, confession materials, parishioners.

**S.V. GOLIKOVA. «She was seen as the plague incarnate...»: The representations of infectious diseases as mythological images by the people of the Urals region in the second half of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> cc.** The article analyses mythological images of infectious diseases in the context of the production of popular medical knowledge. Epidemiological situation and the official measures against infectious diseases led to the rise of new characters in the Urals pandemonium. It is demonstrated that they emerged as a result of interaction between tradition, personal experiences and the responses of culture to the challenges of Modernity.

**Keywords:** production of knowledge, epidemiological situation, epizootic, diseases, tradition, mythological characters.

**V.G. ANANIEV. A Study of museum audience in 1920s: archival sources.** The article deals with the studies of museum audience in the USSR in the mid-1920s. The author uses new archival material, the proceedings of the meetings of the Museum Section of the Sociological Committee of the State Institute of the History of Arts, and clarifies certain points concerning such studies in the Russian State Museum, the attitudes of the professional community towards them, and their importance for the development of Russian museology.

**Keywords:** museum, museology, museum audience, archival source, museum language, communication.

**N.N. NICOLAYEV. Political and social advertising in the public life of Russian emigration in the 20<sup>th</sup> century.** The article analyses the main types and forms of political and social advertising that were created by Russian emigrants in different countries and world regions. Article examines a role of advertising and publicity in the activity of Russian social and political movements abroad in the 20<sup>th</sup> century in their opposition to Bolshevik regime; shows the using of social advertising by the emigrants' charitable organizations. Author indicates the significance of political and social advertising in the conservation of cultural identity in Russian foreign diasporas.

**Keywords:** Russian emigration, Russian America, advertising, journalism, periodical literature, charity.

**I.I. KURILLA. Historical seminar in Volgograd.** The article contains the review of the Volgograd Historical Seminar proceedings. The seminar is devoted to the analysis of the interaction between History as a discipline and society. The author considers such initiatives important for historical community, as well as for promotion of humanities in the Russian regions.

**Keywords:** methodology, history, history in the regions, history and society, historical politics.

# CONTENTS

---

---

## *Dialogue of Cultures and Civilizations*

*K. K. Soultanov*

- The self-sufficiency of diversity, or a dialogue of differences?  
(A Search for a new model of cultural interaction)..... 5

## *Intellectual History Today*

*A. A. Pavlov*

- Roman concepts of the tribunate of the plebs: M. Terentius Varro..... 25

*N. A. Polikarpova*

- Constructions of the concepts of the ideal masculinity and  
the death in philosophical works by Lucius Annaeus Seneca..... 47

*I. I. Lisovich*

- Teacher and pupil: towards the acquisition of subjectness..... 71

*K. I. Shneyder*

- Early Russian liberalism: “left-wing” and “right-wing” criticism..... 91

*L. A. Fadeeva*

- Discussions on intellectuals in the context of the Western political history... 108

*V. A. Filimonov*

- The historians of classical antiquity – authors of the Brockhaus and Efron  
encyclopedic dictionary – in the communicative field of N.I. Kareyev..... 139

*E. A. Grigoryeva, A. A. Kouznetsov*

- A Historian Nikolay Petrovich Sokolov:  
new information for the scholar’s biography ..... 165

## *Time – History – Memory*

*L. P. Repina*

- «Bridge between the past and the future», or on the metaphor of memory.... 181

*D. E. Martynov*

- The views of historical time in the traditional Chinese culture  
of the Han period..... 191

*O. I. Khoruzhenko*

- Genealogy as the construction of family memory. The textual analysis  
of the genealogies of Princes Volkonsky in the 16<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup> cc..... 203

*M. M. Gorelov*

- Historical crises in the Early Modern English historiography:  
Polydore Vergil..... 235

## *History of the XX century*

*S. A. Eremeyeva*

- Dangerous practice: academic obituary in Russia in 1928..... 257

*M. Ts. Arzakanyan*

- André Malraux and the USSR in the 1930s..... 284

<i>T. V. Choumakova</i>	
Preparation for the 1937 census: the making of the map of religions in the USSR.....	296
<i>S. V. Eremin</i>	
The functioning of the system of the Soviet foreign policy propaganda in 1930s – 1941.....	317

### *In the Space of Social History*

<i>A. I. Fedorets</i>	
The members of the Moscow merchant families in the late 18 <sup>th</sup> – early 19 <sup>th</sup> c. in the confession lists (the Tretyakov family)....	341
<i>S. V. Golikova</i>	
«She was seen as the plague incarnate...»: The representations of infectious diseases as mythological images by the people of the Urals region in the second half of the 19 <sup>th</sup> – early 20 <sup>th</sup> cc.....	358
<i>V. G. Ananiev</i>	
A Study of museum audience in 1920s: archival sources.....	367
<i>N. N. Nicolayev</i>	
Political and social advertising in the public life of Russian emigration in the 20 <sup>th</sup> century .....	374

### *Research Life*

<i>I. I. Kurilla</i>	
Historical seminar in Volgograd.....	383
Summaries.....	392
Содержание.....	398

# СОДЕРЖАНИЕ

---

---

## *Диалог культур и цивилизаций*

*К. К. Султанов*

Самодостаточность многообразия или диалог различий?

В поисках новой модели

межлитературного и межкультурного взаимодействия..... 5

## *Интеллектуальная история сегодня*

*А. А. Павлов*

Римские концепции плебейского трибуната: Марк Теренций Варрон..... 25

*Н. А. Поликарпова*

Конструирование представлений об эталонной маскулинности и смерти  
в философских произведениях Луция Аннея Сенеки..... 47

*И. И. Лисович*

Учитель и ученица: к обретению субъектности..... 71

*К. И. Шнейдер*

Ранний русский либерализм: критика «слева» и «справа»..... 91

*Л. А. Фадеева*

Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада... 108

*В. А. Филимонов*

Антиковеды – авторы «Энциклопедического словаря  
Брокгауза и Ефрона» в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева..... 139

*Е. А. Григорьева, А. А. Кузнецов*

Историк Николай Петрович Соколов  
(новые данные к биографии ученого) ..... 165

## *Время – История – Память*

*Л. П. Ретина*

«Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти..... 181

*Д. Е. Мартынов*

Представления об историческом времени  
в традиционной культуре Китая в Ханьскую эпоху ..... 191

*О. И. Хоруженко*

Родословие как конструкция родовой памяти текстология  
родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв..... 203

*М. М. Горелов*

Исторические переломы прошлого в английской историографии  
раннего Нового времени: Полидор Вергилий..... 235

## *Из истории XX века*

*С. А. Еремеева*

Опасное дело: практика академического некролога в России в 1928 году.... 257

*М. Ц. Арзаканян*

Андре Мальро и Советский Союз в 30-е годы XX века..... 284

<i>Т. В. Чумакова</i>	
Подготовка к всесоюзной переписи 1937 г.– создание карты религий СССР.....	296
<i>С. В. Еремин</i>	
Механизмы функционирования системы советской внешнеполитической пропаганды в 1930-е –1941 гг.....	317

### ***В пространстве социальной истории***

<i>А. И. Федорец</i>	
Представители московского купечества последней четверти XVIII в. – второй трети XIX в. по материалам исповедных ведомостей (на примере рода Третьяковых)....	341
<i>С. В. Голикова</i>	
«Ее сочли за олицетворенную чуму...»: репрезентация заразных болезней в мифологических образах жителями Урала второй половины XIX – начала XX века .....	358
<i>В. Г. Ананьев</i>	
Изучение музейной аудитории в 1920-е гг. (по архивным материалам).....	367
<i>Н. Н. Николаев</i>	
Политическая и социальная реклама в общественной жизни российской эмиграции XX века.....	374

### ***Научная жизнь***

<i>И. И. Курилла</i>	
Исторический семинар в Волгограде.....	383
SUMMARIES.....	392
CONTENTS.....	396